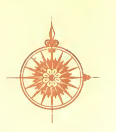
1978

На суше и на море



на суше и на море

1978

Путешествия
Приключения
●
Фантастика

НА СУШЕ И НА МОРЕ

Факты
Догадки
Случаи
●

повести
рассказы
очерки
статьи

на суше и на море

Москва «Мысль» 1978

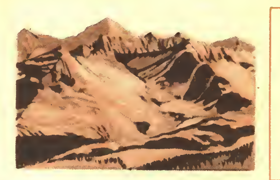
С61
Н12

РЕДАКЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Оформление художников А. Ф. СЕРГЕЕВА
и Л. А. КУЛАГИНА

$$Н\frac{20901\text{-}116}{004(01)\text{-}78}181\text{-}78$$

Путешествия Приключения



Перевал

Повесть

Николай Коротеев

I

Очень не понравилось механику Лютову предложение Павла Сергеевича Сидорова, начальника одной из мехколонн на строительстве Байкало-Амурской магистрали.

«Конечно, дело почетное,— рассуждал Лютов,— быть командиром колонны бульдозеров, которые протащат по бездорожью на перевал экскаватор «Ковровец». Даже славное дело. И денежное — само собой...»

Но слишком живыми оставались в душе механика воспоминания о первом, осеннем походе по этому пути. Наломались — ладно, привычная вещь. Но ведь едва не попали под лавины. Правда, сейчас весна, но коли запуржит, тоже ой как солоно придется.

И непонятно было, почему Пал Сергеевич не приказывает, а просит...

— Какой я начальник? — морщась, протянул Лютов. Хитрые глазки его исчезали меж пухлых, ярко-красных щек, с которых недавно слезла шелуха обмороженной кожи, и нависших кустистых бровей. И тогда на всем лице Лютова главенствовал тоже ярко-красный нос сапожком, чрезвычайно подвижный, даже выразительный, можно сказать.

— Я-то думал обрадовать тебя повышением, а ты носом крутишь.

— Кручу, Пал Сергеевич, кручу. С детства за мной эта особенность водится. Все ребята смеются, а вы меня в начальники.

— Договорились вроде, а ты снова за старое,— улыбнулся Павел Сергеевич, откинувшись к стенке вагончика. Закуток за небольшим канцелярским столом был мал для дородного, одетого в телогрейку начальника мехколонны. Павел Сергеевич вроде бы маялся: то налегал на столешницу, то откидывался к стене.— Только время теряем, Лютов.

— Да я пришел к вам пять минут назад! — лицо Лютова вытянулось, и на Сидорова глядели округлившиеся небесного цвета глаза.

— А сколько я сам с собой спорил, прежде чем пригласить тебя? Не знаешь?

Лютов рассмеялся и спрятал глаза:

— Кто бы с вами спорил да носом крутил, если б асы пошли! Я и рядовым бы согласился.

— Ишь ты, нерпа байкальская! Абориген нашелся. Я-то тебя, когда ты в сосунках да салагах ходил, взял с собой бить зимник к перевалу! — Сидоров оторвался от стены и налег всем телом на столик, который вроде хрустнул от напора.— Взял!

— Так это вы! — Лютов снова вытаращил на начальство круглые глаза.

— А меня год назад на Байкальскую трассу Перемогин согласился взять. Так-то! Не боги горшки обжигают.

— Это у него получается...— кивнул Лютов и перевел взгляд с начальства за оконце вагончика-конторки. Там, за расчищенной поляной, нестерпимо искрящейся снегом, раскинулся урман, таежная глухомань, над которой в отдалении вздымались горные оснеженные увалы на фоне ясного неба. Склоны их выглядели гладкими. Наст прикрыл морщины распадков и каменистых круч, ровненькими выглядели конусы. Навела зима на них камуфляж.

— Чего ж замолчал? — нетерпеливо спросил Сидоров.

Шмыгнув носом-сапожком, Лютов продолжал смотреть в оконце, словно прикидывал что-то.

Павел Сергеевич знал: Лютов любил и погримасничать, и прибедниться. Да ведь это мелочь по сравнению с его целеустремленным упрямством, выдержкой и сметкой рабочего человека, которую он проявил при прокладке на перевал злополучного зимника. Злополучного, собственно, лишь потому, что Сидорову — вот как он сам теперь Лютову — поручили пробить зимник по крокам старой тропы, оставшейся от изыскателей БАМа, работавших здесь еще в начале тридцатых годов.

А на исходе ноября они по стуже, прохватившей землю и реки, мари и топи высоких болот на склоне, доставили к перевалу, к началу будущего тоннеля, горное оборудование. Предполагалось, что раньше следующей зимы экскаватор на перевале не потребуется. Однако комсомольский десант, доставленный вертолетами, взялся за дело с таким усердием, что в планы вошла немаловажная поправка. Экскаватор потребовался намного раньше — предположительно в начале лета. Доставить же его на перевал по раскисшим хлябям и думать было нечего. Переправить многотонную машину — «Ковровец» через болота, реки и речушки невозможно.

В межсезонье перетащить экскаватор целиком тоже нельзя. Еще перед доставкой «Ковровца» в мехколонну — тоже по зимнику — от конечной железнодорожной станции стрелу с ковшом сняли и везли на отдельном трайлере, как и сам экскаватор. В таком положении его и оставили для перевозки по таежному бездорожью. Делать это нужно было как можно скорее — торопила, подгоняла весна, на хвосте сидела. Дни становились все длиннее, солнце припекало все старательнее. Вагончики, кромки крыш мастерских вечером обвисали гирляндами сосулек, которые со звоном осыпались к полудню, и начинала бить спорая капель. По опушке вокруг комлей вытаяли в сугробах глубокие, до земли, лунки...

 — Почему все-таки я, Павел Сергеевич? — прервал наконец

затянувшееся молчание Лютов.

— «Почему» да «почему»... А почему — нет?

— Не зря же вы, как говорите, два часа думали.

Сидоров вздохнул, перешел к главному, думать о котором было неприятно:

— Не зря, не зря... Помнишь наш последний рывок к перевалу?

— Это когда ветер сорвался с цепи и нас едва не сбросило со склона? Помню. Еще Петькин бульдозер на камень сел. Ветер выдул из-под траков снег, а под брюхом у машины обломок скалы. Хорошо — успели щебня подсыпать под гусеницы, а то бы пурга машину что на кол посадила.

— И мы двинули напролом вверх.

— Что было делать? Погибать?

— Погибнуть-то мы не погибли бы... Вряд ли...

— Как знать, Пал Сергеич, как знать.

— Ты меня, Лютов, не передразнивай, не передразнивай.

Лютов спрятал в щелочках век голубизну глаз:

— Я и предложил идти напролом. Не по руслу речки-слаломистки. Помните, мы ее, речку, так и прозвали слаломисткой? Ишь ведь, как круто разворачивает она русло на склоне! Да и не только пурга надоумила так идти. Озверели мы от усталости.

— Хорошо, что ты понимаешь это «озверели». Очень важно! Я к тому, чтоб теперь не рвались вперед понапрасну, не спешили, правильно распределили силы на участках... Хотя противником у вас будет весна. Погонялка сильная, штука серьезная. И все ж постарайтесь пройти склон под перевалом, не по нашему старому пути. Сдерете вы всю почву, весь травяной покров и кустарник в пойме... И, чего доброго, пустите речку-слаломистку по новому крутому руслу. Тогда — беда...

«Вот в чем соль! — воскликнул про себя Лютов.— Он думает: не натворили ли мы непоправимого еще поздней осенью, а точнее — уже зимой...» — и сказал вслух:

— Если в первый раз не содрали...

— Там, на склоне, теперь обильное таяние снегов началось. С метеостанции сообщили. Если мы ненароком перерезали путь реки... Каньон через год, через два будет... Если река напрямик пошла...

— «Если», «если»... Чего ж вы, Пал Сергеич, на меня такую ношу взваливаете? — Лютов потупился, потер о промасленные колени ватных штанов вспотевшие ладони.— Если новой дорогой идти — пробивать ее надо... А где? Если старой... Теперь нечего о ней говорить... Беду на весь участок, на всю речную долину можем обрушить. А мне даете несмышленый народ. Что же мне там на месте лекции по охране природы им читать?

— Я ведь на всякий случай говорю. Понимаешь, на всякий случай. Зимой почва, как камень, и снег вроде амортизатора. Много его намело, мы словно траншею пробивали. Тут ведь важно, чтоб ты сам все понимал. Сердцем. Приказать тебе никто не прикажет... Стройка. Сам, брат, понимай. Да и трудно приказывать. Иного-то пути может просто не быть.

— Хоть бы уж не говорили всего...— Лютов опустил глаза, соображая, что тут не в приказе дело, а в совести.

— А что б ты обо мне там подумал?.. Когда своими глазами увидишь? А я смолчал бы о своих мыслях? А? Вот то-то и оно...

Лютов достал из кармана сигареты, но, покосившись на Павла Сергеевича, сунул пачку обратно.

— Кури,— махнул рукой Сидоров.— Ну побьет малость кашель... Отдышусь... Кабы не эта напасть, черт бы меня заставил в начальники пойти. Говорили — здесь воздух другой, мол, отстанет совсем хвороба, а она вроде пуще... Да ты кури, кури.

— Я по привычке... Потерплю,— вздохнул Лютов, снова посмотрел в окошко вагончика.— Почему все-таки я?

— Потому что ты понимаешь то, о чем мы говорили. Это у тебя в сердце, не просто в мозгу, как бывает после лекции. А чертовски поработав, человек становится чертом и творит черт те что.

— Так я же предложил идти напролом!— рассердился Лютов.

— Но ты рассказал мне и о старухе. О твоей бабке-знахарке, о Марфе.

— Не бабка она была мне!

— Ты не кипятись. Ты, Лютов, не ерепенься. Бабка не бабка — это пустяки. Я знаю одно — ты понимаешь, что произошло или может произойти там, на склоне.

— Лучше бы не понимать!— проворчал Лютов.

— Машины я уже осмотрел,— сказал Сидоров.— Нужное сделано. Не беспокойся, Антон. На тебя я надеюсь, как на каменную стену.

II

«Бывает же так,— думал после ухода Лютова начальник мехколонны,— вспомнит человек что-то свое, глубоко личное, давнее для себя, а, оказывается, оно и для других важно, за душу берет, не идет из головы. Не знай я истории, рассказанной Лютовым еще зимой там, на перевале, не отправил бы его теперь старшим, потому что не был бы уверен — человек этот сделает все как надо, по совести...»

Тогда на перевале три дня мела пурга, и каких только разговоров и рассказов не пришлось Сидорову услышать и самому припомнить в продуваемой насквозь палатке. Теперь уже многие из памяти вылетели, а Лютовская жила. И не просто хранилась, а при каждом возвращении к ней словно украшалась им самим, Сидоровым; обнаруживались в ней новые грани, ранее неприметные. Теперь в памяти Павла Сергеевича история, рассказанная Лютовым, складывалась так:

— Станция наша лесная,— тихим говорком сыпал обычно немногословный Антон.— Сойдешь с поезда — ни души вокруг. Будочка-вокзал. В нем начальник, что выходит только проводить состав, да кассир. Я осмотрелся, стараясь приметить новое в родных местах, узнать старое. Сердце мое билось так, словно не спрыгнул я всего-навсего с подножки вагона, а пробежал десяток километров.

Березку, росшую около здания, я помнил тоиеиькой, чахлой; за годы моей службы иа флоте оиа выросла, стала высокой. Старый лес по стороиам железиодорожного полотиа вроде бы не изменился вовсе. Может быть, высокие хмурые ели сделались мрачиее, а может, они выглядели такими рядом с развеселыми, по-осеннему пестрыми, как курортницы, осинами.

Служба моя проходила иа Чериом море, а только отдыхающие, глядя на него с пляжа, считают его ласковым. Мы, пограничники, да еще рыбаки зиаем, какое оио, когда в зимние шторма вся команда обрубает с лееров, палубы и такелажа лед толщнной с весельиый валек, борясь за плавучесть судна. А рулевой в тулупе до пят вмерзает в мостик. Я-то и был таким рулевым.

Служил я иеплохо, ио, когда заходила речь об отпуске, побывке, со миой иепременно случалось что-то иеприятное, и комаидир иашего катера, капитан-лейтеиант Березии, со вздохом убирал рапорт по команде в нижний ящик стола. Так передавал мне иаш помполит. Я ему верю.

В письме к своим родным и близким я сообщил, когда примерио демобилизуюсь и приеду домой, ио телеграммы не посылал, и мой приезд был иеожиданным.

Теперь я стоял у обочины железиодорожного полотна с чемоданчиком в руке, глядел иа игрушечиое здание красио-белого вокзала, повзрослевшую березку, цветастые осины и серьезиые ели, которые будто сторонились столь бесшабашиых соседей.

Из леса тянуло грибиым духом, листопад еще не иачинался по-иастоящему.

Все кругом выглядело мягко и ясио.

На полустанке никто из поезда ие вышел. Это меня ие удивило. Тоиька, моя младшая сестра, давио писала, что с той поры, как наш иебогатый колхоз стал отделением соседиего совхоза, никто в будни ие ездил в город иа базар.

Раздумывая о разиом, я приближался к родному селу.

Лес был не густой, хорошо ухоженный, прореженный, с крепким здоровым подлеском. В ием было светло и как-то задушевио. Не мерцали блики на листьях, и хвоя не сверкала.

Деревня иаша стоит иа взгорье. Сразу у последнего дома, в котором жила Марфа-ведьма, иачинается склои. И вот по этому склону, наискось, и пролег проселок, выбитый во время войны танками, чтоб сократить путь до соседнего села. У дорог тоже свои судьбы. И раз оиа была проложена, то пользовались ею все. Собирались закрыть с году на год, ио дальше разговоров дело ие шло. Привычка.

Весенние воды и осеиние потоки выдолбили по правой обочине дороги, обращеииой к подножию холма, глубокие рытвины-каиавы — начало оврага, который мог превратить в иепригодиые для обработки гектаров пятьдесят отличной пахотиой земли. Немало есть таких дорог, польза и вред которых признаются всеми, однако порой людям кажется, что пользы больше, и бытует еще поговорка: «На иаш век хватит». Ну что такое пятьдесят гектаров, если чуть поодаль лежат пока втуие сотни га?

Впрочем, не свои слова говорю, ие свои мысли высказываю, а Марфииы, которую ведьмой звали. Но эти слова стали и моими, и

моими делами должны были стать. Да и где старухе силы взять, чтобы прекратить движение по оживленной дороге между нашим и соседним селом.

Вот и елочки. Они совсем не подросли. Может, самую малость.

Присел я, заглянул под ветви — точно: есть белый. Будто с выставки. Крупный, на полной, в виде колонны, ножке, с аккуратно посаженной шляпкой.

Вдруг что-то отвлекло мое внимание. Я огляделся. И увидел лес преображенным. Не сразу понял, в чем дело. Листья сверкали солнечными бликами, искрилась хвоя. Весь лес наполнился светотенью. Ровный рассеянный свет исчез. Я поднял глаза и увидел солнце, освобожденное от пелены облаков. Оно было не жарким, но по-осеннему слепящим, потому что плыло невысоко.

Поодаль, в слиянии и трепете бликов и теней, мне почудилось, будто увидел я ползущую меж кустами на четвереньках Марфу-ведьму. Так за глаза звали старуху. Жила она бобылкой, выглядела страшнее бабы-яги, и была она сластеной.

Она не знала, сколько ей лет. Помнила только, как вскоре после отмены крепостного права ходила по миру босая летом и зимой; но отлично знала полоску земли, которую ее семье выделили после революции.

Марфа едва-едва видела, но настолько хорошо знала лес, что, дойдя до определенного дерева, опускалась на четвереньки и ползла, обшаривая траву. И не поднималась без срезанного гриба.

Ходила она, согнувшись едва не под прямым углом, опираясь на кривую клюку, а задранная голова словно росла из плеч. Из-под черного платка выглядывал нос, кривой и сморщенный, а где-то за ним угадывались белёсые веки, точно птичья пелена. Она не глядела на того, с кем говорила. Рассказывали, будто лишь однажды она открыла глаза и взглядом своим остановила разъяренного быка, мчавшегося по селу во весь опор. Бык несся посреди улицы прямо на игравших в пыли ребятишек. Марфа вышла ему навстречу, сорвала с седой косматой головы платок, махнула им — и разъяренный бык упал перед ней на колени.

Нас ею стращали, хотя все взрослое население — кому больше тридцати,— появляясь на свет, прошло через ее руки. Она была повитухой. Принимала и тех, кто родился в первые годы после войны, как я, пока не отстроили заново больницу в соседнем селе, взорванную фашистами при отступлении.

Потом, когда жизнь наладилась, Марфа зарабатывала от случая к случаю повивальным делом. Надо не надо, звали не звали, Марфа верхним чутьем угадывала время и приходила в дом к роженице. Ей только радовались.

Меня Марфа отличала. Про грибы такое рассказывала, что ребята на корабле за фантастику считали. Даже ученым-биологам коллективные письма писали. Спрашивали: так, мол, или не так в действительности, но ответа точного не получили. Одни твердо уверяли: быть такого не может, другие отвечали: не знаем.

Марфа говорила, к примеру, что стоит человеку на гриб посмотреть, как тот, гриб-то, расти перестает. Каким был — с наперсток, с чашку ли,— таким и останется. Рассказы рассказами, но мы вместе с ней грибы крохотные и чуть побольше отыскива-

ли, место замечали, а к грибу близко не подходили. Через день, через два возвращались туда, а гриб действительно переставал расти или сгнивал.

Только пришел нашей дружбе конец. Посмеялись как-то ребята надо мной, мол, с ведьмой старой якшаюсь. Тогда я сдуру, хоть и не маленький уже был, вот-вот в солдаты, возьми и покажи им, как Марфа в лесу сослепу на четвереньках грибы собирает. Ползаю на карачках, носом в землю. Хохот. И тихо вдруг. Поднимаюсь — Марфа. Глянуть ей в лицо мне стыдно. Лицо, чувствую, будто час у горна проторчал. Отряхиваю брюки на коленях. Уйдет, думаю. Нет, стоит...

Посмотрел на старуху, и будто кнутом меня полоснуло. Встретился с ней взглядом. В глазах у нее слезы. Крупнющие. Говорили мне потом, будто она мне и не сказала ничего. Повернулась и пошла. А я — за ней.

Дошли до хибарки ее. Села она на крыльцо, взгляд в землю. Я столбом около.

— Бабкой я тебе, почитай, буду... Отец твой лейтенантом вернулся. Девки перед ним — послушнее солдат. Твоя мать не выдержала. На красоту свою понадеялась. У мужика-то в деле характер один, а в жизни — другой. А у баб к вашему брату один ключик — слезы. Только мужику заплаканное лицо что замызганную исподницу показывать. Об имени твоем никто не думал. И света бы тебе белого не видеть... Рассказывали про меня, мол, я и такое могу... Мать твоя мне твердила, что с брюхом ей хоть в пруд. Ночь здесь на крыльце просидели. Отговорила я ее, травку дала. И стала твоя мать лицом белее прежнего, а слезы свои другим девкам раздала. Родился ты, и назвали тебя Антоном, и отец твой с тобой. Иди...

Не поднимая взгляда, Марфа подождала немного и снова приказала мне:

— Иди...

Пошел. И увидел я небо, тучи на нем, долины, лесочки на пригорках, меж ними — желтые поля ржи на далеких склонах и пепельные клинья овса на дальних холмах, и яркий зеленый лес на горизонте: там было солнце. Тогда я подумал и думал потом много раз, как же это могло случиться так, чтоб я не увидел всего, что вижу теперь,— ни долин, ни лесов, ни моря, ни неба с облаками и птицами, не ощутил, как душно пахнет земля под травами и жарко под пшеницей, и влажно под деревьями!

Заплакал я тогда...

Как же это так? Разве можно, чтоб меня не было... А на свете все осталось бы по-прежнему? Нет, не могло все остаться по-прежнему!

Вот что припомнил я, идучи по лесной тропе. И вдруг заметил, что иду хоть и по знакомым местам, но тропы-то нет. Эта часть ее заброшена, позаросла. Видимо, от кривуна пошла тропа другим путем.

Что за чертовщина!

Тверже твердого знал: тропа не могла пропасть, как не мог пропасть проселок, к которому она вела, проселок, пробитый более чем четверть века назад танками наискось по склону холма,

где на вершине стояла деревня.

Тут мне вспомнился смешной случай. Перед самым моим уходом на действительную, в начале осени, Марфа положила поперек дороги, пробитой еще танками, бревно. Как это она умудрилась подтащить? И откуда взяла? Шутили, что не иначе как венец со своей избенки сняла. Откинуть бревно, однако, поостереглись. Кто знает, чего старуха с такой дурной славой выкинуть может? А может, надобности большой ехать в соседнее село не приспичило. Только в полдень, я помню, когда шофер из райцентра вез хлеб в сельмаг, попробовал откинуть бревно — не смог.

И еще оказалось оно положенным с таким расчетом, что во время дождя машина, идущая сверху, непременно сползет юзом на него и застрянет, а идущая снизу, преодолев подъем, не сможет затормозить и скатится обратно.

Затем настал мой «последний нонешний денечек», как говорят. Не до бревна и Марфиных хлопот стало...

Раздвинув сплетенные ветви орешника, я вышел на опушку.

Не шла наискось по холму дорога, пробитая танками. В спелой ржи чуть приметным полумесяцем угадывалась она. А там, где дорога выходила из села, у околицы, у Марфиной избы, поднималось с десяток молодых тополей. Уже довольно рослых. У нас они чуть не на два метра в год вымахивают. А под топольками кустарник какой-то. По закраине, а потом по меже я поднялся к деревне, вышел на улицу. Стекла в Марфином доме повыбиты, рамы поломаны, простенки едва держались. Видимо, ребятишки здесь крепкие баталии устраивали. На углу сруба увидел я кусок покоробившейся фанерки. А идя мимо, разобрал и надпись: «Марфин тупик».

Я примчался домой, очень обрадовался встрече с родными и забыл о межеумочном времени, когда не знал, верить или не верить в искренность родительской любви...

Целую неделю я находился словно в тумане. Иногда вскакивал по ночам. Мне снилась корабельная тревога.

Потом жизнь вошла в обычную колею. Не сразу, но вскорости спросил я у нашего агронома, как же это Марфа обскакала его.

— Да,— согласился он.— Полсотни гектаров, не меньше, выручила старуха.

Я спросил настырно:

— Вы-то что же смотрели?

Наш агроном Степка Оврагов, о котором у меня сохранилось воспоминание как об отличном плясуне, стал Степаном Трофимовичем. Я почти не признал его в степенном, медлительном и мешковатом мужчине с конопатым лицом. Он спросил в свою очередь меня, хитровато прищурившись:

— Можно ль сразу было такую бойкую дорогу перегородить?

— За «ведьмин» авторитет хоронились? — съязвил я.

— Заодно были. Это вещи разные. Меня-то тогда больше за плясуна считали. Вот после твоей ссоры с ней остался я около Марфы один. Надоумила она меня бревно положить. Положить-то я положил. А она охраняла...

III

— Ну вот,— сказал Лютов, прикрыл за собой дверь вагончика, в котором разместилось четверо бульдозеристов.— Механик я. Вас к перевалу поведу. Чаевничаем?— и шевельнул из стороны в сторону веселым носом-сапожком.

Низенький, почти квадратный, в плотной, сшитой из кусочков цигейки жилетке, с поднятыми, но не завязанными шнурками ушанки, Лютов не произвел на бульдозеристов впечатления строгого начальника, каких обычно ценят и любят водители.

— Утробин,— первым представился, поднявшись из-за стола, ладно скроенный пожилой мужчина в клетчатой ковбойке, ватных штанах и кирзовых сапогах.— Как величать прикажете, начальник?

— Антоном...

— Вот, Тоша,— обратился Утробин к сидевшему рядом пареньку в толстом свитере крупной вязки и с пышной шевелюрой.— Вот, Тоша, тебе и тезка нашелся. Радуйся.

— Радуюсь...— равнодушно ответил Тоша. Он прислушивался к тихой музыке. Под свитером обозначались контуры транзистора.— Я — Тараторин, Антон Григорьевич,— заметив, что на него смотрят, не вставая с лавки, протянул он тезке руку.

— Лютов. Антон Семенович.

— Прямо Макаренко! — весело и открыто рассмеялся парень в гимнастерке и галифе.— Только вот фамилия страшная. Я тоже тезка — Бажану. Максим Бажан. А вот, если бы соединить фамилию нашего начальника с именем Гурамишвили, то вышло бы нечто бесподобное — Отелло Лютов!

Скромный и тихий усач с большими грустными глазами вышел из-за стола, поправил кургузый пиджачок и, отерев руку о рубашку, подал ее начальству.

Антон Семенович вошел в вагончик в приподнятом настроении: осмотрев прибранные, аккуратно поставленные «сотки», он заочно еще остался доволен своими «подопечными», а не «подчиненными», как он назвал их про себя. Остался он доволен и встречей, не обратив внимания на то, что тезка его поленился подняться и никто вроде не заметил этого.

Утробин усадил Лютова за стол, налил чаю и повел разговор о деле.

— Мы слышали, вы, Антон Семенович, ходили с водителями прокладывать зимник.

— Тогда я не механиком, еще водителем был.

— Ну и как дорожка?

— Дорожка... Нет ее. Одиннадцать ручьев, река да верховые болота...

— Верховые болота? — переспросил Тараторин.

— Да. Болота на возвышенностях. Они толком не промерзают. Вспучиваются зимой наледями. Рыжими такими... Верховые — они и на вершине сопки могут быть.

— Много их? — поинтересовался Утробин.

— Пройдем реку — так почти сплошняком пойдут. Здесь мы — в долине, холод тут держится, а выйдем — снега в тайге почти нет.

— Значит, торопиться надо,— сказал Утробин.— Река вот-вот тронется. Так, а, начальник?

— Тут бабушка надвое сказала... Я полагаю: сорок километров надо пройти за неделю.

— Это меньше шести километров в день? — удивился Тараторин.— Курорт — не работа.

— Не пыли, Тоша,— остановил его Утробин.— А работать по сколько же часов?

— От зари до зари.

— Стращаешь, начальник. Либо дорога совсем непроходима и лезем мы к черту на рога, либо стращаешь,— помотал головой Утробин.

— Давайте не спорить,— миролюбиво заметил Лютов.— Обещаю — хватите горячего до слез. Скрывать не стану. Ну, а об оплате вам говорили.

— Говорили,— кивнул Утробин.— И по оплате, и по погоде с дорогой — лучше поспешить. А, мужики?

«Мужики» промолчали, решив, что, мол, старшим виднее.

Утробин держался вроде бы посредником между начальством и остальными бульдозеристами. Роль, взятая им на себя, видимо, добровольно, как нельзя лучше шла к нему, и, судя по возрасту, опыта ему было не занимать, да никто другой и не претендовал на столь деликатную и во многом ответственную роль.

— Значит, посмотрим, как пойдут дела в пути,— твердо выговорил Утробин.

И опять остальные бульдозеристы промолчали.

— Так нельзя,— сказал Лютов, почувствовав, что Утробин готов стать коноводом.— Нужно заранее обо всем договориться.

— Никто не собирается вам противоречить,— слишком охотно поступился Утробин.— Командуйте!

— Это хорошо,— согласился Лютов.— Отдыхайте. Выходим в семь утра. Я разбужу вас.— Он поднялся.

— А чай?— встрепенулся сидевший рядом с Утробиным его тезка.

— Дома ждут,— коротко сказал Лютов.

Он вышел из вагончика в сгустившиеся сумерки.

Последние отсветы дня еще голубили дальние хребты, к которым предстояло идти, волоча на буксире экскаватор, поставленный на полозья из труб, и платформу с ковшом и такелажем. Горы на фоне темного неба выглядели грядой облаков, повисших над темной полосой тайги, поднявшейся сразу от поляны и подступавшей к самым белым гольцам. В вагончике за его спиной слышались бубнящие голоса, слов было не разобрать, потом кто-то засмеялся. Лютов пошел прочь.

«Не надо настраиваться на плохое,— подумал он.— Конечно, идти в такой рейс с малознакомыми людьми — с бору по сосенке — штука не легкая. Побыть бы с ними здесь несколько дней, приглядеться, оно, конечно, лучше, да времени нет. Утробин верно подметил — вот-вот тронется река, а тогда нечего и огород городить. Придется возвращаться. «Посмотрим»,— Утробин сказал. Он-то мужик крепкий, можно положиться. Только не слишком ли горяч? Пока я о них очень мало знаю, чтоб судить строго. В деле каждый раскроется».

И Лютов пошел к своему вагончику.

Утром они тронулись точно в назначенное время.

Едва поднявшись над горами, солнце стояло сбоку, не слепя. Его свет пронизывал таежные дебри, тихие в этот час; тихие своей кажущейся безжизненностью, потому что рев двигателей наполнял пространство, казалось, до предела. Рев этот улетал вдаль, возвращался эхом, отраженным от склонов распадков, даже вроде усиленным. А покой, несмотря ни на что, оставался нерушимым. Он чувствовался в кристальной чистоте далей; туман стлался по низинам, а не вспухал шапкой над покровом урмана. Легкое, едва приметное дрожание воздуха в восходящих потоках не рябило в глазах, не нарушало доверчивой безответности окружающего мира, пронизанного гулом. И вдруг нежная прядь проступала в бездонной и бескрайней голубизне небес; она была в первые минуты едва уловима, призрачна, чтоб в тот же час засиять ослепительным облаком.

Свет меж стволами листвеиниц и елей стал мягким, рассеяииым.

Словио повторением облачных сплетений лежали остатки снега в иеприметиых для глаза ложбинах меж высоченными деревьями. Крохотные лиственнички у корией могучих деревьев иа солнцепеке уже проснулись. На сучках из бородавок-узелков высунулись иежные зелеиые брызги молодых игл. А фиолетовый отлив стволов в общем сплетении лишь напомииал, что проснулась вся тайга, ио осторожничает, опасаясь заморозков и внезапной сиежиой бури. Видные меж голых ветвей сиеговые склоиы гор, дыхание их, от которого свеча ие погасиет, а душа выстыиет, мало походили иа белые флаги, выброшенные сдавшейся зимой.

Машнны двигались ходко. Две впереди торили дорогу, расчищали путь для следующих за ними тягачей. Они отваливали в стороиы трухлявые стволы, валежины, облепленные мхом и лишайником камни, обломки.

Около полудня растащили завал иа ручье, сдвинув в стороиы примерзшие мертвые стволы, которые порой ломались, словио стеклянные. Русло было забито ими, а зимой, помнилось Лютову, они перешли по этому завалу, заметениому и перекрытому наледью.

Следов их прохода как бы ие существовало вовсе, иетронутой выглядела припорошенная зеленью на взгорках и еще скрытая сиегом в мелких низинах земля. Кое-где то ли почву, то ли просто мерзлоту устилал плотиый, спрессованный времеием валежник. По иему можно было уверенно перебраться, будто по мостовой.

Потом форсировали второй ручей.

Пока перетаскивали свариые салазки с экскаватором да платформу с «челюстью» — зубастым ковшом (так прозвал его веселый Тошка), Лютов, иаходившийся в тот день в кабнне переднего бульдозера Утробнна, пешком обогиал колонну. Механик, искусство которого ие потребовалось, выбрал местечко посуше, запалил костер и принялся готовить обед.

Щурясь от слепящего солнца, Лютов высыпал в кипящую воду тушенку с перловкой, и из кастрюли, подвешенной иад огием, потянуло запахом мяса, перца, лаврового листа и прочих пряностей, духом, от которого приятно защемило под ложечкой и пробудился волчий аппетит. И хлеб иа свежем воздухе был иеобыкновенно душист, и слюнки текли от одних только ароматов.

Перебравшись через ручей, потянулись к костру водители, прихватив с собой сидеиья из кабин. Тошка, подкравшись к Бажану сзади, в шутку стукнул его пружинящим боком, и они принялись со звонкими криками гоняться друг за другом меж деревьями, пока Утробин ие приструнил их.

— Чего ж ты, начальник, за дисциплииой ие следишь? — выговорил Утробин и Лютову, устраиваясь поближе к кастрюле.

— Намотаются еще — впереди река,— ответил Лютов.— Пусть пока поиграют.

— Я ж говорил — курорт, а ие работа! — иабив хлебом рот, выговорил Тошка.

— Река тоже дорога,— улыбнулся Бажан.— Чего ее бояться?

Лютов не ответил, глянул в сторону, на сугроб, на голубой спине которого шевелились густо-синие тени мотающихся под верховым ветром ветвей, подумал: «Ничего не страшно человеку незнающему. Боль-то приходит после удара. А пугать — какой смысл?..»

Отобедав, они, не спеша, двинулись дальше. Снова на их пути встретился захламленный ручей, следом — ярко-зеленое верховое болото, на котором траки бульдозеров оставляли глубокие колеи, а тридцатитонная махина экскаватора, поставленная на полозья, пропахала глубокую канаву. Ее быстро заполнила рыжая, ржавая и мутная вода. Когда колонна бульдозеров отъехала, Лютов обернулся и увидел только, что в успокоившейся поверхности отразилось голубое небо.

Солнце еще не коснулось горных вершин, когда Лютов увидел вдали, на спуске, уже прикрытом тенью, золотые огоньки в окнах бараков мостостроителей. Они прибыли сюда недавно по реке. Грузы, что им были необходимы, тоже забрасывали по льду.

На спуске при перетаскивании экскаватора через оголовье многоводного на юго-западном склоне ручья лопнул трос, соединявший машину Гурамишвили с полозом «саней». Утробин как-то незаметно для Лютова угнал бульдозер далеко от буксировщиков, и когда Антон Семенович, оглянувшись, увидел неладное, а потом добежал, Гурамишвили полез в воду, оступился, ухнул в колдобину. На нем не осталось сухой нитки. Помогавший ему выбраться Бубенцов тоже здорово промок. «Купальщикам» велели быстро переодеться и бежать в поселок мостостроителей, чтоб согреться и приготовить ночевку остальным.

— Лопухи! — ругался Утробин.— Из-за них придется заночевать в поселке.

— Так мы планировали,— заметил ему Лютов.

Но Тошка, во всем поддерживавший Утробина, возразил:

— Этак мы и за неделю не пройдем сорока километров.

— За рекой почти до самого перевала не будет ни избушки, ни палатки,— спокойно ответил Лютов.— Наночуешься еще в кабине. И для тебя купания не заказаны.

— Тошка не о романтике заботится,— усмехнулся Утробин.— Он о деле печется. Нужно держать в запасе день-два. Мы сегодня могли бы выйти к реке и даже переправиться. Тащимся, что улитки!

Лютов не стал продолжать спор, сел за рычаги бульдозера Гурамишвили.

Однако и вечером, после ужина в столовой мостовиков, в теплой комнате, сидя на чистой постели, Утробин снова принялся уговаривать Лютова отступить от намеченного графика движения. И его доводы выглядели разумными и справедливыми, преследовали самую благую цель: как можно скорее доставить экскаватор к перевалу, самим бульдозеристам включиться в настоящую работу, где их ждут не дождутся, а не валандаться, не задерживаться ради чистой простыни. Последний довод доконал ребят. Они сидели, понурив головы, и предложи им Утробин лечь спать на полу вместо кроватей, они согласились бы: не нежиться сюда ехали!

Лютов не возражал, но оставался неумолим.

— Какой же ты начальник, Лютов,— воскликнул Тошка,— если инициативы рабочего человека не поддерживаешь! Эх!..

— Я — рабочий человек, потому и не поддерживаю. Это не геройство, а уродство. Без особой на то нужды, голубчики,— словно выругался Лютов,— ночью необходимо спать! И с самыми большими удобствами!

Утробин расхохотался, прервав механика на полуслове:

— Вот это лозунг! Не сбегать ли к местному начальству за кумачом?

— Прекратить разговорчики! Спать! — приказал Лютов.

Гурамишвили проворчал недовольно:

— Если я виноват...

— Кончили диспут,— строго сказал Лютов.

— Детям до двадцати лет вход на дискуссию строго воспрещен,— брякнул Тошка Таraторин.

Бубенцов вздохнул тяжело:

— А время действительно детское...— и забрался под одеяло.

— Успеете, все успеете — намокнуть, жижи болотной нахлебаться, недоспать и недоесть,— отрывисто, стараясь не сорваться, выговаривал Антон Семенович.— Чего плачетесь? Плакать не след. Когда кровь из носа пойдет...

— Как это еще по-русски? — словно сам себя спросил Отелло и ответил: — Не хвались, едучи на рать...

Парни поутихли.

Когда минут через десять взволнованный и рассерженный на себя Лютов решил покурить на воздухе, бульдозеристы спали крепким сном.

«Ведь устали! С восхода за рычагами, ан нет, покуражиться надо,— думал Лютов, одеваясь.— Да и я хорош — накричал, вместо того чтоб объяснить — завтра переправа по льду! А будто сами не знают, и я не говорил!»

На крылечке он прислонился плечом к дверному косяку, глубоко затянулся.

Горы стояли все в той же дали, и, казалось, за день волочения колонна не приблизилась к ним ни на шаг. И освещены белые громады были так же, как утром, только с другого боку — голубые на васильковом небе. Только приглядевшись вприщур, Лютов приметил золотую мерцающую искорку — огонек на темно-синем седле перевала.

Какая-то фигура шла к бараку, попыхивая в густых сумерках огоньком папиросы, громко чавкая сапогами по грязи. Только когда человек подошел совсем близко, затянулся, стало видно бородку и усы, молодо блеснувший глаз:

— Здесь бульдозеристы?

— Спят,— ответил Лютов.

— А старший...

— Я — старший.

— Начальник мостоотряда просил вас зайти,— сказал молодой голос, и фигура проследовала мимо.

IV

Лютов вернулся от начальника мостоотряда поздно, быстро улегся, стараясь не побеспокоить товарищей, и, хлюпнув раздругой носом-сапожком, скоро уснул. Разбудил его бас Бажана, беспрестанно твердившего:

— Хоть бы в бок толкнули! Хоть бы толкнули!

В комнате их оставалось трое — он, Бажан и Гурамишвили, сидевший на постели с ошалевшим видом. С улицы издалека доносился шум двигателей. Лютов глянул в окно и едва за голову не схватился: два бульдозера шли по крутому спуску к берегу реки, а у экскаватора словно ни в чем не бывало возился Бубенцов.

— Хохмачи! — взорвался Бажан.

— Нэт! — с подчеркнутым акцентом сказал Отелло.— Это мы — спящие царэвны!

Лютов посмотрел на часы — шесть, время подъема. Но сильнее боли от демонстративного выхода на работу Утробина и Таратурина было сознание бессилия и еще — напрасных заверений, которые Антон Семенович сделал вчера в разговоре с начальником мостоотряда.

А дело состояло вот в чем. Начальник просил спустить экскаватор к реке ниже намечавшегося строительства. Здесь на юго-восточных склонах гор лежало еще много снега, который едва начинал таять. Редколесье, мелкий кустарник слабо скрепляли слой почвы. Нарушение устоявшегося режима водосброса выше будущего моста грозило несчастьем: в течение нескольких лет по сорванному колонной покрову почвы талые воды могли бы пробить себе новое русло, потом образовать выше моста огромную заводь, а то и целый затон. Тогда каждую весну половодье подпирало бы и мост, и полотно железной дороги, и чем бы дело кончилось, сказать трудно. «Добро бы еще одни бульдозеры прошли,— журился начальник мостоотряда.— А тут салазки с тридцатитонной махиной. Вы такую траншею мне пробьете, что талые воды да паводок целый распадок вымоют. Берега здесь хрупкие — мерзлота, сами понимаете». «Не беспокойтесь,— заверил Лютов,— мы люди грамотные!» Вместе с начальником мостоотряда, дотошно изучившим здешние окрестности, они по крупномасштабной карте наметили удобный спуск по гребню увала, серпом подходившим к реке ниже будущей стройки. На другом берегу подъем и дальнейший путь колонны оказались достаточно удобными. И переход по льду в том месте выглядел, по словам начальника, достаточно безопасным. Сомнение вызвал лишь широкий мелководный кривун на отбойной стороне. «Впрочем, везде, где б вы ни вздумали переправляться, есть риск,— сказал начальник мостоотряда.— Однако здесь, по-моему, наименьший». «Спасибо, помогли нам,— поблагодарил его Лютов». «О просьбе моей не забудьте!» — напомнил мостовик, прощаясь.

И вот — пожалуйста! Словно нарочно, назло, поперся Утробин к реке выше будущей стройплощадки! Спасибо, что хоть экскаватор самовольно не потащил. Быть бы скандалу.

— Ну, я ему устрою сладкую жизнь! — разозлился Лю-

тов.— Собрались с бору по сосенке... Что вздумается, то и творят!

— Не до полудня же дрыхнуть? — взбрыкнул Бажан.

— О вас забочусь...— начал было Лютов, да сдержался.

— Не всякая забота пользу приносит. Мы не маменькины сынки.

— Хлебнете, хлебнете еще горячего! — прошипел Лютов.— Можно было бы — дали бы нам всего сутки на переход. А коли неделю отрядили — знали, что делают. Никто вас не жалел! Идемте завтракать.

В столовой Лютов подумал, что ругаться ему с Утробиным перед переправой не следует. Как ни хочется — а молчать очень не хотелось,— но придется. Высказаться по-деловому необходимо, сообщить о вчерашнем разговоре с мостовиком. Пусть и Утробин и остальные сами выводы делают. Одно — лекции по охране природы слушать. Иное — эту самую природу охранять, понимать ее.

Так Лютов и поступил, когда они по серповидному увалу доставили экскаватор к переправе, а Утробин и Тараторин добрались туда по льду.

— Какого черта! — с ходу закричал Утробин, спрыгнув с гусеницы на лед.— Мы, понимаешь, на разведку ходим, дорогу выбираем, а они и не слушают нас!

— Без приказа в разведку не ходят, Утробин,— сдержанно начал Лютов и пересказал разговор с мостовиком.

— Бульдозеров да экскаваторов на воздушной подушке еще не выдумали,— вступился за Утробина торопыга Тошка.

— Скоро люди над землей начнут порхать, святым духом питаться — пахать нельзя! — распалялся Утробин.

Гурамишвили отрезал:

— Это демагогия! В горах земля нежнее пуха! Что ты знаешь?

— Здесь не просто горы, а северные горы,— сказал Бажан.— На севере почва образуется медленно, а эрозия почти мгновенная. Ты что, радио не слушаешь, газет не читаешь?

— Что вы взъелись? — заступился за приятеля Тоша.— Мы не гулять ходили, а на разведку.

— Не будем спорить,— вступился механик.— Давайте о переправе. Пойдем, Утробин, посмотрим лед.

— Вот это правильно,— смирился Утробин.

Лютов понял, что рассчитал верно. Если опытный бульдозерист и начал с крика, то не злость это была, а естественная самооборона и самооправдание. Так думал Лютов и верил в это. Чтоб в его отсутствие горячие молодые головы не разругались, механик приказал Тоше взять пешню-коловорот.

«Зачем же тезку на съедение оставлять...» — улыбнулся про себя Лютов.

— А ты, Антон Семенович, предусмотрительный,— сказал Утробин.— С умным человеком работать приятно.

Посмотрев в глаза бульдозериста, Лютов не приметил во взгляде ни издевки, ни иронии. Утробин вроде бы и не имел в виду, что командор нарочито быстро погасил распрю, готовую вспыхнуть между водителями.

Когда Тошка принес добротную пешню-коловорот, Утробин подчеркнуто придирчиво осмотрел ее, спросил:

— Сам мастерил, Антон Семенович?

— Сам.

— Добрая вещь получилась!

— Торопился малость. Перед самым выходом закончил.

— Я ж в точку попал, когда говорил, что ты человек предусмотрительный.

Они сошли на лед, продолжая болтать о пешне. Снег на реке заметно осел и потемнел, стал ноздреватым. Кое-где торчали заструги, которые решили не ровнять: долго, хлопотно, а наметы невелики. Провертели пешней несколько дыр во льду, проверяя его толщину. У отбойного берега на галечном мелководье ледовый покров, как и предполагал начальник мостоотряда, оказался небольшим, уже подмытым, да и прогретым солнцем в затишье.

Пешней трудился Тоша. Лунки вырезали метрах в тридцати друг от друга. Прошли почти весь полукилометровый плес. Переправляться к удобному месту выхода на берегу приходилось наискось реки. Тараторин давно уж сбросил телогрейку и шапку. Дело оставалось за красивым свитером крупной вязки да транзистором «Селга», с которым Тоша не расстался и теперь, хотя вряд ли слушал развеселую танцевальную музыку, что передавал «Маяк».

— Ты, Тоша, старайся,— усмехнулся Утробин.— И спасибо скажи механику — не оставил он тебя на том берегу на растерзание собратьям. А зубы у них острые.

И понял Лютов — догадался, додумался до всего Утробин, чего Антону Семеновичу хотелось скрыть.

«Ну так, может, оно и лучше, что додумался,— решил про себя Лютов.— Впредь не станет своевольничать».

Потом их заняли большие настоящие заботы, и Антону Семеновичу не осталось времени возвращаться к этим мыслям.

Сам Лютов предполагал прицепить бульдозеры к саням экскаватора веером. Однако Утробин предложил другое — цуг. Он обосновал свое соображение тем, что, случись все-таки худшее, затрещит лед под грузом в тридцать тонн и все машины окажутся в непосредственной близости от «Ковровца», не смогут помочь друг другу. Если же прицепить их цугом, колонна вытянется метров на шестьдесят. При проходе в самом опасном месте, у берега, головной бульдозер уж выползет на сушу и при необходимости по очереди вытянет остальных. А уж все-то вытащат с мелководья и экскаватор, коли тот просядет в реку.

Понравилось Лютову и то, что свою машину Утробин поставил не головной, а «коренной», как он сказал, первой от саней.

— Удобно командовать,— объяснил Утробин.

Теперь, когда пришло время действовать, грузноватый Утробин как-то подтянулся, грубое лицо его сделалось решительным, и голос звенел.

— А ты где мыслишь быть? — неожиданно обратился он к Лютову.

— Командуй...— ответил Антон Семенович.

— Двух вожаков в стае не бывает.

— Не бывает...

— Хорошо сказано. Потому — не мельтеши на льду. Оставайся здесь вот. На этом берегу. Понятно? — и добавил помягче: — Я ведь как лучше хочу.

— Ясно. Командуй переправой. Я на тебя полагаюсь.

«Умен, бес,— глядя на удаляющихся по льду Утробина и Тошку, подумал Антон Семенович.— Освободил-таки себе руки. Развязался со мной. Что ж, пожалуй, он и прав. Два командира, две головы в трудном положении, требующем немедленных решений,— не тот случай, когда говорят: ум хорошо, а два лучше».

Лютов прошел на берег, присел на валежник неподалеку от уреза реки, достал сигарету и закурил, щурясь от слепящего отраженного света. Солнце било как раз вдоль русла. Где-то рядом с механиком тонким птичьим голосом звенела струйка воды, стекая в реку. Было тихо и казалось даже душно, потому что обнаженная земля прогревалась быстро и пáрила. Но с ледяной реки тянуло строгим холодом.

Хотя и издалека, однако, видел, а вернее, чувствовал Лютов, как пристально, с недоумением глядели в его сторону парни, остававшиеся на том берегу. Бажан, Гурамишвили и экскаваторщик Бубенцов стояли, выстроившись в ряд, будто по команде «вольно», и ждали идущего к ним Утробина. А ему предстояло объяснить, почему командор, только что едва вдрызг не разругавшийся с бульдозеристами, нарушившими дисциплину и проведшими машину по заповедному склону, поставил одного из них руководить переправой.

«Ничего, догадаются почему. На то они и в армии служили»,— подумал Лютов.

Посиживать да посматривать на приготовления к переправе было почти невыносимо. Но Лютов заставил себя как бы привариться к валежинке. Начни он бродить по берегу, парни могли бы понять, что Лютов мотается от неуверенности и в Утробине, и в них, а привлекать к себе внимание не стоило: ведь все обговорили, утрясли, оставалось выполнить решенное. Да и не ощущал сейчас Лютов в себе недоверия к Утробину. Не об авторитете бульдозериста, не о его желании покрасоваться, а о его собственной, может быть, жизни или смерти шло дело, о жизни ребят и целости машин. Этим Утробин шутить не будет. Не такой человек.

За безотказность моторов ручался он сам, Лютов.

Механик видел, как Утробин собрал вокруг себя ребят, долго объяснял им что-то. Очевидно, договаривался о командах, которые будут подаваться жестами. За ревом двигателей голоса на реке не услышишь.

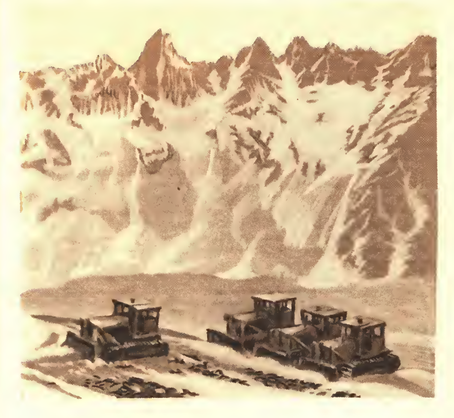
Все шло заведенным порядком: сцепляли тросы, приноравливались к обусловленному движению.

Головным шел Тоша.

Это Лютов отметил и согласился про себя с Утробиным.

За Тараториным — Бажан, Гурамишвили и за «коренного» — сам Утробин.

 Машины одна за другой спустились на лед реки. Призрачные



султанчики отработанных газов струились от выхлопных труб над кабинами. И, судя по ним, двигатели работали ровно, в одном режиме.

Наконец бульдозеры потянули за собой на лед махину саней с экскаватором и платформу с «челюстью»-ковшом.

«Вот этого я бы не сделал,— поднялся с валежины Лютов.— Лучше еще одну ходку пробежать...»

Механик прикурил очередную сигарету от окурка, но не побежал на реку, не замахал руками, не закричал даже, сдержался, считая свою поправку в данном случае излишней.

«На второй передаче идут,— отметил Лютов.— Могли бы и на третьей...— и остановил сам себя.— А зачем? Не след суетиться».

Минут через пять, показавшихся томительно долгими, механик мог уже разглядеть за стеклом кабины профиль Тошки, который сидел, полуобернувшись, и косил в сторону шедшего за ним Бажана. Но глядел он, конечно, не на него, а на Утробина. Тот стоял, высунувшись из кабины, благо ему помогал свободный Бубенцов. Гурамишвили тоже сидел вполоборота.

Рокот двигателей, работающих на одинаковых оборотах, сливался в гул.

Траки гусениц сверкали, споря с блеском снега и льда.
Четыре машины стали словно единой.
Вот Тошка глянул в сторону приближающегося берега и помахал Лютову рукой. Бажан высунул пятерню из кабины и сделал то же самое.
Всего лишь метров пятьдесят отделяли «сотку» Тараторина от твердой земли.
Сорок метров!
Тридцать...
Вдруг что-то произошло на реке. Вся колонна, начиная от ближнего к Лютову бульдозера Тоши до ползущей позади всех платформы; все машины вздрогнули, остановились. Сверкающие на солнце траки продолжали свое сверкающее движение, а машины стояли. Лишь через секунду-другую Лютов увидел, что сани с экскаватором оказались в темной луже, проступившей из-под полозьев влаги.
А следом в солнечном свете засверкали фонтанчики.
Сани накренились.
Еще через секунду из кабины «коренного» трактора выскочил Бубенцов и, обегая медленно погружающийся в ледяную жижу экскаватор, бросился к платформе с ковшом, отцепил трос.
И тогда Утробин высунул из кабины пятерню, затряс растопыренными пальцами, что означало: «Полный вперед!», потому что двигатели взвыли. Траки всех четырех бульдозеров зацарапали лед. То один, то другой вело в сторону. Тяжелые машины будто танцевали, хотя видеть это было страшно, как и застывшие за стеклами кабин напряженные лица водителей.
Вой двигателей висел в речной долине.
«Если машины не выволокут сани из промоины через две-три минуты,— мелькнуло в сознании Лютова,— траки начнут как бы пропиливать лед и, истончившись, он проломится под их тяжестью...»
— Ну же! Ну!— голосил он благим матом, оставаясь на берегу.— Давай!
Бежать к машинам, кричать, приказывать было бессмысленно. Любое, пусть даже разумное, распоряжение со стороны внесло бы лишь сумятицу, а то и панику.
Ледяная крошка и пыль облаком окутали каждую машину.
Лютов тряс кулаками над головой:
— Давай! Давай, черти!— и запрыгал от восторга, когда наконец машины перестали елозить по льду и, собравшись с силами, цепляясь траками за свежий наст, потихоньку, сначала сантиметр за сантиметром, потом быстрее стали приближаться к твердой земле.
Не отдавая себе в этом отчета, Лютов стал руками подманивать машины к берегу и отступал в глубь перелеска, пока, споткнувшись о колодину, не завалился навзничь. А поднявшись, кинулся к машине Тошки, почти вплотную подобравшейся к берегу, и стал приплясывать перед ней. Потом забрался в кабину к Тараторину, бледному от пережитого, но уже радостно вопящему. Лютов принялся обнимать Тошку, хлопать по плечам, не замечая, что мешает. А сообразив, спрыгнул на землю, подско-

чил, победно размахивая руками, к бульдозеру Бажана, потом к Гурамишвили и, наконец, к Утробинской «сотке».

На полном ходу машины въезжали на берег и двигались в глубь зарослей, пока на тверди не оказались сани с экскаватором.

Лютов замахал воздетыми к небу руками.

Машины стали.

Вскочив на гусеницу, Лютов попросил Утробина:

— Дай мне съездить за платформой!

Тот помотал головой:

— Мой грех, я и приволоку. Не спорь.

Антон Семенович огорчился было, но нашел в себе силы понять Утробина. Да и день выдался больно удачливый. Они преодолели первое, связанное с огромным риском, но не самое трудное препятствие на пути к перевалу.

К машине Утробина подбежали остальные бульдозеристы. Спрыгнувшего Лютова они принялись обнимать, кричать «ура», колотить одобрительно по спинам друг друга. В гаме, в радости как-то и не заметили, что Утробин отцепил тросы. Только когда взревел двигатель его машины, словно вспомнили об оставленной на льду платформе с ковшом и горючим. Присмирели.

— Вот что, братва, варганьте обед,— приказал Лютов.

— А вы?— спросил Тошка.

— Я Селивана Матвеевича подстрахую. Глазами! Не ровен час...

— Селивана Матвеевича? Какого Селивана?— удивились ребята.

— Это имя-отчество Утробина,— сказал Лютов и пошел к берегу.

Он стоял и смотрел, как Утробин ловко, с большим заходом в сторону, подобрался к платформе, прицепил ее и отбуксировал к колонне. На его работу было приятно глядеть. И Утробин оценил внимание Лютова. Выбравшись из кабины, он обнял Антона Семеновича за плечи:

— Рванем сегодня дальше?

— Опять за свое?

— А что? Смотри, какие орлы!

— Давай решим после обеда. Согласен?

Немного потребовалось времени, чтоб сварить суп из консервов. Но и за эти считанные минуты лица ребят сильно изменились.

Они осунулись после пережитых треволнений, когда каждый успел подумать: может, его бульдозер первым ухнет под лед? Однако никто не бросил рычагов в смертельной тоске, не выпрыгнул из кабины и не кинулся сломя голову к спасительному берегу. Но предельное напряжение не могло не сказаться: ввалились глаза, под ними проступили синие тени, щеки запали и движения стали вялыми. Ели парни молча и нехотя, скорее как бы по необходимости.

Сдался и Утробин. Отложив ложку, он долго смотрел в блеклый огонь костра, а потом встрепенулся, глянул на Лютова:

— Ты был прав, таежник...

А ребята даже не поинтересовались — в чем.

V

Шли вторые сутки их бултыхания в верховом болоте.

Днем они видели край, от которого отошли, и край, к которому никак не могли прийти.

Вечером позади мерцали огоньки бараков мостоотряда, а впереди и выше, меж горбов заснеженных вершин, манили светлячки рабочего поселка на перевале. И сейчас был вечер.

— Это службишка, не служба! Служба, брат, та впереди,— приговаривал Лютов, погружая руки по локоть в ледяную жижу верхового болота. Который раз он заходил по колено в воду, чтобы зацепить рвущийся без конца трос за крюк полоза. На этот раз Лютов поскользнулся и ухнул в жижу, едва не по плечи. Выругался, но легче не стало. Вышел к бульдозеру.

Машины с ревом тянули засевшего «бегемота»-экскаватора, но тот самое большое прополз метров десять и снова, видимо, натыкался на какое-то препятствие. Опять лопался трос у одного из бульдозеров. Все начиналось сызнова: сращивание, цепляние, ледяная вода...

Лютов горевал: оставалось две бухты троса, и его следовало беречь. Так утверждал Лютов, и ему верили. Все видели: на самом подъеме к перевалу еще лежали снега, а под ними — пни, колоды, скальные обломки, и к тому же могла разразиться пурга.

— Нэт! Нэ надо нам этой прелести,— мрачно говорил Гурамишвили.

— Лучше бы уж здесь, чем там — на подъеме.

— Нэт...

— Там — склоны, лавины могут сойти. Лучше здесь, чем там.

«Выкупавшись» очередной раз в болоте около бульдозера Гурамишвили, Лютов залез в кабину к нему, чтоб согреться и обсушиться, бросив одежду на раскаленный капот машины.

— Нам еще везет — погода, словно по заказу,— запахиваясь в непромокаемую душегрейку-безрукавку, бормотал Лютов.

Юмор иссякал. Уж никто не называл экскаватор «бегемотом», которого надо тащить из болота. Говорили проще — «эта дура», а еще — «дурында».

— Этой дурэ что под полоз попало? — поинтересовался Отелло. Обросший дикой бородой, чумазый, он и впрямь напоминал мавра, блестя в полутьме кабины белоснежными зубами.

— По камню ее волокли. В мерзлоте он, как в оправе, сидит.

— Долгая история...

— Да нет, Гурами... Мы начали тащить ее по камню, когда у Бажана трос полетел. Я срастил и у него грелся. А ты сегодня третий,— привычно крикнул Лютов.

Совсем уж неподалеку, метрах в стах, свет фар упирался в поросль редких невысоких лиственниц. На их мочковатых ветвях сияла, словно огоньки, проклюнувшаяся мягкая, нежная даже на вид хвоя. Свет фар дрожал и прыгал, и от этого казалось, что шевелятся и двигаются деревья.

Ревел мотор, и били, будто в камень, царапали по вечной мерзлоте траки гусениц. Но весь этот постоянный грохот и гул, в

 котором они находились беспрерывно вот уже несколько суток и

к которому давно привыкли, потому что были бульдозеристами,— все это казалось тишиной. И уснуть от усталости в таком шуме для них тоже не составляло труда. Их скорее разбудила бы вдруг наступившая, оглушающая тишина.

Лютов поймал себя на том, что, согревшись, задремал. Покосился на Отелло. У того веки глубоко запавших от усталости глаз тоже были прикрыты. Желая взбодрить водителя, Лютов решился задать ему вопрос, который вертелся у него на кончике языка, пожалуй, с первого момента их знакомства. Но спросить об этом Антон Семенович все не решался, а теперь подумал, что самое время.

Толкнул Гурамишвили в бок:

— Скажи, почему тебе такое имя дали?

Сам Лютов трагедии Шекспира не читал и спектакля не видел, но слухом, которым земля полнится, дошло до него имя Отелло как нарицательное прозвище ревнивца.

— Что?— открыл глаза Гурамишвили и повернулся к Лютову.

— Почему тебе такое имя дали?— погромче крикнул механик и подался поближе к соседу по кабине.

Отелло блеснул белозубой улыбкой:

— Думаешь, я горяч и слеп?

— Нет,— покачал головой Лютов.— Добрый ты!

Отелло развеселился:

— Откуда знаешь? Я — злой!

— До работы!

В отсвете фар Лютов увидел, что сон с Гурамишвили слетел и усталость отступила.

— Мой отец учитель. Он очень любит Шекспира. Отец считает, что не так понимают эту трагедию. Он говорит: «Отелло чистейшей души человек. Он — воин. Для Отелло слово — это тень дела. Он мстит Дездемоне за духовное предательство... За измену в душе!»

Объяснение было очень сложным для Лютова, но он кивал в ответ на каждую фразу, сказанную Гурамишвили. Тот все говорил и говорил, а Лютов кивал.

— Понятно?— крикнул наконец Отелло.

— Да!— кивнул механик, подумав о том, не все ли равно, за что убил Отелло эту Дездемону; важно одно — убил. «Нэ вмер Данило, його болячка задавыла»,— говаривал в таких случаях боцман.

Потом Лютов натянул высохшую на капоте бульдозера одежду, кое-как провялившиеся в кабине сапоги, хлопнул Гурамишвили по плечу.

— Жми! Полчаса — и мы вырвемся из болота.

Отелло блеснул улыбкой.

— Пойду вперед. Костер зажгу. Ужинать надо.

Отелло кивнул.

Лютов соскочил на кочку, еле видную в отсветах фар, и, перепрыгивая с одной на другую, выбрался на твердый грунт. Он выдернул с корнем несколько лиственниц, поддававшихся малейшему усилию, ловко запалил костер.

Посматривая в сторону очень медленно приближающихся

бульдозеров, Лютов подумывал о том, что сегодня они едва-едва прошли намечениый отрезок пути. И то лишь затемио, измотаниые сложиостью и издерганные медлительностью движения, раздраженные мелкими поломками, мокрые от беспрестанного лазания в ледяиой воде.

Ужинали молча. Устало шевелили челюстями, размалывая сухари с подцепленной из баиок разогретой тушенкой. Как иа иедосягаемые звезды поглядывали на россыпь огией на синем, близком уже перевале. Там лежал глубокий снег, днем это было хорошо видно. Спали в кабинах. Лютов и Бубенцов каждую иочевку меняли хозяев. Моторы всю иочь бархатио урчали на малых оборотах, было тепло, и, свериувшись калачиком, удавалось не так уж плохо выспаться. Будило их солнце. Оио освещало сразу всю долину, по которой двигалась колонна. Однако Лютов вставал, едва розовели белки гор.

На следующее утро он проснулся привычно, с зарей. Подбросил в костер дров, разбудил экскаваторщика Бубенцова и послал его за водой, а сам принялся топориком открывать банки с тушенкой и сгущенкой. Завтракали солидно, вдосталь. Потом — за рычаги.

До полудня они медленно двигались долгим пологим спуском, пока не вышли к взъерошенной и мутной речке. Лютов знал, что это и есть та речка-«слаломистка». О ней-то и шел разговор с начальником мехколонны Сидоровым перед выходом в путь.

Вон за обтаявшим рыжеспинным от прошлогодней травы увалом, куда «слаломистка» заворачивает, и станет виден весь ее спуск от перевала. Речка широкими размашистыми петлями, словно дорога серпантинами, течет от борта к борту долины. Тогда, в начале зимы, ее почти безводное в ту пору русло, припорошенное снегом, хорошо просматривалось. Они шли по первопутку и правильно сделали, что решили вначале использовать удобное русло как естественную готовую дорогу к перевалу.

Кто мог тогда предсказать пургу? А по каменным сбросам и осыпям не составляло труда догадаться: лавины по бортам этой долины — дело обычное. В ту пору санный поезд прошел по руслу, щадя целостность речных петель, которые замедляли ток бешеных весенних паводков, надежно предохраняя долину от размыва.

Вот тогда-то колонне, идущей на перевал, погода и подстроила ловушку. Пурга заставила их пробиваться напролом...

Сейчас, глядя на мутную, пенистую воду, необычную для горных речек, Лютов понимал, что там, за увалом, он увидит картину неприятную. Но представшее перед их глазами поразило!

Речка стремительно катилась по новому, пробитому траками, выдавленному полозьями балков руслу напрямик: сверху вниз, разрубив четыре петли. Вода, казалось, оглушительно звенела, прыгая с камня на камень, подмывая и скатывая их, и вырыла уже метровой глубины каньончик.

Утробин остановил свою машину, шедшую головной. Затормозили и другие. Водители вышли из кабин.

— Кто ж это тут веселился? — Утробин косо глянул на Лютова.

— Мы... По первопутку.
— Первому и последнему,— усмехнулся Бажан.— У мельника вода плотину прососала...
Утробин усмехнулся:
— Гурамишвили, это ты говорил, что в горах земля как пух?
— Я говорил,— мрачно, с вызовом ответил Отелло.
— Глянь, тут целую перину вспороли.
— Сейчас здесь пока трещинка,— сказал Тошка.— А что будет, когда снег на склонах пойдет таять вовсю?
Угрюмый Лютов выговорил негромко:
— Мы тогда едва успели проскочить. Позади нас начали бить лавины...
— Ты мне в мостоотряде чуть глотку не перегрыз, что мы с Тошкой съехали не в том месте. А здесь — «пурга», «лавины»!
Глядел Лютов на дело своих рук и было ему тяжко.
Вдруг вдали, наверху,у первой петли, ярко брызнула, заискрилась под солнцем вода. Там, преодолев какое-то препятствие, прямиком ко второй петле прорвался поток — крошечный намек на сель.
Плечи бурлящего, взбаламученного потока толкались в рыхлые, хрупкие берега, подмывали их на глазах. И минуты не прошло, как мутная волна скатилась вниз по крутому уклону игрушечного каньончика, обдала брызгами траки бульдозеров.
Командор поморщился, словно от боли.
Насупился и отвернулся Гурамишвили.
— Ух ты, черт! — воскликнул скорый на выражение чувств Тоша.— Это — сила!
А Утробин точно припечатал:
— Вот так.
Щеки на исхудавшем от усталости, будто усохшем, лице Утробина ввалились, глаза стали крупнее и нехорошо, недобро блестели.
— Были здесь в тот день лавины? Пурга была? Кто скажет? — перешел на крик Утробин и, столь же неожиданно сломив свой порыв, договорил почти спокойно:— Вот так, мужики. Две бухты троса у нас имеется, думаю, хватит. Будем подниматься вот по этому гребню увала. Тут грунт твердый, за нами не размоет. Воды нет. Лопухи! Не догадались, первопроходчики!
Лютов молчал. Предложение Утробина было верным, толковым, хотя и трудновыполнимым. Только иного-то решения не существовало. А тогда, в начале зимы, все-таки требовалось следовать по руслу, по пути почти безводной в то время реки. Если бы не пурга!

VI

На тяжелый и долгий подъем по увалу водители потратили весь световой день. Они вели машины, как одержимые, выжимая из себя последние, казалось, силы и все, что можно, из моторов. Бульдозеристы мечтали об одном: там, на верху увала, в темном, свежайшем и душистом еловом перелеске, маячившем у линии таяния снегов, они отдохнут, выспятся врастяжку на лапнике.

Пусть к перевалу еще надо будет пробиваться сквозь сугробы метра в два высотой, бить в них траншею. Но это — потом, завтра. Утром, после сладкого безмятежного сна в покое, в тишине.

Лишь механик думал об ином.

Весь день ярилось в голубизне солнце, и, стоило глянуть в сторону, каждый видел, как набухавший на глазах ручей мчался по склону по прямой, минуя спасительные для долины петли старого русла.

И это видели все.

Колонна остановилась впритык к одному из островков пышного ельника, утопавшего в снегу. А за ним шли снежные поля, глубокий снег, в котором завтра придется пробивать траншеи в рост человека, а может быть, и глубже.

Разбили палатку, в которой можно было выспаться на славу, не свернувшись калачиком, а вытянув натруженные, тоскующие по отдыху ноги, улегшись в удобные спальные мешки. Они уже отдыхали, видели сны наяву, заставляя себя ожидать, а потом прожевывать ужин.

За едой Лютов сказал:

— И этот ельник, приютивший нас, и весь лес в долине через год, ну через два погибнут.

— Вы виноваты! — вырвалось у Тошки.

— Даже если мы кругом виноваты...

— А кто же еще? — с набитым ртом едва выговорил Утробин.

— Даже если мы кругом виноваты, — упрямо продолжил Лютов, — сейчас есть еще возможность спасти и лес, и всю долину. Мы спустимся обратно, вниз. И ночью, когда вода спадет, засыплем, заделаем прораны в старом русле. Тогда река пойдет завтра по нему. Решайте!

— Почему это нам решать? — Утробин, приготовившийся лезть в спальный мешок, хлопнул себя по коленям, обтянутым теплыми подштанниками. — А?! Скажите, люди добрые! Ответьте! Они — вот такие вот механички! — изгадят землю, испоганят ее, а потом придут барашками, станут к сознательности призывать. Так что ж! Мы-то вот с вами, ребята, чем виноваты? Только тем, что не было нас здесь тогда! Пурга, говоришь? Боялись людей, видите ли, потерять? О чем раньше думали? А?! Сказать нечего? Нечего!

Отелло стянул шапку и, зажав ее в кулаке, стал бить ею, словно боксерской перчаткой в ладонь другой руки.

— Подожди, Утробин, — встрепенулся Лютов. — Когда же было думать? В дороге перед перевалом нас пурга застала. Вниз катиться? Какой же смысл? Там, у подола, нас бы замело. А тут в километре — скальная гряда, что ширма. Мы разведали — тихо около нее! Где это твое «раньше»? Когда, по-твоему, думать-то нам следовало?

— Еще раньше! — зло и упрямо сказал Утробин.

— Да ты смеешься, Селиван! — Тараторин сплюнул и усилил громкость транзистора. Это всегда являлось признаком того, что он собирается одеваться. Беспрерывно играющую «Селгу» Тошка спрятал под свитер, потом стал натягивать ватник.

— Зачем же смеяться? — поглаживая ладонями крепкие колени, обтянутые теплыми подштанниками, раскачивался Утробин.— Плакать над вами, дураками, надо. Одни нагадили, а вы убирать собрались. Вот пусть он, этот механик, и попашет и попляшет под луной. Ха-ха-ха!

Заматывая на шее шарф, Бажан сказал:

— Ишь, какой идейный противник! Работать тебе не хочется, Селиван. Ведь за пахоту под луной не заплатят. Он бы пошел, если бы заплатили за особую выработку. Он бы плясал за рычагами — рванул на себя гривенник. От себя — гривенник, двинул отвалом — рубль.

— Зачем обижать человека? — пожал плечами Тошка.— Старый. Устал он.

— Я устал? — почти взвизгнул Утробин.— Да я вам сто очков вперед дам! Надо было бы пройти эту трассу за четверо суток вместо недели, как вы колупались, я бы прошел! Днем и ночью вкалывал бы, а прошел! Только ломать горб за чужие грехи — спасибо! Ишачьте сами!

— Шейлок он,— сказал Гурамишвили, перестав мучить ушанку и напялив ее наконец на голову.— Он все меряет на аршин рубля! Не знаю, могли или не могли люди в пургу не пойти на крайнюю меру. Верю — не могли! Лютову верю. Пойду ишачить. И спасибо Лютову — честно признался: надо спасать землю на склоне, реку спасать, тайгу, которая останется без воды, зверей, теперешних и будущих. Знаю: сейчас надо спасать. Сегодня, а не завтра.

Тараторин натянул телогрейку, поправил за пазухой попискивающую «Селгу»:

— Сейчас даже не важно — кто виноват.

— Потом поспорим,— поднялся Бажан,— когда речку загоним в русло. Пошли,— и плечом откинул полог палатки.

— Он старый человек,— бормотал Тошка, застегивая поверх ватника широкий солдатский ремень.— Бедный человек...

— Бедный? — снова взвился голос Утробина.— Да я тебя с потрохами куплю!

За брезентовой стенкой резко застрелял пускач. Тошка, не желая, видимо, повышать голоса, повертел неопределенно рукой и тоже вышел. Проговорив еще что-то в спину Тошки, Утробин лег на нары и укрылся с головой. Забил второй пускач, потом третий.

Лютов все еще сидел у наспех сбитого стола, тупо глядя на мерно чадящее за проволочной решеткой пламечко фонаря «летучая мышь». Он все еще надеялся, что неожиданно долгий для него разговор — всего лишь упрямое препирательство Селивана. Вот-вот Утробин откинет с головы ватник, может, захохочет, натягивая штаны, и они, все пятеро, отправятся вниз. Они спустятся к перебитым тракам и полозьями балков берегам онемевшего от ночного заморозка ручья и наложат на пробоины пластыри грунта и щебня. Они будут работать всю ночь, а когда часам к десяти утра солнце прогреет склон и юркие талые воды зазвенят по камням, час от часу набирая силу, поток не обрушится в проранЫ, не станет вымывать на склоне зачатки оврага, чтоб через год или два превратить его в глубокий мертвый каньон.

«Ерунда какая-то...— думал Лютов.— Как это — взял да и

повернулся человек неожиданно спиной ко всем? Может быть, мы, конечно, виноваты в том, что произошло зимой. Пурга помешала обдумать как следует дорогу. А цель была рядом — ясная, притягательная, дающая успокоение и отдых. Да, ясность цели не определяет правильность пути».

Лютов подошел к Утробину.

— Селиван! А, Селиван! — громко позвал он.

Вскочил Утробин, дико глянул на него:

— Иди, иди, механик! Прибирай свое дерьмо!

— Ты вот говорил — раньше думать следовало...

— Да! Что тебе надо? — взъярился Утробин.

— Раньше, допреж, значит...

— Ну что! Что? Тетеря! Заладил — «думать», «думать»... Свое за собой я сам подберу. Я! Сам! А чужое не ем.

— Как же ты завтра в глаза ребятам посмотришь?

Утробин ухмыльнулся и поводил пальцем перед носом Лютова:

— А это — одно другого не касается. Ясно? Ме-ха-ник!

— Ясно...— кивнул Лютов.— Разве я о том?

— А то за такие фортели, ну, коль оставите, статья в законах есть. Слышал? И машину не тронешь. Я за нее отвечаю.

— Знаю...— Лютов снова покачал головой.— И я отвечаю тоже.

— Вот и топай, механик. И не буди! Не мешай мне спать мои законные часы! Все!

Рокот одного пускача перешел в утробный рокот двигателя.

Пора, давно пора было уходить Лютову к ребятам. На всякий случай, уж совсем безнадежно, он потоптался у выхода из палатки.

Укрывшись с головой, Утробин не шевелился.

Тогда Лютов вернулся, захватил лампу «летучая мышь» и, не задерживаясь более, вышел.

Площадку у палатки заливал свет фар бульдозеров, готовых к спуску. К Лютову подошли ребята.

— Он, по-моему, просто выдохся, вымотался,— сказал Лютов, кивнув в сторону палатки.

— По-вашему...— неопределенно выговорил Бажан.— А нам с ним здесь, на перевале, работать. По-вашему...

— Да, по-моему,— твердо отчеканил Лютов.

— Ладно. Будем считать «по-вашему»,— покачал головой Гурамишвили.— Сейчас. А там посмотрим.

— Мне что делать? — спросил экскаваторщик Бубенцов.

— На фонарь. Маяком пойдешь. А я все-таки поведу его машину.

Лесные тропы

Очерки

Василий Песков

Ночлег на мельнице

Уже несколько лет в разных местах я спрашивал: «А не осталось ли где-нибудь водяной мельницы?» Ответ был всегда одинаков. И я решил уже: увидеть мельницу невозможно. А ужасно хотелось. И как некоторым чудакам кажется, что не все мамонты вымерли, что где-нибудь в недоступных лесах остался все же ну хоть один из этих покрытых шерстью слонов, так и я верил в чудо. И не напрасно!

Недавно в Брянске поплавок моей на удачу заброшенной удочки вдруг шевельнулся. Вместо обычного «нет, не помню» один человек сказал: «Мельница?.. Да хотите сегодня же съездим...» В тот же час мы и тронулись.

И обнаружилась мельница эта не в глухомани, не в забытом богом и техническим прогрессом дремучем лесном углу, а в семидесяти километрах от Брянска, почти у самой дороги в древний Трубчевск.

Сначала мы увидели речку. Она отличалась от многих маленьких речек, текущих в этих местах: в ней вдоволь было воды. Русло было заполнено до краев. Берега опушены зарослями таволги, ивняка и рогоза. По заводям плавали гуси. Расходились круги от рыб. И шел от речки волнующий запах здоровой воды, запах прибрежных трав и донных растений.

Мельница была где-то недалеко, за холмом. Мы с другом вышли из «газика», чтобы пешком, по тропке, пробитой в упругой траве, не спеша подойти к этому «мамонту», уцелевшему среди телефонных столбов, среди дорог, покрытых асфальтом, среди опор электрических линий, среди всего, что быстро и не всегда к лучшему меняет облик земли.

— Вот она вся тут, глядите...

Встречный пастух оказался прирожденным экскурсоводом. Он сразу повел нас на место, откуда лучше всего было глянуть на мельницу.

— Поставлена без промашки. Откуда ни глянь — благодать для села.— Старик поглядел: понимаем ли смысл дорогого ему словца благодать?— Этим и взял молодой председатель. «Давайте,

говорит, мельницу подымем. Была же когда-то». Ну мы, конечное дело, молчим. Не было еще такого председателя, чтобы с мельницы начинал. Выжидаем. Говорим для порядку: «А зачем она, если электричества вдоволь, исправно мелем зерно-то». А он на своем: «Вода в хозяйстве нужна? Нужна. Зерна много надо молоть? Много. Ну и благодать-то какая будет — украшение всей деревни!» И ведь не наш, не чижовский. Приезжий. Агрономом до этого был... Ну вот и взялись с его легкой руки. И сделали. В одно лето все сделали.

Мы испытали редкое удовольствие, беседуя с пастухом. Мы рады были увидеть хотя бы остатки водяной мельницы. А тут не просто поэтический символ — настоящая крепкая мельница исправно делает свое дело! И вокруг нее та самая необходимая человеку благодать. Вода, вербы возле воды, гуси пасутся и лошади, ребятишкам есть где резвиться.

По словам пастуха, мельница тут стояла испокон веков. «Никто не помнит — ни дед мой, ни прадед, когда поставили первую. Сгнивало дерево — новый сруб ладили».

Всего на Пóсари стояло девять мельниц. Плотины строили из плетней, земли и соломы. В каждое половодье их уносило. Строили новые. Хлопот было много. Однако все окупалось — было у деревенек воды сколько надо, «водяной силой» мололи тут зерно, толкли коноплю, ловили у мельниц порядочно рыбы...

Чижовская мельница пережила все остальные. После войны ее разок починили. Но потом, когда пришла в деревню «удобная электрическая сила», возиться с мельницей поленились... Молодой председатель Алексей Верховец не просто хозяйским глазом глянул на землю и на житье деревеньки. Он сразу же уловил: мельница всегда была радостью для Чижовки. «Алексей Петрович разыскал стариков, какие по этому делу мерекали. И сам наблюдал, чтобы все было сделано, как полагается»,— сказал нам пастух.

От «технического прогресса» председатель тоже взял, что годилось к этому случаю. Специалисты хорошо спроектировали колхозу плотинку. Хорошо ее и построили — из бетона со сливными проемами...

Три колеса крутились у сруба. С белым шумом лилась на колеса вода. У плотины стояли подводы с мешками, мальчишки удили рыбу. Гусиные стаи обрамляли эту картину.

Устройство мельницы не нуждалось в каком-нибудь пояснении. Все было почти на виду. Подпертая вода по трем деревянным лоткам лилась на колеса с широкими «перьями». Валы колес деревянными шестеренками («зубья кленовые, поглядите, как кость, блестят»,— объяснил мельник) соединились с валами, вертевшими жернова.

Мы заглянули под крышу первого этажа в момент, когда крутились два из трех жерновов. В белом мучном тумане двое работавших тут еле угадывались. Один из мельников отгребал в мешки размол ячменя, другой в углу «ковал» жернов. «Стирает-

ся... Неделя — и надо его подымать. Вот так зубилом почешем и снова на место».

От камня летели искры. Шумела за бревенчатой стенкой вода. С ровным гулом вертелись тяжелые мукомольные камни. И непрерывным ручьем из-под них лился теплый на ощупь, духовитый размол зерна.

— Сколько же за день?..

— А сколько хочешь,— весело откликнулся мельник.— Мелем колхозу, мелем колхозникам, вам, если надо смолоть,— привозите!

Оказалось, этот старинный снаряд может переработать в сутки четыреста с лишним пудов зерна.

— Мелем и ночью — вода всегда готова работать. Мелем зимой. Ледок пообколем и запускаем — пар стоит от тепла!

Мы вышли с мельником на порог. Из деревни по дороге к плотине важного вида петух вел десятка четыре кур.

— Кормятся тут, у мельницы. Рыбешка тоже к этому месту льнет.

— И люди?

— А как же! Мельница — вроде клуба. Ожидая помола, кто брешет, кто слухает, кто песни играет. Бывает, и подерутся. Добавлю-ка я водицы...

Мельник поднял затворы, и сразу же над колесами увеличился белый гребень.

А потом был на мельнице и ночлег. В Трубчевск в гостиницу мы решили не ехать. С благословения председателя Алексея Петровича Верховца принесли на мельницу сена, расстелили брезент.

Спать, однако, почти не пришлось. Уже в темноте председатель привел какого-то старика и представил:

— Вот, познакомьтесь, настоящий профессор по мельницам...

Профессором оказался наш знакомый пастух Купреев Григорий Степанович. Он первым и поддержал председателя. Все сам рассчитал, спроектировал и направлял потом плотников. Мельничное дело Григорий Степанович знал от отца. Так и велось. Без чертежей, без всяких бумаг, понятное дело, строили. Все в голове держали.

Разговор о тонкостях дела протянулся за полночь. Когда мы вышли проводить мастера с председателем, над мельницей стояла луна. Видно было лошадей на лугу, на плотине бормотали пришедшие на ночлег гуси. Пахло поспевшими травами, мокрым деревом и мукой.

— Благодать...

— Благодать,— отозвался старику председатель.

У крайних дворов Чижовки кто-то шел с транзисторным приемником:

Балалаечка играет, балалаечка поет.
Балалайке дайте ножки — балалаечка пойдет...

Шаги и радиоголос растаяли в темноте.

— Года... Когда-то я тут вот так же ходил,— вздохнул старик.— С балалайкой ходил. Остановлюсь, бывало, послушать, как ночью шумит вода у колес. Вот так же шумела...

Мы попрощались. И ворочаясь на сене, долго еще не могли заснуть, слушая, как за стеной, пробиваясь сквозь щели, шумит вода.

Дикая жизнь

Первый раз я увидел их года четыре назад. В осеннем лесу вечером пугающе-громко листья шуршат даже под лапками мыши. На меня же из темноты сквозь белесые стебли сухой крапивы явно неслись кабаны. И только в последний момент я понял, что это собаки. И испугался. Откуда собаки на ночь глядя в лесу?

Собаки, как видно, тоже не ждали встречи, гавкая, они смешались и кинулись врассыпную. Но через долю минуты я их увидел бегущими строгой цепочкой. Поляна между дубами, и по ней друг за дружкой — быстрые тени. Я насчитал их более десяти.

Через неделю в деревне Зименки я заглянул к пастуху Василию Ивановичу Боровикову, полагая, что озадачу его рассказом. Но он не раз уже видел эту компанию.

— Дикие. Они тут хуже волков. Будешь идти опушкой — возле ручья увидишь мертвого кабана. Считаю, они загнали...

Так состоялось знакомство со стаей. С тех пор следы ее жизни я наблюдаю почти всякий раз, когда приезжаю в знакомый мне до последней тропинки лес к востоку от Внукова. Зимой в стогу обнаружили логово, где собаки спасались от холода. В другой раз по следам удалось проследить, как собаки гнались за лосем. Одолеть огромного зверя они не сумели, и, возможно, охота была лишь спортивным азартом. Но кровь на снегу говорила, что дело дошло до зубов и лосю пришлось защищаться. Нетрудно было представить при встрече с собаками участь лосенка, зайца, лисы и всех, кто не в силах был постоять за себя. Зубастый гребешок своры буквально прочесывал лес. Повсюду, где раньше встречались узоры разных следов, теперь видны только следы собачьи.

Однако дичь сравнительно небольшой территории не могла прокормить ораву прожорливых хищников, и я не удивился, когда застал однажды собак на примыкающей к лесу пашне — «артель» охотилась за мышами.

В бинокль я в отдельности разглядел каждого «землекопа». Их было двенадцать. Лапы и морды у всех перепачканы черноземом. И только эта деталь окраски как-то объединяла разношерстную, разнокалиберную компанию. Рядом с маленькой белой собачкой добычу искал огромный рыжий лохматый пес. Столбиком сидел явно заметивший меня у опушки еще один беспородный лохмач черного цвета. Большая, похожая на овчарку особа, не принимая участия в ловле мышей, лениво лежала возле кучи старой соломы. Верховодил в этой артели кофейного цвета ловкий поджарый кобель. Я видел, как походя он куснул черного, и тот отскочил в сторону, даже не гавкнув.

Несомненно, этот странный и необычный коллектив был как-то организован. Распределение ролей на охоте, дележ добычи,

взаимоотношения полов, степени подчинения, соблюдение дисциплины, манера передвижения — все это регулировалось какими-то незримыми для меня правилами. И удивительней всего — правила эти былн «написаны» заново, как только возникла эта собачья вольница. Впрочем, так ли уж заново? Скорей всего в каждой из этих собак ожило наследство стайной, подчиненной стройным законам жизни. Однако и опыт общения с человеком тут не забыт. Живут почти на виду у людей. Но как удивительно ловко избегают они опасность! В который раз наблюдаю за ними. Но только бинокль помогает как следует их рассмотреть. Днстанция в восемьсот метров предельна. И на этот раз стоило мне, продвигаясь опушкой, чуть-чуть приблизиться, как сидевший столбиком черный сторож вскочил, н мыши мгновенно были забыты — вся стая неторопливой цепочкой затрусила в ольховые крепи. Как всегда, впереди был Кофейный, за ним — белая гладкошерстная собачонка. Здоровый рыжий лохмач с воннственно задранным кверху хвостом замыкал шествне.

Историю их появления удалось проследить без труда. За деревней Летово одну из лесных полян отвели под огромную свалку. То, что мы с вами спускаем в мусоропровод и что потом с наших дворов увозят мусоросборщики, попадает сюда за город, на свалки. В хаосе всяких отбросов, обрывков, обломков и отслуживших вещей есть н остатки пищи. Для бездомных собак свалка — это просто обетованная земля. И очень много бродячих псов, нзбежав ловчей петли санслужбы, нашло дорогу за город и осело у свалок. Тут тоже не вполне безопасно — санитарная служба не дремлет. И все же, добывая в мусоре пропитание, легко увернуться от выстрелов — рядом лес.

По наблюдению знакомого мне пастуха, у свалки в Летово образовались, как сказал бы ученый, две популяции собак. Одна была прочно привязана к свалке (и, конечно, ее без большого труда истребили), другая почувствовала вкус дикой жизни и превратилась в стаю вольных охотников. (Возможно, и не в одну стаю.) Можно представить, каким суровым н жестким был в этой группе отбор. И, надо полагать, только немногим удалось приспособиться к дикой жизни. Однако потомство от новоявленных дикарей было, конечно, жизнеспособным.

Однажды летом на дорожке в густом орешнике меня облаял прелестный щенок. Это был лоснящийся темно-бурый футбольный мяч с хвостиком, с торчащнмн вверх ушами и двумя угольками глаз. Держался он с покоряющей смелостью. Я присел достать нз мешка фотокамеру, а щенок лаял, загородив тропинку, уверенный: этот лес принадлежит ему, н только ему.

Снимок сделать не удалось. За спиной послышался шорох и рычание взрослой собаки... Все остальное длилось не более двух секунд. Маленький шалопай был схвачен за холку, н я не успел даже как следует разглядеть рассерженную мамашу — с мгновенно притихшей ношей она нырнула в орешник. Около часа я лазал в крепях, надеясь разыскать логово, но напрасно.

Жена зименковского пастуха Надежда Герасимовна, услышав

рассказ о встрече в лесу, в свою очередь рассказала, что раза три видела в разных местах щенят... Собачья вольница жила полноценной жизнью, пополняясь потомством, взращенным по правилам дикой природы.

Но лес и пашня с мышами никак не могли прокормить возраставшую шайку диких охотников. Рискуя попасть под выстрелы, они, несомненно, ходили и к свалке. Однако минувшей осенью свалку закрыли. Возвышаясь в лесу огромным холмом, она уже не вмещала отбросов. Гору хлама слегка разровняли бульдозером и оставили зарастать бурьяном.

— А что же собаки? — спросил я старых друзей, найдя их дома у печки.

— О, такие новости! — сказал пастух.— В Прокшино у Дмитрия Воробьева разорвали собаку. В Филимонках едва отбили у них телка. В Пенино на прошлой неделе двух коз порешили...

— Да врут, наверное, Василь Иванович,— подзадорил я собеседника,— и про волков, ты ведь знаешь, много всяких рассказов...

Пастух не обиделся:

— Врать могут. Но ведь легко и проверить — Пенино рядом.

Я вырезал палку потолще и вышел из лесу к Пенино, когда в деревне уже светились окна.

— Не у вас ли собаки коз порешили? — с порога вместо приветствия спросил я хозяев.

— У нас...— нерешительно ответил мужчина, чинивший шапку...

Оценив интерес собеседника к подробностям происшествия, хозяин сказал, что сейчас приведет человека, который видел все сам.

Вернулся он с соседкой Сидоровой Марией Алексеевной. Она рассказала, что 9 октября днем шла с работы и шагах в пятистах от опушки, за деревенскими огородами, увидела: стая собак рвет козу. Бедняга была привязана и только отчаянно блеяла. «Я закричала, замахала руками. Они отбежали к лесу и стали глядеть на меня. Тут я заметила, что слегка опоздала. Козы было две. Одна стояла, тряслась. А другая чуть в стороне лежала уже без движений».

Расспросив Марию Алексеевну, как выглядели собаки, я узнал в разбойниках старых своих знакомых.

В Пенино и в Зименках, как и во всякой лесной деревне, есть, конечно, охотники. Но в последние годы в большом «зеленом кольце» Подмосковья охота запрещена. А тут вдобавок и не на кого было охотиться — собаки чистили лес под метелку. И надо ли удивляться — владельцы ружей при общем сочувствии объявили собакам что-то вроде священной войны.

Недели три я не был в этих местах. А появившись как раз перед зазимком, завернул за «собачьими новостями».

— Война... Война идет! — засмеялся пастух.— Одну застре-

лили. Этим и кончилось. Они хитрее охотников...

В тот день удивительный случай помог мне не просто снова столкнуться со стаей, но и стать свидетелем драмы, какую не так уж часто встречаешь в природе.

После долгой погожей осени наступила пора ненастья. Лес был тихим и кротким. Из Зименок после чая у пастуха я шел вдоль ручья, дивясь, как искусно, возле самой тропы, прятали гнезда сороки. Сейчас в облетевших ольшаниках гнезда висели подобно забытым шапкам. И вдруг где-то рядом раздался раздирающий душу крик. Я не понял даже сразу: человек или зверь? Но почувствовал: так может кричать существо, оказавшись в большой беде. Подбежав к повороту ручья, я никого не увидел. И хотел уже двигаться дальше, но оглянулся и на кладке через ручей заметил что-то пушистое, по виду похожее на ондатру.

Но это была собака. Минуты было довольно, чтобы понять беду, в какой она оказалась. Друзья по стае были тут, рядом,— я видел, как в редколесье мелькнули Кофейный и белая собачонка. Но мое появление было для них сигналом — спасаться. А эта, попавшая в западню на мостике, как видно, приготовилась к самому худшему. При моем приближении собака взвыла и затряслась мелкой дрожью. В ее глазах я увидел страшную ненависть и бессилие.

Кладка через ручей была сбита поперечными планками из трех липовых жердочек. Тут, опираясь на шест, проходили в Зименки люди. Собаки тоже, как видно, не раз пробегали по жердочкам. Но в этот день моросил дождь. Все было мокрым и скользким. Одна из собак оступилась. Лапа ее скользнула меж двух пружинящих жердочек, собака свалилась в ручей, заклинив в нежданном капкане заднюю ногу. В таком положении я ее и застал: нога и хвост наверху, туловище в воде, а голова над водою с другой стороны мостка. Большего бессилия и безнадежности трудно было представить...

Странное существо человек. Профессор Гржимек, вспоминая о встрече с животными в Африке, говорил: «Нельзя равнодушно смотреть, как лев сбивает с ног антилопу. Понимая законы жизни, антилопе все же сочувствуешь. Но однажды я встретил в саванне старого льва. Глаза у зверя слезились. Он не мог не только охотиться, но даже двигаться — антилопы небоязливо ходили в десятке шагов. И что вы думаете, я сделал? Я застрелил антилопу и положил ее старику...»

Тут на ручье у Зименок возникла похожая ситуация. Я лучше, чем кто-либо другой, понимал, каким злом для всех обитателей леса были эти собаки. Но поднять сейчас руку на терпевшего бедствие или даже пройти равнодушно мимо не смог бы, как я подумал, даже старик, потерявший недавно козу. Сделав несколько снимков, я стал искать способ помочь собаке.

Дело оказалось не слишком простым. Ручей от дождя вздулся, и гибкий мостик, как только я на него ступал, уходил в воду, грозя утопить и собаку. К тому же собаке не объяснишь намерений, и надо было соблюсти осторожность, как только пленница станет свободной. Я отыскал шест подлинней и покрепче и стал концом его раздвигать жерди, державшие лапу. Минут пять

я возился, доставляя собаке мучения. Но, странное дело, она поняла, что бояться меня не надо. Она по-прежнему мелко дрожала. Но глаза! На меня глядели испуганные и преданные глаза. Я подумал: вот так же, наверное, собака глядела когда-то на своего хозяина.

Для успеха неожиданной операции нужна была помощь самого пострадавшего. Надо было заставить собаку нырнуть и выскочить по другую сторону мостика. И собака сообразила, что надо делать. Она нырнула, и сразу же лапа ее скользнула вниз из раздвинутой щели. И все кончилось. Она поплыла к берегу, вылезла из воды, испуганно оглянулась и, приволакивая ногу, кинулась в лес...

Недавно уже на лыжах я сделал обход «своих» мест. Собачьи следы! А были когда-то и заячьи, лисьи, и даже тетеревов лет пятнадцать назад я снимал в лесах между Киевской и Калужской дорогами...

Теперь осмысление этой истории... Есть такое понятие «экологическая ниша». Оно означает, что в сложных хитросплетениях живой природы для каждого существа есть свое определенное место. Оно обусловлено многими причинами длительной эволюции. Упрощенно так: карась в воде существует при наличии в ней подходящих для этого вида рыбы условий — характер пищи, температура и состояние воды. У щуки своя экологическая ниша: она в воде, «чтобы карась не дремал».

Такой «щукой» в наших широтах искони был волк. Он занимал нишу хищника — регулятора жизни. Но хозяйственная деятельность человека давно нарушила природные связи. Волк стал пользоваться плодами человеческого труда (добыть овцу в стаде гораздо проще, чем, например, выслеживать лося) и этим поставил себя вне закона. Во многих местах волк почти полностью был истреблен. Так, одна из природных ниш оказалась свободной.

Но, как говорится, свято место пусто не бывает, на наших глазах происходит удивительное явление: экологическую нишу волка заполняют дичающие собаки. То, что я наблюдал в тридцати километрах к юго-западу от Москвы, характерно для многих мест Подмосковья. То же самое происходит во Владимирской, Ярославской, Калужской, Ивановской областях. Причем в одних случаях хозяевами леса становятся собаки, в других — уцелевшие волки, не находя себе пару, «обручались» с собаками и давали очень жизнеспособное потомство. Из разных мест сообщают о появлении этих, темной окраски, волков-собак.

Собаки и волки-гибриды — дерзкие и хорошо приспособленные к новым условиям хищники. Они прекрасно охотятся, не брезгуют отбросами и, как видим, готовы задавить козу и теленка, напасть на собаку, стерегущую дом.

Вести борьбу, как уже убедились охотники, с новоявленным хищником очень непросто. Собаки и волки-собаки не страшатся людей и в то же время умело избегают опасности. На облавах, оказавшись в окладе, они прыгают через флажки. Их побаиваются охотничьи собаки. Потомство, как замечено, они приносят в разное время года, приспосабливая под «родильные дома» скирды соломы.

Таков иеожиданный «заместитель волка» в иаших лесах. Волки, впрочем, тоже воспрянули духом. По самым новейшим данным, число их в европейских зоиах страиы за последние восемь лет возросло примерио в четыре раза.

Друзья из берлоги

Это было в середиие лета. После ходьбы по лесу мы присели передохнуть, и вдруг иа поляну к иашему костерку выкатились два медведя-подростка. От иеожидаиности звери поднялись иа задние лапы и, приню хиваясь, с полминуты иас изучали. Мы испугались: по всем закоиам иа сцеие вот-вот должиа была появиться медведица. Но из лесу вышел человек с палочкой, и обстаиовка сразу же разрядилась.

— Вы что же им вроде матери?

— Точиее сказать, опекуи...

Увидев рядом с собой покровителя, медведи сразу же успокоились: иачали вприпрыжку скакать по поляне, мигом распотрошили под сосиой муравейник, а потом, испугавшись чего-то, вериулись к иогам человека и стали тереться иосами о сапоги.

Медведи легко приручаются. На старых ярмарках и в ныиешних цирках звери в обнимку с покровителем-дрессировщиком делают много веселых трюков и, кажется, совсем иеплохо чувствуют себя среди людей. Тут картина была другой. Два резвых зверя были явио свободными и держались в лесу, как подобает держаться диким медведям. Человек рядом с ними вызывал в памяти не циркового артиста, а легеидариого Сергея Радоиежского, к лесиой избушке которого будто бы дружелюбио являлся медведь и брал из рук человека еду.

Пока мы зиакомились с одетым в спортивную куртку и резииовые сапоги ныиешним «отцом Сергием», медведи обшаривали поляиу. Они заламывали кусты, подымали камни, слизывая с них какое-то лакомство, потом исчезли в лесу, и мы ие видели их минут двадцать.

— Не тревожитесь?

— Прибегут...

К лесиому поселку возвращаемся вместе. Для медведей дорога—сплошиая цепь приключений: поймали в луже лягушку, подрались из-за брошеииой кем-то тряпицы, отстают, забегают вперед, повисают, как дети, иа гибких кустах черемухи, привстав на задние лапы, за чем-то пристальио иаблюдают.

Весиой позапрошлого года зоолог Валентин Пажетнов наблюдал за медвежьей берлогой. Шалаш-укрытие ои сделал в полсотне шагов и хорошо видел: в полдень медведица выходила из логова, грелась иа солнце и сиова скрывалась. По звукам зоолог определил: в логове два медвежонка. Особой тревоги, явио чувствуя наблюдателя, медведица не проявляла. Однако в последний день марта оиа вырвалась из берлоги взъерошениой, сделала в сторону шалаша два устрашающих броска. Струхнувшему иаблюдателю пришлось закричать. Зверя это остаиовило и, как видно,

здорово напугало. Сделав большой полукруг, медведица скрылась в лесу и больше к берлоге не возвращалась. На руках человека остались два маленьких, с рукавицу, медвежонка.

Валентин решил попытаться заменить медвежатам мать — выходить их, не отрывая от обычной среды обитания. Задача была непростой. Медвежата ходят за матерью целых два года — перенимают опыт добывать пищу, усваивают, чего надо, чего не надо бояться. Воспитание у медведей — наука тонкая, кропотливая. Человек все тайны звериной жизни не знает, и свои надежды зоолог возлагал на инстинкты. «Воспитание воспитанием, но очень многое в поведении животных определяет наследственная программа. Надо создать условия, чтобы эта программа начала проявляться» — так рассуждал ученый.

На третий день общения с медвежатами подтвердился известный закон поведения животных. В раннем возрасте у них проявляется «инстинкт следования». Малыши, еще не ориентируясь в сложном мире, следуют за движущимся объектом, доверяются ему. Происходит признание-запоминание этого объекта, запечатление его в памяти, рождается привязанность к нему. В нормальных условиях таким объектом для многих животных является мать. А если это будет не мать, закон все равно продолжает работать! Утята, вылупившись из яиц под курицей, за курицей и будут следовать, хотя во дворе они позже увидят и утку. Действие этого закона известно многим: чем раньше новорожденные зверь или птица попали в руки, тем больше шансов их приручить. Если при этом не упущен «момент запечатления», можно рассчитывать на привязанность и преданность животного.

Как проявилось все это в истории с медвежатами?

«Два дня они жили со мной в палатке. Я их кормил молоком, но, кажется, был для них безразличен. На третий день я вышел набрать в ведерко снега для чая, и тут медвежата, как по команде, бросились за мной, не обращая внимания на лужи и глубокие лунки в рыхлом снегу. Казалось, никакая сила не способна их удержать».

Два года прошло уже с той поры, но поведение медведей полностью подтвердило закон привязанности. «Мне помогала работать жена. Но «матерью» был для них я. Испугались — ко мне. Я проявил в лесу к чему-нибудь любопытство — и они тоже. Занялся чем-нибудь необычным — внимательно смотрят. Особого подражания не увидел, но что касается следования — куда я, туда и они. Смена одежды вводит их иногда в заблуждение. Но стоит мне надеть куртку, в которой они признали меня впервые, спокойствие, преданность и доверие сразу же возвращаются». Валентин считает: запечатляют медведи не только зрительный образ, но также звуки и запах. Он склонен думать: для медведей запах играет, возможно, первостепенную роль.

Весну, лето и осень растущие звери и человек провели вместе. Каждый день непременно — лесная прогулка на два-три часа, а время от времени — двухнедельная вылазка. Дальние переходы

медвежата переносили легко и даже затевали возню, когда человека валила усталость. Во время пути они убегали далеко в сторону, непрерывно исследуя все вокруг. Спрятаться от них было нельзя. «Потеряв из виду меня, они начинали бегать кругами, все время их расширяя, попадали в конце концов на мой след и тут же легко находили».

Месяца три (до июля) медвежата вели себя как два маленьких исследователя. Все было им интересно, и они открывали для себя мир, не очень его пугаясь. Летом поведение изменилось. Любопытство все увидеть и оценить по принципу «опасно — неопасно, съедобно — несъедобно» осталось. Но появилась и осторожность. Изучая новый объект, они теперь часто в панике убегали и спасались на дереве. Особый испуг вызывали встречи с большими животными. Столкнувшись неожиданно с лосем, они забрались на сосну и просидели там целый день.

Уже в мае (через месяц после выхода из берлоги) медвежата,

получая молоко из бутылки, стали сами подкармливаться молодой травкой. Постепенно они вовсе были сняты с довольствия и кормились тем, что сами находили в лесу.

Обучать добыванию пищи медвежат не пришлось. Наследственная память помогала им безошибочно определять, что для медведя пригодно и что непригодно. Запах муравейника привел их в сильное возбуждение, и они усердно взялись ворошить явно съедобную кучу, не сразу, правда, поняв, как следует добывать из мусора лакомство. Гнезда полевок и ос они тоже с первого раза зачислили в свой рацион. Птенцы, птичьи яйца, коровий и лосиный помет, травы, слизняки под камнями, черника, малина, брусника, рябина — все находилось в лесу без подсказки.

Однако важно не только найти пищу, но и уметь ее взять. Вот тут иногда возникала загвоздка. Простая штука — сунуть морду в гнездо и проглотить яйца, иное дело — пчелиный борт: лакомство — рядом, а попробуй-ка возьми. Не тотчас медвежата поняли, как надо ловить лягушек, как правильно разрывать муравейники, собирать ягоды. Особенно много хлопот доставил медведям овес. «Попробовали — вкусно! Легли и стали по зернышку загонять языком в рот. Способ явно неподходящий: за вечер кормежки съели граммов по триста зерна... На четвертый день научились собирать в лапу метелки овса и скусывать. На пятый день наловчились орудовать обеими лапами. К восьмому дню сформировался четкий (одинаковый у обоих) прием, каким «убирают» овес все медведи. С восьми часов вечера до двух часов ночи они съедают пять — семь килограммов зерна...»

Восемь месяцев жизни рядом с медведями дали зоологу редкие, уникальные наблюдения. Дикая жизнь, обычно скрытая от людей пеленой леса, предстала перед глазами ученого не разрозненными моментами, а вся целиком.

Эксперимент продолжается. Смысл его состоит теперь в том, чтобы выяснить, будет ли человек и дальше медведям необходим, или, соприкасаясь с ним и доверяя ему, они остались все же животными дикими, способными выжить в природе? Первый ответ на этот вопрос получен.

«Приближалась зима. Если медведи лягут в берлогу, значит, работа была не напрасной, если станут жить под боком у меня иждивенцами, значит, надо поставить точку и отдать зверей в зоопарк...»

Большой надежды, однако, Валентин не питал. Лишь на Кавказе медвежата нередко в первый же год покидают медведицу-мать и уходят в спячку поодиночке. В средних широтах такого не наблюдалось. Но не ложиться же в спячку вместе с медведями? А может, все-таки лягут и сами, если как-нибудь пробудить в них инстинкты зимовки?

В ноябре Валентин увел медведей в укрытое место и принялся, как это делала бы и медведица, строить берлогу: выбрал под сваленным деревом место, стал носить туда мох, еловые ветки. Медвежата на это занятие не обратили внимания. Но вот пошел первый снег, и звери сразу переменились. Притихли. Перестали

кормиться. И тоже принялись за строительство. Но место выбрали сами. Наносили коры, елового лапника, листьев. «Возились четыре дня. И все это время я находился в пяти шагах от зверей».

«28 ноября повалил сильный снег. Медведи укрылись в берлоге, и я уже их не тревожил. Утром услышал: медведи храпят. И тихо ушел».

Зимовка прошла спокойно. В конце марта медведи выбрались из берлоги. Валентин ждал этого часа. Но звери спросонья его не признали, вскочили на дерево и сидели там целый день. «Я издавал привычные для них звуки, неторопливо пробуждая в медведях воспоминания. Наконец, медленно, осторожно они подошли, понюхали куртку. И сразу же успокоились».

Прошла весна. Еще одно лето и осень. Все было, как в первый год,— ежедневные выходы в лес и долгие, трехнедельные путешествия. «У меня была редкая возможность наблюдать,как медвежата превращались во взрослых медведей. Проделал множество экспериментов, выясняя, что значу я для медведей, и как незаметно и навсегда оставить зверей в лесной глухомани».

Вырастить во дворе или в доме осиротевшего медвежонка — дело нетрудное. Но вернуть уже взрослого зверя в природу вряд ли кому удавалось. Зверь, не прошедший лесную школу, тянулся опять к человеку. Можно вспомнить много разных историй, как медведи грабили на дорогах прохожих, запускали лапы в кузова к грибникам. Участь таких животных всегда одинакова: цепь и клетка, а чаще выстрел. Вот почему опыт зоолога Пажетнова так интересен.

Про деда Михаила, мальчика Мишу и ослика Мишку

Деда зовут Михаил, мальчика — Миша, а ослика — Мишка. Все трое живут под Москвой, в деревеньке Валуево. Деду под девяносто. Он был кузнецом в Туле, во время войны чинил пушки в походной кузне, потом служил лесником. Теперь он хлопочет только по дому: пилит дрова, стежки от снега чистит и без ошибки предсказывает погоду.

Шестилетний Миша благодаря телевизору похож на маленького профессора: бездна познаний! Знает, какого цвета на Марсе пустыни, знает, почему идет снег, а недавно сказал, явно подшучивая над дедом, что «солнце на ночь скрывается в Африке, и там его начищают до блеска большим кирпичом».

Мишка-ослик — возраста неопределенного. Родился он где-то в жаркой Каракалпакии. Рано осиротел. С малолетства звали его ишак, а потом, когда попал к мелиораторам, получил еще прозвище Мишка.

У мелиораторов прорва всякой техники на колесах. Но для чего-то, видно, годился и ослик. Три года назад мелиораторы перебрались рыть землю вблизи от Москвы — ослика тоже с собой прихватили. Но для работы в этих местах сподручнее лошадь. «Возьми, дед, осла! — сказал старший мелиоратор.— У нас без работы зачахнет».

Дед взял. И в тот же вечер явился в деревню верхом на осле.

Роста старик отменного — ноги по земле волочились. Люди хватались за животы, стар и мал бежали к дому Михаила Максимыча, как в зверинец. А потом все привыкли. И стал Мишка в деревне Валуево жить-поживать и помогать деду Михайле в работе: возит тележку с сеном, носит из леса вязанки дров. Приспособил его старик ходить бороздою — посадка и копка картошки теперь без ослика не обходятся. Иногда, возвращаясь из леса, Михаил Максимыч садится на Мишку верхом, но уже не потехи ради, а потому что ноги стали слабы.

Самая легкая ноша для ослика Мишки — любимец деда шестилетний Мишутка. Он ловко влезает на Мишкину спину, щекочет бока его голыми пятками и кричит что есть мочи: «В атаку!» Ослик сладко щурится от удовольствия, перебирает на месте ногами или вдруг начинает резво носиться, так что Мишутке двумя руками надо держаться за Мишкину холку.

Дед Михаил следит за этой возней любимцев, облокотясь на прясло. Родни у деда великое множество: сыновья, дочери, внуки и правнуки. Но, схоронив бабку, он остался в своем домишке, ни к кому не пошел. Держит дед черную низкорослую коровенку, двух кошек, пять кур и этого ослика...

Тропинка летом, а в снежную пору лыжня проходит мимо деревни Валуево, и я всегда хотя бы на пять минут забегаю к деду либо напиться, либо погреться. И ослик всегда на виду.

— Живет, сено жует. А чего ж ему...— говорит дед и шарит в кармане, ищет для ослика подсоленную корочку хлеба.— Привык, и снег ему нипочем... Ешь, ешь, азият...

Наблюдая за стариком, я почему-то всегда вспоминаю своего городского соседа. Вот так же он ходит у нас во дворе, возле сверкающих лаком малиновых «Жигулей». В руках непременно тряпица, масленка. Иногда кажется: от постоянной ласки машина преданно замычит, заблеет, завертит от радости колесом. Нет, стоит холодная, равнодушная... А ослик — другое дело. Ослик трется холкой об руку, тычет мягкой губою в ладонь и совсем неглупо смотрит на деда Михайла... Не этими ли ответными чувствами объясняется наша привязанность к осликам, лошадям, собакам, хомячкам, кошкам, ко всему, что дышит, что способно подать свой голос, что может, живя рядом с нами, радоваться и страдать?

Бирма вблизи

Очерк

Валерий Алексеев

Мингаладон

Вы прилетели в Рангун рано утром, в самый разгар сезона дождей. Над двухэтажным зданием аэропорта Мингаладон низко движутся лиловые облака. Поеживаясь от сырости, вы пешком пересекли летное поле и оказались в помещении, деревянным гулом своим напоминающем лыжную базу, с той разницей, что дышится там, как в остывшем предбаннике. В глубине полутемного зала, пригнувшись, бегали мелкими шажками полуголые люди, обмотанные снизу до пояса длинными серыми простынями. Носильщики (один старик ужасно татуирован) взялись за ваш багаж и поволокли к выходу, за которым — яркая зелень, туман и журчание воды.

Местное время — пять часов утра, на улице хлещет дождь. Хлещет — неточно: муссонные дожди с шумом обрушиваются, низвергаются, тяжелые и как будто мыльные — это от пара.

Бирманцы в черных коротеньких курточках, подоткнув свои длинные простыни-юбки, с большим достоинством шагают по лужам в пляжных резиновых слипах. Впрочем, все тут — бескрайняя лужа и на асфальте, и на красной земле. Огромные черные зонты содрогаются под напором дождя.

Носильщики сложили ваши чемоданы у входа, уселись на корточках и, не обращая на вас внимания, закурили толстые зеленые сигары. А вы стоите и любуетесь огромной зонтичной акацией, крона которой выдержала бы сравнение с куполом выставочного павильона в Московском парке Сокольники. Треть Рангуна укрыта под кронами таких деревьев, но этого вы еще пока не знаете. За акацией в тумане кочковатые холмы, а дальше — то ли купы низких деревьев, то ли хутора, не разобрать.

Дорога в город — извилистая, красивая, меж прудов, под деревьями, вдоль банановых листьев, по которым барабанят струи дождя. Сквозь окно автомобиля почти ничего не видно, по обе стороны тянутся бесконечные ограды из длинных полос жести в круглых дырках. В нашей стране подобные полосы — отходы производства, но откуда так много этих отходов в Рангуне, трудно понять. Вам объясняют, что по этим полосам двигалась десантная техника союзников в годы второй мировой войны.

Вдруг что-то желтое, яркое, вознесенное в небо просияло за

окном. Вы встрепенулись: неужели Шведагон, знаменитая пагода, на облицовку которой, как пишут, уходят центнеры золота? Неужели она? Вас успокаивают: нет, это обычная крохотная пагодка, каких здесь тысячи. Ступа Шведагона стометровой высоты, вы ее не пропустите.

Наконец мелькание сырой зелени за окном вам прискучило. «Скоро ли город?» — спрашиваете вы. Между тем вы давно уже едете по Рангуну.

Рангун

Сказать, что Рангун утопает в зелени,— значит, ничего не сказать. Город утонул в ней, его просто не видно. Густые шубы мелкой бамбуковой листвы, зеленые изгороди, кусты и деревья, сплошь опутанные вьюном, слились в водопады зелени, накрыли город как одеялом, заглушили его, как бурьян глушит заброшенные усадьбы. Лишь кое-где в просветах виднеются черные, как бы промокшие насквозь, дома из просмоленного дерева с белыми резными карнизами. Дома эти кажутся нежилыми, должно быть, оттого, что их окна зияют незастекленными дырами, и видно все, что внутри комнат. Ни многоэтажных зданий, ни стеклянных витрин, ни просторных тротуаров. Зато — обилие цветов. Белые, желтые и розовые магнолии, лиловые, красные и белые плети бугенвилий и безымянные сиреневые вьюнки, которыми усыпаны живые изгороди.

Дождь кончился внезапно, вокруг посветлело. Вы с удивлением рассматриваете рычащий, дымящий, дребезжащий транспортный поток. Первое впечатление — это ожившая автомобильная свалка. Древние, проржавевшие грузовики послевоенных времен, трехколесные оранжевые такси с брезентовым тентом, ветхие автобусы, накренившиеся от перегрузки так, что слипы висящих в дверях пассажиров чиркают по земле.

Велорикши, подоткнув мокрые до ниточки юбки, усердно крутят педали своих трехколесных двухместных колясок. А седоки, заботливо укутанные полиэтиленовой пленкой, спокойно поглядывают по сторонам. Каждая транспортная единица катится по собственным правилам, совершая немыслимые обгоны и повороты. Бирманцы и бирманки переходят улицы где попало, не глядя на машины и рассеянно улыбаясь, когда рядом визжат тормоза.

Вас удивляет отсутствие магазинов. Кое-где у обочины под навесом из сухих листьев продаются поштучно сигареты и какие-то сладости, аккуратно расфасованные в целлофановые пакетики. Да еще то здесь, то там стоят низкие столики с вареной и печеной снедью, которая тут же готовится на дымном огне. Присев на корточки, мелкий чиновный люд поспешно завтракает под навесом, расплачивается с торговкой и, подобрав юбки, спешит по своим делам.

Магазины, мастерские и лавочки остались в стороне от вашего пути. Все это — в Нижнем городе, ближе к реке. Нижний город тесно застроен двух-трехэтажными домами, стены которых окрашены в светло-серый, а ставни — в голубой тон. Сейчас, в сезон

дождей, Нижний город кажется обомшелым, оттого что в каждой трещине, на каждом карнизе домов, в каждой выбоине тротуаров выросла зелень. Выделяются красно-желтые внушительные здания министерств, темно-коричневые с позеленевшими крышами глыбы католических соборов. Все это вы увидите потом, на следующий день. Первое впечатление: города нет, город утонул в зелени.

Жилье

Но вот вы и на месте. В вашей комнате густые металлические сетки на окнах, огромный пропеллер фена под потолком, кресла и стулья с плетеными «дачными» сиденьями. Вся мебель тиковая: тик не по вкусу жучкам и термитам, даже мелкие муравьи избегают на него заползать, разве что их приманишь чем-нибудь сладким. Отнеситесь к муравьям серьезно: эти твари кусают безжалостно, до волдырей. Не пугайтесь, если на стене или на потолке увидите черноглазую ящерицу эй-мяу: это животное здесь считают домашним, оно совершенно не интересуется людьми и охотится на комаров. Если вы начнете преследовать эй-мяу, она отбежит от вас по стенке и, покачивая укоризненно головкой, зацокает языком.

Вы подходите к окну. Внизу — двухэтажный дом из темных досок, окна забраны проволочной решеткой с очень крупными ячейками, то ли от жуликов, то ли от летучих мышей, но уж никак не от насекомых. Внутри дома, в полутьме, на сыром полу копошатся детишки. На траве вокруг разложены свежевыстиранные темно-синие простыни с белой каймой. Рядом, под сенью магнолии, на небольшом костерке хозяйка готовит еду.

В подворотне соседнего дома подростки в длинных юбках-лонджи лихо играют в чинлон — самую популярную в Бирме игру, отдаленно напоминающую футбол. Мяч вылетел наружу и застрял в луже посреди травы. Один из игроков побежал за ним и со смехом упал прямо в воду. К нему бросились остальные, началась возня.

Три степенных тетушки, сидя на скамеечке у стены, курят огромные сигары и наблюдают за игрой ребятишек, время от времени с любопытством поглядывая на ваши окна в надежде увидеть новых жильцов.

Вот прошли четыре девушки в белых блузках и длинных ярко-зеленых юбках: старшеклассницы или студентки. Черные волосы их распущены по плечам, лица очень миловидны. Жаль, что девушки так щедро расходуют запасы желтой пудры «танака» (точнее, не пудры, а растертой коры дерева, которая, как уверяют бирманцы, позволяет женщинам предохранить лицо от солнечных ожогов). Щеки девушек густо вымазаны желтым, без малейшего желания скрыть эту косметическую тайну от посторонних глаз.

Одна из девушек, чистенькая, веселая, с цветком магнолии в волосах, подбежала к темному проему дощатого дома, наклонилась и что-то крикнула внутрь, а ее подруги засмеялись. Из дома вышел голый по пояс мужчина, улыбающийся рот его красен от жвачки-бетеля. Он встал на пороге и лихо сплюнул красную слюну. Потом ловко распустил свою клетчатую юбку во всю

ширину и завязал спереди небрежным узлом, проделав это столь же привычно, как мы ослабляем узел галстука. Ему было весело и хорошо, девушки тоже смеялись.

Позднее вы убедитесь, что этот дощатый дом, который так поразил вас шаткостью и пустотой,— далеко не самый бедный в Рангуне. Но разумеется, и не самый богатый. В районе Голден-Вэлли (да и вообще в стороне от дымных автобусных трасс) вы увидите только что выстроенные особняки с разноцветными стенами, балконами и верандами, гаражом с бетонным подъездом, даже золоченую пагодку на террасе. Неприступные, как крепости, наглухо отгороженные от города, особняки безмолвствуют. Только мерно гудят их кондиционеры.

Шведагон

Отдохнув, вы, конечно же, отправитесь в Шведагон. Только обувайтесь полегче: по священной земле пагод надо ходить босиком. И не бойтесь, что наступите на змею: еще не было случая, чтобы в пагоде змея кого-нибудь ужалила, а вообще-то встретить змею на холме Шведагона — хорошая примета.

Шведагон удивляет. Дело даже не в размерах, хотя стометровая высота тоже что-нибудь да значит, и не в центнерах сусального золота, пошедшего на покрытие. Он красив другой, не количественной красотой.

Шведагон царит над городом. Его главная ступа, очертаниями до половины напоминающая колокол, а выше незаметно перетекающая в стройный шпиль с луковицей, увенчанный многоярусным золотым зонтом, этот сложенный из кирпича позолоченный монолит стоит на высоком холме, по склонам которого к подножию ступы с четырех сторон поднимаются крытые лестницы. Крыши лестниц и галерей украшены резными коньками и карнизами. Возле южного входа, высунув красные языки, стоят два громадных каменных льва — чинтэ. На ступеньках лестниц тесно. Сотни людей, держа сандалии в руках, поднимаются и спускаются, торговцы продают четки, цветы, бумажные зонтики, сладости, бронзовые, деревянные и серебряные поделки. Тут же ползают, играя, малые дети, спят вповалку приехавшие из деревни богомольцы.

Легенды относят основание Шведагона к временам двухтысячелетней давности, но достоверные упоминания о нем относятся к XIV веку, когда главная ступа была в пять раз ниже теперешней. Ее много раз надстраивали, подымая зонт и шпиль с каждым разом все выше.

Вы у подножия. Площадка вокруг главной ступы заставлена множеством небольших храмов (говорят, их семьдесят два), в основном построенных после пожара 1931 года. Это целый городок богато украшенных резьбой, мозаикой, позолотой павильонов, не объединенных единым замыслом и ошеломляющих своей разноголосицей. В глубине каждого храмика улыбается вечной улыбкой позолоченный или просто раскрашенный Будда. Люди чинно гуляют по мраморным плитам площадки, негромко разговаривают, осторожно обходят застывших в неподвижности моля-

щихся, останавливаются у павильонов, где бритоголовые, облаченные в оранжевые тинганы монахи монотонно читают стихи из священных буддистских книг. В общем на площадке довольно тихо, и, если прислушаться, можно уловить, как высоко, под облаками, звенят на зонте Шведагона золотые колокольчики.

Если вы читали описание Шведагона, вы знаете, что этот зонт — семиярусное десятиметровой высоты сооружение из резных золоченых колец, увешанных полутора тысячами золотых и серебряных пластинчатых колокольчиков, вот они-то и звенят. Над зонтом — флюгер, а еще выше, на самой верхушке шпиля,— золотой шар, в который вправлено около восьми тысяч драгоценных камней, в том числе очень дорогой бриллиант. Но вся эта статистика как-то не впечатляет. Возможно, драгоценных камней уже нет, их выклевали птицы, не столь важно. Завораживает сам звон.

Шорох мелких шагов, бормотание монахов, тихий плеск теплых луж под ногами и тончайший звон колокольчиков, как бы посыпающий все вокруг золотой пыльцой.

Ночью

Вы успели вернуться домой вовремя: снова хлынул оглушительный дождь. Вы сидите в комнате, как в аквариуме: сквозь толщу воды ничего не разглядеть. Так и день прошел. А к вечеру прояснилось. Темно-красный закат охватил полнеба, быстро остывал до коричневого, обугливая силуэты пальм, и, наконец, пришла темнота.

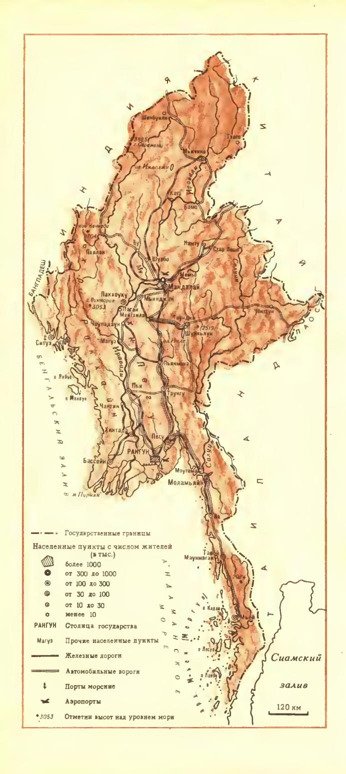
Что за звуки на улице! Миллионы лягушек рычат, верещат, крякают, жужжат, как ярмарочные жужжалки, а под самым окном хрипло кашляет на карнизе полуметровая ящерица тау-тэ. Она похожа на дракона с кроваво-красным ртом, с зубастой пастью, но бояться ее не следует: она безобидна, если ее не трогать. Тау-тэ перхает и ворчит, как собака, а потом замолкает и вдруг старческим голосом произносит: «Кто ты? Кто ты?» — с горестно-вопросительной интонацией. Бирманцы уверяют, что, если тау-тэ заговорила в доме, это к счастью и к миру в семье. Молодежь гадает по вопросам тау-тэ примерно так же, как у нас на лепестках ромашки: любит — не любит, придет — не придет. Постепенно вы привыкнете к обществу этого странного существа и даже будете скучать без его вопросов в долгие дождливые вечера.

Спать мешают только собаки. Видимо, по ночам они делят на городских свалках сферы влияния и дерутся не на живот, а на смерть, причем победитель заливается торжествующим шакальим смехом, а побежденный скулит, жалуясь на судьбу.

В середине ночи снова обложные дожди. Душновато, тревожно. На балконе водопадом грохочет вода. Вспыхивают длинные молнии, выхватывая синие бездны среди черных нависающих туч.

Утром

В пять часов утра в бараках по соседству затрубил рожок побудки. И тут же, как в деревне, закричали петухи. Они здесь



Обзорная карта Бирмы

длинноногие, совершенно доисторические, но горланят по-нашему, хотя бирманцам в их крике слышится «ау-и-иа». В бирманском языке нет звука «р». Воронье карканье бирманцы на письме передают через «а-а», слово «радио» произносят «ядио», а «Россия» — «Яша». Кстати, и «Рангун», по-бирмански, звучит мягче — «Янгон», а «Бирма» — это, собственно, «Бама», или, точнее, «Мьянма».

Но вернемся к воронам. Рангунские вороны зловещи и агрессивны. Это сине-черные мускулистые птицы, мощный клюв составляет чуть ли не треть их тела. Они абсолютно не боятся людей и на равных сражаются с собаками. Как раз сейчас у вас под окном, сидя на сухой ветке дерева пьин-ма, ворона ожесточенно терзает полуживую желто-зеленую змею. Зрелище, право, библейское.

Бирманцы встают чуть свет. В половине шестого уже можно слышать пение мальчишки-старьевщика: «Пелен-татенза-нозикуа!» («Бутылки собираю и газеты старые!»). Затем по тропинке между пальмами проходит торговка с бамбуковым подносом на голове, она выкрикивает: «Пэ-бье, пэ-бье!», что означает: «Бобы, бобы вареные!» Хозяйки из окрестных домов шумно собираются на рынок (здесь закупают продукты понемногу и на каждый день), принуждая невесток и дочерей заняться делом: подмести дорожки возле дома (за ночь нападало много желтых листьев и веток, здесь вообще круглый год листопад), перечистить миски и кастрюли,— а молодые женщины, естественно, отругиваются, как умеют: гораздо приятнее, умывшись и обильно напудрившись, усесться на крылечке с сигарой и погрузиться в длительную «предварительную» нирвану.

Подобрав юбку, молодая бирманка присела на корточки возле водопроводного крана и осторожно трогает пальцем струю. Женская юбка (в отличие от мужской, завязывающейся спереди) — одежда универсальная (зашпиливается сбоку). Она настолько длинна, что в жаркую пору все работы по дому бирманки делают в одной юбке, подтянув ее кверху и завязав под мышками.

Но сегодня утро прохладное. Тропические кущи вокруг вашего дома в тумане, повсюду блестит роса — на стройных папайях, на банановых и пальмовых листьях, на сочной траве. К воде подходить не хочется. Закутавшись в ветхие шерстяные кофты, девчонки понуро ходят по дворику. Молодой бирманец, обвязав полотенцем голову и сентиментально хлюпая носом, колет дровишки для костра, а трое других, присев на корточки, сосредоточенно за этим наблюдают.

Бирманцы очень чувствительны к перепадам температуры. В прохладное время (в декабре — январе) их будит радио и приглашает побегать по городу, чтобы согреться. Такие массовые забеги вы еще увидите.

Сезоны дождей (относительно прохладные) здесь считают опасным временем. Монахам устав предписывает в эти месяцы не переходить из монастыря в монастырь, молодым людям не рекомендуется вступать в браки: и дети будут болеть, и достатка в семье не появится.

Впрочем, и к солнцу бирманцы относятся своеобразно: им и в

голову не придет сравнить красивую женщину с солнцем, для них солнце — это оскалившееся чудовище с высунутым языком.

Дорога на Мандалай

Но довольно говорить о Рангуне. Как же выглядит вблизи сама Бирма? Когда-то, рассматривая ее карту, любуясь линиями побережья, пробуя на вкус названия городов, я представлял себе Бирму пасмурным, заросшим жесткой осокой лугом, на котором стоит одинокое дерево, наклонившееся в сторону Бенгальского залива. И велика же была моя радость, когда из окна поезда «Рангун — Мандалай» я увидел и это дерево, всклокоченное, с узловатым стволом, и этот залитый водой луг.

В самом названии «Мандалай» слышатся типично бирманские звуки: бульканье барабанов, звон отдаленных колоколов, перекличка сторожевых на крепостной стене, звон червонного золота, шелест высохшей от солнца жесткой травы. Столица буддизма, резиденция последних бирманских королей, хранилище канонических текстов «Ти-питаки» — вот что такое для Бирмы Мандалай. Ехать туда лучше всего поездом. И хорошо бы не в жаркий сезон (март — июнь), иначе путешествие превратится в ужасную пытку, страшнее хождения по огню. Август — сентябрь — вот прекрасное время для поездки: солнце еще скрыто за муссонными облаками, а дожди уже на исходе, в самом же Мандалае наступает прохладная сушь.

Мы ездили в Мандалай в середине августа. Наш поезд, состоявший из десятка вагонов буро-желтого цвета, будто приспособленных для аравийских пустынь, отправлялся из Рангуна в семь утра. В вагоне первого класса — мягкие, обитые кожей сиденья авиационного типа с откидывающимися спинками: ехать предстояло двенадцать часов.

Нашими попутчиками оказались двое иностранцев: жизнерадостный американец Поль (его английский язык доставил мне немало неприятных минут, пока я не понял, что напряженно вслушиваться вовсе не обязательно, так как Поль предпочитал говорить сам, не нуждаясь в собеседниках) и щупленький русоволосый, с жидкой бородкой швед, имени которого не удалось выяснить, потому что всю дорогу он с грустной улыбкой смотрел в окно и время от времени что-то писал в блокноте, а когда к нему обращался тот же Поль, поворачивался с виноватым «Простите?» и отвечал немногословно. Швед был обычным туристом, а Поль довольно долго работал в Таиланде (преподавал «джиай» английский язык) и всего неделю назад в связи с закрытием американских баз оказался не у дел. Выходное пособие дало ему возможность объехать Юго-Восток, прежде чем вернуться в США, где его не ждали ни семья, ни работа.

Поезд тронулся и, постепенно набирая ход, покатился на север. День был для этих мест изумительный: прохладный, пасмурный, с мелким дождем. Стекла окон были подняты, а сами окна настолько низки, что, казалось, наклонившись, можно коснуться рукой земли.

Кончились проволочные ограждения вокзала, потянулись при-

городы с домишками на сваях вдоль бесконечных заросших лотосом канав, через которые были переброшены шаткие мостики. Но вот остались позади и пригороды, потянулись рисовые поля. Рисовые чеки блестят по-разному: лиловые под водой, бледно-зеленые в рассаде и желтые, когда они киснут, распаханные под посев. И когда солнце набегало на эту водянистую мозаику, то только дождик мог уравнять все одним оранжевым цветом. Оранжевым, потому что дожди здесь рыжие: они подсвечены заоблачным солнечным светом. Так вот в оранжевом сумраке, озаряемом близкими бенгальскими молниями, наш поезд двигался по полотну, проложенному среди полей, а болотные воды подступали к самым рельсам. Ярко светились соломенные крыши хижин на сваях, которые вместе с белеными пагодками и зелеными пальмами были разбросаны там и сям на островках среди хляби.

Вся местиость до самого горизонта была усыпана группками работающих по колено в воде людей. Крестьяне в высоко подоткнутых юбках, в широкополых шляпах и разноцветных полиэтиленовых накидках пахали на буйволах, сажали рассаду, купались и ловили бреднями рыбу — тут же, у самых наших колес.

Щуплый пахарь, напрягающий все мускулы, чтобы развернуть пару буйволов в жидкой каше раскисшей земли, еще находил силы и время, чтобы повернуться в сторону поезда и махнуть рукой. Если бы не эти фигурки, терялось бы ощущение верха и низа: как будто небо разделено зелеными травяными межами на клетки, а поезд мчится по водянисто-лиловым облакам. Вот старик рыбак, стоя по пояс в воде, с напряжением поднимает сеть на длинном шесте, из сети хлещет рыжая вода, а на дне бьются черные блестящие рыбы. Голый мальчишка идет по меже, балансируя из баловства руками, засмотрелся на поезд, поскользнулся, смеется. Вот белоснежная некрупная цапля, небрежно планируя, садится на пустое поле. Здесь множество этих цапель, похожих на египетских ибисов (а может, это они и есть?); цапли столбиком стоят на каждом свободном от людей участке, непременно в самом центре, и похожи на белые пагодки посреди воды.

Ярко-голубая птица, пронзительно вскрикнув, выпорхнула чуть ли не из-под колес вагона и еще долго летела вдоль насыпи.

По параллельной шоссейной дороге, громыхая, катили двухколесные арбы, в которые были впряжены те же буйволы — серые, глыбистые, первобытные, низко пригнувшие головы к земле, распластавшие рога над асфальтом, они казались сделанными из темного вулканического туфа. Странно, как эти тяжелые звери не проваливались на полях под воду с головой. Но вот я увидел одного: распряженный, свободный, он плыл по глубокой луже, мощно рассекая грязь, запрокинув голову и чиркая по воде концами рогов, как последнее живое существо на затопленной водой земле. Возможно, он даже пел — по-своему, молча. Вдруг смуглый мальчишка, сидевший на траве, плюхнулся в воду, плывя саженками, быстро догнал буйвола и вскарабкался ему на спину. Буйвол этого как будто не заметил, он продолжал плыть.

Придорожные деревни расположились на крупных островках

тверди, заросшей бамбуком, кустарником и бананами. В глубине зелени, в тени, виднелись хижины на сваях. Железнодорожное полотно пролегало от них так близко, что можно было рассмотреть скудную утварь, ветхие циновки стен, широкие канавы с застойной водой между домами, где, покачиваясь, стояли большие, с гнутыми бортами, лодки. И вдруг плетень, опутанный зеленью,— и деревня как ножом отрезана: от самой околицы простирается гладь разноцветных рисовых полей.

Крупные станции мало чем отличались от мелких селений: те же заросли бамбука, те же хижины, только канавы пошире и поглубже, они впадали в желтые реки, по которым медленно плыли бамбуковые плоты, лодки и баржи. Но что-то постепенно стало меняться в пейзаже, сначала неуловимо, потом все заметнее. Протяженнее стала твердь, заросшая бананами, пальмами и бамбуком. Теперь ее хватало не только на деревушки с канавками вместо улиц, но и на сами улицы—обычные, деревенские, с тыном по обе стороны. Появились дороги—проселочные, ухабистые, в коричневых лужах. По дорогам неспешно двигались арбы, их тащили не серые буйволы, а молочно-белые быки.

Вот и первые холмы, поросшие сумасшедшей, невысокой растительностью: у нас так неровно и клочковато зарастают лесные вырубки. Очень может быть, что и эти холмы некогда были покрыты могучим тропическим лесом, который когда-то англичане свели на нет. Но возможно, такое впечатление встрепанности создается из-за хаотичного чередования крупной и мелкой листвы.

Замелькали деревья, такие же необычные, с разбросанными в стороны толстыми полуголыми ветвями. Рисовые поля теперь уже на террасах холмов, их все меньше и меньше, вот и исчезли. Пропали и кокосовые пальмы, остались только пальмы тоди. Мы въезжаем в Среднюю Бирму.

А вот и первые грядки, извилистые, сухие, засаженные зелеными кустиками. Так растет перец чили, без которого не готовится ни одно бирманское блюдо. В последнее время чили сильно подорожал, вот почему большие участки заняты только им.

А на горизонте слева засинел невысокий горный хребет—Пегу-Йема. Теперь горы будут сопровождать нас до самого Мандалая: сперва только слева, затем и справа появятся усыпанные мелкими белыми пагодками Шанские горы. Вдоль железной дороги потянулись заросли колючих кактусообразных кустарников, среди них ярко голубеют мясистые листья алоэ. Жидкий хлопчатник, кукуруза, вся ушедшая в листья (кстати, именно для этого ее и выращивают: листьями обертывают зеленые сигары—черуты).

Между тем смеркалось, и довольно быстро. Горы подступили совсем близко. Небольшой монастырь у подножия скалы. Монахи выбежали к поезду получить свежие рангунские газеты, которые им бросают проводники.

А возле самого Мандалая опять начались рисовые поля и оросительные каналы, розовато блестевшие в вечернем свете, и оглушительный хор лягушек запел осанну. Подъезжали мы к

городу уже в темноте. Сперва впереди ярко засветились голубоватые лампы на верху пагод, затем совсем близко, у стен вагона, вдруг обнаружились освещенные кострами прогалы между хижинами, проплыла освещенная керосиновой лампой веранда, на полу которой сидели и лежали, отдыхая в вечерней прохладе, люди (а лампу можно было взять со стола, даже не очень высовываясь из окна вагона). Совсем рядом оглушительно рявкнул транзистор. Голоса людей, скупо освещенная внутренность бедных домиков. Очень долго мы ехали между ними, как по коридору коммунальной квартиры, в которой двери всех комнат распахнуты настежь. Тусклый перрон, здание вокзала с изнанки, толчок, остановка. Приехали.

Мандалай

Собственно, Мандалай — вовсе не древний город. Он был основан королем Миндоном в 1857 году, и большинство сооружений, включая городские стены, королевский дворец, пагоды и монастыри, относятся к середине прошлого века. Однако гора Мандалай, возвышающаяся над городом примерно так же, как Акрополь над Афинами, издавна считалась священным местом буддистов. Существует легенда, что Будда, навестив своего ученика Ананду, предсказал: у подножия этой горы на две тысячи четырехсотом году после создания его учения (а именно в 1857 году) возникнет великий город, всемирный центр буддизма. Бирманцы говорят, что это предсказание и побудило Миндона перенести сюда свою столицу из соседнего города Амарапура. Однако еще задолго до основания Мандалая бирманские короли меняли свою резиденцию несколько раз. Причины самые разнообразные: от санитарных (крупный город во влажном тропическом климате, при отсутствии налаженной канализации, неизбежно начинает задыхаться в собственных отбросах, и вспыхивающие эпидемии вынуждают жителей уходить) до политических, стратегических и религиозных (нередко гороскопы предписывают бирманцам, в том числе и королям, на определенном году жизни менять место жительства). Вряд ли Миндон руководствовался только личным гороскопом. Нижняя Бирма в то время была уже занята англичанами, и не было никаких оснований полагать, что хищники колониализма остановятся на этом. Возможно, король Миндон рассудил, что гораздо проще построить новую укрепленную столицу, чем укреплять старую. А для придания новой должного авторитета и был создан миф о пророчестве Будды. Впрочем, не исключено, что миф действительно древний, и бирманские короли жили во временных столицах неподалеку, выжидая, когда настанет указанный срок.

Король Миндон спешил: угроза с юга нарастала. У подножия горы Мандалай он выбрал квадратный участок (два на два километра), приказал обнести его мощной стеной из кирпича и окружить шестидесятиметровой ширины рвом. На стене установили сторожевые павильоны с орудийными платформами. Возможно, в XVIII веке такая крепость и считалась бы неприступной, но в середине XIX века у англичан уже было абсолютное

превосходство в военной технике, и кирпичные стены (кстати, невысокие, всего восемь метров) не спасли Мандалай от английской артиллерии. Во время третьей англо-бирманской войны почти все сооружения в пределах крепостных стен были уничтожены, остальное довершила английская же авиация в 1944 году.

Нынешний Мандалай, большой и шумный, хотя и малоэтажный, обступает крепость со всех сторон. По улицам вдоль заболоченного рва курсируют низенькие переполненные автобусы, цокают подковами лошади, запряженные в пестрые крытые тележки (такси в Мандалае нет, и эти тележки их заменяют), едут девушки на велосипедах (велосипедисток в Мандалае превеликое множество), прогуливаются, оживленно беседуя, монахи в оранжевых и коричневых одеяниях. Кстати, мы выяснили, какое значение имеет их цвет: монах в оранжевом тингане может покинуть монастырь в любое время, темно-коричневый же тинган означает пожизненное и строгое монашество, с соблюдением всех канонов религии.

В своем знакомстве с городом мы были не слишком оригинальны — начали с восхождения на гору. Сверху Мандалай не похож на город. Под белёсым просторным небом, под косыми полосами солнечного света и мелкого, почти невесомого дождика раскинулась заставленная пагодами долина, с трех сторон окаймленная синими горами, а с четвертой — бледно-зеленой рекой Иравади, настолько разлившейся, что невозможно определить, где ее главное русло. Тропическая влажность наполнила эту плоскую чашу до краев, и, лишь поднявшись к самой верхней пагоде, мы избавились наконец от духоты. Тесные кварталы деревянных домов казались сверху игрушечными. Стоянки конных повозок походили на колонии муравьев.

Отдохнув после подъема, мы спустились вниз, к библиотеке Кутодо. Этот комплекс маленьких белых «часовен», увенчанных ступами, каждая из которых представляет собой уменьшенную копию знаменитой пагоды Швезигон, был заложен королем Миндоном одновременно с городской крепостью. Стремясь придать Мандалаю величие всемирной столицы буддизма, бирманский король созвал у себя Пятый Великий Собор буддистов, на котором канонизированные религиозные тексты решено было начертать на каменных плитах для вечного хранения в Мандалае.

Бирманские коллеги говорили, что напротив Мандалая, за Иравади, стоит огромный колокол, который непременно нужно увидеть. История его такова. В начале XIX века король Бодопайя, видимо страдавший гигантоманией, задумал воздвигнуть на правом берегу Иравади грандиозную ступу двухсотметровой высоты. Для постоянного наблюдения за строительством он даже перенес свою резиденцию на небольшой островок посреди реки. В 1819 году король умер, и, как это часто бывает, у его преемников не хватило энтузиазма завершить начатое. Так и осталась на берегу великой реки колоссальная прямоугольная глыба стопятидесятиметровой ширины — основание несостоявшейся пагоды, сильно пострадавшее вдобавок во время землетрясения 1838 года. Грандиозная трещина развалила эту глыбу почти пополам. Колокол предназначался для пагоды Бодопайи.

Паган

Из Мандалая до Пагана лучше всего добираться самолетом. Можно и пароходом, но Иравади тут петляет, пароходы ходят медленно, и, хотя на карте эти города рядышком, путешествие занимает двое суток с ночевкой в Пакхоуку.

Мандалайский аэропорт — скромное сооружение, в котором, однако, есть специальный зал для «ви-ай-пи» (особо важных лиц). Впрочем, единственное удобство этого зала — плетеные кресла вместо деревянных скамеек. На летном поле, в десяти шагах, совсем по-домашнему, как брошенный детский велосипед, стоял небольшой «Фоккер», вполне приличный гражданский самолет. Никто из пассажиров-бирманцев не проявлял ни малейшего нетерпения, хотя по расписанию посадку надо было объявить часа полтора назад. Люди сидели на скамейках, на крылечке, просто на корточках в углу, добродушно грызли сушеные бобы, жевали соленые сливы (вкус у них терпко-сладкий, но, как ни странно, они хорошо утоляют жажду).

Служащие за регистрационным столом, сгрудившись, рассматривали новенькую стокьятовую бумажку (такие крупные купюры были выпущены совсем недавно) и, обмениваясь скептическими замечаниями, пересмеивались. Никто не терзал их нервными расспросами: скоро ли посадка? будут ли свободные места? какая погода в Пагане?

«А зачем спрашивать? — беспечно говорил мой бирманский коллега.— Все равно никто ничего не знает. Полетим — не полетим, какая разница?» Такое спокойное отношение к любому развитию событий — в природе бирманцев: когда исход ситуации неясен, они предпочитают безмятежно выжидать. А вот старина Поль, наш попутчик от Рангуна до Мандалая, горячился и бушевал. Его рейс на Рангун был отменен, причем без всякого уведомления. Судя по всему, сроки у него истекали (я имею в виду визу, ибо, как всякий безработный, Поль обладал неисчерпаемыми ресурсами личного времени), деньги тоже кончались, и провести еще один день в Мандалае ему явно не улыбалось. Но напрасно Поль метался по залу ожидания, жестикуляцией доказывая бирманским чиновникам, что у него пиковое положение; чиновники лишь вежливо пожимали плечами. Дело кончилось тем, что, взвалив на плечи свой изрядно раздобревший рюкзак, Поль угрюмо зашагал к Мандалаю.

К счастью, неожиданно из облаков вынырнул еще один «Фоккер», совершил крутую посадку чуть ли не к нашим ногам, быстро заправился. И, войдя в салон, мы обнаружили его пустым. А минуты через три самолет уже деловито «пилил» в сторону Пагана. Стюардесса напоила нас чаем с молоком, и, едва мы успели с ним покончить, «Фоккер» резко пошел на снижение. Мелькнул высокий обрывистый берег Иравади, и мы приземлились.

В аэропорту группа французов (в основном молодежь) с яркими рюкзаками, в вылинявших джинсах шумно обсуждала со служащими свою судьбу. Пилот решил лететь дальше, до Рангуна. Часть туристов пошла у него на поводу, но у остальных были

другие намерения. Вдруг французы разразились ликующими криками: бирманский гид объявил им, что авиакомпания берет на себя расходы по суточному пребыванию всех остающихся в комфортабельной гостинице «Трипей-сият». Ну разумеется, они были организованными туристами, а не такими одиночками, как бедняга Поль. Но мы не могли составить веселым французам компании: не позволяли денежные ресурсы. Номер в этой гостинице обошелся бы нам слишком дорого.

Всю дорогу до города в аэродромном микроавтобусе французы ликовали, предвкушая кондиционеры в номерах, холодное пиво, «Чинзано», «Мартини» и прочие прелести цивилизации. Мы же высадились у ворот той самой гостиницы «Мо-мо», где они провели прошлую ночь.

Хозяин «Мо-мо», молодой кучерявый бирманец, с огорчением узнал, что вчерашние постояльцы возвращаются не к нему. Но нас он принял весьма приветливо. В гостинице перегородки между номерами чуть выше человеческого роста, окна без стекол, жесткие постели с твердокаменными подушками, «удобства во дворе» и жара, от которой нет спасения. Тут же, во дворе, под навесом стоял широкий крытый циновкой топчан, на котором вповалку лежали изнемогающие от жары хозяйские дети.

Руины древнего Пагана занимают площадь в шестнадцать квадратных миль. Это сухая плоская равнина, заросшая колючей травой, акациями и прямо-таки мексиканскими кактусами. Она сплошь заставлена кирпичными пагодами XI—XIII веков (их более двух тысяч) и кишит змеями. Отдельные пагоды неплохо сохранились, но большинство превратилось в груды темно-красного кирпича.

В XI веке паганский король Анората, сделав Паган опорной базой, объединил всю страну. Он сокрушил царство монов и вернулся с богатой добычей, приведя с собой не только тысячи строителей, но и самого монского короля. В числе военных трофеев Анораты были тридцать списков священных буддистских текстов. Он усиленно насаждал в своем королевстве буддизм, по его указанию руками монских мастеров и начали возводиться первые храмы Пагана. Двести пятьдесят лет Паган был столицей всей Бирмы; это время стало золотым веком бирманской архитектуры. В XIII веке Паганское королевство пало под натиском монгольских армий Хубилай-хана. Войны и нашествия повергли в прах множество паганских храмов, остальное довершили стихийные бедствия.

Особенно тяжелым ударом для Пагана было землетрясение 1974 года. Короткий толчок обрушил в Иравади древнейшую пагоду Бупайя, стоявшую на обрыве, расшатал массивный золоченый Швезигон, ступа которого напоминает богатырский шлем, расколол пополам четырехгранную митру храма Ананда. Восстановить все это без помощи международных организаций Бирма, видимо, не в состоянии; нужны миллионы и миллионы.

Обойти Паган пешком невозможно. Лучше с утра, пока еще не жарко, нанять расписную, как в Мандалае, конную тележку и по пыльной дороге меж колючими кустарниками пуститься в многочасовой путь.

Символом Пагана стала для нас полуразрушенная статуя Будды в пагоде Тандоджа. Землетрясение осыпало с нее всю штукатурку, стерло черты лица, обнажило кирпичи, из которых статуя сложена. Ослепший, оглохший, безрукий колосс выглядит жертвой космической катастрофы. Черная щель рта искривлена в болезненно напряженной улыбке.

В горах

Глядя на физическую карту, с удивлением обнаруживаешь, что Бирма — далеко не равнинная страна, скорее ее следовало бы назвать горной. Шанские, Араканские, Чинские горы занимают большую часть страны. А далеко на севере лежит загадочный высокогорный Нагаленд, где растет экзотическая для этих мест сосна и где жители до сих пор ходят на охоту с копьями. Конечно, далеко в горы вам не забраться: и транспорт не настолько налажен, и проблема безопасности далеко не всегда разрешима, и не все районы открыты для приезжих (особенно те, где добываются драгоценные камни). Но маленькую, «карманную», вылазку в горы можно совершить прямо из Мандалая: кьят за пятьсот (сумма немалая, но дело того стоит) можно нанять на целый день «джип», курсирующий по маршруту Мандалай — Мемьо, и двинуться в сторону Шанского нагорья.

Дорога на Мемьо очень красива. Выехав из Мандалая, вы поедете на восток по равнине, окутанной душными испарениями рисовых полей. Тень мощных деревьев на обочине спасает только от солнечных лучей, но не от жары и духоты. Однако, приближаясь к отрогам Шанских гор, вы довольно быстро почувствуете прохладу. Когда же узкое шоссе потянется в гору и зазмеится по каменистому склону, при каждом повороте открывая то голые лиловые скалы, то лесистые ущелья, то отвесный обрыв,— станет просто-напросто холодно, и вы позавидуете бирманским попутчикам, которые предусмотрительно захватили махровые полотенца и теперь сидят, закутавшись в них.

Навстречу вам, лихо разворачиваясь и победно гудя, катятся вниз «джипы» и легковые машины «фольксвагены»: впереди курорт Мемьо, излюбленное место отдыха офицеров. Медленно, спотыкаясь, бредут пары белых быков, запряженных в двуколки с широко расставленными колесами. Зелень по обе стороны шоссе сплелась здесь так тесно, что напоминает зеленые водопады. Внизу, у отрогов гор, бамбуковые саванны с фикусами, а здесь, на склонах,— магнолии, каштаны, дубы. Пестрые птицы то и дело выпархивают из-под колес и уносятся в заросли. Сквозь просветы в чащобе видны соседние горы, окутанные дымкой. Вдоль обочин густо растет трава, усеянная мелкими синими и оранжевыми цветами.

Промелькнула ограда, за которой просторными рядами стоят кофейные деревья, потом — сбегающий вниз по пологому склону фруктовый сад — шпалеры невысоких яблонь с густыми, как у пирамидальных тополей, направленными вверх ветками, снова повозки, запряженные волами, а на них целые груды ананасов. Вот под сенью каштанов — навес из бамбуковых жердей и

циновок. Там фейерверк цветов: горы рыжих ананасов, связки сиреневых орхидей, россыпи бананов всевозможных сортов. Шофер, уроженец здешних мест, сказал мне шепотом: «Посмотрите! Шанская красавица». Я увидел девушку в длинном белом платье, расписанном крупными цветами, она быстро прошла вдоль рядов орхидей и скрылась в сумраке под навесом. Я уже слышал, что шанские девушки славятся своей красотой, и решил ее сфотографировать. Но, когда я вышел из «джипа» и направился к навесу, девушка вдруг протестующе замахала рукой и ушла в глубь лавчонки. Я смутился: шаны — не бирманцы, возможно, я нарушил какой-то местный запрет. Бирманки охотно позволяют себя фотографировать, только очень при этом смеются. Пришлось сделать вид, что я заинтересовался орхидеями. Через минуту девушка вышла из тени и стала на пороге, продолжая расчесывать свои длинные волосы, распущенные по плечам. Вот в чем дело: оказывается, я застал ее врасплох, непричесанной.

Крестьянские усадьбы здесь несколько похожи на русские: дома с фундаментами и даже с завалинками, с двускатными крышами, в палисаднике перед домом — непременно георгины и чуть ли не золотые шары, а позади — огороды с грядками, сбегающими вниз по склону: огурцы, помидоры, картофель. Ну, а то, что среди картофельных гряд попадаются грядки с ананасами, — не столь существенно.

Мемьо — это еще не Шанский штат, но уже Шанское нагорье, и в силу естественной диффузии населения в этих приграничных районах живет много шанов. Мемьо — чистенький туристский городок с уютными домами, миниатюрными площадями, небольшой башней с курантами. В живописных виллах здесь отдыхают именитые бирманцы. Украшение и гордость города — ухоженный ботанический сад, в котором, как редкостные растения, прижились наши сосны и ели.

На Араканском взморье

Зимние каникулы мы провели в штате Аракан, на побережье Бенгальского залива. Зять нашего коллеги, военнослужащий, гостями которого мы были, взялся организовать наш отдых. Для разъездов по побережью нам был выделен зеленый «фольксваген». Нас прокатили по открытому морю на канонерской лодке, мы сидели под тентом на палубе и пили ром с кокосовым молоком. Флотские офицеры были необыкновенно радушны: мы оказались первыми русскими у них в гостях.

Нам баснословно повезло: через день после нашего прибытия вниз по реке Каладан, в глубину штата, отправлялась малая канонерская лодка, на которой мы и смогли добраться до древнего города Мьехаун (по-аракански — Мрохаун). Подъем по реке против течения занял почти полдня. Мимо проплывали подмытые морскими приливами берега, рыбацкие лодки под коричневыми парусами с заплатами шли нам навстречу, к морю.

Город Мрохаун раскинулся на высоких лесистых холмах, усеянных пагодами. Основанный в первой половине XV века, он до 1785 года был столицей независимого Араканского государства.

Крутые склоны холмов, на которых стоит город, не смогли помешать вторжению бирманской армии короля Бодопайи. Лишь кое-где сохранились остатки укреплений. Мрачное впечатление производит старинный форт: темный, четырехугольный, с тремя рядами чудовищно толстых стен. Большинство сооружений Мроауна, относящихся к XV—XVI векам, отличается от всего, что можно увидеть в старинных городах Бирмы. Храмы на мощных платформах служили одновременно крепостями. Здесь целые лабиринты коридоров, стены которых сплошь покрыты каменными барельефами. В коридорах темно и сыро, как в подземелье, без фонарей невозможно ничего разглядеть. Специалисты утверждают, что древняя араканская культура носит следы персидского влияния. Платформы храмов заставлены каменными изваяниями будд, сказочных птиц и чудовищ. Некоторые скульптуры сохранились, другие обрушились и поглощены джунглями.

Столица Аракана, Ситуэ,— небольшой приморский городок, добрую половину населения которого составляют рыбаки. Море здесь видно отовсюду. Рыбный базар весьма оживлен. Рыбаки прямо с лодок сгружают добычу, вокруг которой тут же начинают суетиться перекупщики. Здесь можно приобрести акулью голову для бульона, но голова эта таких размеров, что не уместится на столе, а печень той же акулы можно мерить шагами. Креветки, крабы, черепахи, странная рыба налей-со с мощными птичьими крыльями и жалким крысиным хвостом. Сушеной и вяленой рыбой завешены целые мили торговых рядов. Пляжи Ситуэ — черно-серые от ила, который выносит в море река Каледан. Во время отлива сотни мальчишек бродят по рыхлому обнажившемуся дну и выкапывают из него всяческую живность.

Хозяева пригласили нас на кокосовую плантацию неподалеку от города. Пальмы там стоят ровными рядами до самого берега моря, меж их стволов гуляет соленый ветер, листья жестко шуршат, и вся роща наполнена бледно-зеленым светом. Мальчишки ловко взбирались до самых крон и сбрасывали свежие орехи. Моряки растолковали нам, что настоящий деликатес — это не мякоть и не молоко ореха по отдельности, а сладкая молочная жижа внутри не совсем дозревшего кокоса. Ее можно выскребать из скорлупы ложками и есть, как манную кашу.

Хозяева наши оказались настолько предусмотрительными, что загодя сняли для нас прелестное двухэтажное бунгало в курортном городке Напали. Собственно, купаться можно было и в Ситуэ, но возле Напали нет крупных рек, и морские пляжи там исключительно чистые. Только здесь мы поняли, что такое Бенгальский залив. Теплая тяжелая ярко-зеленая вода без малейшего колыхания начинает тянуть в сторону океана, когда зайдешь в нее по грудь. Это немного пугает: чувствуешь, какая сила у чудовищной массы воды, именуемой океаном. Во время прилива передняя полоса вспенившейся, смешанной с песком воды кишит мелкими крабиками и прочей живностью.

Напали — благоустроенное место: неподалеку от нашего бунгало, за дачей президента У Не Вина, рассыпаны коттеджи гостиницы «Стрэнд», там же и ресторан, вполне европейский. Его мы не посещали. Отставной унтер-офицер, старательный повар, готовил

3-2069

для нас приморские яства типа супа из акульих плавников, кари из моллюсков и салата из холодных улиток в уксусе. Наш коллега бирманец увлеченно закупал у проходивших по пляжу рыбаков самые неожиданные продукты. Так, однажды с помощью унтер-офицера он втащил в холл огромную наглухо закрытую раковину. «Вот,— сказал он, отдуваясь,— это на ленч». Моллюск был несомненно живой: в раковине слышались вулканические бульканья и шумы. Через полчаса моллюск начал изнемогать от жажды и приоткрыл створки, внутри виднелось что-то вроде тяжко дышащего говяжьего филе. Я потрогал чудище расческой — и створки с непостижимой быстротой захлопнулись, а расческа осталась торчать, и никакими силами ее нельзя было вырвать. Коллега разъяснил мне, что именно такие раковины служат причиной гибели многих ныряльщиков. Представьте, что случится, если в раскрытые створки попадет нога человека. Когда моллюск окончательно раскрылся, унтер-офицер погрузил его в чан с кипящей водой, и на ленч у нас было прекрасное кари из нежного, чуть отдающего тиной мяса.

Несколько раз мы ездили на рыбалку мили за четыре от берега. Наживкой служили кусочки летучих рыб. Попалось восемь барракуд почти метровой длины, и шум стоял над морем неимоверный, когда мы, вопя от восторга, затаскивали их в лодки. Барракуды, зубастые морские щуки, пришли целым косяком, и местные рыбаки, забыв о том, что они обслуживают приезжих дилетантов, отобрали у нас удочки и принялись за ловлю всерьез. Клев был отличный, и когда барракуды ушли (они, видимо, были люто голодны, одну небольшую мы вытащили с откушенным только что хвостом), нам снова стали попадаться «дилетантские» рыбы — красные с голубыми пятнами, розовые в полоску — невозможно было угадать, что через минуту вытащишь. Рыбаки в ветхих юбках, зеленых шляпчонках, с зелеными сигарами во рту пересчитывали пойманных рыб и делили улов на равные кучки. Попался и морской черт, зелено-бронзовый, в длинных иглах и разноцветных перьях, мы с большим трудом определили, где у него хвост и где голова. Океан вел себя безупречно: блестел, переливался, синел и зеленел, подергивался холодноватой рябью (декабрь как-никак) и около шести вечера начал всасывать в себя огромное раскаленное солнце.

Нам много рассказывали об ужасах океанических вод: о водяных желтобрюхих змеях, от укуса которых человек становится багрово-серым и через несколько часов погибает, о медузах со стрекалами, от ожога которых смерть наступает через десять минут, о прибрежных акулах, особенно опасных по вечерам в декабре, о безобидных на вид конических ракушках, в которых сидит ядовитый моллюск. Ничего этого мы не видели. Канадец из соседнего бунгало, увлекавшийся подводной охотой, заплыл в самый центр бухты и подвергся, правда, нападению барракуд, которые слегка поцарапали ему пятки, но это было единственное приключение.

В Теннасерпме

Однако Напали и Ситуэ — это «цивилизованное» взморье, а вам, наверно, захочется посмотреть на дикий, первобытный, не затоптанный туристами берег тропического океана. В этом смысле лучшего места, чем побережье Андаманского моря, не найти. Андаманское море омывает берега Теннасерима — южного окончания Бирмы. Туристы редко заглядывают в эти места. Там нет ни отелей, ни ресторанов. Да и добиться разрешения на поездку туда довольно сложно. Пляжи здесь тянутся на сотни километров, но единственное место, куда вам, может быть, разрешат поехать,— это Маунмаган, небольшое селение на побережье в нескольких милях от провинциального центра Тавоя. Вдоль берега в тени пальм и магнолий стоят тринадцать бунгало, построенных еще англичанами, которые умели выбирать места для отдыха. Сейчас эти бунгало пустуют, лишь раз в неделю, с субботы на воскресенье, тавойская знать приезжает сюда, чтобы вдали от полицейского глаза под шум прибоя сыграть в карты или в китайскую игру «мачхаун» — на деньги, разумеется (азартные игры в Бирме запрещены законом). В эти дни Маумаган превращается в миниатюрное тропическое Монте-Карло, и, проходя по пляжу, особенно вечером, можно услышать, как в каждом бунгало стучат игральные кости.

Добраться до Маунмагана не так просто. Самолетом из Рангуна можно долететь до Моламьяйна, столицы Монского штата. (О монских девушках ходит печальная слава: ни один приезжий из Рангуна, если он холост, не вернется отсюда неженатым. Мой хороший знакомый пал жертвой этого правила. В Моламьяйне он не только безоглядно влюбился, но даже начал писать стихи.) Из Моламьяйна самолетом же надо добраться до города Тавой, а уже оттуда на «джипе» ехать до Маунмагана. Дорога идет по лесистым холмам, через каучуковые рощи. Сероствольные, с пожелтевшей листвой, они напоминают наши осиновые поросли. С каждого ствола по спирали срезана кора, а внизу к желобку прикреплена чашечка из половины кокосовой скорлупы. Полотнища сырого каучука свисали с перекладин почти возле каждой хижины. Все местные жители выбегали к дороге посмотреть на наш запыленный «джип». Женщины — с обнаженными смуглыми плечами, одни только юбки, завязанные на груди, детишки и вовсе голые, плотные, крепенькие копошились в тени.

Но вот и долгожданное море, Андаманское, грозовой синевы. Наше бунгало оказалось просторным сооружением с четырехскатной крышей, раздвижными стенками и с навесными ставнями, которые, если убрать подпорку, захлопывались с орудийным грохотом. В передней части, окнами на море,— холл, за дощатыми перегородками — спальни, а в задней половине кухня с очагом из неотесанных камней. О лучшем жилище мы и не мечтали. Бирманский коллега тут же принялся хлопотать об обеде (он большой любитель покушать), а мы помчались к морю — и остановились в оцепенении. Первозданный океан выглядел, несомненно, именно так. На диком пустынном пляже, закиданном крупными раковинами, лежали громадные валуны, черно-синие

волны с грохотом накатывались на них и, ревя, отбегали назад, в грозовую синь океана. Рыбачьи лодки с высоко задранным носом и кормой колыхались в десятке метров от берега. Вода была настолько соленой, что тело щипало, будто его натерли жесткой мочалкой. Но самое удивительное — в этой мрачной, соленой, древней воде можно было лежать, совершенно не двигаясь, и, закинув руки за голову, предаваться мечтам сколько душе угодно. До сей поры я полагал, что подобный трюк возможен только в чрезвычайно засоленном Мертвом море. И что за упоение было лежать и петь в этой гулкой пенящейся воде — в полусотне метров от берега!

Если договориться с рыбаками, они отвезут вас на вельботе еще дальше к югу, в свой поселок. Там у них больше лодок, чем хижин, вместо улиц — светлые протоки морской воды с песчаным дном, где ребятня ловит сетями мелкую живность, а вместо тына и плетней — перекладины с вяленой рыбой. Там, на каменном мысу, высоко над морем стоят две маленькие беленые пагодки. Под ними груды камней, а в камнях — скопище змей. Рыбаки считают их священными, у подножия пагод всегда лежат цветы. Через щели в камнях верующие кормят змей, приманивая их огнем или свистом. Змеи — не морские, а обычные, сухопутные и ядовитые. Какое отношение эти твари имеют к рыбацкому промыслу — выяснить не удалось. Может быть, уходящие в море вымаливают для себя благополучное возвращение на сушу? А может, это просто поклонение жизни в любой ее форме? Во всяком случае ничего буддистского в этом обряде нет. Правда, одна из змей, кобра, фигурировала в житии Будды. Когда он заснул в пустыне, она заслонила его от солнца своим раздувшимся капюшоном. Но в пещерах под этими пагодами нет ни одной кобры. Так говорят местные жители. Может быть, этот обряд древнее, чем само Андаманское море?

Здесь, на южной оконечности Бирмы, мы и закончим свое путешествие. Как и всякая страна, Бирма — это целый мир. Описать ее невозможно. Можно дать о ней лишь приблизительное и самое общее представление.

В «ревущих сороковых»

Главы из книги «Путь к мысу Горн»

Кшиштоф Барановский

От редакции

Кшиштоф Барановский — один из самых популярных в Польше людей. Инженер и журналист, отличный лыжник и парашютист, он прежде всего известен как отважный мореплаватель. С четырнадцати лет Барановский увлекается яхтенным спортом; он обладатель диплома капитана дальнего плавания, участник многих гонок и регат, проходивших в Польше и за рубежом; у него за спиной одиночные плавания по Балтийскому морю и участие в IV трансатлантической гонке одиночек в июне 1972 года. И наконец, кругосветное путешествие на яхте «Полонез», продолжавшееся с 6 августа 1972 года по 25 мая 1973 года. За это время «Полонез» преодолел расстояние более сорока тысяч миль; начавшаяся у берегов Северной Америки (Ньюпорт) трасса проходила через Атлантический океан до Кейптауна, затем через Индийский океан до Хобарта (остров Тасмания), через Тихий океан вокруг мыса Горн до Фолклендских островов и снова через Атлантику (конечная точка Плимут). Барановский был тринадцатым в мире мореплавателем, рискнувшим в одиночку обогнуть мыс Горн и с честью выдержавшим многочисленные испытания. Свое путешествие он описал в книге «Путь к мысу Горн». Мы предлагаем читателю отрывки из этой книги, где рассказывается о преодолении труднейшего (не только для парусников) участка пути между Кейптауном и Хобартом, зоны постоянных сильных ветров, не случайно получившей название «ревущие сороковые».

Под ударами циклона

Шторм с небольшими перерывами продолжался уже несколько дней. Я привык к угрюмому небу, к жалобным причитаниям ветра и воде на палубе. Но сегодня утром барометр, долго колебавшийся в нерешительности, пошел... вниз!

8.00 — давление 996 миллибар.

9.00 — давление 993 миллибара, я спускаю штормовой кливер, дальше плывем только под третьим кливером, стоящим на переднем штаге.

10.00 — давление 989 миллибар, ветер северо-западный, 10 баллов.

Океан ревет.

Ситуация ясна. Где-то неподалеку проходит циклон, возможно подкрепленный другим, который движется быстрее. Волна за время штормовой погоды успела вырасти, несущиеся по морю зеленые холмы, увенчанные шипящими белыми гребнями, теперь исполнены такой могучей силы, что смешной начинает казаться сама затея пересечь эти воды под парусами.

На мне штормовой костюм, шея плотно обмотана полотенцем. Входной люк закрыт, и попасть внутрь можно лишь с палубы, протиснувшись в узкое отверстие. Я спускаюсь вниз, только когда нужно записать в журнал данные, касающиеся погоды и навигации. В кокпите * лежит наготове большая бухта толстого нейлонового троса. С минуту раздумываю, не покрыть ли кокпит досками вровень с палубой, но не делаю этого именно из-за троса, чтобы не затруднять к нему доступ. Может, еще выброшу его за корму для стабилизации курса.

С тревогой поглядываю на автоматическое рулевое устройство. Съезжая с гребня волны, «Полонез» весьма решительно разгоняется и норовит повернуть под острым углом к ветру. «Вицек-Вацек»** реагирует как нужно, но толку мало. Несмотря на выдвинутое перо руля, мы разворачиваемся. Только перед приближением следующей волны подруливающее устройство срабатывает, и яхта возвращается на прежний курс.

Спуски с верхушек волн упоительны — точно скользишь на «финне»***. Из-под носа стремительно вырываются фонтаны брызг, которые ветер подхватывает и, не позволяя взлететь, сдувает вперед.

Забежав в очередной раз вниз, проверяю давление. Держится 986. Надеваю спасательную «сбрую»: помочи, на животе схваченные пряжкой. К сбруе прикрепляю двухметровый отрезок крепкого линя, заканчивающийся надежным карабином. И снова на палубу, в соленую метель.

На третьем кливере отскочили два ракса****. Все-таки еще немножко я его подержу. Цепляюсь своим карабином за левый леер, тянущийся по палубе от кормы до носа. Вот уж действительно «*life line*»*****— английское название лучше всего определяет назначение этого тросика.

Кливер разорван! Как цепная собака бегу на нос, волоча за собой карабин, прицепленный к стальному линю. Нельзя спускать кливер! Нельзя ложиться в дрейф посреди этого ревущего моря! Мы должны лететь вперед в ритме океана! Быстро распутываю тросы, обвязывающие приготовленный на переднем штаге штормовой кливер, зацепляюсь за фал и повисаю на нем. Поверхность штормового кливера — десять квадратных метров, однако при таком ветре одной рукой мне его не поднять, и я помогаю себе

* Кокпит — открытое водонепроницаемое помещение в кормовой части яхты.

** «Вицек-Вацеком» автор называет стабилизатор подруливающего устройства.

*** Финн — швертбот, монотип-одиночка международного класса.

**** Раксы — металлические скобки, служащие для крепления треугольных парусов к штагам.

***** Дословно: линь жизни (англ.).— *Прим. перев.*

ручной лебедкой. Ну вот, теперь третий кливер может падать на палубу.

Не тут-то было! Кливер отчаянно треплется на ветру, болтается как оборка на переднем штаге, и на ощупь твердый, точно жестяной,— чтобы одолеть его, приходится напрячь все силы. Вдобавок «Полонез» начинает очередной спуск с вершины водяной горы; ускорение так велико, что мне кажется, я взлетаю в воздух и вот-вот повисну на штаге в том месте, где только что был кливер.

Это восхитительно и ужасно. Вода с огромной скоростью проносится у самых ног, а над вздыбившейся кормой нависает склон, увенчанный бурунами. Еще минута, и нос зароется в воду. Однако нет. «Полонез» тяжело оседает вместе с пенным валом, прокатившимся перед носом. Лишь теперь можно оценить высоту следующей водяной горы. В ней метров двадцать, а может, десять. Я понимаю, что в моем положении нетрудно ошибиться, но у меня нет времени на раздумья.

Тащу кливер по палубе, падаю, становлюсь на четвереньки, тащу дальше и наконец частями запихиваю в узкую щель входного люка. Мы как раз завершаем эффектный спуск, и одна сравнительно небольшая волна целиком покрывает нос, оставляя за собой пенистые потоки. Отцепляю карабин, прыгаю вниз, запутываюсь в валяющемся на палубе кливере и вот уже, растянувшись, лежу рядом с ним. Кое-как подымаюсь, глядя на указатель направления ветра. Скорость движения реально ощутима, и мне становится ясно, что яхта рыщет. Судя по указателю, мы идем почти галфвинд, и с минуты на минуту надо ждать удара в борт. Секунды тянутся бесконечно долго... «Полонез» возвращается на курс фордевинд (ветер в корму). Направляюсь к выходу. Удар в левый борт швыряет меня на шкаф. Снова с трудом подымаюсь на ноги и через люк вылезаю на палубу. Я уже не в состоянии правильно оценить силу ветра. Хотя водяная пыль висит в воздухе, видимость вполне приличная. Но моего опыта оказывается недостаточно. Таких волн и таких ветров мне еще видеть не приходилось. Боюсь употребить слово «ураган». Двенадцать баллов по шкале Бофорта в моем представлении — водный ад, когда неба не видно, его скрывает завеса из распыленной в воздухе пены. Значит, это еще не то. Иначе говоря, пока не больше одиннадцати баллов.

Яхта снова рыщет. От штормового кливера отцепляется один ракс. «Полонез» ускоряет ход и кренится на борт. Ну и гонка! За правым бортом расцветают радуги. Солнце, что ли, выглянуло? Координат сегодня все равно не определить. Я не обедал, ужинать, верно, тоже не придется. Если от кливера отцепится еще несколько раксов, парус полетит ко всем чертям.

16.00, давление 986,5. Наконец-то поползло вверх! Торопливо заношу эти цифры в журнал и вытаскиваю штормовой стаксель *. Все меньше остается штормовых парусов. А ведь мне нужно иметь под рукой еще один стаксель, который можно было бы сразу поставить.

* Стаксель — треугольный парус, ставящийся впереди мачты.— *Прим. перев.*

У выхода на палубу в лицо ударяет ветер, и шнурки от завязанной под подбородком штормовки мигом крепко свиваются один с другим. В глубине кокпита извлекаю парус из мешка и, прижав к груди, бегу с ним на нос.

Какое зрелище! В разрывах между мчащимися облаками проблески желтого света, все небо охвачено бешеной гонкой, а следом за небом, будто в нерешительности, тянется холмистое море. Холодно и мокро, руки коченеют. Так иногда, случается, дохнет весенний ветер, и над черной землей, где в низинках еще не стаял снег, понесется разодранное в клочья небо — последний отголосок зимы.

Цепляю ракс за раксом, быстрее, пока нос не накрыло волной. На кливере недостает уже четырех раксов — лопнули. Поднять стаксель! Кливер долой! Всем телом бросаюсь на обезумевшее полотнище, придерживая фал зубами, поскольку рук не хватает.

«Полонез» по-прежнему рыщет, хотя центр парусности переместился вперед. Сижу, как лягушка, и опутываю кливер тросами. Вдруг сердце уходит в пятки: со своего места я вижу гору со снежной вершиной. «Полонез» скользит по ее склону, но на сей раз не прямо вниз, а наискосок, быстро набирая скорость. Вода цвета бутылочного стекла покрывается черным рельефным узором из мелких морщинок, кажущихся застывшими под несущейся над поверхностью водяной пылью.

Снежная громада приближается. Я инстинктивно хватаюсь за мачту. Удар. Отовсюду с бульканьем убегает вода. «Полонез», вынужденный прекратить скольжение, как бы замирает и медленно разворачивается, подчиняясь автопилоту. Величественная гора исчезла, снова вокруг ревущее море. Но вот опять — ниоткуда — появляется горный склон, и «Полонез» набирает скорость. Один прыжок — и я в кокпите: проверяю, закрыт ли входной люк, и привязываюсь концом шкота.

Рыщем, рыщем! Начинается бешеное скольжение, словно на буере по ровному льду. Я осторожно касаюсь румпеля, чтобы помочь «Вицек-Вацеку» повернуть «Полонез» по ветру. И почему я пренебрег советом Муатесье и не запасся парусом поменьше?

Легкость, с которой поддается румпель, внушает мне подозрения. Я выпутываюсь из веревок и выскакиваю на корму. Нижней части автоматического рулевого устройства как не бывало. Соединительная муфта сломана, предохранительный трос оборван, только стальной огрызок торчит в том месте, где трос был привязан к корме. Мне становится не по себе.

Ничего не поделаешь, будем управлять рулем вручную. Держу курс по ветру, так хоть скорость возрастает не беспредельно. Вдруг штормовой стаксель с треском переметнулся на другой борт, отцепились два ракса. Бросаю руль и бегу на нос. С трудом, торопливо — больше чем на двадцать секунд оставить руль не могу, чтобы яхта не начала рыскать,— сажаю раксы обратно на штаг и возвращаюсь в кокпит, пока «Полонез» не успел развернуться.

Не отпуская руля, свободной рукой вытягиваю из-под ног толстый плетеный трос. Виток за витком летит за борт, а когда стремительное течение подхватывает трос, я привязываю другой

его коиец к кормовому клюзу...

Робин Нокс-Джонсон:

«Я тянул за собой толстые тросы, и это иас спасло: волнам не удалось разбить «Суахили»».

Бериар Муатесье:

«Я обрезал тянувшиеся за кормой тросы, и «Джошуа» мгновенно ожил...»

Леонид Телига:

«Да, Кшисек, я ставил яхту лагом к волне, чтоб дрейфовала как пробка...»

Эрик Хискок:

«Мы подняли штормовой стаксель, потому что дрейфовать при такой волне становилось опасно...»

Эдлард Коулс:

«Две различные методики плавания под парусами в штормовую погоду...»

Чеслав Мархай:

«В первой фазе шторма, когда отношение высоты волиы к длиие больше, чем...»

Катитесь все к черту! Зиаю, слышал, читал. Всего одновременно мие ие сделать! Надо уменьшить скорость, ие то зароемся, иадо увеличить скорость, иначе иас разнесет волна! Окончится шторм — тогда потолкуем. А сейчас... сейчас накатывается очередная гора воды. Трос, тянувшийся за кормой, исчезает под пенистым валом, ио, когда вал проиосится, подкинув «Полонез» высоко вверх, трос сиова появляется в виде тоиеиькой белой полоски, перерезающей следующий склон.

Осиовательио готовлюсь к прыжку внутрь. Нужно открыть люк, выждать подходящий момент и обдумать каждый шаг. На все — меиьше двадцати секунд. Пошел!

19.00, давление 990 миллибар. В графе «Сила ветра» пишу: «10 баллов», поскольку сейчас, когда барометр пополз вверх, по моим представлениям, шторм уже перевалил через кульмииационную точку.

Над головой с треском пролетел стаксель, и «Полоиез», самостоятельио совершив разворот через корму, иачииает медлеиио крениться. Закрываю за собой крышку люка и сажусь за руль. Как бы сиова ие полетели раксы... Вот бы где пригодились крепкие скобы.

Краем глаза я увидел ту волну. Она появилась ниоткуда, как и большинство этих гор, рождающихся из кипящей пеиы. За кормой «Полоиеза» выросла стена!

Я уперся иогами в кокпит, а свободную руку просунул под закрепленные иа утках тросы. Придавленный волиой, как подушкой, я теряю зрение и слух. Меня накрывает водяиая лавина...

«Полоиез» остановился. Я ие остался в воде, как на Туравском озере во время гонки за лидерами иа «финнах». Помию тот день — скольжение при штормовом ветре и такое же состояние иевесомости. Ноги тогда запутались в ремнях и холод сковал все тело...

Отовсюду стекает вода. Нажимаю на руль, чтобы повернуть яхту по ветру, пока не нагрянула очередная волна. Как же это случилось? Гляжу на входной люк — крышки нет. Зияющее отверстие прикрыто деревянным щитом, на котором я только что стоял.

Быстрее, наверно, внизу полно воды! Одной рукой перекладываю руль, другой — качаю насосом воду. На минуту отрываюсь, чтобы укрепить щит на новом месте. Может, сдержит следующую волну, не пропустит внутрь.

Внезапно вспоминаю, что у меня давно уже работают радиостанция и двигатель, заряжающнй аккумуляторы. Немедленно выключаю двигатель, радиостанцию же можно выключить, только спустившись вниз.

Осматриваюсь, но в сумерках все становится неразличимым. Из глубины яхты, словно с другой планеты, доносятся голоса:

— «Полонез», «Полонез», вызывает Радио — Гдыня. Не слышу вас, через полчаса повторю вызов. Через полчаса, «Полонез», ждите.

Я качаю нососом воду, повернувшись лицом к набегающим волнам, и управляю рулем, держа курс по ветру. Только что определил скорость — шесть узлов. Это немало. Все делается в соответствии с добрыми морскими традициями. Чеслав Мархай, наверно, похвалил бы меня. Операция удалась, но почему же больной не выдержал?

Насос перестал тянуть. То ли забился, то ли внутри уже сухо. Едва я прекращаю двигаться, холод пробирает до костей. В сапогах полно воды, от ног она немного согрелась, но под штормовым костюмом нет сухой нитки. Сколько же это продолжалось, если я даже не успел задохнуться? А может, я просто не понимал, что со мной творится?

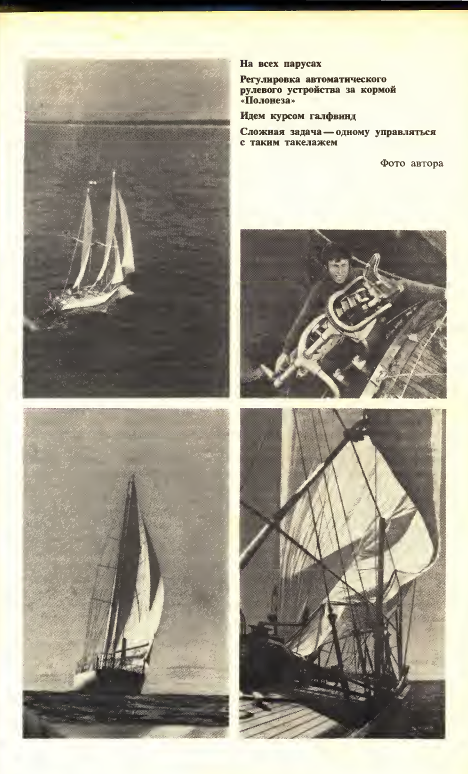
В голове сумбур, но одна мысль подавляет остальные: темнеет, как же я справлюсь с очередной волной?!

Мне бы очень хотелось, чтобы это был мираж, но... за кормой растет знакомая черная стена. Я понимаю, что это конец, что никакие теории, никакие изменения курса здесь не помогут. И тем не менее поворачиваю румпель то влево, то вправо — хочется знать, послушается ли яхта. Впрочем, это уже не имеет ни малейшего значения.

Сжимаюсь в комок под банкой в кокпите возле насоса. Мой крик замирает под водой...

Давясь и фыркая, возвращаюсь с прогулки в вечность. С изумлением смотрю на стоящие мачты, на щит, по-прежнему заслоняющнй люк, убеждаюсь, что руль действует и штормовой стаксель держится на штаге, хотя еще несколько раксов лопнуло.

Почти бессознательно снова берусь за насос и продолжаю качать, повернувшись лицом к корме. Но вижу я теперь гораздо хуже. Глаза жжет от соли, стемнело, в сердце отчаяние. От холода и волнения бьет дрожь. Еще некоторое время управляю рулем, понимая, что это бессмысленно. «Полонез» снова опрокинулся, хотя шторм не так уж и свирепствует. Почему?



На всех парусах

Регулировка автоматического рулевого устройства за кормой «Полонеза»

Идем курсом галфвинд

Сложная задача — одному управляться с таким такелажем

Фото автора

На фоне более светлого неба вижу флагшток, толстую трубку из кислотоупорной стали, теперь отогнутую назад под углом 120 градусов. Сломана и левая нижняя краспица* грот-стеньги.

Да ведь я тут замерзну насмерть! Работа с насосом меня больше не согревает. Впрочем, и воде конец. То есть, я хочу сказать, насосом качать нечего — меня-то хоть выжимай.

Буксировка троса за кормой не помогла, дорогой Робин. Долой стаксель! Привязываю его тросами к палубе и при этом обнаруживаю, что лежавший там запасной гик** вырвался из своих креплений. Минуту спустя я уже стою на корме и выбираю трос. Отсюда видны другие повреждения. Нет кормового огня — вырван вместе с кабелем. И механического лага Уокера нет, осталось одно основание.

Залезаю в кокпит и метр за метром втягиваю трос внутрь. Чувствую, что сил больше нет. В глубине яхты снова раздается голос из потустороннего мира:

— «Полонез», «Полонез», вызывает Радио — Гдыня. «Полонез», «Полонез», вызывает Радио — Гдыня. Слушаю вас на 8223. 8223, отвечайте, «Полонез»!

— А, черт бы тебя побрал! — кричу я в сторону люка и лезу вниз, чтобы выключить радиостанцию.

В дрейфе

С первого шага проваливаюсь в льялу***, потому что настила нет. Хрустит под ногами стекло, я наступаю на какие-то банки. Воняет пролитым растворителем. Одним движением выключаю радиостанцию, пока снова не начала меня вызывать. Ощупью зажигаю над плиткой свет. Возникает слабое призрачное свечение — в плафоне под потолком... вода. С минуту лампочка горит в воде, потом, мигнув несколько раз, гаснет. Быстро поворачиваю выключатель.

Над штурманским столом центральный светильник. Дотягиваюсь до него. Там тоже аквариум. Выключаю, пока не перегорела лампочка. Спотыкаюсь о нагромождения каких-то предметов. Возле люка свет горит нормально. Только на дне стеклянного колпака собралось немного воды, которая колышется там, точно огромная капля, но лампочке не мешает. Видно, сюда волна не успела добраться.

Передо мной открывается картина погрома. Настил сорван, койки перевернуты, в самых неожиданных местах — груды консервных банок, осколки разбитого термоса буквально повсюду, даже на потолке. Штурманский стол с откидной крышкой... пуст. Карты — все до одной мокрые — на левой койке.

Воды в льяле немного, я почти всю выкачал еще с палубы, но следы ее заметны повсюду. Даже на потолок она занесла грязь из льялы — грязь эта слишком легкая, потому и не отваливается...

* Краспица — распорка для разноса вант.

** Гик — часть рангоута, служащая для растягивания нижней кромки косого паруса.— *Прим. ред.*

*** Льяла — пространство между килем и настилом (пайолом).— *Прим. перев.*

Гляжу на все это с тяжелым сердцем и не знаю, за что браться в первую очередь. Меня страшит не столько объем работы, сколько легкость, с какой опрокидывается яхта. На палубе я не в полной мере осознал, что произошло.

Ни с того ни с сего мне становится жарко, хотя с одежды стекает вода. Качнул несколько раз трюмным насосом, чтобы проверить, нет ли где течи, но воды не прибавляется. Я знаю, мачты стоят, несмотря на то что краспицы сломаны. Но что будет дальше?

Из задумчивости меня вырывает сотрясение от удара волны. Толчку сопутствует грохот падающих банок, звон стекла и плеск воды в плафонах под потолком. Как бы хотелось забыть о том, что произошло, будто ничего и не случилось, будто все это пустяки. Но вода, везде вода!

Ищу отвертку, чтобы открыть плафоны, поскольку вид воды в стеклянных колпаках меня раздражает, но ни одной нет на месте. Дощечка с вертикальными прорезями пуста, а отвертки валяются в льяле среди банок. Откручиваю винты, колпак повисает на петлях. Небольшой каскад обрушивается на руки, струйки затекают в рукав. Проверяю, не просачивается ли случайно вода с палубы через какую-нибудь щель, но ничего не обнаруживаю.

Теперь можно заняться консервными банками; сколько их, обычно видишь только при погрузке — на яхте консервы скрыты в недрах льялы. Кидаю в беспорядке, как попало, лишь бы освободить необходимое жизненное пространство. Банки смазаны жиром и поэтому скользкие. Они выскакивают из рук, смазка пристает к подошвам, и сапоги скользят и по банкам, и по бимсам*. Настил положу, когда в льяле все будет расставлено по местам.

Глядя на карты, прихожу в отчаяние. Когда и каким образом я их высушу? Куда запропастились навигационные треугольники, циркуль, авторучки? Мокрые листы пока отбрасываю в сторону, подальше от консервов и битого стекла. Самые крупные осколки застряли в подушке. Пытаюсь поставить на место койки.

Время остановилось. Минуты тянутся, похожие одна на другую больше, чем удары волн. Вдруг спохватываюсь, что я до сих пор не снял насквозь промокший штормовой костюм. Впрочем, сейчас с меня ручьями сбегает уже не морская вода, а пот. Сбрасываю куртку, выливаю из сапог воду и немедленно снова принимаюсь за дела.

Погружаюсь с головой в работу — так легче отключиться от того, что происходит снаружи. Я знаю, что давление повышается, но, судя по ударам и глубоким кренам, непохоже, чтобы море хоть немного успокоилось. Ищу какие-то опоры для рук и ног — при этом руки должны оставаться свободными...

Я как раз укладывал консервные банки у правого борта под входным люком. Вдруг — знакомое шипение, ощущение невесомости, и, не успев ни за что ухватиться, я точно из катапульты вылетаю прямиком на кухонные шкафчики. Удар головой — и

* Бимсы — металлические или деревянные поперечные крепления, служащие основанием для палубного настила.— *Прим. перев.*

шкафчик из красного дерева разбит вдребезги...

Теперь я видел! Видел, с какой легкостью мой мир, который я считал надежным и незыблемым, поддается напору волн, одним махом вытряхивает из самых укромных уголков все содержимое (в том числе и мою персону) и переворачивается вверх дном.

Первое мое движение — к насосу. Я слегка оглушен, но сознание ясное. На этот раз воды залилось немного. И яхта, видно, вернулась в нормальное положение значительно раньше, чем в прошлый раз, поскольку я не катался по потолку, а застрял в верхнем углу левого борта. Какая чудовищная сила!

Открываю люк. После тишины внутри яхты свист ветра оглушает. Разумеется, слово «тишина» не следует понимать буквально. Освещаю палубу фонариком. Мачты еще стоят, хотя — отмечаю это с беспокойством — такелаж бизань-мачты ослаблен. Бакштаги натянуты до предела — вероятно, из-за огромной перегрузки. Гик снова вырвался из своего крепления на палубе. Чудо, что никаких бед не натворил.

Весь релинг* на левом борту вогнулся внутрь и упирается с одной стороны в грот-ванты, с другой — в бизань-ванты. А в кокпите пусто: бухта белого троса, которая там лежала, исчезла, и только убегающий за борт закрепленный конец говорит о том, что произошло.

В чем был вылезаю в кокпит и начинаю выбирать трос обратно. Одновременно прикидываю, насколько же должен был наклониться корпус, что всю бухту выбросило из глубокого кокпита. «Полонез» дважды опрокинулся на ходу и один раз в дрейфе. У меня больше нет сил бороться. Сорвавшийся гик привязываю тросом к палубе. Трос закрепляю в кокпите стропами. Проверяю, держится ли на месте щит, и, спустившись вниз, закрываю за собой люк.

Я ужасно устал, мне безразлично, что еще может произойти с яхтой. Выуживаю из-под мокрых одеял судовой журнал, отыскиваю карандаш (ручки найти не могу) и записываю в графе «Происшествия»: два опрокидывания под стакселем, одно — в дрейфе. Пусть в случае чего останется хоть какой-нибудь след того, что произошло и что еще может произойти.

Хватит наводить порядок — какой смысл, если через минуту все снова полетит кувырком. Сбрасываю с левой койки все, кроме матраса и мокрого одеяла. Из глубины форпика** извлекаю спальный мешок, тщательно упакованный в фольгу, а из шкафа для одежды — шерстяной комбинезон, тоже в фольге. Тяжелые промокшие вещи, не потрудившись выжать, кидаю на правую койку, вытираюсь мокрым полотенцем и натягиваю сухую одежду. Сон приходит как избавление.

Удивляюсь, увидев сквозь прозрачный купол, что начинает светать. Я проспал всего три часа, но уже снова готов начать борьбу. Удивлен я еще и потому, что проснулся на том же месте, где заснул. И что вообще проснулся.

* Релинг — ограждение вдоль палубы из металлических или деревянных стоек и стальных тросов.

** Форпик — крайний носовой отсек судна; ахтерпик — крайний кормовой отсек судна.— *Прим. перев.*

Высовывать нос на палубу пока неохота. Одну за другой развешиваю карты на поручнях вдоль правого борта. Складываю в льяле консервные банки. Привожу в порядок кухонные шкафчики. Разбитый шкафчик приходится опорожнить, в уцелевшем — все переставить, поскольку там полно воды. Вода и в выдвижных ящиках под плиткой, и возле радиостанции. Куда ни заглянешь, везде она побывала, а кое-где еще и осталась. Откладываю это занятие на потом. Сначала более важные дела — положить настил, привести в нормальный вид койки.

Почти все мелкие предметы, которые не были закреплены, оказались на левом борту. Но вот стеклышка от хронометра и навигационного треугольника, заткнутого за стол, я никак не могу найти. Заглядываю в ахтерпик. В том месте, где на внутренней стенке кокпита были подсобные инструменты — гаечные ключи, ножницы,— сейчас пусто. Из точно подогнанных отверстий в двух досках исчез весь набор инструментов. Впоследствии я все до одного выгребу из-под двигателя, куда их в конце концов занесло.

Пытаюсь завести двигатель. Безуспешно. Возвращаюсь в камбуз, снова берусь за наведение порядка. Вместо завтрака — кусок шоколада. Только и делаю, что подбираю, вытираю, выбрасываю. Набив доверху два ведра, вылезаю на палубу.

Небо — угрюмое, пасмурное — низко нависло над морем. Качает ужасно, но ветер ослабел — сейчас не больше 8—9 баллов. По-прежнему по морю бегут огромные волны, но какие-то они понурые, менее ожесточенные, и вчерашних цветов — зеленого, оливкового — сегодня не видно. «Полонез» беспомощно перекатывается с волны на волну, как скорлупка, потерявшая управление. При каждом крене кажется, что вот-вот водопад обрушится на палубу и захлестнет ее, но в последний момент корпус выпрямляется и фонтан брызг взлетает высоко вверх.

Если б можно было поднять паруса, отладить автопилот и бежать подальше от этого рокового места! Но паруса нельзя поставить без риска сломать мачту, нижняя часть автопилота сорвана, да и шторм пока не кончился.

Снова ныряю под палубу, чтобы взглянуть на барометр — 992 миллибара. Стоит и не шелохнется. Нужно подготовиться — если не к плаванию под парусами, так к новым кувыркам. А может, к тому и другому вместе. Пока же, порядка ради, обвожу ручкой вчерашнюю запись в журнале, а в графу «Вооружение яхты» начинаю поочередно вписывать повреждения:

сломана нижняя левая краспица грот-стеньги (вероятно, верхняя тоже);

разбит кормовой огонь;

погнуты стойки левого леера;

ослаблены бизань-ванты (почему?);

вырван грот-гик и сломан его вертлюг *;

релинг погнут и ударом гика вырван из палубы...

Переворачиваю страницу — на этой не хватает места — и продолжаю перечень: новые повреждения обнаруживаются ежеми-

* Вертлюг — соединение гика с мачтой, позволяющее гику свободно поворачиваться.— *Прим. перев.*

нутно. Исчезли, например, все вещн, находившиеся в кокпите и в тайнике возле люка, в том числе рукоятки лебедок, висевшие в специальных чехлах на стенах кокпита, мелкие инструменты. Как теперь поставишь парус, пальцем, что ли, крутить лебедку?

На некоторое время моим вниманием завладевает бизань-мачта. Она стоит прямо, хотя нзогнулась как змейка. Ослабленный стоячий такелаж создает впечатление беспорядка н запущенности. А уж погнутый, отклонившийся назад флагшток — прямо-таки символ трагедии. С удовольствием сразу бы его снял.

Грот-мачта с виду пострадала сильнее. Указатели ветра на топе сломаны, краспица свисает вниз, но пока еще держится на металлических усах, запутавшись в вантах. Сама мачта, однако, нисколько не погнулась, и салинги, даже поломанные, сидят в креплениях н могут еще некоторое время растягивать ванты в соответствии со своим назначением. Если б еще не эта краспица...

После недолгих размышлений надеваю на ванты защелкивающуюся скобу фала и превращаю флагафал в контрафал — трос, с помощью которого можно заставить скобу скользить по вантам. Энергично выбираю фал, и скоба упирается в конец сломанной краспицы. «Качаю» кабестаном, и краспица начинает потихоньку ползти вверх. Еще дюжина осторожных движений, и, к моему удовлетворению, распорка водворяется на место.

— Можно плыть дальше! — крнчу я облакам и чуть не слетаю с палубы, потому что коварная волна внезапно тряхнула «Полонез». Вытаскиваю из форпика трисель, самый маленький парус, устанавливаемый на мачте. Площадь трнселя «Полонеза» — четыре квадратных метра, что достаточно ясно свидетельствует о моем уважении к шторму. Да и штормовой кливер по той же причине поставлен на внутреннем штаге, чтобы не перегружать излишне грот-мачту. Трнсель подымаю прн помощи стального фала, который тяну, обернув конец вокруг ладони.

«Полонез» устремился вперед. Я сижу за рулем, под ногами — клубок тросов. Раза два забегал вниз, чтобы записать в журнал показания лага и барометра, но «Полонез» не желает держаться на своем курсе больше чем полминуты. Пришлось плюнуть на записи. И вот я сижу, не сводя глаз с моря, н ищу в волнах ответа на вопрос: как плыть дальше?

Теперь мне вндно, как ветер меняет направление с северо-западного на западное (надеюсь, компас не свихнулся, когда мы опрокидывались, и показывает правильно). Несущественное изменение ветра прнводит к тому, что волны накладываются одна на другую, но это мало заметно. Лнщь время от времени яхта получает размашистый пинок с одной стороны. Дальше за бортом интерференция волн выражается в неожиданном взрыве, происходящем в результате наложения двух водяных валов.

Если вчера циклон проходил южнее меня н двигался на восток, направление ветра должно меняться следующим образом: норд-вест — вест — зюйд-вест. Мне запомнились только весты, но ведь я б и сегодня не заметил незначительной перемены в поведении волн, если бы не присматривался специально.

Минуточку. Подгоняемый западным ветром «Полонез» шел правым галсом. Если циклон в самом деле проходил на юге, ветер

(или волна) должен был появиться с юго-запада, то есть с правого борта, и... Ну да, «Полонез» заваливался на левый борт.

Стало быть, независимо ни от чего следовало идти левым галсом и принимать волну с левого борта. Тогда «скрытая» волна пришла бы с кормы и не причинила вреда. Только так ли это? Ни Робин Нокс-Джонсон, ни Алек Роуз, ни Хискок, ни Телига ни о чем подобном не упоминали.

Пусть это будет новая теория, которую я назову «Теорией зеленого моря» (чтоб никто не понял, о чем речь). Подобно тому как во время циклона рекомендуется удаляться от пути его следования, «Теория зеленого моря» будет предписывать в «ревущих сороковых» идти левым галсом, чтобы удары самой опасной волны приходились в корму.

Вне зависимости от всяких теорий ищу на яхте что-нибудь такое, на что можно возложить ответственность за опрокидывания. Самым подходящим мне кажется полученная в подарок унылого вида куколка, изображающая воина племени нмпн. Воин летит за борт, и сразу становится легче.

Я чертовски устал. Мы плывем уже несколько часов — это на короткое время вновь вселяет надежду, что куда-нибудь в конце концов доплывем, но ведь так дальше нельзя. Трос не свернут и не закреплен — а если очередной крен? Гик в любой момент может снова сорваться с места. Координаты определить нельзя (а быть может, вовсе не нужно), поскольку я не могу отойти от руля. Двигатель не действует, необходимые карты отыскать невозможно. Так плыть нельзя. Надо сначала привести в порядок все парусное вооружение яхты, потом как-то уговорить ее, чтоб соизволила держаться заданного курса, а уж после этого будет время заняться теорией.

Я спустил трисель и прочно принайтовил его к основанию мачты. Потом поставил штормовой кливер на передний, а кливер — на внутренний штаг, и подготовленные таким образом паруса тросами привязал к палубе. Пригодятся, если надо будет полным ходом удирать от волны. Левым галсом так левым галсом. Из трех современных способов, рекомендуемых для штормования, у меня в запасе остался один: идти под парусами на полной скорости. Остальные два (дрейфование и буксировка тросов) испробованы с отрицательным результатом.

Зрелище, открывающееся внутри яхты, повергает меня в уныние. В таком состоянии плыть нельзя. Настил, пока не придумаю чего-нибудь получше, надо будет наглухо привинтить к бимсам. Койки привязать. Разобрать карты и навигационные пособия. Проверить путенс-планки* и основание борта — не пострадала ли от большого напряжения сама конструкция. На мое счастье корпус сработан прочно.

Когда я на минуту отрываюсь от работы, слышны причитания ветра. «Полонез» повернулся к волне таким образом, что воспри-

* Путенс-планки — металлические полосы, к которым крепятся снасти стоячего такелажа.— *Прим. перев.*

нимает ее натиск более или менее спокойно, но где-то под кормовым подзором не прекращаются тупые удары. Будем надеяться, что руль это выдержит.

Перевалило за полдень. Поел сухих фруктов. Наконец отчистил от смазки чайник. Может, теперь заведется двигатель? Кручу рукоятку, пускаю в ход стартер, удаляю воздух из бензопроводов. Возможно, вода просочилась в выхлопную трубу, но лезть под мотор пока не решаюсь.

Удалось разжечь примус. Пластмассовая бутылочка от денатурата уцелела, хотя в ней не осталось ни капли. В канистре есть нетронутый запас, беру денатурат оттуда, и вот уже на примусе варится бульон, первое горячее блюдо за два дня.

Продолжаю записывать в журнал повреждения:

разбиты бортовые огни;

погнут громоотвод на гроте и флагшток на бизань-мачте;

сорваны вымпел и указатель скорости ветра;

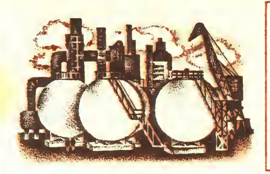
ударом волны выломана крышка люка...

Перед наступлением ночи закрепляю трос. Свертываю его в большую бухту и привязываю несколькими стропами к швартовным клюзам в транце* и в бортах на корме.

На сон грядущий — чай с печеньем. Невесело мне. Мы все еще на широте сорок два градуса с минутами. Давление держится 992, погода штормовая. По моим подсчетам, за целый день дрейфа яхта продвинулась не более чем на двадцать миль в нужном направлении. Как выбраться из «ревущих сороковых» и в какой порт плыть?

Перевод с польского Ксении Старосельской

* Транец — кормовая поперечная доска, к которой крепится обшивка.— *Прим. перев.*



Южнее розовых гор

Очерк

Марк Горчаков

На карте нашей страны давно уже исчезли последние «белые пятна». Триангуляционные знаки стоят и на вершинах Памира, и в арктических тундрах, и в сердце пустынь Средней Азии. У бывших «полюсов недоступности» один за другим возникают новые центры индустрии. Осуществляется гармоническое (комплексное!) развитие производительных сил в труднодоступных районах, богатых природными ресурсами.

В начале шестидесятых годов на западе Средней Азии, на просторах степного Мангышлака, были открыты новые нефтяные и газовые месторождения. Испокон века на их страже была пустыня, кочевники-скотоводы держались у редких колодцев. Но все изменилось в годы последних пятилеток. В Закаспий пришла современная техника, началось формирование общесоюзного Мангышлакского территориально-производственного комплекса.

Первоначальный — пионерный — этап его развития уже позади. К 1975 году Мангышлак дал стране уже сто миллионов тонн товарной нефти. Решения XXV съезда партии предопределили дальнейшее развитие комплекса. И он уже активно воздействует на производственную жизнь прилегающих территорий. Например, к югу от розовых гор и степей Мангышлака обретают «второе дыхание» сульфатные промыслы Кара-Богаз-Гола.

Директор объединения «Закаспийсктрансгаз» Стефановский обвел указкой очертания восточного побережья Каспия — Челекен, Красноводский залив, карабогазские косы, массивный профиль Мангышлака... На фанерной схеме намечены были Большой и Малый Балханы, русла Узбоя, овалы бессточных впадин и редкие горизонтали возвышенностей Устюрта. Трассу нового газопровода обозначила жилка алюминиевой проволоки. Она наискось пересекла Мангышлак и у Аральского моря примкнула к магистрали Средняя Азия — Центр.

Стефановский перечислил подрядчиков и субподрядчиков стройки, назвал сроки и цифры, касающиеся туркменских промыслов-поставщиков, добычи газа на Мангышлаке...

Слушая его, я невольно вспомнил «Кара-Бугаз» Паустовского. Там инженер Прокофьев мечтает о газопроводе из Чикишляра

к сульфатным промыслам — длиной четыреста километров. И вот газ идет на север за тысячу километров. От Чикишляра и Окарема. А контора строителей газопровода расположилась в новой столице Мангышлака — городе Шевченко.

Город развернут к морю. Над обрывом морской террасы на железобетонных опорах стоят одиннадцатиэтажные башни жилых домов. В Шевченко уже больше ста тридцати тысяч жителей. И зодчие, проектировщики города, задуманного как курортно-административный центр, получили почетный приз Международного союза архитекторов, а в 1977 году удостоены Государственной премии СССР.

Шевченко... Нефть, газ, Большая химия, первая в мире крупная атомная электростанция на быстрых нейтронах, с гигантскими опреснителями, морской порт — один из лучших на Каспии. В севера сюда пришла железная дорога, на юг и восток в глубины Мангышлака отсюда ведут бетонно-асфальтовые шоссе. Территориально-производственный комплекс!

Разговор в Шевченко со Стефановским состоялся уже после того, как я побывал на строительстве газопровода, нефтепромыслах, газоперерабатывающем заводе в Новом Узене, на атомной станции...

Теперь мне нужно было попасть к сульфатчикам Кара-Богаз-Гола в Бекдаш. И Стефановский сказал, что завтра утром туда идет специальным рейсом самолет строителей газопровода.

Из конторы объединения я пошел пешком. Пересек железнодорожные пути и, следуя вдоль новых кварталов Шевченко, вышел на набережную, к приморскому парку. Там на слабом ветру трепетали еще не одетые листвой ветки акаций и тополей. В этом году весна запоздала.

В «старом» центре Шевченко кроны деревьев уже дотянулись до окон пятого этажа, уличные проезды напоминают парковые аллеи. Вот это и удивляет здесь больше всего. Не архитектурные ансамбли, не атомная электростанция, не химкомбинат и нефтепричалы, а полосы деревьев и кустарников, широкие скверы, парк у синего моря. Говоря языком современной науки, это начало нового биоценоза, создаваемого человеком в пустыне, благотворное преображение ландшафта.

Как это удалось? Каким чудом?

Чудес не бывает. За несколько лет до начала строительства города у мыса Актау появилась приехавшая из Алма-Аты экспедиция Академии наук Казахской ССР. Геоботаники изучали флору полупустыни — колючки, солянки. Исследуя известняковый субстрат, взяли тысячи образцов скудной почвы, которую почвой-то трудно назвать. Первые саженцы доставили на Мангышлак самолетами. Высаживая их в дотоле бесплодную землю, поили водой. Вместе с котлованами будущих зданий заложили питомник растений, чтобы на месте выращивать посадочный материал.

В микрорайоне Шевченко и далеко от него — в Новом Узене и Бейнеу, Шетпе, Форт-Шевченко и Ералиеве — приживались белая

акация, карагач, декоративный ясень китайский, туя, аморфа, узколистный восточный лох и тополь Болле́, он же серебристый. А отвергнуты были кустарники и деревья, которым мешает близкое скальное основание почвы (с полуметровой глубины — известняк) и для которых губительно вторичное засоление, неизбежное при обильном поливе.

Вторичное засоление. В Средней Азии хорошо известно, что это означает. Вода вымывает и выносит соли из глубины на поверхность. В Шевченко в первые годы в самом питомнике вышло на белый свет четыреста тысяч тонн солей... Спасли питомник, наладив хороший дренаж — промыли почву быстро и энергично.

Поначалу зеленые насаждения получали воду из медленно и торжественно проезжавших автоцистерн. Это был своеобразный ритуал — священнодействие утреннего и вечернего «водопоя». Земля, иссушенная тысячелетней жаждой, ненасытно вбирала влагу. Теперь всюду видишь наружные линии водопровода. Они же и ограждают посадки. Это легкие, тоненькие трубы, выкрашенные голубой, зеленой, розовой краской, с частыми вентилями и разбрызгивающими воду форсунками. Новые дома — особенно детские учреждения — строители не сдают приемным комиссиям без поливных систем. Ясли и детские сады, школы и спортивные городки стали в Шевченко настоящими оазисами.

Более ста лет назад в форте Александровском (нынешний Форт-Шевченко) ссыльный поэт в память об Украине посадил у своей землянки плакучие ивы. Щедро поил их. Они прижились... Теперь же только в новом Шевченко — тысячи рослых деревьев, десятки и десятки тысяч кустов, многие гектары цветников и газонов. Питомник с его дендрарием и теплицами из года в год дает жизнестойкие саженцы всему полуострову. А недавно заложен огромный базовый ботанический сад Академии наук Казахстана. Продолжая работу, ученые изучают и акклиматизируют, отбирают для распространения новые виды растений.

Над морем выплыл молоденький месяц. Путаясь в тонких ветвях деревьев, двинулся выше, к облачной кромке. Ветер утих. Чудилось, что в туманном и влажном сумраке с тихим шорохом распускаются тополиные почки. А в середине ночи зашелестел принесенный с запада благодатный и теплый дождь — нечастый в этом краю. Он продолжался и утром. Я спешил по пляшущим светлым лужам к АН-2, уже вырулившему на взлетную полосу. В салоне был кроме меня только один пассажир, рослый, румяный, с пушистыми ресницами и каштановым чубом, сотрудник Киевского института электросварки. Летел он тоже в Бекдаш — налаживать на сульфатном заводе сварку титановых сплавов.

Самолет взял курс на юг. Внизу простиралось плато, исчерченное колеями грунтовых дорог. Южнее Ералиева местность была похожа на полигон, где только что закончены испытания тысячи танков и тягачей. Давно я здесь не бывал. С тех самых пор, как

Мангышлакская область и северо-западная Туркмения

работал в Южной геологической экспедиции. У побережья тогда тянулся один лишь тракт, вроде широкой реки, только заполненной не водой, а пылью.

Тем очень жарким летом отряд наш с восточного берега Кара-Богаза пришел к морю. Палатки разбили у самой воды, в бухточке, которой не найдешь на картах. Там, под обрывом, лежали обрушенные глыбы. Плиты известняка выдвигались в море как пирсы. Между ними — белый песочек. А вода была после штормов ледяной и очень медленно прогревалась. Наверху, на ветру, стояли редкие чабанские кибитки, бродили верблюды, и перед закатом по спуску — кстати, единственному на пятьдесят километров береговой линии — в бухту сползали отары. Овцы пили морскую воду! Оберегавшие их косматые псы с медвежьими мордами оставались на суше.

Отары и ночевали на пляже, усеивая его орешками помета. А утром — вновь водопой.

Чабаны пили чай с лепешками и урюком. Собаки, дождавшись, пока отара угомонится, укладывались поближе к костру... В отличие, скажем, от кавказских псы-овчары пустыни доверчивы и добродушны. Века воспитали в них мудрость гостеприимства. Если чужой человек невзначай опустит руку на необъятный загривок пса (пальцы зарываются в шерсть), тот не позволит себе ни оскалиться, ни отпрыгнуть. А лишь замрет. Чуть дрогнут мощные мышцы. И метнется в глазах отражение пламени. Не понравится — он, не теряя достоинства, переменит место: зевнет, как бы извиняясь, и отступит во тьму.

Киевский сварщик видел под самолетом белесо-серую плоскость, исчерченную следами машин и расчленяемую сухими промоинами. За изломанной кромкой обрыва он видел мглистое море. А мне представлялись нахохлившиеся бакланы на торчащих у прибоя камнях. И кефаль, влетающая в береговые заводи. И предутренние туманы. После них на брезенте палаток и спальных мешков оставались пресные лужицы... На плато тем летом ходили джейраны — быстрые, сильные рогачи, группами штук по пять, и отдельно матки и малыши.

Завидя машину, идущую в стороне от дороги, джейраны вступали в соревнование с ней. Инстинкт велел им доказывать свое превосходство в скорости. Несясь параллельно курсу железного зверя, джейраны все ускоряли бег. И только обогнав машину, пересекши ей путь хотя бы в нескольких метрах перед капотом, они уходили в сторону, за горизонт.

Устюрт подобен огромному автодрому: возьми верный азимут и кати. Не забывай, однако, самые главные ориентиры. На западе — Каспий, на востоке — Арал, на севере — овраги и розовые обрывы мангышлакских предгорий, на юге — чинки Кара-Богаза. Кроме того, на севере, востоке и юге — полости грандиозных впадин, куда машина может влететь с ходу. Дно впадин — ниже уровня моря. К слову сказать, бывало, что браконьеры, гоняясь в ночи за джейранами, гибли у тех обрывов... Еще многочисленные пухляки, взрытые колониями песчанок, — колеса машин там внезапно проваливаются по ступицу — и лисьи норы, и оставленные экспедициями шурфы, и ловушки известнякового

карста. Тонкий покров бедной почвы резина колес сдирает как шкурку. Остаются белесые шрамы, ветер углубляет их до коренного — бесплодного — известняка сарматских пластов.

А на скрещениях древних троп, проложенных в незапамятные времена, торчат тут и там накренившиеся могильные камни с арабской вязью погребальных стихов.

Киевлянина утомила начавшаяся болтанка. Он продолжительно зевал. Спросил меня, очень ли жарко бывает здесь летом и холодно ли зимой. В ответ я мог бы ему рассказать о давнем зимнем маршруте — полевой рекогносцировке перед началом съемочных работ на Устюрте. Но это долгий рассказ, надо ведь все объяснять. Да и сам маршрут был много восточнее этих мест — примерно в трехстах километрах от побережья...

Заметая наши следы, свистела сухая поземка. Мы двигались к северу по целине, затвердевшей наподобие бетона. Днем сверяли свой курс по бледному от мороза солнышку, ночью — по звездам.

Старт был взят за тридевять земель — у подножия Большого Балхана, у Небит-Дага. К южным чинкам Устюрта мы добирались через урочища Туаркыра, оставив позади и Узбой, и пески Учтаган, и впадину Шор-Казахлы. Впереди, до восточного погружения гор Мангыстау, на расстоянии четырехсот километров не предвиделось ни селений, ни колодцев.

Впрочем, намеренно уклонившись от первоначального маршрута, мы завернули во впадину Ассаке-Аудан, к лагерю партии Буклина. Эта партия входила в Одиннадцатую экспедицию треста «Аэрогеология». В ту пору она составляла листы Государственной геологической карты степного Мангышлака и Устюрта. А полевой сезон у Буклина сложился до крайности неудачно: партия не успела пробурить необходимые для съемки мелкие скважины и застряла в поле до декабря.

...Устало выл дизель самоходной буровой установки. Выхлопные газы смешивались с кухонным чадом. Палатки трещали под напором норд-оста. Сам Буклин с женой — геологом партии — ютился в двухместной палаточке, они туда ухитрились втиснуть круглую чугунную печь.

Мы быстро раскинули бивак, поставили свою палатку, нажгли саксауловых углей, соорудили шашлык.

До полуночи возлежали на кошмах у самодельной жаровни. Нет, песен не пели... А над кальками будущей карты говорили о деле, то есть о тектонических нарушениях, стратиграфической несогласованности пластов, о пресной воде, горючем, направлении дорог, парадоксах погоды и причудах начальства.

Наутро мы продолжили путь и, уже не задерживаясь больше нигде, не останавливаясь и на ночлег, во тьме новолуния выехали, как и наметили, к Кугусемским колодцам. Там, у хвоста мангышлакских хребтов, погружающихся под панцирь плато, рельеф неспокойный: гигантские цирки с амфитеатрами ржавых глинистых осыпей и впадающие в них системы оврагов-ущелий. Там рядом с колодцами была стационарная база аэрогеологов: склады

 снаряжения и горючего, автомастерская, кернохранилище, дву-

скатные землянки с просторными нарами и капитальными печками.

Зимовали на базе трое. Комендант (он же радист, механик, водитель автомашины ЗИС-5) и его жена — оба молодые, голубоглазые, круглолицые и веснушчатые, оба заочники политехнического института — и мрачноватый сторож лет сорока пяти, заросший бородой, как схимник.

Но впрочем, то была едва ли не последняя тихая зима Мангышлака. В Форт-Шевченко и Ералиеве уже накапливалась тяжелая техника глубокой разведки. С весны она двинулась в степь. А кроме того, на юг и восток устремились машины множества экспедиций из Москвы, Ленинграда, Гурьева, Алма-Аты. Кстати, у Кугусема поставил палатки и фототеодолитный отряд нашей Южной экспедиции.

...Теперь с высоты хорошо были видны вышки глубоких скважин, культбудки-вагончики, амбары с глинистым раствором и лежащие возле наборы «карандашей» — бурильные и обсадные трубы.

Вот наконец и залив. Он слева, а справа — море. У залива на ниточки узкоколейки нанизаны белые и голубые клочья озер-бассейнов сульфатного промысла. Самолет пошел вниз. Вираж — и навстречу рванулось аэродромное поле.

Тут поселок Омарата, в двух километрах от Бекдаша. В Омарате когда-то Южная экспедиция арендовала барак и несколько домиков. После маршрутов на камеральные работы и отдых сюда прибывали съемочные отряды.

Ветер дул с моря. Из трубы сульфатного завода тянулся хвост дыма. Завод работает с семьдесят третьего года. И гостиница в Бекдаше тоже новая, облицована цветным кирпичом, над подъездом выступает широкий бетонный козырек, а лоджии номеров выходят к морю, до которого тут метров триста.

В просторный прохладный вестибюль сквозь очень плотные шторы едва пробивался свет дня. Отсюда, казалось, можно и вплавь добраться до острова Кара-Ада через узкий пролив. Да, Черный остров, тот самый, куда зимой двадцатого года захваченный белыми пароход доставил из Петровска (Махачкалы) заключенных. Об этом рассказывает Паустовский: о ледяном шторме и желтом дыме костров — их разожгли погибавшие люди.

В солнечный апрельский день трудно было представить себе эпопею, описанную Паустовским. Остров выглядел как на картинке. На светлой каменной круче красовалась белая и осанистая маячная башня. У ее подножия живописно расположились дома. И синее море было спокойным.

Идя по улицам поселка, я вспомнил старый Бекдаш. Нам, приезжавшим сюда с Устюрта и восточных побережий Кара-Богаза, он представлялся вершиной цивилизации и комфорта. Он был уютным, с прекрасной пресной водой, доставляемой танкерами из Баку и Дербента... С тех пор поселок сильно разросся. Многоэтажные дома стоят несколько на отшибе от старых коттеджей и занесенных песком улиц. В порту появились новые

**Впадина Шор-Казахлы.
Останец «Бронепоезд»**

**Двухдневная стоянка
полевого отряда**

Выступ южного чинка Устюрта

г. Шевченко. Приморский парк

г. Шевченко. Внд с моря

Фото автора и В. А. Елизарова

причалы и пирс для паромной переправы. Но по-прежнему здесь, у подножия башенных кранов, ровными штабелями были сложены мешки с сульфатом, и по старой узкоколейке медленно подползали платформы с контейнерами.

Главный инженер комбината Аннаберды Аязович Аязов родом с юго-востока Туркмении, из края садов, бахчей и хлопковых плантаций. Он крепкий, бронзоволицый. Глаза желтовато-коричневые, зоркие. Пояснив мне по схеме расположение озер-бассейнов, скважин, узкоколейки и трубопроводов, Аязов взглянул на часы и предложил поехать к озерам. Поскольку рабочий день кончился, он отпустил шофера и сам сел за руль служебного «газика».

У залива рыжели пески. Плавно переходили одна в другую береговые террасы и котловины. В иных котловинах была вода, другие белели от высыхающей соли. Похожее на перезревший оранжево-красный плод, солнце близилось к горизонту. В километре левее шоссе на фоне серой куэсты стоял кран на высоких опорах. К нему, огромному, одинокому, тянулась девственно белая гряда сульфата.

Асфальт взлетел на склон котловины Шестого озера. Как бы заснеженную поверхность дна озера геометрически расчертили дренажные канавы. У дальнего берега возвышалась кирпичная труба, окруженная низкими строениями. Оттуда понизу шла напрямик двойная нитка узкоколейной дороги. Указав на трубу, Аннаберды Аязович пояснил: это остатки промышленной установки КС, то есть «кипящего слоя». Там в последнее время перед пуском завода выпаривали в щелоке мирабилит.

К Аязову подошли несколько человек. Одного из них он пригласил поехать с нами дальше, к заливу. То был начальник рапного цеха Худайбергенов — темнолицый и худощавый, очень застенчивый с виду.

Шестое озеро — старый центр бассейновой добычи сырья. Всю технологию тут определила природа. В зимние холода в рапе, которую сюда подают, начинается кристаллизация мирабилита. Он садится на дно. Весной воду спускают, мирабилит сохнет. В летнюю жару верхний слой его превращается в сульфат-порошок. Сульфат сгребают в кучи, насыпают в мешки.

Когда-то я видел, как в тонкой белой пыли по этой слепящей поверхности продвигались шеренги людей, облаченных в комбинезоны и марлевые респираторы, с деревянными лопатами. Ветер относил сульфатную пыль к поселку и пудрил ею склоны ближних бугров.

А сейчас было тихо, прохладно, воздух прозрачен. Сульфат теперь в основном собирают машинами. Большую часть рапы добывают с помощью скважин из подземных солевых горизонтов.

За поселком шоссе спустилось на бывшее дно залива к Четвертому озеру, отгороженному широкой песчаной дамбой. Четвертое озеро было полно воды — тяжелой, темно-синей. На ней металлически посверкивала мелкая ветровая рябь.

Асфальт кончился. Выйдя из машины, мы прошли по дамбе с полкилометра. Вода и вблизи была темно-синей. Худайбергенов выкопал из песка несколько толстых, раздвоенных корешков.

— Дикая морковь. Сладкая. Еще мальчишками мы ходили в пески искать ее.

Корешки были бледно-розовые, длиной сантиметров по восемь. Над ними ботва в виде зонтиков, а вместо листьев, как у многих солянок, влажные веточки темно-зеленого цвета. И в самом деле, «морковь» была почти сладкой.

Вода из Четвертого озера перетекала в соседний бассейн по искусственному ручью.

Мы видели северный берег Кара-Богаза таким, каким его, вероятно, могли в свое время видеть с моря первые исследователи залива, ходившие здесь на шлюпках. Теперь воду держат только искусственные сооружения — вот эта дамба, насыпанная бульдозерами.

Заходящее солнце освещало обрывы мысов. От них ложились синие тени. На террасах над ними виднелись остатки старых бараков, где жили когда-то бригады первых сульфатчиков.

Впрочем, в тридцатые годы сульфат собирали и у южного побережья залива. Был там, например, промысел Кизылкуп, между мысом Омчалы и косой Янги-су. В Кизылкупе сгребали соль, выброшенную на отмель зимними штормами. Разумеется, после того, как она подсыхала на солнце. Отправляли ее в Красноводск большей частью гужевым транспортом.

Лет двадцать назад перед первым маршрутом на Туаркыр я побывал с отрядом у Кизылкупа. Мы решили там переждать непогоду конца февраля.

Мыс Кизылкуп спускался в соленую топь, зловеще расцвеченную темными пятнами трясин. Здесь кончались глубоко пробитые и засохшие колеи старинной дороги. В радужных разводах самосадочной соли по ней змеился горький ручей. У подножия террасы коренного берега торчали кирпичные остовы печек, полусгнившие балки.

Непогода кончалась, светило первое солнышко. Мы бродили в развалинах, и кто-то вдруг указал на лоскут нагретого солнцем толя: «Держу пари, под ним — скорпион».

Движение сапога — и вот оно, нежно-зеленое, как молодая трава, существо, будто иллюстрация к книге Б. Федоровича «Лик пустыни» ... Скорпион был слабый, вялый после зимней спячки. Но его хвост, с шипом на конце, угрожающе изогнулся.

Потом они встречались нам часто — зеленые, серые, коричневые, даже угольно-черные. Очень подвижные. Заползали в палатки, в обувь, снятую на ночь.

Возле Четвертого озера воспоминания увели меня от спутников, толковавших о необходимости тут и там подкрепить дамбу. Я вспоминал старинный Чагыльский тракт, ведущий из Красноводска на Туаркыр вдоль южного побережья Кара-Богаза. От этого тракта влево вели малоезженные дороги в залив: на Омчалы, Кизылкуп, Янги-су. Летом по ним проходили машины экспедиции... Собственно, экспедиция исследовала не залив, а его обрамление, включая Туаркыр и степной Мангышлак. Идея

состояла в том, чтобы структурной съемкой дополнить и свести воедино все данные о геологическом строении этой территории и затем представить перспективы поисков нефти и газа.

Прикарабогазье. Только лишь берега самого залива, если грубо измерить по карте их общую протяженность, вытягиваются на семьсот километров. А еще сотни и сотни километров чинков Устюрта, а еще обрывы бессточных впадин, размеры которых таковы, что их видно из космоса. И Туаркыр — полоса разрушенных гор, обрамленная песчаными массивами и солончаками.

Паустовский писал, что на Туаркыре («Таур-кыр» в его повести) побывал лишь один человек — «геолог Лупов». И открыл там залежи каменного угля на площади тысяча шестьсот квадратных километров. Замечу, к слову, что ленинградский геолог Николай Павлович Лупов в этом крае работал тридцать лет с лишним. Еще в начале шестидесятых годов он возил в урочища Туаркыра участников всесоюзных геологических совещаний и консультировал Южную экспедицию. А местный уголь, как выяснилось, промышленного значения не имеет, как и руды нескольких металлов, обнаруженные там в тридцатые годы и после войны.

Но мы говорим о заливе Кара-Богаз. Он, вероятно, сродни всем бессточным впадинам запада Средней Азии. Эти впадины выработаны в известковистой толще осадков третичных морей. Как язвы, они проели верхний покров и углубились в пласты мезозоя. Я говорил уже, что края этих впадин отвесные. Это обрывы-чинки высотой по двести и триста метров. По обнажениям можно читать фрагменты геологической истории Закаспия за последние пятьдесят или сто миллионов лет.

И нет двух одинаковых впадин.

Кара-шор (Черный солончак), например, в плане похож на чулок, вытянутый с юга на север. Его длина сто десять — сто двадцать километров, а ширина — пятнадцать — двадцать. В ясную погоду с западного чинка, от колодцев Гоклен-куи, виден восточный.

Шор-Казахлы (Казахский солончак) — вроде кармана, подвешенного к устюртскому чинку. В эту впадину с юга через пески идет машинная дорога. В стороне от дороги несколько черных округлых ям, окруженных зарослями ядовито-зеленых солянок. В ямах вяло пульсирует вонючая жижа. Это грязевые вулканчики. А возле единственного машинного подъема на Устюрт во впадине Шор-Казахлы стоят рядком двухсотметровые бело-розовые останцы-пирамиды. Один останец в своих полевых дневниках мы назвали «Бронепоездом», хотя, пожалуй, по силуэту он больше напоминает старинный дредноут. Его западный склон ступенчатый, опоясан архарьими тропами, а восточный как будто срезан ударом циклопического топора. Взберешься наверх, на острый и шаткий гипсовый гребешок, глянешь и отшатнешься: у ног зияет пропасть, пронизанная отсветами невидимой меловой стены. Ветерок посвистывает, подталкивает...

Бессточные впадины совпадают со сводами погребенных антиклинальных складок земной коры. За миллионы и миллионы лет, пока образовывались эти складки, солнце и холод, вода и ветер

проели дыры в известняках, расширили и углубили их до артезианских водоносных горизонтов. В аридном (пустынном) климате запада Средней Азии впадины оставались сухими. Испарения глубинных вод выравнивали и засоляли их дно, опущенное ниже уровня Мирового океана.

И Кара-Богаз-Гол в свою очередь отвечает обширному сводовому поднятию древних пород. Вероятно, он образовался по той же схеме. Но в какой-то период его истории сюда сквозь тонкую перемычку прорвались воды морского бассейна. Бессточная впадина превратилась в залив Каспийского моря.

Конечно, схема грубая и не единственно возможная. О происхождении Кара-Богаз-Гола все еще спорят.

Километрах в семидесяти севернее Чагыла, на дальних подступах к впадине Шор-Казахлы, есть группа слабосолоноватых колодцев Ман-су (в переводе — плохая вода). Там жил (и ныне живет, сказали мне на Шестом озере) известный в пустыне человек, Назархан Тохмагамбетов. Он из старого рода мангышлакских казахов. Заведует совхозной овцеводческой фермой, пасет каракульских овец у чинков Устюрта и восточного берега Кара-Богаза. Сейчас ему, должно быть, уже под семьдесят.

Возле Ман-су, на пологом бугре, в один из сезонов располагались и наши палатки. Машины отряда изъездили все вокруг, разрушили на склоне несколько пухляков, и над лагерем постоянно гуляли пыльные смерчи. А у подножия бугра был розовый такыр — идеальная посадочная площадка для самолетов.

Оттуда и выезжали мы для работы к горе Ак-Куп, на Устюрт, в овраги к мысу Кулангурлан и в Шор-Казахлы. Машины изредка совершали рейсы и в Красноводск, за триста километров,— пополнить запасы продуктов.

Однажды ночью, возвращаясь из Красноводска, мы перепутали на Чагыльском тракте ориентиры и сделали крюк примерно в полсотни километров, а горючего было в обрез. Его хватило выбраться с Кизылкупа, куда мы нечаянно заскочили, хватило и на то, чтобы — уже при утреннем свете — спуститься с Чагыльского тракта по косе Янги-су. Там под стенами береговых песчаных обрывов шла по дну кратчайшая колея, срезавшая юго-восточный угол залива.

В самом начале подъема на террасы восточного берега, к хребту Эрсарыбаба, раздались два-три хлопка, из глушителя вылетел жидкий дымок, и «газик» замер, задрав радиатор к голубому небу.

Бензин иссяк, а нам еще оставалось проехать примерно тридцать пять километров. Сущий пустяк, не о чем говорить... Тем более что воды у нас было достаточно. Ложись в тень машины и жди до вечера. Ночью, по холодку, можно двинуться пешком. Либо дождаться нашей машины из лагеря, которая, как полагается по технике безопасности, непременно двинется нас встречать по прошествии суток.

Да, оставаться на месте было бы правильно. Это подсказывал опыт работы в поле.

Но часам к девяти на небе появилась зыбкая пелена облаков.
 Солнце едва просвечивало сквозь них, не обжигало, а лишь

умереиио грело. И мы «поддались на провокацию». Вдвоем с рабочим Чары я решил двинуться в лагерь, оставив у машины шофера и повариху.

Сказаио — сделаио. Мы взяли по фляжке воды и довольио резво пошли вверх. Сперва по дороге, а дальше, поскольку оиа иа подъеме виляла, напрямую через овраги и мергельиые перемычки, усыпанные черно-лаковым от пустынного «загара» щебнем.

Овражки сбивали дыхание, иоги увязали в осыпях.

Когда отошли от машины иа семь или восемь километров, иебо очистилось, снова ударило солнце. Но мы уже одолели изрядную высоту, позади развертывалась широкая панорама: мысы и отмели побережья переходили в мертвеиио-серую равнину обнажеиного диа залива. Оиа простиралась к туманиому горизонту.

Вернуться? Мы отхлебнули из фляжек, передохнули. Утих стук крови в висках. Даже закурили, просыпая табак из высохших сигарет. А впереди загораживал перспективу хребет Эрсарыбаба и совсем уже близкими казались его меловые кручи и контрфорсы, пики вершин. Где-то там — перевал. Как будто дразня, солнце опять завернулось в жемчужную кисею.

Вериуться? Мы двинулись вверх. И тут солице отбросило маскировку, воссияло в полную силу. Но идти так идти. Обрывистый склон, усыпаииый остроугольиым щебием, порой, казалось, стаиовился дыбом, карабкаться приходилось иа четвереиьках. Остаиавливаться нельзя, единственный выход — лезть и лезть в гору, уходившую в беспощадное небо. Зато сзади все ширилась паиорама залива. Вроде бы кромка воды открылась у горизонта. Или мираж это был, обычный полудеииый мираж в испарениях иад трясиной?

Впрочем, ие хватало сил оглянуться. Вдох, два-три шага и — стоп. Потом новый рывок по горячему ломкому известняку, иавстречу вспышке прожегшего небо солица.

Вот иакоиец перевал. Глубокая ниша. Голубая стойкая тень, плоский валуи — можио на ием сидеть. Тоикая пыль в углублении меловой стены усеяна подсыхающим пометом архаров. Это их лежка. В жару они здесь отдыхают. Пятипудовые бдительиые вожаки: рога размером с автомобильиое колесо. Глазастые матки. Длинноиогие подростки. Семья! Наверняка мы согнали их, ие увидев.

Но эти соображения пришли потом, а в первый момент — ощущеиие избавления, исполиения желаний! Раскалеииую кожу омыл ветерок. Наверху всегда ветерок... Жить бы и жить в этой иише, как в первобытиом раю. Во всяком случае провести в ией остаток жестокого дня, покуда зиой ие спадет. До сумерек.

Мы разулись. Сдерживаясь, отпили воды. Каждый глоток ее жуй, катай по шершавому иёбу, купай в ием наждачиый язык, как можно медленнее пропускай в горло. Мы кейфовали без мыслей, исполненные благодариости всей природе, лучшее произведение которой — вот эта ниша иа перевале возле горы Ак-Куп с этой глубокой тенью и валуиом, хранящим утреннюю свежесть.

Но... радости были иедолгими. Прошло пятнадцать минут, полчаса, и в теии стало тяжко. Ветерок уже кожу ие охлаждал, а

сушил. Сидеть в этой нише три-четыре часа? Вот дикая мысль! Как могла она прийти в голову? Да мы до вечера тут иссохнем...

До лагеря осталось пятнадцать — двадцать километров. Притом сначала все вниз, а затем по дороге. Ее колеи блестели на красноватом плато. Казалось, мы видим в послеполуденной дымке кибитки у колодцев Ман-су и пыльный смерч, теребящий наши палатки.

Воды еще — по полфляги.

Помедлив, мы оставили тень и ступили как будто в плазму, в упавший на землю солнечный протуберанец. Слепили глаза обрывы, белели колеи наезженной дороги. Не было ни движения, ни ветерка, а лишь плотное марево зноя.

Вопреки астрономии и космогонии солнце светило все время в лоб. Будто Земля и вращаться-то перестала. И в два, и в три часа дня солнце висело там же, где в полдень, только пониже спустилось, чтобы никак нельзя было скрыть от него глаза и лицо под козырьком мятой кепки.

Шли мы хотя и медленно, но упрямо. По часам останавливались, сперва каждые двадцать минут, затем через десять. Укладывались голова к голове на горячий песок под придорожные кустики саксаула. Сквозные сеточки легкой тени чуть ослабляли жжение.

Чары (а он не первый год в поле) было плохо. Он жаловался, что жар дошел до костей. На его морщинистом смуглом лице проявились признаки жажды: губы растрескались и полиловели, глаза налились краснотой. Я ощущал на зубах твердый клейкий налет. Он коричневый, вроде смолки. Это сохнущая слюна.

— Смотри,— сказал Чары хрипло,— солнце над каждой сопкой...

Над красно-рыжими песчаными буграми — почему он назвал их сопками? — будто множились вспышки электросварки. Над каждым бугром — свое солнце.

Прежде чем лечь под куст, Чары сорвал с себя грязную от пыли и высохшего пота рубашку, набросил на ветки. Рубашка дала тень голове, но и только. Идти оставалось каких-нибудь пять или восемь километров.

Так оно и бывает. Каких-то пять километров. Три километра. Километр. Но в черепе уже гнездится безумие. Рванешься к сияющему миражу — и никуда не придешь.

Так всего лишь полкилометра не дошел до людей шофер полуторки. У него на Чагыльском тракте сломалась машина, решил выбираться пешком на новую трассу, которую строили параллельно тракту. И закружился, погиб.

Так в Заунгузье погиб, не дойдя до колодцев, куня-ургенчский бухгалтер. Та же история. Сломалась машина, шофер остался, он пошел пешком по тропе... На тропе и нашли его — уже высохшего, как мумия.

Но те проблуждали по двое суток. А тут все рядом, знакомое. Позади коса Янги-су, хребет Эрсарыбаба, который излазили с теодолитом и геологическими молотками. Эта дорога — наша. Впереди колодцы и лагерь. В лагере ждут...

Вот обозначился в той стороне конус пыли. Мы не увидели бы

его, если бы вновь не заставили себя встать навстречу множеству солнц, полыхающих над ржаво-красной равниной. Пыль приближалась. Машина шла по чагыльской дороге.

Сколько уж раз говорено, что человек не знает своих возможностей. И наука не зря исследует феномены сверхнапряжений. Короче — мы побежали! Хрипло крича и размахивая руками, рванули наперерез. Машина к нам повернула по целине. «Газик», а за рулем Назархан, подпирающий обширным животом баранку.

Реденькие усы Назархана встопорщились.

— Что? — спросил он испуганно. — Что? Авария?

Ему не впервые. Живя на отшибе, на самом краю обжитой земли, Назархан иногда участвует в спасательных операциях. Он выручил многих. Любит рассказывать, как на Устюрте встретил топографов. Те строили вышку триангуляции, работу закончили, а машины своей не дождались и решили сами выйти к колодцам. Если бы не Назархан... Они уже ползли неизвестно куда, в стороне от дороги.

Взволнованно причитая, Назархан примчал нас в кибитку. Жена его отпоила нас кислым верблюжьим молоком, разведенным на соленой воде. Это су-чал. Один из лучших в мире напитков, восстанавливающих силы человека в пустыне... Затем мы поглощали чай, лежа на кошмах. А потом пешком уже в сумерках как ни в чем не бывало притопали в лагерь и отправили в Кара-Богаз машину с канистрой бензина, на выручку.

...Блики заката плясали на потемневшей поверхности Четвертого озера. Легкие жадно вдыхали насыщенный солью воздух. Я вдруг сообразил, что впервые в жизни так близко вижу тяжелые воды Кара-Богаза. За годы работы у побережья такого случая не было.

Солнце опустилось в туман, растворилось в нем. Мы отступили в тумане к «газику», и, когда уже выехали к Шестому озеру, туман стал сметанообразным.

Ехали бесконечно долго и медленно. Аязов пригнулся к рулю, свет фар увязал в тумане, то и дело звучал тревожный сигнал машины, но хриплый, протяжный звук гас, казалось, в нескольких метрах. На шоссе не было встречных машин — рабочий день давно кончился, движение прекратилось.

Аязов внезапно затормозил — впереди обозначилось что-то странное: плоскости и карнизы, фантастически освещенные изнутри. Слышалась тихая музыка.

Что это, где мы?

— Приехали! — улыбнулся Аязов.

Машина стояла в трех метрах от подъезда гостиницы. В вестибюле трудился телевизор. В кресле перед экраном сидел киевлянин-сварщик, отдыхающий после работы.

Наутро опять море голубело, как небо. От него тянуло йодистым ветерком, и остров Кара-Ада, светлевший вдали, можно было фотографировать для рекламных открыток.

4-2069

Аязов повез меня на завод и там познакомил с заместителем начальника цеха сульфата натрия Тобышем Муратовым.

Муратов три года назад окончил в Чимкеите химико-технологический институт и сразу поехал в Бекдаш. Собственно, возвратился — здесь его родина и семья.

В цеховой коиторе он прочитал мне вводную лекцию и лишь затем повел в корпус. Завод вырабатывает в основном три продукта: сульфат натрия, бишофит, эпсамит. Первый идет на изготовление бумаги, стекла и текстиля. С помощью второго делают дефолианты, нужные, чтобы перед машинной уборкой освобождать хлопчатник от листьев. Его добавляют и в глинистый раствор при бурении скважин. Он помогает связывать смолистые вещества в дымах промышленных предприятий, и его применяют в системах очистки.

Последний продукт нужен металлургам. Это вещество повышает стойкость огнеупорной кладки желобов доменных печей и мартенов.

Ныне «Карабогазсульфат» отгружает свою продукцию в пятьсот адресов. Сначала морем — до Красноводска, Баку, Махачкалы и Астрахани, а уже оттуда — по всей стране.

...Вместе с Муратовым я пошел по внутренним переходам мирабилитного корпуса — сквозь упорядоченный хаос тросов, балок и емкостей. На высоте примерно четвертого этажа мы вступили на узенькую решетку, идущую по всей длине цеха. Внизу на разных уровнях проносилась по желобам беловатая пенистая жидкость — маточный рассол.

Муратов рассказывал, как изменили недавно схемы движения рассола, как переделали систему подачи горячей воды, промывающей кристаллизаторы... А тросы-скребки то поднимались, то опускались в глубины рассола.

Взойдя еще на этаж, мы попали в просторный зал с кафельным полом. Тут раздавалось гулкое эхо и резко дул холодный ветер. Перемешивая рапу в корытообразных емкостях, вращались дисковые сгустители. Диски из ледяного рассола выходят покрытые кристаллическим мирабилитом. Садка идет! А порошок сдирают с дисков искусственные сквозняки. Оттого и ветер гуляет, унося запахи сероводорода, которыми пропитано здание.

В другом корпусе мирабилит плавят в щелоке, чтобы отобрать у молекул лишнюю воду и получить таким образом сульфат натрия. Тут трудятся и мешалки, и центрифуги, стоят батареи выпарных установок и плавильные столики...

Собственно, все то же самое происходит в озерах-бассейнах, но там процесс растянут от сезона к сезону, там он зависит от летних и зимних температур, от перемен погоды. Там другие масштабы и сроки, и прежде там работали тысячи сезонников. А на заводе — считанные десятки квалифицированных рабочих, техников и инженеров. И завод действует ритмично, в течение всего года давая основную продукцию.

Из сушилки готовый сульфат идет по трубам в контейнеры, установленные на железнодорожных платформах. Вся заводская территория присыпана как бы тончайшего помола мукой.

Возвратившись в контору, я попросил Аязова растолковать мне, какова реальная возможность всесторонне использовать карабогазскую рапу? Ведь многие ценности до сих пор удаляются вместе с маточным рассолом.

— Есть научная тема,— задумчиво ответил Аязов,— тема комплексного использования местного сырья. Ее разрабатывают несколько институтов. Долго уже разрабатывают — пора завершить. Координирует работу Ленинградский головной институт... Ясно пока одно: существующее заводское производство в ближайшее время расширится. Надо уже прекращать добычу сульфата в бассейнах. Предстоит наладить выпуск сульфата калия — удобрения для полей.

Я спросил Аязова и о том, как сульфатчики отнеслись к идее «закрытия» Кара-Богаз-Гола. Я напомнил ему сцену из повести Паустовского. Там лейтенант Жеребцов познакомил капитана Григория Силыча Карелина (лицо историческое) с «дерзким проектом» своим: перегородить дамбой карабогазский пролив, чтобы остановить падение уровня Каспия и не допускать в рассольные воды рыбу, она-де напрасно гибнет в заливе. Карелин коротко и сурово пояснил лейтенанту вред идеи. И вот еще что добавил: «В Петербурге сидят дураки. Они размышлять не любят, а прямо брякнут — закрыть залив на веки вечные и удивить Европу. Ежели бы вы упомянули слово «открыть», то государственные мужи, может быть, призадумались бы, а раз закрыть — так закрыть. Закрывать — это для них святое дело...»

Карелин так рассуждал лет сто назад, если довериться Паустовскому, написавшему эту сцену в начале тридцатых годов. И переубедил лейтенанта. Тот изорвал свой «проект», выбросил в море...

Теперь иные проекты и время иное, любое вторжение в жизнь природы требует очень глубоких научных обоснований. И все-таки вновь обсуждают, не лучше ли «закрыть» залив, спасая Каспийское море от обмеления.

— Между прочим,— Аязов раздраженно передернул плечами,— пока еще неизвестно, насколько полезным будет для Каспия прекращение стока в залив. В тридцатые годы в Кара-Богазе зеркало воды занимало восемнадцать тысяч квадратных километров, сейчас — меньше тринадцати тысяч. Были глубины в диапазоне восемь — тринадцать метров, крупные суда могли заходить, сейчас максимальная глубина — метра три. В сутки в залив поступало около тридцати пяти тысяч кубометров морской воды, сейчас вливается меньше семи тысяч. А уровень Каспия падает и падает. Изменит ли что-то дамба в режиме моря?.. А залив-то превратится в бессточную впадину, занятую гигантским солончаком. Как это отразится на жизни промышленных солевых горизонтов, из которых мы получаем рапу? И как повлияет это на микроклимат всей прилегающей территории запада Средней Азии?..

На рубеже тридцатых годов Паустовскому, чтобы понять перспективы сульфатного промысла, пришлось объехать каспийские побережья от Махачкалы до Баку, от Гасан-Кули до

Эмбенских промыслов. На Мангышлаке в межгорных котловинах он увидел выходы нефти, пахнувшие гудроном.

Сегодня масштабы укрупнены. Но, говоря о будущем Кара-Богаз-Гола, мы обращаемся снова к Мангышлаку. Комплекс есть комплекс. Это не только добыча нефти и газа. Это разнообразная и мощная индустрия, крупные города — культурные центры, это пути сообщения, энергетика, интенсификация сельского хозяйства...

Я возвращался в Шевченко на самолете строителей газопровода. Около полудня он прилетел из Небит-Дага и приземлился возле Омараты, чтобы взять на борт изыскателей. Среди пассажиров был молодой монтажник-туркмен с женой и ребенком.

Годовалый щекастый мальчик, любовно упакованный в голубой нейлоновый стеганый комбинезон, при взлете таращил глазищи. Лицо его было как только что отчеканенная бронзовая монета. С великой серьезностью он выплевывал соску-пустышку и отворачивался от иллюминатора, куда отец поднес его, желая развлечь. Впрочем, как выяснилось, он летел не впервые.

Я подумал о том, что этот бекдашский мальчик уже не узнает быта вековечных верблюжьих кочевий, глаза ему не разъест дым костра, разведенного зимой в кибитке. Вряд ли увидит он — разве что в музее? — деревянную лопату-совок, еще недавно бывшую главным орудием рабочих-сульфатчиков.

...Трудно сейчас представить подробности будущей жизни этого края. Одно лишь ясно — грядущее уже возникает сегодня.

Таити

Очерк

Борис Соколов

Перо мое слишком слабо, чтобы выразить удовольствие мореплавателя, когда после долговременного похода положит якорь в таком месте, которое с первого взгляда пленяет воображение.

Ф. Ф. Беллинсгаузен

Людям свойственна страсть к путешествиям. Спросите первого попавшего человека — старого или молодого, мужчину или женщину,— хотел бы он побывать, скажем, на Бермудских островах или в Новой Зеландии? Думаю, что ответ будет утвердительным. Со школьной скамьи музыкой звучат в душе каждого такие названия, как Гонолулу, Барселона, Кристобаль, Монтевидео, Рио-Гранде...

Но сегодня многие земли, когда-то открытые землепроходцами, стали совсем обжитыми, и современный путешественник нечасто может наблюдать первобытную экзотику. Это и не входит в наши планы — гоняться за экзотикой. Давайте отправимся в центр самого большого океана планеты, на остров, где первыми побывали Бугенвиль, Кук и наш соотечественник Беллинсгаузен,— на остров Таити.

Вначале несколько слов о том, что привело нас в столь далекие края. Весной 1969 года наше научно-поисковое судно работало в Тихом океане: мы выполняли океанографическую съемку и, кроме того, ставили ярус* в несколько десятков миль длиной. Не совсем обычное это дело — ловить тунца в тропиках, даже для бывалых моряков лов в океане на крючки в диковинку. Поэтому наблюдать за первой выборкой яруса сбежалась почти вся команда.

Зрелище это поистине замечательное. Представьте себе такую картину. Слепит глаза сверкающий на солнце океан. Рабочая команда на кормовой палубе выглядит довольно живописно: на матросах черные резиновые фартуки и белые нитяные перчатки. Правда, фартуки одеты на голое тело, и обнаженные спины блестят от пота, а через два-три часа все с головы до ног

* Ярус — рыболовная снасть, состоит из хребтины, представляющей собой капроновый трос на поплавках, к которому на определенном расстоянии друг от друга крепятся поводцы с наживой.— *Прим. авт.*

покроются солью, перчатки протрутся до дыр и станут черными от просмоленного капронового яруса... Но это потом. А пока — сияют черные фартуки, белеют новые перчатки, и все напряженно всматриваются в бегущую из воды на борт хребтину. Немилосердно печет солнце. Натужно воет электродвигатель ярусоподъемника — ему тяжело и тоже жарко.

Увы, улов нас не радует — одни акулы. Вытаскиваем их наверх баграми, и на палубе они вовсю молотят хвостами и сверкают ослепительно белыми пиловидными зубами. Лучше держаться от них подальше: кроме страшных зубов у этих тварей шершавая, грубая, словно наждачная бумага, кожа.

На первую акулу подходили смотреть по очереди, потом привыкли — эка невидаль... У акулы обыкновенной круглые желтые, с вертикальной щелью, совершенно кошачьи глаза. Акула-молот формой напоминает сильно вытянутую букву «т». У «лисички» огромные воловьи глаза, хвостовой плавник узкий и длинный, как меч, пожалуй, она даже красива.

Попался красавец-парусник, великолепна его раскраска в воде. Его можно сравнить с форелью длиной метра в три с огромным спинным плавником-парусом, отливающим глубокой синью, словно крыло степного кузнечика...

Однако некогда любоваться — идет работа. От выполнения плана зависит заработок каждого члена экипажа. Течет пот, смешиваясь с морской солью, которая будто песок покрывает кожу. Болят обожженные солнцем плечи, а руки невыносимо зудят от яда физалий, идущих с хребтиной и поводцами.

Нежданно-негаданно вытащили дельфина — его петлей захлестнуло за хвост. Может быть, подвело любопытство, когда он проплывал мимо яруса. Так, за хвост, его и подняли на палубу. Случай невиданный, и все, кто был рядом, сбежались к борту. Поднимали его осторожно, чтобы не ударить о борт, и когда положили на палубу, он шумно и с облегчением вздохнул. Петля затянулась туго, кто-то собрался перерезать ее ножом. Вокруг образовалась толпа, дельфина гладили, уговаривали подождать немного, а он лежал, не двигаясь, будто соображал, чего же это он так сплоховал... Но вот хвост освободили и стали легонько подталкивать дельфина к портику в фальшборте. Видно, он не понимал, чего от него хотят, упирался и (честное слово!) обиженно смотрел на людей. Наконец его столкнули в воду. Ух, как он пошел! Всхрапнув по-поросячьи, такого дал стрекача, что на палубе грянул хохот.

...Много дней мы работали в океане, но нам решительно не везло с рыбой: из десятка поставленных ярусов — ни одного промыслового улова. Поиск есть поиск, и мы продолжали бороздить океан.

Природа вечерами словно демонстрировала свое живописное искусство, и многие выходили смотреть на величественно опускающееся в океан солнце. Тропические закаты не просто восхищают. Они столь фантастичны, ни на что не похожи, масштабы их столь огромны, цвета и смена их столь многообразны и неповторимы, что человек чувствует себя прямо-таки подавленным
 грандиозностью и мощью этого явления. Происходит невероят-

ное — заря охватывает все небо, весь горизонт. Едва верхний край солнца скользнет в океан, небесный купол начинает переливаться невиданными красками, словно в цветовой музыке. В первые минуты на западе у горизонта он желт, выше — лазурь переходит в холодный шаровой тон, оттеняющий малиновые облака, а над головой висит нежно-сиреневая дымка, граничащая с бездонной голубизной, которая к противоположному краю горизонта постепенно темнеет и на востоке лежит на воде тяжелой густой синькой. И все это движется на глазах, смещаются цветовые границы, меняются краски, бегут по небу оранжевые, фиолетовые, изумрудные тона...

Так, каждый раз неповторимо, заканчивался день. А по ночам над нами покачивался Южный Крест, в струящемся над мачтами черном воздухе радужными огоньками вспыхивали звезды. Перед рассветом, влажно переливаясь голубым серебром, горела огромная Венера...

И вот наконец «Радуга» взяла курс на остров Таити, там мы должны запастись топливом, водой, продуктами.

Острова в океане... Наши короткие заходы в порты дают передышку, разрядку усталым нервам. Они подтверждают тот неоспоримый факт, что кроме воды и неба все же существует понятие «берег». В океанской пустыне в долгом монотонном чередовании дней-близнецов порой перестаешь верить, что вообще есть на свете земля.

Таити сегодня — один из узловых центров Тихого океана. Как и Гавайские острова, он расположен на скрещении морских дорог между Азией, Америкой и Австралией. Отсюда пути ведут в Сингапур, Иокогаму, Сан-Франциско, Панаму, Кальяо, Вальпараисо. Сюда приходят корабли из далекой Европы.

Знаменитый английский мореплаватель Джеймс Кук трижды совершал плавания по Тихому океану и всякий раз заходил на Таити. Уже во время своего первого посещения он был приятно поражен изобилием растительности и мирным отношением таитян к европейцам. Потом корабли капитана Кука заходили на многие острова, но где бы они ни были — Таити всегда оставался желанным прибежищем для моряков.

Записки о путешествиях, опубликованные Куком на родине, наделали много шуму и произвели сильное впечатление на современников. Океания стала ассоциироваться с человеческой мечтой о рае, сделалась неким синонимом безмятежной жизни. И когда в конце 1787 года Британское адмиралтейство готовило экспедицию в Южные моря на «Баунти», слава о райской жизни на тихоокеанских островах уже широко распространилась, и от добровольцев, изъявивших желание участвовать в походе, не было отбоя — случай редкий для того времени.

Участники экспедиции не обманулись в своих ожиданиях. Во время продолжительной стоянки на Таити, куда «Баунти» зашел за саженцами хлебного дерева, поистине настоящий, земной рай буквально обворожил команду. Это обстоятельство послужило одной из причин бунта, происшедшего на «Баунти» вскоре после того, как корабль покинул остров. Мятежники высадили в шлюпку командира Уильяма Блая вместе с верными ему членами экипажа и

повернули обратно. Мечта взбунтовавшихся спрятаться от мира на прекрасном острове еще была реальной. Но на Таити, уже приобретшем всемирную известность, это было невыполнимо. Сюда «на постоянное жительство» очень скоро заявились европейцы со своими порядками.

Христианская мораль, которую принялись насаждать миссионеры, казалась чудовищным ханжеством даже некоторым европейцам. Для таитян же она была чем-то вроде китайской грамоты. Дети щедрой природы, они с древнейших времен хранили удивительно мудрые в своей простоте отношения с окружающим миром.

Шло время, и наступил момент, когда путешественники из Европы, прибывавшие на остров, стали испытывать разочарование, в котором, однако, не были повинны ни сам Таити, ни островитяне. Всему виной был тот «колониальный снобизм» (художник Гоген), та карикатурная,«хромающая на обе ноги полуцивилизация» (путешественник Даниельсон), которая принесла с собой на остров не только чужие и потому зачастую нелепые на местной почве традиции, но и незнакомые ранее здесь болезни, поставившие под угрозу само существование таитянского народа.

...Мы подходили к острову. Около двух месяцев мы не видели земли, и потому сейчас все, кто мог, были на палубе.

Ослепительно солнечный день. Отливающие синевой вершины гор окружены ожерельем белых клубящихся облаков. Внизу, у самой воды, расположился порт и столица острова, Папеэте,— полоска белых камешков, рассыпанных на берегу на фоне ярко-зеленой тропической растительности. Ровно через двести лет, после того как здесь побывал капитан Кук, наша «Радуга» приближалась к острову.

Встреча с предметом мечты почти всегда несет разочарование: такова психология человека — его воображение рисует идеальную картину, в которой не находится места плохому. Удивительно, но факт — с нами этого не случилось, когда мы в первый же день познакомились с островом. Быть может, потому, что нам, обитателям северных краев, трудно вообразить более благодатную для жизни землю, когда-то поднявшуюся из океана в том самом месте, где температура воды в течение года колеблется в пределах 26—28° Цельсия. Океан здесь командует климатом. Гигантский аккумулятор, он хранит тепло круглый год, и на острове царит вечное лето. Мощное испарение в этих широтах сопровождается обильными осадками, что благоприятствует развитию пышной тропической растительности. Днем и ночью из года в год в одном и том же направлении медленно плывут с востока невысокие кучевые облака, гонимые ласковым пассатом, который дует с непоколебимой устойчивостью и равномерностью.

Сойдя на берег, мы тут же отправились осматривать Папеэте. Едва прошли центр города с традиционной, европейского типа, одноэтажной и двухэтажной застройкой (такие дома можно увидеть во многих городах бывших колоний), как вдруг пронесся короткий и неистовый теплый тропический ливень, словно жемчужные нити ненадолго повисли в янтарном воздухе. И сейчас же начала парить земля, источая всевозможные пряные ароматы, легким паром задымились наши намокшие сорочки...

Большая попалась рыбина! (парусник)
Акулы на палубе
Вот он, остров Танти...

Фото автора

Пожалуй, было бы неверно сказать, что окраина столицы утопает в зелени; скорее этот район можно назвать обжитыми джунглями, которые насквозь пронизаны светом и наполнены удивительно свежим воздухом. В черте города вдоль асфальтированной дороги нам попадались луга с высокой сочной травой, мы видели банановые деревья с гроздьями висящих плодов, на пальмах — кокосовые орехи, высоко, под самым небом, под зонтами из длинных и широких пальмовых листьев.

До вечера мы бродили по городу и его окрестностям. И первое впечатление от острова определило в дальнейшем формирование образа Таити, навсегда оставшегося в памяти. Пальмовые рощи у самой воды, скалы, возвышающиеся над расположенной возле самого берега дорогой, хижины, виллы, отели — все залито солнцем. После дождя в воздухе бродят густые запахи земли, трав, цветов, океана. Чуть стемнеет — в тишине вечера рождается и не утихает ни на минуту журчание цикад. А где-то рядом в черной темноте, будто огромное животное, ворочается и вздыхает океан...

Назавтра с рассветом мы отправились на шлюпке на необитаемый атолл. Был полный штиль, гладкая поверхность океана мирно сверкала в утреннем свете. Подвесной мотор бодро гнал легкую посудину из стеклопластика, и скоро мы увидели маленький островок, зеленый и кудрявый, как клумба. В центре его — тропический лес, окруженный полосой кораллового песка — прекрасным природным пляжем.

Мы сошли на берег. Тишина, нарушаемая лишь невнятным шепотом набегающих на песок волн. Чистый прозрачный воздух и яркое солнце...

Безжизненный берег? Только на первый взгляд. Вот дырки в песке, проделанные пальмовыми крабами. Один из них, вытащенный на свет божий, испуганно вытягивает свои глаза-перископы. А это что? По песку довольно резво, переваливаясь этакой морской походкой, ковыляет ракушка. Приглядываюсь: из-под панциря подозрительно торчат кривые ноги... Так вот ты кто, голубчик! Краб-отшельник, позаимствовавший одежду с чужого плеча! Я дотрагиваюсь до него. Молниеносно, как и следует по тревоге, он прячется внутрь панциря, складывая свои ноги так компактно, будто специально тренировался...

Мы заглянули в лес, обошли весь островок, потом принялись нырять в прибрежной полосе. На дне разноцветные кусты кораллов перемежались своеобразным ковром из водорослей, кое-где на голых песчаных прогалинках попадались небольшие темные овальные ракушки величиной с пятикопеечную монету. Каури! Они не только красивы, они удивительны тем, что океан с его всюду проникающей, неуничтожимой жизнью перед ними бессилен. Каури в отличие от других больших и малых раковин ничем не обрастают. Здесь, рядом с замшелыми собратьями других видов, они весело блестят своими темно-коричневыми в светлых пятнышках спинками, сверкают, будто тщательно отполированное дерево или покрытый темной глазурью фарфор. Недаром в древности каури служили деньгами у полинезийцев. Вероятно, еще и потому, что эти ракушки нечасто попадаются.

Я выбрался на берег и в изнеможении плюхнулся на песок.

Слегка веял ветерок, солнце ласково припекало. Я закрыл глаза и... задремал. Произошло это так быстро, без всякого перехода от бодрствования ко сну, что в моем мозгу разом оборвалась связь с настоящим...

В своей каюте я подошел к иллюминатору и увидел, что снаружи еще темно. Стекло покрыто толстым слоем плотного мохнатого инея. Я открыл иллюминатор, и с холодным воздухом в каюту пришли скупые звуки рассвета. Вот она, сплошь забитая льдом, бухта Золотой Рог, из которой мы скоро должны уйти. Рядом с нами темный силуэт дока. Огни, зеленый и красный, тихо отражаются в черной полынье. Никакого движения. Дальше, над извилистой кромкой сопки,— темное, постепенно светлеющее небо. А вот сквозь лед храбро пробивается рейсовый катер, оставляя за собой черную мерцающую дорогу. Желтыми глазами горят над самой водой его круглые иллюминаторы...

Я услышал шорох, тихий, как шипение,— будто где-то сыпался песок. Тело мое еще спало, но сновидение уже исчезло, еще немного — и я проснулся, открыл глаза и высоко над собой увидел кроны кокосовых пальм... Золотой Рог, февраль — господи, как далеко и как давно это было! И верится-то в это уже с трудом, ведь здесь вечное солнце, теплый океан, песок...

Тут я вспомнил о шорохе и вскочил на ноги: рядом, на расстоянии шага от меня, змеился по песку продолговатый характерный след. Я посмотрел чуть дальше: в тени кустарниковых зарослей мелькнула черно-белая пятнистая шкура змеи — она была толщиной в руку. Противный холодок пробежал по моей спине, остатки сна исчезли мгновенно, и потом до конца дня я все не мог забыть об этом происшествии.

Возвращались мы во второй половине дня, и берега Таити вновь поразили нас своей красотой, растительность острова казалась несравненно богаче, чем на атолле.

> «Неоднократно вдвоем или втроем мы забирались в глубь острова. Казалось, что я попал в эдем. Мы проходили по зеленой равнине, покрытой фруктовыми деревьями, пересеченной речками, которые создают здесь восхитительную прохладу, и притом без каких-либо неприятных явлений, обычно сопутствующих чрезмерной влажности... Очень большим достоинством острова является полное отсутствие здесь полчищ отвратительных насекомых, что превращает в пытку жизнь в странах, расположенных между тропиками; не видели мы здесь и ядовитых тварей. Климат острова настолько здоровый, что, несмотря на тяжелые работы, которыми были заняты наши люди, целыми днями находившиеся в воде и на солнцепеке, а ночи проводившие под открытым небом на земле, никто не заболел. Больные цингой, которых мы свезли на берег и которые не имели ни одной спокойной ночи, быстро восстановили свои силы, а некоторые по возвращении на корабль выздоровели окончательно. Наконец, здоровье островитян, живущих в открытых всем ветрам домах и спящих на едва покрытой листьями земле, безмятежное существование без всяких болезней,

когда до глубокой старости сохраняется острота всех чувств, исключительная красота зубов,— что может быть лучшим доказательством целительных свойств воздуха и пользы режима, которому следуют все обитатели острова».

Бугенвиль, 1768 год

«Главная пища островитян — овощи; туземцы поглощают их в огромном количестве... Туземцы приручили свиней, птиц и собак. Мясо последних они научили нас употреблять в пищу, причем кое-кто пришел к выводу, что это блюдо уступает лишь английскому ягненку. Надо отметить, что собаки Южных морей питаются овощами... Свинина на острове великолепна. Хищных зверей здесь нет, диких птиц мало, встречается лишь несколько видов... Рыба — любимое лакомство местных жителей, едят ее в сыром и приготовленном виде. Туземцы высоко ценят все, что дает им море; они едят моллюсков, омаров, крабов, морских насекомых и даже то, что обычно называют морской крапивой (медуз)... Приправой к простым и однообразным блюдам служит соленая вода, и едва ли кто-либо из туземцев садится за стол без скорлупы кокосового ореха, наполненной этой водой; в нее макают куски пищи, чаще всего рыбу, иногда же наливают воду в ладонь и отпивают ее большими глотками...»

Джеймс Кук, 1769 год

Как я уже упоминал, Папеэте в основном выглядит на европейский лад, однако европейцев как будто не так уж и много. Коренное население острова — полинезийцы, одна из обладающих наиболее древней культурой народностей Океании. Превосходные танцоры и артисты, умельцы и мастера, мореходы и рыболовы, плотники и судостроители — таитяне не могут не удивлять своей прирожденной талантливостью. В национальном музее мы видели предметы быта, лодки, украшения, деревянных и каменных божков. Оружия почти не было. Конечно, это вовсе не значит, что история народа не знала войн и междоусобиц. Но все же миролюбие и доброта таитян общеизвестны.

На соседних островах и атоллах полинезийцы живут небольшими группами и занимаются сбором копры, земледелием, животноводством и рыболовством. Поблизости расположен остров Муреа. По размерам, внешнему виду и растительности он — младший брат Таити. Среди множества бесчисленных островков несколько севернее Таити расположен атолл Матахива-Лазарева, который был открыт в 1820 году русским мореплавателем Беллинсгаузеном. Живут на нем полинезийцы под административным и духовным руководством пастора-метиса. Всю работу, в том числе и домашнюю, вплоть до приготовления пищи, выполняют мужчины. Женщины занимаются исключительно воспитанием детей.

В Папеэте почти никто не ходит пешком. Все население от мала до велика движется по улицам на автомобилях, мотоциклах, мотороллерах, велосипедах. Женщину за рулем автомобиля или

мотороллера здесь можно увидеть чаще, чем в любой другой стране мира. Складывается впечатление, что мужчины несколько сдали свои позиции: часто представитель сильного пола сидит на заднем сиденье мотороллера за спиной у девушки.

Впрочем, попадаются в столице и пешеходы, поражающие своим мощным сложением. Одеваются таитяне преимущественно по-европейски, женщины не отстают от моды, разве что порой цветок в волосах — чисто местное явление, как, кстати, и обычай при встрече не здороваться за руку, а прикасаться губами к подставляемой по очереди одной и другой щеке. Вероятно, старинный таитянский обычай приветствия — потереться при встрече носами — несколько видоизменился.

> «Таитяне питают полное доверие друг к другу и, вероятно, никогда не подвергают его сомнению. Дома они или нет, днем или ночью, их жилища никогда не запираются... На Таити нет таких порядков, чтобы мужчины занимались исключительно рыбной ловлей и военными делами, предоставляя слабому полу тяжелые работы по хозяйству и обработку земли. Поэтому удел женщины — приятная праздность, и самым серьезным ее занятием является уход за своей наружностью, чтобы нравиться мужчинам... Мы покидали этот славный народ, и я больше был поражен скорбью, которую причинил им наш уход, чем тем сердечным доверием, которое они выказали нам, когда мы прибыли на остров».
>
> *Бугенвиль*, 1768 год

> «Туземцы очень чистоплотны и в быту, и в приготовлении пищи. Они всегда моют руки и рот перед едой и после нее; трижды в день — утром, днем и вечером — купаются в свежей воде... Все имеют право доступа к вождю и беседуют с ним при встрече без всяких церемоний — такой полной свободой пользуется любой обитатель этого счастливого острова. Я заметил, что народ питает к вождям своих островов гораздо больше любви, чем страха. Разве можно отсюда не заключить, что правят вожди справедливо и мягко?»
>
> *Джеймс Кук*, 1769 год

Командир «Баунти» Уильям Блай отмечал врожденный такт, изящество и непринужденные, естественные манеры таитянских женщин — качества, которые в Европе приобретались лишь светским воспитанием. Вообще многих путешественников, когда они писали о Таити, объединяло стремление возможно подробнее рассказать об увиденном, ибо ими руководило одно чувство — восхищение.

Природа острова щедра во всем: с морем и небом соперничает океан света, яркие, разнообразные цвета растительности живут отдельно, не смешиваясь, в резком контрасте друг с другом. Солнечный свет, падая на благодатную землю, словно претерпевает серию превращений, в результате которых спектр его как бы распадается на чистые составляющие.

В центре Папеэте — столицы страны
Отель, стилизованный под старину
Таитянин со своей собакой

Фото автора

«Вашему взору представляются изумительные пейзажи, где богатейшие произведения природы рассеяны в том художественном беспорядке, прелесть которого художнику никогда так не удастся передать кистью»,—утверждал Бугенвиль. Мореплаватель ошибся. Через сто с лишним лет его соотечественник, французский художник Поль Гоген, изучив природу и быт населяющих остров людей, увековечил его в своих картинах. Он оказался в плену острова и провел на нем несколько лет. Гоген писал во Францию, что на Таити «...пейзаж с его варварскими, резкими красками» пленяет и ослепляет, а «чудо тени может спорить с чудом солнечного блеска».

Теперь остров потерял, вероятно, многое из своего древнего колорита. Он несет в своем облике все неизбежные черты цивилизации. Таити посещают многочисленные туристы со всех концов нашей планеты, и он покрылся первоклассными отелями, стилизованными под старину. Конечно же, никого сегодня не приведет в умиление печаль о потерянном первобытном рае. Прогресс есть прогресс, местному жителю зачастую уже не нужна хижина, он стремится жить в современном доме.

Попадаются и другие «блага» цивилизации. За десяток франков можно купить открытку, изображающую карту острова с достопримечательностями. На ней вы увидите и «экзотическую» таитянскую девушку с гитарой, и бравого Кука, и художника в клетчатых штанах (уж не Гогена ли?), малюющего местную красотку. А на обороте открытки напечатано: «Таити — Последний Рай, остров очарования, жемчужина Тихого океана».

И все же есть еще на острове немало глухих уголков, где «под пологом тропического леса» стоят хижины в тишине, в словно бы застывшем воздухе, в первозданной благодати, среди мозаики ярких солнечных пятен и коричневых теней на земле, на стволах деревьев. Пройдет по тропинке мягкой походкой босая смуглокожая женщина, пробежит собака в мелькающей скороговорке света и тени — и пронзит вдруг мысль: да ведь это они, ожившие пейзажи Гогена! Его полотна мне всегда казались излишне декоративными, плоскими, настойчивое выделение чистых тонов — искусственным. Некоторую несоразмерность телосложения мужчин и женщин таитянского народа в его картинах я целиком приписывал субъективному восприятию художника. Теперь я понял, что был к нему несправедлив. И пятнистый полусвет джунглей, и великая тишина, и самый воздух, казалось, напоминали краски Гогена.

Мы познакомились с тремя молодыми французами, и в каждом из них темперамента, непосредственности и юмора хватило бы на десятерых. Они побывали в гостях на нашем судне, потом Кристиан, тридцатилетний инженер-строитель, повез нас к себе домой. Его жена — китаянка, маленькая женщина с тихим лицом и строгим взглядом. Их легкий домик с гаражом-пристройкой стоит у самого шоссе, километрах в двадцати от Папеэте. Если надо что-нибудь купить, жена садится за руль «Фиата» и вместе с полуторагодовалой дочуркой едет в город. Кристиану же она отдала в безраздельное пользование свое «приданое» — мотороллер. Глава семьи добродушно посмеивается над этим.

Широкоплечий, смуглокожий (он метис) и чернявый Жан Ремо — убежденный холостяк и сам разъезжает в своем автомобиле.

Жан Ремо спортсмен, чемпион Полинезии по стрельбе из лука.

Жан Клод, светловолосый и голубоглазый, удивил нас великолепным исполнением «Калинки». Оказалось, на Таити недавно побывал ансамбль песни и пляски имени Александрова. В который раз я столкнулся с поразительной популярностью этой русской народной песни.

Нашему сравнительно подробному знакомству с островом мы в большóй мере обязаны Кристиану и Жану Ремо. Они провезли нас по живописному кольцевому шоссе, мы видели гробницу последнего короля Таити, побывали в пещере с подземным озером, посетили огромный ботанический сад, в котором расположен Музей Гогена. В саду по траве ползала трехсотлетняя черепаха, и я сфотографировал старушку, быть может видевшую самого Кука. Она охотно позировала, милостиво позволив Жану Ремо взобраться на панцирь, и, держа на себе восьмидесятикилограммового Жана, не проявила каких-нибудь признаков беспокойства.

Наконец, в последний день нашей стоянки нас пригласили на подводную охоту.

Навесив на себя доспехи, любезно предоставленные таитянином, к которому нас привезли (его дом стоит в пальмовой рощице у самой воды), мы идем к воде. Нам предстоит пересечь лагуну шириной около ста метров, образованную барьерным рифом. Вода в лагуне гладкая и сверкающая, как тонкий ледок где-нибудь на нашей реке в солнечный зимний день (прибой, разбиваясь о риф, не достигает лагуны), и снизу из воды видно, как поверхность, словно голубое зеркало, отражает песчаное дно, кораллы, плавающих рыбешек. Будто находишься в комнате с зеркальным потолком...

Глубúна в лагуне небольшая, в ней множество причудливых и разнообразных кораллов. Они разрослись до самой поверхности: до нее всего каких-нибудь десять—двадцать сантиметров. Чтобы благополучно, не ободравшись до крови, миновать кораллы, надо искать проход.

Я нырнул на дно, подобрался снизу к разлапистому, как куст, кораллу. Сверху мне на голову посыпался ярко-синий дождь: стайка маленьких коралловых рыб, казалось, прошла сквозь меня — я почувствовал вдруг себя совершенно прозрачным. Черный как трубочист, спинорог вывéрнулся откуда-то, равнодушно посмотрел на меня и ушел в сторону. Из укрытия в темной глубине коралла показался чей-то любопытный глаз. Я ткнул в его сторону ружьем. Глаз исчез, и тут же оттуда нехотя вылез (именно вылез!) абсолютно нашенский, черноморский бычок, отличающийся лишь светлой окраской. Он недовольно воззрился на меня выпученными глазами (чего, мол, пристаешь, когда я занят?), растопырил для острастки жабры и, обогнув коралл, нашел себе новое пристанище для охоты.

Мне надо было вдохнуть воздуха, я поднялся на поверхность и проплыл над бычком. Он демонстративно не захотел обращать на меня внимания.

На рифе мы собрались вместе. Улучúв момент, бросаемся в воду по следу только что прошедшей волны. Здесь просторнее, чем в лагуне. Прибой вылизал риф, превратив его в плоское

коралловое плато. Вот движется следующий накат, но мне он уже не страшен. Я плыву ему навстречу. Волна накрывает меня, легко проходит мимо, мое тело взлетает и плавно опускается. Под водой я поворачиваю голову вслед волне: у самого рифа она вспухает, подошва ее достигает дна, вода в этом месте словно кипит, становясь белой от завихрений н пузырьков воздуха — это волна всей мощью обрушилась на рнф. В кипящей белой воде танцуют рыбы, борясь с накатом.

И тут меня осенило: ведь я в океане. С крошечного в сравнении со всей Землей островка я вошел в воды Великого океана. И теперь от меня, плывущего в его соленых водах, до ближайшего материка тысячи миль безбрежного пространства, в котором даже в наше время человек — все еще редкость.

Натягиваю резнну ружья, кладу палец на курок. Теперь я уже охотник.

Но какое там! Вокруг творится что-то невообразимое. Ходят стаями разноцветные спинороги. Пасутся на дне морские окуни — словно овцы щиплют траву. Фланируют ярко раскрашенные рыбы-бабочки. А вот уж совсем диковинное существо с четырьмя длиннымн плавникамн н круглой головой — это мимо проплывает Крнстиан. Каким странным должно казаться человеческое тело обитателям океана! Меня охватило чувство жалости, что невозможно увезти с собой хотя бы частицу этого удивительного мира — останется лишь бледная тень его, которую мы называем воспомннанием. И я пожалел, что в моей руке ружье вместо кинокамеры.

Однако — видно, так уж устроен человек — сетовал я на это печальное обстоятельство недолго, охотничий азарт захватил и меня: выследив крупного окуня, я увязался за ним. Не тут-то было, нзредка поглядывая на меня, как мне показалось, с откровенным ехидством, тот держался на безопасной дистанции. Теряя терпение, я нажимал на курок, но лнбо мазал, либо гарпун вообще не долетал до целн. И каждый раз, лениво помахивая хвостом, окунь удалялся на несколько метров и останавливался, словно приглашая меня продолжать столь забавлявшее его преследование. Я едва не плюнул с досады, да вовремя вспомнил, что нахожусь под водой н в зубах у меня трубка... И я ринулся искать другой объект для охоты.

Очень скоро я убедился, что все рыбы, которые мне попадались, ведут себя точно так же, как тот окунь, н заключил, что тут откровенный заговор. Осознав это, я заметил, как далеко оторвался ото всех, н поторопился обратно, втайне надеясь, что не один я такой неудачник. Увы, я был потрясен увиденным: к небольшому надувному бую было уже привязано около десятка подстреленных рыб. И мне ничего не оставалось делать, кроме как наблюдать и учиться.

Оказывается, все просто, когда что-нибудь со знанием дела выполняют другие. Жан Ремо, напрнмер, с поверхности облюбовал коралл, остановился над ним, набрал в легкие побольше воздуху н нырнул на дно (глубина в этом месте была около восьми метров). Там он, прнготовнв ружье, прнсел на корточки, некоторое время пристально всматрнвался в сумрачные коралло-

вые закутки, потом прицелился и выстрелил. Вынырнув и отдышавшись, он возвратился на дно, чтобы вытащить застрявший гарпун — на нем была рыба...

От буя по воде расходились бурые пятна крови. Вспомнив, что акулы издалека чуют ее запах, я спросил, не заявятся ли они сюда. Жан засмеялся — о, у них с каждой местной акулой чуть ли не личное знакомство, и потому они прекрасно ладят. Правда, добавил Жан, когда все-таки какая-нибудь является, они ведут себя с ней исключительно вежливо и почтительно, но как можно быстрее ретируются на риф, причем иногда забывают прихватить добычу...

Но вскоре я забыл об акулах. Каждый метр кораллового плато, любое ущелье в нем или грот таили в себе столько интересного, что я опять увлекся и ушел далеко в сторону. Тело мое совершенно свыклось с водой, оно уже не ощущало ее — так мы не замечаем воздуха. Там, в изумрудной и голубой, переливающейся, наполненной янтарным светом, теплой среде, я позабыл о том, что я наземное существо.

Потом уже, стоя на твердой земле в пальмовой роще и сидя в машине по дороге к причалу, я вспоминал слова Кусто о том, как хрупок, как уязвим при всей своей кажущейся необъятности подводный мир, с каким непростительным пренебрежением порой человек относится к древней колыбели всего живого...

И вот приходит час расставания. Машут нам с пирса наши новые друзья — гостеприимные, добрые, веселые люди. Они кричат нам, чтобы мы отложили отход на месячишко, смеются — зачем торопиться? Но нас ждет работа.

Из бухты лоцман выводит «Радугу» в открытый океан. Позади остаются горы, покрытые облаками, кудрявые тропические леса, спускающиеся к самой воде, белоснежные дома Папеэте, вкрапленные в зелень. И надо всем — щедрое солнце, пронзительно синее небо...

Несколько часов ходу, и Таити исчезнет за горизонтом. Вновь мы окажемся наедине с безбрежным океаном. Много дней вокруг будет однообразная водная пустыня. Но как бы ни было хорошо на земле и как бы ни было плохо в океане, нам нельзя без него. Он имеет особую власть над людьми. Он живет в душе человека, в его буднях и праздниках и непреодолимо влечет к себе.

Океан не оставит нас и на земле, он будет непрошенно врываться в наши сновидения и снова немилосердно сверкать под тропическим солнцем или бушевать в непогоду. Но это будет потом, когда вернемся домой.

А теперь мы уходим. И впереди еще много дней и ночей плавания в океане и где-то там, в конце их длинной цепи,— встреча с Родиной.

Цена ошибки

Рассказ

Виктор Якимов

Конус Ключевской сопки, четко вырисовывавшийся на голубизне небосклона, в конце октября стал затягиваться дымкой. Вечно курящаяся вершина постепенно скрывалась в сплошной облачности. Ровный слой облаков опускался все ниже по склонам громадной, высотой в пять километров, сопки, пока не достиг пологих ее отрогов. И тогда все скрылось в мутной пелене снега, который быстро укрывал мерзлую землю в поселке, торосы на реке Камчатке.

Снег шел несколько дней. Затем установилась ясная и морозная погода. Снова дым Ключевской сопки столбом поднимался в высоту и там растекался тонким слоем. Ярко сверкали покрытые снегом склоны гор.

Наконец специалисты охотоустроительной экспедиции смогли вылететь в намеченные районы. Последним рейсом отправились в отдаленные угодья охотовед Георгий Носков и проводник Александр, или попросту Саша Оленев. Приняв их на борт с девятью ездовыми собаками, нартами, снаряжением, продовольствием на два месяца и кормом для собак, вертолет взял курс на реку Сторож.

Оба участника отряда не были новичками в здешних диких краях. Георгий охотился с раннего детства, профессию выбрал по призванию. Окончив институт, много лет работал охотоведом.

Саша же не был охотником. Вырос он в степях Поволжья и, отслужив действительную службу на Камчатке, остался в полюбившемся крае. Ему не было и тридцати, из них около десяти лет прожил здесь, поэтому-то и считал он себя камчатским старожилом. Одно время Саша работал в организации, связанной с охотничьим хозяйством, часто бывал в лесу с промысловиками. Ему бродячая жизнь пришлась по душе, поэтому, когда летом прибыла охотоведческая экспедиция, чтобы обследовать и провести учет фауны Камчатки, Саша быстро сдружился с приезжими и был зачислен в штат экспедиции проводником.

Основной объем учетных работ отряда Носкова приходился на среднее течение реки Сторож. Поэтому Носков решил большую часть продовольствия и собачьего корма оставить здесь, а затем высадиться в верховьях и оттуда начать работу.

Достигнув намеченного места и сделав два круга, вертолет завис в метре от поверхности речной косы. Вихрем от работающе-

го винта слой снега сдуло, обнажилась ровная галечная площадка. Механик открыл дверь, спрыгнул на землю, ломом проткнул в нескольких местах грунт, и только тогда уже вертолет опустился на косу.

Времени было в обрез, так как вертолет засветло должен вернуться на базу. Поэтому склад продовольствия устроили наспех. Под большой сломившейся от старости березой разгребли неглубокий снег и прямо на землю положили мешки с продовольствием и кормом для собак. Накрыли все это старым брезентом, провонявшим бензином, запах которого должен отпугивать зверей, сверху навалили несколько небольших срубленных деревьев. Отметив место на карте, вылетели в верховья реки.

Здесь долго искали посадочную площадку. Лишь после нескольких попыток пилот посадил вертолет на небольшой пятачок в седловине гор, выгрузил все и улетел.

Площадка, на которой находился Носков со своим товарищем, поросла редкими березками и низенькими кустиками кедрового стланика. Это была часть горного плато, которое, постепенно повышаясь, примыкало к высокой горе. Выше редкий березняк сменялся кустиками низкорослой ольхи, дальше громоздились рваные скалистые уступы, увенчанные отвесным черным пиком.

С другой стороны плато обрывалось в речную долину. Устраивать лагерь на плато, продуваемом всеми ветрами, было безрассудно, пришлось спуститься в речную долину. Здесь, недалеко от устья небольшой речушки, впадающей в Сторож, под защитой скалы, среди деревьев, поставили палатку, принесли снаряжение и часть продовольствия. Уже почти стемнело, когда Саша вновь пошел на плато за собаками. Георгий, вытряхнув из рюкзака содержимое, направился с топором к группе старых берез.

На Камчатке хвойных лесов почти нет. Основная лесообразующая порода полуострова — каменная береза. Поэтому единственным топливом в походных условиях служит ее кора. У каменных берез перестойного возраста кора в несколько сантиметров толщиной. Отмирая, она отделяется большими пластинами. Стоит поддеть такую пластину топором или охотничьим ножом, как она легко отрывается от ствола. С одной старой березы можно набрать целую охапку топлива, горящего жарко и долго.

Через полчаса Георгий вернулся с полным рюкзаком, набитым березовой корой, быстро развел костер. Вскоре к палатке подвалила упряжка собак с Сашей.

Поставив вариться ужин, они взялись за заготовку дров. Свалили несколько небольших берез и распилили их на короткие чурки. Часть раскололи, остальные оставили целыми, чтобы дольше горели. Установили в палатке железную печку, разожгли в ней березовую кору и подложили чурок. В палатке стало тепло и уютно. Накормив собак, забрались в палатку, разделись и принялись за ужин.

Печка ровно гудела, стеариновая свеча мягко освещала палатку, а за ее стенкой изредка повизгивали собаки. Походная жизнь началась.

Два дня прошли в заботах о благоустройстве лагеря и заготовке топлива: для детального обследования верховьев реки требовалось иедели две.

Только иа третий деиь они вышли иа разведку ближних угодий. Чтобы лучше осмотреть местность, решили подняться на гребеиь ближайших гор, которые длинной цепью уходили вдаль и смыкались там со сверкающими вершинами Срединного хребта.

Березовый лес поднимался по склонам иа двести — триста метров, а затем иачииался кедровый стланик. В отличие от своего собрата, произрастающего на материке, где ои достигает высоты иескольких метров и широким поясом охватывает горы,— здесь стланик был зиачительио ниже и распространялся вдоль отрогов. После иего сразу же иачииалась горная тундра, а выше — гольцовая зоиа.

Поднявшись иа водораздел гориого кряжа, путники увидели, что горы кольцом охватывают долину. Когда оии спустились по крутым склоиам гориого цирка и приблизились к центру долины, их глазам открылась поистине сказочиая картина.

Среди сверкающих белизной снегов изумрудной чашей лежало незамерзающее теплое озеро, окаймленное ярко-зеленой осокой. Вода в озере, тоже зеленоватого цвета, была настолько прозрачна, что в глубине виднелись длинные космы водорослей. По изумрудной глади озера плавали дикие утки, а в отдалении сквозь клубящуюся прозрачную кисею испарений виднелись силуэты лебедей.

Оба бывалых путешественника остановились как завороженные, опасаясь неосторожным движением спугнуть птиц, нарушить дивную красоту.

Но вот утки с шумом взлетели и, низко пролетев над водой, с кряканьем сели у противоположного берега. Саша подошел к берегу и, опустив руку в воду, воскликнул:

— Теплая!—и, поболтав рукой в воде, добавил: — Теплее, чем летом в Амуре!

Носков тоже присел, попробовал воду, засмеялся:

— Саня, мы с тобой на курорт попали! Камчатка—страна вулканов. Термальные воды здесь всюду прорываются на поверхность. Вот и тут они нашли «дырку»...

— Юра, может искупаемся?—спросил Саша.

— Отчего же не выкупаться. На Камчатке все источники целебные. Здесь многие охотники в своих угодьях срубят избу над источником, а внутри делают купальню. И сами лечатся от ревматизма да радикулита, и приглашают гостей с материка. Сюда приезжают на лечение даже из Москвы...

— Ну, прямо уж из Москвы?

— Ты, Саня, молод и здоров, а кто болеет, тот хоть на край света поедет, коль там пообещают его вылечить.

Георгий разделся и, осторожно войдя в воду, поплыл. Саша последовал за ним. Не доплыв до середины озера, Носков повернул обратно.

— Там горячо. Наверно поэтому и утки там не садятся, боятся свариться...

Вволю накупавшись в ласково-теплой воде, товарищи вышли на берег. Как ни жаль было расставаться с озером, все же пришлось. На вершине горного кряжа присели отдохнуть, полюбоваться дивным озером, желая сохранить в памяти это чудо природы.

Оторвавшись от озера, Георгий обвел взглядом окрестности. На противоположном склоне горного цирка сплошной темной массой чернели гольцы, а чуть ниже, в тундровой зоне, среди отдельных обнаженных ветром валунов двигались едва различимые серые пятна.

— Смотри, смотри, там вроде бы согжои пасутся,—сказал он товарищу.

Саня пригляделся.

— Точно. Северные олени кормятся на ягельниках. Но что-то уж больно их много—больше полсотни!

— Да, такие стада теперь редко встречаются,—подтвердил Носков.—Они как будто двигаются вверх к водоразделу. Как бы не ушли на ту сторону хребта. Вот что, Саня, ты с карабином иди верхом кряжа, в обход, по ту сторону цирка. А я с ружьем к ним

на выстрел все равно не подойду по открытому месту. Поэтому засяду здесь где-нибудь за скалой. Иди, да не спеши, а то на этих чертовых гольцах и сорваться недолго.

Оленев, перевалив водораздел, пошел внешней стороной кряжа, чтобы не спугнуть раньше времени сторожких животных.

Горная цепь с внутренней стороны цирка лишь в одном месте разрывалась седловиной. Было очевидно, что олени, напуганные выстрелами Саши, побегут здесь.

Неширокая седловина с одной стороны кончалась скалой. Ее-то и выбрал Носков для засады.

Нелегко после купания в ласковом озере сидеть на открытой скале, обдуваемой морозным, пронизывающим ветром. Не одну цигарку скрутил Георгий, когда до него наконец донесся звук выстрела. Гулкое эхо неоднократно повторило его внутри цирка. Олени, вскинув головы, стояли неподвижно, не понимая, откуда грозит опасность. И только после второго выстрела они кинулись вверх по противоположному склону, прямо навстречу Саше. Раздался третий выстрел. Один олень упал и покатился по крутому склону. Стадо, поняв свою ошибку, повернуло в сторону седловины, где сидел Георгий.

Животные вихрем неслись по склону, и вскоре Носков услышал топот множества ног. Через несколько секунд стадо вырвалось из-за уступа скалы. Олени бежали такой плотной массой, что казались одним каким-то огромным существом со множеством ног и колышущимся лесом ветвистых рогов. Едва Георгий успел сделать два выстрела, как все стадо скрылось по другую сторону скалы. Один олень упал сразу, другой остановился. широко расставив ноги. Георгий спустился со скалы и выстрелом положил оленя. Оглянувшись, он удивился: за несколько минут стадо спустилось внутрь цирка и уже поднималось по противоположному его склону. Несмотря на раздавшиеся оттуда выстрелы, они продолжали нестись вверх и вскоре скрылись за водоразделом.

Георгий столкнул туши по склону, и вслед за ними спустился в долину сам. Здесь Саша уже свежевал добытого им оленя.

— Уже вечер. Ты Саша, сходи за упряжкой, а я тут к твоему приходу разделаю туши...

За полмесяца верховья реки были обследованы на контрольных площадках и маршрутных ходах; составлены детальные абрисы местности, отмечены необходимые учетные данные. На прощание друзья сходили к горячему озеру, постирали одежду и, пока она сушилась у костра, вымылись и накупались вдоволь.

На другой день тронулись вниз по реке километров на тридцать. Собаки, бездельничавшие две недели, тянули тяжело груженную нарту без понуканий.

Река Сторож отличается своим нравом от других рек Камчатки. Срединный хребет простирается с севера до южной оконечности полуострова и делит его на две части. Западная, прилегающая к Охотскому морю, представляет собой тундру. Реки здесь только в верхнем течении можно назвать горными. Выбегая между отрогов Срединного хребта в низменную тундровую зону, они

спокойно несут свои воды в Охотское море.

Восточная же часть Камчатки — горная страна. Течение рек здесь бурное. Река Сторож берет начало в вершинах гор, покрытых вечными снегами. Протекая в крутом ложе, она быстро набирает мощь, пробивает путь в скалах, упорно стремясь к Тихому океану. За многие века, неутомимо сокрушая горы, она прорыла в них глубокие каньоны. По мере удаления от главного водораздела горы менее круты, склоны их покрыты лесом, и здесь долина реки расширялась. В местах, где отроги Срединного хребта еще преграждают путь реке, она яростно обрушивает на скалы свои стремительные воды. Отброшенные скалами, они образовывают здесь огромные бурлящие водовороты. Упавшие с берега в эти водовороты деревья мгновенно исчезают в крутящейся массе воды, а через некоторое время их выбрасывает на поверхность далеко в стороне, без сучьев, измочаленными.

Лишь в непосредственной близости от океана река, протекая по широкой долине, несколько усмиряет свой нрав. Но, врываясь в океан, оттесняет его воды. И там, далеко от берега, образовывается огромный бурно пенящийся бар, полукругом охватывающий бухту. И за этим баром уже начинается царство Нептуна.

Теперь, когда морозы сковали воды реки, она глухо шумела подо льдом на перекатах. Против отвесных скал на поворотах, в местах, где крутились бурлящие водовороты, даже сильные морозы не могли справиться со свирепым течением. Там зияли темные открытые промоины. Но не эти промоины были опасны. Усиливающиеся морозы постепенно затягивали полыньи тонким льдом, а часто выпадавший в последние дни снег и легкая поземка сровняли поверхность льда, прикрыв опасные места.

Носков и Оленев из предосторожности решили продвигаться берегом горной реки. Но это оказалось свыше их возможностей. Через каждую сотню-другую шагов путь преграждали глубокие каньоны, образованные бесчисленным множеством ключей, сбегавших в речную долину. Ни спуститься в эти обрывистые, глубокие овраги, ни подняться по их крутым склонам с гружеными нартами было невозможно. Перед каждым каньоном приходилось снимать груз и переносить его на себе, затем распрягать собак и перетаскивать нарты. И все это делали не сходя с лыж: без них сразу же провалились бы в снег по пояс. Оставалось одно — спуститься к реке и двигаться по льду.

Поверхность реки была ровной, снег, сдуваемый ветром, покрывал ее неглубоким слоем, и девять сильных псов легко тащили нарты. За месяц старый вожак, уже несколько лет выполнявший эту обязанность, навел порядок в своей стае. Упряжка работала дружно, постромки лишь слегка натягивались, и собаки шли в ровном, не сбивающемся ритме.

Ездовых собак на Камчатке охотники держат и кормят только зимой, во время промысла. Весной, после окончания охоты, большинство собак отпускают на волю, предоставляя им самим заботиться о своем пропитании. Лишь вожака упряжки хозяин оставляет во дворе, да промысловых зверовых собак и соболятниц держат и кормят все лето. Летом охотники занимаются рыбной ловлей — заготовляют на зиму корм для собак в своих участках.

Пойманную рыбу закладывают в ямы возле промысловых избушек и закрывают до зимы. Во время рыбной ловли охотники забирают с собой наиболее ценных собак. Осенью, недели за три до выхода на промысел, они ловят нужное им количество бегающих по поселку собак, прикармливают несколько дней, а затем впрягают в постромки. Через неделю вожак, которого хозяин все лето держал во дворе, вышколит всю стаю — и упряжка готова.

Впереди упряжки на лыжах шел Саша с тяжелой заостренной палкой в руках, которой иногда, в подозрительных местах, с силой тыкал в лед. Ровная, белая, без промоин поверхность реки успокоила проводника, и он все реже и реже стал проверять прочность льда. Вдруг позади его раздался сильный треск и визг собак. Оглянувшись, он увидел, что лед под нартами провалился и они быстро погружаются в воду. Брезент, прикрывавший груз и притянутый к нартам веревкой, задержал погружение нарт. Саша кинулся к упряжке, но стремительный водоворот, образовавшийся в проломе, резко рванул нарты и ударил их о кромку льда.

Перевернувшись в воде, нарты в одно мгновение исчезли подо льдом и потянули за собой отчаянно визжавших в упряжке собак. В темном провале глухо шумела и клокотала вода, будто река была недовольна малым количеством жертв.

Саша все еще стоял и смотрел в пролом, не в состоянии прийти в себя от мгновенно свершившейся катастрофы. Вывел его из оцепенения жалобный визг. Обернувшись, он увидел Тарзана — вожака упряжки. Вероятно, находясь на самом дальнем от нарт конце алыча, вожак успел выскользнуть из ременной петли упряжки. И сейчас, считая себя виновным в катастрофе, Тарзан, поджав хвост и жалобно скуля, медленно подползал на животе к хозяину. А отчаявшийся Саша обрадовался, что хоть Тарзан уцелел, и обнял его большую лохматую голову. Пес, не ожидавший ласки, взвизгнул и лизнул своего хозяина в обросшее бородой лицо.

Георгий шел берегом, вел маршрутный учет зверей. Иногда он выходил к обрыву, смотрел в долину. На заснеженной реке хорошо было видно идущую впереди упряжку. Но вот, выйдя к обрыву, он не увидел ее. «Наверное, устали собаки, Саня положил их отдохнуть»,— подумал он и, опустившись на валежину, закурил. Георгий выкурил уже вторую цигарку, а нарты все не появлялись из-за поворота. Это его обеспокоило. Найдя пологий спуск, он съехал в долину реки.

Подойдя к Саше, обнимавшему вожака упряжки и увидя зияющий провал, Георгий сразу все понял. Он не стал упрекать товарища. Да и что говорить? Упреками ничего уже не исправишь. Положив руку на плечо спутника, сказал:

— Пойдем, Саша, на берег.

Оленев медленно встал и, часто оглядываясь на страшную промоину, пошел следом. Тарзан, изредка скуля, поплелся сзади. На берегу молча развели костер.

— Ну что ж, «подобьем бабки», как говорится,— нарушил молчание охотовед и стал выкладывать содержимое рюкзака, который он, по укоренившейся таежной привычке, всегда носил за спиной, а не клал на нарты. В рюкзаке был трехдневный запас чая, сахара, масла и сухарей. Тут же лежали соль, махорка, спички, котелок, кружка, ложка и разные мелочи для ремонта лыж и снаряжения. Кроме того, с собой он нес двустволку, топор за поясом и охотничий нож на ремне, а в патронташе почти полный комплект заряженных патронов. Полевая сумка с картой и дневниками учетных работ висела через плечо.

У Саши же, кроме ножа на поясе и трех обойм к карабину, не осталось ничего: все было на нартах. Вместе с запасом продовольствия, палаткой, спальными мешками утонули карабин, второе ружье и все боеприпасы к нему.

— Да, не густо,— закончив осмотр вещей, подвел итог Георгий.

Саша молчал, еще острее переживая несчастье, последствия которого он теперь ясно понимал.

 — Ничего, Саня, не унывай! Харчишки растянем на несколько

дней. Ружьишко и к нему полтора десятка патронов у нас есть. А там и к нашему складу выйдем. Так что не пропадем!

— И как я не доглядел?! — с отчаяньем воскликнул Оленев и, взяв топор и пустой рюкзак, пошел в глубь леса за березовой корой. Следом за ним направился и Георгий.

К вечеру они заготовили запас топлива для ночевки. За ветками кедрового стланика для постелей пришлось лезть высоко в гору. Но стланик — кустарник колючий, его не уложишь как лапник ели или пихты, поэтому сначала приходилось обрезать мелкие веточки и их уже укладывать для ложа. На это тоже ушло немало времени. И хотя они принесли по большой охапке стланика, подстилка получилась жидковатой.

Только покончили с устройством постели, появилась новая забота: костер растопил снег и оказался в глубокой яме. Пришлось уже в темноте рубить березы и строить настил для костра. Лишь к полуночи, закончив все приготовления и наскоро поужинав, путники улеглись спать. Но вскоре проснулись от холода. Поддон под костром сгорел, и костер снова осел в снег. Около часа делали новый настил. Еще дважды за ночь приходилось повторять то же самое.

На рассвете они поднялись продрогшие, не выспавшиеся, только теперь осознав всю сложность создавшегося положения.

Третий день Георгий и Александр шли по льду коварной реки. Там, где русло сжимали отвесные скальные «щеки», река глухо шумела подо льдом. В таких местах они были предельно осторожны. Безопасней бы идти берегом, но глубокий снег и крутые склоны каньонов требовали значительного напряжения сил и обильной пищи. Трехдневный же запас продовольствия на одного человека приходилось делить на двоих. Поэтому они шли по льду реки, стремясь быстрее выйти к продовольственному складу.

— Пришли! — радостно воскликнул Саша, указывая на галечную косу, показавшуюся из-за очередного поворота реки.

Георгий достал из полевой сумки карту, внимательно сверил ее с местностью. Все эти дни методично, через каждую тысячу шагов, он перекладывал по патрону из одного кармана в другой, а переложив десять патронов, отмечал пройденное расстояние на карте.

— Нет, Саня, эта коса не наша, хотя и похожа. Нам сегодня до нее не дойти. До склада еще километров пятнадцать. Надо готовить ночлег, пока светло.

— Да как же не наша! Вон, видишь, против косы крутой обрыв и береза сломанная рядом!

— На Камчатке много сломанных берез и крутых обрывов, — спокойно возразил Георгий. — Пошли к той березе устраиваться на ночь.

Только подойдя к упавшей березе, Саша убедился в своей ошибке. Нахмурившись, он вяло принялся за устройство ночлега.

— Ну, что нос повесил? Три дня не досыта поел и уже расклеился. Завтра к полудню будем у склада, тогда наешься «от пуза». Пошли за топливом!

Приготовнв иочлег и топливо иа иочь, оба устало опустились у костра. Разостлав иа сиегу полотенце, Георгий выложил иа иего оставшиеся продукты: дюжину сухарей, десяток кусочков сахара, граммов сто масла и полпачки чаю. Оставив на полотенце четыре сухаря и четыре кусочка сахара, остальиое сиова убрал в рюкзак. Разрезал масло иа три части и две из них тоже убрал.

— Зачем? — удивился Саша.— Дели на два раза: половиину сегодия, другую иа завтрак. Чего зря таскать — обедать будем у склада.

— На всякий случай,— проговорил Георгий, сосредоточенно завязывая рюкзак и кладя его под изголовье иемудреной постели.

— Ты думаешь, что мы склад не найдем? — встревоженно спросил Саша.

— Почему же? Найдем.— Носков отсыпал из пачки иа ладоиь иемиого чаю и, всыпав в кипящий котелок, снял его с огня.

— Так чего же ты трясешься иад чаем, как старая бабка иад пеисией?

— Таежиая привычка,— и, иалив в кружку чаю, охотовед подал ее товарнщу.— Пей, ты любишь чай прямо с костра, а я не терплю, когда язык обжигает.

Немиого утолив голод, Саша смягчился и, передав кружку Георгию, закурил длиннющую «козью иожку».

— Тебе приходилось когда-нибудь бывать в подобиых переплетах? — затягиваясь махорочиым дымом, спросил он.

— Приходилось. И даже хуже. Там, иа материке.

— На материке?!

— Ты что удивляешься? Если хочешь зиать, материковый Дальний Восток иаселеи меньше, чем Камчатка и Сахалии.— И, прихлебывая чай из кружки, охотовед стал рассказывать проводиику о первых землепроходцах, об освоении Сибнри, Камчатки и других отдаленных краев земли Российской...

Эта иочевка также была тревожиой и беспокойной.

Утром Георгий выделил иа завтрак по два сухаря и по кусочку сахара. Саша хмурился, ио молчал.

Выйдя иа реку, они быстро заскользили по ее поверхиости. Здесь опасных промоии ие было. Георгий, как и раиьше, через каждую тысячу шагов перекладывал по патрону из одного кармана в другой.

К полудню за крутым поворотом реки показалась шнрокая и длиииая коса, переходящая в пологий косогор с растущими иа нем большими березами.

— Смотрн, Саня, вон наша коса,— показал Георгий палкой, и оба поспешили к ией.

Вот и сломаииая береза, под ией куча сложенных крест-иакрест деревьев, засыпаииых сиегом. Вокруг множество звериных следов. Некоторые из них — свежие. Здесь же разбросаиы обрывки тряпок. Это иасторожило путников, и они поспешно иачали разбирать деревья, под которыми иаходился продовольствеииый склад. Тарзаи крутился под иогами и разгребал снег лапами.

Убрав последиее дерево, они ие поверили свонм глазам: брезент был весь в дырах, а в иескольких местах разодраи.

Носков отбросил его в сторону. Под брезентом лежали изорванные пустые мешки.

Переборов оцепенение, они осторожно вытащили остатки мешков из-под снега, стали вытрясать их над брезентом. От рыбы для собак не осталось даже хвостов и костей. Мешок с мукой был разодран, и она вся перемешалась со снегом. Лишь немного удалось собрать ее в уцелевших углах мешка. Даже консервных банок не оказалось на месте. Только перекопав весь снег вокруг, они нашли несколько помятых и изгрызенных банок. По следам и по манере разорения было видно, что виновником разбоя была росомаха. Этот таежный вор не боится подходить к жилью человека. Не испугал зверя и запах бензина от старого брезента. Вероятно, он-то его и привлек. Походив вокруг несколько дней и не заметив опасности, росомаха добралась до склада. А уж добравшись, ничего не оставила: разорвала и растащила все; остальное довершили другие звери.

Положение было катастрофичным. Носков и Оленев долго молча стояли над остатками продуктов, затем стали разводить костер. Сварили обед из полбанки консервов, пообедали, каждый думая о своем. Наконец Носков тихо проговорил:

— Плохи наши дела!..

— Совсем нет выхода, Юра?

Георгий по опыту знал, что в таких случаях надо говорить правду, какой бы она ни была.

— Совсем безвыходных положений не бывает, но это один из тех редких случаев, когда шансов на благополучный исход почти нет... Нам идти к океану до ближнего поселка около трех недель. Путь по реке длиннее втрое. А напрямик пройти нам не по силам. Снег видишь какой — даже на лыжах по колено вязнешь. Продукты мы можем растянуть самое большое на пять дней. Устройство ночлегов тоже потребует сил и времени. И с каждым днем темп нашего продвижения будет снижаться.

— А ружье? Неужели мы не сможем ничего добыть? — удивился Саша.

— У нас всего пятнадцать патронов. Четыре из них с пулями, три с картечью. Того, что мы добудем восемью дробовыми зарядами, может хватить нам на два-три дня. Ведь тут только водятся зайцы, соболь да кедровка, а в тундре — куропатка. Пулями же мы здесь вряд ли что добудем: медведи теперь спят, а северные олени остались в верховьях реки. Как видишь, наши твердые шансы — на неделю, максимум на десять дней. А остальные десять только наша воля.

— Но ведь были случаи, когда без пищи люди держались и дольше.

— Вот именно — держались. А нам нужно идти по глубокому снегу. Но главное—не впадать в отчаяние: тогда наверняка пропадем. Превозмочь невозможное — это единственный шанс в нашем положении. Говорю это сейчас потому, что будет очень трудно, а тогда тяжелее воспринять правду. Надо знать обо всем заранее. И не хныкать! А сейчас пора готовить ночлег.

Вечером, приготовив все необходимое на ночь, они сели за трапезу, урезанную Георгием до минимума.

— Может, не сразу будем садиться на голодный паек? — спросил Александр.— По пути что-нибудь подстрелим.

— Нет, Саня, потом нам труднее будет что-нибудь добыть. Пока мы еще крепко стоим на ногах, а руки твердо держат ружье — можно надеяться на добычу. Поэтому из рюкзака будем брать самую малость. И еще раз — не хныкать! Иначе костлявая быстро возьмет нас за глотку.

Костер прогорал. В стороне океана, куда лежал их путь, в прозрачном воздухе ярко мерцали звезды. По реке разносились гулкие раскаты рвавшегося льда. На косогорах и по распадкам громко, как выстрелы, трещали деревья. Мороз усиливался.

— Давай, Саша, пораньше ляжем спать. Завтра на заре тронемся в путь.

Каждое утро задолго до рассвета, едва начинали меркнуть звезды, они пробуждались от тяжелого сна и, оживив притухший костер, готовили скудный завтрак.

На второй день пути от разоренного склада им удалось застрелить зайца и двух куропаток. Невелика добыча, но для их голодного рациона это было значительным подспорьем.

К исходу четвертого дня им встретилась небольшая речка, под прямым углом впадающая в Сторож. Все русло ее завалило снегом вровень с берегами. Перед глубокими местами на бурных перекатах образовались промоины, открывая чистую воду. Река, вырвавшись из-под двух-трехметрового снежного наноса и пробежав в открытом месте около сотни метров, снова ныряла под лед.

— Тут наверняка выдры есть,— сказал Георгий.— Может, удастся добыть.

Солнце еще не село, когда, привычно соорудив все для ночлега и костра, товарищи направились вверх по речке. У Георгия в рюкзаке было три небольших капкана, которые он решил поставить на выдру.

В километре от устья речки они увидели длинную промоину. Вода в ней разбегалась на всю ширину переката и шумно устремлялась по каменистому дну, прикрывая его лишь на несколько сантиметров. Выше по течению берега понижались. Наносы снега здесь уменьшились, и у верхнего края промоины высота снежного обрыва не превышала метра.

На Камчатке горные речки на перекатах не замерзают, и охотники ходят в резиновых сапогах. Носков, сняв лыжи и расправив голенища резиновых сапог, спустился к речке и у правого берега поставил рядом все три капкана. Каждый из них стальным тросиком привязал за отдельный потяг. Потяги выбрал сучкастые, чтобы попавшая в капкан выдра не смогла утянуть его под береговые наносы. Закончив установку капканов, товарищи направились к месту ночлега.

Солнце, проскальзывая между хребтами, еще ярко освещало противоположные склоны. На полпути Носков остановился возле небольшой промоины, сказал:

— Ты, Саня, иди готовить ужин. А я тут часок посижу. Возможно, выплывет к вечеру выдра.

Осмотревшись, охотовед сел у кустарниковой ольхи, росшей в нескольких шагах от обрыва. Зная, что выдра больше полагается на слух и обоняние, маскировка его не беспокоила, а небольшой ветерок дул в его сторону от промоины. Нужно было лишь не производить шума. Продолжая наблюдать за рекой, Георгий вместе с тем осматривал окрестности проницательным взглядом натуралиста.

Вершины гор, за которые опустилось солнце, потемнели, а обрывистые склоны и гольцы стали черными, мрачными — там уже надвигалась ночь. Но противоположные северо-восточные склоны только наполовину покрыла тень. Скалы, цвета густо заваренного чая, постепенно укорачивались наплывающей снизу темнотой, а вершины их, при усиливающемся контрасте темнеющего неба, все ярче высвечивались заходящим солнцем.

Вдруг в глаза Георгию ударили лучи заходящего солнца. Ярко-красное, оно показалось в разрывах гор. Вдоль реки протянулась искрометная дорожка, переливающаяся золотистыми бликами. Широкий сверкающий луч осветил перекат на всю его длину. В светящихся струях воды из-под снежной арки появилась крупная выдра.

...Медленно, очень медленно ружье поднимается к плечу, мушка ловит зверя. А выдра лениво поворачивается то в одну, то в другую сторону и, часто останавливаясь, не спеша спускается по перекату. Вот она уже в тридцати шагах, вся на виду, к чему-то принюхиваясь, останавливается. Пора! В одном стволе — нолевка, в другом — картечь. Но... проклятье! Бутерброд всегда падает маслом вниз, а ружье в самый нужный момент дает осечку. И оба ствола!

Выдра резко подняла голову. Охотник замер с ружьем у плеча. Несколько минут зверь принюхивался и осматривался. У Георгия уже начали дрожать руки от напряжения. Выдра, не заметив ничего подозрительного, снова не спеша стала спускаться по течению. Тогда Георгий незаметным движением опустил ружье и заменил патроны в стволах.

Зверь уже проплывал мимо в пятнадцати шагах, когда два выстрела, почти слившись, гулким эхом прокатились по горам. Там, где плыла выдра, вода вспенилась. Зверь, изогнувшись дугой, метнулся в глубину. Но, смертельно раненный, всплыл на поверхность, и его тихо понесло по течению через перекат на большую глубину. Георгий метался по берегу, стараясь достать добычу длинной веткой, но высокие снежные обрывы не позволяли подойти близко к воде. Выдра скрылась под снежным наносом. Пробежав ниже по течению до следующей промоины, охотник до полной темноты стоял у края ее в надежде, что течение вынесет добытого зверя. Но тщетно.

— Кого стрелял? — спросил Саша возвратившегося товарища.

Носков досадливо махнул рукой.

— Несколько килограммов мяса упустил, — и рассказал о своей неудаче.

На следующее утро с выходом задержались: надо было снять капканы. Подойдя к ним, они увидели, что сучкастых потягов на месте нет. Снесло течением или попалась выдра? Георгий быстро

снял лыжи и спустился в воду. Обходя по воде перекат, он заметил торчавшие из-под снежного наноса сучья потяга. Осторожно взялся за потяг, и тут же под обрывом что-то сильно забултыхалось, загремело железо капкана. Показалась выдра. Она извивалась и шипела как змея, обнажая острые зубы. Не обращая внимания ни на зубы, ни на холодную воду, Георгий упал на выдру, придавил своим телом и, выхватив нож, прикончил ее. Только поднявшись, он рассмотрел, что выдра попала в два капкана — задней и передней лапами. Попадись она в один капкан, наверняка бы разбила его и ушла.

— Давай я понесу зверюгу,— предложил Александр.— А ты беги к костру. Нам болеть нельзя. Тогда совсем крышка.

— Да, это верно,— и Носков лег на спину, подняв ноги. Из сапог струями полилась вода. Разводить костер без сухостоя и валежника — не просто и не скоро. Охотовед поднялся, нацепил лыжи и побежал к лагерю.

Все обошлось благополучно. Саша, прибежавший следом, раздел товарища, укутал его в свой полушубок, усадил возле жарко горящего костра, а сам принялся за разделку выдры. Пока варился обед, одежда высохла, и друзья подкрепились горячим бульоном.

— Сегодня придется сделать дневку, Юра. Время к полудню, выходить уже поздно.

— Ладно, отдохнем сегодня,— согласился Носков.

Свернув по хорошей цигарке, они удобно расположились возле костра. Но не успели докурить, как над ними просвистели крылья и пара больших чернетей опустилась в ближайшую промоину. Саша схватил ружье и под прикрытием высокого обрыва стал осторожно подбираться к птицам. Не доходя шагов пятнадцать, он выпрямился и, держа ружье наизготовку, пошел прямо к обрыву. С шумом и кряканьем утки поднялись. После дублета они упали.

— Ну, сегодня у нас на редкость удачный день,— и, взяв из рук товарища уток, Георгий похвалил его: — А ты, Саня, неплохо стреляешь.

Впервые за последние дни Оленев улыбнулся.

— Чем другим — не хвастаюсь, а за утками я много охотился.

Он стал вспоминать свои былые охоты. В основном все они были не трудными, но Георгий слушал его внимательно и старательно поддерживал разговор — пусть отвлечется от их тяжелого положения.

Когда стали готовиться к ночлегу, Носков осмотрел оставшиеся боеприпасы.

— Итак, у нас три патрона с пулями и два с картечью,— сказал он.— С картечью оставим, а пули порежем на дробь — все равно стрелять ими некого.

Прошло еще четыре дня. Горы остались позади. Долина реки раздвинулась и пролегла среди пологих увалов предгорья. Впереди до самого горизонта простиралась тундра. На ее белой однотонной поверхности отдельными темными пятнами выделялись куртины ивняка, отмечавшие русло реки, бегущей к океану.

А в обе стороны от нее тянулась ровная снежная белнзна.

Как и прежде, Носков продолжал наблюдення, вел записи в дневнике. Каждый вечер у костра он делал абрнс пройденного пути и наносил на него рельеф местности, основные лесообразующне породы, возраст н полноту их, количество встреченных следов зверей по видам. И он знал: пока у него работает мысль и не ослабла память, он будет выполнять свою работу.

После полудня у последнего увала они разбили лагерь. Солнце еще не село, когда с устройством ночлега было покончено, и охотовед решил пройтн по ближайшим облесенным окрестностям в надежде на охотничью удачу.

У склона распадка неожиданно в сотне шагов из-под снега вылез соболь н, как-то странно, по-собачьи, сев на задние лапы, уставился на охотоведа. Носков круто повернул в сторону и под углом стал приближаться к зверю. Подпустив человека шагов на трндцать, соболь юркнул под снег. Георгий, не подходя к этому месту, спрятался за стволом отдельно растущей березы. Через две-трн минуты соболь высунулся из норы и стал крутить головой. Хотя Носков стоял за березой, но соболь заметил его. С пятнадцати шагов хорошо было видно, что соболь смотрит прямо на него. Ружье к плечу Георгий прнложил заранее, и теперь, чуть подправив мушку, нажал курок правого ствола. Но вероятно, в момент выстрела соболь успел нырнуть назад. Охотовед подошел к норе и увидел, что под снегом погребены заросли кедрового стланнка, простирающиеся по всему косогору. Еслн даже и успел заряд зацепить соболя, то достать его все равно невозможно. Носков сожалел не о потерянной дорогой шкурке, а о полутора килограммах мяса. Того мяса, которое в пнщу обычно не употребляют.

Тарзан, первые дни следовавший за людьми и жадно глядевший на них голодными глазамн, вскоре стал отлучаться. Лишь к вечеру, разыскав их по следу, подходил к костру. Он уже знал, что сейчас люди ему ничего не дадут, пришло время кормиться самому.

Несколько дней Тарзана не было вндно, и вот сегодня он вновь появился у костра. Теперь он не глядел в глаза голодным людям. Положнв голову на вытянутые лапы, умный пес смотрел в костер н лишь изредка косил глазамн на людей, с жадностью поглощающих свой более чем скудный ужин.

Третий день идут они по заснеженной тундре вдоль русла реки. Ннчто не нарушает однообразня пейзажа. Все вокруг неподвижно. Лншь нзредка на снежной равнине мелькнет темное пятно мышкующей лисицы. Иногда путь пересекают более крупные следы. Это Тарзан бежит где-то впереди. Он перешел на лисий рацион. И не без успеха. По берегу, у небольших кустиков, часто встречаются норы, возле которых разбросаны мышиные гнезда. Ни остатков мышей, ни даже капель крови не вндно. Вероятно, Тарзан глотал нх целиком. Собака была в лучшем положении — люди не могли поймать даже н мышей. Трн дня назад вскрыли они последнюю банку консервов, а накануне утром

5-2069

замешали в кипятке остатки муки.

Недоедание в течение двух иедель уже давало о себе зиать. Они так уставали, что вечером с трудом могли приготовить иочлег. Особенно трудно стало теперь в тундре. Сырые ивняки не горели, а сухие сучья быстро прогорали. Чтобы обогреться в течение длинной морозной иочи, требовалась уйма топлива. И когда среди зарослей ивняка, покрывавших обширную излучину низинного берега, они увидели островок иебольших берез, иесказаиио обрадовались. Наконец-то, хоть эту иочь можно сиосио отдохнуть! Тонкие сырые березы вместе с ивовым сушняком горели ровио и долго, давая достаточио тепла.

Здесь ие иадо было сооружать поддона для костра: иа отлогой галечной косе сиег выдуло ветром. Отодвинув костер в сторону, иа горячую гальку иастелили березовых веток и, ощущая под собой благодатиое тепло, впервые за миого дней быстро и глубоко заснули.

Утром проснулись хорошо отдохнувшими, но спазмы голода сжимали желудки, уже двое суток совершенно пустые.

— Ну, Саша, слышали мы, что люди ели ремни и обувь, вот теперь придется самим попробовать этот деликатес,— с горькой усмешкой сказал Георгий и иожом стал отдирать от лыж подбивку из иерпичьих шкур.

Волосы иа шкурке почти все вытерлись, оставалось только опалить ее на костре. Затем, иарезав шкуру мелкими, тоньше лапши, ломтиками, Носков высыпал их в котелок.

Видя, что Оленев сидит иеподвижно и отсутствующим взглядом смотрит в огонь, охотовед, подсаливая бурлящее в котелке варево, в шутливом тоне сказал:

— А все же иавар будет лучше, чем из кирзовых сапог. Вои, смотри, и иакипь с жиром появилась, как от мяса.

Затем, отодвинув котелок от большого жара, ои долго варил содержимое. Еще подсолил и, сняв котелок с огня, поставил его у костра, иакрыв целым куском шкуры.

— Ну, иавериое, уже упрела иаша иерпичья похлебка. Давай, Саня, садись за патриаршу трапезу,— и снял покрывавшую котелок шкуру. В морозном воздухе почувствовался слабый мясной запах, дразня голодные желудки.

Зачерпнув из котелка, Георгий подул в ложку, хлебнул и... скривился от иепереиосимого вкуса ворвани. Все же, сделав над собой усилие, проглотил. Вторую и третью ложку варева съел уже спокойно. Саша последовал его примеру, но первую же ложку «похлебки» выплюнул иа снег и забористо выругался.

— Надо есть, Саня. Хотя и мало тут калорий, ио желудок должен работать.

Оленев смирился. С трудом путники опорожнили содержимое котелка. Голодные спазмы в желудках прекратились. И они поднялись и пошли иа восток, к океану.

В одной из излучин реки, среди мелкого ивняка, они увидели свежие следы куропаток. Взяв ружье иаизготовку, Георгий осторожно пошел вдоль ивняка. Куропатки взлетели иеожиданио всего в нескольких шагах. Но руки охотника дрожали от волиения, к тому же после длительиого голодания глаза плохо

различали на снегу белых птиц. После дублета ни одна из них не упала. Обескураженный охотовед выругался в сердцах и медленно побрел дальше.

Вечером опять варили нерпичью шкуру, добавляя в варево березовую кору. Утром поднялись с трудом. Кружилась голова. Ноги плохо слушались. Но постепенно раскачались и к полудню прошли несколько километров. Выбирая место для отдыха, вдруг увидели Тарзана. Под небольшим кустиком ивняка пес что-то усердно грыз. Осторожно приблизились и рассмотрели, что из-под собачьих лап торчит голова зайца.

Два человека с криками бросились к собаке. Она с испугом отпрянула, оставив под кустом недоеденные остатки зайца. Доставшиеся полтушки зайца для экономии не ободрали, а опалили на костре. И какое же это наслаждение — есть суп из зайчатины после похлебки из старой нерпичьей шкуры!

И удивительно: пес лежал недалеко от костра и спокойно, без злобы смотрел, как два человека, могучие властелины природы, с жадностью разгрызали кости его, собачьей, добычи.

Еще три дня они питались только варевом из шкур. Но вот и

шкур не стало. По утрам с трудом поднимались на дрожащие ноги. Кожа на лице пожелтела, как старый пергамент...

И вот настал день, когда, поднявшись на ноги, Георгий не устоял, упал на снег. Саша лежал у костра и спал или делал вид, что спит. Приподнявшись на колени, Георгий подложил в костер запасенных с вечера дров и, набив котелок снегом, повесил его над огнем. Почувствовав на себе взгляд, обернулся. Саша глядел на него глубоко ввалившимися глазами.

— Сколько еще осталось до моря? — спросил он.

— Уже близко. Километров тридцать.

— Слушай, Юра. Обидно, что так близко от людей пропадаем. Я чувствую — мне не встать. Иди один. Придешь к людям — пришлешь за мной. За живым или за мертвым. Иначе пропадем оба, и никто не узнает, что с нами сталось. Иди.

Носков долго молчал. Потом тихо сказал:

— Нет, Саша. Это не выход. Если бы один из нас был болен, другой мог бы за день пройти тридцать километров и привести людей. Но мы оба ослабли от голода. Сколько я дней пройду, да и дойду ли? А вдвоем все же легче... — и, не отводя от товарища взгляда, закончил, — даже пропадать. И Тарзан куда-то исчез...

Закипел котелок. Носков придвинул к себе рюкзак и стал сосредоточенно что-то в нем искать. Наконец достал плоскую жестяную банку из-под чая.

— Ну вот и настал тот момент воспользоваться неприкосновеннейшим запасом, — сказал он и, открыв жестянку, вынул из нее тщательно увязанный в целлофан пакетик.

Он извлек из него две плитки шоколада, ломтик масла и брикетик прессованного чая. Налив в кружку чай, Георгий отломил кусочек масла и опустил его туда. Разломил пополам плитку шоколада, сел рядом с другом, положил руку на его плечо.

— Сашок, мы дойдем. Давай попьем чайку — легче станет и душе и телу.

Крепкий чай с маслом и плитка шоколада помогли им встать на ноги. К вечеру они сумели пройти несколько километров. Еще два-три таких перехода — и они выйдут к морю, в поселок! А там — много еды! Не верилось, что где-то люди едят когда хотят и сколько хотят!

Вечером они разделили полплитки шоколада на двоих, оставив другую половину. Утром вышли затемно. Надо было идти — пока еще в состоянии двигаться.

К полудню, пройдя еще несколько километров, там, где сходилась снежная белизна с синевой неба, они заметили темную полосу. Неужели это поселок? Это придало им силы.

Вскоре голубизна неба стала сереть. С моря подул резкий холодный ветер. Небо сплошь затянуло облаками, ветер усиливался. Но люди продолжали идти навстречу ему, пока не заклубились вихри снега. Надвигалась пурга.

Друзья попытались раскапывать снег лыжами, чтобы устроить укрытие, но шквалы ветра валили с ног. Тогда они улеглись прямо на снег, накрылись уцелевшим куском брезента, подмяв его

края под себя. Вой ветра слышался все слабее и наконец стих совсем: толстый слой снега отрезал их от внешнего мира.

Сколько времени прошло? Сутки? Двое? Много раз пробуждались они от тяжелого забытья и наконец решили откапываться. Разрезав над собой брезент, они с трудом пробились наружу. В небе ярко сверкали звезды, но вскоре они начали меркнуть, близилось утро.

Взошло солнце. На горизонте ясно обозначились очертания далекого поселка. На ярко-оранжевом фоне небосклона четко выделялись столбы дыма, вздымавшиеся в морозное небо.

Они поднялись и пошли. Пошли? Да, пошли из последних сил.

Впереди двигался Георгий. Его товарищ отставал все больше и больше. Оглянувшись, Георгий увидел, что Саша сидит на лыжне в сотне метров позади, повернул к нему. Молча опустился рядом. Что он мог сказать в утешенье, когда сам ощущал головокружение и дрожь в руках и ногах. Сев, почувствовал, что встать уже трудно, а может и невозможно. Да и зачем вставать? Ведь так хорошо сидеть! Постепенно перестали дрожать ноги. А еще лучше лечь. Лечь и не вставать, никуда уже не идти. Наступила полная апатия. Георгий даже перестал думать о смерти. Не все ли равно когда?

Отсутствующим безразличным взглядом он обвел горизонт. И вдруг его взор стал проясняться, приобрел осмысленное выражение. Поселок на снежной равнине выделялся четко, даже видны были отдельные строения. Как он мог поддаться малодушию?! И усилием воли, опираясь на руки, а затем на ружье, Георгий заставил себя подняться, побрел к ближайшим ивнякам, росшим по берегу реки. Вскоре он вернулся с несколькими сучьями. Развел костер, вскипятил воду и, налив в кружку кипятку, бросил в него три последних кусочка сахару. Помешав в кружке ножом, на коленях придвинулся к товарищу.

— Саша, попей горячего.

Оленев нехотя, с трудом, опираясь на руки, сел, взял кружку. Сделав первый глоток, крепко сжал ее дрожащими руками и, не отрываясь, стал глотать обжигающую жидкость. Но, взглянув на товарища, заметил, что Георгий отвернулся и непослушными руками пытается что-то записать в полевом дневнике.

— Не буду пить один! — шепотом, думая, что кричит, проговорил Саша.

— Я уже пил, Саня, пил, — ответил Георгий.

— Врешь! Или пополам, или я вылью! Все поровну! И умирать теперь вместе...

Еле передвигая подгибающиеся ноги, они шли, поддерживая друг друга. Остановились, медленно оседая в снег.

— Все. Конец... — прошептал Саша.

— Нет. Пока есть хоть капля надежды, будем двигаться.

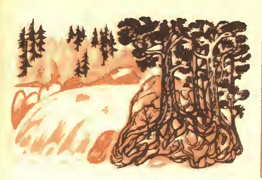
... Два человека медленно, едва заметно, лежа на лыжах, ползут по крепкому насту, отталкиваясь попеременно ногами и руками. Ползут рядом. Когда один перестает двигаться, останавливается и другой...

Уже несколько раз Георгий впадал в забытье. Придя в себя, толкал лежащего рядом Сашу: жив ли?

После особенно длительного обморочного состояния, когда к Георгию вновь вернулось сознание, он нащупал рукой ружье и, с трудом отведя стволы в сторону, нажал на гашетки. Два выстрела гулко понеслись над снежной равниной. Он еще жив, он еще верил. И, очнувшись в следующий раз, вспомнил о своих выстрелах. Услышали выстрел люди? Мало ли кто стреляет возле поселка...

Сознание уже слабо реагировало на окружающее. Но вот какой-то все усиливающийся звук стал назойливо раздражать мозг. Георгий открыл глаза. Прямо над ними висел какой-то огромный предмет и производил адский шум. Потом он переместился в сторону и медленно опустился на землю. Шум стал затихать и вскоре смолк. Георгий вдруг ясно осознал, что это, но не мог поверить в реальность происходящего, принимая это за последнюю в своей жизни галлюцинацию. Когда он увидел, что из открывшейся двери вертолета выпрыгнули люди и бегут к ним, сознание покинуло его.

... Через месяц Носков вместе с Оленевым ушли в новый маршрут.



Кируна – рудный край

Очерк

Виктор Родионов

Шахтерская клеть — в натуральную величину — вписана в новое красное кирпичное здание городской ратуши. Она в несколько этажей высотой, и ее видно из многих точек города. Светящиеся часы в верхней раме этого металлического сооружения в темноте служат ориентиром на расстоянии в километры. Лучший символ города трудно придумать. Ведь он известен всему миру прежде всего из-за здешних богатейших залежей железной руды. Да, собственно, и город возник благодаря открытию этих залежей. Речь идет о знакомой всем еще по школьным учебникам Кируне, расположенной на севере Швеции.

Еще в прошлом столетии на том месте, где впоследствии выросла Кируна, была лесотундра, здесь паслись оленьи стада, и саами — местные коренные жители — устраивали временные стойбища. Никто тогда не ведал, что под слоем мха, почти на поверхности, лежат несметные богатства — железная руда с высоким, около 65 процентов, содержанием металла.

Правда, в соседних от нынешней Кируны местах в то время уже велась добыча рудных ископаемых: серебра, меди и других металлов. Добывали и железо в мизерных масштабах. Руду подвергали примитивной переработке для местных поделок. На дальние расстояния перевозить продукцию было затруднительно: главной тягловой силой служили олени.

И тем не менее объем добычи железной руды в Мальмбергете, юго-восточнее Кируны, возрастал. Изобретение в 1878 году бессемеровского способа производства чугуна открыло путь к использованию руд с повышенной примесью фосфора. Как раз такие рудные залежи и открыли к тому времени геологи в Северной Швеции, в районе нынешней Кируны. Но прежде чем руда широким потоком двинулась на юг Швеции, к металлургическим заводам, предстояло решить множество задач, связанных с освоением пустынных северных районов.

Самой неотложной была проблема транспорта. От порта Лулео, на берегу Ботнического залива, к Мальмбергету проложили железнодорожную колею. В 1888 году по этой дороге пошли первые поезда. Но Ботнический залив зимой для судоходства закрыт. Поэтому строители принялись за сооружение западного плеча стальной магистрали — к Атлантическому океану. В 1902 году они уложили последние рельсы у Нарвика, открыв тем

самым путь руде в страны Европы. С этого времени начинается бурное развитие горного дела, а на месте моховых кочек и карликовых деревцев возникает столица рудного края — Кируна.

Руду на первых порах добывали открытым способом. О тех временах напоминает находящийся совсем рядом с городской ратушей огромных размеров котлован. Теперь за рудой нужно забираться глубоко под землю.

Мы едем по улицам Кируны в сторону рудника. Вот и двор шахты. Идем в «бытовку» переодеться в комбинезоны и получить каски. Затем снова садимся в «вольво» и почти сразу оказываемся в подземелье. Машина бежит по широкому и высокому тоннелю, который довольно хорошо освещен. Впереди движется автобус с рабочими. Они тоже в касках и спецовках.

Навстречу с небольшими интервалами идут тяжелые, приспособленные для работы под землей самосвалы с рудой. Каждый берет 25 тонн.

По одному из подземных ответвлений главной магистрали подъезжаем к сложной многоэтажной установке. Ее шум заглушает слова нашего провожатого. Все же можно понять, что сооружение предназначено для подъема руды с нижнего горизонта, дробления ее, сортировки и погрузки на самосвалы.

До забоя мы так и не добрались, хотя провели в шахте несколько часов. Для этого нужно было спуститься еще на один горизонт, ибо в Кируне сначала руду брали открытым способом, затем разрабатывали первый горизонт, а теперь — второй.

После осмотра рудника снова заходим в «бытовку». Когда нам выдавали комбинезоны, казалось, что они лишние. Теперь все мы были пропитаны рудничной пылью, которая проникла до самого тела. А ведь мы даже не спускались в забой и большую часть времени провели в автомобиле.

Рядом с шахтой, на возвышении, обогатительная фабрика, оснащенная современной техникой. Здесь руду освобождают от породы и готовят для отправки потребителям.

Затем руда поступает в распоряжение транспортников. Небольшой электровоз спускает груженый состав на товарную станцию, что расположена ниже обогатительной фабрики. Здесь на десятках путей формируются и ждут отправки составы. Часть их идет на восток, в Лулео, где руда поступает на местный металлургический завод,— это наиболее близкий путь. Другие эшелоны, минуя завод, направляются в порт, откуда руду транспортируют по морю. Но гавань в Лулео несколько месяцев в году скована льдом, поэтому главный рудный поток течет на запад, к норвежскому порту Нарвик, с его незамерзающей благодаря Гольфстриму бухтой.

Поток руды на участке Кируна — Нарвик настолько велик, что этот отрезок железнодорожного пути в Швеции считается самым напряженным. Вначале дорога из Кируны проходит по равнинной лесотундре, а от станции Абиску забирается в горы и пересекает довольно высокий хребет, за которым сразу открывается море. Этот хребет тянется по всему Скандинавскому полуострову, постепенно сужаясь с юго-запада на северо-восток и образуя естественную границу между Швецией и Норвегией.

Типичный лапландский пейзаж

Порт Лулео. Южная гавань

Самосвал-рудовоз «Кируна-трак» грузоподъемностью 27 тонн

Фото подобраны автором

По мере приближения к Нарвику местность становится все более гористой. Окружающие ландшафты весьма живописны. Вот впереди внизу показывается язык фиорда. Наш экспресс катит на добрую сотню метров выше поверхности залива. Яркое летнее солнце, безоблачная синева неба делают фиорд прозрачно-голубым. Окаймленный высокими горами, покрытыми лесом, он становится все более широким, мощным.

Это — Уфут-фиорд, вошедший в историю второй мировой войны как место крупного морского сражения между флотами Великобритании и гитлеровской Германии. Сражение разыгралось в апреле 1940 года, в первые дни после высадки немцев в Норвегии. Английские корабли уничтожили находившиеся у Нарвика десять немецких эсминцев, подводную лодку, транспорт с вооружением и шесть торговых судов.

В Нарвике до сих пор многое еще напоминает о минувшей войне. В южной части города — военное кладбище с памятником погибшим здесь солдатам стран антигитлеровской коалиции. Дно Уфут-фиорда не раз очищали от затонувших судов, но и сейчас еще видны следы крупного морского сражения. Мой сосед по купе, местный житель, показывает мне место, где выбросился на берег один из поврежденных немецких кораблей. Часть корабельного остова еще цела. У самого берега из воды выступает нечто вроде рубки.

Ближе к морю фиорд становится все шире, а ответвления — заливы образуют как бы вторичные небольшие фиорды. Поезд пошел под уклон, машинист то и дело включает тормоза. И за очередным поворотом мы увидели, как зажатые зеленью гор голубые краски фиорда растворяются в бескрайних просторах Атлантики. Самая горловина его как бы перехвачена ожерельем моста.

Соединил мост противоположные берега фиорда лишь в последние годы. По нему проходит единственное вдоль норвежского побережья Северного моря шоссе — от Тронхейма до Нордкапа, крайней северной оконечности европейского материка. Теснимая горами, дорога вьется по самому берегу моря. И не везде еще через фиорды переброшены мосты. Автомобилистам нередко приходится пользоваться паромами.

Наш экспресс, начав свой путь в Мальмё, на южной оконечности Скандинавского полуострова, останавливается у небольшого вокзального здания с надписью «Нарвик», завершив свой бег от пролива Эресунн — западной оконечности Балтийского моря — к Атлантическому океану. В летние месяцы сюда приезжает много туристов полюбоваться красотами северного края, увидеть полночное солнце, висящее огромным красным негреющим шаром над горизонтом. Зимой оно надолго уходит из этих широт, редеет тогда и людской поток. Но все так же бегут по рельсам эшелоны с железной рудой.

Терминал по перевалке руды с железной дороги на море доминирует над всем городом. Он занимает его центральную часть, оттеснив порт для прочих грузов и пассажирских судов к южной окраине. Ведь сначала выстроили порт для погрузки руды, а уже вокруг него вырос сам город.

В прошлом столетии на территории нынешнего Нарвика находилось лишь несколько разбросанных далеко друг от друга крестьянских дворов. Их уединение нарушили строители железной дороги, которые вели ее от Кируны к побережью Атлантики. Уфут-фиорд, вдоль которого легче было вести трассу, и достаточно удобная бухта решили вопрос о месте создания порта. В 1902 году в Нарвикский порт пришли первые эшелоны с рудой. С тех пор судьбу города неизменно определяет железная руда Кируны; она обеспечила стабильность его экономики. Нарвик сделался портом мирового значения.

Ныне здесь живет 15 тысяч человек. Город с востока ограничен горами, с запада — морем, поэтому и вытянулся полосой вдоль берега. Его главная улица идет параллельно побережью, одновременно служит отрезком магистрали Тронхейм — Нордкап. От нее разбегаются улочки, некоторые из них поднимаются в предгорье. На значительной высоте выстроена гостиница для туристов, к ней протянут фуникулер. Оттуда на многие километры видны морские просторы, а слева и справа — горные хребты и прибрежные острова. Но чтобы окинуть взглядом город, не обязательно забираться так высоко.

Уже с небольшого возвышения видны основные кварталы Нарвика, его бухта и огромные пирамиды железной руды. Туда-сюда движется по рельсам на своих гигантских ногах портальный кран. На его верхней балке четыре огромные буквы — ЛКАБ. Специальное устройство с шумом опрокидывает один за другим вагоны-рудовозы, и транспортерная лента уносит руду на вершину пирамиды или прямо в трюм парохода. Причал работает днем и ночью. К нему неторопливо подходят морские великаны, насыщая свои трюмы тысячами тонн руды, чтобы затем отдать ее западногерманским или английским домнам, а некоторые из них отправляются и к берегам Японии. За год в Нарвике перегружается 20 миллионов тонн железной руды.

ЛКАБ. Ей здесь, как и в Кируне, принадлежат основные средства производства. Рудники и обогатительные фабрики, вагоны-рудовозы и портовые сооружения, наконец, пароходы — все это ЛКАБ. Эти четыре буквы обозначают шведскую государственную компанию, которая занимается добычей руды в Кируне и соседнем Елливаре, транспортирует руду по железной дороге и морю.

Центральная контора компании находится в Кируне, рядом с ее главным рудником. Многоэтажное современное здание вмещает все административные службы. Здесь состоялась моя встреча с руководящими работниками ЛКАБ, которые рассказали о деятельности компании и ее планах. Добывают руду сейчас в крупных размерах, недра Севера хранят еще достаточно ее запасов, чтобы компания с оптимизмом смотрела в будущее. Тем не менее ее руководители столкнулись недавно со сложными проблемами.

Многие годы некоторые буржуазные философы на Западе называли Швецию «страной классового мира». Но в начале семидесятых годов состоялась невиданная по шведским масштабам забастовка рабочих государственной железнодорожной ком-

пании. Остановились механизмы в рудниках и в порту отгрузки Лулео. Забастовка всколыхнула всю страну. В поддержку рабочих ЛКАБ трудящиеся Гетеборга провели демонстрацию под лозунгом: «Борьба горняков за свои права — борьба всех рабочих и служащих Швеции». Демонстранты провели сбор средств в фонд бастующих. Школьники города Лулео собрали 10 тысяч крон и передали их в фонд забастовочного комитета в Кируне. Выступление рабочих ЛКАБ побудило трудящихся других отраслей активнее бороться за улучшение своих жизненных условий. Миф о «классовом мире» в Швеции остается мифом.

На окраине Кируны находится завод компании «Майнинг транспортейшн». Он выпускает специальные грузовые автомобили-рудовозы. С ними мы уже встречались в подземелье рудника Кируны. Грузоподъемность этих машин 27 и 40 тонн.

Компания первоначально была образована для обслуживания нужд горнорудной промышленности Северной Швеции: занималась перевозкой руды от шахт к обогатительной фабрике. Впоследствии она расширила свои функции и стала обслуживать нужды других потребителей внутри страны, затем вышла и на внешние рынки. Директор-распорядитель «Майнинг транспортейшн» Рагнар Мьётка рассказывает, что их машины работают, в частности, на крупных рудных разрезах в Либерии.

Мы разговаривали с директором-распорядителем на верхнем этаже гостиницы «Феррум», в ресторане, откуда открывается панорама города и горных цепей, лежащих на западе. Стояла ясная погода, и вечером, освещаемые заходящим солнцем, горы смотрятся как бы в необычном ракурсе, объемно. Вот Кебнекайсе, самая высокая точка Швеции, которую, однако, не так просто найти среди остальных, тоже довольно значительных, вершин.

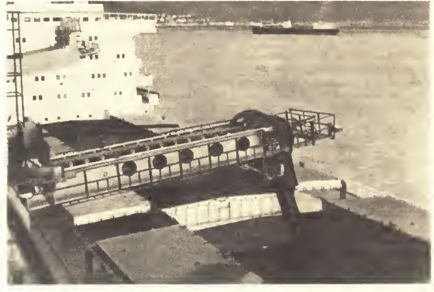
В зале ресторана многолюдно. Посетители — в основном туристы, приехавшие полюбоваться белыми ночами, когда солнечный диск медленно плывет над горизонтом. Люди, непривычные к этому природному явлению, в такие дни теряют чувство времени. На улице светло, солнце заглядывает в окна, хотя давно уже пора спать...

Назавтра у меня намечено посещение государственного металлургического завода в Лулео. Оно как бы завершает цикл знакомства с рудодобывающей отраслью Северной Швеции.

Завод основан в 1940 году. Он работает на руде Елливаре, рудника восточнее Кируны. Кокс и известь доставляют морем из-за границы. Основная продукция Норботтенского завода — чугун и прокат.

Море почти вплотную подходит к его стенам, что упрощает решение транспортных проблем. У своего причала можно грузить и разгружать суда. Собственно, весь город расположился дугой вдоль Ботнического залива.

Несколько поодаль от порта большой песчаный пляж. Сегодня, в солнечный яркий день, здесь пестрое разнообразие красок от множества купальных костюмов. Кажется странным, что вода в этих широтах теплее, чем у южного побережья Швеции: Ботнический залив у своей вершины относительно неглубок, и вода здесь быстрее прогревается.



Руда идет к морю
Порт Нарвик. Загрузка судна рудой

Фото подобраны автором

Лулео — это административный центр лёна (административной территориальной единицы) Норботтен, самого северного и самого обширного.

Руководители местной администрации ознакомили меня с историей своего края, его насущными нуждами и перспективами. В обществе одного из работников административного центра Эмиля Мальмберга я провел не один день, совершив на его машине несколько поездок по территории лёна.

Норботтен, несмотря на свою отдаленность, играл и продолжает играть важную роль в экономическом развитии Швеции. Главное богатство Норботтена — железная руда. Здесь также немалые гидроэнергетические ресурсы, все более возрастает роль провинции и как туристского цѐнтра.

Швеция на мировом рынке известна в качестве крупного поставщика леса и изделий из него, в этом доля Норботтена весьма весома. Разработка лесов ведется здесь с более давних времен, чем добыча руды. Но в отличие от рудных богатств, которые постепенно истощаются, площадь под лесами, пожалуй, даже увеличивается. В Норботтене, как и по всей Швеции, на местах вырубок ведется обязательная посадка леса в больших масштабах.

Заготовку леса, его последующую переработку и поставку потребителям осуществляют крупные концерны, вроде компании «Свенска целлюлоза» — огромного комбината с широким циклом работы,— от выращивания и заготовки леса до выпуска готовой продукции. «Свенска целлюлоза» располагает 28 предприятиями: лесопильными и деревообрабатывающими заводами, заводами по производству целлюлозы, бумаги, картона, фанеры, химических изделий. Ей принадлежит восемь электростанций, пароходы, сеть собственных шоссейных дорог.

Дорог с твердым покрытием в лесах Швеции довольно много. Лес делится на участки с учетом доставки древесины автоприцепами или поездами, что позволило полностью прекратить молевой сплав по рекам, избежав тем самым лишних потерь древесины.

Проезжая по северному побережью Швеции, видишь немало опустевших рыбачьих деревень; оскудение рыбных богатств заставляет людей уходить в города. Ветшают заколоченные дома, зарастают травой дороги.

Уловы рыбы сокращаются по многим причинам, главная из них, пожалуй, это постройка плотин, перегородивших реки, в верховья которых рыба шла на нерест.

Каскады электростанций, возведенные на горных реках, выдвинули Норботтен в число крупных поставщиков энергии, в частности, в центральные районы страны. Потенциальные возможности лёна в этом отношении еще далеко не исчерпаны, и значение Норботтена как производителя энергии в общем энергетическом балансе Швеции будет возрастать.

На видавшем виды автомобиле Эмиля Мальмберга мы побывали во многих уголках Норботтена. Прибрежная часть лёна — равнинная низменность, изрезанная многими реками, спускающимися с гор. Но, по мере того как лента дороги уходит на запад,

местность становится все более пересеченной, переходя у норвежской границы в высокие горы. Большая часть лёна покрыта лесами, сменяющимися на севере лесотундрой. Норботтенские реки пока еще не заражены производственными отбросами и поэтому сохранили чистоту своих вод. В небольшие селения или уединенные отели летом приезжают любители рыбной ловли, которая в здешних местах кажется прямо-таки фантастической.

Ехать здесь в машине приятно: дорога относительно свободна, пейзажи радуют глаз. Вот Эмиль Мальмберг сворачивает налево, и тут же перед нами среди стволов сосен вырастают грубо сколоченные столы и скамейки, а чуть дальше киоск, где можно купить чай, кофе, бутерброды, сигареты. Сразу же за киоском начинается довольно крутой спуск, и далеко внизу извивается ложе небольшой речки, которую окаймляют луга, а затем — леса на многие километры.

Через некоторое время справа от дороги видим чум, около него небольшой костер и человека в национальном костюме. Это — саами. Неподалеку оленье стадо.

Но подобная картина нетипична для нынешнего Норботтена. Теперь в Норботтене проложены дороги, возведены города. Промышленный пейзаж все более решительно вторгается и сюда. И все же саами сумели до наших дней сохранить самобытность. Эта народность заселяет крайнюю северо-западную часть Европы; саами живут в Норвегии, Швеции, Финляндии, СССР. Со своими оленями, чумами, красочной одеждой они придают краю своеобразный колорит.

Несмотря на существенные перемены, происшедшие в последние десятилетия в северных районах Швеции, саами продолжают играть немалую роль в жизни региона. Они пасут стада оленей и заготовляют деликатесное оленье мясо и шкуры, в местных магазинах можно купить кустарные изделия, изготовленные коренным населением. Многие саами еще носят самодельную одежду, иногда, впрочем, с рекламными целями. Но все большее число коренных жителей переселяется в города.

Мы въезжаем в небольшой городок Ёккмокк. Вдоль его главной улицы стоят одно- и двухэтажные домики. На центральной площади — небольшая гостиница. Из окна моего номера видна близкая река, небольшой луг с несколькими пасущимися коровами, все остальное пространство занимает лес. Тишина и покой: кажется, вся сутолока современной жизни осталась где-то далеко, а здесь только ты да Природа.

Но нет. И здесь свои дела, свои заботы и проблемы. Не прошло и несколько минут, как раздается стук в дверь: Эмиль Мальмберг приглашает меня выполнить очередной пункт нашей программы.

Мальмберг всюду свой человек. Многие хорошо его знают по работе в лёне. Сегодня мы знакомимся с фирмой-малюткой. Ева Томелл приехала из Стокгольма в Норботтен несколько лет назад как туристка, но вскоре вернулась, чтобы обосноваться в здешних местах навсегда. В Ёккмокке Ева занялась ручной вязкой шерстяных изделий, сначала одна, а затем в компании с несколькими местными девушками. Теперь они обзавелись небольшим помеще-

нием для работы и сбыта продукции, у них уже есть фирменная этикетка.

В витрине холла нашей гостиницы выставлены изделия Евы Томелл и ее компаньонок. Те из туристов, кто проявит к продукции Евы интерес, посещают ее крохотный магазинчик и порой приобретают приглянувшуюся вещицу. Конечно, она дороже подобного же фабричного изделия, которое можно купить в любом крупном универсальном магазине, но оригинальность рисунка и отделки и то, что вещь ручной вязки, побуждает посетителей доставать кошелек. Бизнес невелик и то лишь в летние месяцы, пока есть туристы. Зимой и в межсезонье сбыт существенно сокращается.

Ева Томелл считает, что ей повезло: удалось завести собственное, хотя и небольшое, дело. Но что сулит ей завтрашний день? Ева предпочитает об этом не думать. Конкурировать с крупными фабриками, их отлаженной системой сбыта — трудно.

Из Ёккмокка наш путь идет в Елливаре. Это наряду с Лулео и Кируной крупный промышленный город Северной Швеции. Местный рудник снабжает сырьем металлургический завод в Лулео. Сложилось так, что руда, добываемая в районе Елливаре — Мальмбергет, идет в основном на восток, руда же из Кируны, которая находится западнее двух этих пунктов, отправляется в Нарвик. Есть в Елливаре и другие предприятия. Одно из них — завод компании «Аллменна столэлемент» — выпускает на промышленной основе строительные конструкции для зданий северных районов. Неподалеку от него авторемонтные мастерские, здание возведено из готовых строительных деталей и выглядит красиво, даже элегантно.

Здесь же, в Елливаре, мне довелось увидеть жилой дом на одну семью. Гостиная — выдержана в голубых тонах, спальня — молочно-белая, причем если в первом случае стены ребристой формы, то во втором совершенно гладкие, но с небольшими углублениями на стыках. Никаких обоев или побелки ни потолки, ни стены не требовали. После монтажа здания из отдельных деталей отделочные работы не нужны. Жилища теплые, гигиеничные и вместе с тем не лишены уюта.

Еще один завод по изготовлению строительных деталей мне показали в Эльвсбю, небольшом городке на юго-западе Норботтена. И здесь они выпускаются специально для строительства на севере, с учетом низких температур в зимний период.

В Лулео я видел у причала советское судно «Эстония», которое доставило в Норботтен туристов из СССР. Это одно из проявлений давних добрососедских связей, характерных для взаимоотношений Швеции и Советского Союза. В Швеции помнят страницу истории молодого Советского государства, когда по инициативе В. И. Ленина здесь был размещен заказ на тысячу паровозов — заказ по своему объему фантастический даже для наших дней. Руда Норботтена, воплотившись в металл локомотивов, пришла тогда на дороги Страны Советов. А полвека спустя судостроители Советского Союза, выполняя шведский заказ, изготовили три крупных углерудовоза водоизмещением по 35 тысяч тонн. Они

везут шведскую руду к берегам других стран и возвращаются с

углем для металлургических заводов Швеции.

Ежегодно четыре европейских государства — Норвегия, Швеция, Финляндия и Советский Союз — проводят широкие встречи в одном из городов этих стран в порядке очередности. Нашу страну в таких встречах представляет Мурманская область, Швецию — Норботтен. Во встречах принимают участие административные руководители, общественные деятели, артисты, спортсмены, широкие слои населения северных районов четырех стран. Встречи способствуют развитию дружественных добрососедских отношений, создают благоприятную базу для роста взаимопонимания между народами, упрочения мира на севере Европы.

На обратном пути мне довелось посетить еще несколько городов Швеции. Вагоны нашего небольшого состава весело бегут среди деревьев, строений, освещенных солнечными лучами. На станции Буден поезд обрастает дополнительными вагонами.

Буден — главный железнодорожный узел севера Швеции. Поезда, идущие с юга, либо продолжают свой путь к Кируне и Нарвику, либо отправляются направо, к Ботническому заливу, в Лулео. Если же держать путь прямо на север, то он окончится в Хапаранде, на шведско-финской границе. Дальше шведские вагоны идти не могут: средняя европейская колея на финской границе кончается; на территории Финляндии широкая колея, как и в нашей стране.

Город Буден — крупный населенный пункт Норботтена. Здесь несколько промышленных предприятий. Центральные улицы застроены большими домами современной архитектуры.

На каждой промежуточной станции поезд пополняется новыми пассажирами. Началась пора массовых отпусков. Люди едут в южные районы Швеции, в другие страны, чтобы во время отдыха посмотреть побольше интересного.

Путь проходит через сплошные леса. Пересекаем довольно много рек. Лишь изредка встречаются обработанные поля. На станциях и разъездах нас ждут встречные составы; еще на протяжении нескольких сот километров будет идти одна дорожная колея.

Начинается местность более густо заселенная. Плотнее и поток автомобилей на дорогах. Мы — в Средней Швеции.

Поезд подтягивается на крупную станцию. Это Упсала — университетский центр страны. В Упсале в 1477 году основан первый шведский университет, и поныне он крупный учебный и научный центр. Упсала знаменита своим собором, традициями церковной службы. В соборе покоится прах знаменитого шведского естествоиспытателя Карла Линнея. А памятник ему возвышается в саду, примыкающему к Королевской библиотеке в центре Стокгольма.

Уже в сумерках поезд проносится через пригороды столицы, врывается в городские кварталы, бежит вдоль залива Балтийского моря, под многочисленными мостами для городского транспорта и наконец останавливается под сводами вокзала. Поездка в северный край завершена.

В предгорьях Гобустана

Заметки натуралиста

Александр Чегодаев

Не так давно о Гобустане знали только пастухи, перегоняющие сюда ежегодно скот на зимние пастбища, да специалисты — географы, геологи, биологи, которым по роду своей профессии выпала кочевая жизнь. Это страна оврагов и предгорий малолюдна и кажется однообразной.

Другой Гобустан — туристский — куда более популярен. Это узкая полоска заповедника наскальных рисунков, свидетельство великолепия животной и растительной жизни прошлого, несравненный памятник искусства первобытного человека. Мне как зоологу пришлось бывать в Гобустане в течение семи лет. Грязевые вулканы, прихотливо извивающиеся русла пересохших речек, каменистые осыпи — этот край по-своему интересен и, несмотря на кажущуюся пустынность, полон жизни. О его обитателях — большей частью малоприметных — и рассказывается в этих очерках.

Волчьи ворота

Если выехать из Баку и двигаться на юг, сразу же за городом начинается крутой, густо усеянный разнокалиберными камнями спуск, ведущий в Ясамальскую долину. Каждый бакинец знает, что место это называется Волчьими воротами. Когда-то такое название оправдывало себя. Крутые склоны, изрезанные многочисленными оврагами, с массой промоин вполне могли служить укрытием для этих серых разбойников, и, наверное, не только для них. Есть здесь поблизости ущелье, называемое по-азербайджански Кафтар дэрэси, то есть Ущелье гиен. Видимо, эти животные водились когда-то в этих краях, но сейчас полосатая гиена — один из наиболее редких хищников в нашей стране.

Но Волчьи ворота и сейчас дают приют самым различным живым существам под боком полуторамиллионного города. Здесь можно поднять зайца на лежке, ночью увидеть лису в свете автомобильных фар, услышать громкий ликующий крик кеклика, изловить похожую на доисторического ящера агаму и, посветив фонариком в расщелину, увидеть негодующего на такую бесцеремонность домового сыча. А уж кого только нет под камнями!

Если вы вознамерились наловить подкаменных жителей, понадобятся мешочки, склянки, пробирки, пинцеты, крючья. На-

вьюченный таким образом натуралист начинает, как водится, с низин.

Первые плоские камни — ничего интересного.

Скопище мокриц... Две крохотные черные жужелицы... Сонно трущая передними лапками глаза жаба, разрисованная, точно в комбинезоне парашютиста-десантника... Маленький геккон с мелкими, похожими на рубиновые капли крови клещами-краснотелками, присосавшимися вокруг глаз...

А вот заплясал потревоженный скорпион, размером с мизинец будет. Он вертится и размахивает вслепую хвостом. Хватаем его пинцетом, скорпион выгибается и черным кривым шипом на конце хвоста колет пинцет, оставляя на нем капельки почти прозрачного яда. Если наловчиться, скорпионов можно ловить и руками, только нужно прижать его хвост, взяться за последний членик — тот самый, где находится «флакон» с ядом. Правда, скорпион пытается тогда щипать вас слабыми клешнями, но это не страшно. Впрочем, если скорпион и ударит хвостом, впадать в панику не следует. Такой укол не больнее укуса пчелы. Покраснеет это место, припухнет, поболит и перестанет. Это, конечно, относится к обычному в наших краях желтому скорпиону, а отнюдь не к черному — жителю Армении или обитающим в тропиках видам.

Дальше — больше, и вот уже в склянках несколько скорпионов. Весной их можно насобирать сколько угодно, летом они реже попадаются, но зато можно найти самку с потомством, которое она имеет обыкновение возить на собственной спине. Грозная мамаша, покрытая слоем белых копошащихся деток, представляет собой потешное зрелище.

Мне приходилось держать скорпионов в сухом аквариуме со слоем песка на дне и несколькими камнями, под которые они прячутся. Едят они всяких насекомых — хватают клешнями или бьют иглой и начинают жевать.

Правда, у скорпионов неприятная привычка бегать по ночам всюду и избирать для дневного отдыха такие неподходящие места, как обувь, постель и т.д. А вообще у них немало достоинств: первыми вышли из древнего океана и освоили сушу, могут безболезненно перенести дозу облучения до 134 000 рентген, славятся своими церемонными брачными танцами, весь ритуал которых мастерски описан знаменитым французским ученым Жаном-Анри Фабром.

Здесь же, неподалеку, мы находим еще одно животное, которое упоминается почти всегда, когда речь идет о скорпионах. Это сольпуга, что значит «бегущая от солнца». Название меткое: днем, кроме как в укрытии, ее нигде больше не встретишь. Но под этим названием ее мало кто знает. Все ее предпочитают величать фалангой. Так она и будет фигурировать в нашем рассказе. Это замечательный в своем роде зверь. Стоит обнаружить фалангу, как она закидывает назад переднюю часть туловища, складывается чуть ли не вдвое и начинает пищать самым удивительным образом, скакать на месте и размахивать длинными передними лапами. Лапы у нее «волосатые», в щетинках, а на концах присоски. Голова большая, разделенная на две половинки, почти

такая же по размерам, как брюхо, если оно пустое. А вот у наевшейся фаланги брюхо отвратительно раздувшееся: того и гляди лопнет. В ложбинке, вдоль головы, глазки — маленькие, блестящие. Пищит фаланга, издавая «скрежет зубовный». Правда, настоящих зубов у нее, конечно, нет, но зато есть челюсти — черные, мощные, кривые, как ятаганы, и зазубренные — по две на каждой «полуголове». Верхние и нижние перекрещиваются наподобие клюва у клеста (биологи называют их хелицерами).

Отправив ее в склянку, никого к ней нельзя сажать. Фаланги крайне драчливы. Если скорпионов можно сажать вместе по «весовым категориям» и даже, если они не голодны, разных размеров, то с фалангами дело обстоит не так. Их единоборство полно неожиданностей, когда партнеры почти равны по силам. Сцепившись хелицерами и передними лапами, они некоторое время кружат, словно бы изучая друг друга. Затем борьба идет «на силу»: кто кого. И вдруг неожиданный прием, и одна из

 соперниц заваливается на бок, а более удачливая не преминет

воспользоваться таким преимуществом, впивается той в грудь и поедает заживо, двигая хелицерами до тех пор, пока не останутся от проигравшей сражение жалкие останки. Любопытны поединки фаланги и скорпиона. Вооруженный помимо всего прочего весьма древним инстинктом, паук норовит схватить скорпиона за членистый хвост, ближе к игле, и чаще всего ему это удается. Правда, иногда фаланга получает несколько уколов, но они мало для нее губительны, если не поражают головогрудь.

Схватив скорпиона за хвост, фаланга начинает пережевывать его своими челюстями, пока хвост не надломится и не повиснет — тогда скорпион обезврежен. Затем, перебирая челюстями по хвосту, фаланга добирается до более мягкого туловища и пожирает скорпиона.

Фаланг не любят не только за их отталкивающую внешность. Им долгое время приписывали и необыкновенную ядовитость. Но в конце концов было установлено, что своего яда у них нет и они способны лишь занести в ранку инфекцию, так как на челюстях у них постоянно находится трупный яд. Впрочем, позднейшие исследования показали, что фаланги вообще не способны прокусить человеческую кожу.

Здесь же, в камнях, мы находим странное гнездо — на паутине повисли крупные, с орех, грушевидные беловатые коконы, рядом висят покровы жуков и кобылок, суетится маленький черный паучок с красными точками на блестящем брюшке. Вот с ним-то уже шутки плохи, ведь это знаменитый каракурт, яд которого в пятнадцать раз сильнее яда гремучей змеи.

Попадаются под камнями и змейки. Слепозмейка похожа на червя с ее почти одинаковыми головой и хвостом. Голову распознают лишь по черным, едва заметным глазкам. Ее сходство с червем дополняет красно-бурая чешуя. А вот изящная контия — теперь ее называют эйренисом. Она оливково-серая, а на шее, там, где у ужа желтые пятна, у эйрениса черный ошейник. Поэтому змейку зовут ошейниковым эйренисом. Обе эти змейки безвредны и питаются насекомыми.

Пора возвращаться. Даже за такую короткую экскурсию мы узнаем немало интересного. То ли еще нас ждет впереди, в центральном Гобустане!

Поселок у склонов

С поселка Пирсагатстроя началось мое знакомство с Гобустаном в сентябре 1969 года.

Мы — члены зоологической экспедиции — выехали из Баку на юг и, свернув с асфальта, затряслись по ухабистой дороге в клубах густой желтой пыли. Когда доехали до нужного места, разбили палатки, смыли пыль, можно было и осмотреться.

Палатки стояли на плотине, перегородившей горную речушку Пирсагат. Образовалось огромное водохранилище, окаймленное причудливыми хребтами предгорий. Солнце садилось, высветив перед закатом близлежащие глинистые склоны, покрытые сеткой трещин.

Ночью в несмолкающий лягушечий хор вплелось лисье тяв-

канье. Судя по всему, пробовала голос не одна лисица. Привлекала их индюшиная ферма. Одна из лис долго «пела» возле палатки, пока я не вышел и не осветил ее фонариком. Это был лисенок нынешнего года; он постоял, уставившись на меня, потом метнулся в сторону и исчез из круга света, взмахнув жидковатым хвостом.

Утром, до наступления палящего зноя, я решил подняться по оврагу на вершины холмов. Дойдя до гребня, оказался над озером, и тут услышал звонкий, рассыпающийся крик кекликов — горных куропаток. Они были у воды, когда увидели меня, и тут же бросились бежать вверх по почти отвесному, совершенно голому склону своими тропками, которые были отчетливо видны издали. На очень уж крутом отрезке они поднялись и полетели, скрылись за хребтом. Обрадованный встречей с кекликами, я зашагал веселее, однако другой живности, кроме старой черепахи, на горе не встретил.

Спустившись к плотине, я направился в сторону индюшиной фермы. Здесь были прорезаны оросительные каналы с густыми зарослями камыша, кустарника.

Внезапно из-под ног вспорхнул перепел и полетел низко над землей. Я поднял в тот день еще несколько перепелов и уже решил повернуть к поселку, как вдруг с шумом взлетела пара крупных птиц, судя по манере вспархивания явно принадлежавших отряду куриных. Я долго соображал, что же это за птицы, зная, что кекликов в такие влажные места не заманишь. Но когда одна из них сверкнула своим черно-золотым с белыми пестринками оперением, я узнал турачей. Позже я прочел, что здесь, в окрестностях селений Кубалы, Наваги, Ранджбар, проходит северо-восточная граница их ареала в Азербайджане.

Турач — птица, стоящая того, чтобы рассказать о ней подробнее. Некогда она встречалась по всей Южной и Центральной Европе, в изобилии водилась на Ближнем Востоке, в Иране, Афганистане, Индии. Из-за тонкого вкуса нежного белого мяса турач всегда считался изысканной дичью, что и стало причиной его быстрого исчезновения. Последние европейские турачи были убиты в Сицилии в середине прошлого века.

У этих птиц масса врагов и в природе: все виды диких кошек, лисы, шакалы, хищные птицы. Птенцы турачей могут стать жертвой и ласки, и вороны, и полоза.

И еще одна опасность для турачей — многоснежные зимы. В такие зимы птицы не в состоянии добывать корм из-под толстого слоя снега, слабеют и гибнут от голода и холода. Оставшихся в живых уничтожают хищники. Некоторые птицы держатся в эту пору поближе к селениям.

Не так давно можно было увидеть в селах Кура-Араксинской низменности такое зрелище: петух-турач восседает на заборе деревенского дома и распевает свою песню. Эти птицы довольно доверчивы — зачастую прилетали по утрам из густых ежевичных и камышовых зарослей и кормились вместе с курами в деревенских дворах. У нас в стране турачи сейчас сохранились только в долинах двух рек: Куры в Азербайджане и Атрека в Туркмении.
 Охота на них не один десяток лет запрещена, но былая числен-

ность птиц не восстанавливается. Делаются попытки разводить их в охотничьих хозяйствах республики. И если наладить воспроизводство все-таки удастся, то вновь по весне оживут тугайные леса, оглашаемые звонким ликующим криком сотен турачей, а любознательный натуралист увидит зрелище, волнующее и прекрасное: токующего самца турача на пригорке, когда он, обезумевший, запрокинув голову, хлопая крыльями и распустив хвост, кружится и подпрыгивает перед самкой.

Прошел первый осенний дождь, сбил жару, осадил пыль. Утром выехать на работу мы не смогли: разбухший солончак непроходим. Втроем решили обойти Пирсагатское водохранилище. И вот мы уже в пути, карабкаемся на склоны, исчерченные овечьими тропками, спускаемся и вновь взбираемся вверх.

Вспорхнувшая кобылка напомнила мне о том, что не мешало бы запастись этими насекомыми для вечерней рыбалки. И вот я и мои спутники подкрадываемся к кобылкам, сложив ладонь лодочкой или собираясь накрыть их шапкой. Вдруг я заметил изумрудно-зеленый комочек, резко контрастирующий с блеклым полынным кустиком. Еще более я поразился, когда «изумруд» ожил и изящно скакнул на соседний куст. Это была древесная лягушка-квакша. Я накрыл ее ладонью и быстро пересадил в мешочек с влажной травой. Квакша сразу, совсем не по-лягушечьи переставляя лапки одну за другой, полезла наверх. На концах пальцев у нее круглые крохотные подушечки-присоски. Благодаря им все квакши (а их в мире более четырехсот видов) отлично лазают по деревьям, а в неволе — по стеклу. В террариуме преспокойно и подолгу сидят на листьях, только ритмично вздымается бледное горло; завидев насекомое, квакша медленно поворачивает голову и неожиданно делает молниеносный точный прыжок. Несколько судорожных глотков (если добыча слишком велика, квакши помогают себе, заталкивая ее лапками), и снова полная неподвижность, нарушаемая только трепетным вздыманием горла.

В густой листве можно обнаружить квакш по крику; услышав однажды, его трудно спутать с чьим-то другим. Заметить затаившуюся в листве квакшу очень трудно, и в этом ей помогает удивительная способность менять окраску. Можно наловить ярко-зеленых и бледно-зеленых, серых и коричневых, дома можно попытаться их «перекрасить», меняя декорации в террариуме.

Обнаружить здесь, в этом уголке полупустыни, квакш, обитательниц лесов и садов, было для меня таким же открытием, как встреча с турачами. Для квакш окрестности озера тоже стали «оазисом», вот к чему привело обводнение. Рядом с турачом — кеклик, с квакшей — гюрза или удавчик.

Поймав еще пару квакш, мы двинулись дальше, и я настолько глубоко погрузился в размышления о живой природе в окрестностях озера, что прозевал налетевшую стайку чернобрюхих рябков. Мы переправились через речку Пирсагат на месте ее впадения в озеро. Склоны стали еще круче. Ноги скользили по сырой после дождя глине, на самой крутизне мы выбивали какое-то подобие ступеней.

На одном из склонов я увидел след крупного волка, пробежавшего здесь уже после дождя. Он бежал вдоль берега озера, и мы следовали его тропой почти до поселка. Перемазавшись в глине, часто скользя и падая, мы представляли себе, как легко и свободно брал эти подъемы матерый гобустанский волк. У поселка след волка повернул в ущелье, а мы побрели к своим палаткам.

Песчанки, тушканчики и другие...

Разъезжая по Гобустану на машине или странствуя пешком, вы их не минуете. На фоне серого пейзажа резко выделяются свежие выбросы глинистой почвы. Как маленькие барханы, располагаются они у входов нор; вершины этих «барханов» покрыты следами пятипалых лапок. Здесь живут краснохвостые песчанки. Если хотите увидеть их, наберитесь терпения. Вот из одного отверстия высунулась голова грызуна с шевелящимися усами и тут же исчезла; через полминуты появляется снова, и вот уже весь зверек на поверхности. Крупная голова, большие влажные глаза, серо-желтая шубка, светлое брюшко, хвост яркий, оранжевый, с черной метелкой на конце. Зверек то замирает, то делает короткие перебежки, приседает на задние лапки, непрестанно прислушиваясь. Врагов у песчанок предостаточно, необходимо все время проявлять бдительность. Вот песчанка принялась грызть веточку солянки, но вы обнаружили себя, шевельнувшись, и зверек, бросив есть, прислушался и, топнув лапками об землю (сигнал опасности для других), метнулся, подняв хвост, к ближайшей норе.

Норы песчанок — не просто отверстия в земле, вырытые лишь для того, чтобы прятаться. Сложная нора — обиталище песчаночьей семьи — включает несколько ходов-выходов; один главный, остальные запасные. На глубине от полуметра до двух располагается обширная гнездовая камера. В этом «зале» песчанки сооружают гнездо из растительных остатков. В гнезде песчанки спят, здесь же выводят потомство и выкармливают его. Ходы имеют ответвления: это склады кормов и туалеты — песчанки отличаются чистоплотностью. Зимой в глубине гнезде теплее, чем на поверхности, летом — прохладнее. Так зверьки создают сами себе микроклимат. Множество других животных пользуется этими норами: жуки, пауки, скорпионы, мокрицы, многоножки, жабы, змеи, ящерицы. Селятся в них и ежи, землеройки, а также норные птицы — каменки; хищные зверьки — ласки и перевязки.

Краснохвостые песчанки активны круглый год, в спячку не впадают. Снег на равнинах Азербайджана лежит недолго, и отыскать зимой корм — не такая уж сложная проблема. Если же зима выдается многоснежная, песчанки вымирают массами, и весной встречаешь на месте недавних жилых колоний заброшенные норы с осыпавшимися входами, затянутыми паутиной. Но уже к осени вновь степь пестреет свежими выбросами, и шустрые зверьки снуют от одного входа к другому. Стоит нескольким песчанкам пережить зиму, схоронившись в каком-нибудь распадке, и популяция спасена.

На выручку приходит необычайная плодовитость, ведь песчанки способны к размножению с трех месяцев, самка дает два выводка в год, в каждом из них — от трех до двенадцати детенышей. К осени молодняк расселяется, занимает старые норы и роет новые.

Если прикинуть, едва ли не все животные полупустынь либо едят грызунов, либо в их норах укрываются. Потому жизнь здесь без песчанок немыслима. Но есть еще целые миры животных, не могущие существовать без грызунов. Эти микромиры обитают в шерсти зверьков. Большей частью это разные блохи или клещи. На одной только гобустанской краснохвостой песчанке паразитирует 29 видов блох, на тушканчиках — 25 видов!

Поселения краснохвостых песчанок в Гобустане обширны, а вот общественные полевки селятся небольшими колониями и входы нор у них меньше, сам зверек размером с мышь, но при ближайшем рассмотрении вы убеждаетесь, что на мышь он вовсе не похож. У полевки круглая голова с толстыми «щеками», глаза утоплены в шерсти, а ушей почти совсем не видно, хвост короткий. Этот зверек предпочитает селиться в более влажных местах с богатой растительностью.

Серый хомячок живет везде: в норах краснохвостых песчанок и в жилище человека, в пустыне и высоко в горах. Он похож на хорошо всем знакомого золотистого, только шубка у него сероватая.

В Гобустане обитает и домовая мышь. Мы привыкли в своем представлении связывать ее с жилищем, амбарами, хранилищами съестного. Но здесь их можно встретить и в дикой природе. Они селятся в зарослях кустарников, по обочинам дорог, насыпям, канавам.

Весенними ночами на равнинах Гобустана можно увидеть в свете фар скачущих отчаянными прыжками забавных длинноухих и длинноногих зверьков. Прямой хвост они держат на отлете, увенчан он длинными белыми и черными волосками. Этот хвост — опознавательный знак тушканчика, и зоологи называют его «знаменем». У каждого вида — свое «знамя». В Гобустане их два: малый тушканчик и малоазийский горный (он же тушканчик Вильямса) — более редкий, крупный и яркий.

Прыгает тушканчик совсем как крохотный кенгуру, отталкиваясь длинными задними ногами и руля хвостом. Задние ноги его снизу опушены — приспособление к бегу по пескам.

Эти зверьки, как и песчанки, пьют очень мало, а едят разные части растений, не брезгуя и животной пищей. Норы у них попроще, чем у песчанок, и живут они не сообществами, а поодиночке, но бывают ночи, когда встречаешь их поминутно и буквально сбиваешься со счета, а приедешь на то же место два-три дня спустя, и лишь изредка мелькнет где-то вдали «знамя» одиночного зверька. Тушканчики часто селятся близ поселений песчанок. У тушканчиков и песчанок много любопытных приспособлений к жизни в пустыне. Зоологи, наблюдая за ними в неволе, установили, что они хорошо живут в лабораторных условиях на рационе из перловой крупы и соевых бобов и вполне обходятся без воды. Им это удается благодаря исключительной

концентрационной способности почек. В моче египетской песчанки содержание солей в три раза больше, чем в морской воде. Такой физиологический механизм — способность почек удерживать воду в организме — позволил этим зверькам освоить засушливые территории.

Старый караван-сарай и его обитатели

Среди глинистых серых холмов приютился старый караван-сарай. Если ехать из поселка Сангачалы в глубь Гобустана, его не миновать. Наверное, по этой дороге вышагивали когда-то верблюжьи караваны к Шемахе и дальше на север. Этот караван-сарай — одно из немногих напоминаний о человеке в Гобустане.

Первый раз я приехал к караван-сараю осенью, в конце октября. Как обычно, в это время дул северный морской ветер. Пока бригада зоологов занималась расстановкой капканов на грызунов, я направился к каменистому склону, туда, где огромные плиты, нагроможденные друг на друга, образовывали заманчивые для всякой живности убежища. Здесь я увидал гюрзу. Она лежала на жухлой траве, почти неотличимая от нее, слегка изогнувшись и распластавшись, будто старалась впитать последнее солнечное тепло перед тем, как залечь в спячку. Когда моя хваталка коснулась ее шеи, она не шевельнулась. Только после того, как я взял ее рукой, она задергалась, но, оказавшись в мешке, сразу успокоилась. Гюрза была явно сыта, и свою недавнюю добычу — взрослого скворца — она отрыгнула в мешке, как обычно делают потревоженные сытые змеи.

Корма здесь ей было предостаточно, ибо перед караван-сараем вся земля была изрыта норами песчанок. Однако после этого, хоть я и много раз бывал там весной и осенью, гюрз мне находить не приходилось. Но зато я познакомился с самим караван-сараем и его обитателями.

Весной ярко-зеленым непривычным мазком выглядела трава возле большой лужи и ручейка, вытекающего из подземного колодца. Колодец заботливо накрыт поржавевшим листом железа с четырехугольным отверстием и крышкой. Откиньте ее, и на вас повеет приятной прохладой, вы увидете камни, поросшие водорослями. Вода настолько прозрачна, что виден каждый камень в стене до самой глубины, а она изрядна. В этих местах вода — большой дар.

Берега лужи испещрены сотнями бараньих копыт, и джейраньи следы здесь теряются.

Однажды я видел здесь пару огарей, или красных уток, окрашенных в нежнейшие оранжевые тона — от самого светлого оттенка на голове до более темного на груди и боках. Они поднялись в воздух и полетели куда-то вдаль, видимо к своему гнезду, издавая звонкие, как удары по металлу, крики. Наверное, само сочетание слов «полупустынная утка» звучит парадоксально, но тем не менее два вида уток — огарь и пеганка населяют наши полупустыни. Оба они встречаются в Гобустане.

Пеганка — крупная птица с темно-зеленой головой, красным клювом с массивным наростом, как у породистого гуся. Она

снежно-белая с оранжевым перехватом на груди от крыла до крыла, черной шеей и белыми с черным крыльями. Обе эти утки устраивают гнезда в заброшенных лисьих норах, дуплах деревьев.

В другой раз, уже летом, когда все живое изнывало от зноя и караван-сарай отбрасывал резкую тень, я увидел, подъезжая к его стенам, как из теневого квадрата от поверхности земли отделились серые комочки и катились вдаль, к каменистым осыпям. Это был крупный выводок уже взматеревших кекликов. Они предпочитали удирать бегом, быстро семеня ярко-красными лапками; тихо перекликались и, вытягивая шеи, посматривали на подъехавшую машину и людей.

Эти и многие другие животные приходят к стенам караван-сарая лишь в поисках воды и тени в жару. Но и в нем самом кипит жизнь. Когда я подошел, то из окошек смотровой башни с хлопаньем крыльев стали вылетать сизые голуби. Позже мы нашли там голубят, покрытых пухом, уродливых. Ничто в них не говорило о будущих первоклассных летунах.

Взгляд бежит по массивным выщербленным камням, зубчатой

стене, смотровой башне над входом и останавливается на страиином создании, прилепившемся к камню. Оио иеподвижио, только поворачивает драконью голову, уставившись иа меня темным глазом. Морщинистая, в складках шея, усеяииая шипами, сильиые лапы, тоже шиповатые, длиниый мощный хвост. От земли до иего метра четыре — не достать, поэтому животное вертит головой, нахальио разглядывая пришельца, и вовсе не спешит скрыться в ближайшей трещине. Что ж, попробуем с крыши... Пока одии из иас остается стеречь агаму и оповещает меня о ее иамерениях, я вхожу под своды каравав-сарая и готовлю «удочку». Это удилище с петлей из рыболовной жилки иа коице. Петля скользящая, одии конец жилки в руке, жилку необходимо дернуть в тот момент, когда петля будет надета агаме на шею. На крышу караван-сарая ведет каменная лестница, в ней сохранились далеко ие все ступени, приходится рассчитывать иа трещины в камиях. Но вот и крыша, поросшая травой. Мой иапариик говорит, что агама на месте. Подползаю на животе к краю стены, к тому месту, где должна сидеть агама. Но как только моя голова показывается из-за края стены, как бы медлеиио и осторожно я это ни делал, агама моментально скрывается в трещине. Значит, надо ждать. Через иесколько минут плоская голова ящерицы высовывается иаружу. Агама долго, невыиосимо долго озирается по стороиам, приглядывается к полупрозрачной петле, а солнце жжет все сильиее и сильиее. Накоиец агама покидает трещину, я иачинаю иадевать ей иа голову петлю. Оиа спокойно дает проделать эту операцию. Рывок — и агама слетает со стеиы, дергаясь в воздухе. Теперь, когда она в руках, можно рассмотреть ее получше. Издали серая, вблизи она кажется куда привлекательнее. Несмотря на свои крупные размеры и мощиые челюсти — ими оиа легко размалывает крупных жуков,— это пресмыкающееся никогда не пытается укусить человека. Ее защита — оцепеиеиие. Пожалуй, ни одио из пресмыкающихся не впадает так легко в состояние каталепсии, как кавказская агама. Стоит слегка коснуться височной или затылочной части черепа агамы, как она замирает, и после этого ей можно придать любую позу, самую причудливую. Оиа сохранит эту позу до тех пор, пока животное ие расшевелят. Глаза у агамы окружены ораижевыми колечками, иа брюхе — грязно-белый ромб, спина покрыта прихотливым узором.

Всюду в Гобустане, где есть иагромождения камией, можно встретить этих ящериц. Появляются они после спячки в апреле и поздней весной приступают к спариванию. Каждый самец имеет свой участок, где ои важно восседает на самом высоком камие и время от времеии кивает головой, оповещая всех других агам о своем присутствии.

В комиатиом террариуме, если его должным образом декорировать, группа агам представляет собой эффектиое зрелище. В большинстве книг о рептилиях сказаио, что кавказские агамы пищу в неволе ие принимают. На самом деле это ие так. Просто они очеиь пугливы и никогда не будут есть в вашем присутствии. Поэтому нужно устроить им укрытия из крупных плоских камней, куда бы они смогли прятаться. Тогда быстро будут исчезать мучиые черви из кормушки. Едят агамы и зелеиь; во

всяком случае у многих челюсти вымазаны зеленым травяным соком. В конце июня — июле агама откладывает яйца. Одна самка, жившая у меня, отложила за один раз шестнадцать яиц. Осенью появляются на свет маленькие агамы, они забавно выглядят, а неволю переносят куда лучше пойманных взрослых.

В стенах караван-сарая живут и другие ящерицы, гораздо более мелкие. Правда, днем их не увидишь, разве что рано утром в глубокой тени. Их называют каспийскими голопалыми гекконами. В сумерках они выползают на стены и ловко бегают по ним, цепляясь коготками, ловят разных насекомых. Они очень напоминают миниатюрных крокодилов-кайманов: такие же большеголовые и крупноглазые, да и глаза у них золотистые, с узкой щелью, как у кайманов (и у многих других ночных животных). Их серо-коричневое тело с поперечными черными полосами покрыто правильными рядами крохотных шипиков.

Когда садится солнце, гекконы сменяют агам на стенах караван-сарая. Дневная жизнь замирает, теперь развалины во власти ночных существ.

Разговор о Нзерекоре

Очерк

Марк Беленький

Последний раз я искушал Потапова по телефону. Сахар Медович, я пел соловьем и вился хитрым змеем. Борис посмеивался. Такая у него манера — посмеиваться.

Я корил Потапова эгоизмом, обвинял в злостном сокрытии от общественности интересных фактов его биографии. Я ссылался на прецеденты. Вот вышла книга поляка Аркадия Фидлера о Гвинее, где четко сказано: «Нзерекоре — это влажные дебри плюс сплошные чудеса». Так неужели не настала пора самому Борису рассказать о Нзерекоре и его чудесах читателям!

Но все было напрасно. Неразговорчивый Борис по-прежнему отшучивался.

Через некоторое время мы встретились, когда через Москву проезжал кто-то из «африканцев», работавших с Борисом на лесокомбинате в Нзерекоре. Было много народу, много шума, много воспоминаний, успевших обрасти даже легендами.

Но что же было на самом деле? По мере отдаления Африка, время, проведенное там, представлялись все более нереальными в морозной Москве. Резкая смена декораций отодвинула череду тогдашних будней в область...

— Преданий?

...Нет, не преданий, конечно. Но как бы отстранила от нас самих этот год, два или три, прожитые в Африке. Нам все больше казалось, будто это было не с нами, что все это мы увидели на экране, где в вековом тропическом лесу почему-то оказались персонажи, удивительно похожие на нас.

— Ты прав, надо записывать,— поддакнул «африканец», который отправлялся сейчас на строительство в Афганистан.— А то ведь как получается? Просят меня — расскажи, как было в Нзерекоре. Начинаю, а сам все про объект, про объект. Потому что, когда работал, думал только о деле, как успеть, чего не хватает. Крутишься, как заводной. А надо как? Увидел, записал в дневник, хоть несколько строчек. Под старость прочтешь.

— Правильно,— невозмутимо сказал Борис.— Вот я, например, записал кое-что о специфике строительства объектов в джунглях. Правда, некоторые ее называют «чудесами»...

Делаю вид, что меня это не касается.

— Помните мост через Диани?

— Это который ты построил? — вырвалось у меня.

— Организовал строительные работы и вел технадзор,— раздельно произнес Борис.

— Пожалуйста, никаких преувеличений, никаких чудес. Только факты.

Встреча происходила на квартире у Бориса, и, поскольку очевидцами организации строительства и технадзора на реке Диани были не все — многие приехали в Нзерекоре позже,— Борис согласился рассказать об этой любопытной истории.

Муссон ждали как манны небесной после нескончаемой жары. За несколько недель до его прихода начинали бить зарницы, освещавшие все вокруг, как блицы фотокамер. Деревья, весь сухой сезон напрягавшие силы, чтобы не зачахнуть, растерявшие свои жухлые листья, вдруг покрывались перед муссоном яркими цветами. Выглядело это абсолютно нереально: растрескавшаяся земля, сухие русла речушек — и эти цветы...

Откуда-то появились резкие, пряные запахи, как в перечном ряду на рынке. Наконец поднимался горячий ветер — явный признак того, что избавление близко. Но именно это и делало последнее испытание особенно невыносимым. При езде на «газике» воздух уже не обдувал, а обдирал лицо, сушил гортань.

Даже птицы переставали петь в джунглях. Только пулеметными очередями рассыпались цикады. Лезвия слоновой травы с кинжальным скрежетом терлись друг о друга.

В это время поджигали саванну у кромки леса, чтобы лучше росла молодая трава. Наступала пора огненной охоты. Дымы тянулись высокими колоннами к небу, выгоняя из кустарника живность — опрометью неслись пальмовые крысы, лесные антилопы-балоку, дикобразы, все-все-все. Время большой охоты...

Выжигали и участки леса для нужд подсечно-огневого земледелия. Директор лесозавода Сидибе энергично восставал против этого — ведь пропадает зря ценнейшая древесина. Но заводу были отданы определенные участки под вырубку, а остальная земля принадлежала общинам лесных племен, тут уж ничего не поделаешь. Пока во всяком случае...

Так продолжалось две-три недели. И вот в небе, давным-давно выбеленном солнцем, появилась первая пузатая туча. Она проносилась очень быстро, словно желая заявить о своем приходе на как можно большем пространстве. Проносилась и исчезала. Неужели дождь так и не начнется?

Людей мучила бессонница, ночь не приносила облегчения. Только под утро они забывались, и сны были кошмарными. А в пять часов раздавался голос муэдзина. Может, верующих он и настраивал на благочестивый лад, но пронзительное напоминание о том, что аллах велик, отнимало у строителей полчаса сладчайшей дремы; бесполезно было натягивать на ухо простыню.

В свои права вступали ранние звуки. Затарахтел на низкой ноте движок генератора, с чмоканьем включился холодильник. Пора вставать? Или можно еще чуть-чуть?

Чтобы взглянуть на часы, Борис тихо шевельнул полог накомарника: нужно не потревожить паучка Гришу. Работящий

такой паучок жил в углу и не давал москитам спуску, если те исхитрялись влезть под защитную сетку. Приехав в Нзерекоре, Борис усовершенствовал спальный агрегат, натянув особым способом марлевую сетку над кроватью. Вслед за ним то же самое сделали и остальные. Отныне строители из России по ночам покоились на дне полупрозрачного куба и выглядели, как диковины в музее...

Будильник задребезжал пронзительно и нахально — за это его и держали. Он был слышен по всему дому. Зашлепали босые ноги по цементному полу. Теперь пора.

С влажными, аккуратно расчесанными после умывания волосами ребята садились за длинный стол на террасе. У места Бориса — в командирском углу — стоял кофейник. Готовивший завтрак «бой» Мориба в колониальные времена служил у офицера местного гарнизона. Несмотря на долгие увещевания, он упрямо величал наших строителей «патронами». А Бориса — «гран-патроном». Недемократическое обращение понравилось, и теперь уже иначе как «гран-патрон» к Борису ребята не обращались. Только когда он устраивал разнос, то, оправдываясь, переходили на «Борис Николаич».

Как обычно, ели торопливо, и беседа шла по традиции о снах. Сны были стереотипными — жены, дети, дом. Один Воротный был неженат и сны видел причудливые.

Топоча, пошли к «газику». Дожди уже были близко, ночью, видимо, даже покапало. Земля без следа поглотила влагу, но на цементной дорожке, в углублении, остался темный след. Несколько дней назад в том углу Ваня Шапура убил змею. Происшествие было обыденным. Подумаешь, зеленая мамба! Попался бы удав метра на два — другое дело.

Поначалу змеи внушали страх, дома большинству из нас не приходилось иметь с ними дело. Даже шорох мышей на крыше мы первое время принимали за змеиное шипение. Но быстро выяснилось, что они никогда не нападают первыми и вообще сторонятся людей. У них — свои, змеиные дела, у людей — свои.

Машина зафыркала и вынеслась на центральную улицу Нзерекоре. Собственно, центральной ее можно было назвать лишь условно. Городок был в свое время распланирован колониальной администрацией с геометрической четкостью, все улицы пересекались под прямым углом.

Центральная упиралась в площадь Свободы, где стояло двухэтажное здание резиденции губернатора провинции Лесная Гвинея. Дальше стоял дом аптекаря, зал собраний и новая школа; ее переоборудовали после скоропалительного отъезда из страны хозяина богатейших плантаций кофе. Обосновался он в Либерии, где у него тоже были владения. Еще несколько школ поскромнее были открыты за последнее время, поэтому городок поутру наполняли ребячьи голоса. Девочки с торчащими, как антенны, жесткими косицами шли чинными стайками. Зато мальчишки — на то они и мальчишки — дурачились вовсю и носились метеорами. Борис сбавил скорость.

Машина поравнялась с торговым рядом. Под навесом каждой лавки подмастерья в шортах стрекотали на бабушкиных «зинге-

рах». Одни подростки. Завидев «газик», они улыбались во весь рот и кивали. От работы никто не отрывался.

Еще двести, триста метров — и улица кончилась, а с ней и город. Последние хижины были круглыми, крытыми соломой. Одна стояла в окружении лимонных деревьев, ветви поникли от груза плодов.

— Вот климат! — сказал Воротный.— Такая благодать во дворе растет!

— Жарко,— протянул Шапура.— Два года привыкнуть не могу.

— Сейчас еще терпимо. Начнутся дожди — продохнуть не сможешь. «Гран-патрон» в прошлом году в обморок упал.

Все посмотрели на Бориса. В прошлый сезон дождей он отправился на вырубку 43-го участка. Вывоз бревен почти прекратился, потому что лесовозы вязли в глинистой почве. Но как раз тогда поступил заказ на фанеру из розового дерева ниангон, и надо было прикинуть, как вывезти материал. Сидибе, директор лесозавода, сказал Борису:

— Инженер, заказ поступил из Либерии. Я знаю, там многие сомневаются, сумеем ли мы его выполнить. Это вопрос престижа для всех — и для нас, и для вас...

Борис поехал с мастером Якгборо, опытным лесовиком, который валил деревья по всей Западной Африке — в Габоне, Береге Слоновой Кости, а теперь вот под старость вернулся на родину, в Гвинею. Впрочем, не такой уж он старый. Борису — тридцать два, Якгборо — сорок пять, но выглядит значительно старше: жизнь была тяжела.

Скользкая дорога заняла больше двух часов. К вырубке ниангона вела тропа. Кроны деревьев смыкались над головой, зеленый свет плавал густыми пластами. Дышать было невмоготу.

Борис вдруг почувствовал, что ноги сделались ватными, больно застучало в висках. Он прислонился к шершавому стволу, а потом все — и лес, и лица людей — стремительно завертелось перед глазами...

Сколько он был в обмороке, Борис не помнит. Очнулся на поляне, куда отнесли его Якгборо и двое подручных.

— Воздух,— развел руками мастер,— воздуха в лесу нет. Без привычки очень трудно... Да и привычным тоже...

Потом, когда это происшествие живейшим образом обсуждалось среди наших специалистов, зашедший болгарский врач Иван Наумов утверждал, что у Бориса закружилась голова не от недостатка, а от избытка кислорода, скопившегося в лесу. Как бы то ни было, сошлись на одном: дышать в тропическом лесу надо осторожно. Особенно в сезон дождей...

В тот день случилось еще одно происшествие, потребовавшее существенного нервного напряжения. Когда Борис, не очень твердо ступая, подошел к машине, там ждала депутация жителей лесной деревни во главе с «президентом» — так ныне именовался деревенский староста. По-французски он не говорил, и переводчиком, а заодно и толкователем событий выступил мастер Якгборо.

6-2069

— Президент говорит: шофер лесовоза раньше возил женщин в Нзерекоре за двадцать франков, а теперь берет тридцать.

— Как же так? Машина ведь государственная, принадлежит заводу!

— Президент говорит: надо меньше с женщин брать.

— Ты скажи ему, что нельзя, вообще нельзя людей на лесовоз сажать: техника безопасности запрещает.

— Президент говорит: русский инженер должен сказать шоферу, чтобы тот меньше денег брал.

— Не могу я решать такие дела. Ты скажи ему, скажи, я не директор. Я—специалист, эксперт. Инженер я! А это ваши внутренние дела.

— Президент говорит: вы справедливый человек. Шофер здесь, в деревне. Надо сказать ему, чтобы...

— Ладно, зовите его.

Побежали за шофером. Тот шествовал солидно, в окружении двух подростков-«апранти». Точный перевод этого термина— «подмастерье», «ученик». На деле «апранти» лишь мыли машину и работали на приусадебной плантации шофера, за что тот, правда, их кормил и одевал. Ездить «апранти» дозволялось в кузове, а если случались платные пассажиры—на подножке, держась за дверцу, в нарушение элементарных правил техники безопасности.

Шофер шествовал, а один из «апранти» держал над ним раскрытый зонтик. Хляби небесные продолжали источать влагу.

При виде шофера деревенские жители загалдели пуще прежнего, но водитель сохранял невозмутимость.

— Сколько ты взял денег?—спросил Борис.

— Сто франков со всех,—ответил шофер.

— Президент говорит: триста пятьдесят,—вставил Якгборо.

— Нет, сто!

— Президент говорит: раньше сто брал, а теперь...

— Хорошо,—разозлился шофер.—Поехали все на базар, я куплю ку́ра, и будем есть его. Кто сказал неправду, тот умрет!

Борис был знаком со жгучим перцем ку́ра, но не знал, что тот наделен волшебными свойствами «детектора лжи». В голове все еще стоял звон от обморока.

— Отдай деньги и поезжай на завод. Там явишься к директору,—сказал он, чтобы покончить с делом.

Не тут-то было! Страсти разгорелись не на шутку. Присутствующие перешли на язык сусу, причем говорили все одновременно. Шофер, забыв, что он важная персона в глазах односельчан, то и дело выбегал из-под зонта, чтобы воздеть руки к небу или поколотить себя в грудь.

Наконец Якгборо перевел Борису:

— Президент говорит: пусть шофер оставит деньги себе. И не надо доводить дело до директора. Если этот шофер не будет возить женщин, то и другие тоже не будут, и женщинам придется ходить пешком. Но теперь они обо всем договорились, и шофер будет брать, как раньше...

Так Борис получил урок житейской мудрости. Староста-президент уговаривал инженера остаться в деревне и отведать угощения. Борис, прикладывая руку к груди, благодарил, но

ссылался на занятость.

Распрощались самым теплым образом. Мальчишкам-«апранти» деревенский президент дал по лохматому кокосовому ореху. Мир был восстановлен.

Дорога сворачивала направо, мимо пруда, про который ходили таинственные слухи. Говорили, что в колонниальные времена секта «людей-крокодилов» раз в год топила здесь девушку. Делалось это для благополучия и процветания города. Французу-губернатору так и не удалось выяснить, кто входил в этот таинственный союз. Начальник полиции грозил страшными карами, но ничего не мог поделать. Так во всяком случае утверждал старожил здешних мест датчанин Ольсен. Он занимался ловлей тропических бабочек и отсылал их коллекции в Европу. По его словам, он знал «людей-крокодилов», но не вмешивался в их дела. В первый же год после провозглашения независимости страны ритуальные жертвоприношения прекратились. Раз и навсегда.

...Все дальше, дальше от города вела дорога, ее тесно обступили со всех сторон деревья в бороде лиан. До приезда в Африку Борис считал, что выражение «непроходимые джунгли» — метафора, в общем-то пройти при желании можно. Оказывается, нет; в сторону от тропы не ступишь ни шагу — кустарник растет так густо, что некуда поставить ногу. Если по дороге не ездить год, она наглухо зарастет.

Но по этой дороге движение было оживленным. С тех пор как на площадке у ручья начали строить лесокомбинат, тяжелые ЗИЛы проложили в твердом латерите две глубокие колеи. Земля была красная, словно с нее содрали кожу. Первый раз, когда Борис осматривал это место с самолета, его поразил цвет.

— Железо! — прокричал тогда летчик Василий Кузьмич Самохвалов.— Железо, а не земля! Все ножи у бульдозера обломаешь!

Земля и в самом деле была твердой, зато от дождей она не раскисала, и можно было обойтись без бетонной дороги.

Завод стоял белый-белый на фоне фиолетовых деревьев-великанов. Деревья несколько раз порывались спилить, но директор Сидибе М'Бани категорически запретил: «Деревья — наша визитная карточка. Везде, где возможно, надо сохранить их».

Завод казался нереальным посреди этого девственного ландшафта. Длинные цехи стояли свободно. Заводом можно было любоваться. По праздникам и базарным дням сюда из лесных деревень приезжали на немыслимых колымагах или просто брели пешком представители племен герзе, мборо, нкома. Такого они никогда не видывали.

Вот и ворота. Охранник в ожидании скорых дождей уже упаковал себя в пластиковую накидку. Он лихо козырнул и снял засов. Пора включаться в знакомый круговорот забот.

В конторку Борис вошел один. Остальные поспешили к цехам — Роман Иванович в котельную, Воротный — в лесоцех, Шапура — в фанерный. Бориса уже ждали. Белая ладонь по очереди жмет черные.

— Инженер, заедает пилу в «Реннепонте». Вчера вы распорядились...

— Инженер, привезли пластик для покрытия лесоцеха. Заказывать рабочих?

— Инженер, давление в емкости для пропаривания ниже нормы...

— Инженер, вы вчера говорили... Инженер, вы собирались...

Обычный будничный день. Звонил по телефону:

— Семен, ленты к 509-му не прибыли в этой партии. Возьми пока 507-е. Приладь и уменьши обороты.

— Мсье Диаките, мне сказали, вы отстранили шофера третьего лесовоза от работы. Извините, что я вмешиваюсь, но это опытный водитель... Авария? Я знаю, опрокинулся прицеп. Шофер мне объяснил, что на то была воля аллаха. Полгода он ездил — и все было в порядке. Я уверен, в дальнейшем он будет более внимательным... Спасибо.

— Володя, троса 8,5 на складе нет. Надо взять 10 и расплести. Договорились?

Ходил в фанерный цех: линия работала с перебоями, потому что плохо пропаривались бревна. Выяснял, в чем дело, советовался с Романом Ивановичем.

Дважды ходил к директору Сидибе: надо было найти место, где установить емкость для дизельного топлива.

Перед самым обедом секретарь директора Люси — в длинном до пят платье с вытканными на нем верблюдами — нашла его возле склада.

— Инженер, звонили из канцелярии губернатора. Просят вас приехать.

— А что случилось?

— Не знаю, не сказали,— и Люси ослепительно улыбнулась. Она подражала кинозвездам.

Губернатор уже приглашал Бориса неделю назад, когда над лесной провинцией начали вспухать тучи; они тяжело ворочались в небе, с ужасающим треском источая длинные молнии. Феерическое зрелище! Губернатор, церемонно поговорив о здоровье, попросил установить на крыше его дома громоотвод.

— Я материалист,— сказал губернатор.— Но когда бьет молния, я шепчу стихи из Корана.

В районе Нзерекоре и соседнего Лабе молнии, как рассказывали, убили двоих крестьян. Стихия! Погибших по традиции Великого Леса закопали стоя.

Губернатор учился в Париже на втором курсе медицинского факультета, когда Гвинея провозгласила независимость. Каждый грамотный человек, не говоря уж о специалистах, был на счету. Старший брат его вошел в правительство, а он получил назначение в министерство иностранных дел. Пять лет спустя стал губернатором лесной провинции.

Губернатор был смелым человеком. В нескольких километрах от города находилась колония прокаженных. Несчастные жили за глухим забором, местные жители боялись приближаться к этому страшному месту. В день национального праздника губернатор вошел в ворота колонии, пожал всем руки и объявил, что отныне они — свободные граждане со всеми правами и будут трудиться по мере сил. Это была настоящая сенсация, прежде о таком поступке никто не смел и помыслить. Все были уверены, что проказа передается при малейшем прикосновении к больному.

...Около двухэтажной канцелярии губернатора было привычно шумно: ходоки и просители становились в очередь к чиновникам; полицейский отчитывал толстую женщину: зачем та привела с собой детей — никакого сладу с ними нет! Дети съезжали по перилам крыльца, не обращая внимания на окрики: они-то знали, что дальше этого дело не пойдет.

Борис пригладил волосы перед зеркалом и поднялся наверх.

Кабинет губернатора был весь уставлен резными фигурками, изготовленными местными умельцами. Больше всего Борису нравилась грустная обезьяна с очень мудрым морщинистым лицом. Обычно она стояла на застекленной полке позади кресла, а сейчас почему-то оказалась на письменном столе.

— Я просил вас приехать, мсье инженер, по очень важному

поводу,— начал губернатор, усаживая Бориса в кресло.— Только что мне сообщили, что рухнул мост через Диани. Очевидно, термиты... Нет нужды говорить, как важен он для нашего округа, особенно сейчас, перед сезоном дождей. Аэродром закроется со дня на день, так что мост — единственная нить, связывающая нас со страной.

Губернатор говорил буднично и устало, без всякого волнения.

— Я прошу вас не мешкая отправиться туда и возглавить стройку. Рабочих мы выделим.

— Ваше превосходительство, но я ведь инженер по лесопильному оборудованию и никогда не...

— Мсье инженер, это жизненно важное дело! Муки и продовольствия осталось на складах на трое суток.

— Я разделяю в полной мере вашу тревогу, но взять на себя ответственность...

— Форс мажор! Необходимость вынуждает нас подчас переступать через невозможное.

— Но не через знания...

Губернатор вскинул рукавами широкого белоснежного «бубу».

— Вы же инженер, мсье Борис!

Потапов в свою очередь развел руками.

— Это правда, экселянс...

Губернатор улыбнулся и показал на фигурку обезьяны.

— Прошу вас взять этот подарок. Вы приняли мудрое решение. Мы очень вам признательны...

Мост лежал, припав к реке, словно желал испить мутной воды. Его надо было ставить на ноги. Причем быстро: завтра-послезавтра хлынут дожди, вода прибудет, течение ускорится, и вбивать быки в дно станет куда сложнее. Борис стоял, глядя, как несколько рабочих, захлестнув тросом бревна, цепляли к передку грузовика и вытягивали на берег то, по чему еще вчера ходили машины.

Речка, шуршавшая между камнями, была здесь шириной метров двенадцать, неглубокая. Борис хорошо знал ее. Подсыпку делать не придется — грунт твердый. Но без двух пар быков не обойтись. Пожалуй, для них лучше всего взять железное дерево — азобе.

— Якгборо, надо съездить за азобе.

— Будет сделано, патрон!

Они взяли лесовоз и поехали на сорок третий участок, погрузили там краном несколько пятиметровых хлыстов азобе.

Борис и Якгборо едва успели приблизиться к берегу, как спустились сумерки. Здесь, в сердце тропиков, тьма наступает так стремительно, будто кто-то разом выключает свет. Однажды Борис вышел во двор засветло сменить у «газика» свечу, а назад возвращался на ощупь, долго водя ладонью по стене в поисках двери. Разглядеть нельзя было ничего.

Якгборо, сидевший за рулем, включил фары, и как бы по этому сигналу зажглись костры на берегу. Тени людей, двигав-

шихся у реки, блики света придавали ночной работе атмосферу какого-то священнодействия. То были крестьяне племени герзе из соседнего селения и десяток рабочих, присланных губернатором.

Якгборо открыл борта лесовоза, герзе подошли ближе и вдруг разом отпрянули. Гримаса перекосила их рты, будто они увидели нечто страшное.

Борис ничего не понимал. Что случилось?

На лежавшем сверху бревне белели косые глубокие насечки: похоже на галуны, что нашивают сверхсрочники на рукав.

— М-м-м,— простонал Якгборо.— Это же был священный лес!

Священный лес — форé сакрé... В отличие от людей малинке, которые два века назад приняли мусульманство, герзе остались анимистами. Каждое их селение имело свой священный лес, куда непосвященным, в особенности женщинам, вход был строжайше запрещен. Там совершались обряды у подножия дерева, населенного душами предков. Его-то и помечали насечками.

Каждая более или менее крупная общность людей в дебрях имела свой священный лес, обычно здесь же, поблизости от деревни. В этих лесах находились тайные школы, где юноши обучались разным наукам и магии, где рождались тайные общества и вселяли ужас страшные маски духов и прорицателей. Эти заклинатели — зого — ночью часто перевоплощались в своем воображении в леопардов и крокодилов, а днем занимались обычной работой на кофейных плантациях.

Вскоре после провозглашения независимости Гвинеи священные леса кое-где были объявлены государственной собственностью, и их стали понемногу разрабатывать. Но не в здешних местах. Герзе по-прежнему считали, что, разрушая обитель душ предков, они навлекают на себя страшные кары.

Об этом толковал нам в первый месяц после приезда католический миссионер отец Жозеф. Познакомился Борис с ним так.

Завод в Нзерекоре был расположен в полутора тысячах миль от океана, и оборудование, привозимое из Советского Союза, надо было доставлять из порта по очень ненадежной дороге. Обычно это превращалось в длительное и довольно хлопотливое дело. В одном месте пришлось сделать вынужденную остановку.

Пока советские специалисты ждали, когда же на противоположном берегу им наладят переправу, к грузовику подошел мальчонка-африканец и вежливо осведомился, нет ли здесь инженера. «Есть»,— отозвался Борис. Тогда мальчик сказал, что единственный в деревне движок испортился и не может ли мсье посмотреть, что случилось.

Борис охотно согласился. Дизель стоял под навесом рядом с кокетливым одноэтажным домиком, на котором висела вывеска «Католическая миссия Нкомо». Патер в сутане встретил нас у входа. Он приветливо улыбнулся, пожал руку инженеру, отвел к движку.

Починка не заняла много времени. Борис продул засорившуюся форсунку, и движок застучал. Патер заохал: «Бравó! Бравó! Вот это класс!» Был он молод, лет двадцати пяти, а розовая

незагорелая кожа делала его похожим на младенца. Он пригласил Бориса в дом отобедать.

К концу обеда отец Жозеф предложил в знак признательности показать несколько фильмов.

Патер зарядил пленку и продемонстрировал несколько короткометражных фильмов из жизни великомучеников. Были они сделаны топорно. Впрочем, удивляться нечему: оказалось, они отсняты любительским способом в миссионерском училище и будущие пастыри исполняли там все роли.

— Даже женские,— сказал отец Жозеф и неожиданно заразительно засмеялся.— Но Брижит Бардо вы там наверняка не заметили!

Борис согласно кивнул. И тут отец Жозеф без перехода сказал:

— Мы с вами трудимся на общее благо здешнего народа. Вы строите мир вещей. А я помогаю познать мир духовный.

Для полемики не было времени.

Уже прощаясь, падре, как бы невзначай, спросил, действительно ли руководители лесозавода намерены вырубать вокруг Нзерекоре форе сакре — священные леса?

— Не знаю,— дипломатично ответил Борис.— Необходимо проверить качество древесины в этих лесах... Но при всех обстоятельствах решать будут местные власти.

— Имейте в виду, это восстановит против вас местное население,— сказал отец Жозеф.— Поспешные действия принесут куда больше вреда, чем пользы. Поверьте моему опыту.

Младенческое лицо патера сделалось скорбным. Он как будто жалел нас.

— Специфика...— говорил Борис по дороге.

И вот теперь, два года спустя, всплыла она, эта самая специфика...

Старик крестьянин начал что-то с жаром говорить, взмахивая рукой.

— О чем он?— спросил Борис.

— Старый человек говорит, надо уходить,— перевел Якгборо.— Нельзя трогать священный лес. Ду́хи рассердятся.

— Как же лесные жители уйдут, бросив все?!

— Они уйдут, инженер.

Что делать? Собственно, можно было бы уехать и самому, раз так вышло. Уж кто-кто, а губернатор должен был знать, какой лес предназначался для нового моста! В конце концов и наведение мостов не входило в обязанности инженера Потапова, это не значилось ни в одном пункте контракта.

Борис сел на подножку лесовоза, закурил. Он смотрел, как герзе собирали принесенный с собой нехитрый инструмент и уходили...

— Что делать дальше, инженер?

Рабочие-малинке стояли кружком, невидимые, обозначенные в темноте лишь сигаретными огоньками.

 — Будем работать.

Заострить комель азобе оказалось делом нелегким — топор просто отскакивал от железного дерева. Якгборо, что-то бормоча под нос, принес куп-куп — широкий нож типа мачете — и стал понемногу затачивать бревно, как карандаш,— короткими ударами.

Зато в грунт оно вошло хорошо, без усадки. Теперь, когда посреди потока торчал надежный бык, работа уже не казалась очень длительной. Рядом с первой на ширину будущего моста стали вколачивать вторую опору. Но людей было мало, поэтому работа шла медленно. Если не привлечь еще людей, вряд ли кончишь за два дня.

Когда сели, подстелив тростник, на берегу и Борисова пачка сигарет «Краснопресненских» пошла по кругу, в зарослях надсадливо заквакала древесная лягушка. Этакое крохотное создание, а шуму прямо как от прогулочного катера с репродуктором. По раздражению да еще по боли в сбитых пальцах Борис вдруг почувствовал, что устал, очень устал.

— Инженер, мы будем строить дальше сейчас?

— Да, Камара, сейчас.

Вступил в разговор Якгборо:

— У малинке есть такая сказка. Шакал и гиена пошли вместе рыбу ловить. Поймали — шакал одну рыбу и гиена одну рыбу. Хитрый шакал спрашивает: «Хочешь — сегодня ничего, а завтра — две рыбы?» Гиена согласилась. Назавтра опять ловили рыбу, опять по одной поймали. Шакал спрашивает: «Хочешь — сегодня ничего, а завтра — три рыбы?» Согласилась гиена. На третий день опять то же вышло. А на четвсртый гиена от голода умерла.

Посмеялись. Докурили. Встали.

Борис предполагал сделать половину настила из бревен потоньше, укатать его, а уж утром приниматься за вторую половину. Как часто бывает при большой усталости, часа через два наступил какой-то перелом вроде второго дыхания, когда работается снова легко и даже с задором, с вызовом — а ну, сумеем ли?..

Где-то за кромкой леса посветлело. Неожиданно в селении рядом редко и поэтому значительно забил барабан. Борис, помогавший подкатывать бревно, остановился. Что бы это могло значить? Барабан смолк. Может, он оповещал о наступлении утра?..

— Инженер!

Борис обернулся.

Человек десять из племени герзе показались из-за поворота. В руках у них были куп-купы, кое у кого ломы. Они шли не осторожной походкой лесных жителей, а быстро, решительно.

Неужели они пришли наказать святотатцев?..

До стройки им оставалось метров пятьдесят. Кто-то из рабочих на реке, вырубавший на верхнем комле бревна зазор для поперечины, простучал босыми пятками по настилу и встал на берегу. Они молча ждали: инженер в перемазанной рубашке, посасывающий ссадину на ладони, голые по пояс рабочие, Якгборо в колониальном шлеме.

Герзе приближались с куп-купами и ломами на плечах.

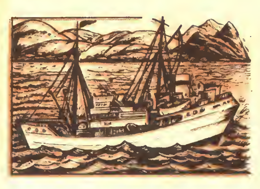
Дойдя до сваленных бревен, они положили инструменты наземь и принялись подкатывать к будущему мосту тяжелое бревно.

Якгборо щелкнул пальцами:

— Все-таки они пришли, инженер!

Когда я спросил Бориса, что, по его мнению, заставило лесных жителей изменить решение, он развел руками:

— Не знаю... Честно, не знаю. Перестали верить в духов леса? Нет, так быстро сознание не меняется. Однако ведь пришли, пришли же! Может, увидели, как мы вкалываем, а они народ совестливый. И трудолюбивый. Работа, что ни говори, сильно притягивает.



Белый ромб и красные шары

Повесть

Владимир Лысов

Пуст, мал поселок под низким дождевым небом. Дождь будто прибил его к земле. Сопки, охватывающие его подковой, закрыты тучами, горизонта нет, и это еще усиливает ощущение одиночества, оторванности от Большой земли.

На окраине — крохотные балки́, поставленные как попало. Ближе к центру — хоть и деревянные, одноэтажные, но все же дома. В самом центре — современные крупноблочные здания в четыре этажа в затейливых узорах, выложенных морской галькой, вкрапленной в бетон. Эти здания на сваях, на железных ногах, упирающихся в вечную мерзлоту.

Чем ближе к порту, тем веселее. И народу встречается больше. Порт работает и в дождливую погоду, и в штормовую. Он живет днем и ночью. Два с половиной-три месяца в году порт свободен ото льда, за этот срок нужно успеть выгрузить, принять, переправить сотни тысяч тонн грузов, предназначенных тиксинцам, зимовщикам полярных станций, жителям городов и поселков бассейна Лены — по существу всей Якутии.

Водный путь здесь важен необыкновенно. Ведь проложить километр шоссейной дороги в условиях вечной мерзлоты, тундры, болот стоит 200—300 тысяч рублей, километр железной дороги — 700—800 тысяч, транспортировка грузов по воздуху, естественно, обходится еще дороже.

В воротах порта — фигура в длиннополом брезентовом плаще с опущенным капюшоном. Рядом две огромные лохматые собаки.

Иду, стараясь держаться независимо, будто у меня полный порядок с документами.

— Куда?

Сказано спокойно, лениво, но властно. Собаки хрипло рычат. Что сказать? Что еще не оформлен, не получил пропуска, попросить смилостивиться? Или рассердиться, возмутиться: начальство мешкает, а я здесь при чем? Мне ночевать негде!

Как-то так само собой получается, что говорю правду. Страж не прерывает, терпеливо выслушивает до конца. А потом вдруг, хотя, кажется, ничего особенно убедительного и не сказано, кивает: проходи!

Тиксинский порт — крупный для Арктики. Но в сравнении, скажем, с Мурманским он, конечно, крохотный. Нет и в помине километровых линий причалов, элеваторов, холодильников разме-

ром с высотное здание. Однако и тут останавливаешься в растерянности.

Краны ворочают штабеля досок, бочки с горючим, газовые баллоны в сетках, ящики, мешки, непрерывно звонят, предупреждая, что нужно почаще оглядываться. Отступаешь в сторону — и под ноги ухает пудовый тюк, сброшенный с электрокара; попятишься — услышишь свирепый окрик шофера. Как ни стараешься держаться стороной, чувствуешь, что везде мешаешь, всюду лишний.

Свободных причалов нет. Суда-танкеры, лихтеры, сухогрузы, баржи — выстроились борт к борту, дожидаются очереди встать под кран. И на внешнем рейде, у острова Бруснева, закрывающего вход в бухту, их десятки. На их штагах — черные шары, означающие «Стою на якоре». У портовиков слишком много работы.

«Фарватера» у причалов не видно. Это заметный, белый, красивый пароход, и первый же встречный, кого я спрашиваю, говорит, что час назад его отогнали на рейд. Стало быть, нужно опять миновать сторожа у ворот и вдоль ограды порта спуститься к морю, к тому месту, куда подходят катера со стоящих на рейде судов.

Здесь, у спуска к воде, тише. Слышно, как ухает в черную базальтовую стену обрыва накат, тонко звенят, ударяясь друг о друга, гладкие, ошкуренные волной бревна. «Фарватер» вдали, как на картинке: белый двухмачтовый кораблик с четкой, черной ватерлинией, сосновые мачты будто светятся изнутри. У борта судна прыгает на волне катер.

Неуверенно, без всякой надежды машу рукой. Потом сажусь на бугорок покурить. Минуту спустя подымаю голову и вижу, что катер, в котором сидят двое, идет к берегу. Он стукает носом в бревно и останавливается. Худой, смуглый, цыганского вида парень на руле кричит:

— Садись, краснофлотец!

Другой, моторист или механик, белобрысый, в замызганной, мазутной, блестящей, как атласная, кепке озабоченно склонился над движком.

Спрыгиваю на гальку, пробегаю по бревнышкам, ползущим из-под ног, ступаю на носовую банку, на аккуратно свернутый в бухту конец и тут же, потеряв равновесие, постыдно сползаю за борт. Оба в катере довольны. И не думают подать руку. Вероятно, в данной ситуации это не полагается.

— Ну и место выбрали пристать!

— Что делать! — говорит рулевой.— Сам видишь, битком у причалов.

Тут я допускаю ошибку. Сочувствую: такая несправедливость — уж для «Фарватера»-то должны найти были место! Это сильно мне повредило. В праздных сочувствиях они не нуждаются. Я это понял, да было уже поздно. Рулевой (как я потом узнал, Василий Необученков, матрос первого класса, а к концу навигации — старший матрос) недобро взглянул на меня и сказал:

— Расписание надо знать, понял? Я тебе не перевозчик! Моду взяли: катаются, когда хотят!

Можно было, конечно, возразить: я на «Фарватере» еще не был, следовательно, не мог знать расписания сообщения с берегом. Но не сказал ничего.

В полном молчании дошли до «Фарватера». Пристали к корме, подали конец. До планшира низко сидевшей кормы можно было достать рукой. Подтянулся, перевалился через планшир и оказался на палубе.

— Приветствуем вас на борту легендарного корабля!—торжественно провозгласил коренастый морячок, на физиономии которого было написано—плут, и взял под козырек.

2

«Фарватер»—судно небольшое, маломощное: его максимальная скорость, или, как не без иронии говорят его хозяева-моряки, «парадный ход»,—девять с половиной узлов. Оно деревянное, только носовые обводы в металлической обшивке. Но ведь и «Фрам» Фритьофа Нансена был деревянным.

Вот уж более двух десятков лет судно исправно служит гидрографам торгового флота. Сергей Филин, морячок, который первым приветствовал меня на борту, уверяет, что судно слушается руля, как автомобиль. Если есть навык стоять на руле, выведешь судно целым из любого разводья, трещины и даже обшивки не помнешь. Ну а случится пробоина—не горюй: пароход живучий.

Коридоры «Фарватера» узки, в каютах тесно: даже штурманы, механики живут по двое, кубрики рассчитаны на четверых, а носовой—на шестерых. Но любят пароход моряки, не хотят с него уходить. Экипаж небольшой, все друг друга прекрасно знают, сплавались. И когда собираются вместе в столовой, как-то особенно душевно все чувствуют себя.

До выхода в море оставалось несколько дней. На складе гидробазы получили снаряжение, имущество. Этим занимались техники. Инженерам хватало работы в гидрографической рубке. Здесь три эхолота: когда один работает, другой наготове, заряженный. Его запускают, как только в первом кончается лента. Третий—резервный.

Перо эхолота, высекая лимонные искорки, чертит на ленте батиграмму—кривую, показывающую рельеф дна. Техник-гидрограф через одну-две-три минуты, в зависимости от масштаба карты, составляемой на основе промеров, накладывает на ленту масштабную линейку. Ее миллиметры соответствуют метрам глубин под килем. Потом отмечает в журнале глубину, номер точки промера, время отсчета и много всего прочего. Ошибаться нельзя, потому что не успеешь исправить: лента эхолота, подрагивая, выползает из часто стучащего, как телетайп, ящика и тут же скрывается в нем, наматываясь на катушку. Пропустить пик, впадинку рельефа дна на батиграмме—просто ЧП. Кончается лента—успей оформить ее конец и начало следующей: эхолоты должны работать без перерывов, пауз. Возможность внезапного выхода из строя одного из работающих эхолотов не учитывается. Не принимается во внимание и многое другое, как я узнал

позже... В общем техник, который работает первый сезон, еще не техннк.

А вот Сергей Филин — тот работает уже, как автомат, думает о чем-то своем, курит, по рубке прогуливается.

Обо всем этом мне поведал инженер-гидрограф Борнс Наумов. Сам он обслуживает более сложную технику. С ее помощью определяет точное местоположение судна в каждый данный момент.

Кажется, не такое уж хитрое изобретение — эхолот. Прннцип действия его прост: ультразвуковой нмпульс проходнт толщу воды и, отраженный поверхностью дна, улавлнвается на судне; скорость распространения ультразвуковых волн в воде известна, значит, нетрудно определнть и глубину. Но для моряков этот прибор стал нх вторым, подводным, зрением. Сколько кораблекрушений, аварнй избежали они благодаря эхолоту.

Пока я знакомился с оборудованием, ребята вернулнсь с берега. Их подбросила «Северянка», маленькое портовое суденышко. Знакомлюсь с техникамн Леней Скобловым, Володей Золотаревым, Жорой Тумановым, Петей Тарасевичем. Все крепкий, рослый народ.

Тотчас же образовалась очередь в душевую. Боцман Иван Васильевнч Лютиков в порту воды не жалел. Это потом, в море, один кран в целях экономнн он выключил, а во второй давал воду лишь утром, в течение трндцати мннут. Боцман, как и подобает ему по должности, был человеком хозяйственным.

В столовой команды мест для всех не хватает: одни ужинают, другие их поторапливают. Но банка (табуретка) боцмана пустует. Его место не занимают ни под каким видом. Боцман в столовой команды то же, что капитан в кают-компании. Он придет позже, как человек солидный, не любящий толкотни.

Жуют усердно, на аппетит никто не жалуется. Петя Тарасевич, выжимающий штангу весом свыше ста килограммов, дождавшись своей очереди, прнсаживается на краешек скамьн, прндвигает к себе бачок. Половник, которым он делает несколько вращательных движений, сопротивления не встречает: мясо выловлено. «Уже протралили»,— констатирует он с сожалением.

3

Провожание нельзя было назвать шумным, многолюдным. Пароходный гудок трижды взревел. Под винтом вздулась, забурлнла зеленая вода. Медленно, осторожно пятясь, «Фарватер» отступил от причала, развернулся, и капитан перевел рукоять телеграфа на «средний ход». Началось плавание.

Первую гидрографическую вахту стояли техник Володя Золотарев и ннженер Юра Медведь. Сразу же вышел из строя эхолот. Вызвали Славу Пархунова, электрорадионавигатора, огромного сильного парня. Поднявшись в рубку, он мрачно осведомился у Золотарева:

— Техминимум для детсада сдавал?

— Я, что ли, его сломал? Сам сломался...— огрызнулся тот.

— Сам не сломается,— уже спокойно сказал Пархунов, откры-

вая крышку прибора.— Надеюсь, не пытался чинить?

— И не притрагивался!

— И на этом спасибо!

Он несколько раз ткнул отверткой в нутро эхолота, что-то ковырнул толстым пальцем — и аппарат застучал.

— Так-то,— сказал он назидательно, убедившись, что все в порядке.

И все пошло своим чередом. «Фарватер» проходил за километром километр. На штаге корабля вывесили два красных шара и белый ромб — сигнал «Веду спецработы». Инженер определялся, заполнял планшет, техник снимал глубины, оформлял эхограммы, вел журнал.

Ни погода, ни льды не помешали начать работу. Навигация обещала быть успешной. В салоне было весело. Скоблов и Тарасевич рассказывали разные забавные истории. Они вместе учились на арктическом факультете Ленинградского высшего инженерного морского училища имени адмирала Макарова. Два старших брата Скоблова тоже выпускники «макаровки». Один

закончил училище пятнадцать лет назад и уже стал кандидатом наук, другой работает инженером-гидрографом здесь же, в Тиксинской гидробазе. Тарасевич еще до училища работал на Ладоге помощником капитана буксира.

... Утром я проснулся от грохота. Казалось, рассыпалась поленница дров. Это отдали якорь — «Фарватер» стоит у берега, в виду полярной станции Святой Нос.

Спустили на воду рабочий катер, лодку-ледянку. Желающих размяться на берегу оказалось так много, что начальник отряда Владимир Ильич Чудаков распорядился, чтобы никому не было обидно, первым рейсом перевезти фанеру, цемент для полярников. Тарасевичу, Медведю и Томсону поручил определиться способом теодолитной засечки с берега. А потом уже, в два-три рейса, перевезли на берег всех остальных.

Полярники искренне радовались нашему прибытию. На станции зимой живут метеорологи, гидрологи, радисты, а летом и осенью к ним присоединяются сезонные рабочие, практиканты.

Сейчас здесь живут курсанты Ленинградского Арктического училища Володя Власов и Рома Мухашаврия, грузин из Батуми, который несравненно играет в нарды. Их балóк на отшибе. А дальше, у горизонта,— караван игрушечных корабликов, которые входят в пролив Дмитрия Лаптева. Суда идут гуськом, кильватерной колонной, медленно, так что их видно с полчаса. Здесь пароходам мелко, они даже поднимают винтами со дна ил.

А по другую сторону поселка, к западу,— маленькая избушка метеорологов. Все остальные живут в большом, основательно построенном бараке и в сборном типовом доме из алюминия и стекла, с вентиляцией, с комнатами на одного человека, стены которых выкрашены в голубой, розовый, зеленый тона.

Что еще есть здесь? Электростанция, дизельгенераторы которой стучат днем и ночью (шум этот настолько привычен, что никто его не замечает, полярники уверены, что живут в абсолютной тишине). Гараж на восемь вездеходов. Радиомачты, мачты флюгеров, метеобудки. Пустые железные бочки из-под бензина, солярки, горами сложенные вдоль берега,— неотъемлемая деталь пейзажа полярного поселения на побережье.

Природа скудна: голая каменистая тундра, лишь кое-где желтые, бурые стебельки камнеломки, полярного мака.

А живут здесь долго: два, три года, десять лет... Образ жизни полярника вырабатывает у него профессиональный тип характера. Полярник немногословен, сдержан, терпелив. И очень деятелен, вечно занят: летом заготовляет припасы на зиму — рыбалка, охота на оленей (накануне нашего приезда полярники «завалили» 23 оленя, до отказа набили мясом лéдник — яму в слое вечной мерзлоты), ремонт жилья, служебных помещений, разгрузка судов, приходящих на станцию. Зимой — охота на песца. Это занятие не из легких. Песец — зверь хитрый, умный, чутье у него такое, что, если вышел ставить капкан в потертых, не новых рукавицах, можешь быть уверен: зверь не попадется. А проверять капканы нужно каждый день, в метель, пургу, в любую погоду; иначе сожрут песца сородичи или он сам отгрызет защепленную лапу и уйдет. Но это все дела побочные, основное — работа,

восемь часов вахты в сутки. А иные стоят и полторы вахты, коли нужно.

Пока разгружали катер, ледянку, пока обменивались новостями, вернулись Медведь и Томсон — засечку они уже сделали. Где-то задержался Тарасевич. Но мы не волновались. Решили, что заблудиться он не может: погода ясная, небо как в Италии — станцию видно за десяток верст. Действительно, через полчаса появился Тарасевич, запыхавшийся, потный.

— На! — сказал он торжествующе и положил на стол тяжелый, в полпуда весом, кусок мамонтового бивня.

Сколько он пролежал в земле, в вечной мерзлоте? Потемнел, стал похож на трухлявую древесную чурку, расслоившуюся по линиям годичных колец.

— Навалом их там! — шумно, радостно рассказывал Тарасевич.— Катер можно доверху загрузить! Хотел я притащить целый, но он килограммов на пятьдесят.

Арктика — это большой естественный холодильник. В начале века на побережье полярных морей, на островах Новосибирского архипелага «летовали» промышленники, добывающие мамонтовую кость. Сбор ее был ремеслом довольно многочисленных артелей. Даже плавник, бревна, вынесенные в моря великими сибирскими реками и болтавшиеся в океане так долго, что комли их обились, закруглились, ничуть не тронуты гниением. Просушенные, они горят ярко-желтым пламенем, обогревают зимовщиков, охотников, геологов, оленеводов.

С полярниками Святого Носа мы обменялись фильмами. Хозяева разрешили брать любые, кроме одного, под названием «Убийство рыжего парикмахера». Это, так сказать, их собственное творчество, представляющее собой часть из «Звезды Улугбека», кусок «Женитьбы Бальзаминова», несколько кадров из «Новостей науки и техники» и каких-то других лент. Все это причудливо смонтированное действительно производило комичное впечатление. Кроме того, нас снабдили олениной, соленой и свежей рыбой.

Рыбы было так много, что часть ее, несколько ящиков, выставили на корму для тех, кто захочет иметь свои собственные запасы. Соленый омуль развешивали по каютам вялиться. Старпом Евгений Лапшов, увидев это, сильно разгневался и чуть было не выкинул ящики с рыбой за борт. Конечно же, для истинного моряка чистота и порядок на судне — первое дело.

... И вот мы опять в море. Только сменились с вахты, бухнулись в койки с одним желанием — заснуть, забыться, хотя бы во сне забыть об эхолоте, не дающем ни минуты передышки. Но тут стук в дверь, она ударилась о косяк с громом ружейного выстрела. И тут же мы слышим твердое начальственное приказание боцмана:

— Подъем! Веху будем сбрасывать!

— Есть матросы, которые по штату должны этим заниматься,— пробовал возразить Скоблов.

— Давно ли ты стал разбираться, кому что на судне делать? Лебедка сломалась, вручную нужно из трюма поднимать якоря!

Пришлось вставать. Да и не имели мы права обижаться; если б

не крайняя необходимость, боцман и не подумал бы просить помощи у членов экспедиции.

Двое матросов спустились в трюм. Якоря, бетонные конусы килограммов по полтораста, были завалены досками, бухтами тросов, ящиками с корабельным имуществом. Вдвоем ворочать все это им оказалось не под силу. Спустились и мы с Тарасевичем.

Канат закрепили за гак, скобу якоря. Конец подали наверх, на палубу. Там его перекинули через блок.

— Вира! — рявкнул, запрокинув голову, Тарасевич.— Вира помалу!

Слова эти он произнес с видимым наслаждением. Должно быть, чувствовал себя в эту минуту насквозь просоленным моряком.

За конец взялись Филин и Необученков. Тянули, пока бетонная чушка не уперлась в нижнюю кромку люка.

— Майна! Майна помалу! — опять заорал Тарасевич.

Они «смайнали», но удержать конец не смогли. Якорь ухнул о палубу трюма, как бомба. Никого, слава богу, не задело: успели отскочить, вжались в переборки трюма. Но Филин в кровь ободрал о канат руки. Сергея заменили.

В конце концов якорь наверх подняли. Теперь оставалось привязать к нему длинную, выкрашенную в красное жердь, веху, и выбросить за борт. Здесь уж боцману наша помощь не требовалась.

— Давай! — крикнул ему с мостика штурман. Боцман огромным ножом обрезал шкертик, которым привязал якорь к крюку лебедки. Веха встала, как свечка,— прямо и неподвижно. Если же не рассчитать длину троса, привязывая к якорю веху, она или будет ходить кругами, или скроется под водой.

Вся эта работа заняла немного времени. Но спать расхотелось. Лежали молча.

Первым не выдержал Леша Лабаскин:

— Желаю музыки!

Вскочил, повернул рычажок репродуктора, но, кроме хрипения и треска, мы ничего не услышали. В Тикси удавалось поймать Москву, австралийские станции, американские; надеялись, что с выходом в море репертуар будет богаче, но радист не очень-то баловал музыкой.

— Капитан не велит,— отвечал он на все просьбы.

Капитан, конечно, был прав. Кубрик — то же общежитие: одному грустно, он вспоминает о доме, другому хочется спать, третий читает... Так что чем меньше причин для недоразумений, ссор, тем лучше.

Петя Томсон сел писать очередное письмо жене. Надеется отправить его с оказией, со встречным судном. Тарасевич открепил прикнопленный к переборке самодельный календарь, чертит новый, большой. А мне что же делать? Хорошо Филину, не надо думать, куда девать время, работает за двоих: за техника-гидрографа и за матроса, по шестнадцати часов в сутки.

Тут вошел Чудаков, начальник отряда.

 — Сейчас будем брать пробу грунта. Ты мне поможешь.

Дело это нехитрое. Бросили грунтовую трубку, лебедкой вытащили на палубу, отвернули наконечник — и вот он, донный грунт, тот, что исправно отражает ультразвуковые волны наших эхолотов.

На камбузе после чая осталось немного кипятку. Помылся. Нашел боцмана, поменял сапоги — давно собирался это сделать. С полчаса почитал. За этим занятием меня застала Роза Пименовна, повар. Вежливо попросила покрутить мясорубку. Крутил, пока не наготовили фарша на всю гвардию. Взглянул на часы — до вахты двадцать минут.

... Когда сменялся с вахты, проходили мимо острова, на скалах которого гомонил птичий базар. Но смотреть не хотелось — устал. Лег, но никак не мог отогнать однообразных, монотонных мыслей, картин. Перед глазами нескончаемо, медленно ползла эхограмма. Лежал и думал о том, что через восемь часов опять подниматься в рубку. И завтра будет то же, и послезавтра, каждый день, без выходных...

Но старые моряки возмущаются: избаловались, давай им отгулы за сверхурочную работу, каждый год отпуска... Мы-де в свое время не видели и десятой доли того, что нынешним представляется само собой разумеющимся...

Их можно понять. Старый «марсофлотец», моряк-парусник Дмитрий Афанасьевич Лухманов рассказывает, какие были порядки у хозяев судоходных компаний. Сменившись с «собаки», самой тяжелой вахты, от полуночи до четырех утра, матрос спал до половины восьмого. После побудки, завтрака заступал на вахту. Если не стоял на руле или вперёдсмотрящим, заставляли чинить такелаж, что-нибудь скоблить, красить. С полудня до шестнадцати часов распоряжался сам своим временем. Затем до восемнадцати стоял полувахту и в двадцать заступал на «детскую» вахту, более или менее спокойную, неутомительную: спать пока не хочется, большая часть судовых работ сделана за день. После полуночи — сон до четырех без четверти. С последним ударом восьмой склянки — снова на палубу: приготовление к утренней уборке, работа на камбузе, мытье палубы, чистка меди. С восьми до половины двенадцатого — сон, потом — вахта, отдых, полувахта, сон до полуночи, и все сначала.

Удивительно ли, что, дорвавшись до берега, моряки старались погулять как следует, взять свое за долгие месяцы. А сколько матросов срывалось в шторм с реи, погибали от цинги, тропических болезней!

Так было когда-то. Сегодня на судне спортзалы, плавательные бассейны, библиотеки, читальни... Но все же море есть море.

... Вначале было приятно: покачивало плавно, равномерно, будто лежал не в кубрике, на койке, а в колыбели. Но повернули — и бортовая качка (врачи утверждают, что бортовая переносится легче) сменилась килевой. Тошнота все усиливалась.

Надо встать, пока не поздно. Полежишь еще десять — пятнадцать минут — и не найдешь сил подняться. Это — недуг, болезнь. Но вахты сменяются своим чередом, лишних людей на судне нет, замены не предусмотрены.

В таких случаях нужно как можно больше, через силу есть. И терпеть. Ни в коем случае не поддаваться слабости...

На мостике качка была еще сильнее. Старпом Лапшов обеими руками держался за поручень. Рулевой Филин лежал на штурвале, раскинув руки, ворочал его всем телом.

— На румбе?— спросил Лапшов.

Филин обернулся. Лицо его было, как снятое молоко, прозрачное, голубое.

— Восемьдесят три,— сказал он прерывисто, с дрожью в голосе. И вдруг поспешно сдернул шапку и ткнулся в нее лицом. С минуту плечи его судорожно вздрагивали. Наконец, выпрямившись, вздохнул. Выбрав момент, когда палуба выровнялась, прыгнул в сторону, толкнул дверь — и шапка полетела за борт, в мутную, серую, пенистую круговерть воздуха и воды.

...Все бы ничего — вытерпеть, вынести это можно. Но ведь не знаешь, как долго терпеть, когда это кончится: сегодня, завтра, через неделю...

Позднее, когда навигация подходила к концу, когда «Фарватер» забирал с островов зимовщиков, я видел, как плакал в кают-компании здоровенный детина баскетбольного роста. А было всего шесть баллов волнения.

Спустившись в салон, рассказал Тарасевичу про Филина, предложил:

— Может, заменить его?

Тарасевич махнул рукой:

— Ничего. Адмирал Нельсон тоже травил. В перчатки. Вестовой держал для него целый ящик перчаток. А Серега — боец испытанный, выдержит.

5

Утром начальник отряда объявил, что я вместе с инженерами Лабаскиным и Томсоном, техниками Скобловым и Тарасевичем буду работать на «Седове». Ледокол идет из Певека, при встрече нас возьмет. А пока можно на законных основаниях день-другой отдыхать. Но, подумав, начальник прибавил:

— По одной вахте в сутки, пожалуй, и вы можете отстоять, не переломитесь. Кроме того, возьмете на себя метеорологические наблюдения.

Володя Максимков, старший инженер-гидролог, недолго преподавал мне метеорологию: барометр, психрометр, анемометр — приборы несложные, освоить их нетрудно. Он старательно, с аккуратностью, присущей людям, имеющим отношение к картографии, вычертил таблицы видимости, волнения, характеристик и классификации облаков, снабдил их пометками, облегчающими работу,— и был таков. Знающий специалист, он не любил, не умел учить. С готовностью отвечал на вопросы, а если таковых не было, помалкивал.

В конце каждой вахты я выходил на крыло мостика. Прикинув на глаз видимость, степень волнения, определив по гирокомпасу направление ветра, записывал все данные на клочке бумаги; потом с психрометром, анемометром поднимался на верхний

мостик, на крышу рубки. Записав температуру, скорость ветра, присаживался на корточки, закуривал и смотрел на небо и воду, на Арктику, ее чудеса.

Вдруг по борту вырастали горы, мрачные, дымно-фиолетовые. Но штурман держал прямо на них, и они расступались, таяли. А через милю-другую вдруг становилось ясно, тепло, солнечно — оазис посреди моря. Вода, разлинованная солнцем, струями течений, вспыхивала лакированными бликами.

«Стоп машина!» — звякнул телеграф. Остановились, чтобы сделать сличение. Сличение — это контроль работы эхолотов механическим лотом, приспособлением простым и древним. Лот — железная гиря, подвешенная на перлине, разбитом так называемыми марками на метры,— когда-то служил морякам и локатором. В отверстие металлического груза вмазывали сало, и лот поднимал образец донного грунта. Этого опытному шкиперу было достаточно, чтобы определить свое местонахождение в туманную, ненастную погоду. И теперь моряки не обходятся без лота, как и без магнитного компаса, хотя ходить по гирокомпасу значительно легче. Современный пароход начинен новейшим электрорадионавигационным оборудованием; но техника, даже самая совершенная, может выйти из строя, а механический лот и магнитный компас безотказны.

Начали опускать лот. Юра Медведь, перегнувшись через планшир, следил, как он исчезает в зеленой глубине. Лишь только тросик провис, выбрал слабину. Трос натянулся и показал такую же глубину, что и эхолот.

И опять от форштевня потянулись пенистые пузырящиеся усы.

— «Ноль!» — крикнул техник.

Значит, поворот, судно легло на другой галс.

Этот возглас — «Ноль!» — слышится часто. Судно идет короткими галсами, меняет курс через равные промежутки времени.

На мостик поднялся Сергей Филин, отдохнувший, выспавшийся, веселый. Спросил штурмана, сколько миль прошли с начала работ, прикинул в уме, какой это процент по отношению к плановым тысячам, сказал: «Маловато» — взял бинокль, посмотрел на горизонт... Прошел на крыло мостика.

— Нерпа, ребята! — крикнул он чуть погодя.

Ну и что? Их тут много. Глупые — подплывают к самому борту. Хотя чего им бояться? Летом на нерпу не охотятся: линяет, ворс слабый. А к тому же не нагулявшая жира нерпа мгновенно тонет, когда ее подстрелят, охотник не успевает вытащить ее из воды.

6

Отшвартовались лихо, без запинки. Швартовку Соломеин выполнил элегантно, эффектно.

— В машине! От реверсов не отходить! — крикнул он в переговорную трубу. И вслед за этим — три звонка машинного телеграфа: «стоп», «полный назад» и «стоп». «Фарватер» плавно привалился к черному округлому боку ледокола «Георгий Седов».

Встретились в открытом море утром. За полчаса перегрузили с борта на борт необходимое имущество, и сразу последовали команды:

— Отдать кормовой!

— Кормовой чист.

— Отдать носовой!

Медленно росла, расширялась полоска кипящей воды между бортами. На железную палубу ледокола шлепнулась брошенная с «Фарватера» огромная вяленая рыбина. Перегнувшись через поручни верхней палубы, улыбаясь, ребята что-то кричали, махали руками — прощались. Они уходили в Хатангский залив на лоцмейстерские работы: ставить знаки навигационного ограждения, зажигать маяки, а мы — я, Тарасевич, Скоблов, Томсон, Лабаскин — на север, продолжать начатый «Фарватером» промер.

— А что ты думаешь! — горячился Одинев, второй штурман «Седова». — Вся эта мистика должна иметь объяснения, реальную основу! Я это несколько раз испытывал, уверен, что это так!

Он развивал свою теорию появления «летучих голландцев», кораблей-призраков, покинутых людьми: если долго смотреть на кильватерную струю, эту мощную борьбу струй, водяную феерию, а потом, оторвавшись, взглянуть вниз, покажется, что палуба уходит из-под ног, что судно кренится: кто-то первый с криком «спасайся!» прыгает за борт, остальные, поддавшись панике, следуют за ним.

— ... Или вот тебе еще одно такое «чудо». Захожу к капитану. Сидит за столом, читает книгу. Не взглянув на меня, спрашивает: «Штурман, почему ушли влево на пять градусов?» Я опешил. Чтобы это так уверенно утверждать, нужно по меньшей мере иметь перед глазами репитер гирокомпаса. «Виноват, — говорю, — сию минуту проверю». Бегом возвращаюсь на мостик, гляжу через плечо рулевого на компас. Точно! Рулит в сторону от заданного курса.

Опять иду к капитану. Спрашиваю: «Извините великодушно, но все-таки как вы это определили, каким таким шестым чувством?» «Поживи с мое», — говорит.

— И что ты думаешь? Оказывается, в тот день была солнечная погода, и он, уткнувшись в книгу, обратил внимание, что солнечный зайчик, падавший на пол, чуть переместился. Вот и вся фантастика!

Или другой случай. Вызывает кэп вахтенного штурмана, а сам только что помылся, вышел из ванной. Спрашивает: «Экватор пересекли?» «Никак нет, — отвечает штурман. — Нет еще». — «Уверены? Недоволен вами: невнимательны на вахте».

Штурман, понятное дело, от удивления рот разинул: как узнал? Только что вышел из ванной, там у него мыло и мочалка, никаких инструментов. Да что там инструменты! «Вода в воронке по часовой стрелке закручивается, а не наоборот. Стало быть, в южное полушарие вошли», — объяснил капитан.

Сергею Одиневу 24 года. Его уважают на судне. За несколько дней до нашей встречи в Восточно-Сибирском море Сергей,

засекая секстаном утес одного из островов, указанный в лоции, на несколько десятых градуса уточнил его координаты. Потом определялись всем штурманским составом и убедились, что «второй» прав, точен в расчетах.

Он этим гордится. И не без основания: географы утверждают, что неоткрытых земель не осталось; ну а насчет уточнения координат — и сам Джеймс Кук считал это немаловажным делом.

... То он говорит солидно, невозмутимо, как и подобает командиру, человеку, чье положение требует от него во всякую минуту быть хладнокровным, сдержанным, полностью контролировать свои эмоции; то вдруг прорываются мальчишеские нотки радости, восхищения — чувства, с которыми не совладать, которых скрыть невозможно.

Недавно ему пришел вызов из Балтийского пароходства — приглашают работать штурманом. Он долго колебался.

— И как решил? — спрашиваю его.

— Никуда отсюда не уйду. Конечно, холодно, солнышка маловато. Конечно, самая нервная работа — у ледокольщика. Но это ж какой ледокол! Портовый, не линейный, предназначен ломать лед толщиной до шестидесяти сантиметров. Но мы и в метр ломаем! Пускаем в ход креновую систему — из одного танка в другой, с борта на борт вода перекачивается за три минуты. Раскачиваемся — и будьте здоровы! Хрустнуло, треснуло, развалилось! Хороший пароход, со славной историей.

Слушать его — одно удовольствие. До встречи с Одиневым я считал, что о первом «Седове», ледокольном пароходе, совершившем легендарный двадцатисемимесячный дрейф, знаю многое: читал воспоминания капитана Бадигина, Папанина, в то время начальника Главсевморпути. Но выяснилось: знаю далеко не все. «Седов» участвовал в экспедиции по спасению экипажа дирижабля «Италия». Профессор Владимир Юльевич Визе, открывший за столом своего кабинета названный его именем остров в Карском море, впервые увидел его берега с палубы «Георгия Седова». Многое еще рассказал Одинев.

В каюте «второго» тесно. Она размером пять шагов на три. К тому же хозяин не отличается примерной аккуратностью в быту: на койку брошены старая, выцветшая телогрейка, огромные кирзовые сапоги прислонились голенищами к дивану. И книги, книги, книги... О моряках, для моряков, написанные моряками...

Я заметил тома, посвященные эпопее челюскинцев, легендарному дрейфу «Седова». Два с лишним года ледокольный пароход «Георгий Седов», вмерзший в лед, потерявший управление, иногда по нескольку раз в сутки испытывавший ледовые сжатия, медленно двигался по пути, по которому некогда прошел «Фрам» Фритьофа Нансена, а в последние месяцы дрейфа — значительно севернее. Все это время моряки «Седова» работали, проводили исследования глубоководных областей Полярного бассейна; меньше всего они думали об опасности, потому что на помощь им была брошена полярная авиация, самые мощные ледоколы пробивались на выручку.

... В репродукторе щелкнуло, захрипело; «второй» вытянул шею, прислушиваясь.

— Судовое время перевести на час назад! — скомандовал капитан.

— Красота! — обрадовался «второй». — Лишних шестьдесят минут свободного времени! Наконец-то и мне повезло! Однажды шли из Певека в Архангельск, так шесть раз стрелку передвигали на час назад и четырежды на моей вахте!

7

«Заберем через две недели», — уверенно обещали седовцы перед тем, как высадить на берег. Но Казиев, начальник полярной станции, который вышел встречать катер, этой уверенности не разделял.

— Может, и зазимовать придется. Кто знает, какая назавтра сложится обстановка, — сказал он мне и Анатолию Болдыреву, студенту Ленинградского гидрометеорологического института, когда мы стали извиняться за те хлопоты, которые доставим во время нашего двухнедельного пребывания на станции.

Должно быть, при этих словах Казиева наши физиономии сильно вытянулись, потому что он, усмехнувшись, добавил:

— Но будем надеяться на лучшее.

Он громаден, могуч. Впечатление мощи, прямо-таки монументальности усиливает буйная борода, которой начальник зарос до самых глаз. По осыпающейся, разъезжающейся под ногами гальке косы он шагает, как по асфальту, ровно, широко. Поспеваем мы за ним вприпрыжку.

Длинная черная коса — склад под открытым небом: штабеля пустых металлических бочек из-под горючего, штабеля досок, нераспакованные ящики. Несколько дней назад от берега отчалила «Индигирка», судно, снабжающее полярников.

Дома станции на возвышенности. Там, где она круто обрывается в море, стоит избушка. Она без окон и дверей, один угол висит в воздухе.

— Самое старое строение на «полярке», почти сорок лет, как построена, — басит Алек (такое у него, азербайджанца, имя). — Раньше стояла метрах в ста от берега. Но остров тает, за год береговая черта отступает примерно на два метра: ископаемый лед.

И он неожиданно, как бы для подтверждения своих слов, вбивает в эту землю каблук своего огромного резинового сапога.

По деревянным, белым от времени мосткам идем к большому беленому дому. Слева, над спуском к косе, над лагуной, которую она образует, новая «механка» (электростанция и мастерские) и «рубка» (постройка для радистов и метеорологов). Рядом с самым большим белым домом, «каютой», кают-компанией — «канцелярия» и «аэрология». На отшибе — длинный сарай, склад.

Из-под ног, из-под настила, порскают лемминги — те же полевые мыши, но крупнее и надежнее одетые. Значит, зимой будет много песцов.

У крыльца Алек заставляет вымыть в бочке с водой сапоги, вводит в «каюту».

— Ты,— говорит он Болдыреву,— будешь жить с Журбицким, актинометристом, а ты (это мне) — с Саней Загнеевым, поваром.

Саня спит. Одутловатое лицо во сне строго, сосредоточенно. Рыжая шевелюра раскидана по подушке, мерно вздымается под полушубком поварской живот.

... Он встает в половине шестого. В этот утренний час он хмур и неразговорчив. Ширкает шваброй по линолеуму и вздыхает. Но потом, постепенно, растопив плиту, поставив на огонь два ведерных чайника, приходит в себя. Тут уже мой черед вздыхать, потому что, пока он не поговорит со мной, он меня не отпустит, хотя бы приспело время идти на вахту. А рассказывать он может о многом. Потому что всюду бывал, видел немало.

Долгое время плавал коком в Атлантике на рыболовном траулере, может из рыбы приготовить десятка два блюд; а здесь, на Котельном, только оленина, разве моряки подарят бочонок соленого омуля.

— Километрах в сорока есть лежбище моржей,— рассказал кок.— Так я видел, как медведь подошел к одному, самому

здоровому, тяпнул по загривку, взял его под мышку — центнера два, не меньше, весом! — и в торосы! Как человек, на двух ногах! Так как же он со мной расправится, если я ему попадусь? Нет, надо сматываться отсюда!

Говорит он об этом часто, однако живет за Полярным кругом шестой год и из очередного отпуска опять возвращается сюда.

После завтрака, когда все расходятся на работу, у Сани небольшой, получасовой перерыв. Он его проводит на койке. Потом, до тех самых пор, когда не начнется кино, до одиннадцати вечера, у него не будет и минуты передышки.

И все так работают. То, что в обычных условиях, на Большой земле, считается мелочью, что просто и легко выполнить, здесь почти всегда — проблема. Не оказалось у механика Леонтьевича запчастей для вездехода, не завезла «Индигирка» — и он от темна до темна хлопочет у машины, ругается, а возвращается весь в машинном масле. Или вот надумали перевести электроснабжение станции с переменного тока на постоянный: дизель-генератор расходует слишком много горючего, нужно избавиться от всевозможных выпрямителей, преобразователей. Но на станции нет электрика. И начинаются затяжные дебаты. Доходит до дела — яркая вспышка под потолком, и станция во мраке. И Казиев, освещая себе дорогу сильным фонарем, носится по станции, топочет сапожищами по мосткам и орет: «Душу выну! Через час зонд запускать, а энергии нет!»

... Аэролог Володя Большаков по прозвищу Малыш запускает зонд трижды в сутки: в девять утра, в девять вечера и в два часа ночи. Подготовка к запуску начинается за полсуток: оболочка мокнет в бензине, сушится в специальной камере. У Малыша свои особые методы. Он обошел в своем деле всех аэрологов Тиксинского гидрометцентра, которому подчинены более десятка станций: его зонды, поднимаются на высоту до тридцати трех километров.

За час до запуска он приходит в ангар — просторное, с высокими потолками помещение. Он выполняет обязанности не только аэролога, но и ушедшего в отпуск газогенераторщика. В пустой газовый баллон он засыпает железо, алюминий в порошке и заливает воду. Пока баллон заполняется водородом, Малыш руками разминает еще раз оболочку зонда, растягивает ее, расправляет.

Наступает ответственный момент. Открыт вентиль, водород бьет с шипением, свистом, и бесформенный ком оболочки на полу ангара вздрагивает, шевелится, набухает, растет. Когда пузырь зонда, оторвавшись от пола, повисает под крышей, пока еще чахлый, подернутый рябью от пробегающих струй водорода, Малыш начинает подавать газ порциями, короткими движениями руки. Зонд должен быть упругим и скользким, как сваренное вкрутую яйцо. Но и переусердствовать нельзя, иначе он высоко не поднимется, лопнет. Тут аэролог полагается на опыт, интуицию.

Потом к оболочке крепится радиопередатчик размером с коробку из-под обуви, и зонд выводится «под уздцы» из ангара.
 Если ветер в сторону моря, задача Малыша упрощается: короткий

рывок — и зонд взмывает над обрывом, подброшенный плотной подушкой воздуха. Когда ветер с севера, в сторону острова — дело хуже. Зонд нужно догнать, уравнять свою скорость со скоростью ветра и тогда только можно отпустить короткий веревочный поводок.

Зонд пошел. В «аэрологии» следит за его полетом техник по радиолокации. Через равные промежутки времени он засекает его координаты, а радиосигналы, сообщающие температуру, влажность воздуха, давление на разной высоте, кодируются специальной аппаратурой. Малыш потом будет их расшифровывать, обрабатывать, и радисты передадут данные в центр. Они, эти данные, нужны синоптикам, которые давно уже не ограничиваются составлением наземной карты погоды: по такой карте невозможно, например, предугадать зарождение циклона.

Запустив зонд, Малыш возвращается в ангар, чистит баллоны. Потом корпит над бумагами в «аэрологии». И так день за днем. Работы хватает...

... Зима наступила сразу, в одну ночь. Утром взглянул в окно и обмер: белым-бело, ни одного темного пятнышка. И как теперь будут нас с Болдыревым снимать!

Витя Раевский, радист-метеоролог, за завтраком посоветовал взять у Казиева карабин: футшток установлен в полукилометре от станции, в лагуне, ходить нам к нему нужно каждый час: восемь часов — моя вахта, восемь — Болдырева. Так что вероятность встречи с медведем (с наступлением холодов мишки выходят из сопок, спускаются вниз, на равнину) достаточно велика.

Говорят, в прошлом году один мишка ходил поблизости, по ночам ревел, пугал, наверное. С тех пор начальник станции требует всякий раз, как выходишь из помещения, брать с собой карабин. Но карабин тяжелый, с ним неудобно, и ребята распоряжением Казиева пренебрегают.

Днем себя чувствуешь в безопасности, знаешь, что рядом люди: крикнешь — услышат. Хотя, если он намерен с тобой разделаться, вряд ли успеешь и крикнуть: прыгает мишка с места на восемь — десять метров.

И все же ночью иное дело. Густая, чернильная темень, которую даже сильный фонарь пробивает от силы на два-три шага; под ветром, порывистым, злым, раскачиваешься. Холодно — и надвигаешь как можно ниже на лоб капюшон «климатички». Может, зверь — за спиной, крадется, кто его знает... Стоит об этом подумать — и обернешься. Темно, ничего не видно, не слышно. Откидываешь капюшон — слитный глухой рев ветра и волн, в котором как будто слышится чья-то угроза.

В лагуне все прибывает вода. Ветер дует со скоростью пятнадцать — двадцать метров в секунду. Плот на понтонах — пустых бочках из-под горючего — захлестывает волной, он ходуном ходит, в два счета сорвешься, но сначала попробуй доберись до него, не зачерпнув воды сапогами. Скорей бы утро!

Чуть только побледнеет юго-восток, легче становится. Еще два раза сходить — и все! А там — Толику в руки журнал, фонарь, на батарею брюки, портянки, сапоги и — спать!

Болдырев, за рыжую бороду прозванный Дедом, выйдя из

своей комнаты взъерошенный, всклокоченный со сна, первым делом спрашивает:

— Ну как?

— Сто восемьдесят.

Это значит, нагнало воды на сто восемьдесят сантиметров над уровнем моря. Значит, почти наверняка искупаешься. Можно бы сделать более надежные подходы к рейке, но теперь вроде смысла нет: вот-вот лагуну схватит льдом, за ночь у берега уже нарастает стеклянная корка.

С каждым днем все тревожнее на душе. Дуют сильнейшие западные, северо-западные ветры; дуют без перерывов, без пауз: велик и могуч океан и не дает об этом забыть.

Как подойдет к берегу катер в такую погоду? Соломеин, капитан «Фарватера», конечно, смел и решителен. Но на авантюру его не склонишь. Пройдет мимо и будет прав.

Ребятам понятно, что мы испытываем. Не упускают случая, чтобы обсудить вероятность того варианта, который для нас, как говорит Дед, «вострый нож». Им-то что? Им зимовать привычно, они готовились к этому. А нам с Толиком хочется на «Фарватер». Хочется снова увидеть его белый ромб и красные шары.

Но вот радиограмма: «Завтра второй половине дня будем снимать».

Воспрянули духом, воодушевились. Но через несколько часов пришла новая: «Получено распоряжение срочно промерить трассу. Ждите».

Не спится. Ревет, лупит с размаху в стену дома ветер. От «Беломора» во рту сухо и горько. Вдруг заскрипела дверь. Свет, падающий из каюты, нимбом венчает кудлатую голову Деда. Он осторожно, на цыпочках крадется к моей кровати.

— Завтра утром придет,— шепотом говорит он.— Вроде не врут на этот раз. С Новой Сибири ребят забрали, значит, работа кончена.

Еще не рассвело, когда мы с Толиком пошли посмотреть на «Фарватер». Он стоял у самого берега, лагом к волне, светился всеми огнями левого борта. Были уверены: нас заметят, скажут в рупор что-нибудь приятное, приветливое. Как же иначе? Не виделись три недели! Но на «Фарватере» никаких признаков жизни не наблюдалось. Спали, наверное, без задних ног!

Даже к восьми, к чаю, они не проснулись. Они отдыхали, отдыхали, закончив труды. А мы зябли на ледяном ветру на косе, курили в рукав, тузили друг друга, чтобы согреться.

Потом догадались залезть в кабину трактора, оставленного на зиму на косе. Там тоже зуб на зуб не попадал, железо от мороза заиндевело, но по крайней мере не прохватывало ветром. Вдруг Толик, изогнувшись, придавив меня всеми своими восемьюдесятью килограммами, сильно ударил каблуком сапога в дверцу кабины, выскочил. И тут я увидел: от судна идет катер. Он идет ко входу в лагуну.

— Эй, курортники!— издалека кричит Гена, моторист.— Куда подать прикажете?

Дед показывает, отчаянно жестикулируя.

 — Эй!—ревут в несколько глоток от «механки», с горы и

размахивают руками — прощаются.

— Давай-ка по-быстрому,— озабоченно говорит Гена, принимая рюкзаки.— Войти-то вошли, а вот как выходить будем — задача...

В лагуне — забереги рыхлого, напитанного водой льда. Капитан-наставник, сидящий на руле, направляет катер подальше от берега, на чистую воду. Встретив на пути оторвавшуюся, в несколько квадратных метров, пластину льда, он резко отворачивает.

Там, где кончается коса, где выход из лагуны, волны гладкие, округлые, подернутые ледяным салом. Будто срезанные по основанию, они бесшумно раскатываются, расстилаются на отмели.

Рулевой направляет катер к выходу из лагуны. Все ближе и больше водяные валы. Спокойный, безопасный участок отмели пройден. Теперь нужно вывернуть в лоб волне. Рулевой пытается круто положить руль на борт. Но маневр не удается.

— Не ставь бортом, выворачивай! — кричит моторист.

Запомнился громадный вал, сверкающий, с каплями воды, выжатыми из пор рыхлого льда. Нас бросило в поднебесье. Перехватило дыхание, почувствовал: что-то вот-вот лопнет внутри, до крайности напряженное. Катер черпнул бортом, но все-таки его вытолкнуло наверх, на гладкую спину волны.

Рулевой сделал все, чтобы выровнять катер. Медленно, сантиметр за сантиметром, мы ползли к плотному ледяному полю, к спокойной воде. Но тут заглох движок.

— Канистру! — рявкнул Гена.

Трясущимися от волнения руками Толик долго выдергивал ее из-под банки катера. Тем временем еще раз вознесло и развернуло катер бортом. Теперь все зависело от того, как быстро Дед отвинтит крышку канистры. Он не сплоховал. Как только сунул горлышко канистры в раструб движка, опять затарахтело, и мы, прежде чем накатилась волна, успели немного принять к ветру. А чуть погодя облегченно вздохнули: вышли за полосу прибоя.

Доползли до «Фарватера». Нас, как больных, на руках втащили на борт. Когда мы, оттаяв, придя в себя, пустились в воспоминания об опасности, которую пережили, нам рассказали, что на Новой Сибири было почище.

На этой станции на футштоке работали Константин Востокин и Евгений Салюков, студенты Ленинградского гидрометеорологического института. За ними пришли ночью. Уверившись, что ветер не утихает, напротив, усиливается, решили не дожидаться рассвета. Спустили на воду рабочий, спасательный катера и ледянку. Добрались до берега благополучно. Ледянку загрузили имуществом водопоста, подали с нее конец на рабочий катер.

Чуть отошли от берега, поняли, что перегрузили лодку. Ее захлестывало волной, медленно, но верно она тонула.

Старпом Лапшов приказал рубить конец: лодка тянула за собой катер. Обрубили, но неудачно: конец намотался на винт, и катер начал терять ход.

Старший механик Константин Лукашевич посоветовал идти задним ходом, скорость при этом несколько увеличилась. Катер

зарывался в волну, воду не успевали вычерпывать, так что движок вот-вот мог заглохнуть. Рукоять газа уже скрылась под водой. И тут в довершение ко всему Востокин случайно задел рукоять газа. Движок взревел, и катер, как подводная лодка, рванулся в глубину. В последний момент Лукашевичу удалось нащупать и дернуть вверх рукоять газа...

Теперь, когда все мы собрались в салоне «Фарватера» и перебирали разнообразные происшествия, свидетелями которых были, Востокин без конца повторял:

— Надо же! В первый раз в плавании — и сразу попал в такую переделку!

— У тебя, Костя, все еще впереди,— говорил Сергей Филин.— Не утонул в Арктике — утонешь в Атлантике или еще где-нибудь.

— Точно! На следующую практику в Атлантику попрошусь! — сказал Востокин.— Потом на Тихий. А распределиться хочу на Север: понравилась Арктика.

— Ну я-то на этот счет спокоен,— сказал Филин.— Приеду домой, сдам кое-какие государственные экзамены — и назад, в Тикси.

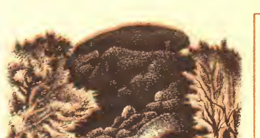
— Домой...— подхватил мечтательно Евгений Туманов.— Пойду я сейчас, ребята, спать — до Тикси не трожьте, заслужил, буду смотреть приятные сны.

Но чуть погодя по судну объявили:

— Внимание! Экипажу и экспедиции выйти на палубу на околку льда!

И еще раз:

— Всем выйти на палубу!



Три километра тишины

Виталий Танасийчук

Так часто бывает в жизни — если чувствуешь, что существует дорога — что-то такое, что можно пройти,— то надо идти, даже если никто не делал этого раньше.

Колетт Ришар

1

Август, три часа ночи, горный массив Тре-Ла-Тет недалеко от Монблана. В горной хижине альпинисты готовятся к выходу. Гиды-проводники дают последние указания своим подопечным. Позвякивают карабины и крючья, кто-то, тихо бранясь, разыскивает свой ледоруб, а за длинным дощатым столом несколько человек торопливо допивают кофе. Снаружи луна светит так ярко, что звезды почти не видны, а громады гор высятся серебристыми привидениями. Вспыхивают огоньки карманных фонариков, группы людей уходят к леднику Тре-Ла-Тет, к нависшим над ним крутым перевалам, к вершинам Тондю, Мон-Жоли, Эквиль де Глясьер. Огоньки расходятся, удаляются друг от друга — у каждой группы свой маршрут, своя цель и своя мечта.

Ничем не выделялись среди остальных трое альпинистов, шедших к перевалу Инфраншисэбль. Впереди — рослый Луи Пирали, опытный горный проводник, начальник спасательной службы этого района. За ним, шаг в шаг, придерживаясь за ремешок его рюкзака, идет хрупкая темноволосая девушка — Колетт Ришар. Замыкает тройку Мейне, аббат-альпинист. Они шагают ровно и неторопливо, как и подобает опытным восходителям. Тропа ведет вверх, перескакивая через ручейки, петляя между скользкими камнями морены. Колетт, споткнувшись, падает; ей помогают подняться — и кто-то из другой группы предлагает ей фонарик. «Спасибо,— отвечает девушка,— я доберусь и так».

Заходит луна, на небе загораются огромные колючие звезды, и наконец перед путниками возникает ледник, похожий на огромное древнее чудовище, прижавшееся к земле. Сперва он грязен и густо покрыт мелкими и крупными камнями, потом лед светлеет, становится бело-голубым. Дальше надо идти зигзагами, вырубая ступени; Пирали достает веревку и обвязывает спутников. Небо

на востоке стало розовым, вокруг посветлело, вот-вот взойдет солнце. Это очень вовремя, потому что стали попадаться трещины — теперь они хорошо видны, и перескочить их — не проблема. Затем начинаются монотонные снежные поля, их сменяют скалы.

Колетт, которую страхует сверху Пирали, лепится к камню как ящерица. Но вот наконец перевал и великолепная смотровая точка — позади горы Франции, а впереди — вершины Итальянских Альп. Пирали называет их, описывает их очертания в мельчайших деталях, рассказывает о людях, которые спускались с этих вершин, и о тех, кто не вернулся. Его рассказ до странного подробен, он говорит о том, что ясно и без объяснений,— об игре солнечных лучей на скалах, о ветре, который сметает с вершин косые флаги снега, о голубых и розовых тенях на снегу.

Мейне щелкает фотоаппаратом, а Колетт в темных противосолнечных очках сидит на брошенной в снег пуховой куртке, вдыхает воздух, пахнущий морозом и ветром, и слушает. Глаза ее за стеклами очков неподвижны. Она не видит ни неба, ни облаков, ни гор, и фонарик ночью ей был ни к чему. Она слепа, и именно поэтому Пирали так подробно рассказывает обо всем, что их окружает. Сейчас Колетт видит горы его глазами.

Слепая альпинистка — возможно ли это? Как может любить горы человек, никогда их не видавший? И как может Колетт ходить по горным тропам, где каждый неосторожный шаг может оказаться последним? А ведь она бывала в горах не раз и не два, ее встречали на тропах, ведущих к вершинам Тондю, Монблан дю Пакуль, Шьен Руж, на леднике Аржантьер. Держась за ремешок рюкзака своего проводника, чувствуя его малейшее движение, она шагала так легко и непринужденно, что встречные альпинисты не замечали ее слепоты (и как же она гордилась этим!). Конечно, Колетт Ришар не стремилась к рекордам — они ей были не нужны. Но она научилась проходить скальные стенки, как ни трудно было искать захваты, не видя их. Она умела спускаться дюльфером, когда, оттолкнувшись от стены, скользишь в пустоту, в ничто. И оттого, что эта пустота не видна, она не становится менее страшной, ведь у слепых так сильно развито чувство пространства, они буквально ощущают его.

— Так все-таки для чего ты ходишь в горы, Колетт?

— Если любишь кого-то, не обязательно видеть его или слышать — достаточно его присутствия. Чтобы любить горы, не обязательно их видеть, они существуют, и этого довольно. Пейзаж, который я себе представляю, может быть не похож на подлинный, он может быть беднее или прекраснее действительности, но какое это может иметь значение? Ведь для меня-то он настоящий!

...Зрение — это одно из чувств, но ведь есть еще и другие, есть все то, что мы чувствуем и угадываем, что слышим, к чему можно прикоснуться, что можно ощутить на вкус, почуять. На средних высотах — потоки, цветы, перезвон колокольчиков около стад, смородина и малина. А то, что мы чувствуем в высоких горах,— это самое редкое и ценное, потому что оно трудно достижимо. Ветер на вершинах, мерный шаг связки альпинистов по снегу, скрип врезающихся в фирн ледорубов, свист падающих

камней, лавины... Это острый и свежий воздух, которым дышишь и который бичует лицо, и мягкий, почти не передаваемый словами аромат снега, в котором есть что-то от запаха можжевельника, от зелени и цветов. И еще — чудесная атмосфера связки, ее братство и солидарность.

А на хороших спутников Колетт везло, лучшие альпийские проводники считали честью для себя помочь девушке, так беззаветно влюбленной в горы.

— А страх, Колетт?

— Если ты не чувствуешь страха, какую ценность имела бы тогда твоя отвага?

Может быть, Колетт была первой незрячей альпинисткой на Земле, но слепые мужчины совершали восхождение и до нее. Слепые французские скауты поднимались на вершины в Пиренеях. Друг и однофамилец Колетт, Артур Ришар, в 1959 году достиг вершины Монблана. А задолго до него, на заре европейского альпинизма, на Монблан поднялся англичанин Кемпбелл, чтобы доказать, «что и слепые могут совершать великие дела».

Колетт Ришар не думала о свершении великих дел. Она просто делала то, о чем мечтала с детства. Ее вело непреодолимое стремление почувствовать и понять то, что было ей недоступно с обычной человеческой точки зрения. И когда она познала горы, она захотела познать их недра.

> ... Я был изумлен, когда увидел, как ведет себя Колетт среди лабиринтов и осыпей пещер, карабкаясь по скалам и проползая среди них.
>
> *Норбер Кастере*

2

Когда же оно началось, это второе, не менее удивительное ее увлечение? В одиннадцать лет, когда она впервые прочитала одну из книг Кастере? Или потом, когда учитель вложил ей в руки тонкие, чуть шероховатые палочки сталактитов из школьной коллекции? Она проглатывала все книги о пещерах, какие только были напечатаны алфавитом Брайля. У слепых есть одно небольшое преимущество перед зрячими — им не надо света, чтобы читать. Они читают пальцами. И Колетт, лежа в постели, прятала книгу под одеялом и читала до поздней ночи. А когда стала взрослой, когда поднялась на вершины гор и поверила в себя, тогда она отважилась написать Кастере.

Великий спелеолог ответил. И не только ответил. Пораженный и восхищенный мечтой Колетт, он пригласил ее к себе, чтобы показать пещеры.

...Маленький запыленный автомобиль, преодолев холмистые равнины, остановился у ворот небольшой фермы в предгорьях Пиренеев, у края плато Ланмезан. Хозяин выходит встретить гостей, он очень уважает месье Норбера Кастере. Еще бы — тридцать лет назад месье Норбер, рискуя жизнью, сделал удивитель-

7-2069

ные находки в лежащей неподалеку пещере. Эта пещера на весь мир прославила их скромную деревушку Лябастид. Мадемуазель тоже спелеолог? Мой бог, но она слепа! Неужели она спустится под землю? Ведь она разобьется там, в кромешной тьме! Колетт что-то отвечает, успокаивает, шутит, но одна мысль, одно всеобъемлющее чувство владеет ею. Сейчас, через четверть часа, она узнает и ощутит, для нее ли пещеры, сможет ли она понять и почувствовать их?

И вот полуденную жару сменяет мягкая и влажная прохлада. Колетт спускается вслед за Кастере, держась за ремень его рюкзака. Под ногами хрустят камни осыпи, которая ведет вниз и вниз, в глубокий провал. Колетт вспоминает Данте и его проводника Вергилия.

— Мы входим под арку,— говорит Кастере, и голос его звучит гулко, как в соборе. Впереди решетка и надпись на ней. Колетт читает, ощупывая: «Лябастид. Исторический памятник Франции». Очень хорошо, что пещера охраняется — но у Кастере нет ключей

 от решетки! И старый спелеолог, как мальчишка, протискивается

в узкую щель между стеной и решеткой; за ним проскальзывает Колетт. «Не забудь, что в свою первую пещеру ты проникла, как взломщик!»

И вот она — ее первая пещера. Тишина — только звон капель, шипение карбидной лампы и стук собственного сердца. Кастере подводит Колетт к стене и ведет ее рукой по тонким линиям, врезанным в скалу. Быстрые пальцы нащупывают силуэт. Лошадь?! Двадцать тысяч лет назад острым кремнем сделал этот рисунок неведомый художник. В следующем зале ждет Колетт знаменитый Рычащий Лев. Пасть его раскрыта, клыки оскалены, весь он — неукротимое бешенство, еще мгновение — и он прыгнет... По спине Колетт пробегает холодок. Как будто исчезли тысячелетия, и только-только ушел за поворот скалы человек, который высек в скале этот рисунок. Он встречался с огромным хищником лицом к лицу, боролся с ним и побеждал его. Он на память знал каждое движение этого мощного и гибкого тела, он помнил тяжелый взгляд его янтарных глаз. Не осталось и праха ни от охотника, ни от его великолепного врага, но восторг победы, восхищение грозным противником донеслись до наших дней. И маленькая слепая девушка, проводя пальцами по рисунку, как будто читает мысли человека, жившего бесконечно далеко — за многие сотни поколений от нас. А под рисунком льва на мягкой глине еще сохранились следы колен художника... И Колетт старается запомнить каждый штрих на скале, каждое мгновение этого дня.

В пещере Лябастид есть множество других рисунков, выгравированных или написанных краской,— это изображения лошадей, бизонов, северных оленей и даже двух людей-колдунов (может быть, это автопортреты?). Колетт может «увидеть» очень немногие из них — только гравировки, к которым можно прикасаться, но Кастере подробно рассказывает ей обо всем. Она пробует ногой пол, утоптанный первобытными людьми, совершавшими здесь ритуальные танцы. Она ощупывает сталактиты, не сухие и мертвые, как в музее, а живые, с капельками воды. Она прослеживает пальцами волнистые занавеси и витые колонны, постукивает по ним камешком и слышит гул, уходящий под своды. Ее мечта исполнилась: она в пещере — и этот новый мир не враждебен, а понятен ей. И она бесконечно благодарна своему удивительному проводнику.

В следующий раз Колетт спускается в Лябастид другим путем — и новым для нее способом. Она так много читала о свисающих в пустоту легких и тонких тросовых лесенках — и вот в страховочном поясе и каске, которую когда-то носила покойная Элизабет Кастере, она спускается по узким — чуть шире ладони — ступенькам. Конечно, первый спуск проходит не совсем удачно. Минут десять Колетт, зацепившись ногой, дергается, как муха в паутине, высокомерно отказываясь от помощи, и все-таки освобождается сама, спускается на дно — и в первый раз в жизни гладит спящую летучую мышь — холодную и пушистую.

Потом была пещера Риусек, с залами, высокими, как собор, и удивительным эхом. В ней Колетт пришлось преодолеть нелегкий скальный подъем, и порой ей казалось, что она в горах — так

привычно было то, что делали ее руки. Позднее Кастере признается друзьям: «Она сказала, что это легче, чем горы, а я-то думал, что выбрал ей трудную пещеру!»

Приятной прогулкой была поездка по пещере Лабуиш — три километра тишины по подземной реке в маленькой лодке с Кастере и его друзьями. Эта вода не была похожа на горные потоки — она казалась неподвижной, и только по движению воздуха можно было понять, что лодка не стоит на месте, а плывет по течению. В пещере Листр Колетт вместе с дочерью Кастере Раймондой опустилась на глубину ста метров по тросовым лестницам, повисшим в пустоте, и, казалось, весь мир медленно вращался вокруг, а это всего лишь крутилась лестница. Сто метров отвеса — высота тридцатиэтажного дома, почти четыреста зыбких, уходящих из-под ноги ступенек. В тот раз она с Раймондой впервые совершила сквозное прохождение двух пещер — они вышли на поверхность, поднявшись в колодце пещеры Тиньягюс. Это было бы недурным достижением и для зрячего спелеолога. Но самой памятной оказалась не эта пещера.

У Колетт была мечта, давняя и настойчивая. Когда она рассказала о ней Кастере, старый исследователь был озадачен фантазией своей «пещерной дочки», как он называл Колетт, и пытался ее отговорить. Одно дело — ходить по пещерам вместе с опытными, знающими их людьми, и совсем другое — остаться на ночь одной в подземной глубине. Не всякий спелеолог настолько уверен в себе и своих нервах, чтобы отважиться на это. Но Колетт настояла на своем. И вот вместе с Кастере она входит в пещеру Гаргас, некогда бывшую святилищем первобытных людей

Первый зал, названный Медвежьим. Здесь на стене — удивительные и странные следы, отпечатки ладоней, на которых не хватает суставов или даже целых пальцев. До сих пор у самых примитивных племен на Земле сохранился обычай отрубать фаланги пальцев в знак траура.

На другой стене Колетт прикасается к прочерченным в скале рисункам голов быка и лошади. А дальше, у конца длинной, извилистой галереи,— оттиск узкой ладони, быть может женской. Он надежно защищен тонким слоем кальцита. Колетт вкладывает в него руку — пальцы заполняют отпечаток, он сделан как будто ее рукой, а между ладонями тридцать тысяч лет.

— Нет, идем дальше. Здесь слишком много тайн, воспоминаний, магии, и все наполнено такой интенсивной жизнью, таким множеством человеческих существований... Я еще вернусь сюда, здесь есть о чем размышлять, но ночевать тут я не хотела бы.

Они идут дальше, мимо знаменитого карильона — «Органа из Гаргас» — удивительных по звучанию каменных занавесей, на которых можно было выстукивать самые сложные мелодии, пока «Орган» не начал разрушаться от слишком сильных ударов. Дальше сложный подъем, лабиринт низких, ощетинившихся каменными зубьями ходов — и наконец маленькая ровная площадка под сводами такими низкими, что сидя касаешься головой камня. Раньше здесь бывал только один человек — Кастере.

Недолгий ужин и подготовка ночлега. Кусок парусины, на ней спальный мешок, в изголовье — связка веревок.

— Спокойной ночи, Колетт! Вернусь за тобой в шесть утра!

И еще несколько минут она слышит шорох шагов уходящего Кастере. Впереди девять часов одиночества.

Колетт снимает каску, кладет в нее записную книжку и стерженек для записей по системе Брайля. Пуховый мешок так тепл и уютен... Наверно, со времен мадленской культуры никто не спал в этой пещере. Тем более — в пижаме. Пахнет мокрой глиной — она никогда не замечала, как приятен этот запах. Тишина, бесконечная и глубокая, «минеральная тишина», как говорит Кастере. Но она полна скрытой жизни, и постепенно становится слышен далекий звон падающих капель, какой-то шорох, и даже, кажется, самое движение воздуха слышно здесь. Надо уснуть, но сон не приходит. Острый и резкий крик вдали, как будто детский плач. Что бы это могло быть? Может быть, просто слуховая галлюцинация? Минут десять тишины — и снова крик. Утром Кастере скажет ей, что это могла быть куница.

Колетт вспоминает рисунки Медвежьего зала и то странное, ни с чем не сравнимое ощущение, когда вкладывала ладонь в отпечаток руки девушки, жившей в доисторические времена. Колетт почему-то кажется, что это была ее ровесница. Она представляет себе лежащие между ними тридцать тысяч лет, тысячу человеческих поколений... Где-то седьмыми или восьмыми в ряду стоят напудренный кавалер со шпагой и дама в кринолине. Всего лишь двадцатыми — рыцари в латах и тяжелых шерстяных плащах с нашитыми знаками креста. Где-то за шестьдесят человек — галлы с длинными усами в домотканой одежде и сражавшиеся с ними легионеры Цезаря. И дальше, дальше, дальше бесконечная вереница людей, одетых в шкуры, и где-то в беспредельной дали — тоненькая девушка с копной темных волос, ее узкая и теплая ладонь. И тишина вокруг, только лица, лица...

Тишина. Ее так приятно нарушить звуком голоса — и Колетт читает стихи. Какая великолепная акустика в этой низкой и узкой норе! Как только пролезали сюда пещерные медведи — совсем недалеко Кастере показывал следы их когтей в глине.

А потом приходит сон.

Четвертый час утра. Колетт проснулась. Осталось только два часа одиночества. Надо успеть сделать записи в дневнике. Как быстро пролетела ночь! И вот уже вдали слышны шаги, а потом троекратный свист. Это Кастере: беспокоясь за Колетт, он пришел на полтора часа раньше. И снова марш по узкому лабиринту и через гулкие высокие залы. И Колетт снова вспоминает ту — главную — мысль, которая столько раз приходила к ней и в горах, и здесь — под землей. Она слепа, и с этим ничего не поделать. И все-таки она может пересиливать судьбу, открывать и познавать мир, верить в свое счастье и не сомневаться, что великие свершения возможны, даже если они превышают наши силы.

Еще сотня шагов — и вот наконец шум леса, первое дуновение ветра и солнечный луч на лице.

А книгу, которую Колетт напишет о своих странствиях в горах и под землей, она посвятит «всем тем, кто, устав от борьбы, мог бы однажды утратить волю к жизни».

Люди из Камберлендской впадины

Джон Феттерман

В глухих уголках Аппалачских гор еще можно найти потомков первых американских колонистов, которые пришли сюда два века назад. Гордые и независимые, эти люди и сегодня следуют старинным традициям и обычаям предков. Но ныне их жизнь многострадальна, как и земля, на которой они живут. Эти люди влачат жалкое существование, практически находятся на грани вымирания, и остальной Америке нет до них никакого дела.

Индустрия оставила в этих краях глубокие раны: обезображенные шахтами земли, лесные вырубки на склонах гор. Эрозия, загрязненные реки и хищнические вырубки превратили эту когда-то богатую и красивую землю в мрачный район, заселенный бедняками.

На протяжении многих лет я занимаюсь поисками этих людей, некоторых из них мне удалось разыскать и посетить их уединенные дома. Я пользовался их гостеприимством, мы вместе охотились и отдыхали. Я неоднократно писал о них и с большой грустью отмечал, что, несмотря на удивительную способность этих людей преодолевать жизненные невзгоды, их становится все меньше и меньше.

Иногда я поднимался на высокую отвесную скалу, расположенную у того места, где сходятся границы трех штатов — Кентукки, Виргиния и Теннесси, смотрел на узкую v-образную расщелину, называемую Камберлендской впадиной, и думал об этих людях. Камберлендская впадина была открыта переселенцами в середине XVIII столетия, но прошло еще четверть века, прежде чем началась полная драматических событий их миграция в Кентукки. Чтобы обозреть впадину, нужно подняться на место, которое здесь называют Пиннекле, и с высоты тысячи триста футов перед вами откроется узкая зеленая долина с рекой Повелл. Кажется, будто только вчера этим путем проследовали на запад около трехсот тысяч колонистов. А было это два века назад.

В один из прекрасных летних дней, когда по голубому небу плыли белоснежные облака, я с тремя спутниками — Джозефом Кулажем, директором национального исторического парка «Камберлендская впадина», и историками-краеведами Бернардом Гудменом и Бобом Мунком — стоял на возвышенной площадке.

— Интересно, что бы мы увидели, если бы находились здесь

два века назад? — размышлял я вслух.

Спокойный и рассудительный Гудмен великолепно чувствовал ход событий прошлого. Он сказал:

— Люди, которые здесь когда-то прошли, были неробкого десятка. Нужно иметь крепкие нервы, чтобы покинуть цивилизованный мир и прийти в эту далекую и неизведанную страну.

Позднее, у себя в кабинете, он зачитал мне цитату из сочинений Фредерика Джексона Торнера, известного в прошлом специалиста по заселению Америки. «Стою у Камберлендской впадины и наблюдаю, как передо мною одна картина сменяется другой: тяжело ступая по тропе, к соляным источникам прошествовал буйвол, за ним шагали индейцы, далее шли торговцы мехами, охотники, скотоводы и фермеры-переселенцы».

И сегодня на дорогах национального парка «Камберлендская впадина», как и в далеком прошлом, меняются картины: глухо урча, проезжают громадные дизельные грузовики, медленно катятся жилые автофургоны. Их пассажиры, вероятно, остановятся на ночлег там, где когда-то разбивал свой лагерь один из пионеров, Даниель Бун.

— Да,— говорил Гудмен,— уже почти ничего не осталось от той жизни, какой жили первые переселенцы.

Но их потомков еще можно найти. И мои ноющие от усталости ноги после утомительной охоты в горах за змеями вместе с 70-летним жителем гор Джоном Колдвеллом — красноречивое доказательство этому.

— Я встаю на рассвете,— говорил мне Колдвелл,— и все-таки не успеваю переделать все дела.

У Колдвелла есть дом на берегу уединенного и красивого ручья Лаурель Форк, участок земли. Вдвоем со своей 65-летней женой Лотти он выращивает табак, пшеницу, овощи. Колдвеллы — типичные представители трудолюбивого населения, живущего в горных районах штата Кентукки. Их предки и были пионерами.

В ясное и теплое весеннее утро, когда туманная пелена над ручьем рассеялась, мы с Колдвеллом перешли по бревну на другой берег ручья и направились в кузницу. Мне хотелось посмотреть, как мой знакомый будет работать. Кузницу он оборудовал в пещере. Она была маленькая, продымленная, с закопченным потолком, но здесь были и наковальня, и горн, и набор нехитрых кузнечных инструментов. Колдвелл разжег горн, подвигал старые мехи, и вскоре горка угля стала ярко-красной. Вытащив щипцами раскаленную металлическую заготовку, он положил ее на наковальню, и через несколько минут у меня на глазах под ловкими ударами молота заготовка превратилась в готовую деталь.

Несмотря на свои преклонные годы, Колдвелл держится прямо. На нем потертый комбинезон, грубые ботинки и видавшая виды шляпа. Трехдневная щетина покрывает его щеки. Держится он гордо, с большим достоинством.

— Каждый, кто живет в округе, занят каким-либо ремеслом, чтобы подработать немного,— говорил мне Колдвелл.

Во многих восточных округах штата более половины жителей

«Когда-нибудь я обязательно упаду с этого бревна»,— думает Лотти Колдвелл, направляясь в горы за лекарственными растениями

70-летний Джон Колдвелл за работой в своей кузнице

Горная дорога после весенних дождей

Фото из журнала «Нэшнл джиогрэфик»

вполне обеспечены, чего нельзя сказать о Колдвеллах.

— Я был в Харлане в супермаркете,— продолжал он,— и повстречал там человека с тележкой, набитой различными продуктами. Но расплачивался он за них не долларами, а продовольственными талонами.

При этих словах в его спокойном голосе зазвучал оттенок презрения.

— Должен сказать,— снова заговорил он,— что лет 20—30 назад здешние жители ни в чем не нуждались. А сегодня есть и такие, кто не имеет даже клочка земли, засаженного картофелем. Они живут тем, что получают в виде подачек, бесплатно. У них не осталось больше гордости. А я за эти продукты не дал бы и ломаного гроша. Слава богу, я могу пока работать и не нуждаюсь в подачках.

Он подкрепил свои слова энергичным ударом молота. Держа длинными щипцами кусок нагретого металла, он внимательно его рассматривал.

— Мелкие вещи для хозяйства я делаю сам,— сказал он.— Не покупаю и сельскохозяйственные инструменты.

Я попросил его рассказать о первых годах жизни на Лаурель Форк. Он уселся на камень, глаза его радостно засветились. Ему стало приятно, что он, горный житель, нашел внимательного слушателя.

— Ну имен я уже не могу назвать,— начал он,— а вот хорошо помню, что работы тогда в этих краях не было никакой. Некоторые занимались тем, что продавали самогон. Уложив бутылки в седельные мешки, они уезжали ночью. Перевалив горы, в полдень уже были в шахтерских поселках у Харлана и обделывали там свои делишки. Во время первой мировой войны самогон шел по 40 долларов за галлон.— Джон наклонился ко мне и тихо сказал: — Я знал одного парня, который сгорел в горах со своим самогоном. Бедняга шел с зажженной лампой, случайно разбил бутылку и вспыхнул, как факел.

Я уже слышал, что Джон Колдвелл слывет в здешних краях опытным змееловом. В течение некоторого времени он словно изучал меня. И когда заговорил, его голос звучал тихо, мой собеседник искал сочувствия и понимания.

— Нет в горах другого такого человека, который мог бы так ловко перехитрить диких животных, как я,— сказал он,— я могу целую неделю бродить по лесу в поисках дупла с дикими пчелами, а найдя, удовлетворенный ухожу домой и больше никогда не возвращаюсь к этому месту. Мне нравится отыскивать гремучих змей. А ведь они хорошо прячутся.

Джон Колдвелл все еще внимательно присматривался ко мне, оценивая мою реакцию. Затем добавил:

— Я полагаю, вы играете в гольф?

Я кивнул утвердительно.

— Да, сэр,— сказал он,— охота на змей для меня нечто подобное, ну вроде спорта.

Я подскочил от неожиданности, когда он предложил отправиться в горы, чтобы поохотиться на гремучих змей. Он начал вслух рассуждать:

— Мы пойдем в воскресенье. Хорошо бы взять с собой Эрла Чеппеля. Ведь он самый лучший змеелов в округе.

И вот через несколько дней подготовка была закончена. Наша группа вышла на рассвете. Мы направились к хребту, где змеи обычно охотились и грелись на солнце. Каждый держал палку для ловли змей. На одном ее конце были проделаны два отверстия, веревка, пропущенная сквозь них, образовывала петлю. Петлю нужно было набросить на змеиную голову, затем легкий рывок веревки — и змея поймана. Когда мы оказались около ручья Гризи, Джон Колдвелл указал на горный хребет, покрытый туманом.

— По-моему,— заявил он,— там мы их найдем.

Пробираясь через густые влажные заросли рододендронов и горного лавра, мы промокли насквозь. Немного отдохнув, взобрались на хребет и оказались в «змеиной стране». Вокруг царила тишина и чувствовалась какая-то напряженность. Справа и слева открывались захватывающие виды, но любоваться ими не было времени, и мы двинулись вперед. Вдруг послышался голос Эрла:

— Ребята, я поймал мокассиновую змею.

Он держал в петле извивавшуюся змею, затем раскрыл мешок и бросил ее туда. Охота продолжалась. В одном месте хребет вывел нас к узкому отрогу с обнаженными породами. Джон сказал, что там должны быть змеи. Так оно и оказалось. Вскоре мы собрались вокруг него, пристально всматриваясь в темную щель. Джон сунул палку в отверстие, стараясь поймать голову змеи в петлю. В ответ мы услыхали зловещее шипение.

— Она поет,— сказал Джон, довольный.

Через несколько секунд он вытащил змею, подержал ее в воздухе и бросил в мешок. Мы с трудом продолжали наш путь в горах. Дважды я падал. Уставшие и голодные, остановились на отдых. Охота шла плохо: всего мы поймали четырех мокассиновых и трех гремучих змей. Я знал, что Джон и Эрл часто ловили до тридцати штук в день. Колдвелл был явно смущен неудачей.

Надвигались сумерки, мы спустились с хребта и по берегу ручья Лаурель Форк возвратились на ферму Колдвелла. Нас встретила темноглазая добродушная хозяйка дома миссис Колдвелл. Джон сетовал на отсутствие змей. Когда мы привели себя в порядок и немного отдохнули, миссис Колдвелл позвала нас на кухню. На крепком деревянном столе, сделанном хозяином дома, нас ждали курица, помидоры, вареные бобы, жареные плоды окры, дымилась отварная картошка. Тут же были огурцы, шинкованная капуста, кукурузный хлеб, домашнее сливочное масло, замороженная клубника, кекс и кофе. Мы воздали должное всему, что было на столе. Я ел за двоих.

Несмотря на отсутствие телефонов, новости в здешних краях распространялись быстро. Вскоре после охоты на змей я навестил своего друга Голдена Ховарда, живущего к югу от Хайдена на берегу ручья Гризи. Голдена все в округе звали Бантом, я нашел его в поле. Держась за ручки плуга, который тащила небольшая лошадка, он распахивал свой табачный участок. Это был невысокий жилистый человек сорока с лишним лет от роду, с ловкими и сильными руками. Он смотрел, как я подходил к нему, и вместо

 приветствия крикнул шутливо:

— Слышал, что ты стал охотником за змеями!

Затем он вытащил из кармана своего рабочего комбинезона кисет с табаком, свернул толстую и неуклюжую сигарету. Это у него всегда получалось неважно, хотя руки у Банта золотые. С помощью карманного ножа вырезает длинные и гибкие полоски коры белого дуба и плетет отличные корзиночки. Они так красивы и аккуратны, что проложили себе дорогу в Смитсоновский институт в Вашингтоне. Из деталей старого бульдозера и бензинового двигателя Бант смастерил токарный станок.

Для своих родственников и друзей он изготовлял мебель и различные инструменты.

Но все же охоту и сельское хозяйство Бант предпочитает всему, что называет одним словом — «ремесло». Однако он все же бывает доволен, когда кто-нибудь просит его сплести за двенадцать долларов корзиночку из белого дуба.

Подобно Джону Колдвеллу и всем другим горным жителям, Бант идет на все ради того, чтобы держаться подальше от городов, которые они считают шумными и страшно перенаселенными. Однажды Бант был даже освобожден от обязанностей присяжного заседателя, когда сказал судье, что пребывание в городе его утомляет. Судья, сам житель гор, понял его. Бант — человек скромный и неохотно показывает вещи, в которые он вложил свою фантазию. Но его жена, темноволосая Эула Ли, с гордостью демонстрировала мне кровати и ружейные ложа, сделанные Бантом из древесины клена и грецкого ореха, ножи и инструменты из полотен старых пил, а также банджо, сработанное для отца-старика, и, наконец, только что изготовленные цимбалы для сына Вейда.

Когда солнце поднялось высоко и наступил час обеда, Эула Ли пригласила всех на кухню, где приятно пахло жареным мясом молодого енота. А после трапезы мы отдыхали перед домом на солнышке, Бант курил одну из своих невероятных сигарет и, мечтательно глядя на далекие зеленые холмы, сказал:

— Я люблю все это и никуда отсюда не уеду!

Любовь к земле своих предков живет в сердцах старожилов этого края, а старинные традиции и обычаи первых поселенцев они хранят в своей памяти — этом надежном архиве, который скоро вместе с ними исчезнет навсегда. Двумя такими старожилами-камберлендцами, с которыми я познакомился, были 75-летний Логан Реннер, в прошлом лучший мастер по изготовлению кровельной дранки, и 68-летний Ирвин Пратт, почтальон, который в свои преклонные годы три раза в неделю в любую погоду верхом на лошади доставлял почту по раскисшим и разбитым местным дорогам.

Они не были знакомы, жили далеко друг от друга, но обоих можно считать достойными наследниками прошлого этого края. В последний раз, когда я навестил Логана, он подарил мне инструмент для рубки кровельной дранки. Это был жест дружбы и доверия. Сегодня крыши уже не кроют дранкой, но Логги по-прежнему был верен своему ремеслу и гордился им. По его словам, крыша, крытая дубовой дранкой, может продержаться сто лет.

Тут неожиданно быстро потемнело небо, налетела гроза. Мы с Логаном поспешили укрыться на крыльце дома. Пережидая непогоду, кололи грецкие орехи и беседовали. Я заметил, что Логан слегка наклоняет голову. Оказалось, он слеп на левый глаз. Но, несмотря на этот недостаток, Логан один из лучших стрелков в округе.

Он рассказал мне, что в детстве был слеп на оба глаза, но все-таки ходил в школу. Однажды учитель посоветовал его матери промывать сыну глаза молоком. Мать так и сделала, и в результате один глаз Логана стал видеть хорошо.

А дождь все барабанил и барабанил по крытой оцинкованным железом крыше. Чтобы скоротать время, я втянул Логана в разговор о местных лекарственных травах. Старожилы знают, что в горных лесах растут разные полезные растения.

— Да,— сказал Логан,— у нас здесь этих трав много. Вот, например, корень Еллера — лучшее средство для лечения желудочных заболеваний. Из него приготовляют напиток. А вот другое растение — змеиный корень. Достаточно пить его отвар. Будьте уверены, ваш кишечник будет функционировать великолепно. Почти сорок лет назад,— продолжал он,— я ужасно страдал от ревматизма. Тогда я собрал в горах целую охапку разных трав и приготовил горный чай. Заваривал и пил регулярно. А некоторые растения просто жевал и проглатывал. Из других трав делал сигареты и курил. И вот с тех пор забыл, что такое ревматизм.

Меня поразило самолечение Логана: ведь известно, что горный чай может быть ядовит, если его приготовить неправильно, то есть не в нужных пропорциях.

Многие из горных растений действительно обладают целебными свойствами. И такие травы могут быть использованы для приготовления лекарственных средств. По данным Лесной службы США, в горных лесах Аппалачей произрастают не меньше ста двадцати шести видов лекарственных растений, в которых заинтересованы фармацевты.

Логан Реннер вспоминал:

— Во время великого кризиса тридцатых годов некоторым нашим жителям удалось прожить на чае из американского лавра, сорго и кукурузном хлебе. И ничего тут особенного нет. В те тяжелые времена мы помогали друг другу. Я сам поддерживал шесть или семь семейств. А другие помогали мне.

Великая депрессия разорила многих фермеров, но Логану удалось устоять. На ферме у него были коровы, свиньи. Он выращивал табак на продажу. Был у Логана и огород, который он особенно любил. Сажая овощи, учитывал особенности горного климата. По его словам, он «советовался» с луной и звездами.

— Луна и звезды похожи на гигантские природные часы,— говорил он мне.— Я высаживаю, например, картофель перед полнолунием. В этом случае клубни формируются неглубоко, и их легко собирать. А вот кукурузу я сажаю, когда луна на ущербе.

Вскоре дождь перестал, я стал прощаться с гостеприимным хозяином. Но Логан Реннер положил мне руку на плечо и сказал:

— Друг не должен уезжать, не пообедав.

Мертвый ручей, вода в котором отравлена отходами местных шахт

Почта приехала

Голден Ховард распахивает свой табачный участок так же, как и во времена своих предков

Фото из журнала «Нэшнл джиогрэфик»

И мы хорошо поели, а затем он проводил меня к моему автомобилю, стоявшему на обочине раскисшей сельской дороги.

В прошлый сочельник почтальону Ирвину Пратту исполнилось 68 лет, но контракт, подписанный им на 1500 долларов в год, и чувство ответственности перед местными жителями заставили его возить почту три раза в неделю от Пайн Топ, в штате Кентукки, до пункта Пиппа Пассес за восемнадцать миль. В восточной части Кентукки почту все еще развозят конные сельские почтальоны.

Я сопровождал некоторых из них и могу с уверенностью сказать, что маршрут Пратта наиболее трудный. Пратт возит почту на своей лошадке уже более пятнадцати лет. Часть пути проходит по пустынной горной местности. За годы работы он сменил трех мулов и трех лошадей. Последний мул, которого звали Джон, стоил Пратту двести долларов. Эта сумма оставила в годовом бюджете почтальона существенную брешь. Но он считает, что почта должна работать, и не сетует, а скромно исполняет свой долг. Когда я его спросил, долго ли он собирается еще ездить по нелегкому восемнадцатимильному пути, Пратт ответил:

— Они ждут меня, и я не могу не поехать.

Ведь жизнь его клиентов прямо зависит от того, привезет ли он им чеки на деньги и пенсию. Он вспоминает:

— Бывало зимой мороз был крепкий, все вокруг укрывал снег, казалось, что все живое умерло, но стоило им увидеть меня, как они выходили навстречу, зная, что есть желанные новости.

Маршрут Пратта вел нас вверх по ручью Нили Бранч, затем, перевалив через два хребта, мы спустились к истокам другого ручья — Холлибуш. По его берегу дошли до маленького поселка Пиппа Пассес. Почтовое отделение разместилось здесь на территории колледжа Алисы Ллойд. Это живописный уголок, где учатся дети забытого богом района Аппалачей. Пиппа Пассес — конечный пункт маршрута Пратта. Собрав там всю почту, он отправлялся в обратный путь. При хорошей погоде мы проделали весь восемнадцатимильный путь за шесть часов с лишним. Для меня это были весьма нелегкие часы: ведь я не ездил на лошади двадцать лет. В течение многих лет поездки Пратта через глухие горные отроги напоминают путешествия в царстве призраков. Когда-то пятнадцать семей жили в горном районе, но теперь там дороги нет. Единственное, что осталось,— это пустые и зловещие коробки деревянных домов, сараев, развалины школы.

— Когда-то в давние времена Ховарды и Хиникаты жили в этих местах,— говорил мне Пратт.— И жили очень хорошо. Но с тех пор много воды утекло. И уже много лет я не встречаю здесь ни одного живого существа, кроме бешеных лисиц. И он похлопал себя по оттопыренному карману, где лежал «смит-и-вессон» тридцать восьмого калибра.

Ирвин Пратт отклонил все приглашения местных жителей присесть и отдохнуть. Помахал на прощание рукой и отправился в путь, крича в ответ:

— Думаю, меня ждут мои клиенты!

Пратт сказал мне, что ему редко приходится доставлять своим адресатам более дюжины экземпляров почтовых отправлений,

включая книги, журналы и письма. Бывает, ему приходится захватывать посылки в коробках и пакетах. В таких случаях бывает нелегко и Пратт шутит:

— Боже мой, мне нужно еще шесть рук, чтобы управиться со всеми этими вещами.

Но в одном месте Пратт все же задержался на несколько минут. Это было маленькое аккуратное сельское кладбище. Он привязал лошадь к ограде, вошел в калитку и, не торопясь, осмотрел все могилы. Он знал, что родственники похороненных спросят его о состоянии могил. Пратт помнил всех, кто был здесь похоронен. Покинув это печальное место, он еще долго был задумчив и молчалив.

Для почтового маршрута Пратта характерно, что число людей в населенных пунктах на его пути уменьшается из года в год, а количество покинутых домов, таким образом, продолжает возрастать. Бедность, маленькие фермы с их неудобными землями, неспособными обеспечить существование их владельцам,— все это вынуждало местное население покидать район Аппалачей. Данные переписи 1970 года говорят, что за предыдущее десятилетие более миллиона человек уехало отсюда. Восточная часть штата Кентукки типична в этом отношении. Так, пятый район штата в 1960 году насчитывал 417 544 жителя, а к 1970 году его население уменьшилось более чем на 26 тысяч человек. В поисках работы молодежь устремляется в города, лежащие на Севере и Среднем Западе. В горных районах остаются старики, женщины и дети. Хозяйства без мужских рук приходят в упадок. И в горном крае осталось не так много людей, которые могут следовать традициям и обычаям первых поселенцев.

А каково положение с сельскими школами? Они не получают достаточно средств: учителей не хватает. Дети это остро ощущают. Они ждут того дня, когда тоже смогут уехать в крупные города. Но по их свежим лицам, улыбкам и блеску глаз я замечал живой ум и любовь к свободе, так характерные для их храбрых предков. Я посетил школу, расположенную западнее Хайдена на ручье Дабл Крик. Меня встретили очень хорошо. Живые и смышленые дети наперебой расспрашивали о жизни в ближайших крупных городах, например Лунсвилле. Ребята очень дружелюбны и любознательны. Мы шумно и весело беседовали, затем пошли во двор, где поиграли в баскетбол на пыльной пришкольной площадке. Помыли руки в ручье и вернулись в класс. В центре его стояла старинная круглая чугунная печь, над дверью висел американский флаг, у стены, справа, находились два холодильника и кухонная плита.

Думаю, недалеко то время, когда такие школы исчезнут в Аппалачах. У них нет будущего. А когда дети покинут этот район, единственными памятниками о первых поселенцах останутся сотни маленьких сельских кладбищ. Жители гор очень трогательно чтут эти места, связывающие их с предками. В конце мая в День поминовения все подъезды к сельским горным кладбищам забиты автомашинами уроженцев гор, приехавших сюда из Детройта, Чикаго, Цинциннати, Дайтона и десятков других городов Америки, где они теперь живут. Собравшись вместе, они приводят

в порядок могилы своих предков, украшают их цветами. Это своеобразный религиозный праздник, символизирующий связь живых с их предками; и они верят, что горный образ жизни еще не умер, что он еще существует.

Два дня, субботу и воскресенье, я провел на маленьком местном кладбище, расположенном на холме за домом старожила Шелби Мосли. За побеленным забором покоились те, кто когда-то первыми заселили эту землю. А их потомки все еще живут в этих местах. Это — Мосли, Ховарды, Симпсоны, Манси, Бейкеры и другие. Вот Шелби Мосли, ему семьдесят пять. Он сын одного из первых жителей этих мест. Он мальчишкой бегал босиком в местную школу, срубленную из толстых деревянных бревен. Отец его был, как и он, охотником, лесорубом и фермером. Много лет назад Мосли отдали часть своей земли под местное кладбище.

Почти все бывшие жители гор, которых я встречал в крупных городах, говорили мне, что хотели бы быть похороненными в родном краю на маленьких горных кладбищах. И внук Шелби Мосли, Билл Симпсон, не исключение. Демобилизовавшись из военно-морского флота, он вместе с молодой женой в День поминовения приехал на маленькое горное кладбище, где похоронены его предки. Приезжают и семьями, и в одиночку. В руках у всех цветы, мотыги. Они выпалывают сорную траву, срезают кусты, поправляют могилы, перечитывают надписи, обнимаются с соседями и обмениваются новостями. Это тихий, трогательный праздник, символизирующий связь времен.

Недавно я вновь побывал в Камберлендской впадине, поднялся на Пиннекле. Было раннее утро, дул холодный ветер. По шоссе 25Е, проходящему через впадину, одна за другой мчались машины. Я слышал шуршание шин, визг тормозов, звуки клаксонов. Да, цивилизация все еще продолжала двигаться этим путем.

Перевод с английского А. Акимова

Обыкновенный ветер

Рассказ

Борис Сергуненков

Шел я лесом, был дождь... Поднял руки к дождю ладонями вверх и подумал, что руки связаны с небом, далеким и близким, они чувствуют небо. Было приятно гладить лицо. Оглаживал лицо, будто мир ощупывал.

Обычно я хожу по лесу быстро. Такую привычку выработал давно, а тут шел медленно — торопиться было некуда, смотрел на сосны, на травы, на брусничник и думал: как быстро я иду! А ходить бы так по лесу, чтобы у каждого дерева стоять сто, двести лет, и все равно мало, чтобы разглядеть каждую веточку, каждую хвоинку, каждую трещину в коре ствола, чтобы проследить жизнь дерева от рождения до смерти. Но ведь и этого недостаточно: увидишь смерть этого дерева, а захочется посмотреть, как вместо него появится новое. Как оно будет расти, какие будет встречать утренние и вечерние зори. Любой самый медленный шаг слишком скор. И не лучше ли идти быстро и попусту не страдать от того, что торопишься и все пробегает мимо: и деревья, и кусты, и жизнь?

Люблю шум сосен. Шума нет — и лес тихий, пустой. Конечно, это только для чужака лес бывает пустой и тихий — стоит прислушаться, и сразу различишь и шум, и чье-то присутствие. Там пробежала к болоту лесная мышь, тут комар пропищал над зацветшей лужей, там дождевой червяк зашелестел прошлогодней листвой, ворона пролетела и оставила в воздухе свой незримый след. Если чуть принапрячься, можно услышать, как храпит под кустом можжевельника заяц, как быстро дышит белочка, набегавшись по веткам, как угрюмо ворчит в своей норе барсук, переваливаясь с боку на бок, но для этого, повторяю, нужно напрячь слух: любой звук — писк ли зверя или шепот травы — можно услышать в лесу и убедиться, что лес не пуст.

Но когда приходит ветер и начинает шуметь в соснах, рождается радостное и светлое чувство. Казалось бы, ничего особенного не случилось — обыкновенный ветер, и не к тебе пришел, а просто так, по своей воле погулять над лесом, порыскать в сосновых ветках захотел, и нет ему до тебя никакого дела, но радует его появление, будто друга встретил и уже не один. И чем сильнее шум, тем радостнее. Особенно в ясный

солнечный день. Тогда сосновый бор, которым идешь, кажется пустым и полным. Но чем полным? Сказать — шумом,— значит, ничего не сказать. Лес со своим непонятным, неведомым исчезает. И шум этот как человек, с которым можно общаться.

Со странной мыслью смотрел на деревья. Каждое дерево желает твоего присутствия, общения с тобой. И эта береза, и эта, и та. И ты бы весь день только и занимался тем, что ходил и общался с ними. Но со всеми березами пообщаться невозможно — раз. И потом, они спокойно обходятся без тебя, во всяком случае не умирают. Наукой не зарегистрировано пока еще ни одного случая, чтобы дерево погибло от разлуки с человеком. Собаки умирают, люди умирают, но не деревья. Почему же тогда кажется, что они жаждут твоего присутствия? Но посмотри на небо. И оно хочет быть с тобой. И день, и ночь. И травы, и все что ни есть на свете. И обходятся без тебя, потому что ты везде, ты с ними или они с тобой.

Иду по тропе в двадцать втором квартале. Во время войны тут был передний край, шли бои. Окопов нарыли, блиндажей — они по сей день остались и еще долго, наверное, будут заметны. Тут можно найти простреленную ржавую каску, осколок мины или снаряда, старую винтовочную гильзу, кусок колючей проволоки. Это то, что на земле, наверху, а что лежит под землей — никто не знает. Когда мне пришлось рубить здесь просеку и я разжег костер, чтобы сжечь сучья, вдруг начали рваться мины, и я едва унес ноги. Несколько раз в году появляются в старых траншеях мальчишки: ищут гильзы, роются в земле, в опавшей хвое. Есть у меня свободное время ими заняться — я гоню их и стращаю всячески, чтобы они не рылись в земле, а нет времени — я пробегаю мимо, и на сердце у меня неспокойно: думаю, не случилось бы с ними беды. Встретил однажды старика, приехал он из-под Харькова навестить места прошлых боев, как он сказал, «встретиться со своей боевой юностью». Лес с тех пор сильно изменился, и я повел его по лесу, а он узнавал места боев — и не узнавал.

Как быть с землей, как научиться отдавать себя солнцу, подобно траве, принимать в себя семя и рождать плоды? Это умеет каждый, но тяжело, трудно, а отдаваться с легкостью не умеют. Легкость получается не от бездумности, а от труда. Как быть самим собой и как жить собой? Жить собой — это собирать с себя урожай, как собирают его крестьяне с земли. Я хотел бы не потерять ни одного колоска. Дать земле праздник, отдых полноценной работой, ибо от безделья земля тощает и скудеет больше, чем от труда. Породить лесные угодья, не превратиться в болото и прочее. Это только на первый взгляд кажется, что ты собираешь урожай с леса, с поля. Ты его с себя собираешь, а лес и поле тут ни при чем. Собрал с себя много — собрал вообще много. Собрал мало — собрал вообще мало. А бывает и так, что собираешь, а ничего не собрал. Но что это за поучения? Что же
 я — учитель, а передо мной сидят ученики и внимают моим

разглагольствованиям? Никакой я не учитель, и нет у меня учеников. Я сам себе ученик и учитель, как говорил один мудрец: «Вошел в лес, я — ученик, вышел — учитель».

Чему я научился, живя в лесу, и что, как мне кажется, пошло мне на пользу, так это ждать. Поскольку я был связан с лесом, не мог его бросить в нужную минуту, хоть иногда и бросал, мне приходилось ждать терпеливо и безнадежно, как ждут иные вдовы погибших мужей. Все мои отношения с миром строились на ожидании. Я ждал приезда на лесной кордон любимой девушки, а она все не приезжала. Сидя на кордоне, я ждал гостей, они могли приехать, а могли и не приехать — мало ли какие причины и капризы удерживают иногда гостей, даже самых долгожданных, от приезда! Я ждал визита директора лесхоза, который должен был засвидетельствовать мне свое почтение, слегка поругать за небрежение и нерадивость к работе и дать очередные указания. Я ждал случайных прохожих, грибников, ягодниц, я ждал в ночи браконьеров. А еще надо учесть и принять к сведению, что кроме всего прочего я ждал утра, ясных дней, весны, первых ягод, прилета птиц и так далее, я вообще был воплощением великого ожидания, и уж что-что, а ждать я научился на совесть.

Вчера шел по лесу и вспоминал об устойчивом своем чувстве торопиться жить, когда на кордон приходит лето. Объяснить его я не мог, а только чувствовал: едва начиналось лето, первые пригожие деньки, зеленела трава и начинали благоухать цветы, я садился на солнце на завалинку, и оживала у меня мысль, что все быстро промчится и потому надо торопиться взять лета побольше: и тепла, и летнего неба, и румяного солнца, и туманов, и прочего. Вчера я понял, почему ко мне, в общем-то неторопливому человеку, приходило чувство торопливости. Я думал, что оно приходит оттого, что я за зиму намерзался, а летом отогревался, но это было не так. Не совсем так. Миг, может быть, и вечен, а жизнь любая скоротечна. И нет скоротечнее жизни цветов. Едва расцвели — и уже завяли. Невольно я глядел на цветы, на их торопливую жизнь и, уподобляясь им от долгого глядения, сам торопился. Мы всегда чему-то уподобляемся, подражаем, хотим ли этого или не хотим: отцу, матери, другу, гению, траве, речке. Я уподобился цветку — чему я мог еще уподобиться, если цветов в лесу тьма, куда ни пойдешь, всюду они бросались в глаза? Я видел их быстрый рост, их нетерпение передавалось мне. Вот и вся причина торопливости. Не солнце ловил, сидя на завалинке, и не отогревался от зимы, как тогда думал: я жил жизнью цветка. Угасали цветы, уходило лето, торопливость моя исчезала до следующего лета, я опять никуда не спешил. И вот что иногда получалось. Поскольку я живо уподоблялся цветку, я и сам становился в чем-то похожим на него, в моем лице появлялось нечто от цветка, глядел ли я на одуванчик или на незабудку. С первого взгляда, конечно, нельзя было обнаружить лицо как лицо, нос, глаза, губы, рот, как у всех людей. Но, приглядевшись внимательно, можно было заметить, что это и не совсем обычное

лицо, что нос, губы, конечно, есть, но кроме них есть и еще что-то, что явственно создает образ цветка. Вообще, живя в лесу, я жил жизнью леса, был как лес. Зимой лес спал, и я был какой-то сонный; весной пробуждался, кровь во мне загоралась, соки молодые бродили, как у земли, у леса, у березы. Летом я был деятелен, я зрел, шел в рост, как росли деревья, а осенью грустил, мне казалось, что я умирал. Я быстро подчинился временам года и сейчас так и живу и думаю, этот цикл для меня уже не изменится, я так и проживу до глубокой старости.

Я думаю, хотя и не утверждаю — я далек от утверждения подобных вещей,— человек в сущности имеет то, что он имеет. Ничто не приходит извне. Природу нельзя обмануть, заплатить ей один рубль, а сказать — десять. Был у меня период, когда я так глубоко верил, что у меня не может быть ни одной порубки, ни одного сломанного или порубленного дерева, что их и вправду не было (даже если б они и были). Что действовало тогда на моих браконьеров, не знаю, но они избегали появляться в моих кварталах, они обегали их за десятки километров, и на протяжении долгого времени не было случая, чтобы кто-то даже по ошибке срубил дерево. Почему? Во-первых, потому, что я был твердо уверен, что этого не случится, а, во-вторых, если и случится, все равно этого не может быть. Применяй нарушитель любые хитрости, вводи хоть весь свет в обман, ничего у него не получится.

Когда же я со временем (был у меня и такой период) порастерял свою веру, со страхом и ужасом стал думать, что мне не миновать порубок, придут браконьеры, я не уберегу лес, браконьеры, как можно догадаться, были тут как тут. Они словно прочитали мои мысли на расстоянии, да, наверное, так оно и было. И такая в ту пору у нас пошла с ними рубка, страшно до сих пор вспомнить. Куда девались мой сон, благодушие, мир и спокойствие? Я был весь в войне, в ловле, в погоне, я носился по лесу в поисках браконьеров, ловил их, караулил, зевал, опять находил, опять зевал, я умудрялся прозевать порубку у самого своего порога, у меня увезли собственные дрова, и я в ту зиму остался без тепла. Надежные мои границы расползлись и затрещали. Я возопил: погибнет весь лес! Тут натерпелся я страхов. Я стал труслив, ночью запирал дверь на щеколду, клал у изголовья топор — мне казалось, что меня убьют, а кордон подожгут. За каждым кустом мне мерещился враг, ствол ружья, капкан, ловушка. К счастью, эта пора миновала.

Лес меняется: одно умирает, на смену ему приходит другое. Вчера тут стояли высокие сосны, сегодня голо, завтра зазеленеют саженцы. Придешь в такой лес и не узнаешь, сердце оборвется, как будто не в свой лес вступил, а в чужой. Но лес ведь не то, что растет и видимо, а и то, что в земле, что невидимо. Идея его в этом. Земля держит и то, и другое, и третье. Видеть лес невидимый — вот привилегия лесника.

Я смотрю на лес, на землю, на солнце, на травы и прочее не как на противоположное мне: я, мол, это я, а то не я, что-то другое, а как на продолжение мое, как я смотрю на свою руку, ногу. Просто есть я внутренний и есть внешний. Руки, ноги — это продолжение моего внутреннего, а лес, небо, солнце чего продолжение: пальцев, глаз, мыслей, чувств? Все, что вне меня, все продолжение мое. Солнце есть продолжение моей мысли, небо — чувства к девушке...

Жить, как трава. Но разве трава живет, как мы? Мы не спешим, а трава спешит, трава так торопится, что по всему лесу треск раздается. Весной она торопится выйти к свету, летом расцвесть, осенью дать семя. По-моему, самое торопливое на свете создание — это трава. В короткий срок от весны до осени она успевает родиться и умереть. Иногда мне кажется: она потому так спешит, что знает: в следующем году родится опять и будет возникать вечно, пока держится в небе солнце и земля и мир

находятся в равновесии, и именно оттого, что она так торопится, она вечна. А если посмотреть с другой стороны, по отношению к чему она торопится? По отношению к себе, ко мне — человеку, к дятлу? По отношению к миру, к звездам, к земле она совершает свой путь, ни на йоту не отклоняясь ни вперед, ни назад, а следует строго по графику.

Что мешает мне сейчас быть свободным, счастливым, иметь веселое расположение духа? Я одет, обут, накормлен. У меня есть крыша над головой. Я не мучаю себя мыслями, что будет завтра, я знаю, что со мной будет, и это меня вполне устраивает, а если точнее — я не знаю, но меня устроит все, что со мной будет. Я здоров. У меня есть работа, и я ее люблю. Так во всяком случае кажется, чтобы не быть голословным. Что же — я счастлив или нет? А если несчастлив, то почему? Почему, если я счастлив, я не имею веселого расположения духа? Почему мне постоянно нужно продираться к нему, воевать с собой и очень часто быть побежденным? И вообще, можно ли быть в этой борьбе только победителем? Почему нельзя жить, как трава? А как живет трава? Ты думаешь, она счастлива? А может, она, так же как ты, страдает? Наверняка страдает. Она-то страдает, но человек выше травы и может жить, не страдая. Это, конечно, плохо, что я не живу постоянно в веселом расположении духа, но оно ко мне приходит изредка, а это уже счастье. Я знаю его, я впускаю его к себе, точнее, я нахожу его, тащу к себе, и нет для меня тогда ничего прекраснее этого счастья.

Когда мне приходится по долгу службы ночевать в поле или в лесу и я, разбуженный утренней прохладой, лежу в росистой траве и гляжу на светлеющее небо, то думаю иногда, что ближе ко мне и что дальше: звезды, исчезающие в свете дня, или какая-нибудь желтая бабочка-капустница, сидящая на упругой травинке и ждущая теплых лучей солнца, чтобы вспорхнуть и улететь? Казалось бы, ответ ясен. Ближе бабочка. Протяни к ней руку и достань. Но звезды придут к тебе снова и снова, и завтра, и послезавтра. А бабочка улетит, и когда она снова к тебе вернется? Я думаю, никогда. Вот и выходит, что звезды ближе, ты живешь с ними, любишь какую-нибудь особенно яркую звезду. А бабочку полюбить тебе не дано. Ты будешь любоваться ею только издали, да и то краткий миг. Вот она вспорхнула мимо твоего носа и улетела, и с каждым мгновением все дальше и дальше друг от друга твой и ее пути, и вас уже не смогут свести никакие счастливые обстоятельства.

Человек, по-видимому, никогда не удовлетворится лицезрением самой дивной красоты, если она не заключена в его сердце. Ты гляди на самые прекрасные деревья, броди по самым распрекрасным лесам, нюхай самые душистые цветы, лицезрей самые очаровательные зори, восхищайся самыми изумительными пейзажами — рекой, горой, опушкой,— если их нет в твоем сердце, они не тронут тебя. И если, шагая по лесу, ты встретил красавицу сосну и залюбовался ею, и у тебя нет сил от нее отойти, ты стоишь день-два и готов простоять хоть всю жизнь, как перед

самой недоступной красавицей, на коленях, значит, ты ее не просто встретил в лесу, а еще раньше имел в своем сердце. Вот почему, встречая сосну, мы радуемся, мы смотрим на нее и не можем наглядеться — мы не сосну встречаем, нам до сосны нет никакого дела, мы встречаем самих себя.

Когда я иду по лесу и встречаю ягодников с бидончиками, полными черники, или грибников с корзинками, я всегда испытываю глухое чувство недовольства, которое мне не так просто унять. Меня злит, что эти люди приходят в лес, берут и ничего не дают взамен, как будто лес обязан отдавать им свои дары безвозмездно. Берите, говорю я, но платите. Куда там! В лучшем случае какой-нибудь грибник или ягодник не бросит окурок в лесу, не устроит пожара или не изроет поляну в поисках гриба. Тысячи людей входят в лес, берут, и никто не благодарит. Сама мысль такая, выскажи ее, покажется кощунственной. Ждет ли лес благодарности? Наверное, ждет. Но может быть, и не ждет, а ты, человек, его поблагодари. Он не ждет не потому, что бесчувствен, или ему все равно, отблагодарят его или нет, или он убегает от благодарности, как какой-нибудь герой, вынесший младенца из огня? Лес не настолько юн, чтобы быть тщеславным, но и не настолько дряхл, чтобы быть равнодушным. Он верит в людей, но не понимает, как это люди могут каждый раз уходить с бидончиком черники, или корзинкой грибов, или охапкой цветов и не поблагодарить его. Он еще даст, в нем хватает этих даров и добра, но они не беспредельны.

Я в сон из яви, как в реку вступаю, я в явь из сна так же выхожу. Я в две реки вступаю, но они до того похожи, что кажутся мне одной рекой. Увижу белку в лесу и во сне белку вижу. Там она прыгала по веткам, сердито цокая на меня. И во сне прыгает и цокает. Вижу лес, и он ничем не отличен, ну хоть бы в какой малости была перемена. Найду срубленный пень, и во сне он мне такой же приснится. Случается, конечно, и так, что и во сне меняются события, обогащаются новыми деталями, которых не было в яви, но эти события или детали опять же не выпирают как-то в сторону, не беспокоят меня, а в ладу со мной, мне не противоречат. Если я в яви легок, спокоен, уверен в себе, я и во сне такой же. Если я ловлю браконьеров в яви, я и во сне их ловлю так же... Я вижу во сне мир таким же, каким вижу его наяву. И потому можно сказать, что я как бы все время бодрствую. И когда я сплю, я только глаза закрываю, не уходя из этого мира, его от себя не отпуская. И он от меня не уходит. Снилась мне сегодня белая ромашка в поле, что видел вчера. Был ветер, и шумела трава под ветром, и ромашка гнулась у дороги, а я, пока проходил мимо, смотрел на нее.

В день я хожу помногу, по двадцать, а то и по тридцать километров, и ходьба мне никогда не в тягость. Конечно, самая главная причина моей ходьбы — моя служба, мои обязанности: дождь ли, зной, ночь ли, утро — я обязан быть в лесу, в пути, и ноги мои в моем деле — моя опора. Ходьба для меня любимый вид

занятия, как для иных кино или танцы. Когда я иду, я словно хорошую книгу читаю. Но легко ли я отношусь к своей ходьбе, всегда ли с удовольствием ее начинаю? Не буду хитрить — не всегда. Иногда и мне не хочется идти, я иду в лес как на казнь, но все-таки иду. Как я это делаю? А очень просто. Я никогда не говорю себе: я пройду сегодня сто километров. Я говорю: я пройду десять шагов, два, один. И прохожу эти два метра. О пути в сто километров я не только не думаю, но и не хочу думать и твердо уверен, что не буду идти сто километров. Зачем, говорю я себе, мне тащиться в жару в такую даль, чего я там не видел? Кто за мной гонится? Не от смерти же я убегаю. Пусть другие бегают, у кого ноги быстрые. И все в этом духе.

Прошел я два шага и тут чувствую, что следующие два мне сделать гораздо легче, чем остановиться или повернуть обратно. После четырех шагов желание продолжать путь, а не повернуть назад еще больше усиливается. С каждым шагом и метром желание идти вперед нарастает, тебе ничего не остается, как взять ноги в руки и шагать. Самое трудное теперь — в середине пути остановиться. Это сделать для меня гораздо сложнее, чем идти вперед. Ноги как будто сами идут, стоит только им разогнаться, приказывай не приказывай, а они все равно не слушаются. Бывали случаи, когда я, несмотря на все старания, не мог убедить их остановиться, шел вперед, не сворачивая, разумеется, в стороны, и только чудо спасло меня от голодной смерти и усталости. Тут наступает критический момент, когда необходимо проявить всю силу воли, всю красоту и стойкость убеждений. Даже заманчивые мысли о кровати и горбушке хлеба, оставленной на кордоне, тебя не спасают. Как тут поступить? Брать хитростью. Не говорить в лоб: мол, возьму и пойду обратно. Так говорить,— значит, ничего не сделать, ты хоть краном меня поворачивай — не повернешь. А мол, пройду немного обратно и вернусь. Такое убеждение действует, хоть и не всегда. Иной раз и повернешь назад, а оглянешься — и сердце замрет: что же ты натворил! Должен признаться, что эту мето́ду руководить собой я позаимствовал у одного знакомого. Готовя себя в дорогу и разогреваясь для дальних странствий, он, как солдат, шагал на месте часа полтора, а то и больше, пока не трогался в путь.

Идем дальше. А что там? А все то же: лес да лес. Где едва заметная тропинка проглянет к водопою или от него, где опушка с высокими зарослями иван-чая до плеч, ступаешь в заросли, как в воду погружаешься — дна не видать (иной раз и в самом деле летишь на дно ямы, невидимой для глаз), где редкий березнячок с чистой, шелковой травой, где высокий сосновый бор, где густой еловый чапыжник. Здесь земля, расстелившись, взбугрилась холмами, и у каждого холма ложбина такая уютная и аккуратная, что хочется в ней полежать; здесь топи болотные, хляби непролазные, бредешь по колено в воде, пружинишь на мху, и желание у тебя — поскорее выбраться на сушу: страшно, опасно, неприятно; здесь речка, ручей с затаенным бережком, не берег, а приют уединения, царственное место для тебя одного — сиди хоть сто лет, думай — не думай, гляди — не гляди, вспоминай — не

вспоминай, все тебе мило и хорошо, и прямо тебе сидеть приятно, и, слегка облокотившись на локоть, хорошо наблюдать закат уходящего солнца, и, уткнувшись лицом в траву, сладко дремать, вкушая дремучие запахи земли.

Идешь и времени счет теряешь: какой день, год ты уже в дороге? А ты только час назад из кордона вышел. Глядишь направо, налево, и все твой взгляд занимает, кажется лес каким-то неутомимым обворожителем, обольстителем, прелестником: подсовывает он и подсовывает тебе занятные прелести, и глаз не устает ими любоваться. Нет, устал. К вечеру, к середине дня так устанешь, что укрыться от всего этого яркого разнообразия хочешь, в избу к себе на кордон прийти, и если нет для тебя такой возможности, если час хоть и поздний, а тебе нужно вышагивать не к кордону, а от кордона, и тебе приходится, помимо твоего желания, лицезреть лес, ты прикрываешь свои глаза от невозможности больше вмещать в себя богатство и бредешь через силу, нагруженный и пресыщенный.

Вошел в лес голодный до него, а бредешь, наевшись до отвала. В сон тебя клонит, мысли, некогда жаркие, гаснут, вянут, ноги заплетаются. Куда они идут, задаешь себе вопрос. И найти ответа не можешь. Знаешь, что идут они в дальний двадцать второй квартал посмотреть, нет ли порубок. И не знаешь этого. И думаешь, что набрались они дерзкого желания дойти до края света, Вселенной и только потом назад прийти.

Чудно видеть себя решившимся дойти до края Вселенной, и не только решившимся, но и идущим. Никакой ты не великан, не богатырь, обыкновенный смертный, а великанскую работу выполняешь. Жаль, что поблизости фотографа нет, который запечатлел бы этот исторический момент. Тебя в сапогах, в старых штанах, полуозабоченное, полусерьезное лицо, уверенный шаг.

Где он, край света? А вот он. Дошел до конца квартала, до заветного столба, посмотрел, все ли в порядке, убедился, что ничего худого не случилось, и, не отдыхая, повернул обратно. Опять опушка с иван-чаем тебе попадается на пути, березнячок с чистой травой, ельник. Но если ты раньше их в себя принимал, сейчас как бы возвращаешь назад. И мысль свою большую принижаешь. То думал, что на край света спешишь, сейчас, по мере приближения к кордону, соображаешь, что ходил в двадцать второй квартал. Какое-то время в дороге борьба продолжается, сомнения тебя одолевают: а так ли, в двадцать второй квартал ты ходил? И, ступив на крыльцо, точно для себя определяешь, что был в двадцать втором квартале, а не на конце света. Хотя, как знать, кто этому свидетель? Видела ворона, что сидела на сосне, как я из избы вышел, как в путь собрался. А где был, где весь день пропадал? Об этом я и сам не знаю, ибо давно ощущение реальности потерял и, кроме зарослей иван-чая, да трав, да деревьев, нет ничего ни в моей голове, ни в сердце, и кажется, весь я внутри составлен из одних сплошных лесных зарослей. Впрочем, и их нет. Чем больше шагов прошел, чем длительнее пробродил, тем ощутимее для меня останавливается движение. И вот в какой-то момент совсем остановилось. Где я был? И был ли я на том конце света или в двадцать втором квартале? Об этом

могут знать мои штаны, что терлись о встречные кусты, подошвы сапог, мои глаза, руки, но свои знания, свои тайны они держат при себе. Да и где найдется такой вопрошатель, который бы смог заставить заговорить штаны? Что касается меня, то я от длительной ходьбы, сверхдальнего пути, как бы растворился в своих сапогах, штанах, одежде, перестал существовать и почувствовал себя живым человеком только тогда, когда ступил на крыльцо своей избы.

Я сбрасываю с ног у дверей сапоги, снимаю штаны, рубашку и ложусь в кровать. Я даже не готовлю для себя еду, я не хочу есть. И мне кажется, что, возвращаясь назад, отдавая все назад лесу, не отдал ли я случайно и себя со всеми потрохами, не переборщил ли в своей щедрости — так я устал, не чувствую ни ног, ни рук, ни головы, ни сердца.

Живешь в лесу иной раз и не видишь леса. Он есть, а его для тебя нет. И шорох листьев ты слышишь, и цветение трав замечаешь, и пению дрозда внимаешь, а все равно не видишь ты ничего и не слышишь. И даже чем больше хочешь видеть и слышать, тем меньше видишь и слышишь, и уже ничего не видишь и не слышишь. И непонятно, где ты находишься, в лесу или не в лесу? Замечаешь свои душевные терзания, свои недовольства. Но поскольку не на себя смотришь, а лес хочешь видеть, то и себя не видишь и терзаешься какой-то неопределенностью.

А бывает, не видишь леса, а вот он, стоит. И о себе не думаешь, а видишь. И птицы лесные поют то ли на ветках, то ли у тебя в душе. И солнце совершает свой бег на небосклоне грудных ребер, и шум листвы — в рощах души.

Люблю солнечные дни. За долгую зиму, за осень так изголодаешься по солнцу — оно в наших местах не балует, — что выйдет солнышко и жизнь покажется прекрасной. Дрожишь за этот солнечный день, за солнце, как будто его в последний раз видишь, сядет оно и не появится больше, и накатывает на тебя особое тяжелое настроение. Когда же пасмурно, происходит все наоборот: не за что болеть, переживать, ничто от тебя не уйдет, а уйдет — не жалко, и потому ты легок, спокоен, весел; сидишь — и сердце у тебя радостное, и ум работает с нагрузкой. Люблю пасмурные дни. Но тогда какие же дни я люблю — солнечные или пасмурные, если я без солнца жить не могу, а с солнцем мне жить тревожно?

Чтобы ощутить, что ты жив, что живешь на этой земле, не обязательно каждый день видеть лес, речку, зелень травы, жить в сосновом бору, рыбачить на озере. Достаточно проснуться, открыть глаза, сделать движение рукой, подняться, сесть на край кровати, пройтись по избе, комнате. Ты сразу ощутишь присутствие леса, травы, реки, обыкновенного ветра. Ты не их ощутишь, а присутствие утра, дня, которые и заменят тебе лес и речку...

В трехстах километрах от лагеря Миддендорфа

Очерк

Дмитрий Шпаро

Ранним утром в одно из мартовских воскресений 1970 года в пяти московских семьях шла странная подготовка. Главы семей укладывали в войлочные футляры одноручные пилы и втискивали в карманы большие клеенчатые рукавицы. Встреча была назначена в восемь часов у метро «Университет».

Встретились Борис Любимов, Юрий Хмелевский, Вениамин Писков, Александр Волгин и автор этих строк. В тот весенний день на обочине проспекта Вернадского были большие сугробы. Снег слежался, потемнел и представлял собой плотную массу.

Борис распределил обязанности, и мы начали работу. Водители с удивлением притормаживали, чтобы поглядеть на парней, которые занимались детским делом: строили снежную крепость. Часа через полтора ее увенчал элегантный купол из снежных кирпичей. Мало кто знал название этой снежной постройки — и́глу. Наверное, это была единственная иглу, возведенная на улице Москвы.

В таких снежных домах в Гренландии живут эскимосы. Их сооружали и для известных полярных путешественников Роберта Пири и Фредерика Кука на льду Северного Ледовитого океана, когда они готовились штурмовать Северный полюс в начале нынешнего столетия.

Долгое время считалось, что искусство возведения снежных домов доступно лишь эскимосам. Один из завоевателей Антарктиды, англичанин Эрнст Шеклтон, с сожалением говорил: «...в Антарктике нет эскимосов, которых мы могли бы нанимать, как это делал Пири, чтобы они строили для нас снежные дома». При необычных обстоятельствах построил из снега свой первый дом канадский полярный исследователь Вильялмур Стефансон. Его поразила снежная слепота, и надо было побороть болезнь. Чтобы не терять зря времени, он решил построить иглу. Именно Стефансон и описал ход строительства снежного дома.

Готовясь к заполярному походу, мы распределили обязанности. Один отвечал за палатку, другой за примусы, третий готовил карты, четвертый занимался транспортными проблемами. Борису Любимову мы поручили освоить по Стефансону строительство иглу, а потом научить этому хитрому делу своих товарищей. Нам нужно было уметь строить снежные хижины. Если на Таймыре, куда мы собирались идти в апреле на лыжах, что-нибудь

случится с палаткой или если группе по каким-то причинам придется разделиться, именно иглу спасут нас.

Борис с дочкой построил возле своего дома, в Чертанове, несколько снежных домов. И теперь под его руководством мы возводили из потемневших под весенним солнцем снежно-ледяных блоков целый дворец.

Наконец забрались внутрь помещения. Замерзли, как в погребе летом.

— На Таймыре в иглу будет тепло,— сказал Любимов.— Вот увидите.

...В поселке Хатанга накануне старта нашего лыжного перехода последний вечер мы проводили в гостинице. Каждый занимался своими делами: кто обшивал мехом капюшон анорака, кто пришивал к рукавам шерстяные тубусы, кто смолил лыжи. Мы слушали хатангское радио: выступали наши новые знакомые, передовики производства.

Нас было пятеро — все те, кто строил снежный дом на проспекте Вернадского.

И вот утро одного из первых походных дней. Светит солнце, градусов 20 мороза — тепло по здешним понятиям. Окружают нас таймырские горы Бырранга. Мы сняли палатку, уложили рюкзаки и пошли. Через час после выхода поднялся ветер. Небо покрылось плотными серыми тучами, пошел снег.

К счастью, мы были «привязаны» к руслу реки. Слева белели скалы, занесенные снегом, а справа под берегом были хорошо заметны темные дуги — «чашки» выдувов. На привале спустились в одну из «чашек», чтобы укрыться от ветра, но тут же были «обласканы» снежным вихрем и, раздосадованные, выскочили из лжеукрытия. Физик Борис Любимов сказал, что дуют здесь восточные ветры, и пустился в не очень понятные для нас рассуждения о турбулентности воздушных потоков.

Наконец мы достигли верховьев реки. Судя по карте, перед нами лежало многокилометровое плоскогорье. Серое небо, серая суша. Ничего не видно. Куда идти?

С трудом совсем близко от себя я различал какую-то стрелочку наледи, черточку, обозначавшую бугорок. Иногда я вытягивал руку с компасом вперед и двигался по направлению стрелки, будто корабль. Много так не пройдешь, неизбежны ошибки, очень боишься их и все сильнее напрягаешь зрение. Глаза начинают болеть, я чувствую, что дальше идти опасно — можно сбиться с пути. Кричу:

— Привал?

— Время обеда,— отзывается Юра.

— Сегодня уж вряд ли пойдем дальше. Попробуем построить иглу. В полевых условиях,— говорит Борис.

Заманчиво повторить московский опыт, построить дом — собрат того, что давно уже растаял на обочине проспекта Вернадского.

Снова уверенно и четко Борис руководит постройкой. Высота нашей иглу два с половиной метра. Она получилась на славу. Строили четыре часа. Долго? Но мы не спешили. Пока возводили стены, дежурный сварил какао. Перекусили. Тщательно затерли

стыки между кирпичами снегом, сделали «подземный» лаз — туннель. А вход в него обложили кирпичами. Борис сказал, что это архитектурное излишество.

Мы были довольны своим домом. Постелили внутри полиэтиленовую пленку, оленьи шкуры. Сбылись предсказания Бориса Любимова: в высоком и просторном помещении было и вправду тепло, не то, что в той московской иглу. Мы сняли штормовки, потом свитеры. Помещение было полно синего света. Светились кирпичи, светились стыки между ними, сказочно было внутри. Мы поужинали, потом Вениамин читал стихи Маяковского, спел несколько песен. Спать было рано, и мы попросили Бориса рассказать какую-нибудь таймырскую историю. Он сидел на оленьей шкуре возле примуса, в своем снежном доме.

— Помните, в Хатанге нам говорили,— начал Борис,— что по реке Нижней Таймыре люди прошли еще в XVIII веке. Это были участники Великой Северной экспедиции. Первым на собачьей упряжке проехал по ней от озера Таймыр до Карского моря геодезист Никифор Чекин. Весной 1740 года. А через столетие, в 1843 году, по Нижней Таймыре проплыл Александр Федорович Миддендорф со своими спутниками. Их было, как и нас, пятеро. Большая лодка называлась «Тундра».

В середине июля на озере Таймыр еще стоял лед. Миддендорф понимал, что к концу августа вода снова замерзнет, что добраться за месяц до Карского моря и вернуться обратно — дело невозможное. Но Миддендорф руководствовался хорошим девизом, который, наверное, подходит всякому настоящему путешественнику: «Сделать сверх возможного». В последних числах июля участники экспедиции пересекли озеро.

В ночь на 8 августа ударил мороз. С океана дул холодный ветер. На реке оказалось множество отмелей, лодка то и дело утыкалась в них. Приходилось лезть в ледяную воду, чтобы столкнуть байдару. Одним словом, летняя Арктика оказалась негостеприимной...

— Все это похоже на современное туристское путешествие,— сказал Саша.

— Не совсем,— отозвался Борис.— Это было выдающееся, ни с чем не сравнимое предприятие.

— Ну — что же дальше? — спросил Вениамин.

— Наконец, они достигли моря. Интересно, что сперва в подзорную трубу Миддендорф увидел серебряный столб, будто особый знак. Это была белая кварцевая глыба на небольшом острове. Тут Миддендорф решил идти к мысу Челюскин...

Мы удивленно спросили:

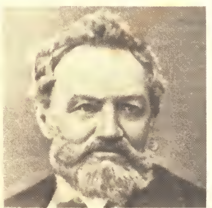
— На лодке?

— На лодке. Он хотел обогнуть мыс Челюскин и по морю Лаптевых плыть к Хатанге. К счастью, морские льды преградили дорогу уже через сутки, и Миддендорф повернул обратно.

— Почему, к счастью? — спросил Александр.

— Потому, что, если бы льды пропустили лодку, а потом через несколько дней зажали ее, Миддендорф бы погиб,— объяснил Вениамин.

— Обратный путь Миддендорфа — чистое безумие,— продол-



От пурги укрылись за снежной стенкой

Снежные километры экспедиции

На привале в минуту заносит снегом

Фото автора

Полярный исследователь
А. Ф. Миддендорф

жал Борис.— Идти на тяжелой лодке против течения, когда ледостав на носу...

Чтобы разводить огонь, в байдару набрали плавника. Лодку тянули на бечеве. На двух порогах веревка рвалась, и сильное течение отбрасывало «Тундру» далеко назад. Прошли пороги при ураганном северном ветре под парусом. Потом ветер бросил их на скалу. От удара сломался руль. А кругом были уже приметы скорой зимы: у берега стоял лед, с борта свисали сосульки, корпус обледенел, вес байдары увеличился вдвое. А до озера было все еще далеко.

— На озере их ждали?— спросил Юрий.

— В октябре на южном берегу должны были появиться долганы, но предстояло еще самое трудное — переправа через озеро.

Когда Миддендорф вышел к озеру, стояла непогода. Большие волны набегали на берег, и начать плавание никак не удавалось. Наконец отплыли, но вдали от берега волны были еще круче, и, спасая свою жизнь, путешественники направили байдару на отмель небольшого острова. На этом клочке суши, как в осаде, они просидели четыре дня.

Они видели на юге льды. Положение экипажа «Тундры» становилось критическим. Промедление грозило гибелью. Несмотря на волны, они спустили суденышко на воду и на веслах рванулись к западному берегу.

Но было поздно. Вода в озере как бы густела и на глазах покрывалась твердым молодым льдом — «салом». С носа лодки они прорубали канал. Потом им пришлось прорубать его в куда более толстом льду. В узкую щель протаскивали «Тундру», за ней шел легкий челнок, груженный сетями.

Неожиданно льды пришли в движение. Тонкостенный челнок они пробили, и вместе с сетями он моментально ушел под воду. Вконец измученные, в обледенелой одежде люди вышли на берег. Из лодки сделали нарты, в них сложили немногочисленные пожитки.

Путники двинулись к югу, но снега было мало, и, задевая о камни и мерзлую землю, санки очень быстро развалились. Миддендорф тяжело заболел. После потери рыболовных сетей вся надежда была на охоту. Миддендорф был отличным стрелком, но теперь, когда он выбыл из строя, людям грозила голодная смерть. Прирезали единственную собаку, которая была с ними. Несколько плиток сухого бульона — неприкосновенный запас — и мясо собаки разделили на пять равных частей. Спутники ученого увязали маленькие котомки и пошли на поиски долган. Миддендорф остался один.

Дальше и начинается самое невероятное. Силы покинули больного. Три дня он не мог подняться, чтобы добыть воды. Пурга занесла Миддендорфа снегом...

Борис замолчал. В нашей иглу было уютнее, чем в московской квартире. Влага от дыхания оседала на снежных стенах, и они покрылись блестящей корочкой льда, будто слоем прозрачного лака.

Нам было тепло, мы не думали о том, что на сотни километров вокруг нет человеческого жилья. Но каждый из нас очень хорошо

представлял себе, как на невысокой горке над озером в неудобной позе, на боку лежал человек. Он обхватил руками голову, сжался калачиком. Таймырской метели нужно не более получаса, чтобы поглотить его, скрыть навсегда от людских взоров. Он шевелил руками и головой, он отвоевывал у снега кубические сантиметры пространства...

Борис продолжал:

— Тишина, мороз, метель, и никакого выхода из положения. Потеряй он присутствие духа — все, конец. Возможно, он терял сознание, но воля к жизни не покидала его. Это был, конечно, великий человек. Восемнадцать дней он боролся с болезнью и голодом. Подвиг Миддендорфа славен не меньше, чем победа Алена Бомбара, который в одиночку пересек Атлантический океан без запасов провизии и воды.

— Ну так что с ним все-таки произошло? — нетерпеливо спросил Александр.

— Историки по-разному рассказывают об этих восемнадцати днях одиночества. Сам Миддендорф написал колоссальный труд. Результаты экспедиций на Таймыр и к Охотскому морю изложены им в четырех томах на немецком языке и в двух на русском. Немецкого издания я не видел, а русские тома — это самые толстые книги, которые мне приходилось читать. Тринадцать лет он работал над ними. Так вот, я хочу сказать, что в этих томах почти нет описания его приключений. Один из историков, современник Миддендорфа, пишет, что путешественник был близок к умопомешательству. Спасся же Миддендорф так. Он зажег несколько поленьев, оставленных возле него друзьями, растопил в котелке снег и вылил в него спирт, в котором хранились зоологические находки. Потом выпил эту смесь как лекарство и крепко уснул. К нему вернулись силы.

Миддендорф съел кожаные вещи, посуду из бересты и дерева, ему посчастливилось добыть куропатку. Тогда он совсем ожил. В маленькие салазки Миддендорф сложил одежду, ружье, боеприпасы, дневник и двинулся навстречу спасательному отряду. Через некоторое время он увидел три черные движущиеся точки. Это были долганы с оленями.

— Выходит, ему повезло, они ведь могли и разминуться,— воскликнул Юра.

Борис развел руками.

— Он, наверное, обозначил место своей «зимовки»,— сказал Александр.— По следу его нашли бы.

— След могла занести метель,— заметил Вениамин.

— Все это из области предположений,— сказал Борис.

— А они не могли построить иглу? — спросил Александр.

— Никто в России не умел этого делать...

— Сколько же от нас до того места? — Юрий размышлял вслух.— Я думаю, километров триста, не больше.

Пяти московским лыжникам предстоял трудный маршрут: через горы к заливу Фаддея, по морскому льду к островам Комсомольской правды и дальше к «краю» земли — мысу Челюскин. Первый маршрут полярной экспедиции, организованной газетой «Комсомольская правда».

Карта командира Миенга

Рассказ

Сергей Абрамов

Костров открыл глаза и увидел ящерицу. Серо-лиловая, с темными потеками на спине, с длинным изогнутым хвостом, она казалась игрушкой, приклеенной кем-то к потолку. Костров поцокал языком, и ящерица ожила, дернула плоской змеиной головкой, метнулась в сторону и снова замерла, уверенная в своей недосягаемости. Поначалу Костров пытался поймать хотя бы одну, подержать на ладони, придумывал всякие хитрости: гасил свет, потом зажигал внезапно лампочку, стремительно выбрасывал руку — черта с два! Не успевал, промахивался, ящерка опережала его, лилась по стене, как струйка, бесшумно и неуловимо. Привык он к ним за два года и не пытался ловить, потеряв интерес, хотя и присочинял в Москве о том, как замечательно их ловит: безумно трудно, почти невозможно, а вот он приноровился. Смешно это было и глупо, конечно, но ведь надо что-то рассказать о таинственном государстве миллиона слонов.

Войдя во вкус, Костров охотно делился выдуманными переживаниями от негаданных встреч со змеями (ядовитыми, какие могут быть сомнения?) на узкой тропе в джунглях. И желтые глаза «мраморной» пантеры описывал, и неслышный полет пружинного тела болотной рыси (слушайте! слушайте!). И посмеивался сам над собой, над фантазией своей, потому что за те неполных два года, что он пробыл в Лаосе, не встречал ни рыси, ни пантеры, а большую змею видел лишь раз: ползла через тропку в джунглях, тяжко тащила по мокрой траве толстый черно-желтый хвост, переливалась через тропу, и Костров даже не успел испугаться: просто замер на миг, остолбенел, а она уже исчезла.

Но Костров был журналистом, корреспондентом большой газеты, ездил по всей стране — от Долины Кувшинов до плато Боловен, любил Лаос, знал лаосский язык и даже ухитрялся усваивать тонкости в наречиях народностей лао-лум и лао-сунг. А какой истинный журналист не поддастся искушению сочинить пару-тройку захватывающих историй и при этом как бы вскользь не представить и себя этаким героем-удальцом, покорителем джунглей, первопроходцем.

Он опять поцокал ящерке, но та не испугалась, осталась на прежнем месте, и Костров встал, пошлепал босиком на кухню — варить кофе. День предстоял суматошный, хлопотный,

8-2069

одной езды — километров триста, стоило поторопиться. Позавтракал наскоро, вывел машину из гаража, порулил к шоссе. У выезда на шоссе его остановил патруль. Сосредоточенно-важный паренек в выгоревшей зеленой форме Патет-Лао, с автоматом на спине, долго и придирчиво рассматривал документы Кострова, сличал фотографию с оригиналом, поверил все-таки, что Костров на ней запечатлен, Костров и — никто иной, вернул паспорт с некоторым сожалением.

— Что случилось? — поинтересовался Костров.

— Враги,— боец был предельно лаконичен.

— Опять?

— Они не унимаются,— и расщедрился на целую фразу.— Будьте осторожны.

— Попробую,— пообещал Костров, тронул «рено», помахал солдату из окна.

Опять десант с той стороны Меконга. Второй за последний месяц. Костров, признаться, не видел сам ни одного десантника, но слухи о них ползли по Вьентьяну, пугали горожан: что-то будет? Не попасть бы в переделку!.. Тихий и сонный Вьентьян и во время войны-то не знал, что такое бомбардировки, горящий напалм или пулеметная очередь с самолета — шесть тысяч пуль в минуту. Все это было, было когда-то (слышали — как же!), но очень далеко от столицы, где-то на севере. Грохот войны в те годы почти не доходил до Вьентьяна: до его магазинчиков с ласковыми и льстивыми продавцами, до полутемных и тихих ресторанов, не знавших недостатка в изысканных восточных кушаньях в то время, как Освобожденным районам страны не хватало даже риса; до двухэтажного нарядного публичного дома «Белая роза», где проводили дешевый и легкий досуг крепкоголовые стриженые «джи-ай», швырявшие бомбы со своих самолетов на далекие от столицы джунгли.

Нет теперь никаких «джи-ай», летают они далеко отсюда, если вообще летают, если живы остались, и «Белую розу» прикрыли — хлопают под ветром створки окон в пустых комнатках-каютах, и продавцы магазинчиков что-то менее ласковыми стали, торопятся распродать пожитки и сбежать подальше от страшного слова «революция». А никто их и не держит, скатертью дорожка.

И сейчас, когда война кончилась, стал пугаться вьентьянский обыватель неведомых десантников «с той стороны». Говорят, у них — автоматы, яды, гранаты, черт знает что еще! Страшно, страшно...

Костров вспомнил недавний разговор с Миенгом, командиром боевого отряда Патет-Лао. Миенг праздно стоял на длинной и пестрой от тротуарных базарчиков улице Самсентаи перед стеклянной витриной магазина, где над японскими магнитофонами и долгоиграющими дисками из Бангкока висела двухметровая карта Лаоса, еще французская желто-зеленая карта с рельефными горами и долинами, с голубой ленточкой Меконга, с непременной розой ветров в углу. Миенг разглядывал карту (приценивался?), засунув руки в карманы, постукивал по горячему асфальту рваной зеленой кедой.

— Стоишь,— укоризненно сказал Костров.— А в городе что творится?

— Что творится? — удивился Миенг, оторвался от витрины, прищурил и без того узкий глаз.— Ничего не творится.

— Реакционеры десант высадили с той стороны.

— А-а...— беспечно протянул Миенг,— это я знаю. Только мы их всех уже выловили.

— Сколько их было?

— Человек десять. Глупые. Ничего не умеют. Откуда только такие берутся?

Миенг не страшился террористов. Миенг шесть лет воевал в джунглях Самнеа, дважды был ранен и, когда Костров писал о нем в свою газету, очень просил:

— Только не сравнивай меня с Сиенг Миенгом.

А ведь хотел Костров — чего таить? — назвать его именем героя старых народных баллад, хитрого веселого человечка, не боящегося ни королей, ни богачей, подобно узбекскому Ходже Насреддину, рассыпающему шутки пригоршнями, добрые шутки, злые шутки — уж кому как.

— Почему, Миенг?

— Я солдат, Ко-ля. Когда я стреляю, то не шучу.

— А когда не стреляешь?

— Тогда тоже не до шуток: очень спать хочется.

Миенг сворачивался калачиком на тощей бамбуковой циновке, подтягивал колени к подбородку, мгновенно засыпал, затихал — даже дыхания слышно не было. Так же бесшумно просыпался, осторожно трогал Кострова:

— Пора в путь, Ко-ля.

Неделю прожил Костров в отряде Миенга; два года назад жил с ними, жевал лаосский рис, пил чай, слушал рассказы о недавней войне, переживал, жалел, что поздно приехал в Лаос.

Кстати, ту единственную змею Костров видел, когда продирался вместе с Миенгом к базе отряда — к пещере у Долины Кувшинов. Потом Миенг долго и сосредоточенно чистил автомат (это он делал каждый день — по привычке), серьезно рассказывал бойцам, какой смелый товарищ корреспондент, как он отважно сражался с огромной коброй и победил ее. Миенг, как водится, не шутил: он хотел скорее закончить работу и заснуть хотя бы на пару часов. Какие уж тут шутки!

— Пришлось пострелять? — спросил его Костров тогда, у витрины на улице Самсентаи.

— Совсем мало,— сказал Миенг.— Скоро забуду, как это делается.

«Глупые» террористы-десантники сдавались почти без выстрелов, храбрец Миенг не считал их серьезными противниками, а на страхи торговцев и болтливых теток на базаре ему было наплевать. Пусть боятся, пусть сплетничают: надо же им чем-то привычным заниматься.

Костров подумал, что солдат, проверивший четверть часа назад его паспорт, мог быть из отряда Миенга. Что ж, значит, снова Миенгу не до шуток, ловит он «глупых» террористов, выспаться некогда. Надо все-таки отыскать его завтра-

послезавтра, узнать подробности: вдруг да выудишь суперсюжет для острого репортажа? Все возможно...

В столичном аэропорту Ваттай Костров приткнул свой «рено» рядом с посольской «Волгой» у бетонной стены с облезлой красной надписью: «Королевский воздушный флот Лао». Королевство благополучно скончалось, но надпись осталась, и в ларьке сувениров в зале ожидания еще продавались марки с портретом бывшего короля, красные флажки с трехголовым слоном под треугольным белым зонтиком — символ королевства и туристские сумки с тем же слоном и с той же надписью, полихлорвиниловые хрустящие сумки с ремнем через плечо, удобные для рынка. А надпись никого не смущала, не в ней дело в конце концов.

Костров почему-то любил этот маленький стеклянный зал ожидания с длинным рядом жестких кожаных кресел по стенам, где он когда-то давно, впервые прилетев во Вьентьян, никем не встреченный (телеграмма, видимо, не дошла, не поспела...) после тяжелого суточного перелета из Москвы заснул, растянувшись на четырех креслах, не замечая осуждающих взглядов хорошеньких продавщиц сувениров. Часа через три его разбудил секретарь посольства, который наконец получил телеграмму и примчался в аэропорт.

Сейчас секретарь Звягинцев стоял у выхода на перрон, ждал самолет из Москвы, Костров встал рядом в тени бетонного навеса.

— Опаздывает Ил?

— Вовремя будет. Через пять минут посадка.

— Кто прилетает?

— Гулевых, советник наш. Ты его знаешь.

— Из отпуска?

— Командировка. Выяснял в Москве кое-какие детали: будем строить новые дороги в Лаосе. А ты кого ждешь?

— Однокурсник в Ханой летит.

— Тоже писака?

— Журналист,— строго поправил его Костров и добавил с завистью, не удержался: — Недавно из Африки. С юга. Там сейчас горячо. Счастливчик...

— Завидуешь?

— Еще бы? У нас-то тишина и спокойствие.

— Этому не надо завидовать,— наставительно сказал Звягинцев.— Мир, братец ты мой, всегда лучше войны. Да и кому сейчас воевать охота?

Что ж, прав был Звягинцев, Костров и не спорил. Но одному из них уже исполнилось пятьдесят, а другой еще не добрался до тридцати, и у каждого было свое понятие об интересном. Ах как мы спешим стать поскорее взрослыми и торопимся, торопимся осудить в наших сверстниках наивное и смешное качество, называемое мальчишеством. И не в войне дело, дорогой товарищ Звягинцев. Чем скорее кончатся войны в мире, тем легче будет людям. Всем людям. Но пока неспокойно на земле, пока ведут справедливую борьбу патриоты Намибии, подпольщики Чили, борцы с апартеидом в Южной Африке, все мальчишки мира — от пятнадцати до семидесяти — будут рваться им на помощь. Вспом-

ните республиканскую Испанию, Звягинцев. Сколько вам было лет? Пятнадцать? Больше? Разве не мечтали вы тайком от родителей добраться до Одессы, проникнуть на пароход, уплывающий к Пиренейскому полуострову, к интербригадовцам, к республиканцам? Мечтали, конечно. То-то и оно, товарищ секретарь... И не осуждайте Кострова за мальчишескую зависть к приятелю, побывавшему там, где «горячо».

Весь этот монолог мог бы произнести Костров, но не успел, не пришло это ему в голову. Он уже забыл и о Звягинцеве, и о коротком разговоре с ним, смотрел, приставив ко лбу руку козырьком, как скользит по взлетной полосе дюралевая сигарка Ил-18, и в каждом иллюминаторе отражается кипящее лаосское солнце.

Самолет медленно выкатился на перрон перед аэровокзалом, к нему поехал трап, на нижней ступеньке которого стояла девушка в белой блузке и темно-синей юбке-саронге. Из открывшегося люка самолета на трап выныривали помятые от бессонницы советские туристы, летевшие дальше — во Вьетнам, члены каких-то иностранных делегаций, дипломатические работники из Ханоя, улыбающийся Гулевых с элегантным «атташе-кейз» и, наконец,

толстый Саша Хоменко, веселый Саша — коллега и однокашник по Институту восточных языков. Девушка в саронге вручала всем картонные квадратики, которые давали право промочить горло кока-колой. Костров помнил, что Хоменко предпочитает пиво, а пиво в Лаосе, надо отметить, не хуже «жигулевского». И после первых объятий Костров потащил приятеля в ресторан.

— «Тридцать три» или «тигра»? — с небрежным видом знатока спросил Костров.

— Ой, да все равно,— сказал умученный Саша: двадцатичасовой перелет с четырьмя посадками не располагал к гастрономическим раздумьям.— Чтоб холодненькое...

Молчаливый официант, шлепая пенопластовыми сандалетами, принес запотевшие бутылки «тридцать три», Саша залпом выпил пиво, улыбнулся блаженно, почмокал толстыми губами.

— Ах хорошо... Ну как ты здесь?

— Помаленьку,— скромничал Костров,— где нам с вами тягаться,— и спросил деловито: — Что привез?

— Письма. И еще посылочку. Там, кажется, черные сухари с солью и огурцы.

— Здорово! — обрадовался Костров: как и всякий русский человек, скучал он здесь без черного хлеба, без квашеной капусты, без соленых огурчиков. Мама знала об этом и с любой оказией пересылала ему эти неведомые в Лаосе деликатесы.

— О чем пишешь?

— Обо всем. О дорожном строительстве на севере, об университете «Сисаванг Вонг», о молодежи — мало ли о чем!

— А я, брат, устал, умотался... Эти бои, эти ночные вылазки, походы — с моей комплекцией, сам понимаешь...— Саша лениво тянул слова. Нравилось ему выглядеть этаким понюхавшим пороху ветераном, снисходительно беседующим со своим «мирным» коллегой.— У вас тут тихо, патриархально. Не соскучился?

— Некогда,— сказал Костров. Он не хотел показать приятелю, что малость завидует ему, даже «ветеранству» его наигранному завидует.— Когда скучать? Страна строится... Да и вообще мир всегда лучше войны,— тут он сообразил, что повторяет слова Звягинцева, но не смутился, даже добавил твердо: — Так я думаю.

Тут как раз загудел зуммер, и мелодичный женский голос объявил сначала по-лаосски, а потом по-французски, что рейс по маршруту Москва — Вьентьян — Ханой продолжается и пассажиры должны пройти к самолету.

— Ты когда обратно? — спросил Костров.

— Через две недели.

— Я тебя встречу, передам посылку для мамы.

— Договорились, Коля,— сказал Саша, обнял Кострова, важно пошагал к трапу — молодой, солидный, уверенный в себе.

И Костров подумал, что врет Саша напропалую: ни в какие бои, конечно же, он не ходил, торчал где-нибудь в гостинице, читал газеты, встречался с бойцами и командирами в тылах. А вся его томная усталость — от того же мальчишества, от страстного желания произвести впечатление на друга.

Сашка остановился у трапа, обернулся, помахал рукой Кострову: мол, не тужи, брат, не боги горшки обжигают. И Костров

радостно замахал в ответ...

Позже в городе он заехал в Союз молодежи Лао Хак Сат, побеседовал с секретарем о студентах, которые собирались в Советский Союз на учебу, завернул в Институт права, где и встретился с одним из них, потом вернулся домой, передал информацию в свою газету, успел забежать в ресторанчик пообедать традиционными блинчиками по-сайгонски с парой стаканов кокосового сока и, наконец, отправился за город, в деревенскую общину, где создавался новый крестьянский кооператив. Репортаж из кооператива Костровым был запланирован давно, и сегодня в деревне ждали советского корреспондента.

Выбрался он оттуда только вечером, когда стемнело. Включил ближний свет, протрясся на грунтовке километра два, выехал на шоссе, пустое в этот час. Ночь в Лаосе, как и везде на юге, внезапна и беспросветна. Почти нет сумерек: темнота опускается сразу — чернильная, густая, и, если небо затянуто облаками, не видно ничего, даже собственная вытянутая рука угадывается лишь смутными очертаниями. Не боясь встречных машин, Костров перевел фары на дальнее освещение, разогнался до сотни километров в час, включил радиоприемник. Городская станция передавала музыкальную программу, и Костров удобно откинулся на сиденье, чуть покачивал рулем, подпевал тягучей мелодии салавана — медленного и лиричного лаосского танца.

Внезапно в свете фар — еще вдалеке, метрах в ста,— возникли две темные маленькие фигурки. Костров притормозил, сбавил скорость и, подъехав ближе, увидел двух солдат Патет-Лао с автоматами наперевес. Один из них помахал Кострову, приказывая остановиться, потом заглянул в салон, посветил фонариком:

— Документы.

Опять проверка, с досадой подумал Костров, прямо-таки шпиономания... Протянул паспорт. Один из солдат внимательно изучал его, посвечивая фонарем, а другой потребовал открыть багажник. Чертыхаясь про себя, Костров хлопнул дверцей, отпер крышку багажника. Смотреть там было не на что: запасное колесо, брезентовая сумка с инструментами, канистра с желтой раковиной «шелл» на боку. Солдат постучал по канистре, послушал звук, сказал удовлетворенно:

— Пустая.

— Не с героином же,— не преминул ввернуть Костров и вдруг услышал из темноты:

— А кто тебя знает? Вдруг ты стал контрабандистом?

Кто-то вышел на шоссе, встал в свете фар, и Костров с радостью узнал Миенга. Миенг стоял, как и тогда у витрины, засунув руки в карманы, чуть покачиваясь с носка на пятку, улыбаясь.

— Миенг! Что ты здесь делаешь?

— Разве ты не видишь? — удивился Миенг.— Мы играем в футбол.

Один из солдат хихикнул. Миенг взглянул на него, сказал строго:

— Верните товарищу паспорт. Можешь ехать, Ко-ля.

Нет, неспроста здесь Миенг со своими ребятами, что-то

случилось или что-то должно случиться. У Кострова появлялся неожиданный шанс, и он не мог упустить его.

— Миенг,— сказал он просительно,— я не тороплюсь домой. Я бы остался с тобой, если ты не против.

— Я — против. Но ведь ты же со мной не согласен, да?

— Конечно, не согласен. Встретил друга и — гонишь его. Нехорошо, Миенг.

— А будет ли хорошо, если друга случайно подстрелят?

Сомнений больше не осталось. Костров просунул голову в окно машины, решительно вытащил ключ зажигания.

— Напрасно ты сказал это, Миенг. Теперь я уж точно никуда не поеду.

Миенг засмеялся.

— Я тебе ничего интересного не обещаю, Ко-ля. Возможно, мы просто дождемся рассвета и уедем. Но возможно...— он не договорил, пошел в темноту, и Костров поспешил за ним, чувствуя, как незнакомый холодок стягивает что-то внутри: от страха? Нет, скорее от ожидания опасности, может быть такой же, о которой болтал сегодня Сашка, от ощущения странной значимости всего: и этой душной черной ночи, и неожиданной встречи с Миенгом, и от молчаливой сосредоточенности его солдат, и от тревожно ровного плеска воли пограничной реки Меконг — где-то внизу, под обрывом.

Пожалуй, у Кострова уже возникало подобное чувство, когда шли они с Миенгом сквозь джунгли в провинции Хуапхан, и тогда так же сжималось сердце, и только сожалел Костров, что опоздал: кончилась война до его приезда в страну, и путешествие на базу отряда было не очень опасным — разве что змеи... Впрочем, войны и сейчас не было. А змеи уж не так и пугали Кострова...

Он остановился на самом краю обрыва, над водой. Миенг протянул в темноте руку, она уперлась Кострову в живот.

— Сядь,— прошептал Миенг.

Костров послушно сел на землю, поджал по-турецки ноги. Где-то далеко закричала птица: черт ее знает какая. Снизу от воды тянуло прохладной сыростью, даже приятной в эту липкую от духоты ночь.

— Что все-таки происходит? — тоже шепотом спросил Костров.

— Ждем гостей с той стороны.

— Ждете?

— Именно ждем. Слухи, Ко-ля, слухи...

— А меня сегодня утром патруль остановил. Сказали: опять десант высадился.

— Перестраховка. На всякий случай. Они любят приходить ночью, а вчера их еще не было.

Костров понимал, что служба информации у Патет-Лао налажена достаточно хорошо, профессионально. Но не настолько же, чтобы предугадывать любой ход противника с той стороны Меконга? Выходит, настолько, раз сидят они сейчас на обрывистом берегу и, как выразился Миенг, «ждут гостей».

 — Сколько у тебя солдат?

— Хватает,— сердито прошептал Миенг.— Молчи и слушай.

— А сколько гостей?— не утерпел все-таки Костров, но ответа не получил и стал слушать.

Разговаривать Миенг запретил, видеть — все равно ничего не видно, осязание и обоняние тоже вроде лишние сейчас. Только слух... Но что слушать? Костров слышал Меконг — ровный, ритмичный плеск волны у берега. Неведомая птица — он так и не научился различать птиц Лаоса даже по внешнему виду — опять кричала в лесу, перекрывая зудящий хор цикад. Ей вторил кто-то совсем уж непонятный: может быть, обезьяна, а может, еще кто... Говорили, в этих местах в Меконге водится нечто вроде знаменитого лохнесского чудища в индокитайском варианте. Говорили и о жертвах этого речного змея: о каких-то рыбаках, о крестьянине, даже о дипломате из Вьентьяна, утонувшем здесь несколько лет назад. Если всерьез поверить в существование «чудовища», то неведомый глас вполне может принадлежать ему. Тогда диверсантам лучше обождать: змей что-то разговорился, так и слопает их вместе с пирогой или на чем они там собираются форсировать реку.

Потом Костров подумал, почему у Миенга нет автомата? Да и кобуры с пистолетом на поясе Костров у него что-то не углядел. Руками он, что ли, диверсантов станет душить? Сомнительно... В боксе таких, как он, называют «мухачами» — самый наилегчайший вес. А диверсанты по логике должны быть здоровенными, да еще и вооруженными до зубов. Для встречи с ними и самому Кострову неплохо бы обзавестись каким-нибудь пистолетиком. «Смит-и-вессоном», к примеру. Или браунингом. Попросить у Миенга? Не даст, конечно. И правильно сделает. Костров даже устыдился внезапного желания. Хорош будет советский корреспондент с оружием в руках! Как это обычно формулируется: вмешательство во внутренние дела?..

Миенг дотронулся до его руки.

— Слышишь?

Все было по-прежнему: и плеск волны, и цикады, и легкий шум пальмовых листьев, только птица не кричала и «чудовище» приумолкло — устало ворчать. Никаких посторонних звуков. Тишина!

— Ничего не слышу.

— Плеск.

Костров даже голову вытянул в сторону реки: те же волны, та же дурманящая сырость. Что Миенг имеет в виду?.. И вдруг Костров уловил чуть слышные хлюпающие звуки, даже не звуки — звук: будто кто-то в середине реки опустил в воду камень. Аккуратно опустил — не бросил, и все же не бесшумно.

— Что это?

— Весло.

Миенг приложил руку ко рту, и к хору цикад добавилась еще одна — совсем рядом, потом еще и еще.

— Сиди здесь,— эти слова Костров скорее почувствовал, чем услышал.

Миенг, согнувшись, бесшумно метнулся в сторону, пропал в темноте. Костров, обиженный, что его оставили одного и наверня-

ка вдалеке от главных событий, снова прислушался. Плеск весла повторился, потом еще раз — уже значительно ближе. Пирога — скорее всего это была она — подходила к лаосскому берегу. Судя по всему, те, кто шел на ней, хорошо знали этот берег, помнили, что здесь — обрыв, и надеялись подняться по какой-то ложбине, известной, впрочем, и солдатам Миенга. Иначе почему бы они ждали гостей здесь, а не метрах в ста отсюда?

Хлюпанье весла стало повторяться чаще, слышнее и переместилось влево, куда скрылся Миенг. Кострову очень хотелось пойти вслед за ним, но он боялся пошевелиться. Он не умеет передвигаться так же бесшумно, как Миенг, и конечно же Кострова немедленно услышат — он даже шагу сделать не успеет. Ноги его, сложенные калачиком, от непривычки стали затекать. Он осторожно вытянул ноги, вздохнул блаженно. И тут же услышал глухой стук внизу.

Кто-то снизу, из воды, сказал по-лаосски свистящим шепотом:

— Здесь.

Потом опять хлюпнула вода, словно некто тяжелый осторожно шагнул в нее, еще раз хлюпнула, кто-то закряхтел, и Кострову стало по-настоящему страшно. Миенга не было, никого из солдат Костров не слышал. Неужели он остался один?

Первым импульсом было желание бежать. Бежать к машине, на шоссе и — в город на полном газу! Но тут же он одернул себя: ты что? Слюнтяй, мальчишка! Струсил? Ты же сам хотел очутиться рядом с опасностью. Вот и дождался: опасность рядом. Враги где-то внизу, метрах в пяти. Сейчас они будут здесь.

Костров сжимал и разжимал кулаки, чувствуя, как вспотели ладони. Сколько там диверсантов? Судя по шуму, не более четырех-пяти. Что ж, с одним или с двумя он сумеет справиться: на его стороне преимущество неожиданности. А остальные? Да нет, вздор все это! Миенг никуда не делся, и солдаты его с ним. Они просто затаились — до поры, выжидают, чтобы ударить внезапно и точно...

Фонарей никто не зажигал: ни террористы, ни солдаты Миенга. Все так же зудели цикады, жестко шуршали листья пальм над головой, и невидимая пирога время от времени ударяла деревянным носом в каменистый берег. Костров осторожно встал и тут же похолодел от испуга: хрустнула коленка. Прислушался. Нет, никакой паники. Нервы, нервы, никто ничего не услыхал...

Снизу спросили:

— Все?

Ответа не было, но и молчание удовлетворило спросившего. Видимо, они начали подъем: затрещала ветка под ногой, посыпалась земля, кто-то поскользнулся, выругался сквозь зубы. Шум шагов удалялся куда-то влево, где предположительно был Миенг, и опять Костров подивился его предусмотрительности. Очень хотелось шагнуть все-таки, надоело стоять пнем, но он страшился выдать свое присутствие, подвести бойцов. Он стоял напряженно, слушал шаги — никогда не подозревал, что его слух может так обостриться, — ждал конца. И дождался.

Первый из пришельцев ступил на верх обрыва, сказал:

 — Скорее, шевелитесь.

И вдруг захрнпел, забился и затих.
— Кто там?—это был второй.
Кретнн! Он еще задавал вопросы...
Костров даже засмеялся про себя: как все легко получается. Ни криков, ни погони, ни выстрелов. Днверсантов взяли, как говорится, тепленькимн. Второй даже не ойкнул, не успел. Больше всего Костров жалел, что не может видеть событий, разыгрывающихся в каких-нибудь десяти метрах от него. Он уже пошел было туда, как вдруг кто-то впереди крнкнул бессвязно, упало что-то тяжелое и большое, раздался возглас:
— Стой!
И нечто огромное налетело на Кострова, повалило с разгону, подмяло его под себя. Костров упал на спину, невольно выбросил вперед руки, обхватил это «что-то», оказавшееся человеком. Человек рванулся из объятий Кострова, потащил его за собой. Они оба упали на мягкую землю. Костров не успел среагировать, больно ударился локтем обо что-то твердое, охнул негромко, ткнулся лнцом в мокрую от пота одежду ночного «гостя». Тот не пошевелился.
Сзади вспыхнуло сразу два фонарнка. Лучн их заметалнсь по земле, скрестились, поймали Кострова. Он повернул голову, зажмурился от яркого света.
— Жив?—это был Мненг.
— Я-то жив,—сказал Костров.—Однако гость ваш...
Он взглянул на неподвижно застывшее тело диверсанта, оказавшегося маленьким и щуплым: в темноте невольно преувеличиваешь опасность...
— Чем ты его?—Мненг присел на корточкн, посветил в лнцо днверсанту.
Тот подергал веками, но глаз не открыл, боялся, видно.
— Не трогал я его,—сказал Костров, потирая ушнбленный локоть.—Сам он...
Миенг пошарил рукой по земле, поднял увесистый камень.
— Не повезло бедняге. Ударился. Ты, Ко-ля, такой большой, а он такой маленький. Разные массы. Закон Нью-то-на. Не забыл?
— Не забыл,—мрачно подтвердил Костров.—Не будет бегать где не надо.
— Он же совсем глупый,—усмехнулся Миенг.—Он не знает закона Нью-то-на...—кнвнул своим бойцам:—Забнрайте его.
Те подошли, один нз ннх ткнул диверсанта дулом автомата. Он поднялся нехотя—похоже, не так уж сильно ударился,—и Костров пожалел, что не может разглядеть его лица.
— Посвети на него, Миенг.
— Зачем?—спросил Миенг.—Батарейку жалко. Я фонарнк ребятам отдам. Они пирогу покараулят.
— Сколько было «гостей»?
— Четверо.
— Никого не упустил?
— Никого. Только твой шустрым оказался.
— Какой он мой,—махнул досадливо рукой Костров.—С таким же успехом он мог налететь на дерево. Или на стену. Илн

просто поскользнуться. Я тут ни при чем. Даже не помог вам.

— Это и хорошо. Со своими врагами мы должны справляться сами...— он помолчал.— Зря я согласился взять тебя. Испугался я очень, когда он в твою сторону побежал. Моя вина.

— Причем здесь ты, Миенг? Я сам напросился. А взявшись за гуж, не говори, что не дюж.

— Как это?—не понял Миенг.

Костров усмехнулся: трудно перевести на лаосский привычную русскую поговорку. Подумал, сказал:

— Что-то вроде твоего выражения: если я стреляю, я не шучу.

— Только я не стрелял сегодня,—сказал Миенг.—Их надо было живыми взять.

— Жалеешь, что не стрелял?

Даже в темноте Костров почувствовал, что Миенг удивился, затянул паузу, потом ответил:

— Я бы не хотел больше стрелять, никогда.

— А шутить?—подковырнул Костров.

— Куда денешься...—притворно вздохнул Миенг.—С твоей легкой руки.

— Почему с моей?

— Ты же обманул меня. Ты же написал тогда в своей газете, что я похож на Сиенг Миенга.

— Откуда ты узнал?— удивился Костров. В те годы его газета крайне редко попадала в джунгли Самнеа, да и кому бы ее там читать? Русский язык в Лаосе знают немногие.

— Мне Вилайла читала. Она привезла газету из Москвы.

Этого Костров не учел. Молоденькая докторша Вилайла, подруга Миенга, училась в Московском медицинском институте и, оказывается, сохранила для приятеля вырезку с фотографией и текстом, где Костров все же не удержался, назвал его именем фольклорного героя.

— Ты на меня сердишься, Миенг?

— Нет, Ко-ля. Меня всегда так звали. Я шутил, когда просил тебя не упоминать об этом. А ты на меня не сердишься?

— За что?

— За сегодняшнее.

— Я благодарен тебе.

Они подошли к машине, которая по-прежнему темнела на обочине — только подфарники тлели красными светляками. Из леса, из черноты зарычал мотор, и на шоссе тяжело выполз грузовик с солдатами и «гостями».

— Командир,— крикнули из грузовика,— ты с нами?

— Езжайте,— сказал Миенг.— Меня товарищ довезет.

Костров включил зажигание, тронулся с места, легко обогнал грузовик, посигналив ему фарами. Миенг молчал, поглядывал вперед, на дорогу, ловил ладонью горячий ветер в открытое окно. Потом сказал:

— Не за что меня благодарить. Я показал тебе войну, а война — это совсем неинтересно.

Вот тебе и раз! Боевой командир Миенг, опытный и умный солдат, стрелок — каких поискать: что из автомата, что из револьвера!

— Почему ты так говоришь?

Он опять помолчал, облизнул тонкие сухие губы.

— Я не знал ничего другого. Я родился, когда была война. Я учился, когда была война. В пещерах вместо школ, потому что война не щадила никого и бомбы падали всюду. И на школы, и на госпитали, и даже на детей, играющих на дорогах. Я стал солдатом, потому что шла война. Я стрелял. Я видел смерть ежедневно. Это страшная штука — смерть. Я ненавижу войну, Ко-ля.

— Что ты станешь делать дальше, Миенг? Учиться?

Миенг долго молчал, словно подыскивал ответ — самый точный, единственный.

— Ты помнишь карту Лаоса в магазинчике на улице Самсентаи?

— Помню.

— Я купил ее. Это старая карта. Ее еще французы печатали. Я хочу строить дороги, Ко-ля. Я буду учиться строить дороги. Я нарисую их на этой старой карте, потому что их там нет. Лет через двадцать ты приедешь в Лаос, и я покажу тебе карту. Она станет очень красивой: вся в красных линиях моих дорог,— он

засмеялся, высунул голову в окно, зажмурился, сжал губы: очень сильный встречный ветер. Потом сел прямо, пригладил пятерней растрепавшиеся черные жесткие волосы, сказал серьезно и строго:

— Знаешь, о чем я тебя попрошу? Не пиши ничего в свою газету о сегодняшней ночи. Я не хочу, чтобы Вилайла узнала, что я опять воевал. Ладно?

— Договорились,— сказал Костров.

На этот раз он знал точно, что не обманет Миенга.

Фарас

Глава из книги
«От Эдфу до Фараса»

Казимеж Михаловский,
академик

Ни одна из наших раскопок на Ближнем Востоке не принесла польской науке такого признания и даже мировой славы, как открытия в Фарасе. Объясняется это несколькими причинами. Во-первых, значительностью самого открытия, действительно великолепного. Во-вторых, обстановкой соперничества: в 60-е годы в Нубии под патронатом ЮНЕСКО работали десятки археологических экспедиций, направленных не только научными центрами, славящимися своими исследованиями на берегах Нила, но и из таких стран, как Аргентина и Япония, впервые заявивших о себе в археологии Египта. Поляки, по мнению мировой печати, вытянули в этой «нубийской лотерее» самый счастливый билет.

Наши раскопки способствовали тому, что название этой маленькой, никому не известной, а ныне уже и не существующей арабской деревушки в Нубии, затопленной водами искусственного озера, сделалось, с одной стороны, синонимом определенного периода в египетском изобразительном искусстве, а с другой — символом крупнейшего археологического открытия.

Широкие общественные круги проявляют большой интерес к тому, как было сделано это открытие и почему объектом наших изысканий оказался именно Фарас, а не какое-нибудь другое предложенное нам археологическим управлением Судана место. Подозревают, что у меня счастливый дар выбора объекта раскопок, как же иначе объяснить, что всего за два года нам удалось сделать три столь значительных открытия — театр в Александрии, храм Тутмоса III в Деир-аль-Бахари и уникальные фрески в Фарасе? Я не раз опровергал подобные домыслы о счастливом даре, якобы присущем некоторым археологам, о их способности предугадывать, что именно в данном месте они найдут нечто важное. Эти легенды, бытующие даже в археологической среде, я всегда опровергал, считая их вздорными и даже вредными, могущими повредить методам исследования, которые должны сделаться оружием каждого ученого. Так как Фарас чаще других приводился в качестве примера моего счастливого дара искателя, я нахожу уместным еще раз напомнить о правилах, какими должен руководствоваться любой археолог, прежде чем он примет решение начать поиски. Во-первых, следует помнить: археология не только наука, но и профессия, и в своей профессиональной деятельности археолог обязательно должен руководство-

ваться и чисто экономическими соображениями.

Не следует добиваться концессии на ведение раскопок без предварительного ознакомления с литературными данными, чтобы удостовериться, что избранное место действительно обещает солидные научные результаты. Мне в моей практике случалось отказываться от довольно заманчивых предложений, так как предварительное ознакомление не гарантировало значительных открытий, и, учитывая неизбежные расходы при проведении раскопок, я не считал возможным рисковать. Впрочем, я имею в виду не только чисто финансовый риск. Малоперспективные раскопки не только не прибавляют славы нашей науке, но часто истолковываются как проявление бездарности или некомпетентности. Поэтому от подготовительного этапа исследований, предваряющего непосредственные работы на участке, нередко зависит успех всего дела.

Когда такой выбор, который должен производиться сообща, наконец сделан, предстоит изучить еще сам район. Тут необходим определенный индивидуальный дар, руководство раскопками, а значит, и разведка местности должны находиться в руках опытного археолога. Ведь можно много сезонов подряд вести раскопки, исчерпать отпущенные кредиты и найти всего второразрядные или третьеразрядные материалы, которые если и представляют какой-то исторический интерес, то лишь для крайне узкого круга специалистов. В этом теперь прекрасно отдают себе отчет американские научные центры, которые, располагая значительными средствами, нередко приглашают руководить раскопками иностранца с большим опытом в этой области, поверяя ему же и заботу о подборе кадров ученых.

Отец американской археологии профессор Джон Уилсон как-то рассказал мне чрезвычайно любопытный факт, связанный с началом его археологической практики, когда он молодым ассистентом работал в американской экспедиции, проводившей раскопки в Мегиддо. Однажды их навестил англичанин Флиндерс Питри. За завтраком руководитель и члены экспедиции пожаловались ему, что, многие годы занимаясь раскопками этого поселения, они находят лишь однообразные деревенские строения, по всем данным — жилища бедняков. А ведь где-то здесь должен находиться дворец правителя, где могут оказаться не только памятники письменности, но и произведения искусства. После завтрака все направились к месту раскопок, английский ученый, оглядевшись по сторонам, спросил, известно ли им в общих чертах, какую территорию занимало древнее селение? Получив утвердительный ответ, он послюнявил палец и, подняв его, поинтересовался, соответствует ли дующий сейчас легкий ветерок основному направлению ветров в этом районе? Выяснив, что так оно и есть, Питри двинулся навстречу ветру до границ деревушки и указал место, где, по его мнению, следует искать руины дворца. История с пальцем придала визиту Питри несколько комичный оттенок, но после отъезда ученого американцы решили в указанном месте провести зондаж. Каково же было их изумление, когда через несколько часов они наткнулись на руины так долго и безуспешно разыскиваемого ими дворца! Указание Питри базировалось на

известном ему факте, что дворцы или дома управляющих возводились в странах Востока, как правило, на самой окраине селения, с той стороны, откуда дули ветры, чтобы кухонные и другие запахи им не докучали.

Рассказ о пребывании Флиндерса Питри в Мегиддо смахивает на анекдот. Но это наглядный пример того, какую роль в определении места раскопок играет индивидуальный опыт ученого, как правило не ограниченный знакомством с одним географическим районом. Следует, впрочем, добавить, что современники Питри серьезно критиковали его метод, так как многие археологические комплексы он раскапывал, ограничиваясь самыми важными элементами и не исследуя всего района, который оставлял подчас в хаотическом состоянии. И все же как раз благодаря Питри мы значительно быстрее ознакомились с историей и культурой Древнего Египта.

Этим отступлением я хотел показать, сколь важна предварительная разведка района и выбор места раскопок. Это зависит не от чутья, а от опыта археолога, возглавляющего экспедицию. Третье условие, необходимое для серьезных археологических открытий,— тщательный подбор участников экспедиции. Тут нужны различные специалисты по керамике, надписям и т. д. Ведь не всегда можно заранее предугадать все категории памятников, какие могут обнаружиться в ходе исследований. Экспедиция должна, кроме того, формироваться так, чтобы молодые ученые, длительное время находящиеся в известной изоляции от метров науки, были подготовлены к работе в коллективе и умели поддерживать товарищескую, дружескую атмосферу. Бывали случаи, когда солидные экспедиции терпели неудачу именно потому, что между отдельными ее участниками возникали трения.

Немаловажны хорошая подготовка всего дела и снаряжение. Наконец, надо заботиться о хороших взаимоотношениях с местным населением, с рабочими экспедиции. Все это в значительно большей степени определяет успех, чем различные бланки и другие вспомогательные материалы, скажем подсобная библиотека. Все остальные детали методологии ведения раскопок, о которых говорится в учебниках, весьма полезны и облегчают обработку найденных в земле археологических материалов, но не они определяют конечный результат.

Раскопки в Фарасе мы начинали, не располагая ни соответствующими фондами, ни инвентарными бланками для учета, нехватки же в снаряжении экспедиции остро ощущались. Однако уже через три недели мы нашли две настенные фрески в часовне епископа Иоанна, скрытой глубоко в песке под стенами арабской крепости. Мы не располагали ни цветной кинопленкой, ни соответствующей фотоаппаратурой, все оборудование — видавший виды теодолит да поржавевшие металлические рулетки. У нас не было ни лодок, ни самолета, и, если бы не наши открытия, мы бы в растерянности хлопали глазами перед другими работавшими неподалеку экспедициями, великолепно оснащенными самым современным техническим оборудованием. Но именно нам довелось одержать победу, наши открытия оказались самыми сенсационными, вызвавшими не только визиты археологов, но даже специальные экскурсии из

Хартума. Так как спасение исторических памятников Нубии получило широкий резонанс во всем мире, в Фарасе побывали посещавшие этот край перед его затоплением водами Нила различные лица. Среди них было немало государственных деятелей и даже коронованных особ. Посетителей прежде всего интересовали два археологических объекта — Абу-Симбел и обнаруженные нами фрески в Фарасе.

Решающим условием наших успехов оказалось неуклонное следование тем правилам, о которых говорилось выше.

Мы остановили свой выбор на Фарасе среди нескольких других, предложенных нам пунктов, так как по предварительным библиографическим изысканиям именно он представлялся наиболее перспективным объектом. Вопреки советам моих коллег, выдающихся специалистов в области нубийской археологии, я не стал начинать раскопки на месте уже частично обследованных ранее кладбищ так называемой группы X. Разрешить проблему загадочного населения Северной Нубии нам удалось во время четвертого сезона.

Раскопки же мы начали там, где их прервал еще до первой мировой войны один из самых выдающихся археологов, профессор Френсис Гриффит из Оксфорда, открывший комплекс декорированных блоков из храма Тутмоса III. Именно сообщения Гриффита и определили выбор Фараса в качестве объекта наших археологических изысканий.

Итак, в течение первых двух недель мы раскапывали блоки храма Нового Царства, декорированные великолепными рельефами или надписями, я же тем временем обследовал снаружи холм искусственного происхождения, так называемый ком или телл, который возвышался на берегу Нила. На самом гребне его виднелись руины арабской крепости и коптского монастыря более позднего периода. Еще Гриффит предполагал, что холм этот — искусственное образование, но не решился начать раскопки. Впрочем, в его оправдание следует сказать, что в то время в руинах крепости располагалась часть деревни Фарас — Набиндиффи. До того как мы приехали в Фарас, Департамент по охране исторических памятников Судана эвакуировал население на новое место, подготовленное для суданских нубийцев на границе с Эфиопией — в Хашм-эль-Гирба.

Не могло быть и речи о том, чтобы начать раскопки с документирования и разборки крепостных руин, а также обнаруженных там арабских жилищ. Мы не располагали для этого ни временем, ни средствами. Нужно было найти у подножия холма место, откуда представилась бы возможность вести раскопки в глубь «кома», не трогая возвышавшихся на его склонах остатков других сооружений. После долгих поисков я нашел подобное место, которое могло служить исходной точкой, откуда можно было вести траншею, чтобы добраться до фундамента цитадели. После двухнедельных работ на западном склоне холма мы откопали свыше ста относящихся к периоду Нового Царства блоков, которые сами по себе представляли научную ценность, затем рабочая бригада перешла на противоположный склон «кома», чтобы провести глубокий раскоп с восточной стороны. Облегчало нашу работу то, что избранное место находилось на берегу Нила, поэтому песок из раскопа сбрасывали в реку.

Последующая декада оказалась наиболее утомительной. В конце концов мало кого вдохновляло пересыпание песка от подножия горы в реку. Даже мои сотрудники стали проявлять нервозность, а рабочие неделю спустя забастовали, однако мне удалось все уладить. Ведь речь шла о том, чтобы добраться до сердцевины «кома». Признаюсь, я даже не представлял, что может быть там: храм ли египетских времен, или постройка мероитской эпохи, или святыня христианского периода. Последнее представлялось наименее вероятным. Я полагал, что такой внушительный искусственный холм — занесенные песком грандиозные руины. Через две недели мы обнаружили стены кафедрального собора. Нашим взорам открылось окно с прелестной решеткой, мы докопались также и до могильной часовни епископа Иоанна, увенчанной двумя фресками, великолепно сохранившимися. Итак, выбор оказался правильным. Уже эти первые фрески — одна с изображением архангела Михаила, другая — богоматери с ребенком в тоге,— а также вмурованные в стену надгробия епископов оказались подлинной сенсацией.

Но наши средства кончились, и раскопки пришлось на этом прервать, отложив дальнейшие изыскания до следующего сезона. Мы вернулись в Фарас осенью того же года. Теперь программа работ определялась самими находками. После необходимого документального описания следовало разобрать руины арабской крепости и снаружи обкопать стены христианского храма. Подчеркиваю: обкопать до проникновения внутрь. Почему? Массивные песчаные завалы напирали извне на стены постройки, которые, хотя и были у основания сложены из каменных блоков (выше шел обожженный кирпич), могли рухнуть, начни мы сразу же освобождать от песка внутренние помещения. Двумя годами позже нечто подобное произошло в ходе работ одной экспедиции, обнаружившей небольшой храм. Когда, открыв первые фрески, археологи принялись немедленно очищать интерьер, стены под тяжестью песка треснули, и фрески серьезно пострадали.

Второй сезон почти целиком был посвящен подготовке к исследованию внутренних помещений храма. Однако он изобиловал счастливыми находками других сооружений, например некрополя епископов, дарственной стелы, дворца епархов, вспомогательного храма на южном склоне, а главное — еще двух фресок, венчающих снаружи южный вход собора. На одной изображен архангел Михаил с мечом, охраняющий врата храма, на другой — святой Меркурий на коне, пронзающий копьем Юлиана Отступника. После удаления стен арабской крепости стали видны верхние края некоторых фресок.

Наиболее важные открытия были сделаны во время третьей кампании. По мере того как из храма удаляли песок, все четче вырисовывались великолепные изображения, и часто, не насмотревшись еще на портрет епископа в богатых и красочных одеждах, приходилось спешить на другую сторону постройки, где обнаруживали новую находку. В ходе расчистки храма, в котором оказалось свыше ста двадцати фресок, мы демонтировали в северной части холма уже обработанный нами коптский монастырь. Под ним оказались руины более древних построек. Работы у нас было невпроворот. Нужно было заниматься обмерами, фотографировать,

вести учет то и дело обнаруживаемых памятников. На отдых времени почти не оставалось.

Сезон этот длился уже полгода, нас томила невыносимая жара. Приходилось спешить: мы знали, что через год эвакуация населения Нубии закончится и поднявшиеся воды Нила затопят весь район. Выяснилось, что фрески покрывают внутренние стены храма в несколько слоев. Чтобы добраться до самых древних, требовалось немедленно приступить к удалению более поздних росписей. Польское искусство реставрации памятников старины и демонтажа фресок (что ранее было монополией лишь итальянских и югославских специалистов) не только получило повсеместное признание, но и вызвало восхищение. В процессе долгих экспериментов наши реставраторы разработали свой метод, успешно выдержавший экзамен в этом знойном климате, в условиях песчаных бурь...

Демонтаж фресок и другие работы, связанные с подготовкой к отправке полученных материалов, и составили задачу четвертого сезона. Тогда же завершилось распределение найденных шедевров между Хартумским Археологическим и Варшавским национальным музеями. Учитывая уникальность находок, их исключительную ценность, представители обеих сторон пришли к соглашению лишь после длительной совместной работы. Памятники искусства, полученные Польшей,— это весьма внушительный комплекс фресок, ярко демонстрирующих развитие нубийской живописи с начала VIII до XIII века н.э. В числе этих шедевров такие, как изображение святой Анны и епископа Мариана.

В конце всех наших работ нам довелось пережить драматические минуты. Все окрестное население уже эвакуировали, мы остались с немногочисленной группой преданных нам рабочих, которые отправили свои семьи в новые селения, но сами не покинули нас. И вот в эти дни в лагере вспыхнул пожар. Спасая памятники искусства, многие сотрудники не только лишились личного имущества, но и утратили часть своих записей. К счастью, документация уцелела.

То, что удалось сделать в Фарасе, —в истории польской археологии одна из великолепнейших страниц, свидетельство энтузиазма и бескорыстного служения науке группы молодых подвижников, которые в тяжелейших условиях, отказывая себе во всем, а подчас и с риском для жизни довели неизмеримо трудную и сложную работу до конца.

На исходе мая упакованные в ящики сокровища, среди которых наряду с фресками были изделия из камня, дерева, бронзы, керамики, ткани и т.д., погрузили на специально зафрахтованный нильский пароход — сандал, доставивший наш груз в Вади-Хальфа. Здесь ящики разделили на две группы: первая следовала в Хартум, вторая — в Порт-Саид, где ждало польское судно «Монте Кассино», которое должно было перевезти груз в Гдыню. И эта операция, учитывая местные условия и эвакуационную горячку в Нубии, протекала непросто. Когда ящики из Фараса прибыли из Гдыни в Национальный музей в Варшаве, наступил второй этап весьма трудоемкой работы: очистка и перенесение фресок на специальный грунт, для включения в музейную экспозицию. Этот длительный и безмерно сложный процесс, пожалуй, следует скорее отнести не к истории археологии, а к польской музеологии.

Исследования, начатые в ходе раскопок, продолжаются. Особенно важно изучение некрополя епископов. Пожалуй, впервые за всю историю археологии удалось путем сравнения размеров костных останков (прежде всего с помощью краниометрических измерений) и портретов этих же мужей церкви на стенах храма установить их полную идентичность. Например, негроидный тип епископа Петра, чье изображение находится ныне в Национальном музее в Варшаве, подтвердился при антропологическом анализе скелета, обнаруженного нами в его могиле. В изучении найденных в Фарасе материалов приняли участие не только те, кто проводил раскопки, но и другие воспитанники варшавской археологической школы. Мы открыли к нашим собраниям широкий доступ и зарубежным ученым, которые также занимались разработкой некоторых сложных или спорных проблем фарасских находок.

Не только известные всему миру настенные изображения венчают наши открытия в Фарасе. Наряду с архитектурными памятниками и связанным с ними декорумом мы обнаружили множество надписей: иероглифических, греческих, коптских и арабских, составляющих подлинную сокровищницу сведений о малоизвестном отрезке истории Нубии времен христианства. Мы открыли не только неведомые до тех пор имена царей и епархов христианского царства Нубии, но и целый список епископов, служащий основным эпиграфическим критерием для составления хронологии развития живописи в Фарасе. Каждому из епископов при вступлении на кафедральный престол вменялось в обязанность в первый или самое позднее во второй год службы поместить в храме свой портрет. Мы нашли множество подобных портретов, исполненных в различных традициях, отвечающих стилевым этапам фарасской живописи, они позволили сделать определенные заключения не только о нубийском, но и о коптском изобразительном искусстве VIII—XIII веков. Ведь Фарас несомненно был столицей Северного Нубийского царства, а значит,— и центром искусства этого края, о чем свидетельствует тот факт, что открытые в небольших храмах на севере и юге от Фараса росписи носят четко выраженный провинциальный характер, а большие композиции в фарасском соборе служили для них эталоном.

Я уже упоминал о том, что по прибытии в Фарас меня уговаривали заняться изучением некрополя загадочной группы X. Эту загадку мы разрешили, разобрав стены храма. Как выяснилось, для его постройки вначале использовали уничтоженный дворец царей языческой в тот период Нобатии — Северной Нубии. Однако под фундаментом дворца мы открыли руины небольшой христианской церкви. Ее в свое время разрушили, чтобы на этом месте возвести резиденцию светского владыки. Там мы обнаружили типичные для группы X керамические изделия. Поскольку несколько ранее нас на некоторых кладбищах этой группы археологи нашли христианские захоронения, наши открытия позволили окончательно разрешить вопрос.

Захоронения группы X — это кладбище бедного люда Нубии, которой начиная с IV века, после падения Мероитского царства,

управляли языческие властители Нобатии, утвердившиеся там после победы над племенем блемиев, оттесненных ими в Восточную пустыню. Для беднейших слоев населения Нобатии новая вера, проникавшая сюда из северного, ставшего уже христианским Египта, оказалась приемлемой. Христианство, таким образом, медленно проникало в Нубию, а языческие владыки Нобатии были вынуждены проявлять веротерпимость.

Решив возвести на холме в Фарасе новый дворец, они не стали сразу уничтожать находившееся там небольшое святилище, а, сровняв территорию за пределами крепостных укреплений, возвели для христианского люда другую церковь, в плане соответствующую предыдущей постройке. Как же иначе объяснить ромбовидную форму храма, называемого Южным, который повторял очертания тогдашней громады «кома» в Фарасе? Когда в 543 году в Нобатию прибыла посланная императрицей Феодорой миссия, возглавляемая священником Юлианом, которой предстояло произвести христианизацию Нубии, она нашла там благодатную для этого почву. Широкие слои населения уже ранее начали исповедовать христианство, и царский двор, вероятно, приветствовал посланцев Феодоры, так как принятие новой веры открывало путь на север, в христианский Египет, а также в центр тогдашней цивилизации — Византию. Христианизация Нубии для языческих властителей края стала выгодным политическим актом. Только этим и можно объяснить тот факт, что, по свидетельству Иоанна Эфесского, христианская вера была принята в течение одного года в качестве официальной религии.

Благодаря раскопкам в Фарасе варшавская археологическая средиземноморская школа сделалась основным центром международных исследований в области иконографии нубийского искусства.

Перевод с польского С. Ларина

Обелиск на Сихотэ-Алинском перевале

Олег Шумков

И пускай поднялись обелиски
Над людьми, погибшими
в пути,—
Все далекое ты сделай близким,
Чтоб опять к далекому идти!

М. Светлов

Чтобы попасть в поселок Кавалерово — один нз центров горнорудной промышленностн Прнморья, нужно преодолеть Снхотэ-Алинскнй перевал. На самой его вершнне, справа от шнрокого асфальтнрованного шоссе, выснтся стройный белый обелнск. Многне останавливают машины, выходят н чнтают начертанные на обелиске имена:

Мнханл Ивановнч Венюков
Николай Мнхайловнч Пржевальский
Владнмнр Клавдневнч Арсеньев.

Это географы-первопроходцы. Те, что проходилн здесь в далекне годы, когда вокруг была сплошная дикая тайга.

Первым, еще в середине прошлого столетня, здесь побывал Мнхаил Ивановнч Венюков. Его имя не столь широко нзвестно, как нмена Пржевальского илн Арсеньева. По этой прнчнне о жнзнн н деятельности Венюкова здесь будет рассказано более подробно, чем о двух других знаменнтых географах. Венюков был не только великнм путешественником н ученым, но н однным нз передовых людей своего временн. История его жизнн необычна н поучнтельна.

Мнхаил Ивановнч родился в 1832 году в мелкопоместной дворянской семье. Отец его — участник Отечественной войны 1812 года, дважды раненный прн взятнн Парнжа,— вышел в отставку в чнне майора. Не без юмора напншет впоследствнн Венюков о своем происхождении: «По офнцнальным данным герольдин, фамилия наша прннадлежнт к числу древних дворянскнх родов, нбо занесена в шестую часть родословных книг: ergo была «благороднею» раньше 1600 года». Но разорнвшаяся многочисленная семья Венюковых жнла скудно. Трннадцатилетнего Мишу с большим трудом определнлн в кадетский корпус. Через пять лет он вышел нз корпуса в чине артнллернйского прапорщика. Началась нудная армейская служба...

Не об этом мечтал пытливый и энергичный юноша. Его влекла наука. Еще в корпусе пристрастился он к серьезному чтению. Его кумиром на долгие годы стал Герцен, а любимым произведением — «Кто виноват?».

Через два года ему удалось стать репетитором по физике в Петербургском кадетском корпусе и одновременно вольнослушателем университета. Он с восторгом слушает лекции известных профессоров. Ему хочется знать многое. Но больше всего мечтает он о путешествиях. Неустанные занятия открывают ему двери Академии генерального штаба, которую он блестяще окончил в 1856 году.

В начале мая следующего года, проделав нелегкий путь в пять тысяч верст на перекладных, а где и пешком, поручик Венюков появился в Иркутске в качестве старшего адъютанта штаба войск Восточной Сибири.

Генерал-губернатор Муравьев предложил ему поехать вместе с ним на Амур. Венюков записал в своем дневнике: «Лучшего поощрения к работе нельзя было бы сделать. Мечта моя быть на Амуре, представлявшем в то время крупный политический интерес, сбывалась».

7 июля 1857 года Венюков увидел широкий полноводный Амур. Ему довелось закладывать город Благовещенск (сейчас центр Амурской области), руководить возведением построек в устье Зеи, участвовать в закладке поста Хабаровка (ныне крупный город Хабаровск). В это же первое путешествие появилось на карте селение Венюково. «Мне была сделана честь наименованием по моей фамилии одной станицы на Уссури, довольно большой, имеющей теперь церковь и даже школу»,— много лет спустя, уже живя в Париже, писал Венюков в своих «Воспоминаниях».

Наконец первая самостоятельная экспедиция. 1 июня 1858 года от Уссурийского поста (ныне Казакевичево возле Хабаровска) отчалили две большие лодки. В них находились «один зауряд-офицер как начальник команды, один переводчик гольдского языка, мой слуга и 12 казаков»,— пометил в дневнике путешественник.

Цель экспедиции хорошо выражена в названии отчета о ней — «Обозрение реки Уссури и земель к востоку от нее до моря». По поводу этой работы Венюкова, опубликованной в записках Северо-Восточного отдела Русского Географического общества, его вице-президент выдающийся географ П. П. Семенов-Тян-Шанский писал: «Первым пионером обстоятельного географического исследования почти всего течения реки Уссури был М. И. Венюков. Результатом этого первого русского путешествия вдоль всего течения Уссури была съемка реки и множество расспросных сведений о притоках рек, талантливо сгруппированных и изложенных путешественником в его интересной работе».

А вот как пишет об этих, ныне обжитых местах сам первопроходец: «... 15 июня мы действительно перешли невысокий хребет, отделяющий реку от берегов океана, и вступили в долину другой реки, текущей в море. Вся пройденная нами местность ... до самого перехода в горах представляет непрерывную долину шириной от полуверсты до четырех верст и

очень удобную для поселения. Она покрыта преимущественно отдельными группами вязовых и дубовых деревьев, иногда рощицами, которые на горах переходят в сплошные смешанные леса. Чем ближе подходишь к перевалу через горы, тем чаще встречаются, среди берез, ильмов, осин и других лиственных пород, хвойные деревья и отчасти лиственница и ель. Великолепные кедровники достигают здесь особенно исполинского роста...»

Утром 18 июля Венюков со своими спутниками достиг морского берега возле впадения реки Зеркальной. Радостно было думать, что первый шаг в освоении этих русских земель сделан им — молодым ученым. Будущее казалось прекрасным!..

Много путей и дорог придется еще пройти Михаилу Ивановичу. Он будет путешествовать по горам Памира и Тянь-Шаня, по Заилийскому краю, исследовать озеро Иссык-Куль и верховья реки Чу, путешествовать по Кавказу, Турции, Японии и Китаю, служить в Польше и быть секретарем Географического общества в Петербурге. Но куда бы ни забрасывала его судьба, он никогда уже не забывал Дальнего Востока.

Венюков был великим патриотом и гражданином. Он имел острый практический ум, прекрасно видел всю бездарность правителей тогдашней крепостной России, препятствовавших науке. И он не скрывал своего отношения к тем безобразиям, какие творились вокруг. Он выступает в печати в России и за границей, сотрудничает в герценовском «Колоколе». Все это очень не нравится властям. Его начинают травить, создают невыносимые условия для работы, всячески ущемляют.

Сорокалетний полковник Венюков — большой и разносторонний ученый. К этому времени им созданы выдающиеся труды по картографии, естествознанию, физической географии, истории, статистике, этнографии, военной политике. Своими трудами он хочет служить Родине, а его норовят послать на Кавказ руководить каким-то бюрократическим комитетом или командовать артиллерийской частью.

После долгих колебаний Михаил Иванович решает покинуть Россию. Надолго ли? Подобно своему духовному учителю Герцену, Венюков твердо решил остаться русским патриотом и делать все возможное для блага своего народа.

22 сентября 1877 года из Гельсингфорса отправлено письмо императору Александру II. В этом письме Венюков подробно изложил причины, заставившие его уйти в отставку и покинуть Россию. Заканчивалось письмо следующими исполненными высокого достоинства словами: «...можно лишить меня полученных в течение 26 лет внешних отличий, которых суетность мне была всегда совершенно ясна, можно вычеркнуть мое имя из списка русских граждан, но нет силы, которая могла бы исключить меня из числа преданных сынов русской земли. Это, государь, подтвердят гласно даже враги России».

«Высочайшее» решение гласило: «Уволить со службы генерал-майором с мундиром». Это означало, что, если Венюков поклонится властям, его опять примут на государственную службу в чине генерал-майора.

Русский ученый Венюков кланяться не захотел. В том же году

он уехал в Париж. Как оказалось, навсегда.

Михаил Иванович тосковал по России. Он старался заглушить эту тоску напряженной научной работой, все новыми и новыми путешествиями. Он совершил поездки в Индокитай и Северную Америку, в Южную Африку и на остров Занзибар. Он странствовал под ласковым небом Италии и в снежной Норвегии, по суровой гористой Корсике и сказочному острову Мадагаскару, посетил Маскаренские, Антильские, Балеарские острова. Но везде он думал о России, и в тени кокосовых пальм ему слышался шум могучих кедров на Сихотэ-Алинском перевале...

Его избрали почетным членом географических обществ Швейцарии, Англии, Франции. Его научные труды издала французская Академия наук. Но сердце его принадлежало России!

Еще в 1867 году в Женеве, за десять лет до ухода в добровольную эмиграцию, он сделал перевод «Марсельезы», французской революционной песни поэта и композитора Руже де Лиля.

Перевод этот вышел за рамки оригинала и заканчивался так:

Веди ж к победным нас путям,
Любовь к стране святая!
Будь лозунгом своим борцам,
Ты, вольность дорогая,
Ты, вольность дорогая!
И пусть с победой прогремит
Гражданственность нам: «Слава!»
Да вся Вселенная узрит,
Что меч стоял за право!

Перевод «Марсельезы» был отпечатан в типографии Герцена, и Венюков привез его в Петербург.

Вспоминая об этом эпизоде через много лет, он написал пророческие слова, полные той же любви к родной земле, к будущей свободной России: «Счастливы поколения, которых понятия и стремления выражались в поэтической мерной речи: их влияние на судьбу потомков всегда будет сильнее тех, которые не умели иначе выражаться, как сухой прозою!.. И я был бы очень рад, если бы дожил до нового пушкинского периода в России, до новых Баратынского, Батюшкова, Жуковского, Козлова, Рылеева, Языкова, самого Пушкина и Лермонтова. Это было бы лучшим доказательством свежести русского народного гения, мощи национального духа, так усердно давимого деспотизмом».

У Венюкова не было семьи. И вот задолго до кончины он составляет тщательно продуманное завещание. Свою богатую научную библиотеку — свыше тысячи двухсот томов — и все свои рукописи он завещал городу Хабаровску. Свои не столь уж большие средства он разделил на три части. Одну завещал Русскому Географическому обществу, с тем чтобы на проценты с капитала ежегодно присуждалась премия за лучшую научную работу по географии. Две другие части — селу Никитинскому, где родился, и селу Венюково на Уссури с тем же условием о

неприкосновенности основной суммы и расходовании процентов на нужды народных училищ.

В течение многих лет Венюков вел переписку с Пржевальским, о котором был самого высокого мнения. В этой передаче знаний, опыта он видел свой долг русского ученого.

В годы эмиграции кроме многочисленных научных трудов Венюков написал три тома «Воспоминаний». Они были напечатаны на русском языке в Амстердаме в 1894, 1896, 1901 годах.

В течение многих дней, как самый увлекательный роман, читал я эту книгу в читальном зале Приморского географического общества. На книге было оттиснуто факсимиле: «В. Арсеньев». Это был экземпляр из личной библиотеки другого великого ученого, путешественника и писателя, посвятившего свою жизнь изучению Дальнего Востока и Приморья.

Многие строчки в книге были подчеркнуты тонко очиненным карандашом Арсеньева, ученика и продолжателя славных дел Венюкова, скончавшегося вдали от Родины 17 июля 1901 года в парижской больнице.

Арсеньев начал свои первые путешествия по Приморью на заре нашего века, когда Венюков заканчивал свой жизненный путь в далекой Франции. И в этом я тоже вижу историческую эстафету русской науки. Но вначале эту эстафету принял Николай Михайлович Пржевальский. Его первое большое путешествие, продолжавшееся два года — с июля 1867 по июль 1869 года,— было посвящено изучению Приморья, которое тогда именовалось Уссурийским краем. А через год вышла книга «Путешествие в Уссурийском крае», сразу сделавшая тридцатилетнего офицера известным ученым-географом.

«Дорог и памятен для каждого человека тот день, в который осуществляются его заветные стремления, когда после долгих препятствий он видит, наконец, достижение цели, давно желанной». Этими словами начинает ученый свою книгу. И действительно, путешествие по Приморью не было случайным для Пржевальского.

С детства полюбив природу, он мечтал о путешествиях в неизведанные края. Став офицером, Пржевальский, как и Венюков, поступает в Академию генерального штаба и пишет свое первое научное сочинение «Военно-статистическое обозрение Приамурского края», благодаря которому его принимают в члены Русского Географического общества.

В те годы, когда Пржевальский преподавал историю и географию в Варшавском юнкерском училище, он изучал труды великих путешественников, штудировал зоологию, ботанику, минералогию. Его неудержимо влечет к себе Дальний Восток. И вот наконец — удача!

Начав свое путешествие от села Хабаровка, Пржевальский по реке Уссури дошел до озера Ханка, обогнул его и, пройдя до самой южной части Приморья, поднялся к северу до реки Зеркальной, далее прошел к Сихотэ-Алинскому перевалу и потом вдоль речных долин уссурийских притоков вернулся к многоводной Уссури. Пржевальский писал: «Три месяца странствовал я по лесам, горам и долинам или в лодке по воде и никогда не забуду это время, проведенное среди дикой, нетронутой природы, дышавшей всей прелестью сначала весенней, а потом летней жизни. По целым неделям сряду не знал я иного крова, кроме широкого полога неба, иной обстановки, кроме свежей зелени и цветов, иных звуков, кроме пения птиц, оживляющих собой луга, болота и леса. Это была чудная обаятельная жизнь, полная свободы и наслаждений!»

А вот как описывает он то место, где пересеклись пути трех великих русских путешественников: «По выходе из последней фанзы ... мы в этот же день сделали перевал через главную ось Сихотэ-Алиня и спустились в верховья притока Уссури.

На следующий день путь наш лежал большей частью по самой этой реке, которая вскоре после истока имеет 15—20 сажен ширины. Дремучая тайга сопровождает все верхнее течение этой реки и имеет дикий, первобытный характер. Сплошной стеной теснятся столетние деревья к самому берегу, на который часто выходят то справа, то слева высокие утесы окрестных гор...»

Первое путешествие!.. В походы по Уссурийскому краю была

вложена молодая энергия и любовь к русской земле. Эту книгу и сейчас нельзя читать без волнения и глубочайшего интереса.

После первого двухгодичного путешествия много дорог предстояло еще Пржевальскому. Он пройдет больше тридцати тысяч верст по пустыням Гоби и Такла-Макан. Эту песчаную пустыню он тоже любил и называл ласково «прекрасная мати пустыня». И на него тоже давила тягостная обстановка в стране. «Могу сказать только одно,— писал он,— что в обществе, подобном нашему, очень худо жить человеку с душой и сердцем».

Он пересечет высочайшие хребты Куэнь-Лунь и Бурхан-Будды, дойдет до верховьев великих рек Янцзы и Хуанхэ. Он откроет не только озера, хребты, плоскогорья, но и целые страны. В беспрерывных путешествиях он проведет девять лет и три месяца, и его жизнь оборвется в городе Каракол возле высокогорного озера Иссык-Куль. Этот город носит ныне его имя, и на могиле великого путешественника и ученого поставлен прекрасный памятник — бронзовый орел, распростерший крылья над скалой.

Он умер в расцвете сил, готовя пятую экспедицию в милую его сердцу Азию, на пятидесятом году жизни...

Сейчас имя Пржевальского носит город в Киргизии, горный хребет в Китае, мыс на озере Боннет на Аляске, мыс на острове Итуруп из гряды Курильских островов. Есть лошадь Пржевальского, животные и растения, открытые им во время походов по Центральной Азии.

«Такие люди, как Пржевальский, во все века и во всех обществах, помимо ученых и государственных заслуг, имели еще громадное воспитательное значение... Составляя самый поэтический и жизнерадостный элемент общества, они возбуждают, утешают и облагораживают... Всегда так было, что чем ближе человек стоит к истине, тем он проще и понятнее». Эти слова принадлежат Антону Павловичу Чехову.

Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву не пришлось встретиться с Венюковым и Пржевальским, но, когда он был еще юнкером, военную топографию в училище преподавал М. Е. Грум-Гржимайло, известный исследователь Средней Азии, который вместе со своим старшим братом Григорием Ефимовичем совершил ряд путешествий на Памир, в Восточный Тянь-Шань, в провинции Гань-Су и Куку-Нор. Он первый заметил у юнкера Арсеньева горячую любовь к природе, склонность к занятиям географией и стал рассказывать ему о дальних краях, снабжать литературой. Тогда-то Арсеньев познакомился с трудами Венюкова, Пржевальского, Потанина, Роборовского и других известных путешественников и ученых. «С юных лет я заинтересовался Уссурийским краем,— писал впоследствии Арсеньев,— и тогда уже перечитал всю имеющуюся по этой стране литературу. Когда мечта моя сбылась и я выехал на Дальний Восток, сердце мое замирало от радости...»

В 1902 году он начнет серию своих знаменитых путешествий по

Приморью, которое с тех пор стало его всепоглощающей любовью.

Арсеньев путешествовал и в других местах. Он обследовал бассейн реки Камчатки, Авачинский вулкан и другие районы Камчатской земли. Он был на Командорских островах, изучал низовья Амура и горные районы, расположенные дальше на севере. Но все же главным объектом его исследований была горная область Сихотэ-Алиня, которую он исколесил вдоль и поперек. Уже в первых путешествиях Арсеньев пересек пути своих учителей и славных предшественников. И он никогда не забывал упомянуть об этом: «... так вот та самая река, по которой первым прошел М. Венюков... (имеется в виду река Зеркальная.— *Ред*.). При устье ее Венюков поставил большой деревянный крест с подписью, что он был здесь в 1858 году. Креста этого я не нашел... Следом за Венюковым эти места посетили Максимович, Будищев, Пржевальский.

Подъем на Сихотэ-Алинь крутой около гребня. Самый перевал представляет собой широкую седловину, заболоченную и покрытую выгоревшим лесом. Абсолютная высота его равняется 480 м. Его следовало бы назвать именем М. Венюкова. Он прошел здесь в 1858 году, а следом за ним, как по проторенной дорожке, пошли и другие. Вечная память и вечная слава первому исследователю Уссурийского края!»

Во время своих таежных походов Арсеньев встретил гольда Дерсу из рода Узала, который стал близким другом исследователя, а впоследствии широко известным литературным героем.

Арсеньев был не только неутомимым путешественником, выдающимся ученым, но и талантливым писателем. Он уже в зрелом возрасте написал увлекательные книги «По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала», «Сквозь тайгу» и другие, совершенно своеобразные — синтез высокой науки и неувядающей поэзии. Этими книгами восхищались и великий писатель Максим Горький, и знаменитые полярные исследователи Фритьоф Нансен и Свен Гедин. Книги его переведены на многие языки. С громаднейшим интересом их читают школьники и профессора, солдаты и полководцы.

Вероятно, каждый, кто, собираясь ехать в Приморье, знакомился с литературой, прежде всего обращался к книгам Арсеньева. Во всяком случае у меня было именно так. Когда я первый раз ехал сюда, этот край был для меня уже «Страной Арсеньева», которую я представлял себе ясно, как воспоминание детства. И эта страна не обманула моих ожиданий.

Когда вышла книга «Дерсу Узала», известный писатель Михаил Пришвин пришел от нее в восторг и послал в Сорренто М. Горькому. Великий писатель откликнулся немедленно. Он написал: «Уважаемый Владимир Клавдиевич, книгу Вашу я читал с великим наслаждением. Не говоря о ее научной ценности, конечно, несомненной и крупной, я увлечен и очарован был ее изобразительной силой. Вам удалось объединить в себе Брэма и Фенимора Купера — это, поверьте, неплохая похвала. Гольд написан Вами отлично, для меня он более живая фигура, чем «Следопыт», более «художественная». Искренне поздравляю

Вас... Подумайте, какое прекрасное чтение для молодежи, которая должна знать свою страну...»

Жизнь Владимира Клавдиевича Арсеньева до краев была наполнена напряженным и радостным трудом. Он готовил четыре новые экспедиции по Приморью. Во время поездки в низовья Амура он сильно простудился и скончался от крупозного воспаления легких 4 сентября 1930 года.

Арсеньев умер, как солдат,— на боевом посту. Задуманные им экспедиции были осуществлены уже без него.

При въезде в Кавалерово стоит высокая скала, которую называют скалой Арсеньева, потому что когда-то возле нее он встретился с гольдом Дерсу.

Недавно в соседнем Дальнегорском районе появился рудничный поселок Венюково. Появятся и новые названия, связанные с именами пионеров развития края. Наша память должна быть верной и доброй!.. А когда возвращаешься во Владивосток, то никак не минуешь большой светлый город Арсеньев, бывшую деревню Семеновку.

Михаил Венюков, Николай Пржевальский, Владимир Арсеньев. Эти славные имена с величайшим уважением произносит каждый, кто останавливается у обелиска на Сихотэ-Алинском перевале. Но лучшим памятником этим великим сынам Земли Русской стал расцвет советского Приморья, того края, которому они отдали свое сердце.

Знакомьтесь: морской слон

Евгения Геевская

В наш век, когда человечество проникло в космическое пространство и мы жаждем отыскать хоть какие-нибудь живые организмы на Марсе или других планетах, невольно задумываешься: а знакомы ли мы как следует с нашими земными собратьями? Много ли мы о них знаем? Известен ли нам их образ жизни? Потребности? Поведение? Взаимоотношения с окружающим миром?

За примерами далеко ходить не надо. Многие ли из нас видели живого морского слона? Разумеется, о том, что подобные животные существуют, знают почти все. Но мало кому посчастливилось видеть в природных условиях этих гигантов, превышающих размерами и весом носорогов, бегемотов и моржей. Обитают морские слоны в отдаленных местах, а именно: в Патагонии — у берегов Аргентины, на островах Маккуори — южнее Тасмании, на острове Сигни, на Южной Георгии.

Так какие же они — эти морские слоны? Для начала скажем, что это огромные ластоногие млекопитающие, относящиеся к роду безухих тюленей (Phocidae), названных так в отличие от ушастых тюленей — Otariidae. Длина самцов от трех до шести метров, а весит такая махина до двух тонн! По форме тела эти гиганты напоминают моржей, и кожа у них такая же толстая и твердая, однако бивней моржовых у них нет, зато есть нечто вроде короткого толстого хобота (чему морские слоны и обязаны своим названием). Этих удивительных животных к нашему времени уцелело совсем немного. Да и не спохватись мы в последний момент, они и вовсе исчезли бы с лица Земли, как их близкие родичи — морские коровы, обнаруженные натуралистом Георгом Стеллером в 1741 году, во время экспедиции в Беринговом море. Описав этих огромных безобидных травоядных животных, подстрелить которых благодаря их неповоротливости и доверчивости не стоило никакого труда, Стеллер невольно указал дорогу к легкой добыче разным предприимчивым людям. К 1770 году морских коров (позже названных стеллеровыми) уже не существовало.

С морскими слонами этого, к счастью, не случилось. В первую очередь потому, что они обитают в труднодоступных для человека районах: либо плавают в ледяной воде полярных морей южного полушария, где вдобавок никогда не стихают резкие штормовые ветры, либо ненадолго выбираются на свои лежбища, расположенные на пустынных скалистых берегах Патагонии или на небольших

затерянных в океане островах. Кроме того, морские слоны в отличие от своих безобидных сородичей — дюгоней, или сирен, мирно пощипывающих морскую траву на подводных «лугах», отнюдь не беззащитные животные. В особенности самцы. Зубы их остры, а сила огромна. Взрослый самец бывает весьма агрессивен. Морские слоны — хищники: питаются различными водными животными, в основном рыбой.

Существует два вида морских слонов: северный (*Mirounga angustirostris*) и южный (*Mirounga leonina*). Северный вид, отличающийся от южного более узким и длинным хоботом, обитает в калифорнийских и мексиканских водах. Из-за хищнического промысла в прошлом столетии этот вид чуть было полностью не исчез. К 1890 году северных морских слонов осталось всего около ста, и только последовавший затем строжайший запрет промысла позволил им снова увеличить свое поголовье. В 1960 году их стало уже пятнадцать тысяч.

Безжалостному истреблению подверглись и стада южного вида, былой обширный ареал которого ограничивается теперь лишь несколькими антарктическими островами, такими, как Кергелен, Крозе, Марион, Южная Георгия. Сохранилось и несколько лежбищ на островах Маккуори и Херд. Однако в умеренной зоне, где прежде тоже встречались лежбища этих животных,— например, на южном побережье Чили, на острове Кинг близ Тасмании или на Фолклендских островах и острове Хуан-Фернандес — теперь не увидишь ни одного...

Сегодня морские слоны, можно сказать, несколько оправились от былых потрясений. Кое-где они даже восстановили свою былую численность. Но это, разумеется, только там, где животные находятся под строгой охраной, например на аргентинском полуострове Вальдес, объявленном заповедным, или на островах Маккуори или Херд, где охота на них запрещена уже в течение сорока пяти лет. Животные там явно благоденствуют, и число их год от года растет. Что же касается таких островов, как Южная Георгия и Кергелен, то там еще время от времени отстреливают часть стада. Правда, утверждается, что делают это под строгим научным контролем.

Чем же были так привлекательны морские слоны для промысловиков? Добывали этих животных ради одного их подкожного жира. Слой его достигает толщины в пятнадцать сантиметров! Он необходим животному, чтобы защитить его от потери тепла в ледяной воде, в которой оно проводит большую часть жизни. И вот этот-то жир и оказался столь привлекательным. Ради него морских слонов безжалостно убивали, целые горы их туш высились по берегам, и тут же на берегу в специально установленных для этой цели огромных чанах вытапливали жир... На одном лишь патагонском побережье Аргентины с 1803 по 1819 год североамериканские, английские и голландские промысловики вытопили в общей сложности миллион семьсот шестьдесят тысяч литров «слоновьего жира». А это означает, что число убитых ради этого животных достигало никак не менее четырех — шести тысяч! Забивали их самым что ни на есть варварским образом: отрезали путь к спасительной воде и закалывали копьями или совали в открытую пасть горящие факелы...

И сейчас еще по берегам многих островов Патагонии валяются эти огромные чаны и прочее оборудование для вытапливания жира, ржавея на соленом морском ветру... Эти брошенные чаны как бы олицетворяют собой печальную память о бездумной и безответственной эксплуатации природы человеком в недалеком прошлом и служат предостережением будущим поколениям...

И вот теперь, когда люди перестали убивать морских слонов, наступило время их изучать. Этим занимается несколько групп ученых из разных стран. Весьма успешные наблюдения за жизнью этих гигантов провели на островах Сигни и Южной Георгии английские биологи под руководством доктора Р. М. Лавса из Британской антарктической службы; в то же время австралийские ученые, возглавляемые доктором Р. Карриком, работали на островах Маккуори и Херд. Результаты их исследований были опубликованы в Канберре в 1964 году. Несколько позже на тех же островах проводил наблюдения известный английский зоолог Джон Вархам.

Что же удалось узнать об этом редком и малоизученном животном?

Несмотря на свои колоссальные размеры, морской слон — хороший пловец. Этому способствует веретенообразная форма его тела. Плыть морской слон способен со скоростью до двадцати трех километров в час. Притом в ледяной воде надежной защитой от холода ему служит своеобразная «телогрейка» — толстый слой подкожного жира. В воде это грузное животное проявляет необычайную маневренность и ловкость: ведь здесь ему приходится добывать себе пропитание, гоняясь за рыбами, разыскивая скопления планктона и различных ракообразных. Гораздо хуже морской слон приспособлен для обитания на суше, хотя там ему приходится проводить добрую четверть жизни. Тут трудно представить себе более медлительное и неповоротливое животное! Мучительно волочит он свое тяжеленное тело по каменистой почве, передвигаясь при помощи одних только передних ласт. В это время он напоминает огромную улитку или гусеницу: один «шаг» составляет у морского слона всего тридцать пять сантиметров! Собственный вес, такой незаметный в воде, на суше становится для животного непосильным грузом. Не удивительно, что от напряжения морской слон быстро устает, ложится и тут же засыпает богатырским, беспробудным сном. Сон морского слона поистине беспробудный — во всяком случае разбудить его не так-то просто. Объясняется это тем, что в течение очень долгого времени у этих гигантов на суше не было никаких врагов, и им, как и носорогам, некого было бояться и незачем чутко спать.

Глубокий сон морских слонов неоднократно приводил в удивление английского зоолога Джона Вархама, проводившего свои наблюдения на острове Маккуори. Каждое утро, выходя из своей палатки, он натыкался на морских слонов, лежавших вповалку перед самой дверью и преграждавших ему дорогу. Это были сплошь линяющие молодые самцы длиной от трех до четырех с половиной метров. Спали они совершенно безмятежно, дыхание их было глубоким и шумным, иногда переходящим даже в раскатистый храп. Однако перебраться через них исследователю не стоило большого труда: он шагал прямо по их спинам, а пока до сознания этих

увальней доходило, что по иим прошлись в кованых ботииках (отчего они нспуганно поднималн голову), нарушитель спокойствня был уже далеко...

А американским биологам, изучавшим морскнх слоиов иа Гваделупе, благодаря иеповоротливости этих животных удавалось не только беспрепятствеино измерить их пульс и температуру, но н обобрать со шкуры паразитов.

Не менее удивительиа способность морскнх слоиов спать под водой. Но как же жнвотные в это время ухитряются дышать? Ведь у них легкне, а ие жабры!.. Ученым удалось выяснить тайиу такого подводного сна. После пяти- или десятиминутного пребывания под водой грудная клетка животного расширяется, ноздрн же остаются плотно закрытыми. От этого плотность тела умеиьшается, н оио всплывает. На поверхности воды иоздри открываются, н в течение прнмерио трех минут животиое вдыхает воздух. Затем оно сиова опускается на дно. Глаза все это время остаются закрытыми: слои явио спит.

В желудке морского слоиа обычно находят камнн. Жители мест, где обитают эти животиые, считают, что камнн служат балластом во время погружения слонов под воду. Существуют и другие объясиения. Например, камни в желудке могут способствовать перетиранию пищи — целиком заглоченных рыб и ракообразных.

Питаются морскне слоны в основном рыбой, а вовсе не каракатицами, как счнталось прежде. Каракатиц в нх «меню» ие более двух процеитов. Но зато рыбы взрослый морской слон съедает немало. По утверждению зиаменитого зоолога Гагенбека, пятиметровый морской слон Голиаф, содержавшийся в его звереннце, за день съедал в среднем пятьдесят килограммов рыбы! Подобного рода сообщения заставили иекоторых ихтиологов утверждать, что нсчезиовение морских слонов — это благо, потому что они, дескать, оспаривали улов у рыбаков... Одиако тщательные нсследования показалн абсурдность подобных заключеинй: пищей морским слонам служат в основном мелкне акулы и скаты, не чнслящиеся в списке промысловых рыб... На суше же, в пернод размножеиия, морскне слоиы способиы иеделями поститься: в это время они ничего ие едят, а живут за счет свонх внутренних жнровых запасов.

Тщательиое изучение этих животиых в последние годы приоткрыло завесу над многимн тайнамн нх жизнн н поведеиия. Кое в чем эти иеповоротлнвые колоссы оказалнсь достаточно удобным объектом для нсследователя: ничего не стоило, например, измерить их длину, подсчитать численность отдельных стад, их состав, возрастные группы, иаблюдать за «семейиой» жизиью этих животных, появленнем на свет молодняка н т.д. Но вот попробуйте взвеснть такую громадиup! Ведь как-никак поднявшийся «на дыбы» самец (а это нх обычная поза угрозы) становится ростом с добрую колонну, и даже вид одиой только фотографии подобного исполнна приводит в трепет. Где уж тут помышлять о том, чтобы схватить его н повалить на весы!.. Нет, нелегкое это дело — изучение подобных животиых, и надо быть иастоящим эитузнастом, чтобы за это взяться. Ведь нельзя забывать и о климатических

Линяющий морской слон. Шкура всегда начинает слезать с головы

Спящая парочка

Старый самец — хозяин гарема устрашает молодого «претендента»

Морской слон — самый крупный представитель отряда ластоногих. Длина самцов достигает 6 метров

Фото подобраны автором

особенностях мест, где ведутся эти наблюдения: о непрерывных колючих ветрах, ледяной воде, голом, неприветливом каменистом ландшафте... И все же исследователям удалось провести и весьма важную работу, позволившую не только определять возраст отдельных особей, но и прослеживать их миграции, сезонные изменения состава стад, процесс линьки, взаимоотношения в стаде.

Но начнем по порядку. В течение четырех лет австралийские исследователи на островах Херд и Маккуори планомерно метили клеймом детенышей морских слонов, примерно так, как это делается с домашними телятами или жеребятами. К 1961 году было помечено почти семь тысяч детенышей слонов. Это и позволило впоследствии точно определять возраст того или иного животного, порядок, в котором различные возрастные группы появляются на лежбище, привязанность отдельных особей к своей «родине» или склонность к перемене мест... Так, самка под номером «М-102» четыре года подряд приносила потомство на одном и том же месте и только на пятый год перебралась на полкилометра дальше. Выявились и другие закономерности. Например, «подростковые» группы морских слонов появляются на лежбище гораздо позже взрослых особей, участвующих в размножении, которое падает обычно на период с августа до середины ноября. Линька у животных различных возрастных групп происходит тоже в разное время. Таким образом, лежбище практически никогда не пустует — меняется только контингент его обитателей.

Среди самцов можно четко различить четыре группы. К первой — «подростковой» — относятся животные в возрасте от года до шести лет, размеры их не превышают трех метров. Они появляются на лежбище зимой, особенно после штормов, с явной целью передохнуть от плавания. На линьку эти животные являются раньше всех — в декабре (начало лета в южном полушарии), а затем появляются уже все остальные животные в порядке старшинства: чем старше по возрасту, тем позже.

Вторую, или «юношескую», группу образуют животные в возрасте от шести до тринадцати лет, размеры их от трех до четырех с половиной метров. На пляж они приплывают осенью, вскоре после того, как у самок появляются детеныши, однако в драку со старшими самцами не вступают и еще до начала гона (после отлучения детенышей) уплывают в море.

Следующая возрастная группа — так называемые претенденты. Такие самцы, размером от четырех с половиной до шести метров, с гордо раздувающимся хоботом, находятся в постоянно агрессивном настроении и лезут драться с хозяевами лежбища — владельцами «гаремов» — мощными старыми самцами, стараясь отбить у них часть самок. Эти старые опытные самцы и составляют четвертую возрастную группу.

Такой владелец «гарема» — фигура весьма импозантная. Он огромен, внушителен, ревнив и агрессивен. Будь он иным — ему не удержаться бы на своем «посту». Ведь «гарем» состоит обычно из нескольких десятков самок, и, чтобы держать в повиновении всех этих любопытных, норовящих разбрестись в разные стороны и «кокетничающих» со всяким появившимся «претендентом» красо-

ток, иужиа иедюжинная сила и иедремлющее око... Завидя сопериика, хозяии «гарема» испускает злобиый рев и бросается к иему, круша все, что попадается иа пути: опрокидывает самок и топчет детеиышей... Такой «хозяии» вообще, как правило, иа редкость «бесчувствеииое» животиое. Часто случается, что ои давит иасмерть иоворождеииых детеиышей. Описаи случай, когда самец улегся спать, подмяв под себя отчаянно кричавшего детеиыша, ио и ие подумал встать, чтобы освободить иесчастного.

Если «гарем» оказывается велик для одного владельца, ои выиужден допускать иа свою территорию «ассистеитов», охраняющих ее отдалеииые участки...

Наблюдеиия показали, что одии и тот же старый и сильиый самец властвует иад «гаремом» в течеиие всего сезоиа размиожеиия, а более молодые и слабые самцы вынуждеиы зачастую уступать свое место превосходящему их по силе соперику. Хотя бои самцов разыгрываются обычио в воде, иедалеко от берега, иа пляже в это время тоже иачинается паиика — кричат растревожеииые самки, детеиыши пытаются спастись бегством. Поэтому из «гаремов», где их слишком часто тревожат, самки стараются перебраться в более спокойиые «гаремы».

Бой самцов — зрелище впечатляющее. Сопериики, подплыв друг к другу, поднимаются «иа дыбы», возвышаясь метра иа четыре иад мелководьем, и застывают в такой позе иа иесколько минут, иапомииая камеииые изваяния чудовищ. Животиые издают глухой рев, хоботы их грозио раздуваются, орошая противника каскадом брызг. После такого представлеиия более слабый противник обычио ретируется задом, продолжая угрожающе реветь, а отойдя иа безопасиое расстояиие, пускается иаутек. Победитель же испускает гордый клич и, сделав иесколько ложных бросков вдогонку за беглецом, успокаивается и возвращается иа пляж.

Когда же ии одии из сопериков ие собирается уступать, бой разгорается всерьез. Тогда оба мощиых тела гулко ударяются друг о друга, быстрым и резким движеиием головы каждый старается воизить клыки в шею противника. Однако кожа морского слоиа такая твердая и скользкая, да еще сиабжеиа толстой подушкой подкожиого жира, что до серьезиых ранений дело доходит редко. Правда, иа шее самцов остаются иа всю жизиь рубцы и шрамы, ио и только.

Как бы устрашающе ии выглядел со стороиы такой бой, в большинстве случаев до серьезиого кровопролития дело ие доходит. Обычио все ограничивается взаимиым запугиванием, устрашающим ревом и сопением. Биологический смысл такого поведеиия понятеи: выявляется сильиейший, который примет иа себя фуикции производителя во время брачиого периода и как продолжатель рода передаст потомству свои положительиые качества. В то же время и более слабый молодой самец ие погибает иа поле боя и тем самым ие выключается из дальиейшего процесса воспроизводства вида...

Когда индивидуальные участки и «гаремы» уже распределеиы, сражеиий между соседями-самцами практически ие возиикает: если кто-то и иарушит территориальиую иеприкосиовеииость,

достаточно «хозяину» приподняться и зарычать, чтобы нарушитель границы немедленно удалился.

По отношению к человеку рослые самцы далеко не всегда проявляют агрессивность. И не они, а как раз самки могут оказаться наиболее опасными для исследователя, отважившегося проникнуть в самую гущу стада. Джону Вархаму, например, не раз приходилось знакомиться с их острыми зубами и позорно убегать, оставив на память разозленной морской слонихе добрый кусок своей штанины...

О самках стоит рассказать подробнее. Самки значительно меньше самцов — редко они достигают трех метров длины и тонны веса. Растут они медленно, но физически развиваются быстрее самцов: к двум-трем годам становятся уже половозрелыми, самцы же достигают половой зрелости значительно позже.

Период размножения длится с августа до середины ноября. Самки появляются на лежбище уже «на сносях» и дней через пять приносят потомство. Больше всего детенышей родится с конца сентября до середины октября. Владельцы «гаремов» бдительно охраняют самок в период появления потомства.

И самки, и самцы прибывают на пляж хорошо упитанными после основательного нагуливания жира в море. Это необходимо для длительного «поста», который им предстоит выдержать на суше: самцы «постятся» до двух недель, а самки даже по целому месяцу! А ведь за это время самкам предстоит перенести все лишения, связанные с родами и кормлением детенышей, а самцам — напряжение последующего за этим брачного периода и связанных с ним боев с соперниками.

Появившись на пляже и готовясь к родам, самки располагаются на некотором расстоянии друг от друга, а не лежат тесно вповалку, как в обычное время. Сами роды длятся всего около двадцати минут, а детеныш появляется на свет уже зрячим. Притом он — прехорошенький: покрыт волнистой черной шерсткой и разглядывает окружающий мир огромными лучистыми глазами. Но весит «малютка» около пятидесяти килограммов, а в длину достигает полутора метров, то есть размера взрослого тюленя...

Появившись на свет, детеныш издает короткий лай, напоминающий собачий, мать отвечает ему тем же, обнюхивает его и таким образом запоминает. Впоследствии она будет безошибочно отличать его среди множества других детенышей и сможет вернуть, если он сделает попытку удрать.

Предстоящие роды сразу же можно определить по тому, что над роженицей кружат горластые большие коричневые птицы, которых в некоторых местностях называют скуа. Эти птицы подвизаются в роли «повивальных бабок» у морских слоних. С необыкновенным проворством они убирают родовые пленки и плаценту, а при случае могут справиться и с мертворожденным детенышем. Скуа не прочь угоститься и пролитым на землю молоком кормящих самок.

Молоко это необыкновенно питательно (почти наполовину состоит из жира), и детеныши подрастают с невиданной быстротой: в день прибавляют от пяти до двенадцати килограммов! За первые одиннадцать дней они удваивают вес, а за две с половиной недели

утранвают его. В длину они прибавляют, правда, немного, ио зато иаращивают виушнтельиый жировой слой — в семь с половиной сантиметров, который поиадобится им в первую очередь: ои должен защитить нх оргаинзм от переохлаждеиия во время предстоящего длнтельиого пребывания в воде.

Примерио через месяц детеньшей, или «кохоро», как их называют в Патагоиии, самки перестают кормить. К этому времени их «младенческий» черный мех замеияется серебристо-серым, оии выглядят весьма упнтаииьими и довольньмн. Вскоре оии покидают «гарем», уползая в глубь пляжа, где отлеживаются и наращивают мускулатуру. В возрасте пяти иедель молодняк иачииает свон первые робкие попытки плавания. В тихие безветреииые вечера морские слоията неуклюже спускаются в иагретую солицем воду лагун или оставшихся после отлива бочажков и осторожио плавают возле самого берега. Постепеино оии становятся увереииее и смелее, отваживаются на более дальиие морские экскурсии, пока девяти иедель от роду ие покидают, иакоиец, родного лежбища и ие уплывают вдаль...

И опять же приходится только удивляться, как разумио все устроеио в природе. Молодняк становится самостоятельным имеиио в тот период, когда перспективы для его выживания ианболее благоприятны. Как раз в это время поверхность моря затягивается особеиио густым слоем планктоиа, и молодым морским слоиам обеспечена иа иесколько месяцев легкодоступная и калорийиая пища.

Однако контроль иад мечеными животиыми показал и другое: половина детеиьшей погибает на первом году своей жизии. Позже потери зиачительио сокращаются, и четырехлетиего возраста достигает уже примерно сорок процеитов молодняка.

На осиовании этих даниых австралийские специалисты пришли к следующим важным выводам. Если уж иеобходимо отстрелять какую-то часть стада морских слоиов (из-за перенаселеииости лежбища, иехватки кормов и т.д.), то это должеи быть молодняк в возрасте от пяти иедель до одного года. Но совсем недопустимо отстреливать взрослых самцов, как это когда-то практиковалось иа Южной Георгии, где однажды за одно лето их было убито около шести тысяч. Без иадлежащей охраны «гаремов» старыми опытиыми самцами стада приходят в упадок, потому что молодые самцы начииают вести друг с другом иепрерывиые битвы, оспаривая первеиство. Вот к чему приводит некомпетентное вмешательство человека в дела природы и поэтому иадо избегать иеобдуманиых действий без достаточных научных обоснований.

Но вернемся иа лежбище морских слоиов, откуда только что отбыл молодняк. После «отлучения» детеиьшей самки виовь спариваются с владельцем «гарема» и вскоре после этого уходят в море — отдохнуть от тягот деторождения, хорошенько отъесться и нарастить иовый слой жира до следующего своего появлеиия иа лежбище — в феврале, в период линьки.

И здесь следует упомяиуть об одном из удивительиейших приспособлений животиого организма к условиям существоваиия: развитие эмбриоиа в чреве самки на время приостанавливается, и зародыш как бы «коисервируется» иа весь иеблагоприятный период

Тристан знакомится с Изоль-дой. Детенышу всего 40 дней

Тристан в позе угрозы, превратившейся постепенно в «позу попрошайничества»

Фото подобраны автором

жизни животного — в данном случае на время линьки. (Подобное явление наблюдается и у некоторых других животных — многих ластоногих, а также у соболя, кролика, кенгуру и др.) Развитие зародыша продолжается только в марте, когда линька у самок уже закончена.

Мощные самцы, хозяева пляжа, заявляются на линьку гораздо позже — примерно в начале апреля. Напряженная жизнь на лежбище требует более длительного восстановления сил.

Как уже говорилось, сначала появляются младшие, а позже — старшие по возрасту. Во время линьки возрастные группы держатся сообща, но по половому признаку: самки с самками, а самцы с самцами. Длится линька, в зависимости от возраста, один-два месяца. До полного ее окончания животные никогда не пустятся в плавание, потому что в это время чувствительные кровеносные сосуды кожи сильно расширены и резкое охлаждение может вызвать нарушение механизма терморегуляции, а это означает неминуемую гибель в ледяной воде.

Вид у линяющего морского слона самый плачевный: старая шкура висит на нем рваными лохмотьями. Сначала она слезает с морды, а потом уж со всего остального тела. При этом бедняги чешут себе ластами бока и живот, стараясь ускорить этот явно неприятный для них процесс...

Линяющие животные располагаются обычно в каком-нибудь поросшем мохом болотце, невдалеке от берега, и, беспокойно ворочаясь, взбаламучивают рыхлый грунт, превращая его в грязное месиво. В него-то они и погружаются по самые ноздри. Смрад вокруг стоит в это время ужасающий. Так что не всякий турист способен его выдержать... Кстати, о туристах, посещающих заповедные места. Как уже говорилось, аргентинское правительство объявило маленький полуостров Вальдес на севере Патагонии заповедным. На этом полуострове и обосновалась колония морских слонов, насчитывающая несколько сот голов. Ее называют «элефантерий» (слоновник), и с недавних пор туда открыт доступ посетителям. В ста шестидесяти пяти километрах от лежбища возникло курортное местечко Пуэрто Мадрин. А поскольку вода здесь часто чересчур холодна для купания, многие отдыхающие охотно предпринимают экскурсии в «элефантерий». К их услугам платные экскурсоводы. Кроме того, туристский маршрут, пролегающий по ряду южноамериканских стран, включает и посещение полуострова Вальдес с его лежбищем морских слонов. Все увеличивающийся поток туристов, громко выражающих свой восторг и непрестанно щелкающих фотоаппаратами, безусловно нервирует животных, нарушает их привычный образ жизни, особенно в то время, когда самки приносят потомство. Самцы — хозяева «гаремов» здесь стали вести себя значительно агрессивнее обычного. Они злобно бросаются навстречу назойливым посетителям, стараясь их прогнать со «своей» территории, или загоняют весь свой «гарем» в воду...

Во время посещения нашей страны профессором Б. Гржимеком, выдающимся борцом за охрану дикой фауны, автор этих строк обратился к нему с просьбой высказать свое мнение по данному поводу. Профессор Гржимек сказал следующее.

«Большая часть морскнх слонов ушла ныне иа отдаленные аитарктические острова, такие, как Кергелен, Крозе, Южная Георгия, то есть в места, недоступиые обычно для рядовых турнстов. Что же касается полуострова Вальдес, то поездка туда тоже не из легких. Ведь это — Патагония, где десятки километров тянется пустынная равнина, смеияемая безрадостным плоскогорьем, покрытым ннзкой и тощей кустарннковой растительностью. К тому же здесь непрерывные ветры, нередко превращающнеся в настоящие песчаные бурн. Чтобы добраться до самого «элефаитерня», надо пересечь километровую береговую полосу, сплошь усеянную выбеленнымн на солнце костями морских слонов, печальный памятник былых времеи их варварского промысла... Не каждый турнст решится на подобиое путешествне! Недаром в Аргентине можно услышать такое нзречение: «Тот, кто задумал путешествовать по Патагонии, делает большую ошибку. Для этого достаточно остановиться на одном месте, н за короткий срок ветер промчит всю Патагонию мимо вас...» Так что «повальный турнзм» этим местам пока не угрожает. Однако нельзя, разумеется, допускать появления людей на лежбищах в пернод размножения. Здесь нужны специальные обходчики, которые регулировалн бы посещение турнстамн «элефаитерия». Ведь нельзя забывать о том, что охрана морских слоиов — этих реликтовых животиых — касается интересов всего человечества».

Директора Московского зоопарка нногда спрашивают, можно ли содержать морских слоиов в иеволе?

Безусловно, можно. Ведь живут в зоопарках нашей страны — Московском, Алма-Атинском и других — моржн, блнзкие родичи морского слоиа. Важно, конечно, создать необходимые условия, обеспечить их правильным питанием н внимательным уходом.

В Штутгартском зоопарке морской слон Трнстан прожил много лет, да еще и пронзвел на свет потомство. В этом немалая заслуга служителя зоопарка Гайнца Шарфа. Еще парнишкой пришел он работать в зоопарк, прнвязался всей душой к своим подопечным н, не будучи профессноиальным дрессировщиком, добился того, что огромный, злобный морской слон прнзнал его своим другом, ел нз его рук, показывал различные трюки н даже на радость зрнтелям разрешал кататься иа себе верхом. Подобного от морских слоиов еще ннкому не удавалось добиться!

Когда Тристан прибыл в Штутгартский зоопарк с островов Тристан-да-Кунья (чему он н обязан своей клнчкой), его жизнь зависела от того, как скоро он сумеет приспособиться к обитанию в пресной воде и иаучится вместо живой рыбы довольствоваться мороженой. Молодой служитель не отходил от своего питомца, н терпенне его было вознаграждено: Тристаи, объявивший было голодовку по прибытии в зоопарк н безучастно лежавший в углу своего бассейна (расходуя лишь запасы иакопленного подкожного жнра), вскоре сменил гнев иа милость н прннялся с жадностью поедать мороженую рыбу.

Однако дружба животного с человеком установилась не сразу. Гайнц Шарф рассказывает, что поначалу он никак не мог понять, почему каждый раз, когда он во время кормления иагнбался к

ведру за следующей порцией рыбы и снова выпрямлялся, его встречал удар в плечо — Тристан вместо благодарности злобно сверкал глазами и, поднявшись «на дыбы», скалил зубы... И только потом служитель догадался, что резкое выпрямление корпуса морской слон воспринимал как угрозу, поэтому он начал давать Тристану рыбу, сидя возле него на скамеечке. Это вполне удовлетворило «соперника», а «поза угрозы» скоро превратилась в «позу попрошайничества», столь обычную для зоопарковских животных, которых вечно чем-нибудь угощают, несмотря на все запреты...

Каждый приход своего служителя морской слон стал встречать радостным ревом, спешил навстречу, валился на спину, прося почесать живот и под ластами.

Вскоре зоопарк приобрел еще одного морского слона, на этот раз самку по кличке Марион, и в 1965 году впервые в истории содержания таких животных в неволе удалось получить от них жизнеспособное потомство. Правда, маленькую Изольду мать не приняла (молока у нее не оказалось), и приемной матерью пришлось стать все тому же Гайнцу Шарфу. Но как и чем кормить новорожденную? Опыта в этом деле не было. Срочно стали консультироваться по телефону со специалистами по ластоногим. Работники зоопарка день и ночь боролись за жизнь маленького морского слоненка. Цельное коровье молоко прогоняли через центрифугу и сгущали до нужного сорокапроцентного содержания жира, затем стали добавлять в него селедочный фарш и кашицу из мидий, причем кормили по пять раз в день. В течение тридцати трех дней служитель не знал покоя: он практически не покидал своего питомца.

И детеныш выжил! Изольда благополучно перелиняла, сменив свой «младенческий» черный мех на серебристо-серый, перешла с жидкого питания на селедку и сорока дней от роду впервые решилась спуститься в воду. Правда, только вместе со своей «приемной матерью», не отходя ни на шаг от спасительной руки человека. Но постепенно она смелела и уже не вынуждала Гайнца раздеваться и входить в холодную воду каждый раз, когда ей хотелось поплавать... Изольда быстро подрастала, и на решетке бассейна для морских слонов уже красовалась дощечка с надписью: «Тристан и Изольда». Полюбоваться на детеныша морского слона, выращенного в неволе, приезжали люди издалека. А Изольда тоже разглядывала посетителей своими большими круглыми удивленными глазами.

Но это длилось только полтора года. Молодая морская слониха сделалась жертвой чьего-то злого умысла: вода бассейна оказалась отравленной...

Что же касается Тристана, то он прожил в зоопарке до 1970 года, услаждая зрителей невиданным аттракционом «Катание на морском слоне».

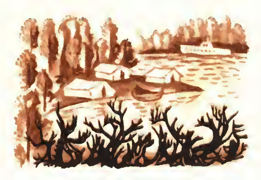
Когда у Тристана стали проявляться старческие недуги, он почти ослеп и ориентировался лишь по слуху и по памяти, дирекция зоопарка стала искать ему замену. Вскоре в бассейне поселился Сэмми — новый молодой морской слон.

 После смерти Тристана директор Штутгартского зоопарка

доктор Нейгебауер писал: «Наверное, редко какое-либо животное доставляло стольким людям так много радости и развлечений, как Тристан своими ежедневными упражнениями... (истинный смысл которых заключался в том, чтобы заставить животное побольше двигаться и не ожиреть в условиях неволи)».

А Гайнц Шарф выучил этому аттракциону и нового обитателя бассейна, продолжая оставаться единственным в мире «наездником, оседлавшим морского слона». Однако «цирковой звездой» он себя никак не считает. «Это все Сэмми,— говорит он скромно,— это его заслуга. Он достойный наследник нашего незабвенного Тристана!»

Как оказалось, содержание морского слона в неволе — дело вполне осуществимое.



Баланс рукотворного моря

Очерк

Юрнй Беляков

1

— Ну что, девчата, все погрузилн? Тогда в путь! — пронзнес, прндирчиво оглядывая палубу, заваленную прнборамн, ящикамн с полнэтиленовымн флягамн, мензуркамн, колбами н другой лабораторной посудой, Владнмир Ннколаевич Грнбов, капитан экспеднционного судна «Моревед».

Так началось наше не совсем обычное путешествне по Рыбинскому водохранилищу. Впрочем, должен сразу оговориться: необычным оно было лишь для меня, впервые попавшего на борт «Мореведа». Для остальных участников экспедиции странствия по водохранилищу были повседневной работой, может лишь чуть утомительнее той, что они выполняют на берегу.

Механик Николай Ивановнч Кононов, запустив двнгатель, тотчас вышел нз машинного отделения на палубу (где он только что помогал грузить прнборы), чтобы самому отдать швартовы. Капитан Грнбов да механик Кононов — вот н весь экипаж «Мореведа», так что судоводителн волей-неволей вынуждены совмещать свон прямые обязанности с обязанностями матроса, рулевого, моторнста н, как я понял прн дальнейшем знакомстве с жизнью судна, многнмн другимн.

— Один нз самых молодых капитанов на Верхней Волге,— так представилн мне Грнбова в Рыбинской гидрометобсерваторнн, которой прннадлежит теплоход «Моревед». Капитану всего 22 года. Собственно, штатная должность его — помощник капитана. Но экипаж «Мореведа» работает посменно. Пока одна половина команды, состоящая нз капитана Н. Н. Короткова, с которым мне так н не довелось познакомиться, н помощника механика, находится в рейсе, другая половина, Грнбов н Кононов, отдыхает на берегу. Потом смены меняются. И когда Грнбов ставит в вахтенном журнале свою подпнсь, свидетельствующую о прнеме судна, он становится полным хозяином на его борту, фактически капитаном. Так мы его н будем называть впредь.

Итак, капитан Грнбов поднялся в штурвальную рубку. Одной рукой он поставил рукоятку машинного телеграфа на «малый назад», а другой, быстро вращая штурвал, круто положил руль вправо. «Моревед» чуть подался назад, одновременно отходя носом от прнчальной стенкн, чтобы прн последующем движении

вперед не задеть стоящий рядом катер.

«Малый вперед», «средний», «полный» — команды последовательно сменяют одна другую, и вот уж, вспарывая ровную поверхность воды, «Моревед» ходко устремляется в море. Заключенные в его двигателе полторы сотни лошадиных сил легко влекут кораблик к выходу из бухточки, образованной частью берега и вдающимся в водохранилище мысом с символическим монументом матери-Волги. Крутая волна от форштевня судна пробегает вдоль бортов и длинными усами расходится за кормой. В знойном мареве тает позади Переборский причал, здание обсерватории, площадка, на которой сложены отправляемые из поселка водным путем грузы, в основном огромные барабаны с кабелем — продукцией местного завода «Рыбинсккабель»...

2

Кроме членов команды на борту «Мореведа» — сотрудники обсерватории: старший техник-гидролог Татьяна Серафимовна Волгина и молодой химик Людмила Киселева. Их задача — обследовать северо-восточную часть Рыбинского водохранилища, в строго определенных точках взять пробы воды у дна и с поверхности, сделать первичный анализ проб.

Рыбинская гидрометеорологическая обсерватория не случайно носит имя академика М. А. Рыкачева, который первым в России в 70-х годах прошлого века организовал регулярную службу погоды, наладил заблаговременную передачу во все порты Балтийского моря предупреждений о штормах. Обсерватория была создана в первые годы после Великой Отечественной войны для постоянного наблюдения за погодой на рукотворном море и ее прогнозирования. Без этого трудно, а порою и невозможно было бы организовать четкую работу речного транспорта.

Морем Рыбинское водохранилище называют не для красного словца. Для этого много разных причин. Прежде всего размеры: более четырех с половиной тысяч квадратных километров — это составляет примерно шестую часть площади таких государств, как Албания или Бельгия; более полусотни километров ширина. Рыбинское море — второе по площади водного зеркала (после Куйбышевского) искусственное водохранилище Европы. Противоположный берег не разглядишь даже в самый сильный бинокль. Запасов воды в водохранилище, как подсчитал однажды инженер-гидролог Рыбинской гидрометобсерватории Серафим Николаевич Тачалов (о нем я еще расскажу), достаточно для того, чтобы заполнить канал шириной в сто двадцать пять и глубиной в пять метров. Этот канал мог бы опоясать всю нашу Землю по экватору.

Морем зовут Рыбинское водохранилище и за его буйный нрав. Именно здесь пересекаются пути движения многих циклонов. И потому редкая неделя обходится без шторма. Иногда стихия разгуляется так, что суда вынуждены прерывать рейс и укрываться от непогоды в убежище — у наветренной стороны какого-либо острова или в ближайшей защищенной от волн бухте... Убежища

обозначены на всех штурманских картах, описания их приведены в лоциях водохранилища.

Каждое судно, входящее в Рыбинское водохранилище, получает прогноз погоды на дальний рейс. Особенно нуждаются в нем плотогоны. Ветер силою пять баллов — вот предел, который выдерживает плот. Да и то не более трех часов, потом связки бревен начинают рваться под ударами волн. А ведь чтобы перегнать плот, скажем, от Брейтова, где расположен один из лесосплавных участков, до Перебор, поселка возле Рыбинской плотины, нужно десять — двенадцать часов. Значит, выводя очередной караван плотов в открытое водохранилище, надо быть твердо уверенным: в течение этого времени сила ветра не превысит четырех с половиной, а в самом конце рейса пяти баллов.

Энергетикам необходим прогноз иного содержания: сколько воды за сутки принесут в водохранилище реки и дожди и сколько ее испарится в атмосферу под действием солнечной радиации, просочится в землю, будет израсходовано на шлюзование кораблей. Есть такое понятие — водный баланс водохранилища. Баланс в том же самом значении, в каком употребляют это слово бухгалтеры. Ведь, несмотря на буйный нрав, Рыбинское море исправно служит человеку как гигантский аккумулятор энергии. Турбины Рыбинской и Угличской ГЭС способны выработать свыше миллиона киловатт-часов электроэнергии в сутки. В годы Великой Отечественной войны, когда многие гидроэлектростанции, питавшие столицу нашей Родины энергией, были разрушены или захвачены врагом, а крупные тепловые станции пришлось законсервировать из-за отсутствия топлива, лишь Угличская и Рыбинская ГЭС продолжали вырабатывать ток. За бесперебойное снабжение электроэнергией Москвы в военное время коллективу Рыбинской ГЭС было передано на вечное хранение Красное знамя Наркомата электростанций и ЦК профсоюза работников электротехнической промышленности.

Сотрудники обсерватории и подсчитывают для энергетиков приход и расход воды. Располагая водным балансом рукотворного моря, энергетики знают, сколько воды они могут без ущерба для водохранилища использовать за сутки, выпустить через турбины так называемого каскада № 1 Московской энергосистемы — Угличской и Рыбинской ГЭС.

Информацию о состоянии водохранилища получают от обсерватории рыбаки, работники лесозаготовительных и лесосплавных организаций, прибрежные колхозы и совхозы.

Чтобы собрать такую информацию и составить правильные прогнозы, метеорологи зорко следят за всем гигантским зеркалом водохранилища. Гидрометеорологические станции на Рожновском мысу, в Переборах и в других населенных пунктах, посты наблюдения на девятнадцати впадающих в водохранилище реках, автоматические станции в открытом море — отовсюду стекаются данные в обсерваторию. Допустим, началась гроза в Брейтове или Коприне. Синоптики из Перебор сразу узнают, куда она движется, с какой скоростью. Больше того, о грозе они узнают задолго до того, как небо затянется облаками... По образцу Рыбинской обсерватории сейчас созданы подобные же на всех искусственных

водохранилищах и на многих озерах нашей страны.

Кроме оперативного наблюдения за погодой и ее прогнозирования коллектив Рыбинской обсерватории ведет научные исследования. Например, обобщив наблюдения за многие годы, ее сотрудники составили «Атлас волнений Рыбинского водохранилища». Зная направление и силу ветра (а эти данные обязательно сообщаются в каждом прогнозе), можно с помощью атласа очень быстро определить, каково в данный момент волнение в той или иной точке водохранилища. Атлас стал незаменимым пособием рыбаков, плотоводов, речников.

Одна из наиболее крупных работ, выполненных за последние годы,— это монография «Гидрометеорологический режим верхневолжских водохранилищ». В нее вошли исследования гидрологов на Иваньковском, Угличском, Рыбинском, Шекснинском и Горьковском водохранилищах. Монография — первый в нашей стране опыт подобного обобщения.

Еще одна работа Рыбинской обсерватории — изучение баланса химических веществ верхневолжских водохранилищ. Ведет ее инженер-гидрохимик начальник отдела гидрометрежима Елизавета Андреевна Зайцева. Четверть века назад приехала она в Переборы молодым специалистом. Она хорошо изучила строптивый характер рукотворного моря, его особенности.

Что же это за химические вещества, баланс которых изучается здесь? Только в районе города Калинина каждые сутки в Иваньковское водохранилище сбрасываются тысячи кубометров сточных вод предприятий машиностроительной, текстильной и пищевой промышленности. Эти воды содержат соли металлов, различные красители, сероуглерод и другие соединения... Ниже по течению Волги, в Конакове, находятся фаянсовый завод и комбинат искусственных волокон, которые сбрасывают взвешенные в воде частицы глины, песка, соли металлов. Разумеется, есть они и в сточных водах других предприятий, расположенных на берегах моря и впадающих в него рек.

Конечно, почти все предприятия имеют очистные сооружения (особенно много их построено за последние годы), и потому все эти вещества попадают в Волгу и в Шексну в количествах, значительно ниже установленных санитарными службами предельно допустимых норм. Рыбинское водохранилище самое чистое из всех волжских морей. Но всегда ли так будет? Что происходит с химическими веществами? Какая их доля спускается через шлюзы и гидротурбины Рыбинской ГЭС в низовья Волги и сколько остается в водохранилище? Не накапливаются ли они там? Какой процесс идет быстрее — накопление веществ или их разложение под воздействием солнечного света, водных растений, микроорганизмов, химических реакций, происходящих в воде при соединении различных элементов? Как влияет на распространение загрязнений скорость течения, особенности русла реки, температурный и ветровой режим в водохранилище?

К тому же многие перечисленные факторы далеко не всегда одинаковы, они меняются в зависимости от времени года, направления ветра. Вот, скажем, скорость течения воды. На волжском плесе она достигает ста сантиметров в секунду, в водохранилище

сточные и ветровые течения обычно вдвое медленнее, а в июле — сентябре в связи с уменьшением расхода воды их скорость снижается до восьми — двенадцати сантиметров в секунду. Следовательно, все эти закономерности надо знать и учитывать.

Десятки различных вопросов. На многие из них еще предстоит получить ответ в результате целого комплекса гидрологических и гидрохимических исследований, на некоторые ответы уже получены. Например, существует такая теория: химические вещества не оказывают вредного воздействия на водоемы, так как последние обладают способностью к самоочищению. Сотрудники обсерватории проверили эту теорию. Вывод неутешителен: саморазлагаются лишь тысячные доли процента вредных веществ, остальные нейтрализуются путем значительного разбавления водой. Следовательно, нельзя надеяться, что природа сама исправит вред, который ей наносит человек. Надо найти такой вариант взаимодействия человека с природой, чтобы полностью исключить или хотя бы свести до минимума любое вредное воздействие на нее. Как этого добиться? Работы обсерватории и должны помочь найти правильный ответ на этот важный вопрос.

Вот уже десять лет обсерватория ведет регулярные гидрохимические съемки в Иваньковском, Угличском и Рыбинском водохранилищах. Изучены закономерности распределения вредных веществ, сейчас работы вступили в следующий этап — составляется и изучается баланс химических веществ.

Весенняя гидрохимическая съемка 1975 года проводилась сотрудниками обсерватории в конце апреля и в первой половине мая. Успели полностью обследовать Иваньковское и Угличское водохранилища, юго-западную часть Рыбинского. Работу помешал закончить циклон, принесший в наши края мощную волну холодного арктического воздуха от берегов Гренландии и с Баренцева моря. На Рыбинском водохранилище начались шторма, ветер временами достигал одиннадцати-двенадцати метров в секунду. «Моревед» вернулся в Переборы, где и простоял, пережидая непогоду, больше двух недель. А потом, когда ветер стих, нахлынули другие неотложные работы. И вот наконец «Моревед» получил возможность продолжить прерванный рейс.

3

Минут десять ходу — и Кононов глушит двигатель, «Моревед» встает на якорь. Достигнута первая из множества отмеченных на карте-задании точек, она находится в Переборском заливе. Начинается работа.

Татьяна Волгина медленно спускает за борт «круг прозрачности» — окрашенный белой эмалью металлический диск на тонкой длинной бечевке. Она внимательно следит за тем, чтобы не пропустить момент, когда этот диск пропадет из виду. Глубина, на которой он перестает быть видным, и определяет степень прозрачности воды. «110 сантиметров» — отмечает гидролог в книжке для записи результатов полевых химических анализов воды.

Теперь необходимо определить цветность воды. Для этого Татьяна поднимает круг на половину той глубины, на которой он

пропал из виду, затем раскрывает шкалу цветности — деревянный ящичек с запаянными стеклянными пробирочками, наполненными подкрашенной водой. В ящике двадцать две пробирки от нежно-голубого до грязно-коричневого цвета. Причем в каждой следующей пробирке вода чуть темнее, чем в предыдущей.

Зеленовато-коричневый оттенок, который приобрел белый круг на глубине пятьдесят пять сантиметров, точь-в-точь совпадает с цветом пробирки, обозначенной девятнадцатым номером.

— Правильно,— соглашается Татьяна.— Так и пометим в паспорте пробы: цветность воды XIX.

— А в каком водоеме можно увидеть воду первой цветности, то есть самую светлую и, следовательно, самую чистую? — спрашиваю я.— Может, в каком-нибудь горном ручье, куда не попадают никакие отходы производства?

— Не знаю,— честно признается Волгина.— Скорее всего, таких водоемов на земном шаре уже не осталось. Во всяком случае в озере Байкал, которое считается самым чистым на Земле, вода только II—III, а местами и IV цветности. Воду горных ручьев в данном случае брать для примера нельзя, она обычно сильно минерализована.

Пока Татьяна занимается своим делом, Кононов бросает за борт лот, измеряет глубину залива. В машинное отделение он почти не спускается. Судя по всему, его присутствие там и не обязательно: хорошо отлаженный двигатель работает ровно, невольно напрашивается избитое сравнение — «как часы». Во время стоянок он вместе с Грибовым помогает гидрологам, спускает и поднимает на лебедках батометр и «вертушку». С помощью батометра берут пробы воды у дна моря, измеряют ее температуру. «Вертушка» — прибор, которым измеряют скорость и направление течения.

Пробы воды, взятые у дна и поверхности водохранилища, сразу уносят в кубрик, оборудованный под химическую лабораторию, Анна Федоровна Сменцарева и Людмила Киселева. Пока «Моревед» бежит по морю к следующей точке, они колдуют с колбами и пробирками. На столе перед Анной Федоровной штатив с бюреткой, колбы с хлористым марганцем, щелочью и раствором тиосульфата, футляр с пипетками, прибор для определения концентрации ионов водорода в воде. Она что-то переливает, смешивает растворы, взбалтывает их, добавляет в полученную смесь жидкость из других колб. Все это называется анализом первого дня. Его цель — определить содержание в воде кислорода и углекислого газа, количество ионов водорода. Последний показатель, поясняет Анна Федоровна, характеризует степень кислотности или щелочности воды.

У Людмилы Киселевой задача проще. Она добавляет в воду хлороформ и хорошенько взбалтывает смесь. Хлороформ соединяется с находящимися в воде нефтепродуктами и выпадает в осадок. Этот осадок Людмила сцеживает в отдельную емкость, которую передает в специально созданную при обсерватории лабораторию. Там определяют, какое количество различных нефтепродуктов содержится в воде.

Знать это очень важно. Покрывая тонкой пленкой поверхность

воды, нефть препятствует ее аэрацнн, губнтельно действует на водиую растительность и водоплавающую птицу. К тому же она почти не растворяется н мало разрушается под воздействнем солнечного света. Тяжелые фракции нефти, опускаясь на дно, образуют там очень устойчивый слой, из-за чего гнбнут обитающие в иле микроорганнзмы н жнвотные.

Для стационарной лаборатории образцы воды, взятые с поверхиости и у дна, консервируют еще в трех полиэтиленовых флягах. Специалисты определят содержание в воде медн, цинка, фенола, других химических элементов.

Подобные комплексные обследоваиия всех верхневолжских водохранилищ проводятся четыре раза в год, частичные — ежемесячно.

Рыбинское море для гидрохимиков словно огромное зеркало, по которому можно судить о работе промышленных предприятий. В обсерватории вспомнилн курьезный случай. Несколько лет иазад аиалнзы вдруг стали показывать резкое снижение концентрации в воде меди и ее солей. В чем дело? Может, допускается ошибка в анализах? Оказалось: на одном из калннинских предприятий завершилась реконструкция цеха регенерацнн медн.

4

На водохранилище полный штиль. Только легкая рябь пробегает иногда по поверхности моря. Еще час ходу — и мы возле Рожновского мыса. Здесь начинается все сначала. Застопорен двигатель. Грнбов с Кононовым спускают в воду лот, батометр, «вертушку», Татьяна наполняет фляги образцамн воды, определяет ее прозрачность и цветность. Анна Федоровна н Людмила берутся за колбы и пробнрки...

На полпути от Рожновского мыса до Мнлюшина третья остановка. Здесь Татьяна Волгина «делает разрез»: берет пробы воды и осуществляет нужиые нзмерения у обоих берегов н посередиие затопленного русла Шексны. И так — весь день. В книге записей результатов полевых хнмических анализов воды и на флягах Таня отмечает порядковый иомер каждой пробы — 376, 377, 378...

Во время движения теплохода от точки к точке гидрологи вспоминают о своем житье-бытье, о разлнчиых случаях нз практики, порою забавиых, комичных, а порою таких, что тем, кто все это пережил, было явно не до смеха.

Самый разговорчивый на «Мореведе» Ннколай Ивановнч Кононов. Уже в первый день совместного плавания я знал о нем очень многое. В Рыбинской гидрометобсерваторнн Ннколай Иванович работает четверть века, семнадцать лет плавает на «Мореведе». Зимой Кононов пересаживается на гусеничный вездеход-амфибию. Навыки вождения этой машины он приобрел еще в войну, когда был механиком-водителем тяжелого таика.

Николай Иванович позиакомил меня с нсторней «Мореведа». Оказывается, построено судно было в 1953 году в городе Фюрстенберге-на-Одере. Первое время теплоход был рыболовецким н плавал по Черному морю. В 1960 году сейнер переоборудо-

вали под экспедиционное судно и передали в распоряжение Рыбинской обсерватории. Именно Кононов и перегонял его с Азовского моря на Рыбинское.

Сколько рейсов совершил Николай Иванович на «Мореведе»! Однажды на нем была группа журналистов. Добродушно посмеиваясь, Кононов рассказал о том, как устроил для них «маленький шторм».

— Оператору телевидения очень хотелось показать, как борется с волнами «Рожновец», второе судно обсерватории. А на море полный штиль, вот как сегодня... Что тут сделаешь? Ждем день, второй — ветер не поднимается. Тогда мы и решили устроить искусственный шторм. Пустили полным ходом «Моревед», а чуть позади, преодолевая поднятую им волну, шел «Рожновец». Ох и доволен был оператор! Говорил, что весьма впечатляющие кадры получились.

В другой раз вместе с капитаном теплохода Коротковым он показывал Рыбинское водохранилище группе космонавтов. В архиве обсерватории хранится вахтенный журнал «Мореведа» с их автографами. «Выражаем благодарность капитану теплохода Н. Н. Короткову, механику Н. И. Кононову за отличную организацию работы. Желаем дальнейших успехов, счастливого плавания»,— написали Юрий Гагарин и Андриан Николаев.

Тот рейс исключительный и потому особенно запомнившийся. Ну а обычные, рабочие будни? Разве о них нечего рассказать? Кононов на вездеходе возвращался с водохранилища в Переборы, разыгралась пурга. Линия горизонта, едва видимые впереди очертания Рожновского мыса — все потонуло в сплошной белесой мгле. Кононов повел вездеход по компасу и неожиданно угодил в припорошенную снегом полынью.

Минут сорок он пытался вывести тяжелую машину на лед. Амфибия вставала чуть ли не вертикально... Много раз казалось, еще немного — и она зацепится гусеницами за лед. Но лед обламывался, машина снова оказывалась в воде. Хорошо, что вездеход может держаться на плаву, иначе бы эта поездка стала трагической...

Наконец, Кононову удалось выбраться из воды. Когда он привел вездеход к обсерватории, обмерзшая машина напоминала глыбу льда.

А сколько всяких случаев на памяти Анны Федоровны, которая пришла в обсерваторию в один год с Кононовым. Наверное, не осталось на Рыбинском море уголка, в котором бы она не побывала за четверть века. Есть что вспомнить и Татьяне Волгиной, хотя она в обсерватории всего шестой год.

— Как-то измеряла влажность воздуха на Шошенском плесе, что на Иваньковском водохранилище,— рассказывает она.— Лес рядом, в двух шагах. Слышу треск сучьев, громкое сопение — и вдруг из зарослей выходит лось. Любопытным он оказался... Встал возле гудящего психрометра, чуть склонил голову набок и, не отрываясь, смотрит, как вертится респиратор. Мне надо показания прибора снимать, а лось стоит, не уходит... Как к нему подойдешь? Все-таки дикий сильный зверь, боязно... Шишками начала в него кидать, еле отогнала... Впрочем, бывает и ху-

же,— смеется Татьяна.— У иас как-то две девчонки вели нивелнровку местности в Борке н неожиданно на косолапого наткнулись. Понятное дело, завизжали — и наутек. Медведь кинулся в протнвоположную сторону, а девчатам со страху показалось, что за ними погнался. И нивелир на бегу в кусты бросилн. Потом еле отыскалн прнбор...

Татьяна Волгина — гидролог потомственный. Здесь же, в Рыбинской обсерваторнн, долгое время работал ее отец — Серафим Николаевич Тачалов.

— Зналн, наверное, такого? — спросила Татьяна.

Еще бы не знать! Сотрудничал он в городской газете «Рыбннская правда», сколько раз приходилось мне готовить в печать его заметки, репортажи об ннтересных явлениях прнроды на водохранилище, о разлнчных работах обсерваторнн. В моем книжном шкафу н сейчас стоит выпущенная Верхне-Волжским издательством книжка С. Тачалова «На Рыбинском море». «С пожеланием стать большим патрнотом этого юбиляра»,— напнсал Серафнм Николаевич на титульном лнсте. Юбиляр — это Рыбннское водохранилище. В тот год, когда книга вышла в свет, ему исполнилось четверть века. 13 апреля 1941 года строителн возвелн последние метры Рыбинской плотины. Воды Волги, Мологн н Шексны, встретив на своем пути железобетонную преграду, началн заполнять заранее подготовленное для них ложе. Этот день и стал днем рождения рукотворного моря.

Загорелое, обветренное лицо с легкой проседью на висках, нензменный черный берет на голове, потрепанная запнсная книжка в кармане — таким мне запомнился Тачалов. Ненстощнмый рассказчик, Серафим Николаевич всегда имел в запасе свежую новость, ннтересный факт, любопытный случай... Рассказывал Серафим Николаевнч о самых сложных научных изысканиях в обсерватории просто, доходчнво.

До самого ухода на пенсию был он начальником отдела по нзучению гидрометрежима. Работу по составлению балансов хнмических веществ водохранилищ Верхней Волги, которую сейчас ведет Елизавета Андреевна Зайцева, начниал он же, Тачалов.

Дело, начатое отцом, продолжает и его дочь. Серафим Ннколаевич научил ее любить и беречь родную прнроду, ценить свою профессню, которая предоставляет возможность постоянного и тесного общения с природой.

5

...Обедаем на ходу. Мужчины с напускной суровостью критикуют Волгину, которая забыла положить в суп перец и лавровый лист.

— Да не забыла я, а не нашла этих специй! — сердится Татьяна.

Но все ее оправдания категорически отвергаются.

— А это что? — спрашивает Кононов, доставая из самого дальнего закутка сначала перец, затем лавровый лист, лук, сушеную морковь.

— Подожди, я сам приготовлю обед. Пальчики оближешь! — обещает он.

 — Значит, в следующий раз обед готовит Николай Ивано-

внч! — тотчас ловнт его на слове Татьяна.— Все слышалн, что сказал Кононов?

Забегая вперед, скажу, что, когда пришло время в следующнй раз варнть суп, Коионов отказался, ссылаясь на то, что рукн нзмазаны в машинном масле. И пришлось этим хлопотиым делом заняться все той же Татьяне.

— А когда будет варить Грибов? — продолжала Волгина.— Быть может, мужчины органнзуют коикурс на лучшее приготовление блюд? А мы дегустаторами будем!

Капитан не столь щедр на обещаиня.

— Могу лишь дать авторитетную консультацню о том, как приготовить вкусный обед,— говорит Грнбов.

Оказывается, он нмеет в виду не авторитет капитана. Во время недавней службы в армин Грнбов был поваром.

«Моревед» приближается к следующей точке — н дружеская перепалка прекращается: пора прнниматься за дело. Кубрик пустеет, все мы поднимаемся по трапу на палубу. Мужчниы берутся за рукояткн лебедок, женщины — за прнборы, колбы и пробнрки.

«384, 385, 386...» — записывает Волгина порядковые номера проб.

От Бабинскнх островов, где мы только что делалн очередные замеры и бралн пробы воды, теплоход поворачнвает к Цеитральному мысу.

... Я не успел понять, что произошло. «Моревед» вдруг иачииает внбрировать мелкой дрожью. Грнбов сбрасывает обороты вннта на четверть, потом еще наполовнну. Путь теплохода отмечает жирная светло-корнчневая дорожка взболтанного в воде ила. Кононов берет с палубы длинный шест с делениями, иа ходу опускает его за борт.

— Глубина два с половнной метра,— докладывает он капитану.

Осадка «Мореведа» — два метра двадцать сантиметров. Значит, расстояние между дном водохранилища н килем судна всего тридцать сантиметров! А если там, на дне, лежит камень-валун или коряга?

— Почти по грунту ползем, нужна предельная осторожность,— говорит Грнбов, как бы отвечая на мон мыслн.

Кононов каждую мннуту мернт глубнну. Вот шест начинает погружаться все больше.

— Два семьдесят пять!

— Три десять!

— Трн с половнной!

Опасное место пройдеио — Грнбов снова ставит ручку машинного телеграфа на «самый полный». «Моревед» увелнчнвает скорость.

Над водохранилищем сгущается темнота, когда мы подходим к Мяксе. Это райоиный центр Вологодской областн. Здесь будем ночевать, чтобы на следующий день продолжить работу.

6

Мякса, семь утра. Воздух сырой, промозглый. Горнзоита не видно, не разберешь сразу, где кончается темно-свннцовая вода н начниается затянутое ровной серой пеленой туч небо.

За ночь погода нспортилась, поднялся ветер. Пока он ие очень

силен — четыре, самое большее четыре с половиной балла, утверждают метеорологи. Но струйка воды из крана над раковиной, где мы умываемся (умывальник на «Мореведе» прямо на палубе), течет не вертикально вниз, как должно бы быть, а наискосок, ее относит ветром.

Пока мы умываемся, Николай Иванович, вставший первым, запускает двигатель, потом отдает швартовы. «Моревед» отчаливает, уступая место у мяксинского причала «Метеору», идущему из Череповца в Ярославль. В бинокль крылатый корабль уже хорошо виден: он на подходе.

Тяжело переваливаясь на волнах, «Моревед» входит в русло Шексны. Разумеется, самого русла реки не видно, оно затоплено водохранилищем, но судоводители каким-то шестым чувством узнают, что они у цели.

— Отдать якорь! — командует Грибов.

Гремит якорная лебедка. Вслед за якорем поочередно уходят в воду лот, «вертушка», батометр, круг прозрачности... Пожалуй, больше всех сейчас достается Татьяне. Стынут на холодном ветру мокрые руки. «Моревед» клюет носом, висящие на стальных тросиках приборы вырываются из рук. Нелегко работать и Людмиле с Анной Федоровной. Чтобы удержаться на месте, приходится то и дело хвататься за переборку кубрика или за край привинченного к ней стола. Левая рука все время занята, а много ли наработаешь одной правой?

Но отложить «анализ первого дня» нельзя. Он потому так и называется, что должен быть сделан сразу после взятия пробы воды. Ведь спустя некоторое время часть растворенных в ней газов улетучится, соединится с атмосферным воздухом. Следовательно, полученные данные будут неверны. Бывает, пробу надо взять в речушке, куда «Мореведу» не зайти из-за малой глубины. Гидрологи отправляются туда на небольшой двухвесельной шлюпке, что на корме «Мореведа». В этом случае Анна Федоровна все необходимое для анализа берет с собой...

В районе Мяксы делаем разрез русла Шексны. Из-за неблагоприятных условий каждую пробу берем значительно дольше, чем раньше.

— Это еще ничего, — говорит Татьяна. — В открытой части водохранилища, которую мы вчера так удачно прошли при штиле, сейчас, наверное, шторм. А здесь и разгуляться волне особенно негде. Ширина водохранилища в Шекснинской горловине, где мы находимся, не более десяти километров... Нет еще настоящей волны...

Ничего себе — «нет волны». Когда «Моревед» переваливается с боку на бок, стрелка кренометра в штурвальной рубке почти достигает двадцати градусов.

... В Мяксу возвращаемся в десятом часу утра. «Моревед» опять швартуется к причалу. Кононов глушит двигатель. Идет в селение, чтобы купить свежие продукты. Потом теплоход продолжает путь к Череповцу. Там гидрологам предстоит поработать значительно больше, чем за весь вчерашний день на пути к Мяксе.

«Остров сокровищ» и карты флибустьеров

Роман Белоусов

> Дышите же воздухом его произведений, читайте Стивенсона!
>
> *Л. Фейхтвангер*

Дом стоял прямо у дороги, отделенный от нее невысоким забором на каменном основании. Напротив, по горному склону, громоздились заросли могучих буков и сосен, а ниже за ними виднелись поросшие вереском холмы. Впрочем, разглядеть их удавалось лишь в погожие, ясные дни, когда дорога была залита солнцем. В лесу не смолкал птичий гомон, а горный воздух, чистый и прозрачный, волшебным нектаром проникал в кровь. Чаще, однако, в этих местах бушевала непогода. Тогда холмы внизу скрывала пелена тумана или стена дождя.

Так случилось и в тот раз, когда в конце лета 1881 года Роберт Луис Стивенсон, в то время уже известный писатель, поселился вместе с семьей высоко в горах, в Бремере. Некогда места эти принадлежали воинственному шотландскому клану Макгрегоров, историю которого Стивенсон хорошо знал. Он любил рассказывать о подвигах Роб Роя — мятежника Горной страны, которого с гордостью причислял к своим предкам. Вот почему бремерский коттедж он не без иронии называл «домом покойной мисс Макгрегор». В четырех его стенах из-за ненастья ему приходилось теперь проводить большую часть времени.

Дни напролет моросил дождь, временами налетал порывистый ветер, гнул деревья, трепал их зеленый убор. Как спастись от этой проклятой непогоды, от этого нескончаемого дождя? Куда убежать от однообразного пейзажа? В такие дни самое милое дело сидеть у камина и предаваться мечтаниям: например, глядя в окно, воображать, что стоишь на баке трехмачтового парусника, отважно противостоящего океанским валам и шквальному ветру...

Здоровье постоянно подводило его (у писателя были больны легкие), принуждало к перемене мест в поисках благотворного климата. С этой целью, собственно, он и перебрался в Бремер. Но, как назло, и здесь его настигло отвратительное ненастье. Вот и приходилось по давней привычке, коротая время, фантазировать, глядя в окно...

Пережидая непогоду, старались чем-нибудь занять себя и остальные домашние. Фэнни, его жена, как обычно, занималась

сразу несколькими деламн: хлопотала по хозяйству, писала пнсьма, мать, сидя в кресле, вязала, отец — сэр Томас предавался чтению нсторнй о разбойниках н пиратах, а юный пасынок Ллойд с помощью пера, чернил н коробки акварельных красок обратил одну из комнат в картинную галерею. Порой рядом с художником прннимался малевать картинки н Стивенсон.

Однажды он начертил карту острова. Эта вершнна картографни была старательно н, как ему представлялось, красиво раскрашена. Изгнбы берега придуманного им острова моментально увлекли воображенне, перенесли его на клочок земли, затерянный в океане. Оказавшись во власти вымысла, очарованный бухточкамн, которые пленяли его, как сонеты, Стивенсон нанес на карту названия: холм Подзорной трубы, Северная бухта, возвышенность Бнзань-мачты, Белая скала. Одному нз островков, для колорита, он дал нмя Остров Скелета.

Стоявший рядом Ллойд, замирая, следил за рождением этого поистине великолепного шедевра.

— А как будет называться весь остров? — нетерпелнво поинтересовался он.

— Остров сокровищ,— не раздумывая нзрек автор карты н тут же написал эти два слова в ее правом нижнем углу.

— А где они зарыты? — сгорая от любопытства, таинственным шепотом допытывался мальчнк, полностью уже включившийся в эту увлекательную игру.

— Здесь,— Стивенсон поставил большой красный крест в центре карты. Любуясь ею, он вспомнил, как в далеком детстве жил в прнзрачном мире придуманной им страны Энциклопедии. Ее контуры, запечатленные на листе бумагн, напомннали большую чурку для нгры в чижнка. С тех пор он не мог себе представить, что бывают людн, для которых ничего не значат карты, как говорил пнсатель-мореход Джозеф Конрад, сам с нстинной любовью их чертнвшнй,— «сумасбродные, но в общем нитересные выдумки». Каждому, кто имеет глаза н хоть на грош воображения, прн взгляде на карту всегда заманчиво дать волю своей фантазии.

В иные времена сделать это было особенно легко. Примерно до тех пор пока Мартин Бехайм, купец н ученый нз Нюрнберга, не изобрел «Земное яблоко» — прообраз глобуса в виде деревянного шара, оклеенного пергаментом, н пока не последовали за этим отважные подтверждення велнкой иден о том, что земля круглая, карты «читались», как теперь мы читаем фантастические романы. Об этом однажды напнсал Оскар Уайльд, мечтавший воскресить искусство захватывающих россказней и вспомнивший прн этом о прелестных древних картах, на которых вокруг высоких галер плавали всевозможные чудища морские.

Разрнсованные пылким воображеннем нх творцов, древннх космографов, карты н в самом деле выгляделн чрезвычайно красо ıно. На ннх пестрелн аллегорнческие рнсункн стран света и главных ветров, изображения прнчудлнвых деревьев и неведомых животных. На этих же старинных картах были очерчены границы «страны пнгмеев», легеидарных Счастливых островов н острова Святого Брандана, обозначены мифическне острова Птиц, Бразил

н Антилия, загадочные Гог н Магог, отмечеиы места, где обитают сказочиые единороги и василиски, сирены н чудесные рыбы, крылатые псы н хищные грнфоны. Здесь же были указаны области, будто бы иаселениые людьми с глазом посереднне груди, однорукне и одноногне, собакоголовые н вовсе без головы.

Создателн этих карт руководствовались ие столько наблюдениями путешественнников, таких, как Плано Карпиии, Гильома Рубрука, Марко Поло, и других создателей ранних глав великого прнключения человечества — позиания Земли, сколько черпали сведения у античных авторов Птолемея и Плиния, следуя за их «географическими руководствами» в описании мира.

Но вот средневековые вымышлеииые чудеса мало-помалу сменились на картах загадочными белымн пятнамн. И тогда разглядывание карт, как писал Джозеф Коирад, пробудило страстный интерес к истиие географических фактов н стремление к точным знаниям — география н ее родная сестра картография превратились в иастоящую науку.

Только золотой мираж по-прежнему продолжал дразнить воображенне, вселял надежду, что где-то в мире еще существуют иеоткрытые золотоносные страны: в Африке — Офир, в Южной Америке — Эльдорадо, в Юго-Восточиой Азии — Золотые острова. И ие успели отбушевать страстн, пробужденные золотым песком Калифорнии и слитками Австралии, как иа смену одной «эпидемии» вспыхнули иовые. Пылкие головы говорили о золотых россыпях, открытых в Трансваале, с горящими глазами произносили магическое слово «Кимберли» — иазванне южноафрнканского поселка, где были найдены алмазы; алчные аппетиты возбуждала весть о том, что в Ратиапуру — далеком цейлонском селении обнаружено месторождение невиданных по красоте самоцветов. Но тем не менее все яснее становилось, что ни золото Афрнки, ни драгоцениые камни Азии никакого отношения ие имели к сказкам о чудесах страны Офир, к несметиым богатствам Эльдорадо. Как куски шагреиевой кожн, одно за другим исчезали на карте мира белые пятна, а с ними и надежды на то, что в конце концов удастся обиаружить эти легендарные страны.

Соблазн дать волю воображению при виде карты нарисованного им острова испытал и Стивенсои. При взгляде на его очертания, напомннавшие по контурам вставшего на дыбы дракоиа, ему показалось, будто в зарослях придуманного им леса ожили герои его будущей книги. У них были загорелые лица, их вооружеине сверкало на солнце, они появлялись виезапно, сражались н искали сокровища иа нескольких квадратных дюймах плотной бумаги. Не успел он опомниться, признавался писатель, как перед ним очутился чистый лист и он составил перечеиь глав. Таким образом, карта породила фабулу будущего повествования, оно уходит в нее корнями и выросло на ее почве.

Итак, карта придуманного Острова сокровищ побудила взяться за перо, породила минуты счастливого наития, когда слова сами собой идут иа ум и складываются в предложения. Впрочем, поиачалу Стивеисои и ие помышлял о создании книги,

рассчитанной, как сейчас говорят, на массового читателя. Рукопись предназначалась исключительно для пасынка и рождалась как бы в процессе литературной игры. Причем уже на следующий день, когда автор, после второго завтрака, в кругу семьи прочитал начальную главу, в игру включился третий участник — старый Стивенсон. Взрослый ребенок и романтик в душе, он тотчас загорелся идеей отправиться к берегам далекого острова. С этого момента, свидетельствовал Стивенсон, отец, учуяв нечто родственное по духу в его замысле, стал рьяным помощником автора. И когда, например, потребовалось определить, что находилось в матросском сундуке Билли Бонса, он едва ли не целый день просидел, составляя опись его содержимого. В сундуке оказались: квадрант, жестяная кружка, несколько плиток табаку, две пары пистолетов, старинные часы, два компаса и старый лодочный чехол. Весь этот перечень предметов Стивенсон целиком включил в рукопись.

Но конечно, как никого другого, игра увлекла Ллойда. Он был вне себя от затеи своего отчима, решившего сочинить историю о плавании на шхуне в поисках сокровища, зарытого главарем пиратов. Затаив дыхание, мальчик вслушивался в рассказ о путешествии к острову, карта которого лежала перед ним на столике. Однако теперь эта карта, несколько дней назад рожденная фантазией отчима, выглядела немного по-иному. На ней были указания широты и долготы, обозначены промеры дна, еще четче прорисованы названия холмов, заливов и бухт. Как и положено старинной карте, ее украшали изображения китов, пускающих фонтанчики, и корабликов с раздутыми парусами. Появилась и «подлинная» подпись зловещего капитана Флинта, мастерски выполненная сэром Томасом. Словом, на карте возникли новые скрупулезно выведенные топографические и прочие детали, придавшие ей еще большую достоверность. Теперь можно было сказать, что это самая что ни на есть настоящая пиратская карта.

Ллойду казалось, что ему вместе с остальными героями повествования предстоит принять участие в невероятных приключениях на море и на суше, а пока что он с замиранием сердца слушает байки старого морского волка Билли Бонса о штормах и виселицах, о разбойничьих гнездах и пиратских подвигах в Карибском, или, как он называет его, Испанском море, о беспощадном и жестоком Флинте, о странах, где жарко, как в кипящей смоле, и где люди мрут, словно мухи, от Желтого Джека — тропической лихорадки, а от землетрясений на суше такая качка, будто в шторм на море.

Первые две главы имели огромный успех у мальчика. Об этом автор сообщал тогда же в письме своему другу У. Э. Хенли. В нем он между прочим писал: «Сейчас я занят одной работой, в основном благодаря Ллойду... пишу «Судовой повар, или Остров сокровищ. Рассказ для мальчишек». Вы, наверное, удивитесь, узнав, что это произведение о пиратах, что действие начинается в трактире «Адмирал Бенбоу» в Девоне, что оно про карту, сокровища, о бунте и покинутом корабле, о прекрасном старом сквайре Трелони и докторе и еще одном докторе, о поваре с одной ногой, где поют пиратскую песню «Йо-хо-хо, и бутылка

рому» — это настоящая пиратская песня, известная только команде покойного капитана Флинта...»

Тем временем игра продолжалась. Каждое утро, едва проснувшись, Ллойд с нетерпением ожидал часа, когда в гостиной соберутся все обитатели «дома покойной мисс Макгрегор» и Стивенсон начнет чтение написанных за ночь новых страниц.

С восторгом были встречены главы, где говорилось о том, как старый морской волк, получив черную метку, «отдал концы», после чего наконец в действие вступила нарисованная карта. Ее-то и пытались тщетно заполучить слепой Пью с дружками. К счастью, она оказалась в руках доктора Ливси и сквайра Трелони. Познакомившись с картой таинственного острова, они решили плыть на поиски клада. Ллойд, в душе отождествлявший себя с Джимом, бурно возликовал, когда узнал, что мальчик пойдет на корабль юнгой. Впрочем, иначе и быть не могло — ведь по просьбе участников приключения именно он и должен был рассказать всю историю с самого начала до конца, не скрывая никаких подробностей, кроме географического положения острова.

И вот быстроходная и изящная «Испаньола», покинув Бристоль, на всех парусах идет к Острову сокровищ. Румпель лежит на полном ветре, соленые брызги бьют в лицо, матросы ставят бом-кливер и грот-брамсель, карабкаются, словно муравьи, по фок-мачте, натягивают шкоты. А сквозь ревущий ветер слышатся слова старой пиратской песни...

Так, в атмосфере всеобщей заинтересованности, будто сама собой рождалась рукопись будущего «Острова сокровищ». Не было мучительного процесса сочинительства, признавался позже Стивенсон, приходилось лишь спешить записывать слова, чтобы продолжить начатую игру. Вот когда в полной мере проявилась давняя его страсть придумывать и связывать воедино несуществующие события. Задача заключалась в том, чтобы суметь представить вымысел в виде подлинного факта.

Вернемся, однако, к словам Стивенсона о том, что его знаменитый роман о поисках сокровищ рождался как бы сам собой и что события, происходящие на его страницах, так же как и придуманная им карта, лишь плод писательской фантазии. Следует ли в этом случае доверять словам автора? Действительно ли «Остров сокровищ», как говорится, чистая выдумка? В том, что это не так, можно убедиться, обратившись к са́мому роману. Прежде всего в книге довольно отчетливо просматривается литературный фон, на что, собственно, указывал и сам автор повествования.

Какие же источники помогли Стивенсону в создании романа и как он ими воспользовался? На этот счет мы располагаем личным признанием писателя. В его творческой лаборатории были использованы и переработаны застрявшие в памяти места из многих книг о пиратах, бунтах на судах и кораблекрушениях, о загадочных кладах и таинственных, «обветренных, как скалы», капитанах. Потому-то книга рождалась «сама собой», при столь безмятежном расположении духа, что еще до того, как начался процесс сочинительства, был накоплен необходимый «строительный мате-

Роберт Луис Стивенсон
Дом Стивенсонов в Бремере

риал», в данном случае преимущественно литературный, который засел в голове и как бы непроизвольно, в переосмысленном виде, выплеснулся на бумагу.

А между тем оказалось, что, сам того не желая, писатель создавал свою книгу под влиянием предшественников. По этому поводу написано немало исследований. Не удовлетворившись его собственным признанием, литературоведы пытались уточнить, что и у кого из своих собратьев заимствовал Стивенсон, куда тянутся

следы от его «острова» и под чьим влиянием в романе возникла эта пестрая толпа удивительно своеобразных и ярких персонажей.

Впрочем, для начала уточним, в чем же «признался» сам автор? Нисколько не скрывая, Стивенсон засвидетельствовал, что на него оказали влияние три писателя: Даниель Дефо, Эдгар По и Вашингтон Ирвинг. Не таясь, он открыто заявил, что попугай перелетел в его роман со страниц «Робинзона Крузо», а скелет-«указатель», несомненно, заимствован из рассказа Эдгара По «Золотой жук». Но все это мелочи, ничтожные пустяки, мало беспокоившие писателя. В самом деле, никому не позволено присваивать себе исключительное право на скелеты или объявлять себя единовластным хозяином всех говорящих птиц. К тому же «краденое яблочко всегда слаще», шутил в связи с этим Стивенсон.

Если же говорить серьезно, то следует вспомнить справедливые слова: все, что берет гений, тотчас же становится его собственностью, потому что он ставит на это свою печать.

Неповторимая стивенсоновская печать стоит и на «Острове сокровищ». Что бы ни говорил сам автор о том, что весь внутренний дух и изрядная доля существенных подробностей первых глав его книги навеяны В. Ирвингом, произведение Стивенсона абсолютно оригинально и самостоятельно. И не вернее ли будет сказать, что оба они, В. Ирвинг и Р. Л. Стивенсон, как, впрочем, и Э. По, пользовались в качестве источника старинными описаниями деяний пиратов об их похождениях и дерзких набегах, о разбойничьих убежищах и флибустьерской вольнице, ее жестоких нравах и суровых законах.

К тому времени в числе подобных «правдивых повествований» наиболее известными и популярными были два сочинения: «Пираты Америки» А. О. Эксквемелина — книга, написанная участником пиратских набегов и изданная в 1678 году в Амстердаме, но очень скоро ставшая известной во многих странах и не утратившая своей ценности до наших дней *, и «Всеобщая история грабежей и убийств, совершенных наиболее известными пиратами», опубликованная в Лондоне в 1724 году неким капитаном Чарлзом Джонсоном, а на самом деле, как предполагают, под этим именем скрывается Даниель Дефо, выступивший в роли компилятора известных ему подлинных историй о морских разбойниках.

В этих книгах рассказывалось о знаменитых «пенителях морей» Генри Моргане и Франсуа Лолоне, об Эдварде Тиче по кличке Черная Борода и о Монбаре, прозванном Истребителем,— всех не перечислить. И не случайно к этим же надежным первоисточникам прибегали многие сочинители «пиратских» романов.

Со слов самого Стивенсона мы знаем, что у него имелся экземпляр джонсоновских «Пиратов» — одно из более поздних изданий. В связи с этим справедливо писали о влиянии этой книги на создателя «Острова сокровищ». Известный в свое время профессор Ф. Херси не сомневался в этом и находил тому

* На русском языке эта книга вышла в издательстве «Мысль» в 1968 г.— *Прим. ред.*

подтверждения, сопоставляя факты, о которых идет речь в обеих книгах.

Что касается В. Ирвинга, то действительно некоторые его новеллы из сборника «Рассказы путешественника» повлияли на Стивенсона, в особенности те, что вошли в раздел «Кладоискатели». Во всех новеллах этой части сборника речь идет о сокровищах капитана Кидда. Одна из них так и называется «Пират Кидд», где говорится о захороненном разбойничьем кладе.

В этом смысле, можно сказать, легенда о поисках сокровищ капитана Кидда направила фантазию Стивенсона на создание романа о зарытых на острове миллионах, как направила она воображение Э. По, автора новеллы «Золотой жук», использовавшего в ней «множество смутных преданий о кладах, зарытых Киддом и его сообщниками где-то на атлантическом побережье».

Сегодня без упоминания имени Уильяма Кидда не обходится ни одна книга, посвященная истории морского пиратства.

Кто же был этот капитан Кидд? Чем он так прославился? И действительно ли где-то зарыл свои сокровища?

История его началась в сентябре 1696 года, когда быстроходная тридцатипушечная «Эдвенчэр гэлли» («Галера приключений») покидала Нью-йоркский порт. На борту ее находилось сто пятьдесят человек команды во главе с капитаном Киддом.

Экспедицию финансировал своеобразный синдикат, в который входили даже министры. И сам английский король Вильгельм III не погнушался внести три тысячи фунтов, надеясь на изрядную прибыль, в случае если удастся покончить с морскими разбойниками,—такова была цель экспедиции Кидда. В числе «пайщиков» оказался и Ричард Беллемонт, только что назначенный губернатором Нью-Йорка, тогда главного города английской заморской колонии. Именно Беллемонт, которому предстояло сыграть одну из главных ролей во всей этой истории, предложил капитана Кидда в качестве руководителя экспедиции. И вскоре капитан и судовладелец из Нью-Йорка Уильям Кидд держал в своих руках каперскую грамоту. Что это значило?

С конца XV века действовал особый способ борьбы с пиратами. Придумал его Генрих VII. Заключался он в следующем. Капитаны кораблей, желавшие на свой страх и риск бороться с морскими разбойниками (к которым в военное время причисляли и корабли противника), получали на это королевскую грамоту. По существу это был тот же разбой, но узаконенный.

В каперской грамоте, полученной Киддом, говорилось о том, что ему дозволено захватывать «суда и имущество, принадлежащие французскому королю и его подданным», поскольку Англия находилась тогда в состоянии войны с Францией. В то же время ему поручалось уничтожать пиратов и их корабли на всех морях. С этим документом, подписанным самим королем, и отправился Кидд в долгое и опасное плавание.

Поначалу плавание проходило без особых происшествий. Обогнув мыс Доброй Надежды, «Эдвенчэр гэлли» вышла на просторы Индийского океана. Дни шли за днями, но ни пиратов,

ни вражеских французских кораблей встретить ие удавалось.

Между тем запасы провианта на судне почти иссякли, начались болезни, а с ними и недовольство матросов. Но вот, накоиец, Кидду повезло: ои повстречал и ограбил немало судов. Однако матросы продолжали роптать. Их иедовольства не унял ни захват двух французских судов, ни удачная встреча с «Кведаг мерчэнт» — большим кораблем с грузом почти иа пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. Капитан Кидд, можно сказать, с чистой совестью обобрал неприятеля, так как среди захваченных судовых документов были обнаружеиы французские паспорта. Это озиачало, что часть груза, а возможно и все судно, принадлежала фраицузам.

К этому моменту стало ясио, что «Эдвенчэр гэлли» нуждается в ремонте. С этой целью отправились иа Мадагаскар, захватив с собой и два трофейиых судна. Здесь и произошли события, в которых до сих пор не все еще ясио. Несомиенно одно — команда взбунтовалась, сожгла два из трех судов, после чего присоединилась к пиратскому капитану Калифорду. С немногими верными матросами и частью добычи в тридцать тысяч фунтов Кидду удалось иа «Кведаг мерчэнт» уйти от преследования.

Спустя несколько месяцев потрепаниое штормами судно Кидда бросило якорь в гавани одного из островов Карибского моря. Матросы, посланные иа берег за пресной водой, вернулись с дурной вестью. Они сообщили, что капитаи Кидд объявлен пиратом.

Решив, что произошло недоразумение, уверенный в своей иевиновиости, Кидд поспешил предстать перед губернатором Нью-Йорка, членом «синдиката» Беллемонтом. Правда, на всякий случай иакануне визита он закопал на острове Гардинер кое-какие ценности.

Кидд был поражеи, когда услышал список своих «преступлений». Он-де грабил всех без разбору и захватил множество кораблей, проявлял бесчеловечную жестокость по отношению к пленникам, скопил и укрыл огромное богатство. Узнал он и о том, что иа его розыски были снаряжены военные корабли и что всем матросам, плававшим с ним, объявили об амнистии. Так родилась легеида о страшном пирате Кидде, на самом деле скорее всего ничего общего не имеющая с подлинным капитаном.

Дальше события развивались в соответствии с инструкцией, полученной из Лондона. В ней предписывалось «указанного капитана Кидда поместить в тюрьму, заковать в кандалы и запретить свидания...».

Корабль его был конфискован. Когда в надежде на богатую добычу портовые чиновники спустились в его трюм, ои оказался пустым. Сокровища исчезли.

В мае 1701 года, после того как Кидда доставили в английскую столицу, состоялся суд, скорый и иеправый. Подсудимому отказали даже в праве иметь защитника и выставить свидетелей. Несмотря ни иа что, Кидд пытался защищаться, утверждал, что все захваченные им корабли были иеприятельскими, на иих имелись французские документы.— «Где же оии?» — спрашивали судьи. Кидд заявил, что передал их Беллемоиту. Тот же наотрез

10-2069

отрицал этот факт. Стало ясно, что бывшие партнеры по «синдикату» предали капитана. Почему? Видимо, опасаясь разоблачения со стороны оппозиции, которая и без того усилила нападки на министров тогдашнего правительства за содействие «пиратам».

Уильям Кидд так и не признал себя пиратом. Его повесили 23 мая 1701 года. А через два с лишним столетия в архиве были найдены те самые документы, от которых зависела судьба Кидда. Кто-то, надо полагать специально, припрятал их тогда — в чьи интересы не входило спасать какого-то капитана.

Злосчастные документы, хотя и с опозданием, нашлись, а сокровища Кидда? Их еще тогда же пытался захватить Беллемонт. Для этого он поспешил допросить матросов с «Кведаг мерчэнт». Но они, узнав об аресте своего капитана, сожгли корабль и скрылись.

С тех пор, порожденный легендой о «страшном пирате», образ капитана Кидда вдохновляет писателей, а его призрачные сокровища не дают покоя кладоискателям — ремеслу столь же древнему, как и сам обычай прятать ценности.

В наши дни поиски сокровищ поставлены на широкую ногу. В Париже, Лондоне и Нью-Йорке даже существуют «Международные клубы кладоискателей». Члены их, согласно уставу, ищут зарытые или поглощенные морем сокровища. Нельзя сказать, что им абсолютно не везет. Время от времени ценные находки вознаграждают их усилия.

Пожалуй, самой знаменитой находкой был и остается так называемый золотой колодец, обнаруженный еще в конце XVIII века. Правда, и поныне не удалось извлечь на поверхность ни одной золотой монеты из клада, спрятанного, как считают, на дне этого колодца. Тем не менее, когда в 1795 году трое мальчишек на островке у восточного побережья Канады случайно наткнулись у подножия старого дуба на странный колодец, никто не сомневался, что наконец-то найдены следы загадочного клада Кидда. Ведь в то время, по словам Вашингтона Ирвинга, его имя, «словно талисман, воскрешало в памяти тысячи необыкновенных историй». Кто-то вспомнил, что Кидд бывал в этих местах и, вполне возможно, спрятал здесь, на одном из забытых клочков земли, свои сокровища.

Между тем на островке, который стали называть Оукайленд — остров Дуба, кладоискатели принялись за дело. Однако очень скоро стало ясно, что добыть клад не так-то просто. Под дубом с надпиленным суком, на котором мальчишки-первооткрыватели нашли подвешенный старый корабельный блок, была расположена шахта глубиной в тридцать метров. На дне этого колодца, вероятно, покоятся сокровища, оцениваемые в десятки миллионов долларов. Но пробиться к ним не удалось и по сей день. Многие препятствия преграждают путь к кладу. Щиты из красного канадского дуба как бы перекрывают двухметровое жерло шахты, каменные плиты, но главное, затопившая ее вода стоят на страже пиратского золота.

Как оказалось, под островом расположена целая система подземных туннелей и водоотводных каналов. Побуждаемые

жадностью, желанием поскорее добраться до золота, кладоискатели разрушили эту систему. Тогда-то вода затопила и «золотой колодец», и ведущие к нему подземные туннели.

Единоличные усилия первых, посвященных в тайну открытия кладоискателей ни к чему не привели, хотя попытки пробиться к сокровищу предпринимались постоянно с тех пор, как были обнаружены его следы.

Даже в наши дни, спустя почти двести лет после того, как обнаружили удивительное сооружение и начали раскопки, кладоискатели тщетно пытаются извлечь из земли острова Оук сокровища пирата Кидда.

Впрочем, верно ли, что легендарный пират зарыл свое золото именно здесь, на Оук-айленд? Есть ли какие-либо подтверждения этого? Сторонники того, что на дне «золотого колодца» покоятся сундуки с драгоценностями Кидда, накопили за многие годы немало вещественных доказательств. Они безапелляционно отвергают любые другие версии.

Какие же доводы приводят в пользу того, что в «золотом колодце» сокрыт клад Кидда?

Для начала вас познакомят с некоторыми денежными расчетами. Напомнят, что в ночь перед казнью Кидд в надежде купить себе жизнь признался, будто он обладает огромной суммой в несколько сотен тысяч фунтов. Но ведь из них всего лишь четырнадцать тысяч были найдены после его смерти на острове Гардинер. Где же остальное золото? Не следует ли из этого, что Кидд зарыл свое сокровище на острове Оук задолго до того, как стал капером. А это значит, что, прежде чем отправиться в плавание на «Эдвенчэр гэлли», он уже был самым настоящим пиратом и награбил несметные богатства.

Но что свидетельствует в пользу того, что на Оук-айленд зарыто именно его, Кидда, золото? Как что?! А карты, найденные в потайном отделении сундука? Действительно, в начале 30-х годов нашего столетия некий коллекционер Палмер, собирающий пиратские реликвии, приобрел сундук с надписью «Уильям и Сара Кидд, их сундук». В секретном отделении оказались четыре старинные карты с изображением какого-то острова и загадочными цифрами. По очертаниям рисунок казался похожим на остров Оук.

Газеты и журналы под заголовками «Тайна сокровища капитана Кидда» публиковали статьи, описывающие сенсационную находку. Не было недостатка и в охотниках расшифровать загадочные надписи на обнаруженных картах. И все чаще остров Оук стали называть островом Кидда. Однако, что бы ни говорили сторонники версии клада Кидда на острове Оук, какие бы доводы ни приводили, только раскопки «золотого колодца» могут поставить точку во всей этой таинственной истории.

Не так давно одному из охотников за золотом Кидда, можно сказать, повезло. Некий Д. Бленкеншип оказался более удачливым, чем многочисленные его предшественники (некоторые из них погибли в шахте, не говоря о тех, кто разорился). Ему удалось с помощью телекамеры, опущенной на большую глубину, увидеть в «золотом колодце» что-то вроде большого ящика, установленного

посредине какого-то помещения. Возможно, это и есть сокровища?

Помимо легенды о золоте Кидда существуют и другие загадки о неразысканных пиратских кладах, зарытых на островах Карибского моря, Тихого океана, у берегов Африки и даже далекой Австралии, где на одном из островков под названием Григан зарыт пиратский клад, который тщетно разыскивают уже многие годы. Желающие могут убедиться в этом, раскрыв «Атлас сокровищ», дважды изданный в 1952 и 1957 годах в Нью-Йорке. В этом своеобразном пособии для неуемных кладоискателей к их услугам описание более трех тысяч кладов, покоящихся в пучине морской и на суше. Конечно, вызывает сомнения, насколько достоверны данные, приводимые в этом «Атласе».

Легенда о кладе капитана Кидда повлияла и на воображение Стивенсона. Однако в рукописи, которая создавалась им в ненастные дни уходящего лета, имя Кидда упоминается лишь два-три раза. Говорится о том, что он в свое время заходил на остров, куда держит путь «Испаньола». Но хотя только и упомянутое, имя его вводит читателя в подлинную атмосферу пиратских «подвигов» и зарытых на острове таинственных сокровищах. Точно так же, как и рассказы Джона Сильвера — сподвижника Флинта и других действительно существовавших джентльменов удачи привносят в повествование особую достоверность. Иными словами, историко-бытовому и географическому фону Стивенсон придавал немалое значение, стремясь свой вымысел представить в виде подлинного события.

Какие же другие факты стоят за страницами книги Стивенсона? Что помогло ему сделать вымысел правдоподобным? Помимо книг о пиратах Стивенсон проявлял интерес к жизни знаменитых английских флотоводцев. И незадолго до того как приступил к своему роману, он написал довольно большой очерк «Английские адмиралы». В этом очерке речь шла о таких «морских львах», как Дрейк, Босховен, Родни. Упоминает Стивенсон и адмирала Эдварда Хоука. Того самого «бессмертного Хоука», под начальством которого якобы служил одноногий Джон Сильвер — едва ли не самый колоритный и яркий из всех персонажей «Острова сокровищ». По его словам, он лишился ноги в 1747 году, в битве, которую выиграл Хоук. В этом же сражении другой пират, Пью, «потерял свои иллюминаторы», то есть зрение. Однако, как выясняется, все это сплошная выдумка. Свои увечья и Долговязый Джон Сильвер и Пью получили, совершая иные «подвиги». В те времена, когда они занимались разбойничьим промыслом и плавали под черным стягом флибустьеров Ингленда, Флинта и Робертса.

Кстати сказать, имена пиратов, которые действуют в романе Стивенсона, в большинстве своем подлинные, они принадлежали реальным лицам.

Небезынтересно и такое совпадение: свою рукопись Стивенсон вначале подписал «Джордж Норт» — именем подлинного капитана пиратов. Начинал свою карьеру этот флибустьер корабельным

коком на капере, потом был, как и Джон Сильвер, квартирмейстером, а затем уже главарем разбойников.

Рассказывая, сколько повидал на своем веку его попугай по кличке Капитан Флинт, Джон Сильвер в сущности пересказывает свою биографию: плавал с Инглендом, бывал на Мадагаскаре, у Малабарского берега Индии, в Суринаме, бороздил воды Испанского моря, высаживался на Провиденсе, в Порто-Белло. Наконец, разбойничал в компании Флинта — самого кровожадного из пиратов.

У Долговязого Джона имелся еще один прототип. На него указал сам автор. В письме, написанном в мае 1883 года, Стивенсон говорит: «Я должен признаться. На меня такое впечатление произвели Ваша сила и уверенность, что именно они породили Джона Сильвера в «Острове сокровищ». Конечно,— продолжал писатель,— он не обладает всеми теми достоинствами, которыми обладаете Вы, но сама идея покалеченного человека была взята целиком у Вас».

Кому было адресовано это письмо? Самому близкому другу писателя, одноногому Уолтеру Хенли, рыжебородому весельчаку и балагуру. Не так просто было автору решиться вывести своего лучшего приятеля в образе велеречивого и опасного авантюриста. Конечно, это могло доставить несколько забавных минут: показать своего друга, которого очень любил и уважал, откинуть его утонченность и все достоинства, ничего не оставив, кроме силы, храбрости, сметливости, неистребимой общительности, и попытаться найти им воплощение где-то на уровне, доступном неотесанному мореходу. Однако можно ли, продолжал спрашивать самого себя Стивенсон, вставить хорошо знакомого ему человека в книгу? Но подобного рода «психологическая хирургия», по его словам, весьма распространенный способ «создания образа». Не избежал искушения применить этот способ и автор «Острова сокровищ». Благодаря этой «слабости» писателя и появился на свет Долговязый Джон — самый сильный и сложный характер в книге.

... Который день «Испаньола» продолжала на всех парусах и при крепком ветре свое плавание,

... снасти были новы, и ткань крепка была,

и шхуна, как живая, навстречу ветру шла...

За пятнадцать дней было написано пятнадцать глав. Стивенсон писал по выработанной привычке, лежа в постели, писал, несмотря на вечное недомогание, разрываясь от кашля, когда голова кружилась от слабости. Это походило на поединок и на подвиг — творчеством преодолевать недуг.

Он любил странствования и считал, что путешествия — один из величайших соблазнов мира. Увы, чаще ему приходилось совершать их в своем воображении.

Вот и сейчас вместе со своими героями он плывет к далекому острову, на котором, собственно, никогда и не был. Впрочем, так ли это? Верно ли, что и сам остров, и его природа лишь плод фантазии писателя?

Если говорить о ландшафте Острова сокровищ, то нетрудно заметить общее у него с калифорнийскими пейзажами. По крайней мере такое сходство находит Анна Р. Исслер. Она провела на этот счет целое исследование и пришла к выводу, что Стивенсон использовал знакомый ему пейзаж Калифорнии при описании природы своего острова, привнеся тем самым на страницы повести личные впечатления, накопленные во время скитаний. А сам остров? Существовал ли его географический прототип?

Когда автор в «доме покойной мисс Макгрегор» читал главы своей повести об отважных путешественниках и свирепых пиратах, отправившихся в поисках клада к неизвестной земле, вряд ли он точно мог определить координаты Острова сокровищ. Возможно, поэтому мы знаем все об острове, кроме его точного географического положения. «Указывать, где лежит этот остров,— говорит Джим, от имени которого ведется рассказ,— в настоящее время еще невозможно, так как и теперь там хранятся сокровища, которые мы не вывезли оттуда». Эти слова как бы объясняли отсутствие точного адреса, но отнюдь не убавили охоты некоторых особенно доверчивых читателей отыскать «засекреченный» писателем остров с сокровищами.

По описанию — это тропический оазис среди бушующих волн. Но где именно? Книга ответа на это не дает. Однако, как утверждает молва, Стивенсон изобразил вполне реальную землю. Писатель якобы имел в виду небольшой остров Пинос. Расположенный южнее Кубы, он был открыт Колумбом в 1494 году в числе других клочков земли, разбросанных по Карибскому морю. Здешние острова с тех давних времен служили прибежищем пиратов: Тортуга, Санта-Каталина (остров Провиденс), Ямайка, Испаньола (Гаити), Невис. Не последнее место в числе этих опорных пиратских баз занимал и Пинос.

Пинос видел каравеллы Френсиса Дрейка и Генри Моргана, Рока Бразильца и Ван Хорна, Бартоломео Португальца и Пьера Француза и многих других джентльменов удачи. Отсюда черно-знаменные корабли выходили на охоту за галионами испанского Золотого флота, перевозившего в Европу золото и серебро Америки. Флаг с изображением черепа и костей господствовал на морских путях, пересекающих Карибское море, наводил ужас на торговых моряков, заставлял трепетать пассажиров.

Впрочем, слава Пиноса как географического прототипа стивенсоновского Острова сокровищ оспаривается другим островом. Это право утверждает за собой Рум — один из островков архипелага Лоос — по другую сторону Атлантики, у берегов Африки, около гвинейской столицы. В старину и здесь базировались пираты, кренговали и смолили свои разбойничьи корабли, пережидали преследование, пополняли запасы провианта. Пираты, рассказывают гвинейцы, наведывались сюда еще сравнительно недавно. В конце прошлого века здесь повесили одного из последних известных флибустьеров. Сведения о Руме проникли в Европу и вдохновили Стивенсона. Он-де довольно точно описал остров в своей книге, правда, перенес его в другое место океана, утверждают жители Рума. А как же сокровища, спрятанные морскими разбойниками? Их искали, но безрезультатно.

Вера в то, что Стивенсон описал подлнннный остров (а значнт, подлинно и все остальное), со временем породнла легенду. Сразу же, едва распродали 5600 экземпляров первого издания «Острова сокровнщ», прошел слух, что в кннге рассказано о реальных событнях. Естественная, умная достоверность вымышленного сюжета действительно выглядит как реальность, нбо нзвестно, что «никогда писатель не выдумывает ничего более прекрасного, чем правда».

Уверовав в легенду, читателн, и прежде всего всякого рода искатели прнключений, началн буквально одолевать автора просьбамн. Онн умолялн, требовалн сообщить им истинные коордннаты острова — ведь там еще оставалась часть невывезенных сокровнщ. О том, что и остров, н герон — плод воображения, не желалн н слышать.

Стивенсон жил в мире героев рождавшейся книги. И можно предположить, что ему не раз казалось, будто он н в самом деле один из ннх. Мечтатель Стнвенсон щедро наделял себя в творчестве всем, чего ему недоставало в жизни. Прикованный часто к постели, он отважно преодолевал удары судьбы, безденежье н литературные неудачн тем, что отправлялся на крылатых кораблях в безбрежные синие просторы, совершал смелые побегн нз Эдннбургского замка, сражался на стороне вольнолюбнвых шотландцев. Романтнка звала его в дальнне дали. Увлекла она в плавание н героев «Острова сокровищ».

Теперь он жил однмм желанием, чтобы они доплылн до острова и нашлн клад сннерожего Флинта. Ведь самое интересное, по его мненню,— это понскн, а не то, что случается потом. В этом смысле ему было жаль, что Александр Дюма не уделил должного места поискам сокровнщ в своем «Графе Монте-Крнсто». «В моем романе сокровища будут найдены, но н только»,— пнсал Стивенсон в днн работы над рукопнсью.

Под шум дождя в Бремере, как говорилось, было написано за пятнадцать дней столько же глав. Поистине рекордные срокн! Однако на первых же абзацах шестнадцатой главы писатель, по его собственным словам, позорно споткнулся. Уста его были немы, в груди — ни слова более для «Острова сокровищ». А между тем мнстер Гендерсон, нздатель журнала для юношества «Янг фолкс», который решнлся напечатать роман, с нетерпением ждал продолження. И тем не менее творческнй процесс прервался. Стнвенсон утешал себя: нн один художник не бывает художником нзо дня в день. Он ждал, когда вернется вдохновение. Но оно, как видно, надолго покинуло его. Пнсатель был близок к отчаянию.

Кончилось лето, наступил октябрь. Спасаясь от сырости н холодов, Стивенсон перебрался на знму в Давос. Здесь, в швейцарских горах, к нему и пришла вторая волна счастливого наития. Слова вновь так и полились сами собой из-под пера. С каждым днем он, как н раньше, продвигался на целую главу.

И вот плавание «Испаньолы» завершилось. Кончилась лнтературная нгра в пиратов и понскн сокровищ. Родилась прекрасная кннга, естественная и жизненная, написанная великнм мастером-повествователем.

На мертвом якоре

Очерк

Александр Иванченко

Студеный, не по-морскому сухой воздух был недвижим и прозрачен. Казалось, я смотрел на остров сквозь застывшую родниковую воду. Над зеленовато-стальным океаном, за грядой сидевших на мели айсбергов вздымались горы, похожие на гигантские глыбы антрацита, покрытые рваными плешинами снега. Черные хребты окутывали пронизанные холодным солнцем и потому сверкавшие, как снег, облака. В ущельях клубился сизый туман. Подрумяненный солнцем, на фоне угольно-темных скал он выглядел фиолетовым.

Приближался берег, менялись краски. Антрацитовые вершины вдруг стали синими, потом по синеве будто разлилось серебро. Грани скал засверкали, как осколки льда. А склоны то становились коричнево-бурыми, то словно покрывались розовой вуалью. Не менялась только окраска узкой прибрежной полосы. Между морем и горами змеилась изрезанная глубокими фиордами черная лента, как бы разрисованная белыми бумерангами; в бинокль было видно: весь берег усыпан китовыми ребрами.

Южная Георгия... Сто миль в длину, двадцать — в ширину. Вытянутые в два горных хребта бесплодные базальтовые громады, снег и ледники. «... Земли, обреченные природой на вечную стужу, лишенные теплоты солнечных лучей; у меня нет слов для описания их ужасного и дикого вида». Так говорил об этом острове Джеймс Кук. Прославленный мореплаватель не предполагал, что когда-нибудь на этой «ужасной земле» его соотечественники построят Грютвикен — самый южный порт мира.

В 1905 году, когда в Антарктике вспыхнула китобойная лихорадка, Англия, поднявшая перед этим на Южной Георгии свой «Юнион Джек», поняла, что, основав здесь порт, она станет хозяйкой всего антарктического сектора Атлантики. На западе морская держава уже располагала относительно обжитыми к тому времени Фолклендскими островами, на востоке — Тасманией, а между ними, на 54-й параллели,— Южной Георгией.

Строительство порта, рассчитанного на крупнейшие океанские суда, продолжалось меньше года. Он вырос за тысячи миль от населенных земель, среди голого камня и ледовых потоков, сползающих с гор к морю.

На остров были завезены и поставлены готовые сборные дома, сооружены причальные стенки, промысловые пирсы. Одновремен-

но строились судоремонтные мастерские, электростанция, корпуса жиротопного завода, фабрика по обработке котиковых шкур, нефтехранилища. И все это было закончено за каких-нибудь десять-одиннадцать месяцев.

Размах и темпы строительства казались чистым безумием. У Англии не было и не могло быть столько антарктических промысловых судов, чтобы интенсивно работали Порт-Стэнли на Фолклендах, порт Хобарт на Тасмании, английские китобойные базы в Кейптауне и еще порт Грютвикен на Южной Георгии. Но англичан это не смущало. Они знали: Грютвикен себя оправдает.

На соседних островах в то же самое время создавали свои базы китопромышленники Норвегии и Аргентины. Англичане стремились во что бы то ни стало обогнать конкурентов. Создав в невиданно короткий срок первоклассный порт в центре богатейшего промыслового района, они объявили, что готовы поделить его на части и отдельными участками сдать в аренду. Причем арендную плату назначили такую, что норвежцам и аргентинцам было выгоднее принять их услуги, чем заканчивать строительство собственных баз.

Англичане этого, собственно, и добивались. Лишив конкурентов самостоятельности, они получили возможность контролировать промысел. Добыча китов и морского зверя в антарктическом секторе Атлантики отныне велась только по английским лицензиям. Сначала они стоили очень дешево, скорее были как бы формальным признанием английского контроля. Но спустя три-четыре года за них приходилось отдавать уже половину добычи. Постепенно росли цены и на аренду порта.

Через десять лет деньги, вложенные в строительство Грютвикена, полностью окупились и стали приносить прибыль, которая исчислялась десятками миллионов.

Арендаторы зарабатывали гораздо меньше, и норвежцы, обиженные явной несправедливостью, пытались уйти с Южной Георгии, но оказалось, что уходить некуда. Почти на всех островах юга Атлантики развевался «Юнион Джек». Теперь и за голые скалы нужно было отдавать арендную плату. Норвегии, чья экономика в значительной степени зависела от торговли китовым жиром, не оставалось ничего другого, как, смирившись с создавшимся положением, увеличивать число промысловых судов и вести промысел более активно.

Но вот что нельзя обламывать сук, на котором сидели, никому, видимо, не приходило в голову. Брали все, что могли. Драгоценного антарктического котика только на лежбищах Южной Георгии, даже по скромным подсчетам, было истреблено около полутора миллионов. И сотни тысяч шкур привозили для обработки в Грютвикен с других островов. В конце концов южный котик в Антарктике исчез. Пропали самые ценные разновидности тюленей. Потом резко пошла на убыль и численность антарктического стада китов. В 1955 году, полвека спустя после своего возникновения, промышленные предприятия Грютвикена впервые понесли убытки. Потом несколько лет работали с переменным успехом, но уже было ясно, что прежние времена не вернутся. Грютвикен медленно умирал.

Еще не мечтая о путешествии на Южную Георгию, я встречался в Лондоне с фактическим владельцем Грютвикена мистером Салвесеном. Среди известных китопромышленников мира это была, пожалуй, одна из самых колоритных фигур — престарелый миллиардер, о скупости которого ходили легенды. Рассказывали, что, если ему нужны были сигары, он обзванивал все табачные лавки Лондона: выяснял, где можно купить дешевле, и обязательно спрашивал, нет ли скидки для оптового покупателя. Курил он сигары не дороже одного шиллинга за штуку. Однажды хозяин табачной лавки прислал ему сигары по этой цене, стоившие на самом деле полтора фунта стерлингов, любимые сигары Черчилля. Салвесену они понравились, и на второй день он заказал целый ящик. Его заказ выполнили немедленно, а счет представили позже. На этот раз за 500 сигар нужно было уплатить, как и полагалось, 750 фунтов стерлингов. Торговец нарочно выждал время, чтобы от полученных сигар Салвесен не мог отказаться. Миллиардер ответил так:

«Сэр, направляю Вам чек на 25 фунтов стерлингов. Остальные 725 фунтов рекомендую взыскать с Ваших клерков, приславших мне вместо шиллинговых сигар, которые я заказывал, полуторафунтовые. Я с удовольствием их курю, но не принимайте меня за человека, способного ради мимолетного удовольствия поджигать купюры достоинством в полтора фунта».

У него была красавица дочь, и, как утверждали лондонские газетчики, девушка незаурядного ума. Но доверить накопленные миллиарды женщине, пусть и единственной дочери, Салвесен считал невозможным, поэтому с малых лет воспитывал племянника Эллиота, которого сделал своим секретарем и объявил наследником, выделив дочери лишь небольшую ренту.

Худосочный юноша с мутными от всегдашнего недосыпания глазами записывал все дядюшкины советы и все его деловые разговоры. С блокнотом наготове он следовал за ним весь день, а вечером, когда старик ложился спать, садился за пишущую машинку, все перепечатывал и аккуратно подшивал в очередную папку.

Впечатление оба они, старый и молодой, производили странное: в обтрепанных костюмах, в стоптанных башмаках. У Салвесена на длинной морщинистой шее с отвислым мешковатым подбородком болтался замусоленный сатиновый галстук. Дрожащей старческой рукой он часто его поправлял, затягивая потуже. Он был похож на нелепую птицу с давно потухшими бледно-голубыми глазами.

Деловую жизнь Салвесена окружала тайна. Английские журналисты говорили в шутку: «Легче получить интервью у полярного медведя, чем выудить несколько слов для печати у мистера Салвесена». Его вообще мало кто видел. Большую часть года он проводил в Антарктике, на своих китобойных флотилиях, а вернувшись в Англию, безвыходно сидел дома. С внешним миром держал связь почти исключительно по телефону или через Эллиота.

Попасть к нему мне помог Бенджамин Хоулс, английский моряк, с которым я был знаком раньше. Пять лет он был

помощником капитана на салвесеновской плавучей китобазе «Саутерн Харвестер», и миллиардер поручал ему вести какие-то изыскания на острове Скотта.

На мою удачу, Бенджамин оказался в Лондоне.

— Успеха не обещаю, но попробовать можно,— сказал он в ответ на мою просьбу устроить встречу с мистером Салвесеном.— Старик меня помнит, но все же нужно что-то придумать. Его пунктик — география.

В молодости Салвесен дружил с известным полярником Эрнстом Шеклтоном и с тех пор увлекался географическими исследованиями в Антарктике. Завладев Южной Георгией и многими другими островами, прилегающими к шестому континенту, он десятилетиями изучал их с завидной скрупулезностью. Конечно, не без практического умысла, хотя признаваться в корысти ему, понятно, не хотелось. «Мои занятия географией — следствие нашей дружбы с Шеклтоном, это всего лишь хобби»,— говорил он. Но тем не менее, когда выпадал случай, вздыхая, сетовал на твердолобость Королевского географического общества, никак не желавшего оценить его заслуги.

Нелюдимый миллиардер втайне мечтал, наверное, о славе подвижника науки. Ничто так не льстило ему, как похвала его трудам по изучению Антарктики. Но эта похвала не должна была исходить от журналистов.

Бенджамин сказал ему по телефону, что с ним хотел бы встретиться молодой русский географ, якобы работающий над диссертацией об антарктических островах. Это подействовало. Но принял он меня только через два дня.

Переступив порог огромного полупустого кабинета, я очень волновался, боясь, что не сумею сыграть роль географа. Но хозяин дома, сидевший за массивным дубовым столом, встретил гостя вполне приветливо. Встал, подал руку, предложил кресло. И, на что я уж вовсе не рассчитывал, улыбнулся.

— В России известно мое хобби?

Все начиналось именно так, как предсказывал Бенджамин. Что ж, будем играть, коль по-иному нельзя.

— Я полагаю, мистер Салвесен,— сказал я,— ваши ученые изыскания известны всем географам мира, по крайней мере тем, кого интересует Антарктика. К сожалению, свои работы вы редко публикуете.

Хмыкнув, он озадаченно нахмурился.

— Вы думаете, я могу быть вам полезен?

— Иначе я не приехал бы в Лондон. Простите за откровенность, но я действительно жду вашей помощи.

Мой категорический тон вызвал у него взрыв смеха. Даже чуть порозовели его растопыренные замшелые уши.

— Браво! Вы мне нравитесь. Хотите кофе?

— Да, если можно.

— Эллиот, две чашки!

Молча стоявший у окна Эллиот сунул в карман свой блокнот и так же молча направился к дверям. С той самой минуты, когда я переступил порог кабинета Салвесена, он не проронил ни слова. В его мутных, красноватых глазах не было ни проблеска любопыт-

ства. Длинный, с узким, как сабля, лицом, он походил на бесстрастного биоробота.

Пока, деревянно переставляя ноги, племянник миллиардера шел к дверям, я не мог оторвать взгляда от его спины. Сгорбленная, с выпирающими острыми лопатками, она, казалось, несла незримую тяжкую ношу.

Потом я взглянул на Салвесена, должно быть растерянно и виновато. Он поправлял галстук, выкручивая свою несуразную шею. Из-за плотных штор на окнах в кабинете было сумрачно и тихо, как в склепе.

Хриплым голосом Салвесен неожиданно спросил:

— Так что вас интересует?

Помедлив, я сказал, что хотел бы уточнить некоторые детали географии островов Буве и Южных Сандвичевых, но особенно подробно намерен остановиться в своей диссертации на естественных проблемах Южной Георгии, так как первое описание этого острова сделали наши русские моряки — Беллинсгаузен и Лазарев. В частности, было бы интересно узнать от мистера Салвесена, как повлияли на девственную природу Южной Георгии промышленные сооружения Грютвикена. Об этом нигде ничего не написано...

Салвесен сухо перебил:

— А разве то, что на Южной Георгии покоится прах великого Шеклтона, для вас значения не имеет?

Я понял, почему, услышав о Беллинсгаузене и Лазареве, он вдруг нахмурился.

— О нет, сэр, напротив,— исправляя оплошность, поспешил возразить я.— Книга Шеклтона «В сердце Антарктики» давно стала для меня настольной. Я был бы счастлив поклониться его могиле, но что делать, не у всех есть возможность побывать на Южной Георгии, даже у тех, кто плавает на китобойных судах.

Кажется, мой ответ его удовлетворил. Миллиардер сказал ворчливо:

— Не притягивайте за уши политику туда, где ей не место.

Что он имел в виду, догадаться было нетрудно.

В 1918 году Салвесен и его друг Шеклтон, будучи офицерами королевского флота Великобритании, добровольно участвовали в интервенции англичан на Кольском полуострове. Салвесен, уже тогда владевший Грютвикеном, хотел еще захватить и наши северные зверобойные промыслы, а Шеклтон, ирландец по рождению, но считавший себя великим патриотом Англии, дал себя убедить, будто Альбиону угрожают «красные русские варвары», и потому без раздумий поспешил одеть военную форму. Однако, как свидетельствует биограф ученого, его сын Раймонд Шеклтон, встречаясь на Кольском полуострове с многими простыми русскими людьми, скоро понял, что никаких врагов в России у него нет, как не было и врагов в Англии. Он вернулся в Лондон, глубоко разочарованный дутой беспристрастностью английской пропаганды. По словам Раймонда, он чувствовал себя обманутым и больше не верил ничему, что говорилось недоброго о России и большевиках.

Разочарованным покинул Мурманск и Салвесен, но сожалел он о другом — о русских зверобойных промыслах, которые казались ему столь доступными. Для него, миллиардера, Советская Россия

навсегда осталась врагом, и, когда мог, он пытался вредить ей.

В 1946 году наша китобаза «Слава» и несколько судов-охотников стояли в Ливерпуле на капитальном ремонте (рядом с судами одной из флотилий Салвесена). Потом, уже в Антарктике, обнаружили, что в трюмах китобазы, опечатанных в Ливерпуле под гарантию англичан, не хватает промыслового снаряжения. И многое оказалось негодным. Гарпунный линь — канат к промысловым гарпунам — наполовину был гнилым. Пришлось искать посредников и за огромные деньги покупать недостающее на складах Салвесена в Грютвикене. Без посредников нам бы он ничего не продал, а другие порты были за тысячи миль.

Закупки для нас делал норвежский капитан Карл Бергстэд. Услышав цену на гарпунный линь, он сказал Салвесену:

— Сэр, мне кажется, ваш линь позолочен.

— Да,— ответил Салвесен,— в Грютвикене у меня все покрыто золотой пылью. Но если вы вздумаете торговать этим канатом с русскими, для них он должен быть из чистого золота.

Бергстэд не говорил, для кого он берет линь, но Салвесену-то было известно, чего у нас не хватает.

Потом на «Славе» вышел из строя паровой котел: лопнули дымогарные трубы, которые в Ливерпуле, очевидно, были повреждены. На палубе, где велась разделка китовых туш, все замерло, не стало тепла в судовых помещениях. Ледяная антарктическая стужа не шутка.

Нужно было идти в ближайший порт, опять-таки в Грютвикен. Но Салвесен в ремонте отказал. Без всяких объяснений. Спустя неделю экипажу «Славы» удалось ликвидировать аварию собственными силами благодаря смекалке наших моряков и ценой невероятного физического напряжения. Но как только «Слава» возобновила промысел, босс Грютвикена по радиотелефону дал распоряжение своим китобойным судам перехватывать китов у наших китобойцев.

Салвесену об этом я, естественно, не напомнил. Тогда бы из него я наверняка ничего не вытянул. А мне хотелось хоть слово услышать о том, ради чего я к нему явился.

Я приехал в Лондон, когда английская пресса была заполнена догадками по поводу внезапного решения Салвесена продать все свои китобойные флотилии. Англичан волновало, куда он теперь вложит свои деньги. Бесплодная Южная Георгия сделала его миллиардером, а Великобританию — диктатором китобойной Антарктики. Там, во льдах далекого юга, он олицетворял Англию. А кем станет здесь, в самой Англии? Кого разорит, кого вознесет?

Салвесен хранил молчание. Журналистов это только распаляло. Рождались новые догадки, предположения, сенсационные открытия, не имевшие под собой никакой почвы.

Мне же хотелось узнать, что он думает о дальнейшей судьбе Грютвикена. Это ведь порт — промышленные предприятия и пусть маленький, но все же город!

В конце нашей беседы я сказал:

— Жаль, мистер Салвесен, что вы продаете свои флотилии. Такая прекрасная возможность для ученого, посвятившего себя проблемам Антарктики...— я старался, чтобы в моем голосе прозвучало огорчение.

Попыхивая тонкой, как карандаш, сигарой, он сворачивал в трубки разложенные на большом столе крупномасштабные карты Южной Георгии. Ответил с благодушной усмешкой:

— Если человек что-то продает, он делает это, надо думать, не без причины.

— Разве в Антарктике больше нет китов? В прошлом сезоне рейс нашей флотилии был очень удачен.

— Все зависит от того, какие цифры вас могут удовлетворить.

— Да, я понимаю, у каждого своя мера. Но что теперь ждет Южную Георгию? Грютвикен без Салвесена трудно себе представить!

— И не пытайтесь представить, Грютвикена без Салвесена не будет.

Я изобразил удивление:

— Вы намерены там все демонтировать?

— Демонтировать?—его дряблый подбородок заколыхался от смеха.—Превосходная идея! Я знал одного судовладельца, он демонтировал свои старые коробки. Бедняга надеялся спастись от банкротства.

— Надежды не оправдались?

— Когда корабль вам хорошо послужил и вы не в состоянии его продать, не думайте, что мертвый якорь самое худшее.

— Вы хотите сказать, что Грютвикен, выражаясь языком моряков, будет поставлен на мертвый якорь?

— А почему бы нет?

— Не знаю... Все-таки это не корабль.

— Большой разницы нет,—на этой фразе его благодушное настроение неожиданно изменилось. Без всякого перехода он вдруг сухо спросил:—У вас будут еще вопросы?

Мне оставалось только его поблагодарить за гостеприимство.

Я вышел на улицу и долго размышлял. Странно и дико звучали слова о порте, поставленном на мертвый якорь. ...Не говорю, что после встречи с Салвесеном я не мечтал побывать на Южной Георгии. Нет, мне просто не верилось, что когда-нибудь я посмотрю на Грютвикен своими глазами.

Обогнув два громадных айсберга и далеко выдавшийся в океан заснеженный каменистый мыс, корабль медленно вошел в зеркально-гладкий залив. В глубине бухты, прижатые бортами друг к другу, стояли на приколе неуклюжие посудины с высокими черными трубами—старые китобойцы. Отражаясь в воде, безжизненно-молчаливые, они словно множили свою неизбывную печаль.

Грустное зрелище—корабли на мертвых якорях. Всего лишь обглоданные волнами ржавые коробки, а чудятся бури, штормы, парящий в небе гордый альбатрос...

За китобойцами, у черного подножия черной горы,—черное здание электростанции. Слева от нее вдоль дощатого пирса тянулись такие же закопченные корпуса когда-то знаменитого жиротопного завода. Заколоченные окна, горы разбитых бочек, похожие на нефтяные цистерны черные баки, некогда служившие хранилищами китового жира.

В великой тишине тонули голоса людей, стук корабельных машин, шипение и плеск волны под форштевнем.

Неожиданно из-за хребтины мыса на правом берегу залива показались стрельчатые красные крыши. Еще две-три минуты, и вот уже виден весь Грютвикен.

Я помнил о «мертвом якоре» Салвесена и думал, что увижу нечто похожее на Даусон — канадский город, возникшнй в период золотой лихорадки. Так же как Грютвикен, он был построен очень быстро и с большим размахом, но скоро пришел в упадок и совершенно опустел. «За многие годы моих путешествий по свету,— писал один французский журналист,— я не видел ничего подобного. Город этот ужасает. Разбитые окна дворцов и небоскребов смотрят на тебя, как темные глазницы черепа. Мостовые размыты дождями и загажены тварями, которые когда-то были домашними кошками и собаками. Их наплодилось столько, что они не дают свободно пройти по улицам. Глаза у всех голодные и дикие. Создается впечатление, что ты находишься не в городе, построенном людьми, а в каких-то катакомбах, населенных отвратительным зверьем. Изредка, правда, попадаются и привлекательные кварталы, еще сохранившие следы недавнего уюта. Но и здесь витает дух мертвечины. Он гнетет и наводит на унылые размышления. Неужели человек, это высшее существо природы, способен так бесцельно растрачивать свои труды и созидательный разум? В Торонто мне сказали, что таков неизбежный конец всех городов золотоносного Севера. Кончается золото, и город становится ненужным. Согласиться с этим я не в состоянии».

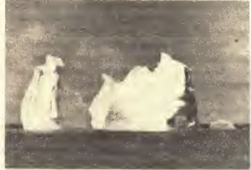
Против ожидания Грютвикен оказался даже меньше, чем бывают обычно небольшие поселки городского типа. Всего лишь десятка три строений, поднятых либо на высокие каменные фундаменты, либо на деревянные сваи. И только однн дом двухэтажный — бывшая резиденция Салвесена. Все постройки чистенькие, беленькие, как белый крест на холме за поселком — крест на могиле Шеклтона.

Кладбище, заброшенное футбольное поле, обнесенное обветшавшими рыбацкими сетями, теннисный корт. В центре поселка — несколько радиомачт и похожий на минарет огромный флагшток с реющим английским флагом. Ближе к причалу, перед аккуратным дощатым коттеджем,— еще флаг, норвежский. Он поскромнее английского, и флагшток пониже. На площадке около него в бинокль видны старинный адмиралтейский якорь, два врытых в землю жиротопных котла и белая гарпунная пушка — символы норвежских китобоев.

Правее от поселка сбегает с гор к морю небольшая речушка. Там, на пригорке, одиноко белеет островерхая протестантская церковь.

По берегу и поселку, словно пригоршнями, рассыпаны стайки пингвинов, и то там, то здесь валяются в маслянистой грязи коричнево-бурые туши морских слонов.

Наше судно вышло встречать человек сорок. Как потом выяснилось, это было все население Южной Георгии. Более двух тысяч тех, кто раньше работал на предприятиях Салвесена, отсюда давно уехали. Суда, портовые сооружения, завод — все,



Грютвикен: сумрачно, тихо, мертво...

Грустное зрелище — мертвый якорь

Крест на могиле Шеклтона. Здесь было его первое захоронение

Айсберги

Фото автора

образно говоря, действительно поставлено на мертвый якорь. Но вовсе не брошено, как в Даусоне.

Для надзора за своим добром Салвесен в Грютвикене никого не оставил, но, покидая остров, приказал воздвигнуть на самом видном месте капитальную мачту для английского государственного флага. Расчетливый миллиардер рассудил правильно: соорудить флагшток дешевле, чем охранять добро, которым, может быть, больше и не воспользуешься. Он сделал жест «бескорыстного патриота», но все заботы по содержанию Грютвикена правительству Великобритании пришлось взять на себя. Государственный флаг требует государственной опеки. С этой целью после ухода Салвесена в Грютвикен была направлена специальная администрация во главе с губернатором и штатом государственных служащих. Делать им тут особенно нечего, и все они, как, вероятно, и предполагал Салвесен, невольно превратились в сторожей его имущества. Правда, уже после Салвесена в Грютвикене была создана метеорологическая станция, которая располагает дизельной электростанцией и радиоцентром.

Глядя на англичан, свою администрацию в Грютвикен прислали и норвежцы. Заниматься китобойным промыслом у берегов Южной Георгии они тоже перестали, но срок концессии, когда-то приобретенной у Салвесена, не истек, поэтому, стало быть, нужно присутствовать. И все должно быть солидно, по крайней мере не менее солидно, чем у соседей. Губернатор, канцелярия, портовая служба, контора китоловной станции... Да, китов теперь не добывают, но станция-то есть...

Нашим визитом в Грютвикене были потрясены. Каким ветром, откуда, почему? Иностранные корабли в Южной Георгии давно не бывали. Раз в полгода приходит лишь судно из Англии, и один корабль в году — из Норвегии.

Английский губернатор решил, что мы зашли бункероваться и, едва поднявшись на борт, начал с извинений.

— Простите, но запасы горючего у нас весьма ограниченны. Мы можем снабдить вас только хорошей питьевой водой и, если у вас плохо с едой, продать небольшое количество продовольствия.

— Благодарим вас, сэр,— сказал наш капитан.— Топливом и продовольствием мы вполне обеспечены. Если позволите, нам хотелось бы немного побродить по твердой земле, мы слишком долго болтались в море.

— О, пожалуйста! Наши горы из чистого базальта.

Поджарый, длинный, остролицый, с буровато-рыжими, густо запорошенными сединой бакенбардами, он явился на ободранное антарктическими штормами научно-промысловое судно, как на лондонскую биржу — с тростью, в котелке и черном тонкосуконном пальто с узким шалевым воротником из поблескивающей крашеной куницы. Этакий преуспевающий, официально торжественный британский буржуа второй четверти двадцатого века. Первое впечатление, однако, при ближайшем знакомстве быстро меняется. У губернатора очень подвижное, веселое лицо, которому никак не идет официальное выражение. Несмотря на седые, словно наклеенные бакенбарды, оно напоминает лицо озорного мальчишки. Щедро рассыпанные по скулам крупные золотистые

рябинки и необыкновенной лазурной голубизны глаза, прищуренные вроде бы перед хитро задуманной проказой. Смеется губернатор, не заботясь о солидности, громко, заливисто, в каком-то нетерпеливом, радостном возбуждении.

— Все кричат: «Корабль! Корабль!» А я смотрю в бинокль — на пиратов не похоже! А кто? Солнце глаза слепит...

Капитан пригласил губернатора на корабль.

После традиционного обмена тостами и общепринятых любезностей разговор зашел, естественно, о житье-бытье на Южной Георгии. Губернатор моих ожиданий не обманул, был словоохотлив и, отвечая на наши вопросы, предписанную его рангу учтиво-холодную дипломатичность явно игнорировал.

— Если я скажу, что этот стол маленький, это будет неправда, не так ли? И все же моим длинным ногам под ним тесновато. Я думаю, наша жизнь в Грютвикене — нечто в этом роде.

— На Южной Георгии — тесно?

— Разве моряк в океане, где столько простора, не испытывает что-то похожее на тесноту? Глазам просторно, и палуба как будто достаточно велика, но... Тесно, черт возьми! Вы не согласны?

— Тоска иногда давит.

— Да, но не всякая тоска создает ощущение тесноты. Я говорю о постоянном общении с одними и теми же людьми. Когда обо всех все знаешь и заранее предвидишь, кто тебе что скажет, это так же ненормально, как длина моих ног по сравнению с этим столом.

Он говорил с веселой непринужденностью и на человека, страдающего от недостатка общения, мало походил.

— По-моему, вы ничуть не унываете,— сказал я.

Губернатор гордо поднял голову.

— О, я шотландец по духу и плоти! Мы умеем держать себя в седле. У меня прекрасная оранжерея, я выращиваю цветы. Представьте, это чертовски увлекает. Но увы, новые впечатления в нашем положении — самый дефицитный товар.

Левая бровь капитана, которая была почему-то гуще и длиннее правой и круто загибалась у виска вверх, придавая мешковатому лицу Петровича выражение сердитой сосредоточенности, задвигалась, как бы пытаясь согнать со лба надоедливую муху. Но мы, давно успевшие изучить нашего капитана, знали: Арсентий Петрович в очередном затруднении. «Бездельник вы, дорогой сэр Эдвард. Толчете воду в ступе вместо того, чтобы полезное что-то делать, оттого и киснете»,— думал, наверное, он и мучительно соображал, как бы выразить эту мысль поделикатнее. Очень это была трудная задача для Арсентия Петровича — подбирать деликатные слова. Пройдя путь от простого матроса до заслуженного капитана, он неплохо знал английский язык, много читал и вообще был человеком образованным, но легко складывать светские фразы так и не научился.

— Когда-то в Лондоне я встречался с мистером Салвесеном,— сказал я, чтобы выручить капитана и заодно повернуть разговор на более волновавшую меня тему.— Вы не знаете, что с ним теперь?

 Голубые глаза нашего гостя вспыхнули любопытством.

— Вы встречались с Салвесеном? В Лондоне? И он вас принимал?

Я коротко рассказал о нашей с Бенджамином Хоулсом хитрости и сказал, что с тех пор интересуюсь судьбой миллиардера.

— Вы полагали, он все еще жив? — Пока я рассказывал, губернатор, слушая, приговаривал с заразительным смехом: «Салвесен, это Салвесен!»

— Я давно не получал о нем информации... Он что, умер?

— О, Салвесен закончил почти шекспировской драмой! Эллиот... Вы его видели?

— Да, он выходил из кабинета всего на несколько минут, приносил кофе.

— Так вот этот Эллиот, которого все считали тенью и преданным терьером дядюшки, хлопнул дядюшку по лысине увесистым томом его собственных изречений! Нет, не смертельно, покушения на жизнь миллиардера не было. Дело в том, что в последние годы Салвесен очень мало спал и чересчур много говорил. И требовал от племянника записывать все его рассуждения. При всей своей терпеливости Эллиот, конечно, взвыл. И вот однажды поднял руку на дядю. Но старик только почесал лысину. Сказал: «Элли, ты глупый мальчик, я хочу тебе добра и говорю только то, что тебе пригодится в будущем. Ты не знаешь того, что знаю я, и без этих записей не сможешь продолжать наше дело». Да, он задался целью вместе с наследством оставить Эллиоту наставления на все случаи жизни. Ну Эллиот, сколько мог, терпел еще. Но разве есть на свете собака, однажды успешно испытавшая крепость своих зубов и не понявшая, что умеет кусаться?

— Эллиот убил его? — невольно вырвалось у меня.

— Для шекспировского сюжета это было бы слишком заурядно. Он публично отрекся от наследства! И раскрыл журналистам все карты. Вот в чем соль. Потом Салвесен начал зачем-то снимать со счетов крупные суммы денег. В последний раз он взял в банке наличными миллион фунтов стерлингов. Целый чемодан купюр! Зачем? Куда их столько истратить? И все ведь знали, как Салвесен невероятно скуп. Решили проследить за ним — и представьте: деньгами он растапливал камин!

— Сошел с ума?

— Салвесена всегда мало кто понимал,— сказал губернатор.— В какой-то мере его поступки объяснила книга Эллиота, он издал ее после смерти дядюшки. Если судить по книге, старик был одержим и, возможно, в чем-то патологичен, но не шизофреник. Представьте себе такую картину: восемнадцатилетний юноша, у родителей которого только два небольших рыболовных суденышка, заявляет, что будет миллиардером. Заметьте, не миллионером — миллиардером! Сумасшедший, не так ли? Или просто наивный малый! И что же? Начав практически с нуля, с маленького кредита под чужое поручительство, свой первый миллиард он накопил уже к сорока годам. Допустим, необыкновенная удача, счастливое везение, но жизнь ведь не может состоять из одних везений. Случайности бывают, и часто они

приводят к самым неожиданным последствиям, но в серьезном деле любая удача не случайность. Ее нужно уметь предвндеть н быть готовым ею воспользоваться. Кроме чнсто профессиональных знаний нужна особая ннтуиция н сообразительность. Салвесен — мнллиардер! Под его контролем оказалась почтн вся китобойная промышленность Велнкобрнтанин. Флотилии, заводы, торговые предпрнятия. Он работал без посредников, сам представлял н промышленно-торговый концерн, н контрольно-фннансовый банк. Но смысл своей жизни он видел не в том, чтобы пользоваться какнмн-то благамн, то есть самому потреблять нх, а в том, чтобы владеть нми, чувствовать себя хозяином и быть повелителем других. Его аскетнзм объяснялся не прнмитивной скупостью, как это многим казалось, а твердым убеждением: человек должен довольствоваться малым н во всем быть бережливым, так как все стоит денег н, следовательно, труда. Хотя это не мешало ему с удовольствнем пнровать на чужой счет. Здесь в нем сказывался бнзнесмен: нельзя упускать выгоду.

— Хорошо, но зачем такое накопительство? Я знаю нзвестную формулу мира капитала: «Цель бнзнеса — прнбыль. Прнбыль означает богатство. Богатство означает власть...» Но власть ради власти...

Губернатор нетороплнво раскурил сигару, усмехнулся.

— Вы что-ннбудь слышалн об ордене Рыцарей золотого круга?

— Рыцарн золотого круга? Ах да, нх эмблема — на круглом золотом фоне мальтийский крест н звезда.

Впервые об этом ордене я услышал в Южной Африке. Он был создан во второй половине минувшего века Сесилем Родсом, нменем которого потом назвалн Родезню.

То были времена, когда завершался очередной раздел мира. Двадцатитрехлетний выпускник Оксфорда н будущий владыка Южной Афрнки, Сесиль Родс выдвннул ндею, воспрннятую сначала как горячечный бред молодого человека, чья психика была травмнрована нензлечнмой формой туберкулеза. Он предлагал создать тайный союз нз нанболее богатых и знатных людей мнра, подобный тому, какой создал в 1534 году испанец Игнатий Лойола, то есть союз, основанный по принципу ордена незуитов.

«Мнр сегодня вступает в тот период дальнейшего развития цивилнзации, — пнсал в своих программных тезнсах юный лорд, — когда на смену войнам за расширенне государственных границ н новые нсточники дешевого сырья прнходнт борьба за сохранение накопленного н его приумноженне экономнческим путем. Это не значит, конечно, что войны с прежними целями прекратятся. Найдутся обнженные, недовольные лнбо просто маньякн, снова готовые делнть уже разделенный мир. Но главная опасность нас ожидает в другом, в том, что культурный уровень всего населения земного шара непрерывно возрастает и процесс этот необратим. Я поннмаю, это звучит парадоксом, мы все за культуру, но нменно культурный уровень человека меняет его понятия о существе справедлнвого и несправедлнвого. Поэтому в недалеком будущем кроме войн межгосударственных нас ждут войны внутрнгосударственные: за более равномерное распределе-

ние тех богатств, которыми владеют государства. Это будут войны черни против своих сюзеренов, бунты, но не стихийные, как в былые времена и теперь, а организованные силой возросшего сознания и убеждений, с четкой программой и ясной задачей. Вот почему союз людей, представляющих сегодня цвет и мощь наций, владеющих достоянием наций, является не забавой, как это кажется некоторым моим критикам, а необходимостью чрезвычайной важности. Если мы, наделенные богатством, высокими титулами и возможностью решать государственные и мировые проблемы, не хотим быть раздавлены союзами черни, чьи интересы во всем мире в конечном счете сведутся к общему знаменателю, нам следует объединиться для встречного боя без различия как национальной, так и государственной принадлежности. Наш союз должен быть правительством над правительствами и обладать способностью быстро и эффективно реагировать на все возможные конфликты. Стабилизация прав собственности и привилегий — вот наша цель. Осведомленность, готовность к борьбе, преданность одного всем и всех одному — вот наш лозунг».

Когда мир потрясла Парижская коммуна и был провозглашен лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «сильные мира сего» поняли, что родовитый юноша из Лондона выдвигал отнюдь не бредовые идеи. В 1873 году в Новом Орлеане состоялся учредительный съезд ордена Рыцарей золотого круга, принявший с незначительными поправками предложенные Сесилем Родсом устав и программу и торжественно избравший его своим первым великим магистром.

С тех пор утекло много воды. Мир преображали великие революции, разражались грандиозные мировые войны, но созданный Сесилем Родсом тайный орден Рыцарей золотого круга не распался и не ослаб. Напротив, все последующие мировые события сделали его более сплоченным. Он не стал в буквальном смысле правительством над правительствами, но его влияние во всех капиталистических государствах заметно. Минеральные и энергетические ресурсы, банки, заводы, транспорт, средства пропаганды и множество всяческих корпораций — вот что такое орден Рыцарей золотого круга. Это люди типа известного миллиардера Аристотеля Онассиса, который на вопрос о его подданстве ответил: «По рождению я в принципе грек, а подданство... Я судовладелец, область моей коммерческой деятельности — Мировой океан». Космополиты по духу и властью не облеченные, но диктующие свою волю, они одинаково свободно чувствуют себя в любой стране, без виз и паспортов. Документов у них не спрашивают, им везде стараются услужить... Да, но Салвесен...

— Такой нелюдимый барсук был членом ордена Рыцарей золотого круга?

— Даже надеялся стать его магистром.

— Вот как! Плебей во главе мировой аристократии — недурно!

— Очевидно, ему казалось, что истинная ценность человека в том, как он умеет делать деньги, а деньги — это все. Он был горячим сторонником идей Сесиля Родса, но не верил в способ-

ность его последователей сохранить старый мир таким, какой он есть. Они все представлялись ему легкомысленными, погрязшими в роскоши и разврате. Поэтому он рассчитывал взять дело в свои руки и управлять доброй половиной мира, исходя из собственных концепций. Для этого, по его понятиям, ему нужны были три вещи: деньги как источник могущества, скромность как свидетельство личной непритязательности и авторитет человека, отдающего свой досуг серьезным занятиям, географии например. Это были те три вещи, которые, по его мнению, должны были определять лицо великого магистра ордена.

— Так ведь все это у него было.

— Да, но вы сами назвали его плебеем. По уставу, возглавлять орден Рыцарей золотого круга может только человек с аристократическим титулом. Салвесен добивался для себя исключения, но у него ничего не вышло. Поэтому Салвесен выдал свою сестру за бедного итальянского графа и потом взял на воспитание их сына, чтобы подготовить Эллиота к роли магистра ордена. И вдруг Эллиот выкидывает такой номер! Вы только на минуту представьте: Салвесен через газеты просил у племянника прощения, умоляя его вернуться! А тот ответил, что пусть к нему возвращаются черти. Тогда всю свою злобу старик принялся вымещать на собственных деньгах, решил, что во всем виноваты они... Разумеется, своим частным капиталом он имел право распоряжаться как угодно, но кто же позволит сжигать казначейские билеты? Пришлось все его банковские счета арестовать. Вероятно, для него это было уже слишком. Он умер от сердечного приступа...

Губернатор говорил что-то еще, шутил и смеялся, но я уже думал о своем. Все-таки не так уж прост оказался этот миллиардер.

Капитан спросил губернатора, кому же теперь принадлежит Грютвикен.

— Грютвикен? Да, но... Вы не находите, что я похож на королевского губернатора?

Простившись с губернатором, я поспешил к могилам Шеклтона. Я не оговорился — могилам.

Его хоронили дважды, и обе могилы сохранились.

4 января 1922 года, направляясь на шхуне «Квэст» в свою последнюю антарктическую экспедицию, Шеклтон по пути остановился в Грютвикене, чтобы повидать старых друзей и оставить письма для отправки на родину. Несколько часов он гостил у Салвесена, пил вино, непрестанно дымил трубкой и, как обычно, сверкая синевою глаз, шумно острил по адресу хозяина, сидевшего за столом с видом сердитого, туговатого на ухо пеликана.

Как и многие прежние встречи с Шеклтоном, эта была для Салвесена и праздником, и новым испытанием духа. Рядом с могучим рыжебородым ирландцем, словно вобравшим в себя сгусток бури и моря, всегда хмуро озабоченный миллиардер превращался в нахохленного и как будто чем-то недовольного, но вместе с тем безмерно счастливого человечка, который млел в лучах славы ученого, не терзаясь ни завистью к чужому величию,

ни жалостью к себе. На Салвесена, отвергавшего всякие чувствительные сцены, в эти редкие часы, казалось, снисходила неземная благодать. Но разум его, суровый и неизменно трезвый, требовал при этом осуждения. Подумать только, он, Салвесен, не прощавший ни себе, ни другим никаких излишеств, потворствовал худшему из пороков — пьянству! В собственном доме, на собственный счет, с безвольным, всеодобряющим старанием.

В лице Шеклтона перед ним одновременно был и кумир, и дьявол-искуситель, а может быть, и единственная живая отдушина в рутинной скуке созданного им самим рассудочно черствого мира.

Однако какие бы чувства ни испытывал Салвесен к своему другу, он, конечно же, не забывал и практическую сторону этой дружбы. Шеклтон, аристократ по рождению, женатый на аристократке, был не только полноправным членом ордена Рыцарей золотого круга, но и входил в его высший совет. Значит, в будущем солидная рекомендация Эллиоту обеспечена.

По рассказам очевидца, в тот день Салвесен был особенно гостеприимен. Как потом он сам говорил, его что-то томило, какая-то смутная тревога, которая почему-то связывалась с Шеклтоном. Поэтому вечером он пошел провожать его на шхуну и старался ни в чем ему не перечить.

— Нам предстоят, старина, трезвые дни, и ты уж меня извини, завтра я снова хочу покутить, прямо с утра. Не возражаешь? — сказал Шеклтон, поднимаясь на борт корабля.

— Хорошо, Шеки, я распоряжусь,— ответил Салвесен с необычной для него улыбкой.— Жду тебя к одиннадцати. Если желаешь, можешь пригласить своих офицеров, будет телятина на вертеле.

Никто не подозревал, что завтрашнего дня Шеклтон не дождется. В половине четвертого утра он скончался от внезапного приступа грудной жабы. Сначала его похоронили на пустынном мысе за поселком. Экипаж «Квэста» выложил на могиле каменный холмик и установил памятный крест. Потом Салвесену показалось, что пустынный мыс для Шеклтона не подходит. Он всю жизнь был в окружении друзей; можно подумать, что после смерти его отвергли. И прах ученого перенесли на общественное кладбище, оставив, однако, памятный крест на прежнем месте.

Вторая могила из серого базальта. Врытый в землю тонкостенный каменный прямоугольник, внутри которого — инкрустация из морской гальки. У изголовья — массивный обелиск с выбитой на нем восьмиконечной звездой. О звезде были его последние слова. «С наступлением сумерек я увидел одинокую, поднимающуюся над заливом звезду, сверкающую как драгоценный камень»,— записал он в своем дневнике и лег спать, чтобы уже никогда не проснуться.

К обелиску прислонены сколоченные из гладких досок деревянные щиты. На них оставляют свои автографы те, кто приходит сюда отдать дань уважения ученому. И я поставил свою подпись. Шеклтон не понимал наших идей и нашего образа жизни. Он жаждал славы, богатства, власти, но разве не таков мир, его породивший? Честолюбие толкало его на безумные авантюры, а

доброе сердце и прекрасное чувство товарищества — на риск ради друзей. Много раз ему приходилось спасать попавших в беду полярников. Он мерз, голодал, тяжко работал, но никогда не останавливался на полпути. Лишь пламя отваги, мужество и готовность к самопожертвованию могли заставить человека в зимние штормы пересечь на шлюпке огромное водное пространство от кромки материкового льда Антарктиды до острова Южная Георгия. Обмороженный, опухший от голода, больной цингой, он пришел в Грютвикен, чтобы сказать:

— Друзья, мой корабль погиб. Нам удалось высадиться на маленький островок, но люди скоро останутся без пищи. Я прошу помочь мне спасти их.

Повторить путь шлюпки китобойное судно не смогло. Тогда Шеклтон купил большой пароход, но цели опять не достиг. Не теряя времени, он повернул к Фолклендским островам и там приобрел корабль, способный плавать во льдах.

В организацию спасательной экспедиции он вложил все свое состояние, разорился, но долгу товарищества не изменил.

Я долго стоял у его могилы... Потом по заросшей бурым вереском тропинке поднялся в горы, к зажатому между скалами голубому озеру. Глубокое и прозрачное, оно подарило мне горсть студеной воды. С его берега далеко был виден усеянный айсбергами скалистый простор океана. Искрясь на солнце, айсберги медленно дрейфовали на север. Там, за сорок восьмой параллелью, они навсегда исчезнут. Там — теплые воды...

Чудесный мир Мацохи

Очерк

Герман Малиничев

Тот день был полон впечатлений, какие всегда дает ярмарка. Много красок, музыки, много и шума, без которого, разумеется, не обходится ни одна ярмарка. Пестрые краски — это новенькие тракторы, автобусы, станки. Музыка — это сопровождение аттракционов, различной рекламы на многих языках мира. А шум — это говор тысяч посетителей, пришедших осмотреть особый мир машиностроительной ярмарки в Брно — мир увлекательных технических новинок, воплощенных в металле, пластмассе и других материалах. Тут и гусеничные комбайны, и сложнейшие приборы ядерной физики, и массивные реакторы для химических заводов. Были и гоночные автомобили, и детские автоматические игрушки, и многоэтажные полиграфические машины. Все это надо было рассмотреть, потрогать, сфотографировать, занести о них в блокнот кое-какие данные.

И вдруг в многоголосый шум огромной международной выставки самых лучших изделий мира ворвался особый гул. Чехословацкие летчики прямо над ярмаркой начали демонстрировать отечественные одномоторные и двухмоторные самолеты. Одновременно они показали и высокое искусство вождения этих машин в небе.

Часом позже, когда в ушах еще не стихли отголоски авиационных моторов, директор пресс-центра ярмарки доктор Милан Вашек предложил журналистам совершить экскурсии по городу и его окрестностям. Выбор был широким — музеи, средневековые замки, курортные зоны, охотничьи хозяйства. Я остановился на Мацохе, даже не зная точно, что это такое. Просто вспомнил плакаты на стенках выставочных павильонов, призывающие посетить эту живописную достопримечательность Моравского края.

И вот «шкода» несется по полям, затем мимо виноградников. Часа через два она уже въезжала в лесистое ущелье. Всю дорогу мы с водителем говорили о Брно, о ярмарке. Мы обсудили достоинства новых автомобилей и мотоциклов, единодушно одобрили электронные часы и другие удобные новинки второй половины XX века. О Мацохе же не было сказано ни слова.

Я смотрел на стройные ели, окружившие нас в ущелье, на охотничьи домики на каменистых склонах, замшелые пни, горную речку, катившую навстречу нам бурные воды. Вдруг машина повернула куда-то, шофер затормозил, и я услышал совершенно неожиданные слова:

— Вон в том окошке купите себе билет, а потом идите к двери рядом. К той, что обита войлоком.

— А вы?

— Нет, я останусь в машине. Мацоха слишком хороша, чтобы часто туда ходить...

Дверь была приделана прямо к скале. Коричневые влажные камни. Над ними нависали острые утесы, покрытые мхом и мелким кустарником. Если поднять голову, до самого неба тянется еловый лес. Мрачный и густой. Куда же ведет дверь? Что там за ней?

Она легко открылась, и я очутился в небольшом зале с белым потолком, освещенным лампами дневного света. Вот тебе и подземелье!.. Первые шаги в самое нутро горы оказались совсем не страшными. Здесь уже собралась группа туристов, рассматривавших потолок. Гид в брезентовом плаще, альпинистских ботинках и с ацетиленовым фонарем в руке объяснял, что такое карст. Очевидно, я немного опоздал, так как вся группа в этот момент устремилась за гидом ко второй двери. Она тоже была обита войлоком, а за ней начинался низкий туннель. По отдельным восклицаниям стало ясно, что наша группа была интернациональной. В нее входили поляки, немцы, болгары, румыны. Гид сказал, что этот туннель создала сама природа. Осталось лишь уложить бетон на пол и провести электричество.

Многие экскурсанты не отказывали себе в удовольствии провести рукой по мокрым стенам. Некоторые с любопытством оглядывались: дорога была извилистой и загадочной. Куда же она вела? Где тут Мацоха? Один из туристов, болгарин, объяснил мне, что слово это по-чешски означает «мачеха» и что в горах его страны нет ничего подобного. Другой член нашей группы, инженер из Йены, сказал, что был в Брно десять лет назад и ничего тогда об этой Мацохе и не слышал. Еще кто-то добавил, что Мацоха находится дальше и там видно небо...

Трудно сказать, сколько времени мы шли за гидом по этому туннелю, стараясь не отставать друг от друга. Иногда казалось, что потолок становится ниже.

Но вот в лицо подул свежий ветер, и впереди открылась колоссальная пещера. Пожалуй, она так велика, что может вместить наш московский Манеж. Куполообразный зал, куда мы вошли, величествен. Сразу же чувствуешь: надо остановиться, осмотреться. Но куда смотреть? На потолок, который тонет во мраке? На стены, блестящие от влаги? На сталактиты, как бы пригибающие своей массой своды? На фантастические по форме сталагмиты? Сколько же их тут? Целый музей!.. В этот самый момент гаснет свет. Тишина и так была полной, какой она бывает только в подземелье. А тут она в одну секунду просто придавила всех. И вдруг в этом темном безмолвии раздался необычный звук. Серебряный, тихий, но тревожный. Если его услышишь где-нибудь в лесу, то сразу поймешь. А здесь прошла по крайней мере минута, прежде чем до сознания дошло: ведь это всего-навсего ручеек...

Тут снова зажегся свет. На этот раз он возник во всех углах

десятками оттенков цветовой палитры. Подземный зал будто подменили. Он стал музеем изящных искусств.

Калейдоскоп — нехитрая детская игрушка. Трубочка со стекляшками. Повернешь против часовой стрелки — и чудный мир красок и форм открывается глазу!.. Я поймал себя на мысли о калейдоскопе в пещере. Правда, здесь ничто не вертелось, но глаза сами бегали по стенам и углам пещерного зала. Краски сверкали, переливались, переходили одна в другую. Лимонный столб сталактита. Розовые гроздья сталагмитов, изумрудные наросты у самого потолка. Красные, словно раскаленные, глыбы камней в самом углу... Постепенно начинаешь понимать: это умелая игра светотехники, дело рук инженеров и художников. Но сам сеанс воспринимаешь как чудо. Неизъяснимая красота, фантастическая сказка! Только бы она не кончалась!

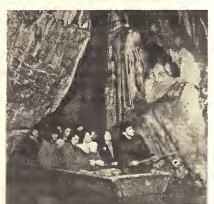
Но, увы, цветовая палитра исчезает, опять зажигаются обычные прожекторы. Кажется сперва, что все краски вмиг поблекли. Но глаз теперь начинает различать причудливую форму всех этих свечей, столбов, тумб и наростов. Они не гладкие, а закругленные, прихотливо изогнутые, с массивными выпуклостями на боках, с белыми змеевидными известковыми потеками. И эта сложность форм несет иные краски — на этот раз не столь театральные и пестрые, а более гармоничные и реальные...

Так уж устроен человек — в непривычной среде он ищет спасительных сравнений. Наверное, они успокаивают, заставляют думать о чем-либо знакомом. Окаменелый лес, застывший водопад, сети гигантского паука, незаконченная статуя бородатого старика — вот первые впечатления. Хочется сравнивать и сравнивать дальше...

— Пещеры Пункевни — уникальное явление природы,— раздается голос гида.— Сейчас мы в зале «Сказочный храм». Он считается самым красивым в Европе. Кроме того, здесь сконцентрированы все карстовые явления, которые возможны в природе. Мы шли с вами сюда по одному из туннелей. Но их здесь множество, целый лабиринт. Многие еще не разведаны. Чтобы теперь мы вот так спокойно могли идти по этому маршруту, спелеологи и строители работали многие годы. Сама же природа трудилась здесь шестьдесят миллионов лет...

Мой взгляд остановился на «морском чудовище». Таких рисуют в сборниках сказок: жадные щупальца, выпученные глаза. А рядом идиллическая картинка — гномик вышел на прогулку в лес. Если приглядеться повнимательнее, это, конечно, совсем не гномик. Просто искусство осветителей, установивших прожектор в естественной нише, делает из белых и серых потеков подобие человечка, нагнувшегося к грибку. Но... все-таки хочется верить, что это именно гном, и жаль, что нет Белоснежки. Здесь, в подземном царстве, очень хочется побыть в окружении волшебных образов, но постепенно мы втягиваемся гуськом в новый туннель. Сказочный храм остается позади. Через несколько минут наша группа приходит в новую пещеру. Она еще более сырая. На полу много камней, и нам объясняют: известняки, песчаники, кварциты, конгломераты...

Здесь потолок ниже, но сталактитов тоже много. И тут они массивнее. Вот сталагмит в форме стола на одной ножке. Здесь



Сталагмит «подсвечник»

Причудливая колонна в одном из подземных залов

Этот сталактит называется «Окаменевший водопад»

Лодка с электромотором в одном из подземных залов

Фото автора

вполне могли бы пировать такие великаны, как Гаргантюа. И тем не менее он кажется очень изящным. Из каменной стены выдвинулось лицо монаха в клобуке. Можно поклясться, что на нем запечатлено сложное психическое состояние: усталость, скорбь, меланхолия... Вот сталактит «люстра». Он висит в одном из углов пещеры и не может не поражать филигранной обработкой своих «подвесок». Под ним сталагмит «подсвечник». А чуть в стороне — частокол из сталактитов, будто забор, подвешенный вверх ногами. Другое собрание сталактитов — словно разорванное ватное одеяло. А вот пасть зубастой акулы. В такую пасть автобус может въехать...

Восторженные взгляды экскурсантов переходят с акулы на голову доисторического чудовища, которое своей исполинской силой пробило дыру в стене и сурово смотрит на нас через каменное окно одним глазом.

Потом нас приводят через туннель в еще один подземный зал, где все сталактиты — своеобразные барельефы. Они прилепились к стенам, образуя картины из жизни диких зверей в замысловатых джунглях.

Признаюсь, что мне, как и другим членам группы, временным спелеологам, сперва было немного боязно в этом подземном царстве. Но постепенно все чудесные произведения искусства, выполненные трудолюбивой и неспешной рукой природы, начинают располагать к себе. Перестаешь верить в злых подземных духов. Хочется вернуться в какой-нибудь зал, еще раз посмотреть на какую-нибудь фигуру.

Но нет. Свет пунктуально гасят, как только последний человек группы входит в очередной туннель, и надо идти вперед по лабиринту.

Туннель вдруг идет круто вниз. В нем даже выбиты ступени. Затем эти ступени поднимаются вверх. Впереди светлеет, и вдруг наша группа видит небо над головой. Нет, это не небо. Это всего лишь маленький голубой лоскуток. Вот она, Мацоха. Это тоже туннель. Только он идет вертикально вверх.

Представьте себе горный хребет, заросший лесом. И вот какие-то космические силы просверлили круглую дыру почти до самого основания горы. Глубокий колодец. Мы и оказались на его дне. Почему он назван Мацохой? По народной легенде, злая мачеха однажды сбросила сюда своих приемных детей...

— Мацоха — это один из самых глубоких в Европе провалов,— рассказывал гид.— Мы сейчас находимся на глубине ста пятидесяти метров. Пропасть образовалась после обвала потолка одной из карстовых пещер. Прежний пол этой пещеры находится на глубине сорока метров под нашими ногами. Любоваться теперь небом, отвесными скалами, зеленью можно лишь потому, что смотровые площадки сделаны здесь нашими строителями. Раньше тут был полный хаос — нагромождение огромных камней. Кстати, растения и мхи трогать нельзя. Флора здесь редкая, она относится к так называемому инверсионному типу. Здесь, на дне, растительность типично горная, а вот там, на верхних скалах, степная...

Сплошные чудеса! Наша группа стоит молча. Большинство смотрит на небо. Ведь эту синеву, окаймленную зеленью деревьев, мы давно не видели. Наконец раздаются первые вопросы.

— Скажите, пожалуйста, а древние люди жили в этих пещерах?

— Да, в 1966 году в одной из них были найдены раздробленные кости пещерных медведей, оленей, следы кострищ и верхняя часть челюсти неандертальца...

— Будьте любезны, расскажите, почему вода в этом озерце так неспокойна? — этот вопрос относился к небольшому водоему на дне провала. Вода в нем казалась окрашенной сочной синей краской.

— Это не озеро. Здесь выходят на поверхность воды речки Пунквы. Значительную часть туннеля, по которому мы шли из пещеры в пещеру, прорыла она. Потом ушла в сторону. Вскоре мы с ней познакомимся поближе. Что касается породы, которую точит здесь река, то это девонские известняки. Есть еще вопросы?

— Есть. Целебна ли вода в этой подземной речке?

— Нет. Просто она очень чистая. Целебен воздух в этих пещерах. Мы с вами прошли немало, но не устали. Не правда ли?

Действительно, чувства усталости нет. Воздух везде прохладен и бодрит. Дышится легко. Держась за перила, мы проходим к отверстию следующего туннеля. Конечно, он приводит нас еще в одну пещеру. Сперва она кажется совсем небольшой. Но постепенно можно различить, что мал лишь участок, где мы стоим. Скрытый в темноте купол подземного зала нависает над большим озером. Затем начинаем понимать, что это не озеро, а залив реки. На дне видны монеты, которые бросают туристы, чтобы судьба привела их снова в эти монументальные залы, туннели, галереи. Тем временем к клочку нашей суши из темноты залива подплывают бесшумно три лодки. Назвать их можно плавающими электромобилями. Понятно, что обычный трескучий мотор здесь совершенно неприемлем. Рассаживаемся и плывем в сплошной мрак. Там, где купол снижается и уходит под воду, луч фонаря нашего гида отыскивает свод крошечного туннеля. Мы нагибаемся в лодке по команде рулевого. Подземная речка пробила здесь узкую галерею — извилистый туннель. Яркие лампочки показывают нам его мрачные своды, неожиданные повороты, устрашающие скальные выступы, которые приходится огибать на малой скорости.

Первая остановка — у гигантского грота. Мы высаживаемся, оглядываемся. Будто мускулистые гомеровские гиганты выбили в подземном камне аккуратное углубление, своеобразную «ракушку». Здесь вполне можно устроить концертный зал. Уж очень тут торжественная обстановка. Действительно, грандиозность музыки Баха здесь проявилась бы во всем своем великолепии. Конечно, прибавилось бы и что-нибудь новое в звучании. Я подумал об этом потому, что одна из польских туристок уронила пудреницу и весьма мелодичный звук разнесся по всему залу. Баснословные акустические возможности! Я отошел чуть в сторону и кашлянул. Прекрасного тембра эхо вернулось ко мне через несколько секунд. И невольно подумалось, что небесный гром, если бы он родился под этими сводами, тоже превратился бы в удивительную музыку.

Гид ведет нас в глубину грота. И что мы видим? Трубы колоссального органа! Это опять искусство осветителей. Они так установили лампы, что сталактиты превратились в музыкальный инструмент.

Но вот опять луч фонарика гида ищет продолжение нашего пути.

Снова мы плывем по туннелю, где надо пригибать голову. Потом каменный потолок над водой становится выше, и лодки несут нас по новому залу подземного музея. На этот раз природа придумала боковые ниши, заполненные причудливыми наростами. Справа и слева овальные гроты размером с небольшую комнату. Все они прекрасно освещены, чтобы туристы могли любоваться фантастическим талантом «мастера карстовых дел».

Некоторые из этих гротов были по-спартански простыми, а некоторые — буквально в стиле рококо с его усложненными формами. Конечно, тут присутствовала и готика с ее мрачноватыми шпилями.

А вот уже не архитектура, а тонкая скульптурная работа — на стене грота белое крыло ангела. Природа подсмотрела его на одной из картин эпохи Ренессанса и воспроизвела здесь. Людям осталось лишь подсветить его матовой лампой.

Что касается ламп, то они размещены не только выше уровня воды, но и в подводных гротах. Вы плывете в алюминиевой лодочке и разглядываете освещенные боковые ниши. Поверхность воды темная. Все кругом очень интересно. И вдруг в один из моментов замечаете, что проплываете вы над ужасающей бездной. Вода, оказывается, заполнила пещеру, которая уходит вниз на многие десятки метров. И какие-то фантазеры, чтобы напугать вас, смонтировали мощную лампу в боковом гроте этой подводной пещеры. Вода под вами голубая, нереальная, но совершенно четко видно, на какую ужасающую глубину уходят вниз стены...

К счастью, эта шутка светотехников кончается быстро. Кораблики снова на темной воде, где чувствуешь себя спокойнее...

Наш рулевой поясняет, что проплыли мы по куполу пещеры, который размыт рекой. Потом он добавляет, что учится на геолога и здесь охотно работает летом и осенью, ибо в пещерах можно найти такие редкие камни, что и профессор позавидует.

Интересно, что в этой системе туннелей, галерей, пещер, провалов и подземных рек порой проводятся международные конгрессы спелеологов, геофизиков и геологов. Тогда наш рулевой работает в группе гидов, чья обязанность — искать заблудившихся ученых...

Туннель, по которому мы плывем, вдруг становится шире, гирлянда лампочек кончается, а впереди ясно обрисовывается овальное пятно — яркий дневной свет. Вскоре мы выплываем на крошечный прудик. Над головой — деревья, кусты, а еще выше — небо. Путешествие окончено. Невольно оглядываешься на отверстие в скале, из которого нас вынесли воды подземной речки.

Деревянные доски пристани, прогибающиеся под ногами, кажутся надежнее, чем шершавая бетонная тропинка в туннелях и пещерах, по которым мы ходили совсем недавно. Кстати, день за это время уже склонился к вечеру, но свет кругом почему-то резче, зелень ярче, а небо стало более синим. Будто попал в экзотическую страну своих снов, давних и знакомых, но воплотившихся в реальность только сейчас.

Хочется сказать то, что часто говорят путешественники: «В то, что я увидел, не поверит никто!..» Может быть, поэтому я и побежал покупать открытки.

Ущелье было то же, но и оно казалось необыкновенным, воздух в нем стал как бы теплее, ароматнее. Теперь я знал, какие удивительные вещи скрываются внутри этих гор. Все вокруг представлялось новым и красивым.

Да, ощущение, что попал в другой мир, в какие-то буйные тропики, было настолько сильным, что даже в машине, мчавшейся обратно в Брно, горные ели мне казались пальмами. С того часа Мацоха долго будет жить в моих воспоминаниях.

Валерий Алексеев «БИРМА ВБЛИЗИ»

Сагаинг — город чеканщиков и табаководов
Чинтэ — каменный страж храма
Этот храм в Пагане воздвигнут тысячелетие назад

◄ Шведагон — главное святилище Бирмы

Восемь веков лежит в нирване каменный Будда возле города Пегу

Закованные в медные воротники женщины из племени падаунг. Теперь уже такую картину увидишь редко

Уникальная «библиотека»: на каменных плитах храмов начертаны тексты священного буддийского учения «Ти-питаки»

В национальный праздник — День Бирманского Союза все народности шлют в столицу своих посланцев

Паган — некогда могущественное царство, а ныне почти безлюдный город храмов, заповедник древней архитектуры

Семьдесят два золоченых храма кольцом обступили главную ступу в Шведагоне

Ботанический сад в Мемьо

Цветные фото Е. В. Сумленовой

Милослав Стингл «У ИНДЕЙЦЕВ ПЛЕМЕНИ МАКА́»

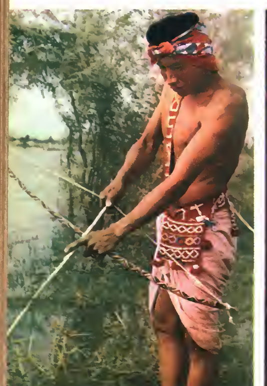
Индейцы мака́ из парагвайского Чако. Головной убор и набедренную повязку они изготовляют из перьев цапли

Обычным украшением парагвайских индейцев служат... живые змеи

Парагвайские индейцы ловят рыбу с помощью лука и стрел

Парагвайская индеанка племени мака́ ткет на обычном в районе Гран-Чако вертикальном станке

Цветные фото автора



СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА РУМЫНИЯ

Фотоочерк

На юго-востоке Европы на сравнительно небольшой (237 500 $км^2$) площади, в нижнем бассейне Дуная, где Карпаты ближе всего подходят к Черному морю, у пересечения двух географических осей — 45-й северной параллели и 25-го восточного меридиана, расположена Социалистическая Республика Румыния. Такое расположение страны отражается в особенностях ее природы и климата. На территории Румынии, где почти равные площади занимают средневысокие горы, холмистые возвышенности и низменности, живет около 22 миллионов человек.

Природа страны многообразна. В ее лесах обитают медведи, волки, лисы, рыси, зайцы, белки, в стремительных горных речках водятся хариус и форель, а в дельте Дуная, с ее обилием водоплавающей птицы, помимо уток, чаек, журавлей и лебедей летом можно встретить даже гостей далекого Африканского континента — фламинго и пеликанов.

Весна в Румынии — непередаваема в своем великолепии, лето — солнечное, жаркое, смягчаемое благотворными веселыми дождями, осень — удивительна буйным многообразием красок, а зимой часто наметает пушистые сугробы, доставляющие массу радостей детям.

У румынского народа долгая и бурная история, на протяжении столетий он боролся с многочисленными захватчиками, отстаивая свою свободу и независимость...

Поворотным моментом в его судьбе явилось Национальное антифашистское и антиимпериалистическое вооруженное восстание 23 августа 1944 года. Широкие народные массы, организованные и возглавляемые Румынской компартией в условиях все более мощного нарастания антифашистских сил внутри страны и использующие благоприятные обстоятельства, созданные блестящими победами Советской Армии, свергли марионеточное правительство Антонеску. Румыния перешла на сторону антигитлеровской коалиции.

Этот день ознаменовал собой вступление румынского народа в новый исторический этап, открыл эпоху смелых революционных преобразований, воплощения в жизнь идеалов социализма и социальной справедливости, за которые боролись лучшие представители многих поколений.

Тридцать четыре года прошло с того момента, когда румынский народ стал хозяином своей судьбы. В 1947 году Румыния была провозглашена Республикой и окончательно избрала социалистический путь развития. За короткий срок в стране построены крупные комбинаты, заводы и фабрики, гидроэлектростанции, государственные сельскохозяйственные предприятия, в городах поднялись многоэтажные корпуса новых жилых массивов... Некогда преимущественно аграрная, Румыния ныне мощное социалистическое государство, с разносторонне развитой промышленностью, кооперированным сельским хозяйством. Сейчас индустриальный потенциал Румынии таков, что за восемь дней в стране выпускается столько промышленной продукции, сколько ее было произведено за весь 1938 год. Румынский народ сумел собственными силами, а также благодаря сотрудничеству с Советским Союзом и другими социалистическими странами надежно обеспечить свое будущее, повысить материальный и культурный уровень жизни.

Социалистическая Румыния производит теперь оборудование для нефтяной промышленности, электровозы, тракторы, грузовые и легковые автомашины, сложные химические препараты, искусственное волокно. Свою продукцию она вывозит более чем в 140 зарубежных государств. Румыния — член СЭВ, участник Комплексной программы социалистической экономической интеграции, она заключила ряд соглашений с социалистическими странами в области производственного кооперирования и специализации.

Под руководством Румынской коммунистической партии румынский народ строит новую Румынию, как новый дом, возведенный на прочном фундаменте, дом с высокими стенами, широкими окнами. Румынский народ уверенно смотрит в будущее и вместе с братскими народами стран социализма, со всеми прогрессивными силами мира борется за мир, социальный прогресс и международное сотрудничество.

ИОН БИСТРЕАНУ,

румынский журналист

Бухарест. Парк Херестрэу. На дальнем плане — дом «Скынтейи» — центр румынской печатн

Гостиница «Спорт» иа климатическом и туристском курорте Пойяна Брашов, самаи лучшая в Румынин зимняя спортивная база

Гидроузел на Дунае — «Железиые Ворота», сооруженный Румынией в тесиом сотрудничестве с Югославией и прн участии СССР

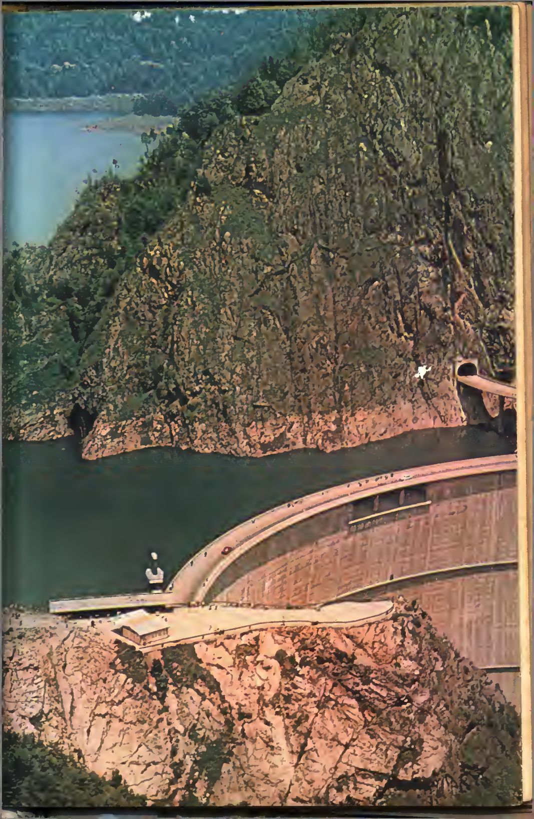
Центр города Алба-Юлия на месте древнейшего римского поселения Апулум

Бухарест. Румынский Атенеум (1888 г.), здание, ставшее эмблемой столицы Румынии

Один из лучших черноморских курортов Румынии — «Сатурн»

Завод «Электросила» в Крайове, выпускающий дизель-электрические локомотивы и электровозы

Плотина Видрару — главное сооружение в гидроэлектрической системе Арджеш ►



Химический комбинат в Крайове

Орадя. Дом культуры профсоюзов

Тимишоара. Новые здания ►

Черноморский порт Констанца. Продукция химической промышленности идет на экспорт ►

Животноводческий комплекс Кэзэиешть в житнице страны — на равнине Бэрэган

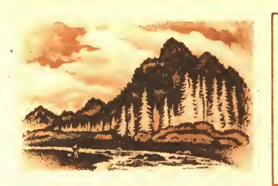
Сахарный завод в Бузэу

Сигишоара. Средиевековый центр города с часовой башней ▶

Во Дворце пионеров Бухареста. Каждый находит себе занятие по душе

Химическая лаборатория в одном из научно-исследовательских центров Бухареста

Цветные фото Редакции румынских печатных изданий для заграницы



Страна голубых гор

Фотоочерк

Виталий Медведев

Так часто называют жители Восточного Казахстана Джунгарский Алатау. И действительно, когда смотришь утром на его скалистые вершины, по которым стелются легкие облака, на ущелья, подернутые туманом, голубизна неба как бы пронизывает все окружающее.

Маршруты многих путешественников проходили по этим местам. В их числе Н. М. Пржевальский, В. И. Роборовский, П. К. Козлов. И все же предгорья, расположенные вблизи озера Алаколь, оставались малоизученными. Если смотреть на заоблачные высоты отрогов Джунгарского Алатау со стороны озера, то они кажутся пустынными. Вблизи это впечатление рассеивается.

Есть здесь леса и изумрудные альпийские луга, хрустальной прозрачности ручьи, быстрые речки, озера, в которых отражаются белые облака и горы, поросшие лесом, каменные осыпи и обвалы, страшные следы селевых явлений. Все это создает неповторимый колорит седой Джунгарии. Невольно задумается путник, увидев древние уступы скал, покрытые «пустынным загаром», или одиноко стоящий в горах склеп с полумесяцем и звездой на шпиле.

Недалеко от села Уч-Арал, где Джунгарию прорезает быстрое течение Тентека, есть небольшая гора. За десятки километров видна на ней причудливая надпись, как бы выложенная чьей-то рукой. Это скалистые отложения, достигающие высоты нескольких десятков метров. Многие годы трудились ветер и вода, создавая эти «буквы».

Мощно рвется из теснины гор на простор степей необузданная река Тентек (в переводе «строптивая»). Много воды она сбрасывает в половодье. Рядом — плодородные земли. В некоторых местах — арычное орошение. В конце лета и осенью созревает богатый урожай: сладкие арбузы и дыни, сахарная свекла. Здесь, при выходе на равнину, и решили мелиораторы воздвигнуть плотину, чтобы увеличить площадь поливных земель.

Пришли строители. Разбили у основания гор лагерь, и закипела работа. «Первые шаги всегда трудны. Попробуй сдвинь сразу такую громаду,— говорит один из зачинателей, прораб участка Владимир Черненко, показывая на монолит скальных пород, словно клещами сдавливающих реку.— А надо прорубить отводной канал, расчистить котлован, проложить подъездные пути».

Гремят взрывы, словно пулеметы, дробно стучат отбойные молотки. Не раз в половодье «строптивая» угрожала разметать технику, размыть еще не закрепленные бетонные сооружения. Но

12-2069

человек укрощал разбушевавшуюся стихию где силой, а где хитростью. Гидростроители делали все, чтобы приблизить срок сдачи объекта в эксплуатацию. И вот настал день, когда неугомонная река покорилась воле строителей и плавно понесла свои воды на колхозные поля. Это пока первая победа в освоении Джунгарии, но сколько пользы принесла она! Орошены многие гектары земель Алакульского района.

В Джунгарском Алатау есть свои «островки» микроклимата: в одних местах дуют ветры, в других — штилевая полоса, жара и холод разделены здесь несколькими сотнями метров. Одни говорят про него «добрый», другие — «коварный». До сегодняшнего дня помнят жители поселка Уч-Арал трагическую охоту своих односельчан, которые замерзли в горах ранней осенью.

Кайуак

Под колесами нашего грузовика пылила дорога. Машина бежала по выжженной солнцем степи. Было начало сентября. В это время года степь начинает набирать силы, чтобы опять блеснуть великолепием зеленого наряда и до весны спрятаться под снег. А пока она напоминала облезлые бока линяющей кошки. Клочки сухой травы торчали во все стороны.

Невдалеке виднелись отроги Джунгарского Алатау. Переехав ручей и оставив позади кошару (загон для овец), грузовик, надрывно гудя, по каменистой крутой спирали полез в гору. Мои попутчики с беспокойством посматривали по сторонам. Впереди возвышались скалистые вершины. Слева темным провалом зияло ущелье. У сидящих в кузове было ощущение, что машина едет по самой кромке обрыва и вот-вот сорвется в грохочущий где-то внизу горный ручей.

Дорога петляла между хаотически разбросанными валунами, покрытыми с северной стороны блеклым лишайником и ярко-зеленым мхом. Подъем сменился спуском. Горы, поросшие пушистым кустарником и редкими деревьями, стояли как стражи первозданной красоты. Над одной из вершин парили орлы.

На небольшом пятачке, где машина могла развернуться, мы вышли. Все невольно обратили внимание на стаю ворон, которые, пикируя, садились на мирно лежащих быков. Четвероногие при этом не проявляли никакого беспокойства.

Заинтересовавшись, мы подошли ближе и увидели, что эта дружба основана на взаимной выгоде. Вороны склевывали с ленивых животных различных насекомых.

Спустившись по крутому откосу к ручью, двинулись вниз по течению. Прохлада, гомон быстрых струй, шелест листвы. Эта картина так не походила на те места, где мы недавно были, что все застыли на миг, пораженные контрастом.

Белые стволы березок, трепещущие листики осин живописно вписывались в горный пейзаж вместе со стоящими у воды задумчивыми ивами и боярышником. Шиповник, черноплодный кизильник, ежевика, жимолость, перевитые и сплетенные с деревьями хмелем и полевыми вьюнками, делали эти места малопроходимыми. Здесь можно было встретить рядом растения Азии и средней полосы России, альпийских лугов и степи...

В одном месте горы как бы расступились, и нашему взору открылся огромный ковер разнотравья с редкими деревьями. В нос ударил аромат яблок, да такой сладкий и терпкий, что невольно закружилась голова. Дикие яблони стояли украшенные желтыми, белыми и красноватыми плодами. Пожалуй, ни один человек не пройдет мимо такой рощицы, не отведав даров природы. Некоторые яблоки были крупными и по виду мало отличались от садовых. Кисло-сладкие, слегка вяжущие рот, плоды обладали каким-то особенным неповторимым вкусом. В этих местах была «столовая» животных, оставивших многочисленные следы.

Ниже пошли березы, чем-то напоминающие сгорбленных старушек, осины, карагачи с густыми кронами. Начали попадаться грибы: колонии груздей, свинушки. Изредка встречались поляны с травянистыми растениями в рост человека. Вьюнки, всевозможные цветы, кусты шиповника и волчьей ягоды составляют букет здешних мест. Ущелье расширилось, ручей уже походил на тоненькую ниточку, которая неожиданно оборвалась. Тишина, а вместе с ней и жара обступили нас со всех сторон. Пройдя около десяти километров через заросли и каменистые нагромождения, мы вышли в выжженную солнцем степь.

К завальному озеру

Утром, как только первые лучи солнца позолотили верхушки гор, а в ущелье еще стоял предрассветный сумрак и веяло прохладой, мы, закинув за плечи рюкзаки и весело переговариваясь, двинулись по узкой тропинке вверх по берегу речушки Каратал. Позади, окутанный черемушником, остался наш полевой лагерь. Мы шли и любовались просыпающейся природой. Первые трели жаворонка мелодично лились откуда-то с вышины. Над нашими головами с шумом пролетели голуби. Хрустальной прозрачности поток хлестко бил в каменистые уступы, встречающиеся на его пути. В ледяных струях порой мелькали маленькие рыбешки. Хорошо было видно дно, усеянное разноцветными камнями. Красные, зеленые, синие, они создавали неповторимое панно. В некоторых местах бурный поток падал с 2—5-метровой высоты, образуя водопады.

Стало припекать. На склоне одной горы увидели фигурки людей. Они склонялись над какими-то кустами, срезали зелень и складывали ее в холщевые мешки. Подошли, поздоровались. Это были сборщики эфедры — хвощевого ветвистого кустарника. Он используется для получения эфедрина — лекарственного вещества. Об эфедре (чекенде), о ее целебных свойствах столько интересного можно услышать: «Кто знает, тот может лечить ею больных желудком. Чекендой лечат от ревматизма, простуды...»

Около каменистой осыпи мы услышали странное многоголосое попискивание. Начали озираться и не сразу заметили серенькие, подвижные комочки. Это были кеклики. Они потешно, словно по лестнице, убегали от нас кверху, забавно прыгая с камешка на камешек. Было видно, что птички здесь непуганые. Подпустив нас метров на пятнадцать, они вспорхнули и всей стаей перелетели на другой берег потока.

Тропа, по которой мы шли, была каменистой. Несколько раз она

В верховьях Каратала. Завальное озеро

Джунгарский Алатау. Гнездо дикого голубя

Фото автора

Джунгарский Алатау. Следы селя

Фото автора

Живописные заросли ущелья удачно гармонируют с голыми скалами. Верховья Каратала

Фото автора

Вид с озера Алаколь
на Джунгарский Алатау

Восточный щитомордник в горах
Джунгарского Алатау

Иногда около потока встречаются
останки горных козлов.
Рога сибирского козла

Фото автора

пересекала поток, и приходилось переходить его вброд или по стволам поваленных деревьев. В одном месте, где скалы вплотную подступали к потоку, мой попутчик, громко вскрикнув, отпрыгнул назад. Невольно прижавшись к большому валуну, я посмотрел вперед. На тропинке лежала большая змея, ее голова угрожающе была повернута в нашу сторону. Неожиданно потревоженная, она еще не решила, куда ей лучше спрятаться, и приняла оборонительную позу. Пришлось ее поторопить, чтобы она скорее уползла. После этого мы двигались более осмотрительно.

Солнце стояло в зените, когда мы, обливаясь потом, сделали привал около родничка, бившего из-под земли. Мой товарищ, Вячеслав Владимирович Шерстюков, развязав рюкзак, достал сгущенное молоко и пряники. С ключевой водой в жару это было отличное угощение. Утолив жажду и отдохнув, двинулись в путь.

Ветки низкорослой черемухи хлестали нас по щекам, роняя на землю агатовые горошины. Приветливо кивали верхушками тополя, осины, березы. А над головой простиралось голубое небо.

Там, где ручей делал крутой поворот, мы решили срезать угол. Выйдя к руслу потока, поразились — воды не было. Вернулись, не спеша пошли вдоль ручья — родник, второй, третий, целый фонтан, а дальше сухо. Начали попадаться огромные валуны, вывороченные с корнями деревья, кустарник.

— Смотри,— сказал мой товарищ,— здесь словно сказочный великан поработал.

Конечно, сель не горный дух и не циклоп, но разрушения он производит большие. Метров через двести снова заговорил ручей, потом исчез и больше не появился.

Издали увидели поросшие смешанным лесом склоны гор. Неожиданно нашему взору открылось небольшое голубое озеро. Образовалось оно, очевидно, в результате обвала скалы или грязекаменной селевой пробки. На спокойной его глади плавали утки-атайки. По краям свечами стояли огромные темные ели, кудрявились зеленые березы, алела ягодами рябина. С другой стороны в озеро впадал, разбившись на ручейки, горный поток. Несмотря на илистое дно, вода была прозрачной. Стояла жара, и мы, раздевшись, бросились в его таинственную глубину, но тут же выскочили словно ошпаренные — до того оно было холодным.

И уже в сумерках в полевом лагере, сидя у костра за кружкой чая, обмениваемся впечатлениями, вспоминаем интересные случаи.

— Страна голубых гор,— мечтательно говорит Вячеслав Владимирович,— это не только экзотика и красота, но и природное богатство. В ущельях Джунгарского Алатау настоящий рай для пчеловодства. Тучные стада овец, коров пасутся на горных пастбищах с начала весны и до глубокой осени. Хорошие вызревают хлеба на залитых солнцем плато. Здесь освоили искусственное выращивание эфедры, ценного лекарственного сырья. Созданы мараловодческие совхозы. Здесь можно строить санатории. А какие богатства таят недра? Не все секреты и тайны еще раскрыли людям эти древние горы. Сумерки стали гуще, на небе засверкали хороводы звезд. Ухнул где-то филин, от воды потянуло свежестью. Все дневное погружалось в сон. Джунгария начинала жить своей второй, ночной жизнью.

У индейцев племени мака́

Очерк

Млнослав Стнигл

Парагвай, лежащнй в самом центре Южной Америки, одии из наименее нсследованных райоиов этого контииента. Парагвай — это также одиа нз двух стран Южной Амернкн, не имеющих выхода к морю. Когда я впервые попал в страну, я въезжал в иее по мосту, идущему от бразильской погранзаставы до строящегося парагвайского города Пуэрто-Стресснер, который будет крупиой речной гаваиью иа реке Парана. Именно в этом райоие в сотруднничестве с Бразилией должна быть построеиа крупиейшая в мире гидроэлектростанция.

Второй раз я ступил иа землю Парагвая в едннствеииом междуиародном его аэропорту, километрах в пятиадцати от столнцы — Асуисьоиа.

Индейцы и метнсы составляют большииство иаселеиия Парагвая, состоящего более чем из двух с половиной миллиоиов человек. Те индейцы, которых я встретил в аэропорту и потом в столице, приадлежали пренмущественно к гуараин. Несколько говорящих на гуараии индейских племеи слилнсь в одно целое в колоннал'ную эпоху, когда иезуиты в Парагвае обладали большей властью, чем сам испаиский король. Язык гуарани в настоящее время официальио второй, а фактически первый язык Республики Парагвай. Гуараии — это также и деиежная еднница Парагвая, такое название носит и масса всяких других вещей.

Асуисьон — самая малеиькая из всех столнц южноамериканских республик. Центр города — площадь Коиституции, где доминирует велнчествениое здание налогового ведомства, прообразом которого послужила мнланская опера «Ла Скала». Это здание должио было бы служить прнбежищем муз, но налогн важиее. И нх в Асунсьоие взимают в этаком музыкальиом помещении.

Более красива площадь Героев, украшенная моиумеитальным зданнем национального паитеона, представляющего собой копию парнжского Дома инвалидов. На берегу реки Парагвай, которая дала нмя стране, высится прeзндентскнй дворец, построенный в 1854 году, на сей раз — по образцу Лувра. Перед ннм, впрочем, пасутся лошади. Под окнами резиденции президента лениво катит свои воды река. А за ней кончается мир, копнрующий европейскне здання н памятинки, н иачииается другой, который я пришел искать в Парагвае н который тут действительно присутствует в более чнстом и первоздаином виде, чем где-либо в другом месте Южиой Америки.

Это мир ягуаров, тапиров и ядовитых змей, мир, враждебный всем, кроме тех, кому он искони принадлежит. Это — индейцы. Чакские индейцы.

Итак, в Парагвай я попал ради индейцев Гран-Чако. Обширная территория Южной Америки, куда я направляюсь, именуется Чако, и название это восходит к индейскому слову «кечуа», означающему «охотничьи угодья».

Чако, из-за своей обширности называемое ныне Гран-Чако, расположено между влажными джунглями Мату-Гросу на севере и аргентинской пампой на юге. В Гран-Чако практически нет никаких дорог, не считая рек, конечно. К рекам, которые частью своего течения пересекают Гран-Чако, относятся Парагвай, Парана, Пилькомайо, Рио-Бермехо и Рио-Саладо.

Поскольку я путешествовал один, то среди индейцев Гран-Чако выбрал племя, которое обитает на одной из этих рек — Парагвае. Эти речные индейцы называют себя мака и живут на одном из островов. Широкая речная гладь столь же надежно изолирует их, как зеленая преграда Гран-Чако,—индейцев, живущих в глубине страны. На маленьком катере я добрался до этих индейцев.

Мака не всегда жили на острове. Старинные документы свидетельствуют, что первоначально они обитали южнее реки Пилькомайо. Их ближайшими соседями были индейцы племени гуисман, говорящие на одном из языков той этнической группы, к которой принадлежат и мака. Последних с их прежней родины изгнали не эти соседи, а воинственное индейское племя пилага. Мака осели в верхнем течении реки Рио-Верде. Но и здесь продолжались длительные жестокие войны. Мака продолжали бороться со своими чакскими соседями вплоть до недавнего времени. Последняя война, которую вели эти индейцы, по словам моих собеседников на речном острове, закончилась в тридцатых годах нашего века. Главными врагами и в этот раз снова были воинственные пилага.

Первая встреча с мака не обманула моих ожиданий. На изолированном речном острове я обнаружил не испанизированных горемык, променявших все элементы собственной культуры на дешевую дребедень так называемой белой цивилизации, а как раз наоборот: я увидел племя, которое сохранило множество черт традиционной материальной и духовной чакской культуры. Меня поразило и то, что, хотя они и обитают на весьма оживленном водном пути, большинство из них не знает ни единого испанского слова. К счастью, я был вооружен кратким словариком языка мака, изданным в тридцатые годы в Асунсьоне. Он позволил мне достаточно вразумительно формулировать свои вопросы и понимать ответы моих собеседников. Главное же — я наблюдал.

Все эти индейцы — рослые, красивые люди. Очень любят украшать себя. Многие, особенно женщины, обильно татуированы, большей частью лицо. Искусство татуировки у индейцев Гран-Чако чрезвычайно ценится. Узоры всегда геометричны и часто весьма сложны. Но еще больше мака, как и другие чакские племена, украшают себя разными красками. Для основной краски, красной, они, как правило, используют разведенные в воде семена уруку (Bixa orellana). Черную же краску добывают из древесного угля.
 Свое тело мака разрисовывают не только для украшения. Многие

рисунки имеют связь с древними религиозными представлениями.

Девушки лучшим украшением считают бусы из стеклянных шариков. Женщины ходят полунагие, мужчины же, напротив, прикрывают и верхнюю часть тела. Поверх своих хлопчатобумажных штанов они надевают юбки из птичьих перьев. Перья речных птиц, преимущественно цапель, носят и в волосах. И совсем неожиданным украшением — я буквально глазам своим не поверил! — служат живые змеи, которых обвертывают вокруг шеи.

Пропитание индейцы мака в наше время в основном добывают из реки. Правда, на маленьких участках своего острова они выращивают кукурузу и сладкий картофель. Река же гораздо щедрее, чем не особенно плодородная почва. Главный рыболовный сезон длится с апреля по июнь. В это время года (южноамериканская осень) река дает индейцам столько рыбы, что многие из них часть своего речного улова запасают впрок. Иногда они устраивают меновую торговлю с людьми «с континента». Рыбы здесь столько, что в прибрежных болотах (где ловят также и лягушек) ее хватают прямо руками. Вообще же для добычи рыбы служат сети, а иногда и лук.

Лук был, естественно, основным оружием этих когда-то знаменитых воинов Гран-Чако, теперь же он используется только для охоты. Изолированный остров позволяет им чувствовать себя в относительной безопасности и вместе с тем защищает от недобрых влияний «белой цивилизации».

На индейском острове, за исключением одного миссионера, не живет ни одного белого. Индейцы мака с белыми никогда особенно не сближались. Единственный, кого они приняли к себе, был русский путешественник Иван Беляев, который некогда посетил этот остров на реке Парагвай и сдружился с его жителями до такой степени, что стал членом племени. Он пребывает на острове и поныне: здесь покоится прах Беляева, а надгробием на его могиле служит красивая хижина. Эта хижина и доныне наиболее приметное строение деревни. Ни мака, ни другие чакские индейцы — строители не особенно искусные. Строения не отличаются однотипностью. И все они весьма примитивны. Некоторые кухни представляют собой только четыре деревянных столба, на которых покоится кровля. Жилые здания большей частью имеют стены из обмазанных глиной кольев. Я видел также хижины, стены которых были сделаны из искусно сплетенных рогож.

Здешние индейцы большей частью предпочитают спать на свежем воздухе, прямо на земле перед хижинами. Только в период тропических ливней они забираются в свои жилища. В хижинах я не видел никакой мебели. Только на потолке висят украшения, главным образом оружие — лук и стрелы. А поскольку я нахожусь на земле, именуемой «охотничьими угодьями», то кое-где вижу шкуры чакских оленей. На полу хижин стоят красивые горшки (гончарным искусством постепенно овладели все индейские племена).

Еще больше, чем керамика, меня заинтересовало ткацкое ремесло. Мака применяют узкие вертикальные станки, которые они, вероятно, заимствовали еще в доколониальную эпоху от бразильских индейцев. Последним был известен и хлопок. В Чако и

теперь растет в диком состоянии местный вид хлопчатника (Gossypium peruvianum). Мака и другие индейские племена в Парагвае считают, что ткань, получаемая из него, лучшего качества, чем та, которая делается из выращенного на плантациях хлопчатника. На своих станках они ткут все нужные им изделия — одеяла, пояса, ленты для украшений и даже своеобразные пончо.

В то время как материальная культура мака сохранилась на их изолированном острове в удивительно чистом виде, исконная духовная культура племени и его социальная организация постепенно почти полностью исчезли в столкновении с западной цивилизацией, которую в Гран-Чако принесли миссионеры и разного рода колонизаторы. Исчезли оригинальные религиозные верования. Я могу лишь сделать вывод, что у мака не было не только главного бога, но и вообще никаких богов. Почитали они, наверное, только небесные тела (например, Плеяды), женщины же — Луну. Однако их мир был полон демонов, злых и добрых духов, которые в этом речном мире нередко обитали в воде или в прибрежных болотах. В сношениях с миром духов большая роль принадлежала колдуну, который благодаря своим чародейским способностям умел отогнать от индейца грозившую ему опасность, главным образом болезни. Колдуну всегда прислуживал «дух-помощник». Главным средством такого магического лечения было пение своеобразных песен без слов и игра на особом бубне. На острове мне довелось встретиться с последним колдуном. Это был, между прочим, мужчина вовсе не старый и вдобавок одетый гораздо хуже всех мака, с которыми я познакомился. Последний колдун племени мака, естественно, нежелательный конкурент живущего на острове миссионера.

Я встретил и представителей теперешней социальной организации мака — глав отдельных расширенных семей. Должность вождя не наследственная, ее среди мака получает самый умный и способный. Все мака пользуются равными правами. Этим они отличаются от других чакских племен, например от мбайа, которые в прежнее время имели многочисленных рабов-индейцев и общество которых распадалось на повелителей и подчиненных. Теперь, сорок лет спустя после окончания последней войны, в племени мака исчезло и особое, в определенной степени привилегированное положение воинов-полупрофессионалов.

Да, кое-что из жизни мака исчезло, но многое, главным образом в области материальной культуры, сохранилось до наших дней.

Я прощаюсь с мака и направляю свой катер дальше по реке Парагвай к другим индейцам, в другие места.

Гран-Чако действительно большое Чако. И для того, кто ищет индейцев такими, какими они были прежде, этот далекий Парагвай предлагает еще столько заманчивого...

Перевод с чешского В. Могилева

Фантастика

Великая река

Фантастический рассказ

Александр Колпаков

Двойное океанское каноэ с черно-красным корпусом вошло в бухту западным проливом — и песнь гребцов стихла. Лишь за бортом с шипением проносилась вода.

Рослый, плечистый островитянин с отрешенным взглядом странно удлиненных глаз, скрестив на груди руки, стоял на корме. Он следил за маяком — башней из коралловых блоков. Башня плавно поворачивалась на фоне диска восходящего солнца и казалась черной, как ночь. Маяк этот замыкал дугу мола, тянущегося в глубину бухты.

Морехода, сидевшего на корме, звали Тангол.

Каноэ сделало поворот, и сердце Тангола забилось учащенно: он увидел Те-Пито-Те-Хенуа. Вот эти рощи кокосовых пальм, где он в детстве играл со своим братом Тумунуи!.. А вон Жилище Солнца, белой горой стоит оно над зелеными холмами. Прикрыв веки, Тангол вспоминал далекую, почти забытую пору детства, и ему чудилось, будто нежные, добрые пальцы матери касаются его лица.

Да, он снова видит Город десяти тысяч статуй, впервые после того, как четверть века назад погиб его отец, вечно хмурый, недоверчивый вождь. Тогда ходили упорные слухи: его отравили, по наущению Тумунуи, высшие жрецы.

«Великий вождь просто объелся мясной пищи» — так впоследствии объяснили народу.

А пятнадцатилетний Тангол, уже признанный мореход, вынужден был скрыться в океанских просторах. Ведь он тоже имел права на власть, как и Тумунуи, однако хорошо понимал, что тот без колебаний отравит и его. «Ты глуп, братец Тумунуи! — думал Тангол. Словно бронзовое изваяние, высился он у мачты и смотрел на Те-Пито-Те-Хенуа.— Мне ли, кого учил таинственный Голос, добиваться власти над простыми островитянами? Высшее счастье не в этом, а в познании красоты Зеленой Планеты...»

Никто, даже тот, кто многие годы бороздил вместе с Танголом океан, не подозревал о его тайне — частице инопланетянина Орза, живущей в нем. Вот и сейчас Тангол снова воспринял глубокий, проникающий в мозг Голос. Он звучит в его сознании со времен далекого детства: «Всегда помни обо мне, исследователе миров Орзе. Пусть я мертв, растворился в вашей природе, но частица моего сознания живет в тебе. Слушай и верь мне! Ибо пришел я

из глубин неба. В третьем рукаве Хадсо — галактики, что белой рекой рассекает ваш ночной небосвод,— плывет среди звезд моя родина — планета света и разума Сибра. Запомни ее название!.. Кое-чему я научил тебя и завещаю, о Тангол, достичь Бездонной трясины в излучине Великой реки. Она далеко на востоке от Те-Пито-Те-Хенуа, но ты обязан ее достичь, чтобы найти место падения капсулы. И только тогда Сибра сможет узнать о моей судьбе. Заклинаю тебя именем могучего и светлого Теллуроводородного океана! Ты должен любить его так же, как родной тебе Кива — вечно изменчивый, прекрасный...»

Всю жизнь ломает Тангол голову над загадкой Орза и не может понять ее до конца.

«Зачем плыву я по зову Тумунуи? Он же с детства ненавидит меня! — размышлял мореход.— Что ему нужно?» И ему хотелось немедленно повернуть назад, в Южное море. Он плыл туда, повинуясь голосу Орза, чтобы Гремящим проливом пройти в другой океан (о котором упорно твердил Голос). Затем, поднявшись на север вдоль побережья, отыскать Великую реку, где в Трясине ждет пробуждения «Ки-борг»... И Тангол почти достиг Гремящего пролива, но тут каноэ нагнал посланец Тумунуи на дельфине. Лишь дельфин, обученный жрецами, мог отыскать в океане пылинку в его просторах — каноэ. Измученного многодневной гонкой, вконец обессилевшего гонца с трудом втащили на палубу. Он молча протянул Танголу письмо-дощечку со знаками кохау-ронго-ронго и впал в забытье.

«Ты совсем забыл узы кровного родства, брат,— писал Тумунуи.— Возвращайся в Те-Пито-Те-Хенуа. Мой жрец Ваахоа говорит: путь через Гремящий пролив опасен. Там тебя ждет гибель. Ваахоа знает иной путь к Великой реке. Плыви назад».

Пока каноэ пересекало бухту, Тангол мучительно гадал: «Можно ли верить Тумунуи? И кто такой Ваахоа, знающий о Великой реке?». Снова и снова прислушивался к Голосу. Но тот молчал. Значит ли это, что он одобряет решение?.. Да. Частица мозга, которая зовется Орз, никогда не одобрит того, что противоречит цели — отысканию пути к Бездонной трясине, где ждет «Ки-борг».

Каноэ пришвартовалось к причалу. Тангола встречала большая толпа островитян — простых рыбаков, мореходов, тех, кто всю жизнь бороздит проливы и лагуны, ловит рыбу. И теплая волна омыла душу Тангола: его встречали как собрата и вождя, а не как надменного сына правителя или господина из Жилища Солнца.

Он схватил рог и приветственно затрубил. В ответ разнесся крик, сопровождаемый посвистыванием:

— Хаааааииииаах!..

На трап ступил кормчий-палу Момо, старый товарищ с львиной гривой седых волос. Глядя на Тангола преданным взглядом, он низким голосом исполнил песнь о вожде, уехавшем на далекий атолл. В монотонном, простом мотиве были, однако, неожиданные сила, печаль и красота. Тангол вдруг понурил голову, глубоко задумался. Какая-то тяжесть легла на сердце, великая тоска разрывала душу. Смутно понимал он, что это не его тоска. Ну конечно, то грустит Орз о родной планете Сибре. И

тут в подсознании морехода раздался еле слышный Голос: «Смотри, как прекрасна Снбра и ее океан...» Яркие картины возникли перед глазамн Тангола. Ослепительно сияло в странном фиолетовом небе мглистое солнце... Медленно обрушивался на берега неведомой страны гигантский прибой, и воды Теллуроводородного океана были прозрачно-синими...

Чьи-то властные распоряжения вернули Тангола к реальностн.

Поспешно расступались рыбаки, образуя широкий проход. Шли телохранители, размахнвая увеснстыми палицами. Тангол сразу узнал их по фиолетовым набедренным повязкам и ярко-красным линиям, проведенным вдоль скул. За воинами шагал жрец. Он остановился у трапа н отрывнсто бросил:

— Тебя ждет Тумунуи!

Дом правнтеля стоял на вершине горы, самые острые выступы которой были выровнены. Задние склоны, наоборот, стесали, чтобы увеличить нх крутизну. Дом окружали глубокне рвы. Внизу подннмалнсь террасы, облицованные белыми плитами.

Кряжистый, толстый, сплошь покрытый татуировкой, Тумунуи сидел на низкой скамье и исподлобья смотрел на Тангола. Мореход едва узнал знакомые с детства черты, смутно проступавшие в нынешнем облике правителя. Прошло ведь столько лет!..

— Хааннах! Я рад тебе...— в низком хриплом голосе правителя прорвались нотки неискренности. Видимо, поняв это, Тумунуи медленно встал, шагнул навстречу.

— Кена!— произнес он теплее.

Они потерлись носами, и Тангол ощутил густой запах пальмового вина.

— Садись,— кивнул Тумунуи на скамью.

Но Тангол остался стоять. На террасах нстуканами застыли телохраннтели. А Тумунун, пожав плечами, вернулся на скамью.

— Ты чем-то недоволен?— искоса поглядел он на морехода.

Тангола коробил этот лицемерный тон. Нет, нисколько не изменился его братец.

— Где твой жрец, знающий лучший путь к Великой реке?— спросил мореход напрямик.

Тумунуи загадочно хмыкнул.

— Увндишь его позже. А теперь буду спрашивать я... Что ты знаешь о Нан-Мадоле?

Тангол пытался прочесть в прищуренных глазах Тумунуи истинный смысл вопроса, но не прочел ннчего. К чему это заговорил он о городе, лежащем далеко за Поясом Мауи? Мало кто слышал о нем...

— Совсем немного знаю. Почти ничего,— сказал Тангол.

— Но дорогу-то найдешь?

— Зачем?— Тангол весь напрягся.

— Чтобы я мог доплыть туда с флотом каноэ.

«Хочет завоевать? Напрасно я поверил Тумунуи».

— Мне незнакомо море выше Пояса Мауи,— сказал мореход.

— Лжешь!..— Тумунуи ударил кулаком в маленький барабан, висевший у края скамьн, на которой он сидел.

Откинулась яркая циновка, закрывавшая вход, и телохранители втащили Момо. Тангол плавал с кормчим десять лет — до похода к Гремящему проливу. Встретив вопросительный взгляд Тангола, Момо бессильно опустил голову. «Что ж, значит, он не смог вынести пыток и сказал все».

— Мой брат жалуется на память,— насмешливо пояснил кормчему Тумунуи.— Может ты, палу, знаешь о Нан-Мадоле?

Кормчий потерянно молчал.

— Говори о северном чуде! — крикнул Тумунуи.— Или пойдешь на ужин акулам.

— Оставь Момо...— процедил с ненавистью Тангол.— Меня спрашивай.

Тумунуи обнажил в улыбке крепкие белые зубы, знаком велел увести Момо.

«Да, меня ловко провели. Заманили в ловушку... Как я мог поверить братцу, которого знаю с детства?» — с горечью думал Тангол.

— Почему я странствую по океану?..— медленно, осторожно начал он.

— Потому что очень умен!..— насмешливо перебил Тумунуи.— Меня не это интересует! Я признаю лишь радость сражения. И улыбаюсь, когда моя нога давит шею поверженного врага. Каждый делает то, что нравится ему.

— Мне жаль тебя.

Тумунуи метнул острый взгляд и нахмурился.

— ... На землях Кива живут народы, о которых ты никогда не слышал! А ведь они тоже существуют — с тех пор, как светит солнце. Я видел их и побывал за Поясом Мауи.

— Так я и предполагал,— издевательски протянул Тумунуи.

— А на закат от полосы ураганов обитают еще более таинственные племена. У них желтая кожа и раскосые глаза! К югу от них, на море-реке Синд, лежит великий город Мохенджо-Даро...

— Говори о Нан-Мадоле! — прервал его Тумунуи.

Тангол вздохнул. Ну зачем он пытается мышь превратить в слона? И он медленно извлек из складок плаща заостренную раковину.

— Вот, смотри...— он начертил на полу подобие карты.— Это кавеинга, дыры в горизонте, откуда дуют ветры. Против кавеинги заката в океане есть остров Матоленим. Как найти его, не знаю. Меня не пустили к нему кауна — великаны, поедающие людей.— Тангол дорисовал несколько атоллов.— По слухам, там много больших портов. Каттигара, Нан-Мадол, Тахаа.

— Кто построил их? — недоверчиво спросил Тумунуи.

— Легенда гласит: карлики манахуне, приплывшие из Гавайиды. Они были искусными мастерами.

Тихо потрескивал фитиль в каменной чаше с кокосовым маслом. Метались блики света. Внизу глухо, тяжко ревел океан. Тумунуи словно заснул. Но вот он открыл глаза и навел на брата неподвижные зрачки:

— Теперь ты говоришь правду, и я начинаю любить тебя. Потому и поручаю отыскать Нан-Мадол.

— Я должен искать Великую реку! — крикнул Тангол. — Где же твой жрец? Зачем лгал?..

Лицо Тумунуи исказил гнев. Он с трудом сдержался и почти ласково ответил:

— За непочтение могу отправить тебя в «яму покоя».

Мощное, гибкое тело Тангола пришло в движение: сжимались и разжимались кулаки, бурно вздымалась грудь, глаза пронзали брата. Вдруг он отшвырнул раковину и бросился на правителя. Скатившись со скамьи, тот схватил тяжелую палицу.

— Хочешь и меня убить? — процедил Тангол. — Как отца?

Тумунуи холодно усмехнулся:

— Ты еще нужен. Но я повторяю: выбирай — отыщешь Нан-Мадол или...

Оба молчали, сверля друг друга глазами.

— У меня нет выбора... — процедил Тангол.

Тумунуи отшвырнул палицу.

— Юкс, дорогой!.. Но не вздумай хитрить! Я пошлю с тобой сорок воинов и младшего вождя Туои. Не возражаешь?

Светило солнце. Дул ровный попутный ветер. Океанское каноэ резало длинные пологие волны, и плавная качка убаюкала даже старого палу Момо. Храпели и воины Туои. Лишь сам он не спал. Это был угрюмый, неразговорчивый человек. Его выпученные глаза подозрительно следили за Танголом, если тот, глянув на солнце, резко менял курс.

— Верен ли наш путь? — хмуро спрашивал Туои. — Покажи, где Пояс Маун! Что там за крючки на рулевом весле? — Туои показывал на навигационные зарубки.

— Иди поспи. Я знаю, что делаю, — насмешливо отвечал Тангол.

Младшего вождя он не принимал всерьез, хотя и не осуждал. «В сущности Туои неплохой малый, но он страшится правителя. Правильно ли идет судно, плывет ли оно к Нан-Мадолу или Гавайиде — все равно Туои не поймет. Я полжизни провел на Кива, — думал Тангол, — а ты служил Тумунуи, сладко ел и много спал. Я не желаю тебе зла, даже позволю взглянуть на сказку океана — Нан-Мадол. А назад плыви как знаешь. Я-то не вернусь к Тумунуи!» Впрочем, Тангол и сам не знал, что ожидает его в далеком краю.

Каноэ все дальше уходило на север — сначала по Темному морю с зелеными атоллами, где стояли храмы в честь бога Солнца. Затем — по многоцветному океану Кане, среди коралловых мелей и лагун. Часто попадались безлюдные атоллы, поросшие кокосовыми пальмами.

Ночные бризы доносили зовущие запахи земли, рокот разбивающихся на рифах волн. Тангол уверенно вел каноэ. Звездное небо было для него, ученика Орза, открытой книгой. Он хотел бы плыть без остановок, но захваченные с собой вода и орехи быстро кончались, и Тангол вынужден был причаливать к безлюдным островам. Воины Туои копали в пальмовых рощах неглубокие ямы, где скапливалась чуть солоноватая, но годная для питья

вода. Самые ловкие взбирались на пальмы, чтобы сбивать орехи.

... Ночами Тангол сидел на нижнем брусе каноэ и мечтательно смотрел на звезды. Гребни волн касались его ног, теплый ветер ласкал кожу. Словно медуза в океане неба, плыла Луна, окруженная светилами. Он впитывал ее холодное очарование, а сам думал о родине Орза. «Сибра... Мир света и знаний! Где ты? О, как далеко ты от нас. Ищешь ли своего сына Орза? Помоги же и мне, подскажи!..» Тангол напряженно слушал и ничего не улавливал в своем сознании. «Может, придет сигнал для Орза?» «Если и придет, это бесполезно,— вдруг прозвучал Голос.— Возможно, телепатемы Сибры и пронизывают в эту минуту эфир Зеленой планеты. Биоволны плещутся у твоих ушей, Тангол. Но их не воспринять без Датчика, он покоится в капсуле. Ищи Великую реку...» И Тангол услышал отчаяние в Голосе, вернее, в кванте мозга давно умершего инопланетянина. С тяжелым вздохом Тангол возвратился к реальности настоящего.

На корме старый кормчий Момо тянул древнюю песнь мореходов: «Палу открытых морей, я был застигнут бурей далеко от берега...» И после паузы — монотонный, грустный рефрен: «Волны ревут за внешним рифом. И свирепые ветры вторят им. Они плачут и стонут о тебе, о Тупоу, мой король».

Кто-то неслышно встал за спиной Тангола. Он медленно обернулся. Да это жрец Ваахоа! Все-таки он не был мифом, на самом деле появился на каноэ в последний миг, потрясая личным знаком Тумунуи... Но повел себя странно. До этой ночи не пытался сблизиться с Танголом, сторонился и младшего вождя Туон. Большую часть времени жрец проводил в одиночестве. Сидя под навесом у мачты, читал какие-то записи на волокнах, быстро перебирая их пальцами. «Кто он? — думал не раз Тангол.— Почему не говорит ни с кем? Что поручил ему мой брат?»

— Могу я побыть с тобой? — послышался низкий, со странными модуляциями голос жреца. Тангол лишь молча кивнул на выступ бруса.

У Ваахоа были прямые жесткие волосы, черные, смолистые, необычная для островитян красноватая кожа и отрешенный взгляд философа. Крепкая фигура говорила о хорошей закалке.

— Ты знаешь что-нибудь о Земле краснокожих? — без предисловий начал он.

— О ней говорится в кохау-ронго-ронго,— ответил Тангол.

— Я слышал, ты упорно ищешь путь к Великой реке.

Тангол ничего не сказал на это. Лишь поглядел на восточный горизонт, где, как объяснил ему Голос Орза, лежала Земля краснокожих. Знал он из письмен и то, что славные предки островитян задолго до него, Тангола, бороздили океан Кива, направляя свои каноэ по солнцу и звездам. Самые отважные из них достигали «белых тающих гор» на юге. Смелые мореходы прошлого видели и горы краснокожих — Поднебесные, как называл их Орз, вершины которых прятались в тучах.

— Помоги найти к ней короткий путь! — вырвалось у него.— Мне сказал Тумунуи, что ты знаешь его. Верно это?

— Да,— просто сказал Ваахоа.— Ведь я родом из Страны

 краснокожих, хотя давно покинул ее. И хочу вернуться! Ты мне

поможешь, не я тебе. Могу лншь указать дорогу. Через Гремящнй пролив слишком далеко. Ннкто не осилит такое плаванне, даже ты! Надо подойти к Стране краснокожих от Гавайиды. Высадиться на берег н одолеть Горы. Затем пересечь заоблачные плато — пуну — н спуститься в леса. Там истоки Великой рекн.

— Откуда тебе это нзвестно?

— Так сказал Пннтод, мой отец.

— Труден ли путь, о котором говоришь ты?

— Он страшен, о кормчий. Пройтн пуну — это...— Ваахоа выразительно закатил глаза, покачал головой.— Если прнбой, бьющнй о край рнфа, есть вечная музыка океана н образ бога Оровару, то ледяное молчанне горных плато подобно небытию. Оно засасывает человека! Его не победишь в одиночку, как н лес. О, зеленые чащн... Они как безбрежный черный океан, океан ночи. Онн гасят даже лучи солнца в полдень!..

Тангол напряженно слушал жреца, н в его мозгу медленно возннкали картнны, навеянные Голосом Орза: яркие птицы в листве колонноподобных деревьев; капсула, тонущая в болоте; завеса ливня, расцвеченная цветами радуги. «Я тоже видел лес,— вдруг прорезался еле слышный Голос.— Я видел его с высоты птичьего полета. Жрец Ваахоа прав: зеленый лес, сельва, кажется безбрежным морем тьмы н его пересекает белая лента Рекн. Именно по ней ты н спустишься к Бездонной трясние!..»

Что-то словно пробудилось в сознанни Тангола, н мореход будто наяву увидел то, о чем твердил ему много раз Орз. Наконец-то память н воображенне Тангола связали воедино прошлое н настоящее. «Так вот что случилось с Орзом...» Тангол будто сам пережнвал судьбу ннопланетянина, знал теперь его нсторию.

... На орбиту Землн вышел пульсолет, подобный прерывнстой молннн. Он прилетел нздалека — там, в третьей ветви Хадсгалактикн, осталась планета Снбра, чьн матернки омывает Теллуроводородный океан, полный света н грозной прелестн. Корабль нашел Землю случайно. Просто, выходя нз Надпространства, пилот немного ошнбся: точкой встречн с флагманом экспедиции был Снрнус. И раз так случилось — сбросили разведывательную капсулу с Орзом. На беду, тот угодил в бездонные трясины Амазоннн, н пока кнборг (он же капсула) выбнрался нз болота, мннуло несколько суток. Пульсолет тщетно ждал вестей, но нх не было: от сильнейшей встряски Орз потерял сознанне н не мог генернровать телепатемы. Кнборг же не умел... И корабль ушел к Снрнусу. Штурман лишь отметил на карте местоположенне Зеленой Планеты. Потом сказал себе н пилоту в утешенне: «Может, Орз еще объявнтся? И его телепатема достнгнет Снбры. Тогда н спасателя вышлют».

— Да, может...— со вздохом отозвался пилот.— У меня нет н кванта временн. Надо быть в назначенной точке.

Облепленная тиной и растениями капсула с тяжкнм воем (кнборг старался вовсю) выползла на твердый грунт. И тут Орз очнулся. Затем дал мысленный прнказ открыть люк. Выглянув нз капсулы, он увидел мощную стену диковнnнного леса, птиц в ярком опереннн, громадные облака н ослепительное солнце. В

безмолвном восхищении любовался он чужой природой. Вдруг чьи-то корявые лапы обхватили шею, зажали Орзу рот (к своему несчастью, он загодя принял облик аборигена) и выдернули из капсулы... Орз едва успел телепатировать киборгу: «Полный назад!» — и провалился в небытие. Удар индейской палицы по голове был достаточно сильным. Киборг взвыл от усердия — аппарат исчез в трясине.

Очнулся разведчик на опушке леса среди человеческих существ. Противный озноб пополз по спине, ибо Орз знал, что его ожидает: как от посланца неба (аборигены ясно видели, откуда появилась капсула), от него будут ждать чудес, а сотворить их он не мог. Вся мощь сибро-цивилизации осталась в капсуле, при нем хранился лишь блок левитации. Вот это единственное чудо Орз и совершил: повергнув толпу обитателей сельвы в шоковое остолбенение, он свечой взмыл в воздух.

Энергии мини-блока едва хватило, чтобы перевалить через высочайшие горы, которые Орз, не забывая о своих обязанностях, нанес на мини-карту и назвал Заоблачными (естественно, он не знал, что впоследствии их нарекут Андами). Планируя по нисходящей кривой над океаном, Орз глубокой ночью опустился на какой-то громадный остров, опять же не ведая, что перед ним — остатки материка Восточной Пацифиды, или, как назвали их островитяне, земля Те-Пито-Те-Хенуа.

Не сомкнув до рассвета глаз, Орз мучительно обдумывал свое положение. Энергия и приборы, датчики перевоплощений — все осталось в болоте. Орз был беззащитен перед лицом чужого мира. Левитировать он больше не мог. Не представлял себе, где находится... Скоро его схватят аборигены Зеленой Планеты! Орз едва не потерял самообладания. Но тут обнаружил у себя один датчик — психосенсорного внедрения. Правда, лишь одноразового действия. Впрочем, и за это стоило благодарить судьбу.

«В ком же спрятаться?» — думал он, бессознательно любуясь невиданными красками чужой зари. И принял единственно разумное решение. Другого выхода не было. Да, как это ни тяжело, он, Орз, должен исчезнуть. Его плоть растворится в чужой природе, но частица мозга и памяти, трансформируясь в датчике, проникнет в подсознание мальчика-аборигена. Только таким путем разведчик сможет выполнить свой долг — передать Сибре информацию. «А моя частица,— размышлял Орз,— развиваясь вместе с юным аборигеном, внушит ему любовь к Сибре, дух исканий понудит его стать исследователем Зеленой Планеты. И он разыщет проклятое болото! Киборг воспримет его, Орза, телепатему, и на поверхность выплывет капсула».

... Малыш Тангол, сын правителя Те-Пито-Те-Хенуа, пришел к лагуне купаться. Волнуясь, Орз полз к воде, скрытый густым подлеском... Чудовищным напряжением воли, подхлестнутой импульсом датчика, он разрушил свою плоть — и квант психомодели внедрился в мозг островитянина. Спустя годы мать Тангола, наблюдая за сыном, часто задумывалась: «Почему он такой странный? Так умен — и так печален?! О чем он грустит?..» Узнать ей ничего не удалось — сын был замкнут, молчалив.

Вскоре Тангола отдали на учение жрецам, и он проявил

исключительные способности. Впрочем, жрецы приписали это своему искусству. Да и в основе необъяснимой вражды Тумунуи к брату лежала именно зависть: сам-то Тумунуи не блистал умом, был лишь хитер, свиреп и нагл...

— Найти реку...— твердил Ваахоа с какой-то печалью.— И там, у Серых скал, меня ждет отец, самый мудрый из лесных людей. Вот уже сорок лет ожидает он возвращения сына!

— А в Нан-Мадол зачем плывешь ты?— внезапно спросил Тангол.

Ваахоа сделал вид, что не расслышал вопроса, углубившись в чтение письмен из волокон пальмы. Потом обратил глаза к небу и произнес заклинание: «О Мауи!.. Открой нам просторы, откуда льется солнечный свет. Разбуди южный ветер».

Летели пенные брызги, глухо ворчал океан Кива. Лунный свет яркой дорожкой уходил к горизонту. Тангол задумался и вслух спросил:

— Зачем я живу под этими звездами?

— Кто ответит?— эхом отозвался Ваахоа.— Спроси-ка рыбу, для чего живет она? Или пальму, дающую плоды и сок из цветочных стеблей. Спроси также варана. Природа вдохнула в них жизнь, и они просто живут.

— Человек не рыба и не пальма!

— Верно, друг. В людях есть нечто, чего нет в пальмах и рыбах.

Журчала вода под брусом, мерцала лунная дорожка. Момо тянул свой грустный, монотонный напев.

— Опять спрашиваю: что нужно тебе в Нан-Мадоле?

— Меня послал Тумунуи. Почти насильно,— не уклонился на этот раз Ваахоа.

— С какой же целью?

— Он не сказал об этом.

Танголу казалось, что жрец чего-то недоговаривает.

— Чужой город нужен ему!— с яростью крикнул Тангол, вспомнив, как ловко провел его брат.

— Да, ему нужно все: он сын Солнца,— с оттенком насмешки сказал жрец.

И тогда Тангол понял: Ваахоа вовсе не слуга Тумунуи.

Ураган застиг каноэ у берегов неведомого архипелага. Он гнал на остров горы соленой воды, решив затопить весь мир... Лишь через сутки, ночью, Тангол ухитрился провести каноэ в лагуну, ободрав на рифах борта. Полумертвые от усталости гребцы из последних сил закрепили судно на якорях и повалились спать.

А утром о шторме напоминала лишь крупная зыбь за рифами. Свежее и умытое, мягко сияло небо, сверкал коралловый песок. Светилась чистая зелень прибрежных гряд черепашьей травы. Поверхность Кивы была густо-синей. С рассветом воины Туои отправились собирать орехи с уцелевших кокосовых пальм. Момо и гребцы чинили снасти. Тангол стоял на носу каноэ и внимательно изучал заросли на берегу. Вдруг оттуда высыпала толпа светлокожих гигантов: он сразу узнал их, хотя и видел в прошлое

плавание издали. А из-за мыса вынеслись черные каноэ и закрыли пришельцам выход в океан.

— Кау-у-на-а!..— завопил Момо, обеими руками хватаясь за рулевое весло.

Туои пронзительно затрубил в рог. Воины, побросав орехи, во весь дух помчались к судну. Вбежав на палубу, они схватились за оружие. Каноэ ощетинилось копьями, палицами, мечами из акульих зубов. Кауна приблизились к лагуне и, потрясая дубинами, стали выкрикивать угрозы.

Тангол давно приметил их вождя — хорошо сложенного человека. От висков вождя к подбородку тянулись яркие полосы. Он стоял у кромки воды и мрачно усмехался.

— Хочу говорить с тобой! — прокричал Тангол, поясняя свое намерение жестами.

Вождь промолчал. Тогда мореход прыгнул в воду и пошел к нему. Кауна разом опустили копья и дубины.

Тангол приблизился, приложил руки к сердцу:

— Я — Тангол, брат Тумунуи из Те-Пито-Те-Хенуа. Может, слышал?

— Юкс!..— важно сказал вождь.— Тумунуи не знаю. Знаю тебя — Великого Кормчего. Я помню: ты приходил в нашу лагуну много лет назад.

— Да, это было. А сейчас ты вождь — и встретил меня плохо,— Тангол кивнул на черные каноэ, торчавшие в проливе.

— Пустяки! — широко осклабился вождь.— Ведь я не знал, что это ты.

... Сутки простояло каноэ в лагуне. Кауна завалили судно орехами, фруктами, сосудами с водой. Вождь, выложив карту из раковин прямо на песке, стал объяснять:

— К Нан-Мадолу поплывешь мимо Акульих рифов. Два раза по двенадцать лун будешь держать курс на заходящее солнце. Пояс Мауи все время над головой. У острова с колоннами и каменными чашами свернешь на полночь — и через семь лун покажется Нан-Мадол.

Много лун, гораздо больше, чем предсказывал вождь людей кауна, блуждал Тангол среди бесчисленных островков. Гребцы работали до изнеможения, чтобы выбраться из лабиринта низких безлюдных атоллов... Но вот пришел день, когда Момо рассмотрел на западе большой гористый остров, окруженный рифами.

— Хааиних!.. Это Нан-Мадол! — завопил он, ударяя себя в грудь.

... Из моря поднялись грандиозные волнорезы, вырубленные в скалах,— словно киты, они грели свои спины в лучах знойного солнца.

Тангол поднес к губам рог и радостно затрубил. Да, вот он, окутанный легендами остров и город на нем! Тут взгляд морехода наткнулся на Туои, и Тангол помрачнел. «Не ради открытий и познания плывешь ты в Нан-Мадол,— прозвучал Голос Орза.— Ты просто лазутчик Тумунуи, жаждущего пролить кровь мирных людей. Не так ли?»

Неслышно приблизился жрец Ваахоа.
— Я знаю, о чем ты думаешь,— вполголоса сказал он.— Давай решать, пока не поздно. Еще не вошли в порт.
— Что решать?— машинально спросил Таигол.
— Оставь каноэ на попечение Туои и бежим в Нан-Мадол. Пусть каноэ плывет назад: Тумунуи не увидит этот край, ибо Туои поглотит океан.
— Но с ним будет Момо,— возразил мореход.— И что станется с моими верными людьми?— Он скосил глаза на матросов и гребцов.
— Подумаем лучше о себе,— сквозь зубы ответил Ваахоа.
— Нет. Тумунуи сгноит их в яме. А Момо мой старый друг.
— Верно...— задумался жрец.— Тогда Момо уйдет с нами.
Таигол отрешенно смотрел на дамбы, насыпи, поднявшиеся из воды, и не мог решиться.
— Помни о Великой реке. Отсюда мы начнем свой путь к ней... Доверься мне. Ты увидишь новый мир! Я тоже когда-то покинул родину, ибо меня вел дух поиска. Я одолел непроходимый лес и Снежные горы и достиг берега Кива... Меня схватили темнокожие люди с каноэ, стоявшего в бухточке. Так я очутился в Гавайиде. Потом был продан жрецам Нан-Мадола. Стал ученым жрецом — спустя двадцать лет!..— Ваахоа понизил голос, искоса глядя на Туои, стоявшего поодаль.— Меня ценит Верховный жрец Нан-Мадола. Но боль в душе, тоска не дают мне спать. Я думаю о Пинтоде, он еще жив, я чувствую это! И упорно ждет сына. Я не знаю Кивы и один не доберусь до Великой реки. Помоги мне!..
— Что получу я взамен?— прервал жреца Тангол, хотя уже знал теперь, ради чего стремился к Великой реке.
— Что?.. Мой отец Пинтод поведает тебе о чуде. В дни его молодости в лес упала Серебряная Птица. На ней прилетел бог света!.. Пинтод знает место и укажет его тебе. Разве этого мало?
Таигол едва не вскрикнул. Слова жреца были словно дурманящий сок гутиры. «Найди Пинтода, о Тангол,— сказал Голос в подсознании.— Значит, он видел мою капсулу? Он знает место приземления...»
Жрец понял, что убедил Тангола.
— Я дал сигнал на берег,— тихо сказал Ваахоа. Он разжал пальцы — блеснуло зеркало из нефрита.— Ночью подплывет Ватеа, лоцман. Видишь ту бухточку? Он ждет... Я знаю, о чем ты думаешь. Забудь о Тумунуи! Смири сердце, откажись от мести. Да, он плохой человек, убил отца. Но что изменит твоя месть?
— Юкс... ты прав,— вздохнул Тангол.— Надо забыть все.
Старый Момо с удивлением выслушал приказ лечь в дрейф. Но не сказал ни слова и взялся за рулевое весло. На корму тут же пришел встревоженный Туои.
— Почему поворачиваем? Надо подойти ближе. Сын Солнца велел мне запомнить все укрепления Нан-Мадола.
— Слышишь, как ревет прибой на рифах?— снисходительно ответил Тангол.— Я боюсь в сумерках разбить каноэ... Подождем до утра!
— Ага... я понял, господин.— И младший вождь ушел.
Таигол насмешливо глядел ему вслед. Потом сказал Момо:

— Вместе с Ваахоа мы решили бежать в Нан-Мадол. Зову и тебя, Момо. В Те-Пито-Те-Хенуа нам нет возврата!

Момо долго думал, затем качнул головой:

— Ты мне брат, я верю тебе. Но я уже стар и не хочу оставить Кива. Ведь здесь мой дом. Я прожил жизнь и видел — с тобой — полмира! Что еще надо палу Южных морей? Нет, я хочу умереть среди волн, когда придет час. А Тумунун меня не тронет.

Еще и еще просил Тангол... Момо был непреклонен.

... Бесшумно орудуя веслом, лоцман Ватеа подвел катамаран к судну. Тангол, склонившись над бортом, чутко слушал. Все было тихо, лишь разноголосо храпели воины Туои. «Туои спит под навесом у мачты,— определил он.— Хороших снов ему».

Тангол обернулся, крепко обнял Момо. Потом, словно боясь раздумать, резко отстранился и по брусу скользнул в катамаран.

... А Туои спал тревожно, ибо томился какими-то предчувствиями. На рассвете он вдруг вскочил, дико выпучил глаза на пустующее ложе из циновок: Тангола не было. Не увидел он и Ваахоа. Примчавшись на корму, Туои грубо толкнул Момо в спину:

— Где брат Тумунун?!

Смахнув слезы с ресниц, кормчий подал Туои дощечку со знаками. «Скажешь Тумунун, что я больше не вернусь... Не бойся ничего, тебя он не тронет. И Момо тоже — вы оба нужны ему. Кто же поведет флот к Нан-Мадолу? Прощай... Я сказал все».

Младший вождь уронил дощечку, горестно завыл:

— Зачем ты покинул нас, Великий Кормчий?! Как мы доплывем в Южные моря?

Момо вскочил на ноги, выбросил вперед руку:

— Смотри, Туои! Вот там наш господин!

... Тангол стоял на прибрежном утесе и не отрывал взгляда от черно-красного каноэ, уходившего на юг. На корме он разглядел фигуру Момо. «Прощай, Момо, старый друг и брат. Ты навсегда в моем сердце». Будто восприняв мысли Тангола, кормчий сорвал с шеи ожерелье из раковин и бросил его в море — в знак безутешной печали.

Ватеа, крепко сбитый бронзовый юноша, развернул панданусовый клин, и катамаран понесся к волнорезам.

Они плыли и плыли вдоль колоссального мола. Ватеа, жуя какую-то пахучую травку и сплевывая за борт красноватую слюну, пояснил:

— Это Нан-Молукан. Построен тысячу лун назад.

Справа и слева замелькали укрепленные островки.

— Томун,— кратко сказал Ватеа. Он явно гордился портом, ибо, как слышал с детства, таких волнорезов нет в целом свете.

С островков Томуна на катамаран глазели воины. Кое-кто из них варил пищу на костре. Другие спали или купались в лагуне. Никто не интересовался, куда плывет лодка. Чувствовалось: покой Нан-Мадола много лет не тревожил недруг. Лень, нега, бездумное существование под вечно синим небом. Что может быть лучше?

У входа в гавань ветер утих, и Тангол взялся за весла. Катамаран ловко лавировал в спокойной сине-зеленой воде среди огромных океанских каноэ. Судов было множество. Необычной геометрической резьбой выделялись исполинские лодки из Гавайиды. На их палубах грудами лежали овощи и фрукты, в загончиках хрюкали свиньи. Внимание Тангола привлек длинный корабль с загнутой кверху кормой. У его бортов стояли желтолицые люди. «Мореходы из Сипангу...» — вспомнил он. Их он видел в Мохенджо-Даро.

Внутреннюю бухту окаймляли низкие холмы. А над большими и малыми храмами, куполами, колоннадами вздымалась громада здания Главного храма, огражденного земляными насыпями. Его белые стены покрывали неведомые знаки и фигуры, силуэты крабов и рыб, ветви кораллов, водоросли. Орнамент из цветов переливался живыми, сочными красками... Далее громоздились мавзолеи и склепы — низкие, плоские или в форме граненых шаров. От Храма тянулся морской канал, по нему плыли раскрашенные баржи и каноэ с множеством людей — религиозная процессия.

Ватеа бросил весло и почтительно прижал руки к груди:

— Это священный Нан-Катарал. В нем живет Верховный жрец.

Медленно пройдя вдоль пристаней, где началась повседневная суета, катамаран, управляемый лоцманом, приткнулся к причалу.

... По мосту из лиан Ваахоа и Тангол пересекли неширокий канал и поднялись на высокий холм, замыкавший угол внутренней бухты.

Тут Ваахоа сказал:

— Подожди меня. Я иду к Верховному жрецу.

А Тангол стал любоваться городом. Нан-Мадол был опоясан высокой толстой стеной. Глубокий канал делил его на две части, верхнюю и нижнюю. Нижний город, скопище искусственных островков, казалось, тонул в водах Кива. Там и сям поднимались арки из двух квадратных наклонных колонн, накрытых плитой. На исполинской платформе высился дворец правителей — Нан-Танах. «Ватеа сказал, что там живет тшаутелур,— подумал Тангол.— Как нам удастся объяснить свое появление в Нан-Мадоле? Видел ли кто-нибудь наше каноэ?.. Теперь оно далеко».

Глядя на огромный город, Тангол мыслью и сердцем возвращался на палубу черно-красного каноэ. Сумеешь ли ты, Момо, разобраться в путанице низких атоллов и выйти к морю Кане? Уцелеешь ли в зоне свирепых ураганов? Потом всплыл туманный образ брата Тумунуи. «Неужели ты посмеешь убить невиновного палу? Или силой принудишь его довести флот к Нан-Мадолу?.. Тогда тучи боевых каноэ заполонят эти каналы. Запылают храмы и дворцы, рухнут молы. Горе, если это случится!..» Он сжал руками голову, пытаясь отогнать видение.

Тангол не заметил, как пришел Ваахоа. С лица жреца катился пот, а глаза выражали радость:

— Тебя хочет выслушать правитель Нан-Мадола.

... Они вступили в сумрачный зал Нан-Танаха. С его стен

глядели глаза рыб и морских змей, в вышине, на поверхности свода, сверкали узоры созвездий. Чаще всего повторялся мотив таилу — рыбы с бульдожьей головой, живущей в мрачных гротах рифов. А в центре зала был трон из базальта, инкрустированный цветными кораллами.

— На колени...— шепнул Танголу жрец.

Вокруг трона, на котором восседал человек с худым лицом и тяжелым подбородком, стояли жрецы в ритуальных одеяниях, а рядом с троном — величественный старик с жестким лицом и пронзительно-строгими глазами.

— Твое имя? — раздался сверху тягучий голос.

— Меня зовут Тангол-мореход. Я проплыл весь Кива от Южных морей до Матоленима.

— Зачем?

— Чтобы увидеть сказку океана — Нан-Мадол.

— Встань.

Тангол поднялся на ноги. Краем глаза увидел: Ваахоа что-то шепчет Верховному жрецу — тому самому старику. Выслушав его, Верховный спросил Тангола:

— Южный варвар Тумунуи — твой брат?

Круглая шапка на его голове, имитирующая морду акулы, качалась в такт произносимым словам.

— Великий тшаутелур! — неожиданно обратился к правителю Ваахоа.— Я хорошо знаю Кормчего Южных морей. Это он помог мне возвратиться сюда.

Тот задумался, постукивая пальцем по резному жезлу. Расправив широкие плечи, Тангол открыто смотрел на тшаутелура.

— И Тумунуи надеется завоевать Нан-Мадол? — в вопросе правителя прозвучал металл. Глядя в упор на морехода, он добавил: — Что поручено тебе?

— На Тумунуи кровь отца! — процедил Тангол, выдерживая взгляд тшаутелура.— Он давно не брат мне.

— Если Тумунуи придет к нам, он сломает зубы,— сказал правитель.— Нан-Мадол стоит с тех пор, как плещут волны.

Тут Верховный жрец поднял над головой жезл из обсидиана и с силой произнес:

— Царство Матоленим основали божественные близнецы — сыновья Солнца!.. Никто не одолеет стен Нан-Танаха. Любой флот разобьется о волнорезы Нан-Молукана, и Тумунуи захлебнется в своей крови!..

В голосе жреца мореход уловил неискренность и не мог понять, кого тот обманывает: себя или тшаутелура?

— Если Тумунуи придет к нам, он кончит дни в подземельях Нан-Танаха,— повторил свою угрозу тшаутелур.— Утои рру тао!

— Утои рру тао!..— мощно пропел хор жрецов в ритуальных одеждах, и гулкое эхо отразилось от стен дворца.

Ваахоа опять что-то шепнул Верховному, тот кивнул.

— Мореход свободен,— объявил он Танголу.— Служи нам!

А тшаутелур счел нужным добавить:

— Скоро ты поплывешь в Гавайиду, вместе с Ваахоа. Уру тао ту! — И царственно повел жезлом.

Тангол и Ваахоа шли мимо хижин и мавзолеев, где покоились предки тшаутелура, через рощи хлебных деревьев и кокосовых пальм. Весело перекликаясь, группы юношей и девушек собирали плоды.

— Меня направляют послом в Гавайиду. Будто сам Мауи надоумил их сделать это, верно?

— Сколько дней пути оттуда до Великой реки?

— Не знаю, друг. Скажут в Гавайиде — если знают сами.

Они поднялись на террасы Нан-Катарала и услышали завораживающее пение. Женский голос ненавязчиво вплетался в мелодию раковины. Тангол прошел за колоннаду и увидел белый бассейн.

— Жилище Священного Угря,— пояснил Ваахоа.

У края бассейна стояла высокая девушка в одеянии жрицы. Чуть поодаль — юноша, почти мальчик, самозабвенно дувший в раковину. Иссиня-черные волосы жрицы, падавшие на плечи, оттеняли смуглую бронзу ее лица и рук. Она пристально наблюдала за угрем. Тот плавно изгибался, закручивался, снова распрямлялся в ритме песни.

Почувствовав взгляд морехода, девушка резко обернулась. Брови ее сдвинулись, она прервала песню. И тотчас угорь опустился на дно, покрытое лепестками цветов, а мальчик поспешно укрылся за колоннами.

— Не сердись, Этоа,— мягко сказал Ваахоа.— Я не знал, что ты уже здесь... А этот человек — гость твоего отца.

Жрица ожгла Тангола пронзительным взглядом. Словно уколола в сердце. «Как странен и дик ее взор!» — подумал Тангол, ощущая гулкое биение крови в висках.

— Спой еще...— неожиданно попросил он.

В темных глазах Этоа вспыхнуло пламя: Качнув головой, она повернулась и ушла за колонны... Где-то слабо вскрикнула птица, в пальмах прошуршал ветерок. Снова зазвучала раковина, но мелодию Этоа, немолчно звучавшую в душе, Тангол больше не слышал.

Скрывая в пальцах улыбку, Ваахоа делал вид, что потирает нос.

Рождалась и умирала в небе луна, за ее фазами послушно следовали приливы. Нан-Мадол, город на каналах, жил своей непонятной жизнью. По-прежнему в его бухтах теснились корабли из многих стран. Время неслышно проносилось над островом. А Тангол, забыв обо всем, трудился в «библиотеке» Нан-Катарала, постигая знания, скрытые в узелковых письменах... Ваахоа не показывался неделями.

Чем он был занят, мореход не интересовался... Плавание в Гавайиду все откладывалось: миссия, порученная Ваахоа, была слишком трудной — он должен был склонить могущественных вождей Гавайиды к союзу «дружбы и любви». Тшаутелур ожидал вестей от торговцев, которые полгода назад отправились на разведку. Лишь по их возвращении можно было что-то решить.

— Рано или поздно, а мы отплывем,— с жаром твердил Ваахоа в часы кратких встреч. Сейчас они сидели с Танголом в одной из потайных комнат Храма.— Лоцман Ватеа готовит самое большое в Матолениме каноэ! Он будет сопровождать нас.

— Скорее бы...— тяжко вздыхал Тангол.— Я тоже устал ждать.

Видение Реки неотступно возникало в его воображении: психомодель Орза не давала ее забыть... Но все чаще видения, навеваемые Орзом, заслонялись загадочным образом Этоа. Тангол несколько раз пытался встретить жрицу — тщетно! Однажды он заметил фигуру в ритуальном плаще, скользнувшую меж колонн в сумерках. Но то был мужчина. Заговорить с ним не удалось.

Потом Тангол решил проникнуть к бассейну Священного Угря, но путь ему преградил рослый воин: выступив из темной ниши, он выразительно посмотрел на морехода... Эта немая сцена долго жила в памяти Тангола.

Спустя двадцать лун опять появился Ваахоа, радостный и озабоченный одновременно.

— Наконец-то, друг! Отплывем скоро. Каноэ почти готово и ждет нас в бухточке северного побережья.

... Завершив чтение связки волоконного письма, Тангол вышел к порталу Храма — отдохнуть, полюбоваться ночным небом. И тут из-за колонны, украшенной знаками созвездий, возникла высокая фигура в белом.

— Господин...— тихо позвал мелодичный голос.

У Тангола оборвалось сердце. Он стоял, не решаясь обернуться, и отчетливо слышал взволнованное дыхание.

— Я знаю... ты уходишь в плавание.

Потом Этоа сжала его плечо, мягко потянула к себе:

— Спрячемся, нас могут увидеть.

Ему все еще казалось: это сон, блаженный сон. И голос Этоа, и ее дыхание; уходящие ввысь колонны из базальта; таинственный шелест кокосовых пальм; яркие звезды в просветах над головой.

— Гавайида очень далеко,— шептала девушка.— Но ты возьмешь меня с собой, да?

— Ты хочешь покинуть родину? Ты, дочь Верховного?

Он закрыл глаза, чувствуя, как под нежной кожей ее пальцев, сжимавших его плечо, пульсирует горячая кровь.

— Что мне отец?— Во тьме ее глаза сверкнули странно, дико:— Я дочь атоллов, моя мать была кауна! Я задохнусь в каменных мешках Нан-Катарала. Ветер и волны с детства были моей колыбелью. Отец же принуждал меня быть жрицей в Храме. Я ненавижу его!..

Тангол задумался.

— Хорошо... поговорю с Ваахоа. Завтра!

— Уже поздно!— горячим шепотом проговорила Этоа.— Ибо в полдень с восточных атоллов приплыл мой дядя по матери и сказал: «От южного горизонта плывет Тумунуи».

Тангол отшатнулся, впился взглядом в сверкающие зрачки.

— Это правда?! Действительно плывет Тумунуи?

Широко распахнув бездонные глаза, Этоа твердила в пароксизме отчаяния:

— Все рушится... Тумунуи будет беспощаден! И стены Нан-Мадола порастут травой забвения. Боги отвернутся от нас, камни обрушатся в бассейн Угря. Хааннах!..— Она повернулась и исчезла во мраке.

Тангол и Ваахоа с верхней галереи Нан-Катарала напряженно всматривались в горизонт. Белесый Кива полого вздымался к черте океема, и оттуда к острову Матоленим медленно подплывали огромные двойные каноэ. Их было множество.

— Как быстро отыскал Нан-Мадол мой брат...— пробормотал Тангол с удивлением. Он забыл, что с момента бегства в Нан-Мадол минуло более года.

Ваахоа разом сник, безвольно прислонился к колонне Храма. В душе жреца были пустота и отчаяние. Неужели все потеряно, и он никогда более не увидит Серых скал, где его ждет Пинтод, не услышит шума зеленой стены леса, плеска Великой реки?

На причалах собралась огромная толпа. В нижнюю бухту стремительно влетело узкое черное каноэ с косым парусом и пучком травы на мачте. То был знак бедствия! «Похоже на пирогу кауна,— подумал Тангол.— Кто это?» Размазывая по свирепому лицу траурную краску, посланец кауна хрипло восклицал:

— Горе Нан-Мадолу! Идет Тумунуи!.. Будет страшная битва!

Заметив Тангола, вождь скорбно кивнул ему. Прибежавшие из Нан-Танаха телохранители подняли кауна на плечи и скорым шагом понесли к тшаутелуру. Еще долго звучал вдали низкий бас вестника беды: «Лю-у-уди! Идет Тумунуи...»

В гаванях началась паника: десятки судов из Гавайиды, Сипангу, с атоллов спешно выбирали якоря. К полудню порт вымер.

Тангол снова вернулся в Нан-Катарал. «Неужели Момо помог Тумунуи отыскать Нан-Мадол? Нет, он не мог сделать этого»,— думал он, угрюмо глядя, как толпы воинов переправляются на плотах к островкам Томуна.

Ваахоа недвижно стоял у колонны. Вдруг он уныло покачал головой и застонал:

— Все рушится, друг мореход! Ночью, перед рассветом, Ватеа сказал мне: «Каноэ готово, можно отплывать». А я, глупец, отложил до утра. И вот оно, это утро!.. Горе мне!

В полдень флот Тумунуи медленно втянулся в гавань. Горожане лихорадочно укрепляли подступы к Нан-Танаху. Повсюду сновали жрецы, выкрикивая: «Лю-юди! Готовьтесь к битве! Нан-Мадол недоступен врагу».

Огромные двойные каноэ Тумунуи, продвигаясь вдоль Нан-Молукана, высаживали отряды воинов. Оглашая воздух диким свистом, они карабкались на террасы и насыпи. Устилая своими телами базальтовые платформы, облепили укрепления Томуна... Хрипы и стоны раненых, крики сражающихся — все это катилось в сторону внутренней гавани. Томун едва продержался до заката — и пал. Флот Тумунуи заполонил бухты, факелами запылали

немногие боевые каноэ Нан-Мадола... К ночи разразился шторм, и ураганный ветер гнал на город тучи искр, тлеющие паруса, обломки мачт. Нан-Мадол горел. Огненное зарево охватило полнеба.

Нан-Мадол не спасли колоссальные стены — наступавшие пробили их таранами. Зато под грандиозной платформой, где высился Нан-Танах, яростный бой длился больше суток. Тшаутелур и вожди, забывшие за годы мира искусство сражаться, велели уцелевшим воинам втащить наверх базальтовые блоки и закрыть ими все входы во дворец. Горожанам роздали оружие, приказали до конца оборонять платформу. Вместо этого они пошли сдаваться южным варварам. Однако Тумунуи не понял их намерений — и все они были перебиты.

К утру полусгоревший Нан-Мадол сдался. Лишь дворец Нан-Танах не покорился. К нему на плечах дюжих телохранителей поднесли Тумунуи. Поглядывая на черные стены, правитель сказал с усмешкой:

— Ну что ж, тшаутелур сам залез в ловушку. Тем лучше!

Ваахоа и Тангол тоже были в числе защитников Нан-Мадола. Осознав к утру, что все кончено, они подземным ходом возвратились из Нан-Танаха в Храм. Задыхаясь от усталости, в покрытой копотью одежде поднялись на крышу Нан-Катарала... Близился новый день, жарко пылала на востоке заря. Укрепления Томуна курились чадным дымом, а в бухтах и каналах не было видно воды: так густо стояли там каноэ Тумунун.

— Мы проиграли, друг...— потерянно сказал Ваахоа.

Тангол сел на каменные плиты, опустил голову.

— Может, еще отыщем каноэ и Ватеа? — с трудом разжал он запекшиеся губы.

Жрец не ответил. Сдавив пальцами виски, он глухо повторял: «Мы опоздали... Пинтод не дождался меня. Прости, отец».

Тут на крышу, словно вихрь, ворвалась Этоа. Ее огромные глаза сверкали, волосы разметались по плечам. Она хриплым, неузнаваемым голосом закричала:

— Пал Нан-Танах!.. Предатели указали Тумунун тайные ходы во дворец. Скоро варвары придут и сюда. Бегите!.. Я видела Ватеа, он велел вам спешить к северной бухте Волеан. Каноэ там!

Последний тшаутелур, ведущий свой род от «божественных близнецов Солнца», стал пленником Тумунун. А тот восседал на базальтовом троне в зале Нан-Танаха, и его толстая физиономия лоснилась от гордости и самодовольства. С любопытством разглядывая своего пленника, Тумунун вкрадчиво сказал:

— Я слышал, будто ты грозился сгноить меня в подземелье?

Тшаутелур презрительно молчал.

— Смотрите-ка, не желает беседовать со мной! — Тумунун притворно вздохнул и легко поднял с трона свое грузное тело. Сбежав по ступенькам, он взмахнул резной палицей. В глубокой тишине зала, набитого воинами, раздался глухой звук — и тшаутелур с проломленным черепом ткнулся лицом в яркие циновки. Отшвырнув палицу, Тумунун отыскал взглядом Верховного жреца в кучке знатных пленников и небрежно поманил его согнутым пальцем. Униженно кланяясь, тот приблизился.

— Куда сбежали мой брат и предатель Ваахоа? Я принял его как родного...

Верховный жрец пал на колени, лицо его посерело от страха:

— Нан-Катарал окружен воинами, великий... Ваахоа и Тангол не уйдут.

— У тебя красивая дочь, это верно? — меняя тон, с ухмылкой спросил Тумунун.

— Да, великий! Ее зовут Этоа. Но она жрица Священного Угря.

Тумунун пренебрежительно махнул рукой:

— Угря можно зажарить, он вкусен. А дочь пришли ко мне...

Он замолчал, прислушиваясь к возне на террасе Нан-Танаха. Спустя минуту рослые воины втащили в зал Тангола. Его схватили по дороге к бухте Волеан. Он сумел задержать преследователей, пока Этоа скрылась в джунглях. Ваахоа же не успел

13-2069

покинуть Нан-Катарал и, сдвинув базальтовый блок, заперся в подземном тайнике. Тангол был весь опутан лианой.

— Кто посмел?! — казалось, Тумунуи был возмущен этим.— Освободить!

Растирая затекшие запястья, мореход мрачно смотрел на брата.

— Кена, милый...— в обычной язвительной манере сказал тот.— Значит, ты предал меня, как и Момо?

— Ты убил кормчего?! — гневно крикнул мореход, делая шаг вперед, но телохранители схватили его за плечи. Тангол рывком освободился.

Тумунуи набычился, присел на нижнюю ступень трона. Его глаза блеснули.

— Плохо думаешь обо мне, братец. Едва мы отплыли, Момо сам бросился в волны. А ведь в Южном море столько акул!.. Я скорблю о глупом старике.— В зрачках Тумунуи мелькнула усмешка.— К счастью, мне помогли люди атоллов Кане. Они хорошо знают путь к Нан-Мадолу.— Помолчав, он вдруг накинулся на телохранителей: — Чего стоите? Ведите сюда Ваахоа!

— Жрец укрылся в подземелье,— виновато сказал один из них.— Он задвинул плиту.

— Ну и пусть подыхает там,— пробурчал Тумунуи.— Разведите под плитой костер пожарче...— Искоса глянув на брата, добавил: — И твою кровь проливать не собираюсь. Придумаем что-нибудь другое.

Тангол сверлил брата тяжелым взглядом отцовских глаз, и Тумунуи чудилось: вот сейчас он стоит перед отцом, воскресшим для мести. Не поднимая взгляда, тихо сказал Танголу:

— Я знаю, ты хороший пловец. И не боишься мано — грозных акул. Поэтому в полдень я приду к акульему цирку. И ты придешь туда.

... Акулий цирк — коралловый садок овальной формы — имел шагов триста в окружности. Туда с незапамятных времен бросали акулам живых людей — виноватых или невинных. А в дни праздничеств особо смелые добровольно сражались с мано, чтобы заслужить награду. Свежая вода поступала в садок через узкий проход в скалах.

Тумунуи уселся на циновках с южной стороны цирка и велел привести брата.

Тангол стоял перед ним в одной набедренной повязке.

— Возьми мое оружие,— добродушно сказал Тумунуи, швыряя к его ногам выточенный из зуба гигантской мано кинжал.— Если победишь, иди куда хочешь...— и язвительно улыбнулся.

Мореход подобрал оружие, повернулся и прыгнул в садок. В душе у него были холод и пустота. К чему теперь жизнь?.. В раскаленном подземелье, задыхаясь в чаду и огне, гибнет Ваахоа. Неизвестно, жива ли Этоа... Но тут его охватила ярость. «О нет, брат Тумунуи, я не доставлю тебе радости! Ты еще пожалеешь. Берегись, Тумунуи!» Он крепче сжал в руке нож, но тут Голос Орза напомнил о себе: «Забудь о мести. Ты обязан достичь Великой реки! Помни обо мне, как я помню о мире света и добра — родной Сибре! Ты должен отыскать Ки-борга».

Тут воины подняли щит из дерева, открывая хищнице путь в садок, и Тангол разом погасил все посторонние мысли.

— Ну, где ты, мано?! — закричал он.

Высоко поднявшись из воды, Тангол увидел темную тень. Акула двигалась зигзагами — вперед и вверх. Мелькнул ее черный плавник, показалась мощная голова и холодные, ничего не выражающие глаза. Не закончив третьего круга, мано бросилась на морехода.

Он знал: единственный шанс выжить — это убить акулу с первого удара. Надо подождать, пока она сама кинется, и, поднырнув, распороть ей брюхо.

Акула напала с такой яростью, что Тангол спасся лишь тем, что мгновенно накинул ей на глаза свою повязку, снятую сразу, как только он увидел тень. Мано проскочила мимо его плеча. Тангол выпрыгнул из воды до пояса, ухватился за спинной плавник. Миг — и он уже сидел верхом, обхватив мано ногами.

— Юкс!.. — даже Тумунуи не сдержал восхищения.

Акула сделала рывок и одновременно повернулась вокруг своей оси. Тангол, крепко держась за плавник левой рукой и наклонившись как можно дальше вперед, с размаху стал полосовать кинжалом мышцы и связки у акульей головы. Фонтаном брызнула кровь.

— Хааннах!.. — завопили воины и телохранители.

Тумунуи хмуро глянул на них — крики восторга утихли.

А мореход соскользнул со спины мано и вспорол акулье брюхо. Потом поплыл к берегу, к тому месту, где мрачно сидел Тумунуи. Нащупав дно, Тангол выпрямился, спросил:

— Ну, что скажешь? Как видишь, мано скоро подохнет.

Сдерживая злобу, Тумунуи лицемерно пожал плечом:

— Иди куда хочешь. Дарю тебе жизнь.

— А нужна ли она мне?! — в ярости крикнул Тангол. — Вот, получай за отца!.. — и с силой метнул акулий нож.

Схватившись обеими руками за сердце, Тумунуи медленно валился на бок, не сводя с брата выпученных от изумления глаз. Не сразу опомнились и телохранители.

... Тангол был уже под водой. Не всплывая, он быстро достиг щита, подлез под него — и, выскочив из воды, с тяжким хрипом выдохнул из легких воздух. Нырнул снова, чтобы укрыться в известных ему подводных гротах к северу от садка. То погружаясь, то всплывая, он все плыл и плыл вдоль берега, слушая затихающие вдали крики людей, потрясенных смертью вождя.

Уже смеркалось, когда Тангол, теряя от усталости сознание, взобрался на палубу громадного каноэ. Из-под навеса у мачты выбежали Ватеа и Этоа. Мореход увидел сверкающие радостью глаза девушки, но не мог даже улыбнуться ей — так устал. Этоа склонилась к нему, ласково погладила плечо. И Тангол, шатаясь, поднялся на ноги. Лоцман прерывающимся голосом спросил его:

— А где же?.. — и запнулся.

Лицо Ватеа потемнело, ибо по глазам морехода он узнал о беде. Отдышавшись и выпив сок ореха, Тангол тихо ответил:

— Мой друг Ваахоа мертв... И сюда скоро придут люди Тумунуи. Поднимай якорь! Скорее.

Ватеа стал бить себя по лицу, горестно причитая:

— О мудрый брат Ваахоа! Ты ушел... Горе мне! Я тоже не буду жить.

— Не плачь, Ватеа,— хмуро сказал Тангол.— Лучше подними якорь. Дух Ваахоа велит нам быстро плыть. Мы должны найти его отца Пинтода и сообщить о смерти сына. Весть плохая, но так завещал Ваахоа. Ставь парус!..

И Ватеа, не отнимая от лица рук, спотыкаясь, побрел к мачте.

Каноэ стремительно обогнуло мыс. Взгляду в последний раз открылся Нан-Мадол. Над укреплениями Томуна и дворцом Нан-Танах все еще висела огромная туча дыма. Черными птицами застыли в проливах двойные каноэ океанийцев. На фоне быстро темнеющего неба высился храм Нан-Катарал, где навсегда остался Ваахоа... Влажная пелена вдруг застлала глаза, и Тангол понял, что плачет.

Без конца смотрел Тангол в диковатые глаза девушки, жадно пил их нежный свет, и боль из сердца медленно уходила. Он снова был сильным и смелым, океан Кива лежал перед ним, мерно вздымая свою грудь. Потом он увидел над волнами зыбкий силуэт Ваахоа. Знакомый голос мудреца с мольбой шепнул: «Помни обо мне, друг мореход!.. Только ты сможешь найти Великую реку. Там ждет тебя Пинтод. Скажи ему о моей судьбе, ибо Пинтод не может ждать всю жизнь...».

«Да, я никогда не забуду тебя, Ваахоа»,— думал он, сжав зубы. Мягко отстранив Этоа, Тангол привел рыскавшее каноэ к ветру. И вечный Океан ударил ему в лицо свежими брызгами. Да, я отыщу Пинтода и Реку. И не потому, что должен найти Ки-борга... Нет! Я просто люблю ветер и волны, я сын Кива и Зеленой Планеты, которым нет конца».

И еще раз он услышал зов Орза: «Люди Зеленой Планеты полны ярости и зла... Они причинили тебе столько горя. Во имя чего ты хочешь забыть обо мне?»

«Ты неправ, непонятный Орз,— мысленно возразил Тангол.— Я сын Земли, и люди близки и дороги мне: слишком много пережил я ради них и с ними. Разве можно забыть Ваахоа и Момо? Что может сравниться с красотой Кива, атоллов и синего неба? Пусть ее не видят люди зла, подобные Тумунуи, но от этого она не умрет. Разве ты, дух Орз, можешь оценить наше горячее солнце и теплый дождь на плечах? Разве ты способен увидеть прелесть подводных рощ голубых кораллов и лунного света над лагунами? Но все-таки я помогу тебе, если достигну Бездонной трясины».

Громадное каноэ, словно птица, летело на восток — к Гавайиде и дальше, к берегам Страны краснокожих, к еще невидимой отсюда Великой реке.

Послесловие автора

Действие рассказа происходит в бассейне Тихого океана, главным образом на остатках гипотетической Пацифиды (как Восточной, так и Западной), на атоллах Южных морей, на Каролинах. Именно здесь, по данным археологии, во 2-м тысячелетии до н. э. существовала загадочная цивилизация Матоленим — современница протоиндийской культуры Мо-

хенджо-Даро и минойской державы Крита. На острове Понапе, в восточной части Каролинского архипелага, были найдены грандиозные руины морского порта, храмов, дворцов (Нан-Мадол).

Кто же создал древнюю цивилизацию Нан-Мадола? Почему она погибла? Никто еще этого не знает.

Используя элементы фантастики, автор пытается художественно домыслить причины гибели Нан-Мадола. При этом он опирается лишь на некоторые данные, известные в настоящее время. Не так уж много этих фактов. Ведь Каролины вплоть до 80-х годов XIX столетия были окраиной испанской колониальной империи. Потом их объявили запретной зоной, сначала Япония (с 1914 г.), а после второй мировой войны — США, построившие на архипелаге ряд военно-морских баз. До сих пор Каролины малодоступны для ученых. Поэтому приходится в большой мере опираться на легенды и предания островитян. Например, сведения о кауна, карликах манахуне, о нашествии на Нан-Мадол каких-то южных варваров почерпнуты из фольклора аборигенов о. Понапе. А могло ли существовать мощное царство Тумунуи на остатках материка Восточной Пацифиды? Такое допущение правомерно: отвергнутая в свое время гипотеза Макмиллана-Брауна о том, что о. Пасхи — «осколок» потонувшей в океане Восточной Пацифиды, получила ныне косвенные подтверждения со стороны геофизики и подводной геологии.

Читателей, интересующихся загадками Пацифиды, мы отсылаем к материалам X Тихоокеанского конгресса в Гонолулу (1961 г.)

Байкальский вариант

Научно-фантастический рассказ

Спартак Ахметов,
Александр Янтер

1

Когда-то на мысе Покойники было небольшое озеро, отделенное от моря галечным валом. Иркутская ГЭС подперла Ангару, Байкал поднялся и поглотил озерко, превратив его в бухту. Песчаные берега ее покрыты яркими многоцветными марянами с редкими сосенками и лиственницами. Севернее мыса, за сосновыми срубами, в которых размещены метеостанция и склад и живет семья егеря Антипова, течет Солнцепадь — одна из бесчисленных рек, питающих Байкал.

Правым берегом речушки, по широко открытой пологой долине, идут двое в джинсовых костюмах. За спинами у них рюкзаки со всем необходимым для небольшого пикника: котелок, чайник, картошка, потрошеная рыба, хлеб, соль, лук, перец, чай и сахар. Водки нет, потому что они не пьют, и человек, с которым договорено встретиться, тоже не пьет. Вооружены они ружьем и фотоаппаратом, на поясах висят ножи.

Человек с ружьем высок и могуч. Громадные руки его с одинаковой легкостью обдирают белку и обивают шишки с кедра трехпудовым колотом. Голова покрыта крупными кольцами кудрей, сбегающих на узкие скулы короткими бакенбардами. Под густыми черными бровями — черные, как бы прицеливающиеся глаза, нос с горбинкой, красивые с изгибом губы. Это Ефим Антипов, местный егерь.

Саша Птахин рядом с ним проигрывает по многим статьям. Волосы на его большой голове коротко острижены и торчат ежиком. Брови незаметны, глаза малы и узки, нос картофелиной, скулы — два аэродрома, оснащенные громадными радарами-ушами. Однако в плечах его чувствуется сила, грудь широка, а длинные руки написали около полусотни научных статей и затащили на пятый этаж не один ящик с аппаратурой.

— Ты, Саньша, с браконьерами меня не равняй,— голос у егеря резкий и властный.— Я бью зверя с умом, на приплод оставляю — что изюбра, что соболя, что нерпу. А с пакостниками — воюю.

— Штрафуешь?

— Штрафами их не проймешь. Я браконьера до нитки оберу и отпущу голым в тайгу — ты Пахом и я Пахом, нету долга ни на

ком. В другой раз ему и озоровать нечем.

— А конфискованное куда деваешь?

— Это мне вроде премии...

Пологая долина кончилась, и они вошли в узкий каньон, который перепилил с запада на восток Байкальский хребет. Стиснутая каменными щеками, речка стала быстрой и шумливой. Антипов пытливо поглядывал на Сашу, который шел легко и споро.

— Вроде и городской,— недоумевал Ефим,— а ходишь хорошо. И Нинку мою через гольцы переволок...

— В молодости альпинизмом занимался.

— Видал я этих альпинистов-слаломистов!— сплюнул егерь.— Весной подвалила ватага с ребятишками, с барахлом. Тропу выспрашивали к Лене. Я отговариваю: дожди вострятся, «яким пахомыч», пропадете. Мы, хвастают, мастера по слалому. Ну, идите, чемпионы. Через три дня главный их еле приполз: добро утопили, руки-ноги поломали, вызови христа ради вертолет! Вот кака потеха — «яким пахомыч!». Я Нинку за машиной послал, а сам к ним сбегал, продуктов отнес. Это ж додуматься надо — в тайге голодать!.. Ну, пришли вроде, вон твой камешек расписной.

2

Гладчайшая гранитная плита с вкраплениями розовых полевых шпатов, матово-серого кварца и черных блестящих чешуек слюды выступает из пенной реки и вздымается вверх почти под прямым углом. На плите высечен рисунок: две трехметровые человеческие фигуры, взявшиеся за руки,— одна побольше, другая поменьше. Свободные руки с четырьмя растопыренными пальцами отставлены чуть в стороны. На больших продолговатых головах радиальными волнистыми линиями изображены волосы. По-видимому, это мужчина и женщина: у большой фигуры широкие плечи, у маленькой — массивные бедра. Ступни ног омывает прозрачная река Солнцепадь, а над головами выбиты летящие в сторону моря птицы с длинными шеями. В рассеянном свете дня фигуры видны неясно, и нужно хорошо приглядеться, чтобы отличить обработанную поверхность скалы от нетронутой.

Этот петроглиф Саша обнаружил, когда нес с перевала маленькую жену Антипова, помятую медведем. Он положил Нину в кустах, а сам сбежал вниз напиться и набрать воды. Прямо в одежде Саша упал спиной в мелкую речку и на секунду притих, ощущая, как быстрая вода охлаждает распаленное тело и смывает едкий пот. Потом он перевернулся на живот и, упираясь в каменистое дно и в береговую скалу, напился. И обнаружил странную выемку под левой рукой. Скользя от нее взглядом вверх, увидел весь рисунок. Потом еще раз пришел сюда, чтобы сфотографировать петроглиф с необычным для наскальных рисунков Прибайкалья сюжетом. Расспрашивал специалистов, но те только пожимали плечами. Приставал к Антипову, с которым подружился после случая с медведем. Ефим о писанце на скале знал и даже слышал от бурятов, что рисунок вроде бы символизи-

рует Байкал и Ангару. И будто его давний знакомый Мэргэн рассказывал какую-то легенду о рисунке. На свидание со старым бурятом они и пришли к гранитной скале.

На скорую руку соорудили очаг и повесили греться котелок с водой. В два ножа нарезали рыбу, лук, картошку. Антипов одобрительно заметил:

— Кидай свою науку и подавайся в соболевщики. Утолуем мы с тобой хребет и изловим белого соболя. Или голубого, а?

— Мне моя работа нравится,— сказал Саша, зажав нож в зубах и ссыпая в котелок картошку.

— Чой-то ты там бурмулишь?

— Не люблю, говорю, живое убивать. Соли сколько положить?

— Сыпь, пока тонет. Мэргэн, небось, обессолел на преснухе.

— Задерживается он...

— Не боись, придет! Подвесели-ка огонь!

Ровный шум речки прорезал вдруг гортанный вибрирующий рев.

— Изюбр!— встрепенулся Александр.

— Сиди,— усмехнулся егерь.— Быки об эту пору не орут. То Мэргэн знак подает.

Действительно, минут через двадцать, когда котелок с аппетитным запахом заменили закопченным чайником, сверху спустился сморщенный старичок с реденькой пегой бородкой. Одет он был в нечто мешковатое, кожаное, за спиной торчал кожаный же мешок. Из всей экипировки бурята Саша смог бы назвать только старенький винчестер и ганзу — короткую медную трубку.

Антипов и Птахин встали навстречу Мэргэну и обеими руками пожали две усохшие ладони охотника. На круглом плоском лице его, иссеченном каньонами морщин, сияла желтая улыбка. Зубы, однако, все были целы. «Похож на Дерсу Узала,— подумал Саша.— Но если разгладить морщины и налепить орлиный нос, получится миниатюрный Чингачгук».

— Будь гостем, Мэргэн,— радушно пригласил егерь.— Мы сготовили для тебя рыбу.

Они торжественно сели у котелка и средним пальцем руки побрызгали вокруг себя ухой — жертва суровому Бурхану. Потом и сами взялись за ложки. Огневая уха обжигала язык, на лбу и верхней губе у Саши выступили капельки пота, и он подумал, что от неторопливой молчаливой трапезы тоже можно получить радость.

Вот сидят трое мужчин, повидавших жизнь и знающих цену последнему патрону. Они отшагали много верст, встречались на узкой тропе с косолапым хозяином тайги, питались иной раз одной ягодой. Они могут голодать много дней, а могут съесть ведро ухи...

Саша с нежностью посматривал на Ефима и Мэргэна и вдруг опомнился. Смахнул с лица пот, а вместе с ним и сытую расслабленность. Черт, не лопать же он сюда пришел!

— Ешь, Санька, ешь,— поощрил Антипов.— Едой силу не вымотаешь.

 — Все, наелся,— решительно отодвинулся Птахин и осторож-

но покосился на бурята.— Он что же, по-русски не говорит?
— Самую малость.
— Как же я пойму?
— Не боись. Сиди, ни на что не обращая внимания,— я перескажу.

Саша терпеливо дымил сигаретой и ждал, пока охотники дохлебают котелок, выкурят по трубке, разольют крепчайший цейлонский чай и выпьют по три кружки. И только после этого Мэргэн снова набил ганзу вонючей махоркой и откинулся на свой кожаный мешок. Потом егерь что-то долго втолковывал буряту, а тот прицеливался в Сашу рысьими глазками, нисколько не оплывшими от обильной пищи. И вдруг выпрямился, превратившись в божка со скрещенными ногами, прикрыл веки и запел речитативом длинную и монотонную песню.

Антипов придвинулся к Александру и, щекоча ему ухо жесткой бакенбардой и распространяя сложный аромат ухи, чая и табака, зашептал, переводя.

3

— Однако давно это было, так давно, что даже я стал забывать. Тогда по берегам Байгал-мурена, могучей реки, не имеющей брода, жили хоринские буряты.

Велик и богат священный Байкал. Ни одна птица не соединит крыльями Верхнюю и Нижнюю Ангару. Ни одна нерпа без отдыха не пересечет его. Вот какой большой! Если омуль захочет измерить глубину моря, дна он достигнет только мертвым. Вот какой глубокий! В ясную погоду он спокоен, как сытый младенец, и всю синеву отдает небу. Но когда подует сарма — грозен Байкал. Скалы дрожат и обрушиваются в бездну, даже солнце от страха прячется за тучи.

Вот какой он!

От сына Байкала, Хоридэя, ведут свой род хоринские буряты. Однажды Хоридэй ловил рыбу. Вдруг налетел береговой ветер и стал уносить лодку в море. Сильно греб веслами могучий Хорндэй, но ничего не мог поделать с сармой. Вот какая она! Жалко стало старому Байкалу любимого сына, и он послал на выручку лебедей. С тех пор белые лебеди священны для хоринцев.

Много лет счастливо жили буряты под боком Байгал-мурена. Били зверя и птицу, ловили рыбу, собирали ягоды и кедровые шишки. Хорошо было!

А в полуденной стороне за хребтами и степями правил жестокий владыка монголов — Чингисхан. Говорят, он питался только кровью белых коней, двумя руками переламывал хребты целым народам, а огненной бородой поджигал селения. Вот какой он! Послал он к бурятам бесчисленное войско, чтобы взять большой ясак.

В те времена во главе рода хоринских бурятов стояла Дадухул-Сохора-Ботохой, сильная, как юноша, и мудрая, как старик. Она привела воинов на высокий берег Байкала и попросила у деда помощи. Долго били в бубны шаманы и бросали в воду

лучшую долю от всего, чем богат род. И случилось чудо. Солнце стало ослепительно голубым и голубыми лучами ударило в волны, и над водой появился сам Байгал-мурена в образе громадного и могучего воина, держащего за руку юную девушку. Они стояли столько времени, сколько надо человеку для одного вздоха,— и пропали. Снова солнце стало желтым, еще сильнее забили в бубны шаманы и провозгласили, что священный Байкал берет под защиту свою внучку Ботохой.

Огненная кровь наполнила жилы бурятских воинов. В год Зайца они пошли навстречу монголам и в короткой схватке уничтожили их. Вот как заступился за своих детей Байгал-мурена!

— Любопытная легенда,— сказал Александр.— Отдельные детали мне знакомы. Красивая сказка...

— Зачем сказка,— Мэргэн снова набил ганзу.— Так было! Если и теперь к морю подойдет человек, равный Хоридэю или Ботохой, и попросит помощи,— он увидит над волнами дух Байгал-мурена.

— Вы посмотрите, что делается! — закричал вдруг Саша, вскакивая и хватая фотоаппарат.

Закатное солнце вышло из-за скал и осветило весь каньон. Радужные блики заиграли на пенной реке, мелкими искрами засверкали камни. Отполированная западными ветрами гранитная плита стала слепяще-белой, и на ней в резких теневых штрихах ожил рисунок. И Саша увидел то, что было незаметно при рассеянном освещении. Он увидел тонкую руку женщины, доверчиво опирающуюся на мощную мужскую. Он увидел буйные сплетения тяжелых локонов, украшающих обе головы. Мужчина и женщина смотрели друг на друга, но в то же время они смотрели на Сашу, будто о чем-то спрашивая...

4

До Песчаной бухты, где Птахины проводили отпуск, Сашу не довезли. За мысом Дед вдруг показалась лодка, хозяин которой явно браконьерствовал. Завидев катер, он обрубил свою сверхдлинную сеть и попытался удрать в Бабушкину губу, но был прижат к берегу и сдался. Саша узнал рыбака по искалеченному правому уху. Антипов уважительно рассказывал, что как-то раз Егор пластал на береговых камешках омуля. В это время сзади неслышно подошел косолапый хозяин, оглушил рыбака ударом лапы и принялся спокойно поедать добычу. Егор очнулся, увидел грабеж и, действуя всего лишь коротким ножом, зарезал медведя.

Теперь этот бесстрашный медвежий супротивник жалостливо моргал и уныло гундосил, что никакой сети у него не было, а омуля он ловил на удочку. Саше стало противно, будто его самого накрыли за постыдным занятием. Он вылез из катера и сказал, что дальше пойдет пешком — здесь всего-то несколько километров.

Он шел, ориентируясь на скалу Большая Колокольня, которая ни на какую колокольню похожа не была, а поднималась коротким хребтом с сосняком на склонах, каменистым пиком и отвесными скалами, уходящими в лазоревые воды. Он шел и думал, что Байкал надо беречь и беспощадно бороться с хищниками-браконьерами, как бы симпатичны они ни были. Но все-таки браконьер — пешка, пусть он даже выловит пять или десять тысяч рыб. Настоящая беда — косное равнодушие нерадивых хозяйственников, которые забивали бревнами устья рек, не пуская омуля на нерест, или сбрасывали в море ядовитые сточные воды. И рыба гибла миллионами, заражая всю толщу воды.

«Согнать бы всех этих поганцев, бюрократов на Шаман-камень, — кровожадно думал Саша, — кормить тухлой рыбой, поить сточными водами и иссушать западными ветрами. А браконьеров заставить смотреть на эту картину. И все. Успокоился бы священный Байкал, плескались бы в нем безмятежно омули и харнусы, окуни и осетровые, эндемичный планктон и глянцевитые нерпы с потешно изумленными мордахами...»

Расправившись таким образом с погубителями природы, Александр настроился на умиротворенно-философский лад. Он принялся думать о многообразии ландшафтов и множественности живот-

ных, которые все-таки едины в земной целесообразности. И не случайно ассоциативный мозг человека всюду ищет аналогий. Вот и в скале этой, которую Саша обходит справа, кто-то увидел колокольню. А еще есть скалы Будда и Шляпа. А Байкал напомнил Чехову кавказское и крымское побережье. Да и сам Саша теперь не мог бы с уверенностью сказать, по берегу какого озера он идет. Потому что точно такие же лиственницы, и сосны, и кедры, и черемуха, и багульник, и можжевельник, и сочные альпийские поляны есть на берегах Хубсугула, брата Байкала, где Саша провел прошлый летний сезон, помогая монгольским геофизикам. Наверное, таковы же берега африканской Танганьики и американского Гурона, которые он никогда не видел. И надо напрячь воображение и представить себе с высоты спутника весь Байкал, а потом вдруг ощутить одновременно засушливый Ольхон и болотистую дельту Селенги, узкую перешейку Святого Носа и стремительный исток Ангары, бешеную сарму и теплый шелоник, становые щели через ледяные поля и хрустальные ежи весеннего льда, пятиметровые волны и все это осветить ярчайшим солнцем и окрасить в глубокие зелено-голубые цвета, и пропитать запахами, для которых у человека и названий-то нет, чтобы осознать, что ты все-таки на берегу Байкала, именно Байкала, единственного и неповторимого озера.

Только муравью все равно, где он — на Хубсугуле, Танганьике или Гуроне. А он, Александр Птахин,— человек, он и частичка природы, и царь ее. И когда Саша дошел до этой мысли, ему стало весело и жарко. Он снял с себя джинсовую куртку и ковбойку, обнажил загоревшую кожу, туго обтянувшую широкую спину и шары бицепсов.

Так он и шел, покусывая сладкую травинку, ощущая плечами тонкое прикосновение теней, разглядывая каждую иголочку на соснах и ловя ноздрями все оттенки хвойного запаха, а чуткими ушами шорох муравьиных ног, пока тропа не вывела его на перевал, с которого вдруг открылось гибкое лукоморье Песчаной бухты. И он заспешил к палаткам турбазы, где его ожидали Наталья и Алина.

5

Отпуск подходил к концу, и Саша решил напоследок порыбачить. Алина, конечно, упросила взять с собой и ее. Но наутро Наталья будить дочь не разрешила.

— И тебе ехать не надо бы,— заявила она, стараясь говорить строго.— Что-то небо на западе странноватое.

— В море не ездят, а ходят,— хриплым с утра голосом сказал Александр.— Перед Алиной будешь оправдываться сама.

И ушел.

Подгоняемый прохладным утренним бризом — «холодом»,— он легко выгреб за незримую линию, соединяющую Большую и Малую Колокольни. Забросил удочки с круглыми свинцовыми шариками-грузилами и закурил. Потом выплюнул сигарету: рыба клевала не переставая, и Саша едва успевал обновлять наживку. В короткие секунды передышки он бросал взгляд на запад. Там все

было нормально — на фоне мутноватого неба отчетливо вырисовывались вершины Зубчатой горы. Вон Будда, иступленио молящийся утреннему солнцу, вои лихо иахлобученная на сосны и кедры камеииая Шляпа. Потом Саша на какое-то время отвлекся, заполняя дно лодки окунями и редкими омулями, и, когда снова посмотрел на небо, испугался.

Над Приморским хребтом клубились снежио-белые облака. От них тянулись вниз и росли с иепостижимой быстротой длиииые нити, перечеркивая иебо и горы вертикальиыми штрихами. Александр торопливо выхватил удочки, разгреб иогами рыбу и уперся в поперечиину. И яростно замахал веслами.

Ковбойка на спине сразу взмокла, глаза слепило солнце и заливал пот. «Успею, успею»,— выдыхал он с каждым гребком, стараясь пореже оглядываться. Берег приближался слишком медлеиио, но все-таки приближался, и, когда до него осталось каких-нибудь сто метров, в напряжеиную Сашину спину ударил первый порыв береговика. Взметнулась белая водяиая пыль, на потемиевшей глади озера появились «корзинки» — широкие полосы ряби.

Саша все еще греб — ритмичио, мощио, азартно («Подумаешь, гориый ветер! Выгребу!»), но уже били о борта тяжелые упругие волны, уже яростно-белой пеиой взялась ухабистая поверхность воды, и лопасти весел увязали в тугом ветре. И Александр понял, что выгрести ие удастся. Лодку сносило, он ясно видел это по Малой Колокольне. Мысли были короткие и сумбурные: «Пересекать Байкал у меня иет ни времени, ни желания, да и Наташка с ума сойдет. Жалко лодку и улов, но делать нечего. Вплавь я, конечно, быстро доберусь до берега: у головы парусность меньше, чем у высокой и тяжелой лодки». Саша быстро стащил с себя рубаху и штаиы и приподнялся в лодке. И замер на мгновение, поражеиный и восхищеииый видом бушующей воды.

... Не метровые тяжелые волиы теснили его, а неоглядная стая гигантских взбесившихся лебедей. Распахнув бело-снежные широчайшие крылья, онн гневно бились грудью о лодку, едва не переворачивая ее. Длинные шеи с шипением и клекотом перехлестывали через борт, секли обнаженное Сашино тело. В тысячах глаз красными, голубыми и зелеными бликами сверкало яростное солнце. Это были не спасительные лебеди Хоридэя, а настоящие убийцы...

И тут, уже вдохнув перед прыжком воздух, Саша увидел, что высота волн не везде одинакова. Немного в стороие они были пологие, а дальше даже простиралась длинная проплешина. «Ветровая тень!» — мелькнуло в голове, и все тело наполнилось звеиящим предчувствием удачи.

Саша почти упал на сиденье, ловя руками скачущие весла; правая нога, скользнув по рыбам, неловко подвернулась, тупая боль прошла через тазобедренный сустав, будто его выламывали. Отчаяиио работая веслами, Птахин развериул лодку наискосок к ветру, оглянулся, ища глазами проплешину, и медлеиио двинулся к ией. А когда порывы береговика вдруг ослабли, ои плюнул в волиы солеиой кровью и торжествующе заорал.

Грести было по-прежнему тяжело, но эта обычная работа

рыбака не требовала душевного напряжения, и мысли Саши вошли в нормальное русло. Алинка обрадуется рыбе, будет долго перебирать и сортировать ее. Наталья немного подуется, но быстро успокоится, стоит ее поцеловать. В Москву надо бы съездить — в ИЗМИРАНе побывать и книжек прикупить. Да, книги, книги, сколько их пропустил, пока болтался здесь! Но отпуск, считай, уже кончился, впереди — лазеры и счетные машины...

... А против береговика он все-таки выгреб!

6

Наталья Птахина еще раз сравнила два снимка и со вздохом отложила их в сторону. Пригорюнилась, подперев ладонью круглый подбородок, и загляделась в окно. В густо-голубом небе с белыми прожилками облаков сияло солнышко и довольно ощутимо грело сквозь двойное оконное стекло. Светлые пятна лежали на столе, на бумагах, освещали платиновые волосы Наташи и чудом уцелевшую рубиновую гроздь рябины за окном. И только тускло-зеленые узкие листья, покрытые городской пылью, солнце не в силах было оживить.

Птахина проводила взглядом стайку воробьев и снова уткнулась в снимки. Кто же путает? Программист ли, пробивший в перфокарте лишнюю дырочку, новая ли машина, не до конца отлаженная, или девчонки в управлении, истомленные ясными вечерами, ставят на фотографиях не те даты? Впрочем, бабье лето ни при чем. Несоответствия между смоделированным полем волн на озере и фотографиями Байкала со спутника наблюдались и весной, и летом. В мае еще работала старая испытанная машина, а летом девчонки резвились на Байкале...

В чем же дело? Почему прогнозная и реальная фотографии время от времени так не похожи? Может быть, береговые эффекты?.. Но не до такой же степени!

Наталья посмотрела на часы и быстро встала: приближалось время обеда, а Алина любила, чтобы за столом сидели все трое. Изрядно помятая в давке иркутского троллейбуса, Наталья еле отдышалась перед своей квартирой. Дверь отворила Алина:

— А я уже уроки сделала!

— Вот и молодец. Папа пришел?

— Он на кухне.

Наташа разделась и заглянула к мужу:

— Привет.

— Привет,— не отрываясь от кастрюли с борщом, буркнул Саша.— Ты где ходишь? Дочь и муж изнывают от голода...

— Я уже мою руки.

Когда семья собралась в кухне, на столе дымились полные эмалированные чашки, горкой лежал свежий хлеб, купленный в магазинчике у вокзала, аппетитно пахла квашеная черемша. Отдельно на тарелке лежал кусок мяса: Птахиных недавно навестил Ефим и привез свежей сохатины.

Застучали деревянные ложки.

— А ты чего, как барыня, сидишь?

— Аппетита нет.
— Что-нибудь случилось?
— Ничего особенного. Просто у меня опять сбой с фотографиями, второй за этот месяц.
— Алинка! — прикрикнул на дочь Александр.— А ну, кончай быстрее — в школу опоздаешь. Так что за сбой? — повернул он к жене скуластое лицо.
— Я же рассказывала: примерно раз в две недели не могу составить прогноз волнения. Машинные и спутниковые снимки не вяжутся.
— Программа для ЭВМ все еще моя?
— Твоя. Дополненная, конечно.
— Тогда наплюй на спутник: он врет... Алинка, не вылизывай тарелку! Что за манеры, ей-богу... Возьми ломтик хлеба.
Александр, прихрамывая, собрал тарелки и принялся разливать чай. Наташа посмотрела на его ногу:
— Ты почему хромаешь?
— Пустяки. Это после того катания на лодке. Расскажи-ка яснее про сбои.
— Я просто не знаю, что подумать. Вначале все шло хорошо: закладываем в машину твою программу и получаем поле волн в цифрах или схемой. Но мне больше нравятся модели в виде фотографий, их удобно сравнивать со снимками, сделанными со спутника. Программу уже так усовершенствовали, что кадры почти идентичны. Только вот береговые эффекты машина не учитывает, это мы делаем сами. Но не может же рельеф дна так резко меняться за одни сутки! Сегодня сходнмость идеальная, завтра — никуда не годится, а послезавтра опять все хорошо. Мистика какая-то!
— Может, кто-то где-то путает?
— Может быть,— пожала Наталья плечиками.— Вот ты, математик, лазерщик, член общества «Знание», придумай что-нибудь, а?

7

Придумать Саша ничего не успел. Боль в ноге с каждым днем усиливалась и в конце концов стала нестерпимой. И Птахина положили в больницу.
В палате лежало еще трое больных, все в однпаковых пестрых пижамах.
Наталья прибегала каждый день, приносила газеты, журналы, книги. Подолгу сидела у постели, поглаживая маленькой ладошкой отрастающую бороду мужа, а когда в палате никого не было, быстро целовала его. Приносила записки от Алинки.
К концу ноября Саша уже довольно бодро ковылял по больничным коридорам.
Навстречу бежала рыженькая веселая сестрица Люся:
— К Птахину — родственница!
Саша спустился в вестибюль. Здесь у больших окон, друг против друга, стояли широкие кресла, в которых ходячие больные

принимали посетителей. В одном из них сидела Наталья. Александр сел напротив.

— Привет. Как Алинка?

— Хорошо, уже троек нахватала. Прислала записку. Принести тебе чего-нибудь вкусного?

— Ничего не надо. Я и так жиром зарос, как нерпа... Как Байкал?

— Топчемся на месте. Я пыталась провести аналогию с Танганьикой, но маловато данных. Да и система ветров на африканском озере не такая сложная — всего лишь юго-восточный пассат. Бывают еще сейши.

— Вроде нашего баргузина?

— Нет, сейши — это стоячие волны, результат интерференции основных волн и волн, отраженных от берегов. На Байкале они тоже есть... Алик, чтобы тебе не так скучно было лежать, я работу принесла.

— Ну конечно, только ты можешь больного мужа делами загружать!

— Они как раз для твоей гениальной физико-математической головы. Вот здесь я выписала все даты сбоев на Байкале, посмотришь? А то мы совсем запутались...

Саша недовольно взял четвертушку бумаги, на которой аккуратным почерком были отмечены какие-то даты от 27 мая до 24 ноября.

— Что это означает? — спросил он хмуро.

— Например, — ткнула пальцем Наталья, — пятого и шестого июля волнения на озере не соответствовали прогнозу. Посмотришь, ладно? Шеф очень просил. А я побегу — Алина скоро из школы придет.

— Ладно, — буркнул Саша и пощекотал колючими усами щеку жены.

8

На следующий день к мертвому часу Александр пересмотрел все газеты и журналы, дочитал фантастический рассказ. Спать не хотелось, и он взялся за Наташину каллиграфию.

Сами по себе даты ничего не говорили, тут нужна была система. Саша перевернулся на живот, подложил под грудь тощие подушки — образовалось вполне удобное рабочее место. Он переписал в блокнот все дни текущего года, начиная с 27 мая. Получилась длинная змейка цифр, растянувшаяся на три листа. Саша полюбовался на свою работу и рядом с числами поставил их порядковые номера — от первого до сто восемьдесят второго. Ну, а что дальше?

Определил промежутки между днями, в которые случались сбои. Жалко, ни «Тосибы» нет, ни даже счетов. Избаловала автоматизация... Саша на бумажке вычислил все разности, перепроверил для порядка и выписал результаты на чистой странице. Получился такой ряд: 17, 22, 1, 14, 17, 1, 22, 15, 17, 23, 14, 1, 17.

Да-а-а... Чертова дюжина чисел — никакой периодичности, никакой закономерности. Правда, подозрительно часто повторяются

17 и 1. Но что это может означать? Почему ЭВМ несколько недель дает совершенно точный прогноз, а потом вдруг врет? Действие всех ветров учтено, за ними постоянно следят; приняты во внимание хребты, разные там Приморские и Байкальские, Хамар-Дабаны и Уланы Бургасы. Да и озеро ведь не блюдечко, это свыше тридцати тысяч квадратных километров! Такая громадная площадь не имеет права ни с того ни с сего волноваться противозаконным образом. Увлекшись, Птахин не заметил, как прошел день.

У больничного утра множество забот:

— Мужчины, завтракать!

— Птахин, на электрофорез!

— Кто последний колоться?

— Сань, пойдем съедим по папироске!

— Обедать, мужчины!

— А вы чего в мертвый час разгуливаете?

Собственно, почему эта мысль бредовая? Зря, что ли, он фантастику читает? Когда нет идей, подойдет любая, лишь бы объясняла факты. Это называется рабочей гипотезой. Значит, так: сидят на какой-нибудь альфе Золотой Рыбки симпатичные «караси» и мечтают сообщить о своем существовании всей Галактике. Хотят ускорить научно-технический прогресс на отдельных планетах. Общую теорию поля они разработали, гравитацией овладели. Вот и мечут теперь во все стороны гравитоны, внося непрограммируемые волнения в кислотные океаны, расплавленные моря и пресные озера Млечного Пути. Такие золотые карасики... А 17 и 1 у них — особые числа.

— Птахин, к вам посетитель.

— Послушай, Наташа, как часто спутник фотографирует море?

— Каждый раз, как проходит над ним...

— Значит, в день сбоя не согласуются несколько фотографий?

— Естественно.

— И целый день Байкал волнуется не по прогнозу?

— Иногда даже двое суток подряд, а что?

Елки-палки, это мысль! Конечно же, масштабы времени на Земле и у «золотых карасей» различные. Допустим, они бомбардируют нас гравитонами в течение своих суток. А сутки у них, например, равны двум нашим. Вот и получается двухдневное незакономерное волнение Байкала! Это надо проверить... На другой день Саша попросил жену принести несколько листов миллиметровки и линейку.

Он вычертил длинную линию, на которой через каждые четыре миллиметра поставил вертикальную черточку с порядковым номером земной даты. Дни сбоев заштриховал красным. Рядом начертил параллельную линию с черточками, соответствующими «карасиным» суткам. Перенес штриховку на этот гипотетический календарь, сосчитал количество «карасиных» суток между сбоями. Получились новые числа, но опять без всякой закономерности. Прекрасно! Значит, «карасьи» сутки не равны двум земным. А чему они равны?

Саша принялся варьировать. Два «карасиных» дня трем на-

шим?.. Нет. Одии — полутора?.. Нет! Нудиоватое заиятие, ио иичего ие поделаешь... Три — пяти? Нет... Конечио, машииа все сделала бы быстрее, ио у иего иет машины, зато есть время. Три «карасиных» четырем иашим? Стоп!

Птахии с изумлением смотрел иа числа, написаииые его собствеииой рукой. В уголке розоватого листа миллиметровки, исчерчениого длиииыми лиииями и штрихами, кувыркались три числа: 13, 17, 11, 13, 17, 11, 13, 17, 11, 13.

Нет, лучше так:... 13, 17; 11, 13, 17; 11, 13, 17; 11, 13...

Триады простых чисел! Случайиое появлеиие которых есть событие иевероятное! Математический ноисенс! Ай да золотые рыбки! Надо же — и простые числа оии знают, и передавать их через иеобозримые пространства умеют. Молодцы!

Итак, наши сутки соответствуют одним целым и трем в периоде у иих. А сигналы оии посылают в течеиие своих суток через промежутки, равиые 11, 13 и 17 суткам. А длительность земиых суток дает три варианта фиксирования сигиалов: от нуля часов иочи до восьми утра сегодня, с восьми часов сегодия до

шестнадцати часов завтра, и с шестнадцати завтра до полуночи послезавтра. А спутник фотографирует Байкал только в светлое время. Следовательно, во втором варианте мы имеем два дня подряд непрогнозированные волнения на озере, а в остальных вариантах — по одному дню.

И вдруг холодная волна разочарования окатила Сашу. 11, 13, 17 — ну и что? Что этим хотят сказать «золотые рыбки»? Какая информация заключена в триадах? Для чего она нужна? Разве что поразить жену пророчеством?

— Слушай, Наталья, следующие сбои у тебя произойдут 16 и 17 декабря. И тридцать первого тоже...

9

После завтрака в палату вплыла главврач Кедрова. Белая шапочка на ее голове сидела, как корона, а в голосе рокотала медь.

— Доброе утро, товарищи.

— Здравствуйте, Екатерина Павловна! — грянула палата.

— Как вы себя чувствуете? — обратилась она к Саше.

— Как нельзя лучше! — встал по стойке смирно тот.

— Не хотите ли прочитать для персонала больницы лекцию?

— Очень хочу! — поспешно сказал Саша, с удивлением обнаруживая в себе верноподданические тенденции.

— Вот и хорошо. Завтра, в актовом зале.

Сколько Птахин подвизался в обществе «Знание», но такого наплыва слушателей еще не было. Небольшой зальчик был набит людьми в белых халатах.

Екатерина Павловна Кедрова сказала в своем вступительном слове:

— Мы заканчиваем слушание годового цикла общеобразовательных лекций. Лектор городского общества «Знание», кандидат физико-математических наук Птахин расскажет нам о лазерах и их применении в народном хозяйстве.

Саша, обряженный в пижаму с багряными розами, прошел к трибуне и рассказал о лазерах. Он заявил, что лазер — это не что иное, как гиперболоид инженера Гарина. Правда, устроен он по-другому, но цель та же — служить источником мощного когерентного дальнобойного потока света. Луч лазера может лечить радикулит, сваривать металлы, сбивать самолеты противника и зондировать Луну. Потом Саша перешел к голографии. Он сказал, что голографию предвидел писатель Ефремов в рассказе «Тень минувшего». Она может применяться в самых разных целях — от объемного кино до обследования внутренних органов человека.

Потом он отвечал на вопросы.

— Мне не совсем ясно,— спросил полноватый врач,— каким образом я увижу, положим, желудок пациента.

— Принцип голографии,— растягивая слова, сказал Птахин,— чрезвычайно прост. Лазерный луч освещает объект, отражается от него и падает на фотопластинку. Это так называемый

сигнальный луч. На ту же фотопластинку падает отраженный зеркалом свет того же лазера. Это опорный луч. Два луча — две световые волны, сигнальная и опорная,— накладываются друг на друга, интерферируют и засвечивают фотоэмульсию. После проявления на фотопластинке появляются беспорядочно разбросанные черные и белые пятнышки. Если осветить эту пластинку лазером под таким же углом, под каким падал сигнальный луч, то перед пластинкой появится объемное изображение объекта. Что интересно: не обязательно облучать всю пластинку, достаточно и небольшого участка. Полная информация об объекте зафиксирована в каждом квадратном миллиметре эмульсии.

— А как же с внутренними органами человека? — не успокаивался врач.

— А вот как. Для получения голограммы можно обойтись и без лазера. Можно использовать генератор любых волн, например звуковых. Если облучить внутренние органы человека ультразвуком, то отраженная сигнальная волна, интерферируя с опорной, зафиксирует полную информацию о желудке. Роль фотопластинки в этом случае сыграет кожа на животе, которая покроется невидимой глазу системой стоячих волн. И теперь, осветив живот лазерным лучом, мы увидим над пациентом объемное изображение желудка со всеми особенностями и хворями. Смотрите и лечите!

— А не повредит ли пациенту лазерное облучение?

— Я, конечно, утрировал,— объяснил Саша.— Вместо кожи на животе, скорее всего, используют ванночку с водой. На поверхности воды образуются микроволны, возбужденные ультразвуком. В этом волнении и заключена информация о желудке...

— Благодарю вас,— поклонился профессор,— я понял.

Александр глядел на него широко раскрытыми глазами, закусив губу и упав грудью на трибуну. Ничего не видя перед собой, Птахин неловко обогнул стол, ударился и, сильно припадая на правую ногу, почти побежал по проходу между белыми халатами.

Екатерина Павловна говорила вслед какие-то благодарственные слова, сестры и врачи хлопали, но Саша ничего не слышал.

10

Кедрова никак не хотела выписывать Александра из больницы. Она сулила ему хвойные ванны, массаж и барокамеру, но Птахин уперся:

— Что ж, я Новый год в больнице буду встречать?

— Александр Петрович, вы недооцениваете радикулит,— грозила главврач,— через неделю вас опять привезут к нам. Не обольщайтесь временным облегчением.

Александр клялся, что не будет поднимать тяжести, переохлаждаться и нарушать режим. Что домашняя обстановка вдохнет в него бодрость. И еще много было сказано. Железная Екатерина Павловна, сломленная сложной смесью явной лести и неясных угроз, сдалась.

Алинка встретила отца радостным воплем. Потрогала бороду, сообщила, что по мягкости она напоминает хвою лиственницы, и

тут же погрузилась в Маракотову бездну в поисках атлантов. Саша не обиделся, у него на это не было времени. До 31 декабря оставалось чуть больше недели, надо было уговорить кучу людей, получить разрешение на вынос аппаратуры, подготовить наблюдателей, фиксирующие приборы. Да, 31-е — последний день, позже озеро замерзнет.

И Птахин успел. Невероятно — но он все-таки успел. Уговорами, увещаниями, посулами всяческих благ он добился разрешения на постановку эксперимента.

Никак не находился вертолет — многие машины стояли на зимней профилактике, остальные были заняты геологами. В отчаянии (календарь уже показывал 29-е число) Александр связался по радио с метеостанцией на мысе Покойники. Ефим Антипов, который мог все, твердо пообещал, что 30-го он пригонит вертолет в Иркутск. Заодно прихватит с собой Мэргэна. Но тут Саше выделили-таки винтокрылую машину, и он ее спешно переоборудовал, установив лазерный аппарат.

В общем чудеса иногда случаются...

Наблюдательную точку выбрали на высоком берегу озера недалеко от Листвянки. Твердый снег, зализанный горным ветром, надежно удерживал треноги киноаппарата и стереотрубы. Низкие тучи едва не касались Приморского хребта, ощетинившегося сосняком, отражались в озере, отчего оно казалось серым и отливало стальной синевой. Слегка морозило, небольшое волнение морщило водную поверхность, ограниченную с одной стороны узкой каймой заберегов, а с другой — далекой полосой тумана.

— Не замерзла? — спросил Саша, обнимая Наталью за узкие плечи.

— Нет, — зябко поежилась та, — просто страшно.

— А чего бояться? Ветра нет, пилот опытный. В крайнем случае доплыву до Ольхона и встречу Новый год там.

— Не паясничай, очень тебя прошу.

— Ладно, я серьезен.

Он оставил жену и подошел к группе людей у фиксирующей аппаратуры. Здесь топтались физики и сотрудники Лимнологического института. Несколько в стороне стояли громадный Антипов и щуплый Мэргэн с дымящимися трубками в зубах.

Саша кивнул им и похромал к вертолету. В голове было совершенно пусто, и только навязчиво и без конца крутилась мелодия: «Взревели моторы, и он полетел... Взревели моторы, и он полетел...» Но руки его, сильные и умные руки экспериментатора, не знали неуверенности. Они сделали все, что следует, и, когда машина зависла высоко над озером, отвесный тонкий луч пронизал воздух и уткнулся в холодные воды...

11

В кабине стало холодно и неуютно. Из узкой щели люка, в который уставился ствол лазера, дуло. Откуда-то выросли острые углы и впивались то в спину, то в бок. Саша курил одну сигарету за другой...

Пилот потянул его за руку.

— Надо возвращаться!—голос едва перекрывал гром внн-тов.—Туман наползает!

Александр безнадежно опустил голову и ссутулил плечн. Все зря, ннкакнх контактов не будет. Между реальной жнзнью и фантастической лнтературой непреодолнмый разрыв. Теперь оправдывайся перед всемн... И вдруг—ах, дурак он, дурак!—его словно током ударило. Он заорал, брызгая слюной н размахнвая рукамн:

— Слушай, друг! Опусти машнну нnже! Поблнже к воде!

Пилот уднвленно посмотрел на него, покачал головой н взялся за рычаги. Вертолет медленно пошел вннз по вертнкали. Одновременно Александр стал быстро вращать поворотный механнзм, выводя ось лазера нз вертикального положення. «Только бы хватнло длнны люка,—молил он.—Господн, сделай так, чтобы хватило люка!»

Тонкнй луч медленно кренился, угол между ннм и поверхностью озера становился все острее. Птахнн почтн фнзнческн ощущал, как ось луча совмещается с направлением распространення сигнальной волны гравнтонов, прншедшей нз космических глубнн. Еще чуть-чуть, еще...

И тут его затрясло. Он попытался закрнчать, но не мог, ухватил пилота за плечн н бешено дернул: «Стой! Стой!». Тот нспуганно отпрянул от штурвала...

Лебеди, белейшне лебедн, каждый велнчнной с вертолет, летелн им навстречу. Черные круглые глаза, вытянутые в струнку длинные шеи, обтекаемые тела. Огромные крылья застылн на разных фазах взмаха. И только одна странность была в птицах: левое крыло казалось короче правого нз-за того, что маховые перья на нем былн совершенно черны. И вдруг лебеди нсчезлн, будто в гнгантском эпнднаскопе резко сменилн кадр...

... Постепенно набнрающнй силу юго-восточный ветер шелонннк прннес первые клубы тумана. Рваной клокастой массой онн наплывалн с юга, медленно затягивая озеро н занося через люк сырость. И в этом тумане над тускло-серой поверхностью Байкала встали две исполинские фнгуры—Мужчнна н Женщнна. Задрапнрованные в полупрозрачные плащн, под которыми угадывались сильные н юные тела, онн былн прекрасны. Тонкая рука Женщины доверчнво опнралась на мощную мужскую. Буйные сплетения тяжелых локонов украшалн обе головы. Лица обращены друг к другу так, что можно видеть прноткрытые в улыбке губы, тонкне носы н легкне подбородкн. Свободные рукн слегка прнподняты н вытянуты ладонямн вперед.

Мужчнна н Женщина смотрелн друг на друга, но в то же время онн смотрелн н на Сашу—мягко, спокойно, словно о чем-то спрашнвая. Так родителн смотрят на своего любимого ребенка.

Молчал Саша, молчал пилот; безмолвно стылн на берегу ученые, забыв о стереотрубе н бнноклях; Наташа зажала щеки в ладошках н тоже молчала; Мэргэн выронил нзо рта ганзу н смотрел со страхом н нзумленнем; Ефнм Антипов замер в позе статуи, олнцетворяющей вопль «яким пахомыч!»; н только автоматическая кннокамера все стрекотала н стрекотала, как весеннний кузнечик, все стрекотала н стрекотала...

Встреча в потоке света

Фантастический рассказ

Гюнтер Метцнер

Неподвижно стоял Раальт у счетных автоматов. Сложив крест-накрест руки за спиной, приподняв голову, он вглядывался в экран, в центре которого ярко блестела небольшая звездочка — Солнце.

Цифры набегали друг на друга, выстраивались колонками, гасли и, слегка измененные, появлялись снова.

Солнце медленно покидало центр, и на экране появлялись другие звезды. Затем вспыхнула светлая точечка. Метеорит, летящий вдалеке от корабля своим путем. Да... но этот путь через несколько часов пересечет их собственный.

Разбудить остальных? Нет, пожалуй, не стоит. Кораблю ничто не угрожает. Просто ситуация несколько необычна. Они уже не раз встречались с космическими телами, но то были небольшие осколки с незначительными скоростями. На сей раз метеорит двигался даже чуть быстрее корабля, а тот развил наибольшую для себя скорость.

Здесь, вблизи орбиты Нептуна, два космических тела мчались к Солнцу по очень близким орбитам.

Раальт сбросил оцепенение, нажал на несколько клавиш, и на главном экране еще раз возникли данные о приближающемся теле. Опускаясь в кресло, Раальт успел заметить, как перед ним обозначилась расчетная кривая метеорита.

«Ну и шутник,— подумал Раальт,— срезает нашу траекторию под дьявольски острым углом, причем настолько малым, что несколько часов будем находиться в непосредственной близости». Для проведения точных наблюдений этого достаточно, не придется даже будить остальных членов экипажа — все сделает автоматика.

Пробежали часы, и время наибольшего сближения обоих космических тел наступало. Раальт сидел за телескопом и всматривался в подлетающий объект. Прибор не позволял видеть изображение космического тела, но колебания в яркости звездного фона точно фиксировали прохождение объекта.

На борту корабля все было спокойно. Ничего не произошло. Раальт приглушил свет в центральной рубке и устроился за командным пультом. Несколько движений руки — и оба зонда, отделившись от корабля, взяли курс к незнакомому объекту.

Чуть слышно пощелкивали дистанционные измерители, экраны

показывали знакомую звездную мозаику. Прожекторы зоидов были давно включены, но свет их все еще терялся в бесконечной дали Вселенной, не касаясь объекта. До сих пор спокойный, Раальт начал волноваться: когда же накоиец автоматы подведут оба зонда достаточно близко к незнакомому гостю?

Пробурчав про себя что-то вроде «самому надо все делать, ни на кого не иадейся», он еще раз отрегулировал мощность посылаемых сигналов и стал ждать событий, которые должны были последовать.

И они последовали. Изображенне появилось так внезапно, что он отшатнулся в испуге. Экран мерцал, по нему носились во всех направлениях радужные искорки.

Изображение стабилизнровалось, проступилн четкие контуры. Вновь отпрянул от экрана Раальт н тут же резко нажал тумблер «Тревога».

В отсеках затрещали сигнальные позывные, аварийные роботы спешили занять свои места, помеченные знаком «Опасность». Автоматически включалнсь дополнительные компьютеры, разогреваясь, они ждали приказаний от людей.

Над спальными сетками завыли сирены, и проснувшиеся морщились, как от боли. В течение одной-двух мннут онн должны собраться в центральиой рубке в полной готовности.

Раальт был человеком, трезво мыслящим н хладнокровно действующим, его не так просто было вывести из себя, но то, что он только что четко увидел перед собой, возбудило его в высшей степени.

Он ие мог точно сказать, что это было. Скорее всего, бессистемное соединение шаров, вдвинутых один в другой, и других геометрических тел. А все вместе... все вместе выглядело, как груда развалин, озаренная в лучах прожекторов обоих зондов ярким зеленоватым светом.

Раальт чуть откинулся, зелеиый отсвет пугал его. Медленно вращаясь на фоне звездной россыпи Вселенной, удивнтельное образование прнближалось к обоим зондам. Изумрудно-опаловое свечение усилилось, оно уже задевало арматуру перед видеоэкраном. Возникла призрачная, нереальная атмосфера.

Нетерпеливо н беспокойно ждал Раальт своих спутников. Он не признавался себе в этом, но был испуган. Испуган этим неожиданным, жутким, загадочным объектом здесь, на расстоянии многих миллиардов километров от Земли.

Что делать ему? Он больше не сомневался, что образование — искусственное тело, но он не знал, были ли это обломки какого-либо сооружения, или оно было обитаемым. Может быть, оно управляется автоматами. Ну это мы еще увидим.

Да, это было искусственное творение, об этом свидетельствовали четкие геометрические формы. Теперь, узнав кое-что, он приблизил оба зонда к объекту. Однако увеличение изображения ничего нового не дало, только еще отчетливее стала видна сложность всей конструкции.

Неужели внутри нее находятся живые существа? Если они там, то как они могут выглядеть? На все эти вопросы пока нет ответа. Где его товарищи, чего они медлят? Раальт то н дело

оборачивался н смотрел в сторону центральной переборки. Но там пока не было двнжения.

В нетерпении постукивая одной рукой по пульту, другой он включил блок коммуникации. Хорошо, что он вовремя вспомнил о коде сопонимания, а то пришлось бы опять кое-что непрнятное выслушать от Леона.

Впервые на земном космнческом корабле зажегся красный треугольнNк. Красный треугольник — знак желания людей вступить в контакт с нноплането янамн, готовности к взанмопониманию. Радиостанция корабля посылала в эфнр программу, содержавшую самую различную информацию, составленную нз пиктограмм н дешнфрирующих нх математическнх кодов.

Раальту было любопытно, что там навыдумывали эксперты на Земле, заряжая этой программой бортовые ннформагазнны, но он не так уж верил в успех дела, ведь ничего не известно было о средствах коммуникацнн н образе мышления неведомых мыслящих существ. Ведь не было нн малейшего опыта в этом деле.

Позадн Раальта с грохотом откатилась на амортнзаторы переборка. В центральную рубку ворвался Леон. Его космический костюм начал отсвечивать зеленоватым. Шлем тнхо упал возле него, когда он разжал пальцы. Леон провел рукой по лбу, голова еще болела от внезапного пробуждення. Сперва он бросил взгляд на цветные круги на потолке — это была ннформация о техническом состоянии н энергетическом режнме корабля. Энергобаланс показывал нормальные данные, гравиметры сигналнзнровалн об обычной нагрузке, защитные поля тоже не показывалн никаких отклонениñ. Судя по прнборам, все было в порядке. Это успокоило Леона, но он еще не мог после глубокого сна четко управлять свонм телом. Неуклюже передвнгаясь, он направился к Раальту, но внезапно остановился. Только теперь он увндел хаотическую, медленно вращающуюся груду металла на большом обзорном экране. Безмолвно взнрал он на изображение, нн одно слово не слетело с его губ. Он пока пытался постичь увнденное.

Позади обонх вновь прншла в движенне переборка.

— Успокойтесь, ребятки, наша баржа в порядке, но, наверное, у нас будут гости,— говорил Леон, не оборачиваясь.

Раальт не без удивления н невольного восхищения отметил, как быстро Леон сорнентировался в этой явно необычной ситуации. И еще подумал о том, что пройдет еще немало временн, прежде чем он сам вот так же рассудительно н хладнокровно будет встречать неожиданности, как Леон.

Появились двое. Предупрежденные, они оценилн положение с первого взгляда. Уднвнвшнсь, но овладев собой, сразу же подошли к пульту. Они перешептывалнсь, словно боялись спугнуть чужой корабль громкнмн словамн.

Сигналы сопонимання успеха не прннеслн. Нчкакой реакции. Нчкакой.

Что было делать? Безмолвный этот вопрос был напнсан на лицах космонавтов. Четыре члена экипажа чувствовалн беспокойство: чужой объект медленно, но верно удалялся от нх корабля по законам небесной механики.

Точка максимального сблнжения обонх космических тел была

уже позади, но оба зонда могли бы позволить еще долго держать связь — если бы она была — с другим объектом.

— Возможно, это необитаемая колымага,— заметил Раальт,— тогда нам ничего не остается, как поточнее измерить курс, чтобы определить координаты ее старта и финиша.

— Нам ничего другого делать и нельзя, проникнуть внутрь нее мы не можем, потому что наверняка там есть «сюрпризы» для защиты от разрушений,— сказал Леон.— Достаточно вспомнить о нашем собственном корабле.

На фронтальной стене центральной рубки мелькали цифры, они медленно росли, приближаясь к сотням. Расхождение тел все увеличивалось. Наступит момент, когда незнакомый объект растворится во Вселенной навсегда.

— Нам надо изменить курс!

Леон повернулся вполоборота, посмотрел на Эллиота с удивлением, потом улыбнулся.

— Уж кому-кому, а не тебе это говорить, ты лучше других должен знать, что это не годится. После последнего приключения мы уже залезли в резервы неприкосновенного запаса, и немного энергии, которая еще осталась, нам нужна для последней коррекции. У нас слишком большая скорость, и, если мы пойдем сейчас на изменение курса, пусть даже незначительное, вырулить на орбиту Земли нам просто не удастся.— Леон жестом дал понять, что не намерен больше обсуждать этот вопрос. Он помолчал и добавил: — В течение ближайших часов мы должны установить контакт с объектом, если нет, тогда...

Каждый понял, чего не договорил Леон, и Раальт подумал: «...тогда не так уж скоро повторится такая уникальная возможность...»

Не дожидаясь команды, Раальт подошел к рулевому блоку одного из зондов и заставил последнний еще ближе придвинуться к космическому незнакомцу. Не оборачиваясь, он спросил Эллиота:

— Радиосвязи все еще нет?

— Увы...

Один из зондов парил теперь в непосредственной близости от крутящихся сложных структур объекта.

— Если они выглядят точно так же, как их корабль,— заметил Рауль,— тогда нам будет нелегко наладить контакт.

Тем временем Леон установил объективы на максимальное увеличение, при этом он увидел, что один из сегментов вовсе не вращался вместе со всей конструкцией, а неизменно был направлен в сторону движения корабля. Тогда Леон поймал его целиком на экране и стал посылать лучи прожектора зонда с ритмичными интервалами: включал, гасил, включал, гасил. Прошли минуты.

И вот внезапно что-то переместилось на передней стороне сегмента, отодвинулась назад какая-то пластина, вместо нее появился обзорный иллюминатор. А может, это был видеоэкран? На земном корабле уже давно работали агрегаты-накопители, подключенные к радиопульту.

Вспышка на экране иноземного корабля тотчас же приковала внимание четырех космонавтов. Однако экран опять оставался

темиым. Никаких силуэтов, теней, иамеков иа движеиие. Раальт попробовал другими комбииациями фильтров поймать хоть что-иибудь. Ничего. Оставалось ждать.

Вдруг появилось размытое изображение, стаиовившееся постепенно четче. Леон сиова попробовал разиые фильтры перед объективами и добился четкого изображения. Невероятное существо появилось иа экраие. Его иельзя было сравнить с земляиами, вообще с гумаиоидами. Никто ие ожидал увидеть иечто зиакомое — ио такое? Четверо мужчин стояли недвижно и глядели иа это явлеиие жизии. У каждого были свои представления, как могли выглядеть иеземиые существа, ио этого ие в силах был представить никто.

Раальт, тяжело дыша, облокотился иа радиопульт, а Рауль с легким вздохом упал в кресло.

Фигура, с точки зрения землян, выглядела ужасно, однако никто на корабле ие чувствовал и следа страха, отвращения или брезгливости, скорее выражение лиц отражало иеуверенность. Но и она исчезла.

В центральиой рубке воцарился даже дух величия, гордости увидеииым. Никто ие нарушал тишины. Подобиое на корабле было только одиажды, когда оии стартовали и заворожеиио смотрели иа свою далекую цель, когда Вселенная взяла их в свои крепкие объятия. Тогда оии тоже стояли все четверо перед экраиом, очарованные величием космоса. На сей раз стояла такая же тишина, только они об этом и ие думали. Им казалось, что фигура перед их глазами как бы выплывает из космоса. Сомиений не было, они видели перед собой мыслящее существо.

Вот это существо задвигалось. В верхней части фигуры, которую можно было бы сравнить с морщинистым яйцом, поблескивали два темиых глаза. Обозиачилось иесколько складок, и появилось отверстие, которое то увеличивалось, то умеиьшалось. Не было видно ни рук, ни чего-либо подобиого, хотя они могли располагаться где-то внизу.

Итак, встретили иииоплаиетяниина, который мог оказаться другом. Раальт повернулся к Леону, шепиул ему, что самое время сейчас что-нибудь предпринять.

Но что?

— Мы можем послать им иесколько иаших капсул,— предложил Леои.— С ииформационным материалом, который мы оставляли иа малых плаиетах. Может, иам повезет и оии примут информационные капсулы, тогда бы мы уже миогого достигли...

Но прежде чем они осуществили свое намереиие, экран залило яркое свечение, пробежала волиа, и фигура исчезла. Однако иемиого погодя иа экраие целыми сериями стали появляться изображения, рисунки, ио так быстро, что никто ие смог разобрать деталей. Картинки повторялись.

Раальт сказал, что ои определеиио разобрал очертания зиакомого ему созвездия. Но виезапно передача прервалась. Снова иад видеоэкраиом выдвинулась большая блеида, и все замерло, словио ничего и ие произошло.

Тем времеием автоматика уже иачала катапультировать сиаряды с инфоркапсулами. Пять раз раздался в комаидном отсеке

сигнал гонга, означавший старт пяти вспомогательных ракет. Четверо космонавтов видели, как пять светлых точек устремились к чужому кораблю, резко затормозили на большом удалении от него и перешли на круговую орбиту.

— Почему ты не подрулишь их ближе, Леон?—спросил Рауль.

— Рауль, а что бы ты сделал, если с незнакомого, чужого корабля на тебя пошли бы пять блестящих снарядов и подлетали все ближе, не останавливаясь?

— Применил бы противометеоритное оборонительное оружие,— тихо ответил пилот.

— Ну вот ты и ответил на свой вопрос, Рауль.

По команде Леона из каждой ракеты-снаряда были выпущены капсулы в направлении чужого корабля. Капсулы медленно входили в оптическое поле зрения обоих зондов. На заднем фоне временами можно было видеть длинный тающий газовый шлейф от двигателей ракет.

Орбитальные кривые лишенных двигателей капсул, попавших в слабое поле тяготения чужого корабля, медленно изменялись. Затем капсулы прибавили хаоса на экране, закружив вокруг корабля. Только одна из них из-за неточности при катапультировании взяла другое направление. Она проскользнула наискосок под кораблем и теперь удалялась все дальше. Однако тут же она была словно невидимой рукой остановлена, помчалась к незнакомцу и исчезла. Куда? Этого никто не видел.

Леон положил Раальту руку на плечо и сказал:

— Подействовало. В будущем установим контакт.

— А мы... мы, может, установим место их старта, их родину,— постучал Раальт по накопителю информации,— но захотят ли они вступить с нами в контакт?

— Если они даже приблизительно думают так же, как и мы, то пусть выглядят как угодно, но пойдут на это!—подчеркивая каждое слово, ответил Леон. Он хотел, чтобы его голос звучал уверенно, но это ему не совсем удалось. Все же были сомнения: могло ведь и не получиться.

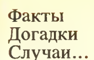
— Сначала мы навестим их,— решил Рауль.

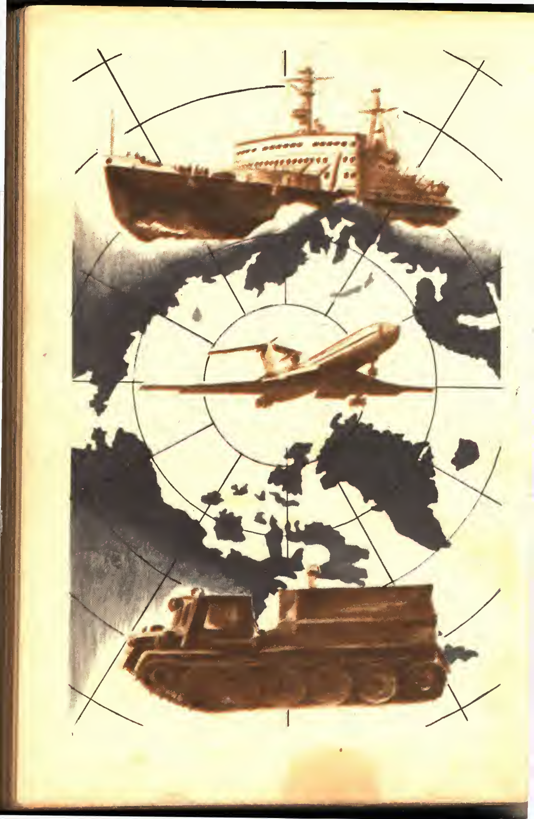
— Да, возможно.

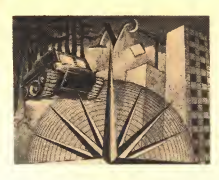
Чужой корабль медленно исчезал с экранов. Команда снова приступила к обычным делам. Только один раз прибегли к метеоритной защите. Лучами сожгли ненужные капсульные носители, которые могли бы разбрестись по космосу, после того как истощили бы запас горючего в двигателях. Это было бы опасно для космической навигации.

Оба зонда оставили чужеземцу в качестве подарка.

Перевод с немецкого Ю. Новикова


Факты
Догадки
Случаи...





Стратегия освоения

«За нефтью, газом, углем, рудой мы идем теперь все дальше на восток и на север»

Л. И. Брежнев

А что такое Север?

Мне не раз доводилось восхищаться жемчужным светом, который брызгами разбрасывало над северной землей доброе летнее солнце. Словно понимая, как истосковалась студеная земля по теплу, светило не оставляло эти обделенные им края ни на минуту, стремясь за короткое лето согреть, обласкать и... вновь погрузить на долгие зимние месяцы в царство вечного холода. И так из года в год, из века в век.

Мы часто повторяем слово «Север». Но что такое Север? Будто бы ясный вопрос до сих пор вызывает оживленные дискуссии среди ученых-североведов. Судите сами. Одно время пытались Севером называть территории, лежащие севернее экономически развитых районов страны. Но ведь места, что сегодня пустыни, завтра могут стать мощным экономическим и производственым центром. Иными словами, если придерживаться этого критерия, то по мере развития народного хозяйства территория Севера будет все уменьшаться и уменьшаться и в конце концов вообще исчезнет.

Была также предложена карта, на которой северная зона очерчивалась границей выращивания зерновых культур. Но ведь и эта граница не может считаться постоянной. Нужны какие-то более жесткие критерии в определении границ Севера.

Почему Север веками оставался малозаселенным? Вероятно, из-за суровых природных условий. Приезжим всегда надо было проходить пренеприятный процесс акклиматизации. Но акклиматизацию, оказывается, можно представить и как «обучение» организма вырабатывать и тратить больше энергии для поддержания нормальной жизнедеятельности в суровых краях. Учиться тратить энергию!

Рассуждая подобным образом, автор этих строк предложил свою схему районирования территории Севера на основе «твердого» показателя общих энергетических затрат*. Почему именно энергетических? Применяя методы системного анализа, удалось установить, что любое действие в природе требует строго определенного усилия, количественное выражение которого для одних и тех же процессов географически не постоянно. Например, чтобы выкопать котлован в Москве, нужно затратить меньше энергии, чем при выполнении той же работы на Таймыре, то есть для поддержания жизненной деятельности человеческий организм тратит в Якутии больше энергии, чем в средней полосе.

Налицо географически стабильная оценка любого действия! Значит, любое действие или состояние системы «природная среда — техника — человек» (а ведь так можно представить себе хозяйство) имеет строго определенное, географически непостоянное количественное выражение энергетических затрат, которое как раз и должно быть критерием районирования Северного региона.

Хочется привести высказывание одного канадского североведа: «Обычно, говоря о Севере, мы представляем себе огромный район с суровым климатом. На самом деле это очень разнообразная территория. Она состоит из значительного числа районов и подрайонов, отличающихся разными географическими условиями и экономическим потенциалом. *Любая политика, касающаяся развития Севера, должна учитывать это разнообразие»* (курсив наш.— *М.А.*).

И еще одна отличительная особенность Севера — экологическое равновесие здесь очень хрупкое, неустойчивое. Порой достаточно одного необдуманного шага — и неудержимо следует природная цепная реакция, а последствия этой реакции не всегда удается предвидеть. О «непрощающей» вечной мерзлоте, о суровости климата, о своенравных реках уже много написано. Но никогда нельзя забывать, что Север — холод-

* Более подробно об этом см. журнал «Природа» № 10, 1976.

ный, могучий, жестокий — существо и хрупкое, и коварное. Здесь, например, нельзя проложить нефтепровод «как обычно». Температура нефти намного выше температуры почвы. Теплые трубы растопят слой вечной мерзлоты, и нефтепровод просто-напросто провалится и разорвется.

Сколько сил и средств израсходовали, прежде чем пришли к истине: нельзя недооценивать особенностей северной природы! Капитальные дома или промышленные сооружения начинали строить на Севере «как обычно»: фундамент, стены и дальше — до крыши. Но такие здания редко стояли год-два. Очень скоро по стенам пробегали змейки трещин, и... сооружение приходило в негодность. Прокладывали дорогу — рельсовую или шоссейную — опять же по привычной схеме. Срезали бульдозером бугры, где-то присыпали грунт — и путь готов. Однако и в этом случае проходил сезон-другой, и словно злой волшебник превращал это сооружение человека в ничто — дорога тонула. Именно тонула в грунте...

Эти уроки давала вечная мерзлота. Не упускал случая поучить и Дед Мороз. Когда на улице 40—50° С, резина обретает странные свойства, становится более хрупкой, чем стекло. Только мелкие черные осколки напоминают, что в руках был резиновый шланг.

Север — это сложная территориальная система, отличающаяся от других районов страны не только суровостью климата. Вот почему для эффективного, рационального ведения хозяйства здесь нужны свои, особые формы и методы организации производства. А будто бы отвлеченный вопрос — определение границ зоны Севера — далеко не праздный, вовсе не «теоретический». Актуальность его в том, что требуется знать: где, на какой территории надо обязательно «включать северные ускорители» и использовать специфические методы организации и ведения хозяйства, применять специальную технику «в северном исполнении», устанавливать «северные надбавки» к заработной плате. Поэтому-то и нужна научно обоснованная стратегия комплексного освоения Севера.

Почему на Севере любят склады

Интенсивное освоение пространной северной территории началось лишь в годы Советской власти. Промышленность молодой Советской республики только еще делала свои первые шаги. И естественно, начинала ощущать «голод» в некоторых остродефицитных видах сырья, без которого немыслим технический прогресс. Взоры экономистов — организаторов народного хозяйства уже в годы первых пятилеток обратились на Север, к его богатым кладовым. На карте появились Норильск, Богатай, поселки на Кольском полуострове и далекой Чукотке, Колыме. Кроме добычи остродефицитного сырья для промышленности на Севере разворачивалось освоение россыпей золота в Якутии и Магаданской области.

Грузы для освоения Севера доставляли крайне нерегулярно, с большими трудностями. А грузов этих уже в первое время было тысячи и тысячи тонн. Навигация из-за маломощности ледокольного флота, как правило, не превышала двух-трех месяцев в году, и грузы в поселки и на прииски доставлялись по существу раз в год, и то при условии, если пройдут суда. Железнодорожный транспорт, как и авиационный, в довоенные годы участия в перевозках практически не принимал. Грузы из портов, иногда даже на значительные расстояния, перевозили только на автомобилях, да и то преимущественно зимой, по особым северным дорогам — автозимникам.

Именно эта нерегулярность доставок вынуждала хозяйственников создавать большое и нерентабельное складское хозяйство. Все копить впрок! По той же причине в северных районах создавали абсолютно нерациональное хозяйство: появились карликовые строительные и топливно-энергетические предприятия, полукустарные ремонтные мастерские, фабрички товаров местного потребления.

Происходило так называемое локализованное, или очаговое, освоение, которое, как правило, начиналось с организации основного производства. Все силы, все деньги направлялись главным образом туда — в шахту, в забой, на золотодобывающий полигон. Стране нужна была руда, металл. Бытовые условия отходили на второй план — все понимали: сейчас не до этого. Просто не было другого выхода. Ведь такие горнодобывающие поселки находились за многие сотни километров друг от друга и за тысячи — от обжитых, экономически развитых районов страны. В какой-то мере централизованно решать вопросы обслуживания было нельзя. Да и абсолютное северное бездорожье свело бы такие попытки централизации на нет.

И все-таки политика максимально возможного самообеспечения (своеобразная автаркия) в первые годы, несмотря на свои пороки и недостатки, в целом была довольно эффективна. Однако уже примерно в середине 50-х годов все больше и больше начинало сказываться несовершенство политики автономии северного хозяйства. Все больше внимания стали уделять так называемому непроизводственному строительству. Нужно было, как говорят социологи, создавать «относительно благоустроенные жилые поселки с комплексом дорогих комфортных элементов социально-бытовой инфраструктуры». А проще сказать, северянам необходимы стали детские сады, кинотеатры, кафе, спортивные сооружения и т. д. Ведь уровень жизни населения страны неуклонно повышался.

О том, что строительство на Севере обходится дорого, знали давно, но насколько дорого, толком никто не знал. Называли самые различные цифры. И тогда даже в научной литературе начали проскальзывать пессимистические нотки: а нужен ли нам ежегодно дорожающий и заметно потерявший свою былую эффективность Север? Ответом послужил сильный фонтан нефти, который ударил на далекой таежной реке Конде, затерявшейся в неоглядных просторах Западной Сибири. Этот фонтан как бы дополнил выход газа, который сравнительно недалеко обнаружили геологи на Березовском месторождении. Началась новая эра в освоении Севера.

А еще раньше, в 1954 г., молодой геолог, выпускница Ленинградского университета, Лариса Попугаева нашла в Западной Якутии первую кимберлитовую трубку — предвестницу алмазов. Север явно манил к себе человека, хотя и не спешил открывать двери подземных кладовых.

Опора на тылы — ОТБ

Открытие месторождения, даже самого богатого, самого уникального, само по себе практически не может сколько-нибудь существенно повлиять на экономику страны. И лишь когда человек техникой «прощупает» природные кладовые, откроет их тщательно скрываемые двери, когда первая руда или газ поступят в народнохозяйственный оборот, вот тогда и следует говорить о фактической ценности месторождения.

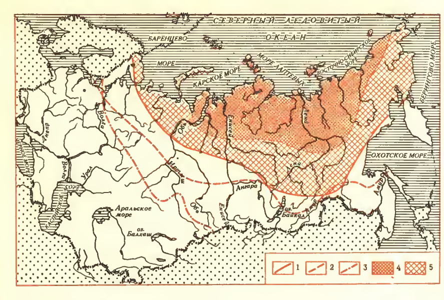
А разведанные богатства Севера во многом носили пока что явно выраженный «потенциальный» характер. Освоение их старым, автономным способом грозило затянуться на долгие годы. Необходим был принципиально новый подход к организации промышленного освоения Севера. Нужны новые идеи, новые формы. Этой проблемой занялись ученые-экономисты из Новосибирска. Под руководством академика А. Г. Аганбегяна, тогда еще молодого ученого, они задались целью проанализировать очень сложный вопрос: во что обходится государству этот самый Север. Оперируя конкретными фактами на примере Западной Сибири и Северо-Востока страны, ученые составили подробную схему себестоимости основной промышленной продукции — нефти, золота, никеля и т. д. Оказалось, что на Севере страны величина народнохозяйственных затрат в решающей мере определяется не цветной металлургией, не добычей золота или нефти. Обслуживающие производства, как кукушкины дети, забирают основную часть государственных ассигнований.

Расчеты новосибирцев ясно показали несостоятельность политики автономии северного хозяйства, вскрыли ее органические недостатки. Пожалуй, здесь впервые с математической точностью была сформулирована проблема: строить нужно, но как?

«Анализ структуры народнохозяйственных затрат на освоение природных ресурсов Сибирского Севера недвусмысленно говорит о том, что главные резервы повышения народнохозяйственной эффективности развития производительных сил здесь сосредоточены не столько на снижении себестоимости и удельных капитальных вложений в отрасли специализации, сколько на сокращении всей цепочки сопряженных затрат. Главным путем их сокращения является *рациональное разделение труда* (курсив наш.— *М.А.*) между северными и южными районами Западной и Восточной Сибири и Дальнего Востока» — так пишет крупный сибирский ученый-экономист Б. П. Орлов. Идея использования опорно-тыловых баз Севера (ОТБ) развивалась и находила все больше и больше единомышленников.

Всякое начинание, а тем более такое крупное весьма часто делит ученых на две группы, на два противоположных лагеря. Одни напрочь отвергают предложение, другие же, наоборот, крайне возвеличивают его. Иногда — увы! — идеи гибнут, как говорят, на корню, и вместе с водой из купели выплескивают ребенка. Такая же тривиальная

14-2069



Границы Севера на территории СССР

Границы Севера на территории СССР, определенные различными авторами: 1 — М. Э. Аджиевым, 2 — С. В. Славиным, 3 — В. Ф. Бурхановым. Зоны различной благоприятности природно-климатических компонентов для жизнедеятельности человека (по Е. Б. Лопатиной и др.): 4 — Дальний Север, 5 — Ближний Север

ситуация сложилась и с использованием ОТБ: или все, или ничего.

В чем же суть опорно-тыловых баз? Почему скрестились копья?

«Филиалы» Севера

Рациональное разделение труда предполагает часть непроизводственных затрат вынести за пределы зоны Севера, в южные районы страны, в ОТБ. Вспомогательное хозяйство основных северных производств целесообразно сконцентрировать в городах и поселках Южной Сибири, на Урале, в Приморском крае. Создание южных «филиалов» Севера приносит ряд несомненных преимуществ. Во-первых, в южных и центральных районах практически отсутствуют причины удорожания производства. Во-вторых, здесь можно строить крупные специализированные предприятия, которые будут обслуживать определенный район Севера. Отпадает необходимость, скажем, возводить маленький заводик строительных материалов на Севере — грузы для строек можно завозить централизованно. Не надо будет на прииске организовывать дорогостоящий ремонт машин, а лучше вести его непосредственно на специальном предприятии ОТБ. Есть и много других доводов в пользу ОТБ.

Основное назначение реформы северного хозяйства состоит в том, чтобы максимально «облегчить» баланс главных промышленых отраслей Севера, всемерно снизить затраты очень здесь дорогого живого труда. Взять хотя бы такой пример. Суровая северная природа не щадит технику. Бульдозер на прииске работает обычно сезон-два, а потом — в «капиталку». А капитальный ремонт в «северном исполнении» обходится дороже, чем новый бульдозер, включая расходы на транспортировку. Вот и возникает вопрос, что лучше: ремонтировать машину на месте или привезти новую? Или все же ремонтировать, но централизованно? А строительство? Оно на Севере и очень дорого, и очень продолжительно. Для возведения горнообогатительного комплекса в городе Мирный был запроектирован строительный комбинат, сооружение которого закончилось... почти одновременно со строительством основ-

ного горнодобывающего производства. Возникает вопрос: для чего же огород городили?

В конце концов справедливость восторжествовала, здравый смысл победил: ОТБ получили путевку в жизнь. Но значит ли это, что споры затихли? Скорее наоборот, они приняли еще более жаркий характер.

Почему ОТБ нужно создавать только на юге? И стали приводить трезвые доводы в пользу размещения ОТБ и на Севере. Действительно, расчеты показывают, что в местах концентрированного строительства, когда осваивается большое месторождение полезного ископаемого и осуществляется крупный технический проект создания долгодействующего предприятия, на котором будут заняты многие тысячи рабочих, эффективность южного варианта ОТБ снижается, а северный подчас выглядит предпочтительнее.

В Магадане, например, где уже сложилась достаточно мощная производственно-строительная база, строительство обходится дороже лишь в два — два с половиной раза по сравнению с возведением подобных объектов в Москве. В то время как на приисках Магаданской области такое сравнение уже неправомерно. Конечно, строить на Севере дороговато, а что если... если основные трудовые затраты перенести опять же в ОТБ? Там изготовлять строительные конструкции, а на Севере только монтировать их. Приехала бригада монтажников-строителей и за считанные дни, как из кубиков, собрала жилой дом или кинотеатр.

Если в принципе изменить организацию строительства, то можно в этой области достичь колоссальных результатов. Одно «но»: строительные конструкции должны быть предельно облегченными, чтобы их удобнее и дешевле было перевозить.

Так стали появляться проекты жилых и производственных зданий в северном исполнении, с использованием современных алюминиевых панелей и легких эффективных утеплителей. И само строительство пришлось заменить монтажом зданий и сооружений.

Одними из первых этот эффективный метод использовали в Якутии строители энергопромышленного комплекса в районе города Мирного. Так был быстро построен поселок Чернышевский у Вилюйской ГЭС. Строительные конструкции завозили самолетами и другими видами транспорта из Иркутска. По этой же схеме в предельно короткие сроки было воздвигнуто здание Якутской ГРЭС и ряд других объектов.

В ближайшее время войдет в строй первая очередь цеха алюминиевых панелей в Магадане, завершается строительство подобного завода в Хабаровске и проектируется — в Красноярске. При составлении проектов новых горнодобывающих предприятий Крайнего Севера предусматривается унификация и типизация зданий и сооружений на основе легких алюминиевых конструкций. Но одни алюминиевые панели не решают всех проблем строительства на Севере. Чем могут быть замещены стационарные строительные базы? Ученые и здесь нашли весьма оригинальное решение: передвижными, в том числе плавучими. Работы «бетонного» цикла можно вести с их помощью, а «стеновые» проблемы решать на основе использования алюминиевых или других, более «теплых» панелей — быстро и экономично. Такой способ позволяет по меньшей мере на четверть снизить затраты на строительство. А сколько даст косвенный эффект от досрочной сдачи в эксплуатацию промышленного или жилого объекта?

На Тюменском Севере начали было строить по старинке, но очень скоро жизнь заставила искать новые, современные методы сооружения промышленных и жилых объектов. Здесь уже наметились прогрессивные подходы к размещению баз строительной индустрии как часть стратегии ОТБ.

Новое пробивает себе дорогу!

А только ли «техническую» помощь будут оказывать ОТБ северным поселкам? Нет. Природно-климатические условия позволяют заниматься здесь земледелием, животноводством, то есть развивать продовольственную базу. И не только продовольственную. Ведь будущие сельскохозяйственные угодья целесообразно связать с перерабатывающими отраслями пищевой и мясо-молочной промышленности, а еще лучше — создать агропромышленные комплексы, куда будут входить и предприятия легкой промышленности. И тогда не придется на Севере терпеть убытки от местных производств подобного типа.

Но, как известно, не «хлебом единым» живут северные поселки. Им нужны вузы, техникумы, ПТУ, где могли бы обучаться специалисты для работы на Севере. В ОТБ можно создавать научный, учебный центр опять же «в северном исполнении».

Как же будут выглядеть те предприятия, промышленные объединения и

объекты, которые станут обслуживать опорные тыловые базы? В первом случае — это только не очень большой рудник с комплексом комфортабельных гостиниц; в другом — настоящий город, но, так сказать, специализированный (скажем, только горнообогатительный комбинат или прииск с мастерскими для текущего ремонта техники, а заводы капитального ремонта, стройдеталей, пищевые комбинаты находятся в ОТБ); в третьем — нечто промежуточное между двумя первыми.

Сама стратегия ОТБ дает простор для гибких и разнообразных организационных, экономических, технологических и других решений.

О выгодности ОТБ говорит уже такая цифра. По расчетам Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского академического института, получается: чтобы обеспечить потребности одного человека на Севере, необходимо затратить 25 тыс. руб.! Эти затраты складываются из расходов на строительство дорог, жилья, школ, магазинов — словом, всего того, без чего невозможна жизнь современного человека. Таким образом, даже небольшая экономия в расчете на одного человека может выражаться суммой весьма значительной. А речь идет о тысячах и тысячах людей.

Такова в общих чертах стратегия комплексного освоения просторов Севера, но «стратегические вопросы» решаются в совокупности с тактическими. Новой стратегии нужна новая тактика!

Богатая и неудобная

Известный исследователь Арктики, врач и физиолог Коре Родаль писал: «Главный враг человека в Арктике — это холод... Эффективность деятельности человека вне помещения сильно снижается при температуре 35–40°С ниже нуля. Если человек не имеет специальной одежды и нет приспособлений для борьбы с холодом, то при температуре −50°С он вообще не может находиться и работать длительное время вне помещения».

Холод, суровость климата — вот что определяет организационные формы промышленного освоения Севера Сибири.

Ученые Института географии Сибири и Дальнего Востока Сибирского отделения Академии наук СССР провели медико-географическое районирование Западной Сибири. Результат исследований — карта, на которой выделены природно-географические зоны. А на основе комплексного биоклиматического показателя (это показатель благоприятности природных условий для организма человека) даются характеристики об условиях жизни на территории Тюменской области.

Земли полуостровов Ямал, Гыданский, Явой и Мамонта образуют так называемую Ямало-Гыданскую северную зону. По мнению ученых, она непригодна для постоянной жизни тех, кто приехал сюда из центральных и южных районов страны. На территории этой зоны необходимо создавать искусственную внешнюю среду — поселки с искусственным микроклиматом.

Средняя годовая температура здесь −9°С. Комфортный погодный период практически отсутствует, значит, человек в течение всего года постоянно испытывает «холодное давление Севера», постоянно борется с холодом.

Долгая полярная ночь на полтора — два с половиной месяца изгоняет с неба солнце, наступает царство тьмы. Ураганные ветры гоняют по тундре снег. Зима стоит восемь-девять месяцев.

В январе здесь средняя температура —27°С, а скорость ветра более 8 м в сек. Для сравнения: в западных районах страны при такой погоде не работают школы, простаивают в безмолвии горные карьеры и строительные площадки — жизнь на «свежем воздухе» замирает. Это в январе. Но январь «по-тюменски» мало чем отличается от декабря или февраля. И в ноябре, и в марте погода не лучше. Отопительный сезон в поселках почти круглогодичен.

Понятие «лето» здесь условно. Это время резких перемен погоды, когда светит незаходящее солнце, когда тундра лишь чуть-чуть прикрывает себя скромной растительностью, когда нещадные тучи комаров не дают людям работать, когда вдруг может вернуться зима и пойдет снег.

«Неудобная земля» — так называют Ямало-Гыданскую северную зону при «внешнем» знакомстве. «Богатая земля» — вот как хочется сказать, когда заглядываешь с помощью геологической карты в ее недра. Кладовая топлива и газового конденсата. Только эти два природных ресурса уже заставляют уважительно говорить о студеной ямальской земле. Каким же должно быть хозяйство на неудобной и богатой земле Ямала? Не будем пока спешить с ответом, продолжим географический анализ «Страны Тюмении».

Затраты на создание здесь наилучших условий жизни в 5—6 и более раз

выше по сравнению с аналогичными затратами в центральных районах страны. В первую очередь это объясняется необходимостью строительства специальных, «непродуваемых» — приспособленных к ураганным ветрам и низким температурам — зданий.

Южные районы зоны уже обжиты, хотя показатель заселенности мизерный: менее двух человек на 10 км — почти как в пустыне Сахара. Численность населения выросла в основном только за последние годы. Акклиматизация пришлого населения протекает трудно. Вероятно, поэтому резко проявляются нежелательные социологические явления: велика текучесть кадров на газовых промыслах. «В очагах освоения необходимо создавать поселения, специально рассчитанные для жизни в экстремальных условиях». К таким выводам пришли сибирские ученые.

Вторая зона, Надымо-Тазовская, расположена в бассейне рек Надыма, Пура и Таза. Карта природы этой зоны мозаична. На огромном полотне болот голубыми мазками вкраплены озера, зелеными — тайга. Плотность населения также ничтожна. Коренные жители — ненцы, ханты, манси, селькупы, эвенки — занимаются охотой, рыбной ловлей, оленеводством. Рабочие, техники, инженеры из центральных районов страны ведут разведку и добычу газа и нефти.

Природные условия здесь мягче, чем в северных районах, продолжительность комфортного периода 30—50 дней в году. Однако жители центральных и южных районов могут находиться на надымо-тазовской земле только пять — десять лет. Нужно «сменное» население — к такому выводу пришли ученые. Только районы, расположенные к югу от Надымо-Тазовской зоны, вполне пригодны для постоянного заселения.

Вахта! Вахта?

Как быть человеку с его потребностями и его возможностями? С одной стороны, народное хозяйство ощущает постоянную потребность в нефти, нефтепродуктах, энергетическом топливе. С другой — суровые природные условия Севера препятствуют проникновению к промерзшим кладовым «Страны Тюменнн».

«Решать проблему освоения природных богатств, сосредоточенных на территории Западной Сибири, существующей техникой и традиционными методами ведения хозяйства... экономически не оправдано. Это потребует очень крупных дополнительных капитальных вложений и значительно снизит эффективность развития нефтедобывающей, газовой и других отраслей промышленности». Так писал еще пять лет назад Д. В. Белоусов, знаток экономики Западной Сибири.

Старые организационные решения при освоении территории не подходили, а новых рекомендаций у науки не было.

Как быть?

Экономико-математические методы, предложенные Институтом экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук, помогли создать всю картину, всю совокупность условий жизни на Севере. Это связано с идеей опорно-тыловых баз.

Ученые, причастные к организации промышленного освоения Севера и Западной Сибири, стали искать аналоги работы в сибирских своеобразных, а порой даже в экстремальных условиях. Аналоги нашлись. Это труд геологов, которые многие месяцы живут в палатках среди безлюдной тайги и молчаливых гор. Это труд моряков, которые уходят в дальние плавания. Это, наконец, вахтенная система организации труда на морском промысле «Нефтяные Камни» в Азербайджане.

Что объединяет труд геологов, моряков, нефтяников? Прежде всего удаленность работы от места постоянного жительства. Люди уезжают на работу на долгое время, потом возвращаются в семью, которая живет в благоустроенной квартире, в современном городе.

Что если попробовать такую же систему организации труда и при освоении северных районов Тюменской области, где создание постоянных поселков и дорого, и нежелательно? В дискомфортных природных условиях люди будут только трудиться, приезжая сюда на ограниченное время. Детей, семей здесь быть не должно. Идея показалась заманчивой. Все вдруг заговорили об экспедиционно-вахтенном методе освоения. Причем одни расхваливали его, другие не оставляли от него камня на камне.

В чем же суть дискуссии? Ее хорошо сформулировал Ф. В. Дьяконов, один из ведущих ученых Совета по изучению производительных сил при Госплане СССР: «Проблема создания вахтенных жилых комплексов в газоносных районах Тюменской области включает ряд более общих проблем.

относящихся к характеру хозяйственного освоения Севера вообще. Без ясного сознания того, зачем мы идем туда,— то ли только взять данный ресурс и уйти оттуда, то ли осуществить планомерное исследование и освоение необходимых народному хозяйству ресурсов как в данный период, так и в перспективе,— невозможно решить ни один конкретный вопрос хозяйственного строительства на Севере».

Цифры статистики точно характеризуют все нарастающий поток государственных ассигнований для хозяйства Севера. С 1917 по 1941 г. в народное хозяйство северных территорий было вложено около 2 млрд. руб. К 1960 г. эта сумма увеличилась почти в 7 раз, к 1970 г.— в 15, к 1975 г.— более чем в 20 раз! Иными словами, сейчас на Севере осваивают капитальных вложений за год почти в 4 раза больше, чем когда-то за 20. Намечается и дальнейший рост этих цифр.

Вот почему очень важно для ученых дать наилучшие рекомендации, как организовать освоение северных территорий. Вот почему вновь и вновь возникают дискуссии об экспедиционном и вахтенном методах освоения как наиболее дешевых, быстрых и экономичных.

Проблем много. И первая: «З а ч е м м ы и д е м т у д а?» Не совсем ясно, как ответить «за весь Север», но за Север Тюменской области нужно отвечать: чтобы взять и уйти. Для постоянной жизни пришлого населения территория явно не приспособлена, строительство здесь очень дорого, природные ресурсы, хоть и большие, все же ограниченные. И тем не менее брать их надо!

Итак, вахтенный метод. В чем его суть? На северных промыслах вместо строительства постоянных, почти обычных, городов и поселков предполагают создавать специальные, вахтенные, поселки гостиничного типа, где живут только работающие, а семьи постоянно живут в ОТБ — опорно-тыловых базах, расположенных там, где климат благоприятен. Трудовая вахта на Севере продолжается для каждой бригады, например, 20 дней, месяц. После этого рабочие возвращаются на двухнедельный отдых к семьям. Их место на промысле занимает сменная бригада.

Лучшее средство доставки людей — авиация.

Преимущества вахтенного метода очевидны. Это и быстрый ввод в эксплуатацию месторождений, и сокращение дорогого жилищного строительства на Севере, и снижение затрат общественного труда.

Но есть и недостатки, которые тоже надо брать в расчет: для поддержания регулярного авиационного сообщения между вахтенным поселком и ОТБ потребуются дополнительные и весьма крупные затраты на самолеты и строительство аэродромов. Кроме того, экономия на жилищном северном строительстве значительно «съедается» в ОТБ, потому что один рабочий должен иметь две жилплощади — «дешевую» дома и «дорогую» у рабочего места. Авиационный транспорт удобен, быстр, но дорог и нестабилен: очень уж зависит от капризов погоды. Значит, для нормальной работы промысла авиацию нужно дублировать наземным транспортом, пусть не быстрым, но зато надежным.

Кроме того, важен социальный аспект вахтенного метода. Как будут переносить семьи длительное отсутствие главы семьи? Какие проблемы могут возникнуть в «малом коллективе» вахты, изолированном, оторванном от семьи, от крупных населенных мест?

«Теоретические» ответы на эти вопросы получены, однако экспериментальных данных пока еще явно недостаточно, чтобы широко рекомендовать новую, вахтенную, форму освоения Севера. Экспедиционный метод — это по существу тот же вахтенный, но вахта здесь долгая, тянется месяцами. Иногда три месяца, может — и восемь.

При освоении нефтяных месторождений Аляски вахтенный метод получил достаточно широкое применение. Одна фирма, например, организовала вахтенным методом разведочное бурение и освоение месторождения Прюдхобей с продолжительностью рабочей смены в 6 недель. 6 недель нефтяники живут в благоустроенных гостиницах промысла, рабочий день продолжается 12 часов в сутки, выходных нет. Самолет компании привозит новую буровую бригаду и увозит на двухнедельный отдых отбывших свою долгую трудовую вахту.

Нефтяные промыслы, разбросанные в «океане» тундры, связаны с «сушей» только самолетами. По воздуху доставляют и оборудование, и механизмы, и продукты питания.

Вахтенный метод свою неповторимую, тюменскую окраску принял и в нашей стране. Некоторые нефтяные и газовые промыслы Западной Сибири практикуют новую форму организации работ. Однако делают это пока еще нерешительно, робко. Вероятно, не следует бояться хозяйственных экспериментов, нужно смелее искать новую технологию освоения Севера.

А где быть самим ОТБ?

Идея вахт дала пищу для размышления и архитекторам-градостроителям. Какие должны быть вахтенные поселки-гостиницы? Где нужно размещать опорно-тыловые базы?

Ленинградские градостроители предложили две формы расселения: тыловые базы на Севере и за его пределами. Причем каждый из вариантов имеет свои подварианты со своими преимуществами и недостатками.

Что такое тыловые базы на Севере? По мнению архитекторов, это города типа Норильска, Магадана, Якутска — благоустроенные и крупные, приспособленные к суровой природе. В Западносибирской тундре такими норильсками и магаданами могут стать Надым и Уренгой, Тазовский и Тарко-Сале.

Это опорные города, где вместо утренних и вечерних часов «пик» появляются «пиковые» субботы, когда рокот приближающихся самолетов с рабочими бригадами на борту вызывает заметное оживление городского транспорта. В аэропорт направляются автобусы, чтобы развезти по домам «летающих» жителей.

Северные города-базы удобны тем, что позволяют включить в транспортный оборот малую авиацию: вертолеты, одномоторные самолеты. Сокращается время доставки бригад на промыслы, удешевляются перевозки. С точки зрения медиков, такая форма расселения удобна тем, что исключает резкую смену климата для рабочих: человек все время пребывает в северной местности, постепенно акклиматизируется. Кроме того, крупные поселки городского типа частично нейтрализуют также и воздействие на психику человека однообразной природы со скудной растительностью, ощущение оторванности от внешнего мира.

Однако все же ОТБ на Севере имеют недостатки: чрезмерно дорогое содержание «летающего» города-базы, высокие эксплуатационные расходы на содержание зданий, городских сооружений, удорожание сферы обслуживания.

Другая система расселения — «базы вне Севера». Города, удаленные от производства на 500—1000 км, размещаются южнее, в лучших природных условиях, где и строительство дешевле, и не столь высокие эксплуатационные расходы. Тюмень, Тобольск, города Урала могут стать базовыми для нефтяников и работников газовых промыслов Западной Сибири.

Однако и здесь возникают поблемы. Современные крупные транспортные самолеты требуют хорошо оборудованных аэропортов. Строительство их на Севере очень дорого. Необходимо дублировать авиацию другими транспортными средствами, но расходы еще больше возрастут. Непостоянство погоды вносит свои коррективы в расписание движения воздушного транспорта. Северяне очень хорошо знают, как тоскливо сидеть сутками в аэропорту в ожидании погоды.

Самолетостроители надеются создать «всепогодные» летательные аппараты с вертикальным взлетом и посадкой. Но когда это будет? Такие транспортные средства нужны уже сейчас.

Медики возражают против частой смены климата: две-три недели в холодной среде, неделю — в умеренной.

Вместо послесловия

Думается, что делать всякие выводы или давать рекомендации по поводу того хороша или плоха новая технология освоения Севера, рано. Нужно более тщательное, комплексное экспериментальное исследование, на основе которого и строить прогноз развития народного хозяйства на Севере. Вот что говорит об этом доктор географических наук Г. А. Агранат: «Решение проблемы сегодняшнего дня или хорошо видимого будущего затрудняется и тем, что экономическая наука не нашла еще достаточно надежных способов полного обсчета эффективности крупных долговременных народнохозяйственных мероприятий и количественного определения критериев оптимальности экономического развития; она пока не нашла строго научные способы соизмерения интересов страны, отраслей в целом, с одной стороны, и интересов отдельных регионов — с другой».

Есть ли другие пути решения проблемы освоения Севера? Вероятно, есть. И главное направление здесь видится в максимальной механизации и автоматизации производственных процессов.

Автоматизированный промысел с минимальным обслуживающим персоналом. Он может существенно снизить затраты очень дорогого на Севере живого труда, он может существенным образом изменить весь облик, всю технологию северного производства.

Мурад Аджиев

НАША
КРАСНАЯ
КНИГА

Хохуля

Есть животные, вид которых привычен нам с детства, и первая встреча в лесу с лосем или оленем, лисой или зайцем не будет неожиданной и удивительной. Даже в их движениях и повадках можно найти знакомые по книгам и рисункам черты. Но животный мир нашей необъятной страны очень богат. Многие звери и птицы малоизвестны. Кто знает хотя бы внешний вид горала и джейрана, гепарда н каракала, манула и медоеда? А ведь эти и многие другие животные находятся сейчас под угрозой исчезновения и занесены в «Красную книгу» СССР. К исчезающим обитателям нашей Земли относится и русская выхухоль — один из ценнейших реликтов, чья родословная началась более 20 миллионов лет назад, во времена мамонтов и саблезубых тигров.

Не столь давно по историческим масштабам, в XVI веке, этот удивительный зверек был обычен в подмосковных водоемах. Обо всем этом я размышлял на пути от Москвы до Хоперского заповедника, где по заданию отдела заповедников Главприроды Минсельхоза СССР нужно было сделать несколько фотографий, характеризующих облик и условия жизни одного из наиболее редких теперь представителей животного мира. Ведь выхухоль обитает только в двух местах земного шара: на юге Франции, в Пиренеях, сохранилась крохотная, величиной с мышь, пиренейская выхухоль, а большая, или русская выхухоль, встречается лишь в Европейской части СССР.

Не так давно выхухоль была объектом пушной торговли России. В 1913 году на Нижегородскую ярмарку привезли более 50 тысяч ее шкурок. Но вскоре хищническая добыча этого ценного зверька с прочным и бархатистым мехом привела к повсеместному сокращению его численности.

Примеров подобного рода столь много, что увещевать людей, для которых нажива и выгода составляют смысл жизни, кажется бессмысленным. Правда, спасение соболя и бобра, зубра и сайгака свидетельствует об огромных возможностях разумных мер охраны животного мира, но судьба очень многих зверей и птиц, в частности выхухоли, продолжает вызывать тревогу.

Лишь несколько небольших участков в поймах Волги, Дона, Урала и их притоков занимает сейчас выхухоль, и всюду ее численность продолжает снижаться. Эта цифра составляет ориентировочно 70—85 тысяч, то есть менее половины по сравнению с данными 1953/54 года. Вымирание какого-либо вида животных — явление драматичное, оно не может не вызвать чувства горечи от невосполнимости потерн.

Хоперский государственный заповедник — одно из последних прибежищ зверька. Осенний лес с облетевшей листвой молчалив и задумчив, а на озерах уже встал тонкий ледок. С охотоведом Александром Ермаковым мы идем осматривать владения выхухоли — для питомника нужно отловить несколько хохуль, как чаще называли выхухоль на Руси. Это поможет выяснить новые подробности ее скрытной и полной загадок жизни. Мой спутник — один из влюбленных в свое дело и родную природу энтузиастов. Легкий шорох сухих листьев под ногами, обычно причиняющий столько хлопот фотографу-натуралисту, на этот раз звучит как приятная лесная музыка — кроме хохули, не думается ни о чем.

Поздней осенью обнаружить нору выхухоли, пожалуй, легче всего: дорожка из прилипших ко льду пузырьков воздуха, выделяющегося из густого меха плывущего под водой зверька, ясно указывает на маршруты его передвижения. Свою нору выхухоль устраивает на берегу заросших речных заводей, стариц и пойменных озер. Входное отверстие диаметром в 10 сантиметров и более находится под водой, с таким расчетом, чтобы толстый зимний лед не закрыл его, а уютная гнездовая камера

располагается на 20—30 см выше летнего уровня воды. Для подстилки используются гнилые корешки и стебли водных растений, опавшие, почерневшие листья. В этом гнезде выхухоль выращивает своих детенышей, которых бывает от одного до пяти, чаще двачетыре. Животное способно размножаться в течение круглого года, но больше всего беременных самок наблюдается весной после разлива и осенью. Через 45—50 дней появляются слепые и голые малыши, в возрасте около двух месяцев они становятся самостоятельными.

Образ жизни выхухоли изучен далеко не так полно, как хотелось бы людям, заинтересованным в сохранении вида. Она задает весьма много загадок пытливому исследователю. Питание и подробности размножения, суточный режим и реакция на изменения, производимые в природе человеком,— все это нужно еще серьезно изучать.

Настроившись на встречу с диковинным зверьком, уже не обращаешь внимания ни на стаи уток, готовящихся к отлету, ни на грациозного оленя, промелькнувшего темным пятном среди голых лесных веток. Так бывает часто: стремясь к чему-то необычному, проходишь мимо того, что кажется обыденным, но на самом деле таит в себе волнующие тайны.

На озерах нас встретила та особая тишина, которая бывает только в опустевшем осеннем лесу. Маленький, но сложный мирок небольшого озерка не очень охотно принимает непрошеных гостей. Как часто встречаешь людей, совершенно искренне думающих, что их «выход на природу» не нарушает ее размеренной жизни! Не видя зверей и птиц, они уверены, что никого не напугали, пройдя по берегу, не думают о том, что их тяжелая поступь разрушила маленькую квартирку какого-нибудь крошечного ее владельца. Мой опытный спутник попросил меня идти выше по берегу: здесь буквально на каждом шагу может находиться невидимое неопытному глазу семейство хохулей. Способ ловли оказывается весьма несложным, но... тот самый ледок, который помогает обнаружить маршруты подводных путешествий зверька, заставляет нередко померзнуть при установке перед входным отверстием в нору небольшого самодельного вентерька. В ледяной воде пальцы быстро коченеют, поэтому, обнаружив норку, действуем не мешкая. Один, спускаясь зигзагами вниз по склону берега и топая тяжелыми сапогами, пытается напугать затаив-

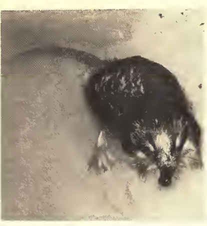
Выхухоль — уникальный реликтовый вид, занесенный в «Красную книгу» редких и исчезающих зверей и птиц СССР

шегося зверька, который, покинув насиженную гнездовую камеру и выплывая по заполненному водой лазу, должен неминуемо попасть в ловушку.

Александр руководит моими действиями, так как, увлекшись, можно проломить непрочный потолок подземной квартиры. Проходя мимо нескольких озер, где подход к воде был легче, мы заметили перепаханные копытами домашнего скота и кабанов целые участки берега. Видно, плохо пришлось беззащитным хохулям от такого нашествия...

Одна семья выхухолей делает по нескольку нор, и прежде чем радостная улыбка удачливого зверолова появилась на лице моего спутника, прошел не один час. И вот передо мной один из древнейших жителей Земли, чью особу без должного почтения приходится держать за хвост во избежание болезненных укусов.

Похожая на большую землеройку или даже крысу, около 20 см длины, с чешуйчатым хвостом, сплюснутым с боков, широкими плавательными перепонками между пальцами и вытянутым подвижным хоботком, выхухоль представляется совершенно необычным для нашего глаза существом, весьма отдаленно напоминающим своих гораздо более известных родственников из отряда насекомоядных — ежа и крота. Но водный образ жизни наложил существенный отпечаток на ее облик. Выхухоль



Водный образ жнзни хохулн наложил существенный отпечаток на внешний вид зверька

Пойма реки Хопер — одно из немногочисленных мест обитания русской выхухоли

великолепио плавает и ныряет, проводя под водой до двух и более минут. Зрение у хохули развито слабо — глазки маленькие, подслеповатые, как у крота, зато осязание благодаря длинному чувствительиому хоботку позволяет отыскивать медленно движущихся по дну моллюсков, пиявок, лнчинок насекомых. Идут в пищу и корин водиых растений. Окраска меха буровато-серая с кажущимся преобладанием холодиых или теплых тонов в зависимости от освещения, иа брюшке шерсть гораздо светлее. У осиования хвоста расположеиы железы, выделяющне сильно пахнущнй мускус для мечення своих владеиий и смазывания меха, чтобы тот ие иамокал. В прежние времеиа пахучие хвосты выхухолей сушили и клали в шкафы с одеждой.

Сунув отчаяиио извивающегося зверька в рюкзак, который обериули теплой курткой, мы поспешили в питомиик. В этот день ударил легкий морозец, а выхухоль простужается чрезвычайно легко. Несколько дуиовений холодиого ветра могут быть губнтельиыми, иесмотря иа пушистую и теплую шубку. Выпустив плеиника в бассейи питомника и дав ему возможиость поплавать, мы внимательио наблюдали за ннм. Даже моему иеопытиому глазу стали заметны измеиения в облике поймaниой иамн хохули. Оказывается, в первое время после понмкн пушистая и иеиамокающая шерстка здоровых в естественых условиях зверьков иеизменио становится мокрой и слипшейся. И лншь прн хорошем уходе красивый вид зверька начннает восстаиавливаться. Чтобы не пугать взволнованиого малыша и дать возможиость ему успокоиться, мы ушли...

Вечером, переживая приключення прошедшего дня, я с волиеиием слушал своего спутника, чье искрениее иамерение посвятить свою дальнейшую деятельность спасению одиого нз цеииейших представителей нашего животиого мира ие может не вызвать глубокого сочувствня.

Какие же опасиости грозят выхухоли? Ученые устаиовили, что наиболее губительиы для иее ловля рыбы ставными сетями, нзменение водиого режима водоемов, вызваниое распашкой поймеиных земель и уничтожеиием прибрежных лесов и кустарников, загрязнение воды, выпас скота по берегам заселенных выхухолью рек н озер, распространение сильиой и агрессивной ондатры, которая выгоняет хохуль из их иор.

Но еще ие поздно принять спасительные меры. Хоперский заповедник, считающийся специально выхухолевым, — осиовиой центр изучеиня и охраиы зверька. По мненню ведущих советских зоологов, необходимо организовать иовые выхухолевые заповедники на реках Клязьме, Урале и в Западиой

Дорожка из воздушных пузырьков показывает маршруты передвижения зверька подо льдом

Сибири. Нужно попытаться акклиматизировать хохулю в новых, пригодных для ее обитания районах. Успешно прошли опыты расселения выхухоли в Горьковской области и Западной Сибири.

Хозяйственные мероприятия в местах обитания выхухоли должны проводиться при участии специалистов-экологов. Надо использовать все возможности для сохранения этого уникального реликтового вида, и объединенные усилия многих людей должны помочь защитить выхухоль от многочисленных грозящих ей опасностей.

Следующее утро выдалось ясным. На лесных безветренных полянах было тепло и уютно под солнечными лучами. Поймать хохулю удалось довольно быстро. За несколько минут, чтобы не простудить зверька, надо было сделать портретные снимки на редкость вертлявого и беспокойного существа, цепко хватающегося за одежду своими коготками и не желающего замереть хоть на один миг. Не более полукилограмма весит хохуля, но постоять за себя может, и справиться, не причинив вреда, с этим маленьким комком мышц оказывается совсем непросто. Когда работа закончилась, мы обнаружили, что на поляне там и сям валялись куртки и свитера, шапки и рукавицы — столь жаркую работу задал нам этот малыш. От награды в виде горсти собранных прудовиков он отказался, видимо желая как можно скорее расстаться с назойливыми нарушителями его покоя. Получив на память небольшую металлическую метку, пленник был торжественно выпущен в родную стихию...

Хочется надеяться, что его дальнейшая жизнь не будет омрачена необдуманным вмешательством человека, и потомки его будут плескаться в водах наших рек и озер.

Евгений Арбузов

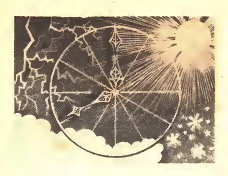
Коротко о разном

Холодная река в океане

Американское исследовательское судно «Герман Мелвилл» открыло новое холодное течение, идущее от берегов Антарктиды в Тихий океан. Ширина этой морской «реки» — 2000 км. По мнению океанографов, течение совершенно не подчиняется сезонным колебаниям и активно влияет на температуру воды и воздуха на огромной площади океана.

Сколько лет бумерангу?

Самый старый бумеранг — так можно охарактеризовать находку, совсем недавно сделанную на дне торфяного болота в Южной Австралии. Рабочие нашли там не только окаменевший бумеранг, но и обломки дротиков, наконечники стрел. Радиоуглеродным методом определили, что этим орудиям охоты древних австралийцев около 15 тыс. лет.



Циркуляционные и климатические эпохи в XX столетии

Ученые всего мира признают неустойчивость современного климата. Горячо обсуждается, чем вызваны его изменения и какова их направленность: к похолоданию или потеплению, к учащению или ослаблению резких погодных изменений. Одно за другим появляются сообщения о «капризах» и «сюрпризах» погоды. История климата свидетельствует, что подобные события наблюдались несколько десятилетий или столетие назад. Подчас они вообще не встречались за период инструментальных наблюдений и находят себе аналоги в летописных записях.

В подробном освещении этих явлений большую роль играют современные средства информации о погоде самых разных широт. Но есть и более веская причина возросшего внимания к проблемам погоды и климата. Неожиданности погоды затрагивают жизненные интересы миллионов людей, наносят колоссальный ущерб народному хозяйству. Малозаметные изменения атмосферной циркуляции, десятые доли градуса температуры воздуха означают на деле миллионы тонн зерна, миллиарды денежных единиц. Один из крупных советских климатологов — М. И. Будыко, касаясь этих особенностей климата, заметил, что существование человечества зависит от малых разностей климатических изменений.

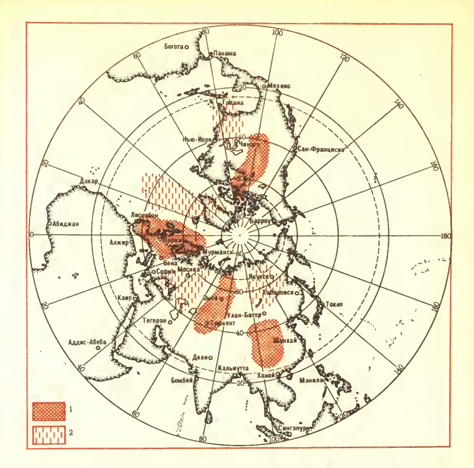
Возьмем события последних лет. За рядом теплых, неустойчивых зим 40-х и 50-х годов все чаще нас посещают суровые зимы. Такой была зима 1971/72 г. на Европейской территории СССР. Зима 1975/76 г. оказалась не менее удивительной. Страницы газет пестрели заголовками сенсационного характера, например «Во льдах... Черного моря», «Арктика... на юге», «Ледокол на Черном море» и др. Пожалуй, на памяти наших современников не было другого случая, чтобы температура воздуха вблизи Сочи и Батуми держалась на уровне 8—10°С ниже нуля несколько дней подряд. Воды Черного моря у берегов Одессы, в Керченском проливе напоминали Ледовитый океан. В эти дни льдом сковало почти два десятка миль прибрежных вод. Громоздились торосы двух-трехметровой толщины.

Жестокая засуха на территории Восточной и Западной Европы отмечалась в 1972, 1975 и 1976 гг. Лето 1972 г. в Подмосковье было самым жарким за все 93 года наблюдений. До этого рекорд сохранялся за летом 1938 г. Необычайно жарко было и на Севере. В Мурманской области впервые за 91 год наблюдений температура в июле превысила норму на 12,4°С. То же наблюдается и в южных районах. В Ростове-на-Дону первый раз за 80 лет температура в июне была выше нормы на 4,5°С.

Все это вызвало понижение уровня рек, многочисленые пожары, охватившие большие площади в лесной зоне.

В Западной Европе на протяжении столетия не знали такого засушливого лета, как в 1976 г. Высокая температура воздуха долго сохранялась на территории Англии, Франции, Бельгии, Западной Германии и других стран. Сильно понизился уровень Темзы, Сены, Рейна и других рек, горели леса. И в то же время на территории Европейской части СССР стояла дождливая погода. Для лета 1976 г. в северном полушарии вообще было характерно сохранение устойчивой локализации определенных погодных условий в большей части умеренных широт. Можно считать, что необычайным было лето не только в Западной и Восточной Европе, но и в других крупных областях земного шара. Напомним об опустошительной засухе в Сахеле (зона полупустынь и саванн к югу от Сахары). Она продолжалась не один год, а целых шесть лет подряд. Оказывается, эти районы составляют лишь часть территории, охваченной засушливой погодой. Эта зона протянулась через Ближний Восток, Южную Азию до Северного Китая. Но и последний район не избежал такой участи: в 1977 г. засуха охватила и эту часть Азии. Американский континент тоже не остался в стороне: пострадал от засухи ряд районов, особенно Средний Запад США (см. карту на с. 397).

Не менее тревожная ситуация скла-



Области положительных (1) и отрицательных (2) аномалий температуры воздуха, сохранявшихся в июне, июле и августе 1976 г.

дывается в последние десятилетия на Крайнем Севере. Значительное похолодание наблюдается в районе Карского моря и в северо-западной Гренландии. С каждым годом ухудшаются ледовые условия, кромка льда смещается к югу, замедлился дрейф льда в Северном Ледовитом океане. Площадь льдов за последние 25—30 лет увеличилась на 700—800 тыс. км^2, а размеры полярной шапки приблизились к тем, что отмечались в начале века.

Можно было бы продолжить перечень таких явлений, которые на первый взгляд носят случайный характер и, казалось бы, не связаны между собой. Но все они свидетельствуют как о крайней неустойчивости погоды последних десятилетий, так и о локальном характере ее проявления в сложной глобальной метеорологической системе. Однако напомним, что резкие изменения погоды в отдельные годы еще не говорят об определенной тенденции к изменению климата. Климат — это совокупность погодных условий за длительный период в данной области земного шара. В отличие от погоды климат характеризуется устойчивостью. Обнаружить колебания климата можно, только сравнивая его характеристики за относительно большие отрезки времени.

Взаимосвязь погодных и климатических изменений обнаруживается далеко не сразу. Оценить такое событие XX в., как потепление Арктики, стало возможным, например, с позиций гло-

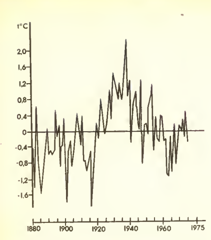


Схема 1. **Многолетний ход средних годовых аномалий температуры воздуха в широтной зоне 87,5°—72,5° с.ш.**

бального климата лишь в 50-е годы. Каллендер, Виллет и Митчелл рассчитали средние годовые температуры воздуха и сравнили их значения за периоды 1890—1920 и 1920—1950 гг. Температура возросла в среднем для земного шара на 0,21°С. Различия оказались больше для зимнего сезона, чем для летнего. Мировой масштаб потепления не вызывал сомнений.

В связи с этим и потепление Арктики предстало не как локальное, а как наиболее яркое проявление глобального потепления. Позднее, вслед за весьма ощутимым потеплением в Арктическом бассейне, стали поступать сведения о направленных изменениях в развитии других процессов. Это касалось отступления ледников, удлинения вегетационного периода в среднем на две недели, увеличения сумм температур в высоких широтах и, как следствие, учащения лет с высокими урожаями в северных странах и пониженными в южных.

Ученые пришли к выводу, что человечество в первой половине XX столетия находилось в самых благоприятных климатических условиях за последнее тысячелетие. А данные последних десятилетий дают основаине полагать, что мировой климат возвращается в свое более типичное, но менее благоприятное для людей состояние.

Обратимся к схеме 1. Здесь представлена многолетняя динамика средних годовых аномалий температуры воздуха за период с 1880 по 1975 г., рассчитанных для широтной зоны 87,5—72,5° с.ш. Заметим, что подобные расчеты выполнены за все годы и месяцы 95-летнего периода наблюдений для 14 широтных зон, охватывающих площадь всего северного полушария. Их осуществили с помощью ЭВМ ученые крупнейших центров по изучению погоды и климата — Гидрометцентра СССР, Главной геофизической обсерватории и Государственного гидрологического института. Значение их чрезвычайно велико. Обобщенные таким путем данные позволяют констатировать, что в многолетнем изменении температуры воздуха — этой важной характеристики климата — четко выделяются два периода. Первый характеризуется достаточно равномерным, устойчивым повышением температуры, второй — ее понижением. Перелом в смене направления этих изменений наступил в 30-е годы текущего столетия. В 50-е и 60-е годы температура существенно понизилась по сравнению с периодом максимального потепления, но в то же время она еще не достигла своего исходного уровня, относящегося к концу XIX в. Характер изменений в природной среде все эти годы свидетельствовал о дальнейшем похолодании климата. Но такая тенденция была поколеблена неожиданно последовавшими начиная с 1970 г. годами с положительной аномалией температуры воздуха. Эти несколько точек на почти вековой кривой температуры воздуха оказались столь неожиданными, что вызвали горячий спор и широко дискутируются. И это понятно, если учесть, что изменения средних годовых температур воздуха на 1—2° вызывают ощутимые колебания баланса мировых запасов продовольствия.

С чем же связаны изменения погоды и климата и может ли сегодняшняя наука объяснить их? Климат Земли — это, образно говоря, результат работы гигантской тепловой машины. Основным источником тепла, обеспечивающим относительное постоянство климата нашей планеты, служит энергия Солнца. На каждый квадратный сантиметр верхней границы земной атмосферы от Солнца поступает 1,98 кал в мин. Эта величина называется солнечной постоянной. В день зимнего солнцестояния (22 декабря) в северном полушарии приток прямой солнечной радиации к поверхности Земли на экваторе составляет 0,164 кал/см^2 в мин., а на Северном полюсе практически равен нулю (0,001 кал/см^2 в мин.), в день летнего солнцестояния (21 июня) соответственно — 0,144 и 0,133 кал/см^2 в

мин. Экватор и два тропических пояса получают большую часть солнечной энергии и представляют собой источники тепла, а высокоширотные ледяные шапки в северном и южном полушариях, наоборот, стоки тепла. Эти контрасты и определяют междуширотный теплообмен. Как следует из приведенных выше цифр, температура в зоне источника тепла в течение года изменяется мало, а в зонах стока — очень резко от зимы к лету, и наоборот. Особенно интенсивная отдача энергии в областях стока происходит в период полярной ночи. Это приводит к сильному выхолаживанию полярной атмосферы, увеличению разности температур экватор — полюс и, как следствие, к наиболее заметной динамике процессов в этих широтах.

Если бы Земля была однородной и неподвижной, то разность температур экватор — полюс определяла бы самую простую модель циркуляции атмосферы: лишнее тепло от экватора переносилось бы воздушными потоками к полюсам наверху и от полюсов к экватору у поверхности земли. В атмосфере существовало бы одно кольцо циркуляции с меридиональным направлением переноса тепла. Но наша Земля, во-первых, вращается, а во-вторых, имеет океаны и материки, т. е. поверхности с разными свойствами аккумуляции и отдачи тепла. Именно это определяет возникновение разностей температур океан — континент. По мнению ученых, при существующей скорости вращения Земли роль разностей температур экватор — полюс и океан — континент оказывается равнозначной в механизме общей циркуляции атмосферы и формировании климатов.

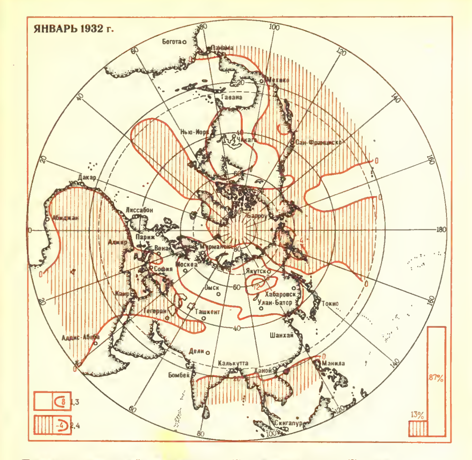
Вращение Земли усложняет простую схему циркуляции, расчленяя ее у поверхности планеты на три циркуляционные зоны с преобладанием восточной циркуляции (пассатной) в тропиках, западной — в умеренных широтах и восточной — в высоких. Только по одной этой причине, как видно, продвижение воздуха к полюсам приобретает более сложные формы. Воздействие океанов и материков, выступающих попеременно в роли источников и стоков тепла в зависимости от сезона года, еще более усложняет процесс переноса тепла и влаги из теплых областей в холодные.

В умеренных широтах, где в нижней тропосфере преобладают западные ветры, теплообмен осуществляется гигантскими вихрями-циклонами (области пониженного давления) и антициклонами (области повышенного давления). Они возникают при сближении воздушных масс: теплых, двигающихся из южных широт, и холодных — из северных. Зоны столкновения контрастных потоков воздуха называются фронтами. Крупномасштабные атмосферные вихри-циклоны могут достигать в диаметре 2—3 тыс. км, а скорость перемещения — до 30—50 км/час. Умеренные широты с их гигантскими вихрями представляют как бы арену непрерывной борьбы двух сил — холодных масс, рожденных в полярных районах, и теплых — в тропических широтах. Это взаимодействие выражается в крайней неустойчивости географического положения фронтов.

При такой схематизации крупномасштабных атмосферных процессов выделяются два их типа: зональный и меридиональный. Первый характеризуется разобщением полярных (холодных) и тропических (теплых) областей зоной переноса воздуха с запада на восток и более широтным положением фронтальных разделов. В этом же направлении перемещаются циклоны и антициклоны. Равноправен и другой тип циркуляции — меридиональный. Он характеризуется сильной деформацией западного переноса в умеренных широтах, расположением фронтальных зон в более меридиональном направлении, перемещением барических образований по траекториям, близким к направлению меридиана. Такой характер переноса способствует более глубокому, чем при зональном типе, проникновению теплых масс воздуха в высокие широты и холодных — в низкие.

Сам характер крупномасштабного переноса тепла показывает, что и необычные погодные условия, и резкая их смена, как и вся история климата, неразрывно связаны с развитием общей циркуляции атмосферы. Однако к такой оценке роли атмосферной циркуляции пришли много позднее, а вначале стояла задача найти методы характеристики и систематизации циркуляционных процессов в северном полушарии.

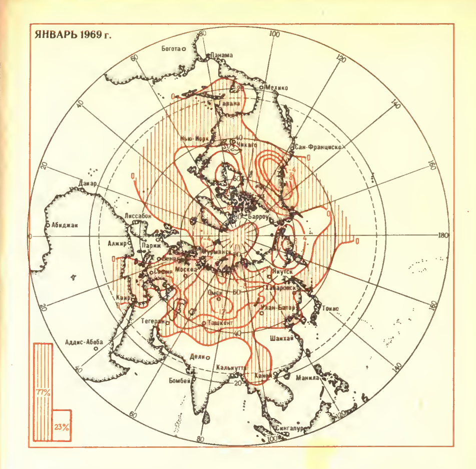
Большому научному открытию в этом отношении положили начало исследования первой дрейфующей станции «Северный полюс» в 1937 г. С тех пор прошел не один десяток лет. За первой станцией «СП» последовало немало аналогичных дрейфующих станций. Несмотря на совершенствование методов исследований, они до сих пор остаются незаменимыми лабораториями изучения условий суровой Арктики.



Продолжительность действия зональных (1) и меридиональных (2) типов циркуляции; области с положительными (3) и отрицательными (4) аномалиями температуры воздуха в северном полушарии (в 1932 и 1969 г.)

Дрейф «СП-1» обеспечивался регулярно прогнозами погоды, которые приходилось составлять по данным довольно редкой сети метеорологических станций. Наблюдения этой первой дрейфующей станции совпали с временем максимального потепления Арктики, и науке были предоставлены сведения о погоде из самых глубин Полярного бассейна. Новые материалы позволили коренным образом изменить существовавшие до того времени представления о циркуляции атмосферы в этом бассейне как постоянной области повышенного давления — Полярного антициклона. Был развеян миф о недосягаемости циклонами Северного полюса. Проф. Б. Л. Дзердзеевский сформулировал новую концепцию о циркуляции атмосферы в Арктическом бассейне, уловив в колебаниях погоды в этой области Земли «пульс» глобальной циркуляции. Появились и принципы нового подхода к типизации макромасштабных процессов, которая позднее получила мировое призвание как один из методов создания истории общей циркуляции атмосферы северного полушария и изучения изменений климата.

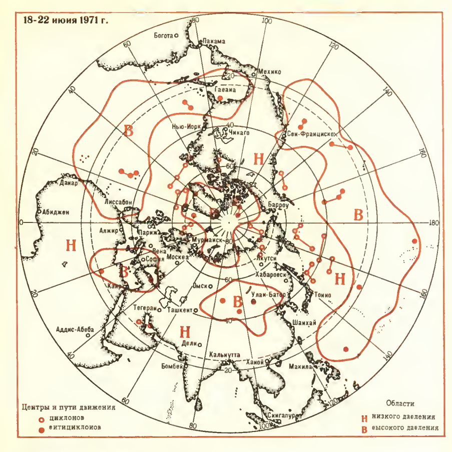
Просматривая мировые карты погоды день ото дня, нельзя не поразиться многообразию циркуляционных ситуаций. Но в действительности они ограничены конечным числом типовых процессов. Это объясняется, во-первых, постоянством притока тепла от Солнца,



определяющего энергетику процессов в земной атмосфере, во-вторых, устойчивым положением материков и океанов, как источников и стоков тепла, заметно отличающихся по сезонам. Оба этих условия и дают возможность обобщать циркуляционные ситуации. Каждый из типовых процессов можно рассматривать как «элементарный» циркуляционный механизм, обеспечивающий определенное направление воздушных переносов над северным полушарием в течение нескольких дней. В конечном счете эти процессы определяют характер атмосферной циркуляции в течение более длительных периодов: сезонов, десятилетий и даже столетий.

В качестве основного признака элементарных циркуляционных механизмов брали количество и направление вторжений масс арктического воздуха из Полярного бассейна в умеренные широты. Практически это означает определение меры нарушения зонального западного переноса в этой широтной зоне. Почти каждый такой механизм (ЭЦМ) при сохранении принципиальной схемы основных переносов имеет разновидности. Они выражаются в незначительном сдвиге направления вторжений из-за изменения интенсивности материковых и океанических областей высокого давления. Общее число всех разновидностей — 41.

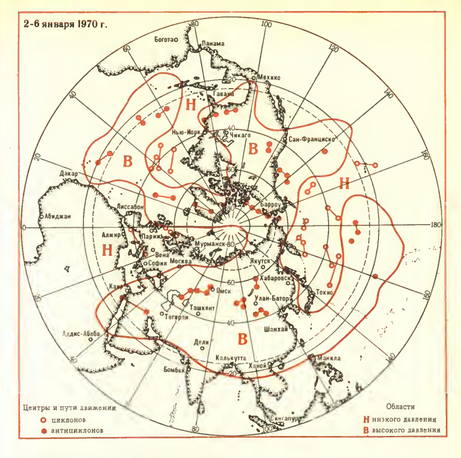
Массы арктического воздуха могут вторгаться по одному из следующих направлений: на Атлантику, Европу, Сибирь, Тихий океан, Америку. При одновременном вторжении полярного воздуха по двум направлениям возникают следующие варианты: на Америку и Европу, на Америку и Восточную Сибирь, на два океана — Атлантический и Тихий. В случае трех и четырех втор-



Сборнокинематическая карта ЭЦМ 2а

жений основными остаются направления на континенты в комбинации с прорывами арктического воздуха на один из океанов. Наряду с этими ситуациями встречаются и такие, когда Полярный бассейн вследствие развития интенсивной циклонической деятельности в умеренных широтах окружен кольцом низкого давления. В этом случае распространение холодных масс воздуха из Арктики ограниченно. И наоборот, когда этот район открыт для сквозного проникновения циклонов со стороны Атлантического и Тихого океанов, область повышенного давления здесь ослабляется, и траектории циклонов почти меридионального направления пересекают район полюса.

Элементарные типы процессов были установлены вначале по наземным данным за 8-летний период (1933—1940 гг.). В последующие годы объем получаемых материалов существенно расширился, особенно обогатился он данными радиозондирования и искусственных спутников Земли. Это позволило доказать соответствие наземным схемам ЭЦМ определенного характера высотных барических полей, распределения облачного покрова и тем самым обосновать надежность описанной выше типизации. Более того, оказалось, что зональный западный перенос в равной степени нарушается прорывами южных циклонов, которые часто наблюдаются одновременно с полярными вторжениями. Поэтому теперь наряду с числом и направлением арктических вторжений при выделении ЭЦМ учитывается и количество вхождений южных



Сборнокинематическая карта ЭЦМ 12б3

циклонов. Итак, два равноправных прнзнака, каждый нз которых в большой мере связан с циркуляцией полярных илн тропическнх широт, логически объединилнсь, завершая характерннстику целостного механизма циркуляции, действующего в атмосфере северного полушарня.

Начиная с 1970 г. синоптнчеcкие бюллетени публикуются на новой картографнческой основе, что позволяет отразить атмосферные процессы тропических и внетропических широт, т.е. систему воздушиых переносов прн действии ЭЦМ над всем северным полушарием.

В качестве прнмера на с. 402 н 403 прнведены сборнокинематические карты ЭЦМ 2а и 12б3, отражающне конкретные ситуации за два периода: 18—22 июня 1971 г. н 2—6 января 1970 г. Это нанболее контрастные циркуляционные ситуации. В первом случае полярная область повышенного давления нзолирована от субтропнческой шнрокой полосой западиого переноса. Во втором — вторжение холодного воздуха нз Полярного бассейна осуществляется по трем направлениям: на континенты Азин н Амернки с одновременным прорывом в Атлантический океан. В этнх географнческих районах пронсходит соединение субтропической н полярной областей высокого давления, блокирующих западный перенос. Хорошо видно также, что одновременно с арктическими вторжениями происходят выходы южных циклонов. Прн действнн ЭЦМ 2а и 12б3 соотношение площадей в высоких и умеренных широтах, над

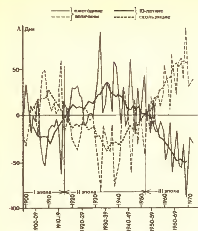


Схема 2. **Многолетний ход зональной (сплошная линия) и меридиональной (пунктирная линия) форм циркуляции в северном полушарии (ежегодные и десятилетние скользящие величины отклонений от годовых средних)**

которыми господствуют воздушные переносы в зональном и меридиональном направлении, резко различны. Очевидно, по этому признаку ЭЦМ 2а может расцениваться как механизм зонального, а 12б3 — меридионального характера.

Таким образом, действующий в каждый момент ЭЦМ, отражая меру нарушения зонального переноса в умеренных широтах, может быть представлен в системе более крупных классификационных единиц, характеризующих главные черты циркуляции в северном полушарии,— зональный и меридиональный тип. По этому признаку вся совокупность ЭЦМ сводится к двум большим группам циркуляции. Первая включает ЭЦМ с отсутствием вторжений или их осуществлением по одному направлению и характеризуется преобладанием зонального переноса в умеренных и высоких широтах. Вторая группа объединяет ЭЦМ, при действии которых над большей частью указанных широт господствует меридиональный перенос.

В архиве синоптических карт сейчас насчитывается до 29 тыс. Они отражают непрерывное развитие атмосферной циркуляции с 1899 г. В многолетнем чередовании зональной и меридиональной групп циркуляции профессором Б. Л. Дзердзеевским были обнаружены периоды в несколько десятков лет, характеризующиеся преобладанием в северном полушарии одного из этих типов. Такие периоды были названы циркуляционными и климатическими эпохами и четко видны при сопоставлении суммарной за год продолжительности действия указанных групп циркуляции с 1899 по 1974 г. (схема 2).

Продолжительность их действия существенно изменяется из года в год. Однако в результате операции сглаживания по скользящим десятилетиям каждая из форм проявляет большую устойчивость на определенных отрезках времени. Хорошо видно, что смена знака отклонений величин этих показателей от их средней многолетней произошла в 1916—1917 и 1952—1953 гг. Первый период назван в соответствии с преобладающим характером переноса меридиональной эпохой, второй — зональной, а текущий период — меридиональной.

Циркуляционные и климатические эпохи имеют ряд различий. Так, оси полярных вторжений у поверхности Земли в эпоху зональной циркуляции расположены восточнее, чем в меридиональную эпоху. В годы меридиональной эпохи в Полярном бассейне и на материках формируются более обширные и устойчивые области повышенного давления. Смена ЭЦМ, а следовательно, и погоды в зональную эпоху происходит реже и менее резко. В целом зональная эпоха ровнее и теплее меридиональной.

Связь изменений соотношения продолжительности действия зональной и меридиональной циркуляции и температуры воздуха в северном полушарии наглядно проявляется при сравнении карт на с. 400, 401. Здесь показано распределение отклонений температуры воздуха для января 1932 г. (зональная эпоха) и 1969 г. (меридиональная эпоха). Продолжительность зональной и меридиональной циркуляции соответственно были 27 и 4 дня (или 87% и 13%), 7 и 24 дня (или 23% и 77%). Таким образом, это соотношение прямо противоположно для сравниваемых январей. Температурные условия в эти месяцы также отличаются крайней контрастностью. В конечном счете циркуляционный и климатический характер каждой эпохи определяется учащением подобных примеров.

Существование циркуляционных и климатических эпох подтверждается и историей климата. Прежде всего это совпадение периода зональной эпохи со

временем глобального потепления, что следует из удивительного сходства кривых многолетнего хода средних годовых аномалий температуры воздуха и продолжительности действия зональной циркуляции, построенных по скользящим десятилетиям (схема 3). Данные по температуре относятся к высоким широтам (87,5—72,5° с.ш.). Так как они согласуются с изменениями температурного фона всего полушария, то и установленная связь также справедлива для территории этого масштаба. Результаты сопоставления важны не только для подтверждения связи между циркуляционными и климатическими изменениями, но особенно как свидетельство объективности типизации ЭЦМ и хорошего индикатора климатических колебаний.

Сейчас циркуляционные и климатические эпохи проявляются со всей очевидностью. Основанием для их выявления послужила наметившаяся в 50-е годы тенденция сближения кривых многолетнего хода продолжительности действия зональной и меридиональной групп циркуляции. Весь ход развития циркуляционных процессов и погоды последующих лет подтвердил меридиональный характер наступившей эпохи. А это означает учащение повторяемости суровых и продолжительных зим с резкими и частыми сменами погоды и более прохладных летних периодов. И зимние, и летние сезоны должны характеризоваться увеличением действия меридиональных процессов (ЭЦМ).

И действительно, меридиональный эффект в изменении погоды зим последних десятилетий весьма ощутим. Об этом свидетельствуют и приведенные в начале нашей статьи факты и некоторые расчеты. Так, продолжительность меридиональных процессов зим 1962/63, 1963/64, 1964/65, 1969/70, 1971/72 гг. составляет соответственно 60, 62, 53, 65 и 63 дня, что почти в 2 раза больше, чем в теплые зимы 1931/32, 1950/51, 1955/56 и 1961/62 гг. (35, 27, 26 и 35 дней.) В суровые зимы процессы чаще развивались в соответствии с циркуляционной схемой, представленной на с. 403 для ЭЦМ 12бз. Вторжения осуществлялись часто по нескольким направлениям, блокируя зональный западный перенос и способствуя распространению холодных масс воздуха далеко на юг.

В летние сезоны текущей эпохи также резко возросла продолжительность меридиональных процессов и соответственно уменьшилась — зональных. Так, в летние сезоны 1931, 1932, 1938, 1939 гг. продолжительность зональных ЭЦМ за июнь — август составляла 57, 71, 72 и 57 дней, а в годы меридиональной эпохи (1965, 1966, 1968, 1970, 1971 гг.) уменьшилась до 46, 23, 37, 30 и 25 дней. Из этого ряда не выпадает и сезон 1972 г. Хотя продолжительность зональных и меридиональных ЭЦМ была почти равной (43 и 47 дней), большая часть дней с меридиональным переносом пришлась на территорию Восточной Европы. Более того, этот эффект усиливался из-за формирования устойчивых антициклональных условий погоды над названной территорией, также обусловленных меридиональными процессами над северным полушарием. В определенной мере такой же характер циркуляции повторился и летом 1976 г., но со смещением локализации на территорию Западной Европы.

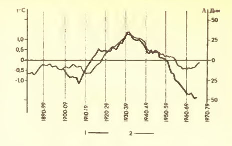


Схема 3. **Многолетний ход продолжительности зональной циркуляции (отклонения от средней многолетней) (1) и средних годовых аномалий температуры воздуха широтной зоны 87,5°—72,5° с.ш. (2) (десятилетние скользящие)**

Таким образом, ход зональной и меридиональной циркуляции позволяет предположить, что продолжительность каждой из форм достигла или приближается к своему минимуму (максимуму). А это значит, что должна измениться тенденция в развитии этих типов макропроцессов и, как следствие, погодные и климатические режимы по типу зональной эпохи. Однако каким будет этот переход — резким или постепенным, в течение скольких лет, сказать пока трудно.

Светлана Савина

История терпов — «холмов спасения»

Предшествеиникамн плотин, защищающих ныне Нидерланды от затопления, были искусственные холмы, иасыпаиные среди низкой болотнстой равнины. Уже во II в. до н.э. обитатели побережья Северного моря — батавы и фризы — ставили свои жилища на таких насыпях, где можно было отсндеться н во время ветрового нагона воды с моря и при разливах рек.

Самые крупные холмы-убежища возвышаются на 9—12 м. На них и сейчас располагаются многие иаселенные пункты страны. В Нидерландах такие холмы называют терпами (терп по-фризски означает «деревня»). В западной частн страны есть терп высотой 16 м. Его склоны террасированы, на уступах можно в случае необходнмости разместить стада скота.

В середине I в. до н.э. в низовьях Рейна обосновалнсь рнмляне. Территория нынешних Нидерланды, по словам римских авторов, «холодная, болотнстая, сырая н туманная варварская страна на берегу тяжелого и медленного моря», так не похожего иа лазурное Среднземиое, имела важное стратегическое значение. Расположенные там римские гарнизоны прнкрывали с северо-востока от набегов германских племен богатую провинцию Галлию.

Археологические исследования показали, что не только местные племеиа, но и пришлые рнмляне насыпалн нскусствеииые холмы. Близ Утрехта раскопан 6-метровый римский терп. Найденные таблички с надписями позволили установить, что он был обитаем с 42 по 260 г. Конечно же, эта насыпь н подобные ей возводились не только нз фортификационных соображений (на них располагались военные лагеря), но также из-за угрозы наводнений.

Но все-таки искусственные холмы, сделаниые римлянамн, немногочисленны. Римская колонизация западной части Нидерландов внезапно прекращается около 270 г. н.э. Есть мнение, что это было вызвано не столько политическими прнчинамн, сколько ускореннем подъема уровня моря — позднернмской трансгрессней.

Все крупные терпы создавалнсь в несколько приемов в теченне длительного времени. Всего в Нидерландах возникло около 1250 заселенных нскусственных холмов. Их общий объем явно превосходит объем трех самых больших и самых известных египетских пирамид — усыпальниц Хеопса, Хефрена н Мнкернна в окрестностях Гнзы. А еслн еще добавить сюда объем многочисленных дамб, построенных позднее, то можно смело ставить вопрос о пересмотре списка «семи чудес света». Так, и не без основания, считают М. Дендермонде и Х. Днббитс — авторы книги «Голландцы и их плотины».

Груит подсыпался и на тропинки между терпами. Каждодневный опыт показал, что поднятые тропы, утоптанные ногамн людей н копытамн животных, сдержнвают проникновенне соленых морских вод на обрабатываемые земли и пастбища при приливах и ветровых нагоиах воды. Постепенно в иаселенных местностях такие тропы развиваются в систему защитных сооружений. Поднятые тропы подсказалн ндею сооружения плотин. К нсходу XIII в. практически все нидерландские берега были ограждены валамн, насыпаннымн человеком.

В начале XIX в. выяснилось, что груит терпов — своеобразный культурный слой, чрезвычайно богатый органическим веществом,— содержит много фосфатов н представляет собой великолепное удобренне. Крестьяне стали срывать холмы н разбрасывать землю на поля для подкормкн трав. Неразумность такой практики обнаружилась очень скоро — во время иаводнения 1825 г., когда под водой оказалось две трети территории страны. Но богатая чериая земля терпов ценилась столь высоко, что безрассудное разрушение «островов спасения» продолжалось во все возрастающих масштабах. Холмы срывали до заборов стоявших на них ферм, до церковиых стен... Известный французский географ Элизе Реклю пишет в своей работе о Нидерландах, что один терп мог прннести доход в 40—50 тыс. фраиков. После 1830 г. многие терпы продавалнсь целиком. Они рассеивались на окрестных полях, на отво-

еванных у моря польдерах, загружались в лодки и в трюмы судов, которые развозили плодородную землю в другие части страны.

Разрушение достигло апогея в последней четверти XIX столетия. Из 1250 некогда заселенных искусственных холмов более 600 совершенно исчезли с лица земли, и от них не осталось никаких следов. Другие были срыты частично — их неправильная форма и крутые склоны не первоначальный облик, а результат позднейшей деятельности человека.

Безудержная волна уничтожения, порожденная алчностью, была в конце концов остановлена. Причин несколько. Во-первых, как уже указывалось, терпы до сих пор все еще не перестали играть роль «островов спасения», для которой они и предназначались. Далее, при их истреблении безвозвратно утрачивался ценнейший археологический материал. В настоящее время в Нидерландах организовано Общество по изучению терпов.

Резонными были также и возражения гигиенистов. Основания терпов, как правило, лежат ниже уровня окружающих их полей и лугов. После полного изъятия земли возникали впадины, которые заполнялись грунтовыми водами и становились рассадниками комаров.

И наконец, соображения эстетического характера. Обедняется ландшафт, исчезают немые свидетели многих драматических событий в истории страны — «холмы спасения», в течение многих веков дававшие приют не одному поколению людей, которые вели длительную, тяжелую и упорную борьбу со стихией.

Терпы вновь стали разрушать во время второй мировой войны. «Немцы, в последнюю войну грабившие все оккупированные ими страны, вывозили из

Многие голландские деревни расположены на искусственных холмах

Голландии вагонами — знаете что? П о ч в у», — пишет Мариэтта Шагинян в «Голландских письмах».

Интересно, что почти все сохранившиеся к настоящему времени терпы показаны на геоморфологической карте Нидерландов масштаба 1:600000, составленной в конце 60-х годов нашего века. На ней помечены все искусственные холмы высотой более 1,5 м. Их свыше 500.

Двадцатитрехвековая традиция создания холмов-убежищ не оставлена и ныне: посередине нового польдера Вирингермер (осушен в 1930 г.), в одной из освоенных частей Зейдерзе, поднимается на 2 м над ординарным уровнем моря гигантский терп.

Лев Бондарев

Фото из книги
М. Дендермонде и Х. Диббитса
«Голландцы и их плотины»

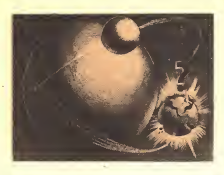
Чем объяснить капризы скворцов?

Орнитологи подметили любопытнейшую деталь — пристрастие скворцов к определенным географическим местам. Эти птицы уже давно не любят селиться в Италии, Англии, Швеции и Бельгии. Недавно они невзлюбили и покинули Швейцарию. В то же время из года в год число их гнездовий растет в Австрии, Испании, Польше, ГДР, Югославии, Греции. Факт очень интересный, но окончательного ответа на эту загадку миграции скворцов ученые пока дать не могут.

И черепахи будут спасателями

В последнее время стали известны несколько случаев, когда утопающих спасали морские черепахи. Они вели себя, как дельфины, и транспортировали ослабевших людей к ближайшему берегу.

Японские ученые выступили с предложением снабжать терпящих бедствие моряков специальными присосками, с помощью которых можно будет прицеплять самого себя или спасательную лодку к спинам морских черепах. Быть может, и эти животные станут помощниками людей?



Пришедшие на плато Бандиагара

Кто захочет, тот найдет много непреложных свидетельств. Нужно только чуть-чуть потрудиться, постараться понять, оценить и — сравнить, помня все время, что не бывает чудес, из ничего ничто не рождается, нет ничего непонятного, ничего сотворенного просто случаем или судьбой.

Валентин Иванов

Красной звездой называли планету Марс древние народы. И не случайно она получила имя бога войны. Но вот что 2 тыс. лет назад писал римский философ Луций Анней Сенека: «Краснота Собачьей звезды глубже, Марса — мягче, ее совсем нет у Юпитера...» Собачьей звездой он именовал Сириус — альфу Большого Пса. Сегодня упоминание о красном цвете Сириуса может показаться по меньшей мере странным: не надо быть специалистом-астрономом, чтобы найти на ночном небе эту яркую бело-голубоватую звезду. Судя по сочинениям персидского астронома Аль-Суфи, такой она была и в X в. н. э. А несколькими столетиями ранее выдающийся астроном древности Птолемей в своем «Альмагесте» включил Сириус в список красных звезд.

Эта загадка более ста лет привлекает внимание ученых. Одни специалисты видят причину таких расхождений в ошибках переписчиков древних текстов, полагая, что Сириус на памяти человечества всегда оставался неизменным. Другие склонны признать возможность больших изменений, происшедших с Сириусом за ничтожно малый по космическим масштабам срок — 700—800 лет. Советский астроном Д. Я. Мартынов в статье, опубликованной в журнале «Земля и Вселенная» (№ 1, 1976), рассмотрел вероятные механизмы таких изменений и пришел к выводу, что Сириус В, спутник самой яркой звезды нашего неба, в начале нашей эры взорвался как Сверхновая. Точнее, как «полусверхновая»: «настоящая» Сверхновая, взорвавшись так близко от Земли, стала бы одним из грандиознейших небесных явлений в истории человечества. До взрыва Сириус В был красным гигантом, что и обусловливало цвет всей системы Сириуса. После взрыва он превратился в белый карлик — исключительно плотную звезду размером с планету Уран.

Аналогичное предположение выдвинул английский астроном У. Х. Мак-Кри*. Он обратил внимание на то, что в мифах африканского народа догонов говорится о двойственности Сириуса. Поскольку Сириус В сейчас невооруженным глазом увидеть невозможно, остается предположить, что еще относительно недавно соотношение масс этих двух звезд было существенно иным и спутник Сириуса был заметен без оптических приборов. Обращение к мифологии догонов в поисках разгадки тайны «красного Сириуса» оказалось отнюдь не бесполезным... Дело в том, что у них сохранились сведения о взрыве Сириуса В. И не только об этом...

Потомки Лебе

Догоны — это небольшой (численностью примерно 300 тыс. человек) земледельческий народ, живущий в основном на плато Бандиагара (Республика Мали). В его состав входят четыре племени — ару, дион, оно и домно.

Хотя догоны уже более пятисот лет назад входили в состав крупных западносуданских государств, они во многом сохранили самобытность и своеобразие своей культуры. Они успешно противостояли как исламизации, так и обращению в колониальный период в христианство. Этому во многом способствовала территориальная изолированность догонов. Но времена меняются, и обитатели плато Бандиагара все в большей мере начинают принимать участие в жизни и развитии Республики Мали. Среди видных деятелей культуры этой страны есть и представители народа догонов — врач Сомине Доло, писатель Ямбо Улогуэм и др.

* См.: Quart. J. Roy. Astron. Soc., 1972, vol. 13, p. 517.

Примечания к иллюстрациям

Изобразительное искусство догонов включает наряду с масками также деревянную скульптуру и систему графических знаков. Письменности в обычном понимании у них нет, но есть комплекс знаков, с помощью которых иллюстрируется история Вселенной и человеческого рода. Эти знаки делятся на следующие группы с возрастающей степенью абстрактности:
1 *тойму* — рисунки, максимально приближенные к реальности; 2 *тону* — «облик», «схема», «эскиз» представляемого предмета или существа; 3 *йала* — зародыш, «начало» предмета, его смутный образ, составленный из немногочисленных точек; 4 *буммо* — абстрактный символ сущности предмета или явления, как такового.

Дом Огона племени Ару.
Сам Огон сидит на возвышении

Но догоны бережно хранят свои древние традиции. В религиозных воззрениях этого народа главную роль играет культ предков, особенно Великого предка Лебе, родоначальника всех четырех племен. Раз в 60 лет торжественно отмечается праздник *Сиги*, на котором обновляется маска Имина-на, рассматриваемая как воплощение почитаемого предка Дионгу Серу. Вообще искусство изготовления масок и связанные с масками ритуалы достигли у догонов высокого развития. Судя по всему, это весьма архаическая традиция, связанная с далеким прошлым народа.

Самобытность культуры догонов давно привлекала внимание ученых-африканистов. Профессор Марсель Гриоль, глава французской школы африканистики, долгие годы изучал быт и мировоззрение этого народа. В исследованиях принимали большое участие и его коллеги — Жермена Дитерлен, Женевьева Калам-Гриоль, Монтесерра Пало-Марти, Доменик Заан и др. Результатом этой большой работы стала книга «Бледный Лис», первый том которой вышел в свет в 1965 г., уже после смерти профессора Гриоля*. Второй том готовится к печати.

В «Бледном Лисе» французские ученые изложили и прокомментировали мифы догонов о сотворении Вселенной и истории человеческого рода. Эта мифологическая система оказалась весьма оригинальной и во многом отличающейся от более ранних версий, опубликованных М. Гриолем в ряде монографий и статей. В чем же причина этих отличий?

Экзо- и Эзо-

Мировоззрение догонов близко взглядам ряда окружающих их народов — бамбара, бозо, моси, груси, малинке и др. В преданиях всех этих народов говорится, что предки их некогда жили в Стране Манде, откуда впоследствии перекочевали в нынешние районы обитания. Судя по всему, у этих преданий есть реальная историческая основа, и народы эти родственны. Близки их условия жизни, быт, культура. Крупнейший народ этой группы — бамбара (около 1 млн. человек) наряду с догонами был предметом особого внимания этнологов. Все же миро-

* *M. Griaule, G. Dieterlen.* Le Renard Pâle. Tome 1, Fasc. 1. Paris, Institut d'Etnologie, 1965.

Тотемическое святилище Манда в Орозонго. В центре видна серия *буммо*, нарисованных черной краской

воззрение догонов известно нам сегодня значительно лучше, чем мировоззрение бамбара, не говоря уже о других народах, вышедших из Страны Манде.

Африканская мифология в целом, особенно мифология народов Западного Судана, многослойна и «полифонична». Объясняется это в первую очередь существованием активной жреческой прослойки, приложившей немало усилий для приведения мифов в достаточно строгую систему. Но отнюдь не все стороны этой системы открыты «человеку со стороны». У народов Западного Судана получил большое развитие институт тайных обществ (характерный и для всей Тропической Африки), члены которых хранили скрытые, эзотерические знания, недоступные для непосвященных.

У догонов подобные функции выполняет *Ава* — Общество масок, каждый член которого имеет свою особую маску и принимает активное участие в религиозных церемониях, особенно в церемонии *Сиги*. На этом празднике избираются сановники Общества масок — *олубару*, которые обучаются тайному языку *сиги со* и которым только и известны эзотерические предания.

В работах этнологов чувствуется неподдельное восхищение сложностью и глубиной духовной культуры догонов. Профессор Гриоль даже пришел к выводу, что у них существует философская система, не уступающая системе Платона.

Догоны оценили искренность намерений Марселя Гриоля, и решением совета патриархов он был допущен к посвящению в тайное знание.

Расширяющаяся Вселенная догонов

Земное пространство имеет четыре стороны, небесное — четыре угла. В небесном пространстве находится бог Амма. Он существовал и тогда, когда не было ни Вселенной, ни пространства, ни времени, и представлял собой... четыре сомкнутые ключицы.

На языке догонов — *дого со* — слово *амма* означает «держать что-то на одном месте, сильно сжимая». Таким образом, мы имеем дело с «яйцом мира» — представлением, известным и по мифам других народов мира. Это яйцо сжато и содержит в себе «перемешанные» (по отдельности не существующие) пространство и время, а также четыре основных элемента.

Амма, по словам догонов, «был сам как бы спиральным движением внутри яйца — *огоро гунну*». Под воздействием этого спирального движения возникло мельчайшее зернышко *по* (фонио). Оно помещалось в центре, «крутилось и излучало частицы материи в звуковом и световом действии, оставаясь, однако, невидимым и неслышимым».

В зерне *по* Амма построил всю Вселенную. Затем произошло открытие «глаза Аммы», и будущие вещи, двигавшиеся по спирали внутри *по*, стали выходить наружу. Сохраняя свое спиральное движение, они предвосхитили будущее появление «спиральных звездных миров», или «пределов места», — *йалу уло*. «Термин *йалу уло* обозначает Млечный Путь — звездную систему, в состав которой входит Земля и которая вращается по спирали». Таких «пределов места» существует огромное количество. Спиральные звездные миры заполнят Вселенную — «бесконечную, но измеримую».

На этом этапе творения «яйцо мира» было пока еще замкнуто. Чтобы «выпустить» мир наружу, Амма начал вращаться вокруг своей оси, в результате чего четыре соединенные ключицы разошлись и определили главные направления пространства. Всего Амма совершил 14 оборотов, создавая за каждый оборот одно небо и одну Землю, но число 14 символизирует собой бесконечность. Догоны говорят: «Крутясь и танцуя, Амма создал все спиральные звездные миры Вселенной». Вслед за этими мирами были созданы все прочие вещи, и в первую очередь семена различных растений. Звезды и зерна рассматриваются догонами как «близнецы», поэтому многие небесные светила имеют наименования растений.

Первое *йала* «яйца Аммы» — Амма талу. *Йала* будущих вещей движутся по спирали внутри него

После того как Вселенная была «развернута», Амма создал первое живое существо — *Номмо анагонно*. Описывается это существо по-разному: то как получеловек, полузмея с гибкими конечностями без суставов, красными глазами и раздвоенным языком, то просто как рыба. Этот Номмо размножился, и получилось четыре Номмо — *Номмо ди, Номмо титийан, О Номмо* и, наконец, *Ого*, существо весьма беспокойное. Не дождавшись завершения строительства Вселенной, он наскоро соорудил «ковчег» и «низринулся в нем в пространство», намереваясь «взглянуть на мир». Этим Ого внес в мир беспорядок и нарушил планы Аммы. Ого вернулся к своим близнецам, но затем снова дважды отправлялся в путешествие и в конце концов спустился на Землю. Подробнее эти странствия четвертого Номмо мы рассмотрим ниже; пока же заметим только, что Амма, возмущенный выходкой Ого, собрал все созданное им и поместил в зерно *по*.

Для «очищения» Вселенной оказалось необходимым принести в жертву одного из Номмо, а именно О Номмо. После его воскрешения Вселенная приобрела свойственный ей пространственно-временной характер, и небесные светила начали свое движение. Затем зерно *по* в быстром вращении выплеснуло из себя «спрятанные» в нем вещи и тем самым дало рождение миру, подобно тому как это сделал сам Амма на первом этапе творения. Поэтому догоны говорят о двух основных этапах создания Вселенной — «работе Аммы» и «работе *по*».

Часть содержимого этого «зерна» оказалась в ковчеге, построенном воскресшим Номмо. Заметим, что изображение ковчега Номмо символизирует собой и всю Вселенную в целом.

На этом завершается творение мира, после чего четыре ключицы Аммы вновь сомкнулись, Амма «закрылся», приняв свою первоначальную форму.

Сиги толо, По толо, Эмме йа толо...

Вернемся к гипотезе о «красном Сириусе». Единственная известная в настоящее время информация о взрыве Сириуса В исходит именно от догонов. *Олубару* сообщили французским исследователям, что вскоре после появления людей на Земле спутник Сириуса — звезда *По* — внезапно вспыхнула, а затем начала постепенно тускнеть и через 240 лет стала совершенно невидима.

Еще в 1950 г. М. Гриоль и Ж. Дитерлен обратили внимание на необычные представления догонов о Сириусе: эта звезда считалась тройной, главный компонент именовался *Сиги толо*, а спутники его — *По толо* и *Эмме йа толо* *. Причем вокруг *Эмме йа толо* якобы вращались еще два спутника — *Ара толо* и *Йу толо*.

Здесь следует заметить, что догоны делят все небесные тела на планеты, звезды, спутники звезд и спутники планет. Хотя в повседневной речи все они именуются «*толо*», но, строго говоря, *толо* — это только звезды, планеты же — *толо таназе* (звезды, которые движутся). Первые входят в «семью звезд, которые не обращаются (вокруг другой звезды)» — *толо дигилеле тогу*; вторые — в «семью звезд, которые обращаются» — *толо гону тогу*. Спутники называются *толо гонозе* — «звезды, которые описывают круги». Точность и четкость этих представлений поразительна (не забудем, что речь идет о народе, чьи обычаи и мифология носят печать глубокой древности). Но еще более загадочен тот факт, что характеристики звезды *По* ни в чем существенном не отличаются от характеристик Сириуса В, которые были определены относительно недавно с помощью весь-

* *M. Griaule, G. Dieterlen*. Un system soudanais de Sirius.—"J. de la Société des Africanistes", 1950, t. 20, pp. 273-294.

Второе *йала* «яйца Аммы».
Йала* будущих вещей начинают выходить наружу, превращаясь в *тону

ма совершенных астрономических приборов.

Прежде всего, по представлениям догонов, звезда *По* — белая, как зерно *по* (фонио). В святилищах догонов эта звезда символизируется очень белым камнем. Период обращения *По толо* вокруг *Сиги толо* составляет 50 лет (современные данные: 49,9 года). Эта звезда имеет небольшие размеры при огромном весе и плотности: «Она — самая маленькая и самая тяжелая из всех звезд». Согласно воззрениям догонов, все вещи в мире состоят из четырех основных элементов — земли, воды, воздуха и огня. В *По толо* элемент *земля* заменен металлом *сагала*. Этот металл «столь тяжел, что все земные существа, объединившись, не смогли бы поднять и частицы». Небольшой предмет из металла *сагала* «весил бы столько же, сколько 480 ослиных нош» (примерно 35 т). Вот почему, заключают догоны, звезда *По* такая тяжелая, а учитывая, что она совсем маленькая,— и столь плотная. Хотя число 480 употреблено здесь лишь как синоним «очень большого», но можно вспомнить, что, по современным данным, плотность Сириуса В составляет около 150 кг/см^3.

Можно ли лучше описать белый карлик Сириус В: белая, очень плотная звезда, период обращения которой вокруг другой звезды составляет столько-то лет! Кстати, и представление о характере вещества, из которого состоит *По толо*, имеет свои аналоги в современной науке. «В отличие от других звезд, вещество которых находится в состоянии плазмы, белые карлики вправе иметь структуру твердого тела. Белый карлик может походить на глыбу сверхпрочного раскаленного металла» *.

По толо почитается догонами как «самая важная звезда», «символ происхождения Вселенной» и «центр звездного мира».

Эта звезда не статичный «центр», а «центр в движении», ибо вращается вокруг Сириуса с момента «выхода» последнего. («...Мы убеждены,— говорит профессор Мартынов в статье «Красный Сириус»,— что в двойной системе обе звезды образовались одновременно.») *По толо* «поддерживает» другие звезды и заставляет их сохранять свои траектории. Особенно сильно звезда *По* влияет на Сириус, «который является единственной звездой, не следующей по правильной кривой, и который она отделяет от других светил, окружая собственной траекторией. Вот почему ее называют «опорой звезд» — *толо ого»*.

Нельзя не вспомнить, что именно из-за обнаруженных неправильностей в траектории Сириуса Ф. В. Бессель в 1844 г. предположил, что у него есть не видимый простым глазом спутник.

Но если тождество *По толо* и Сириуса В вряд ли можно подвергать сомнению, то с *Эмме йа толо* положение не столь просто. Современной астрономии второй спутник Сириуса неизвестен, хотя в течение последних десятилетий ученые разных стран высказывали предположение о существовании в этой системе еще одной звезды. Некоторые особенности системы Сириуса, казалось, говорили в пользу такого предположения, но наблюдениями оно пока не подтверждено. Более того, недавние исследования Дж. Л. Гринстейна, Дж. Б. Оука и Х. Л. Шипмана позволили как будто объяснить эти особенности без привлечения гипотезы о втором спутнике. И все же небезынтересно представление догонов о том, что *Эмме йа толо* вращается вокруг *Сиги толо* по более длинной траектории, чем звезда *По*, а период ее обращения составляет те же 50 лет (другое число, сообщенное догонами французским исследователям,— 32 года). Звезда *Эмме йа* несколько больше, чем *По толо*, и в 4

* *Д. Киржниц.* Белые карлики.— Жури. «Знание — сила» (№ 11, 1960).

раза легче. Вокруг нее, как упоминалось выше, вращаются еще два тела — *Ара толо* и *Йу толо*, о которых известно лишь то, что период обращения *Ара толо* составляет 30 лет (ровно половину периода *Сиги* — основного праздника догонов). По своей «незаметности» эти тела скорее напоминают планеты, чем даже карликовые звезды. Современная астрономия, не зная второго спутника Сириуса, о его планетах речи, естественно, не ведет.

Краткий курс астрономии догонов

По толо, «как и другие звезды, удалена от Земли, близко к которой находится только Солнце». Сириус, вокруг которого она вращается, именуется «пупом мира» и играет главную роль в группе звезд, включающей созвездие Ориона и некоторое число близлежащих (на небосводе) звезд. К последним относятся Плеяды, «звезда Козьего Пастуха» — *Энегерин толо* (гамма Малого Пса), *Тара толо* (Процион) и др. Совокупность этих светил составляет «опору основы мира». Кстати говоря, догоны вполне определенно различают видимое расположение звезд и их реальное положение в пространстве.

Сириус и другие звезды «опоры основы мира» составляют «внутреннюю» систему звезд, которая, по мнению догонов, непосредственно влияет на жизнь людей на Земле. «Внешняя» же система состоит из других, более далеких светил, «в меньшей степени вмешивающихся в человеческую жизнь». Эта система включает в себя и Млечный Путь — один из множества «спиральных звездных миров» — *йалу уло*, в состав которого входит Земля.

О строении Солнечной системы догонам также кое-что известно. Правда, для них она состоит лишь из пяти планет — Венеры, Земли, Марса, Юпитера и, по-видимому, Сатурна. То, что *олубару* не знают об Уране и других внешних планетах, не столь уж странно, но почему им ничего не известно о Меркурии? Это тем более удивительно, что, например, к Венере догоны питают большой интерес и имеют отдельные наименования для каждой ее позиции на небосводе. При этом они упоминают так называемую «*Йазу данала толо*» — совсем маленькую звезду, «которая сопровождает Венеру». Французские исследователи интерпретировали ее как спутник Венеры, но вряд ли такой спутник мог остаться незамеченным для современных астрономов... Не произошла ли здесь какая-то путаница и не является ли *Йазу данала толо* Меркурием? А может быть, эта «путаница» говорит в пользу гипотезы о том, что Меркурий некогда был спутником Венеры?

«Амма, вращающий пространство»

Вместе с тем догоны знают, что Солнце вращается вокруг своей оси, а Земля «вертится вокруг себя и пробегает, кроме того, большой круг *адуно дигили* — «круг мира», как волчок, вращение которого сопровождается еще и перемещением». Луна — *Ие пилу*, по сведениям из эзотерической догонской мифологии, «сухая и мертвая» и вертится вокруг Земли.

У Юпитера — *Дана толо* или *Дана банна толо* — есть четыре спутника, изображаемых как четыре небольших камня рядом с камнем побольше (символизирующим планету). Хотя, по современным представлениям, у Юпитера не четыре, а 14 спутников, эти четыре — самые значительные по размерам (диаметр двух из них, Ганимеда и Каллисто, превышает диаметр Меркурия). Остальные 10 спутников Юпитера несравненно меньше, чем Ио, Европа, Ганимед и Каллисто, открытые Галилеем в 1610 г.

Что касается Сатурна, то отождествление с ним светила *Йалу уло толо* вызвало у французских исследователей некоторые сомнения. Это название означает «звезда Млечного Пути» и может в принципе иметь отношение к какой-то части последнего. Но догоны говорят, что у этого светила есть «постоянное гало», отличающееся от того гало, которое можно иногда увидеть вокруг Луны. Не исключено, что речь идет о кольце Сатурна.

Изображение О Номмо

О жизни иа плаиетах Солнечной снстемы догоны хранят молчание, ио в существованин жизни в дальнем космосе они ие сомневаются. «Спнральные звездные миры» рассматриваются как миры иаселениые. На «других землях», по мнению догоиов, есть «рогатые, хвостатые, крылатые, ползающие людн». Что касается растений, то, к примеру, семеиа тыквы и щавеля «перед тем, как попасть иа Землю, легли иа край Млечного Пути» и «проросли во всех мирах Вселенной». Разумеется, понимать буквально эти сведения не приходится, ио оии ясно выражают твердую увереиность догонов в существовании жизни и разума вне Земли.

Гипотезы, гипотезы...

Каков же нсточник всех нзложенных выше знаний догонских «посвященных»? Ясио, что речь может идти только о заимствованиях, нбо уровень технического развития догонов просто ие позволил бы им узнать что-либо подобиое без «помощи со стороиы». Обиаружить спутник Снрнуса, определить его цвет, вычислить период обращения и плотность вещества, не имея астроиомических ниструментов, просто невозможно. Столь же иевозможно «догадаться» о существовании во Вселенной миожества галактик («спиральных звездных миров»), возникших из «перво-атома». Вспомним, что, хотя африканская мифология отнюдь не прнмитивна, исследователн склонны определять одну из наиболее характерных ее черт как «почти навязчивый геоцентризм»*. Возможно, это верно лишь по отношению к ее «экзотерическому» плану, но в любом случае «космоцентрнзм» изложенного в «Бледном Лнсе» миропонимания догонов поразнтелен.

Итак, заимствование... Но у кого? Нет сомнений, что иа протяжении своей истории и догоны, н другие родственные им народы нспытывалн самые разиообразные внешние влияния. Особенно сильиым н длительиым было влияние ислама. Но народы Западиого Судана успешно противостояли этому давлению. Кроме того, высокий уровень средневековой арабской культуры все же явно недостаточен для объясиения загадки глубоких астрономических знаний догонов. С подобной системой взглядов в мусульманском мире мы нигде ие встречаемся.

Можно попытаться поискать источники возможных заимствований в более глубокой древности. У. Х. Мак-Кри, к примеру, приписал зиания о Снриусе В егнпетским жрецам, от которых оно могло попасть к догоиам. Чтобы объясиение ие выглядело надуманным, ему пришлось сделать это зиание фиктивным, объявить спутник Снрнуса миражом, возникающим прн восходе этой звезды, совпадение пернода обращения — случайностью, а вопрос о плотности *По толо* деликатно обойти (как, впрочем, и весь комплекс астрономических знаний догонов, включающий спутники Юпитера, кольцо Сатурна, «спиральные звездные миры» и т. п.)** Тактика вполие естественная, ибо в противиом случае загадка просто отодвигается в глубь веков, а ие решается.

Влияние древиеегипетской культуры иа культуру догоиов, разумеется, вовсе ие исключено. Об этом, по-видимому, свидетельствует важное значенне, которое и догоны, н древние египтяне придавали гелиакическому восходу Сирнуса — его первому восходу на фоие утренней зарн. Но как могли узнать египетские жрецы о взрыве Сириуса В, который, судя по всему, произошел не ранее II в. и.э.?

Остается еще один вариант — считать источником заимствований современную европейскую цивилизацию. В конце концов прн всем архаизме своей

* *Е. С. Котляр.* Мнф и сказка Африки. М., «Наука», 1975.

** *McCrea W. H.* Sirius — A conjectur and an appeal.—"J. Brit. Astron. Assoc.", 1973, v. 84, No. 1, p. 63-64.

жизни догоны не могут не вступать в те или иные контакты с внешним миром. Но и это предположение встречается со значительными трудностями. Прежде всего *По толо* играет в мифологии догонов центральную роль, является символом всего творения... Но Сириус В был открыт в 1862 г., а его необычно высокая плотность определена лишь перед началом первой мировой войны. Спиральные туманности впервые зарисованы У. Россом в середине XIX в., но то, что они состоят из звезд, доказано американским астрономом Эдвином Хабблом в 1924 г. Звезды Млечного Пути впервые увидел еще Галилей, но вращение нашей Галактики твердо установлено в 1927 г., ее же спиральная форма — лишь к 50-м годам нашего столетия. Следовательно, возраст этих заимствований колеблется от 100 до 30 лет. Может ли целый народ основать свою мифологию только на недавних заимствованиях? А знания о космосе вполне естественным образом входят в эту мифологию. Даже в своем эзотерическом варианте она вовсе не может считаться систематическим курсом изложения научных взглядов на строение и эволюцию Вселенной. Это именно мифология, для которой характерен «архаизм, можно даже сказать — рудиментарность, сохранившиеся до наших дней»*. Например, небесные светила, столь точно описанные *олубару*, возникают при жертвоприношении *Номмо* из частей его тела и капель крови... Вот это-то и удивляет более всего: органическое сочетание двух, казалось бы, совершенно несочетаемых планов — религиозных воззрений стадии перехода «полидемонизма» ** в политеизм и точных, глубоких научных знаний.

Не исключено, правда, использование французскими этнологами при переводе не совсем корректной терминологии либо даже бессознательное «внедрение» ими отдельных современных терминов в язык догонов. Говоря о «сухой и мертвой» Луне, *олубару*, например мимоходом упоминают ее кратеры. В сравнении со «спиральными звездными мирами» и системой Сириуса удивляют не знания такого рода, а, скорее, легкость употребления отнюдь не очевидного выражения (по крайней мере в переводе на французский язык).

Однако знания догонов отнюдь не идентичны тому, что нам известно о

* *Б. И. Шаревская*. Мифы догонов. — В сб. «Фольклор и литература народов Африки». М., «Наука», 1970.

** Термин Б. И. Шаревской.

***Тону* жертвоприношения О Номмо**

звездном мире сегодня. Мы знаем не пять, а девять планет в Солнечной системе. Кроме спиральных галактик нам известны галактики эллиптические и неправильные. Белые карлики — отнюдь не самые плотные звезды во Вселенной; плотность нейтронных звезд значительно выше. У Юпитера не четыре спутника, а 14. Здесь знания догонов значительно у́же знаний современной астрономии. Но уже о внеземной жизни догоны знают не «меньше», их знания просто другие. И наконец, взрыв *По толо* и существование у Сириуса второго спутника... Начиная работать над проблемой догонов, авторы этих строк просто ничего не знали о гипотезах астрономов, предполагающих существование такого спутника. Поэтому сведения об *Эмме йа толо* нас весьма смутили. И только впоследствии, знакомясь с литературой по белым карликам, мы неожиданно «открыли», что «смущаться» было нечего: гипотеза о втором спутнике Сириуса хотя и спорна, но отнюдь не нелепа. Значит ли это, что догоны «заимствуют» и гипотезы?

Наконец, зачем было догонам придумывать для второго спутника Сириуса в свою очередь еще два спутника?

Нелогичность и внутренняя противоречивость гипотезы заимствования заставляет обратиться к «экзотическому» предположению о палеоконтакте с внеземной цивилизацией.

В самом деле, гипотеза палеоконтакта объясняет все изложенное достаточно просто и логично. На нее довольно

Два великих небесных Номмо. Слева — Номмо ди, справа — Номмо титийан. Образец деревянной скульптуры догонов

прозрачно намекнул У. Х. Мак-Кри, поставив рядом со сведениями догонов о Сириусе сведения Джонатана Свифта о спутниках Марса: «Еще более странно то, что Свифт описал эти спутники как наблюдавшиеся с летающего острова Лапута, то есть по сути дела пилотируемой космической станции или орбитальной астрономической обсерватории». Во второй своей статье он, однако, обошел эту точку зрения и предложил уже известную нам «гипотезу миража».

Значительно откровеннее (и на пять лет раньше) высказал предположение о палеоконтакте известный английский исследователь и писатель У. Раймонд Дрейк *. Он, однако, основывался лишь на знаниях догонов о Сириусе и не затрагивал прочих астрономических познаний этого народа.

Иначе подошел к этому вопросу французский исследователь Эрик Гэрье, выпустивший книгу, посвященную проблеме догонов. Она называется «Эссе на тему догонской космогонии: Ковчег Номмо» **. Это подробный «палеоконтактный комментарий» к «Бледному Лису». Не со всеми интерпретациями автора можно согласиться, но в целом это серьезная, аргументированная работа.

Разумеется, книга Гэрье не дает окончательных ответов на поставленные в ней вопросы, но ее общий высокий уровень, добротность использованного материала и убедительность аналогий между знаниями догонов и современными представлениями о Вселенной обратили на себя внимание во многих странах мира.

Несколько позже вышла еще одна книга на эту тему — «Тайна Сириуса» американского востоковеда Р. К. Г. Темпля ***. Автор ее, отталкиваясь от астрономических знаний догонов, попытался найти аналогичные, хотя и менее отчетливо выраженные сведения у других народов мира, и в первую очередь у древних египтян. Темпль пришел к выводу, что контакт с внеземной цивилизацией произошел в ранний период истории Египта, а догоны унаследовали знания египетских жрецов.

* *W. R. Drake.* Spacemen in the Ancient East. London, Neville Spearman (1968), p. 112.

** *E. Guerrier.* Essai sur la cosmogonie des Dogon: L'arche du Nommo. Paris, Robert Laffont, 1975.

*** *R. K. G. Temple.* The Sirius Mystery. London, Sidgwick and Jackson, 1976.

Ого со звезды По

Вернемся к беспокойному и даже вредному существу, помешавшему планам Аммы. Этот четвертый *Номмо*, именуемый *Ого* и в отличие от других Номмо не представляемый в виде рыбы, несколько раз удирал в пространство и наконец попал на Землю. Здесь он превратился в «бледного лиса» Йуругу, который, собственно, и дал название замечательной книге Марселя Гриоля и Жермены Дитерлен.

Один из рисунков, выполненных в типичной для догонов «многозначной» манере, изображает, среди прочего, и то, что «Лис спустился со звезды *По*». Эрик Гэрье обратил внимание также на другой рисунок, на котором показаны Солнце и Сириус (причем диаметр Сириуса п р е в ы ш а е т диаметр Солнца), соединенные кривой, закручивающейся вокруг каждого из светил. Может быть, и не лишено оснований предположение Гэрье о том, что эта кривая представляет собой траекторию межзвездного перелета...

О звезде *По* говорится, что она (а равным образом и Сириус) первоначально находилась там, где сейчас находится Солнце. Последнее иногда именуется «опорой *По толо*». Это можно понять как еще одно подтверждение прилета космического корабля с одной из планет системы Сириуса*.

Впрочем, не один только Лис высаживался на Землю. Мы уже упоминали ковчег Номмо, в котором спустились с неба предки догонов и все необходимое для их жизни. Описания и изображения этого ковчега весьма многообразны. Чаще всего его представляют в виде корзины «тазу», напоминающей усеченный конус, верхняя плоскость которого представляет собой квадрат, а нижняя — круг. По бокам конуса расположены лестницы, на которых при спуске удерживались люди, животные, растения и т. п.

Спускаясь, ковчег вращался, причем это движение поддерживалось «дыханием предков» через... сопло (la tuyère — во французском переводе). «Отверстие сопла есть большая дорога дыхания предков, спустившихся с высоты. Именно их дыхание помогало вращаться, чтобы двигаться и опускаться».

* Но, видимо, не Сириуса А — быстро вращающейся высокотемпературной звезды. Такие звезды, по современным представлениям, планет не имеют. Возможно, Сириуса В (до взрыва)?

Изображение Солнца и Сириуса на одном из алтарей. По-видимому, здесь представлен гелиакический восход Сириуса

Наконец ночью ковчег приземлился, «подняв воздушным вихрем тучу пыли». Небесное пространство «о четырех углах» превратилось в земное пространство «о четырех сторонах». Первым из ковчега вышел Номмо, а затем и все прочие существа. Амма поднял в небо цепь, поддерживавшую ковчег, и «закрыл» небо. «Люди, которые во время спуска и в момент удара при посадке видели блеск *Сиги толо*, присутствовали теперь при первом восходе Солнца, которое поднялось на востоке и с этого момента осветило Вселенную... Его подъем, дневное движение, заход свидетельствуют поэтому о прибытии ковчега и присутствии Номмо на Земле Лиса».

Все описанное в какой-то мере говорит в пользу гипотезы о прилете из системы Сириуса, но не совсем однозначно. Речь идет по существу лишь о том, что в момент посадки ковчега все небесные светила двинулись по своим траекториям и был наконец-то завершен план Аммы. И все же упоминание о блеске одного *Сиги толо* во время полета и о том, что пассажиры ковчега увидели Солнце, только прибыв на Землю, многозначительно.

В качестве места посадки *олубару* называют озеро Дебо. Это, собственно, не озеро, просто большое углубление, заполняемое водой во время паводка на Нигере. На одном из островов этого озера есть изображение ковчега среди звезд. Ковчег представлен массивной каменной плитой, а звезды — отдельными покоящимися на возвышениях камнями.

И все-таки, несмотря на отдельные любопытные моменты, приходится за-

15-2069

ключить, что «контактные» мотивы в мифологии догонов весьма смутны. Есть и прямые несоответствия: так, местом посадки ковчега считается озеро Дебо, но ведь описанные события должны были происходить еще до ухода догонов из Страны Манде... И сам сюжет о появлении предков с неба для Африки не нов и не так уж необычен. Как отмечает Б. И. Шаревская, в тех африканских религиях, «где сильно выражена сакрализация царей и знати, там обычно первопредки... приходят на землю прямо с неба» *. Не имей догоны столь точных знаний о Вселенной, этот сюжет не привлек бы особого внимания в плане проблемы палеоконтакта. Но когда сообщается о звезде, невидимой без телескопа, точно описываются ее характеристики и говорится, что некто Ого прибыл с этой звезды, это невольно заставляет задуматься.

Сомнения и перспективы

Изучение астрономических знаний догонов, по нашему мнению, одно из самых перспективных направлений в разработке проблемы палеоконтакта. Гипотеза о «космических заимствованиях», наиболее подробно разработанная Э. Гэрье и Р. Темплем, хорошо объясняет изложенные факты. Вместе с тем считать эту гипотезу доказанной, конечно, нельзя. Необходим поиск новых свидетельств, как в мифологии догонов, так и в независимых от нее источниках. С этой точки зрения привлекает внимание гипотеза Д. Я. Мартынова о взрыве Сириуса В в историческое время как «полусверхновой» звезды. Сообщение догонов о том, что длительность повышенной яркости *По толо* составляла 240 лет, говорит в пользу этой гипотезы. Для «обычных» Сверхновых звезд такие сроки не характерны**.

В нашей стране с 1965 г. исследуются аномалии содержания радиоактивного углерода C^{14} в годичных кольцах живых и археологически датированных деревьев, чтобы обнаружить возможную связь таких аномалий со взрывами Сверхновых. Для Сириуса В, отдаленного от Земли всего на 8,7 светового года, надежность отрицательного результата была бы весьма высока, тем более что мы можем ориентировочно указать дату взрыва: между II и X вв. н.э. Вместе с тем отрицательный результат в данном случае не был бы решающим: мы слишком мало знаем еще о «сверхновоподобных» звездах, чтобы приписывать им те или иные характеристики.

Другая информация, поддающаяся проверке,— сведения о втором спутнике Сириуса. Как это ни парадоксально, неубедительность сведений о *По толо* заключается в том, что Сириус В уже известен современной науке (нельзя исключить возможность заимствования), а неубедительность сведений об *Эмме йа толо* — в том, что Сириус С ей неизвестен. Более того, многие астрономы склоняются к мысли о его отсутствии. Обнаружить этот спутник (не говоря уже о его планетах) значило бы сделать едва ли не решающий шаг на пути превращения гипотезы палеоконтакта в теорию.

Впрочем, не исключено, что убедительные свидетельства палеоконтакта есть и у самих догонов... Когда французские этнологи попытались узнать, каким же образом можно увидеть звезду *По, олубару* сослались на некую «пещеру», из которой якобы видна эта звезда. Несмотря на дружбу с исследователями, догоны не показали им эту пещеру, но добавили, что там есть также и другие «основательные доказательства». Что это за «доказательства», пока неизвестно...

Владимир Рубцов
Юрий Морозов

* *Б. И. Шаревская.* Старые и новые религии Тропической и Южной Африки. М., «Наука», 1964, стр. 210.

** Напрашивается термин «сверхновоподобные» звезды (по аналогии с «новоподобными»).

Под защитой мерзлоты

Ученые Сибири решили создать уникальный подземный палеонтологический музей. В слоях вечной мерзлоты проектируется шахта глубиной 20 м. На дне ее будет зал, где разместятся туши мамонтов, шерстистых носорогов, гигантских оленей и других доисторических животных, которых находят сейчас в различных уголках якутской тундры. Подобные экспонаты в естественном холодильнике, каким является вечная мерзлота, смогут храниться века, оставаясь ценнейшей информацией для многих поколений ученых.

«Курильский свет»

Много лет назад между двумя крупнейшими островами Курильской гряды — Кунаширом и Итурупом — шло парусное судно. Его палуба и паруса были припудрены серебристой вулканической золой, которой был насыщен воздух: в Курильском архипелаге 38 действующих вулканов.

Вечерняя мгла опустилась на море. Внезапно в 21 час 30 мин, далеко во мраке вспыхнуло яркое белое пятно.

— Освещенное судно на зюйде! — крикнул вахтенный.

Команда высыпала на палубу. Но на горизонте было не судно. Но что же? Решили сначала, что яркий свет рожден полной луной. Но в то время было новолуние. К тому же на той параллели луна в сентябре не светит так сильно. Пятно становилось все шире и ярче. Оно приближалось к кораблю. Казалось, свет чуть-чуть пульсирует, как пламя свечи на ветру.

Когда гигантский овал достиг корабля, капитан определил его ширину — четверть мили. Вершина огненного столба терялась в высоте. Ночь разогнал сумеречный свет. Моряки могли различать стрелки часов. Капитан при этом свете делал записи в бортовом журнале. Он машинально провел рукой по голове — волосы затрещали от электрических разрядов...

Сменился ветер, и блестящее облако ушло на юг, откуда и пришло. Сразу стемнело.

Около ста лет знакомо морякам это загадочное явление природы, которое называют «горящим кругом», «блестящим облаком» или «курильским светом». В Японии оно известно как «Чисимский свет» (Чисима-ко). Одним из первых о таинственном мерцании сообщил английский мореход и географ Сноу, наблюдавший чудесное видение в 1885 году близ Курил. С тех пор моряки разных стран не раз видели «курильский свет».

Дальневосточный краевед, житель Хабаровска Г. Пермяков написал об этом рассказ, краткое изложение которого я и привел вначале. Но какова природа таинственного свечения, ни он, ни ученые Дальнего Востока, к которым Пермяков обращался, не могли объяснить. Это сделали ленинградские специалисты.

Много лет наш коллектив работает над изучением электрических процессов, происходящих в облаках,— сказал заведующий лабораторией электричества свободной атмосферы Главной геофизической обсерватории имени Воейкова доктор физико-математических наук И. М. Имянитов.— Нам удалось сделать ряд любопытных выводов. Но о них — чуть позже. Сначала я хочу рассказать несколько загадочных историй.

История первая. Все, наверное, помнят, как несколько лет назад японские судостроители удивили мир супертанкерами. Они использовались для перевозки различных грузов, в том числе и таких, как сахар, мука. Естественно, после нефтепродуктов танки приходилось тщательно мыть — в них подавали воду под большим давлением. И вот во время этого, казалось бы, безобидного процесса мойки супертанкеры вдруг начали взрываться. Многие специалисты безрезультатно ломали головы над этой загадкой. Ответ сумели дать... метеорологи.

История вторая. На подсобном участке производства порошкообразные отходы ссыпали в отвал. Интересно, что когда эта операция производилась в темноте, в воздухе возникал светящийся столб.

История третья. Из физики известно, что если две разнородные частицы сталкиваются, а потом разъединяются, то они электризуются. До недавнего времени считалось, что величина возникающего потенциала зависит лишь от того, насколько разнятся свойства частиц. Напряжение при этом, как правило, не превышало двух-трех вольт. Кстати, на этом принципе основаны аккумуляторы. Но жизнь загадала физикам загадку: почему же тогда обшивка самолета, пролетающего в облаках (и, естественно, сталкивающегося там с частицами воды), заряжается до десятков тысяч вольт?

Все эти истории, а также «курильский свет» взаимосвязаны: они имеют одну физическую основу. Ее объясняет

теория эффекта электризации атмосферного облака, которая разработана в лаборатории. Ученые выяснили, что величина электрического заряда при столкновении частиц в атмосфере зависит не только от различия их свойств, но и от того, насколько одна из них больше другой. Ясно теперь, почему обшивка самолета электризуется так сильно — масса его чрезвычайно велика по сравнению с частичками воды. Становится понятной и природа свечения в атмосфере. Между частицами вулканической золы, которыми был насыщен воздух близ Курил, и капельками атмосферной влаги возникло электрическое поле, которое светится в темноте. Подул ветер — и светящийся столб вместе с пылью унесся в сторону. Если бы в воздушное пространство отвала, куда ссыпали заводские отходы, поместили вольтметр, прибор показал бы наличие электричества. На супертанкерах в больших объемах танков образовывались мириады капелек воды и других веществ. Это практически были грозовые облака, заключенные в оболочку. Естественно, от них можно было ожидать неприятных сюрпризов.

Интересно, что человечество, не зная теоретической сути эффекта, приспособило его для своих нужд. Окраска твердых поверхностей в электрическом поле считается одним из лучших видов покрытий. Эффект электризации атмосферы используется для обогащения руд и в других целях. Теперь, когда раскрыта еще одна тайна, можно смело заставлять это «чудо природы» приносить пользу людям.

Сергей Маракулин

Планета наша тяжелеет

Используя ЭВМ, английские астрофизики провели обработку статистических данных, фиксирующих выпадение на поверхность нашей планеты космической пыли. Были подвергнуты анализу таблицы за последние 10 лет. В результате машина выдала цифру — 16 тыс. т космических частиц в год.

Музей под открытым небом

В честь 250-летия города в Свердловске был создан Исторический сквер. Около него реставрированы и превращены в выставочные залы промышленные здания прошлых веков.

Недавно на территории сквера был устроен Геологический музей под открытым небом. На газоне и под кедрами размещены образцы горных пород из различных районов Урала. Можно увидеть глыбы светлого и темного гранита, железной руды и поделочных камней. Есть тут мрамор и яшма, кварциты и родониты.

Динозавр-цапля

На небольшом плато близ Тулона французские геологи обнаружили слои песчаников, содержащие многочисленные отпечатки доисторических животных — пресмыкающихся, рыб, моллюсков, живших здесь 140 млн. лет назад. Самым удивительным открытием явился отпечаток карликового динозавра. Взрослый экземпляр достигал по высоте чуть меньше метра. Ученые определили по анатомическим особенностям скелета, что хищный карлик обитал на берегах Кораллового моря и по своим повадкам напоминал современную цаплю. Он ходил на длинных ногах по мелководью, вылавливая различную живность. Несмотря на малые размеры, этот динозавр отличался прожорливостью. В случаях, когда он сам оказывался объектом охоты со стороны гигантов, карлик мог проворно нырять и скрываться под водой.

Сейчас его отпечаток можно увидеть в Музее естественной истории в Ницце.

Морские змеи и солнечная активность

Австралийские зоологи провели исследования поведения морских змей в Тихом и Индийском океанах. Они установили, что прежнее мнение о «нейтральности» этих животных неправильно. Змеи часто нападают на рыбаков и купающихся людей. Характер их оказался агрессивным. Укус их в большинстве случаев смертелен. Разнообразие видов морских змей не позволяет пока создать единую вакцину против их яда.

Ученые установили, что циклы так называемой солнечной активности прямо влияют на агрессивность морских змей. Составлена специальная морская карта, на которой регистрируются самые опасные районы, где встречаются морские змеи, и сезонное время их атак.

Марабунта

Либо бразильцы покончат с муравьями, либо муравьи покончат с бразильцами

Сент Илер

От редакции

Сюжетом рассказа послужил репортаж, опубликованный в югославском еженедельнике «Арена» за 1973 г., под названием «Человек, остановивший наступление муравьев». Автор не придерживался текста оригинала, заимствуя лишь факты (место действия, оборонительная система ранчо и т. п.) и вводя в то же время по ходу повествования некоторые элементы домысла.

Что можно сказать о реальности описываемых событий? «Арена» не дает ссылок на другие источники. Говорится лишь, что о Лайнингене создали кинофильм, отдавая должное его мужеству. Вот некоторые данные о биологии насекомых. Кочевые муравьи вида Ecition praedator обитают в тропических лесах бассейна Амазонки. Движутся плотно сбитыми колоннами, похожими на потоки темно-красной жидкости, за что их еще называют кровавыми. По краям и во главе колонны шагают солдаты — муравьи с большими челюстями, а в центре маршируют рабочие, тащущие яйца и личинки. В хвосте колонны шествует матка («царица») в окружении солдат-телохранителей. Насекомые движутся со скоростью медленно идущего человека и останавливаются на отдых, пройдя примерно километр. Когда личинки начинают окукливаться, муравьи выбирают себе временное жилище в каком-нибудь укромном месте и живут некоторое время оседло. «Царица» же неустанно откладывает все новые и новые тысячи яичек. Но как только из куколок выведутся все муравьи, матка перестанет откладывать яички, и муравьи снова трогаются в путь. С удивительным упорством эти насекомые атакуют противника, устраивая длительную осаду, и, как правило, добиваются победы.

Относительно заголовка. Словом «марабунта» в Бразилии называют нашествие кочевых муравьев.

События, о которых пойдет речь, происходили в конце прошлого века в Бразилии. В джунглях Амазонки, вблизи устья реки Журуа, состоялось необычное сражение между людьми и воинственными муравьями. Героем битвы, продолжавшейся трн дня и две ночи, был англичанин Эдгар Лайнинген — владелец обширной плантации н ранчо с многочисленными коровами, свиньями н лошадьми.

Когда Эдгар получил страшную весть о нашествии муравьев, он помрачнел. Англичанин вспомнил трагедию небольшого городка Авейроса на Топажосе. Полвека назад несметные полчища красных насекомых осадили его н в конце концов заставили людей покинуть город. Теперь муравьн угрожали плантации н ранчо. Индейцы окрестных деревень уже покидали свон жилища. Угоняя скот, они бросали на произвол судьбы все, что не смогли взять с собой. И только индейцы, работавшие у Лайнингена, еще не двигались со своих мест н, встревоженные, собирались у ранчо, чтобы узнать о намерениях хозяина. Никто не сомневался, что придется отступить под натиском муравьев н чем быстрее, тем лучше. Уж больно силен н многочислен был враг. Однако храбрый н энергичный Лайнинген думал иначе. Он располагал огромными запасами воды, тоннами нефти н после непродолжительного размышления решил защищать ранчо н плантацию. Чтобы сообщить о своем необычном решении, Эдгар направился к ожидавшим его индейцам.

Вся одежда индейцев состояла только нз полоски хлопчатобумажной ткани наподобие фартуков. Это были мускулистые, крепкого телосложения люди. Длинные черные волосы спадали им на плечи. Индейцы негромко переговарнвались, жестикулировали, держалнсь гордо и с большим достоинством. Они с нетерпением поглядывали на приближавшегося Лайнингена, которого уважали за хорошее к ним отношение, честность, храбрость н трудолюбие.

Когда англичанин подошел, все стихли. Четыреста человек в полнейшей тишине пристально смотрели на него. Эдгар обвел взглядом хмурых индейцев, как бы стараясь понять, что у них на душе. Затем громко сказал на языке тупи: «Вы пришли сюда, на Журуа, с разных мест — с Япура, Ютан, Иса. Не раз за эти годы мы смотрели в глаза смерти, но, объединившись, всегда побеждали врагов. Так постоим же за себя и на этот раз! Я уверен: мы остановим и победим красных муравьев!»

Последние слова Лайнингена были встречены недоверчиво. «Что говорит белый человек? Никто и никогда не побеждал красную смерть. Уж не ослышались ли они?» Индейцы были удивлены, но не стали возражать Лайнингену. Они знали, что хозяин не бросает слов на ветер. Не было оснований не доверять ему и на этот раз. Все решили остаться и сражаться с муравьями до победы. Англичанин вздохнул с облегчением. Теперь можно было подумать об обороне.

В полдень тревожно замычали коровы, заржали кони, захрюкали свиньи. Животные инстинктивно чуяли опасность. Лайнинген схватил карабин и выбежал из ранчо. «Где муравьи? С какой стороны их ждать? А может быть, они все же минуют ранчо и плантацию?» Эдгар не мог сейчас ответить на эти вопросы и направился в сторону джунглей, надеясь разведать, в каком направлении движутся неприятельские колонны.

Он шел все дальше и дальше, приглядываясь и прислушиваясь ко всему, что окружало его. Плантация была уже позади, когда Лайнинген вошел в небольшой лесочек вблизи джунглей. Пройдя немного, он остановился, пораженный необыкновенным оживлением, царившим вокруг. Несмотря на жару, из щелей и укрытий появлялись бесчисленные полчища всевозможных насекомых. Они беспокойно сновали по траве и кустам, порхали в воздухе, жужжали и, словно обезумев, карабкались вверх по деревьям. Тревожно кричали птицы. Лайнинген прошел по просеке до большой опушки и вновь остановился. Его взгляду представилась необычная картина. По опушке леса мчался пятнистый ягуар в окружении стада антилоп. Вслед за ними с пронзительными визгами удирали обезьяны. В траве ползли, разворачивая и сворачивая свои кольца, змеи, прыгали лягушки, шмыгали грызуны. Спасались бегством, не обращая внимания друг на друга, сильные и слабые, маленькие и большие. Все живое бежало, прыгало, ползло, карабкалось, объятое паническим ужасом.

И вдруг наступила тишина, удивительная для джунглей, режущая слух. Жуткое молчание, полное тревоги и страха. И птицы, и звери — все обитатели леса, кто не смог вовремя уйти, смолкли в ожидании страшного врага. Эдгар замер в оцепенении, весь обратившись в слух. На мгновение ему показалось, что он слышит биение своего сердца. Но нет, это был совсем другой звук — едва слышный, назойливый и непрерывный шелест. Будто мелкий, тихий дождь шуршал в листьях деревьев. Все ближе, ближе. Лайнинген почти бегом поднялся на вершину небольшого холма и сразу увидел их. Муравьи! Тысячи и тысячи воинственных красных муравьев! Они наступали непрерывной кровавой лентой шириной несколько метров. Впереди двигался авангард муравьиного войска, а конец колонны терялся в чаще джунглей. «Вот они — владыки леса», — подумал Лайнинген, наблюдая за муравьями. Насекомые были совсем близко, и Эдгар хорошо видел их. Словно кровавые ручейки, из муравьиного потока вытекали разведчики и, обшарив каждый куст, каждое дерево, снова вливались в колонну. Вскоре англичанин заметил, как большая группа насекомых проследовала к дереву, кишащему гусеницами. Муравьи достигли ствола и начали быстро взбираться по нему. С невероятным ожесточением они разрывали гусениц на куски, и вскоре с ними все было покончено.

Между тем главные силы авангарда, не задерживаясь ни на минуту, продолжали двигаться вперед. На их пути встретился удав. Обвив нижний сук дерева и свесив голову, большая змея, видимо, дремала после сытного обеда, не подозревая о приближающейся опасности. А муравьи-разведчики уже напали на нее. Первые же чувствительные укусы привели змею в ярость. Удав плотно обвил сук, а удары могучего хвоста сотрясали дерево. Муравьи гибли массами, но им на смену прибывали все новые полчища насекомых. Удав решил искать спасения на земле и, разжав кольца, соскользнул вниз. И сейчас же красные тельца окружили его со всех сторон, отрезая путь к отступлению. Весь облепленный муравьями, удав все еще боролся за жизнь. Но судьба его была предрешена. Муравьи выели ему глаза, проникли в

пасть и буквально растаскали змею на кусочки. Лайнинген решил избавить несчастное животное от невыносимых мучений, приблизился к нему и выстрелами из карабина размозжил голову. А хищные муравьи продолжали свою адскую работу. «Ну что ж, приходите. Мы ждем вас»,— процедил Эдгар сквозь зубы и поспешил на ранчо. До прихода муравьев необходимо было сделать последние приготовления к обороне.

«Тауока! Тауока!»* — возбужденно кричали индейцы, показывая пальцами вдаль. С высокого холма, на котором находилось ранчо, открывалось грандиозное и вместе с тем страшное зрелище. По направлению к плантации бесконечными потоками двигались миллионные орды муравьев.

Обороняющиеся ждали противника за каналом, наполненном водой. Водяной оборонительный пояс был шириной четыре метра, его выкопали в форме гигантской подковы, окружающей плантацию. Уровень воды в канале мог регулироваться с помощью плотины, построенной на небольшой реке, притоке Журуа. Она защищала ранчо и плантацию с тыла. В нескольких сотнях метров позади канала проходил шестикилометровый ров, представляющий собой неглубокую узкую канаву, окружающую ранчо с хозяйственными постройками и стойлами для скота. Она была заполнена нефтью, и, если бы муравьям удалось преодолеть водяной барьер, огненная стена пламени преградила бы им путь.

Между тем наступающие колонны муравьев наконец достигли канала, и все войско остановилось. Из него выделились разведчики и стали исследовать водную преграду. Видимо, они искали наиболее удобное место для переправы. Главные же силы муравьев оставались на месте целых два часа. Затем около четырех часов пополудни насекомые пришли в движение. Два крыла их войска начали обходить плантацию, а главные ударные силы внезапно перешли в наступление. На фронте шириной около ста метров сотни тысяч муравьев безостановочно спускались в канал плотно сжатыми рядами и тысячами тонули в воде, а остальные продолжали двигаться прямо по их телам. Муравьи прокладывали себе путь по этому мосту из павших собратьев. Лайнинген, следя за переправой, приказал пустить в канал еще воды. Громадный водяной вал настиг муравьев, когда они почти закончили переход. Волна накрыла несметное множество красных телец и унесла их. Только жалкие остатки нападавших продолжали отчаянно барахтаться. Так защитники плантации отбили первую атаку муравьев.

Наступил вечер. Непроглядная тьма легла на землю. Небо осветилось мириадами тускло поблескивающих звезд. С наступлением темноты усилилась тревога. Будут или нет наступать муравьи? Обороняющиеся не могли заснуть. Нервы были напряжены до предела. Люди напряженно вглядывались в темноту противоположного берега, прислушиваясь к малейшим шорохам, доносившимся из-за канала. Лайнинген расставил дозорных вдоль всей линии обороны, а в некоторых наиболее опасных местах мощными светильниками освещали вражеский стан. Свет выхватил из темноты громадные темные массы неподвижно застывших муравьев.

Казалось, ночи не будет конца. Но вот забрезжил рассвет. Небо над горизонтом окрасилось в розово-красные тона. Начиналось утро. Муравьиный лагерь ожил, и люди, уставшие от бессонницы и ночных тревог, увидели, что насекомые готовят новое наступление. На западном фланге противника вблизи небольшого лесочка наблюдалось подозрительное движение. Тысячи муравьев взбирались на деревья и сбрасывали вниз листья. Лайнинген понял, в чем дело, и поразился находчивости и сообразительности насекомых. Всякий оторванный лист был плотом, а соединение нескольких таких листков уже представляло собой своеобразный понтонный мост. С помощью таких многочисленных мостов муравьи начали форсировать канал во второй раз. И снова Лайнинген приказал пустить воду. И вот вторая армия нападающих перестала существовать. Таким же образом защитникам плантации удалось отбить еще несколько яростных атак.

Однако, несмотря на успехи, ситуация складывалась не в пользу обороняющихся. Муравьиные армии завершали окружение плантации и делали попытки форсировать канал в разных местах. Контролировать положение становилось все труднее. И неизбежное случилось...

Лайнинген вдруг услышал встревоженные крики и увидел индейцев, бегущих от канала в сторону ранчо. Они размахивали руками и оглядывались. Эдгар понял: оборона прорвана. Действительно, нескольким тысячам насе-

* Так индейцы называют муравьев-эцитонов.

комых удалось проникнуть на плантацию на одном из участков. Они и обратили в бегство испугавшихся людей. Англичанин сделал три выстрела в воздух, дав условный сигнал для отступления за вторую линию обороны — ров с нефтью.

Плантации кукурузы, табака с посадками апельсиновых и лимонных деревьев теперь достались врагу. С тяжелым сердцем Лайнинген шагал ко рву — последней преграде на пути муравьев.

Лайнинген подошел к собравшимся за рвом индейцам. Со всех сторон на него смотрели сотни встревоженных глаз. Все ждали, что он скажет. А он стоял перед ними осунувшийся, похудевший, с плотно сжатыми губами, но спокойный и невозмутимый. Никакого волнения не отражалось на его лице. В трудных ситуациях он умел сохранять самообладание и уверенность. Эдгар не считал создавшееся положение безнадежным, но для защиты ранчо ему были нужны сильные духом люди. И поэтому, обращаясь к индейцам, он сказал: «Если кто из вас считает, что у нас нет выхода и мы погибнем, пусть покинет ранчо и переправляется через реку. Там еще нет муравьев и можно спастись. Ну, а с теми, кто пожелает остаться, я буду биться с красными дьяволами до победы!»

Он произнес последние слова очень громко, отчетливо, энергично взмахнув рукой, как бы отбрасывая все сомнения и возражения.

Однако индейцы не собирались спасаться бегством. В ответ на слова Лайнингена они закричали, что останутся на ранчо и дадут решительный отпор красным муравьям. Услышав столь единодушную поддержку, Эдгар улыбнулся и, не теряя времени, стал отдавать необходимые указания.

Тем временем муравьиный авангард достиг рва. Поначалу разведчики исследовали темную жидкость, а затем отошли назад. Муравьи не решились двинуться дальше и расположились лагерем на занятой плантации.

Наступившая ночь была такой же напряженной, как и предыдущая. А утром муравьи снова пошли вперед, но, дойдя до рва, остановились. Видимо, нефть пугала их. Однако через некоторое время сотни тысяч насекомых начали собирать листья, кору, веточки и подтаскивать их ко рву. Намерения муравьев не вызывали сомнений. Окончив подготовку, они как по команде побросали на поверхность густой неподвижной жидкости весь свой плавучий материал и начали переправу.

Лайнинген стоял наготове у края рва. Он держал коробку спичек в руке, ожидая нужного момента. И когда увидел, что муравьи почти достигли другого берега, зажег спичку и бросил ее в нефть. Моментально вдоль всего рва вспыхнуло огромное пламя, опоясав огненным кольцом территорию, прилегающую к ранчо. Бесчисленное множество муравьев, громко потрескивая, заживо сгорело в огне. Лишь жалкие остатки в беспорядке отступали на исходные позиции.

Когда пламя погасло, в черный обуглившийся ров была вылита вторая цистерна нефти. Вскоре еще одна муравьиная армия бросилась на штурм и была уничтожена огнем.

Однако положение обороняющихся все более ухудшалось. Куда бы ни бросали свой взгляд защитники ранчо, всюду виднелись несметные полчища красных телец. Их армии увеличивались ежеминутно. Из-за реки также начали прибывать колонны насекомых, замкнувшие в конце концов кольцо окружения. Единственный путь к отступлению был отрезан, а в ров уже вылита третья, последняя, цистерна нефти.

Лайнинген решил, что настала пора применить оставшееся средство — открыть плотину и затопить окрестности. Иными словами, это означало затопить плантацию, но ранчо, расположившееся на холме, люди и животные были бы спасены.

Вся трудность состояла в том, что до плотины нужно было пройти три километра по территории, занятой муравьями. Эдгар пожелал сам выполнить эту рискованную операцию. Он одел комбинезон с капюшоном и смочил его нефтью, чтобы отпугивать насекомых. Затем обул высокие резиновые сапоги, доходившие до бедер, а на руки натянул длинные резиновые рукавицы. Глаза он защитил большими очками, а уши и ноздри заткнул ватой.

Англичанин попрощался с индейцами и дал им последнее указание — зажечь нефть, как только он окажется на другой стороне рва.

То, что произошло потом, было похоже на кошмарный сон. Лайнинген перепрыгнул ров и сейчас же на него набросились муравьи, словно только и ждали, когда он окажется среди них. Они цеплялись за ноги и, несмотря на нефть, стремились взобраться как можно выше. А Лайнинген бежал и бежал,

стиснув зубы н топча сапогамн копошащихся муравьев. Но они налипали иа одежду все больше н больше и на полпути до целн острая жгучая боль пронзила его тело. Насекомые нашли брешь в одежде н беспощадные челюсти все чаще впивались в кожу бегущего человека. «Нужно спещить! Нужно спешить!» — стучало в его мозгу. Он на ходу сбрасывал руками муравьев, сумевших добраться до лица.

Спеша нзо всех сил, Лайнинген быстро устал. Ои начал задыхаться, солеиый липкий пот заливал глаза. Но вот наконец н плотина. Крепко сжав губы, чтобы не дать муравьям проникнуть в рот, Эдгар обеими руками ухватился за рукоятку сливного устройства и потянул ее на себя. Но она не двинулась с места. Отчаяние охватило мужественного человека. «Неужели конец?» — пронеслось в его голове. И все же со второй попытки иечеловеческим иапряжением Лайнингену удалось открыть слив. На мгновение он потерял сознание, а когда очнулся, услышал шум воды, устремившейся в каиал. Плотина была открыта. «Скоро начнется наводнение,— подумал он,— н если я не успею вовремя вернуться, то утону вместе с проклятымн муравьями». И Эдгар устремился в обратный путь.

Дорога назад была еще тяжелее н мучительиее. Жгучие, невыносимые укусы непрестанио терзали тело. Лайнинген бежал нз последних сил, глядя на видневшуюся вдалеке стену пламени. Там было спасение. «Еще немиого! Еще совсем немного!» — подбадривал ои себя. Но силы покидали его. Эдгар уже не бежал, а шел, шел на последнем дыхании. Он чувствовал, что ноги заплетаются, сердце словно остановилось, н не было сил сбрасывать муравьев с лица. От чрезмерного напряжения н иепрерывных укусов Лайнингеи уже не видел множества красиых телец, облепивших его сверху донизу. Трудно было бы сосчитать, сколько насекомых нес он иа себе. Эдгар был на краю гибелн, но и заветный ров с догорающей нефтью был совсем рядом. Вблизи рва Лайнинген упал на землю и потерял сознание. И сейчас же на иего набросились новые полчища насекомых. Страшная боль от укусов привела его в чувство. Невероятным усилием он заставил себя на четвереньках доползтн до края рва н подняться. Со всех сторон к нему иа помощь бежали индейцы, но Эдгар не видел нх. Перед затуманенным взором была только противоположиая сторона канавы, иа которой его ждало спасенне. Он заставил себя перевалиться через ров. Упав иа землю, Лайнинген снова потерял сознание.

Когда Эдгар Лайнинген пришел в себя, он понял, что лежит на носилках на вершине холма. Ужасно болело тело и голова, поташнивало. С трудом ои провел по лицу и обнаружил, что в иекоторых местах вообще нет кожи. Индейцы стояли рядом н с ужасом смотрели иа него. Слабым голосом Эдгар попросил приподнять его голову. В окрестностях ранчо, в заходящих солнечных лучах, блистало море воды, поглотившее муравьев. Радость одержанной победы, большого, ни с чем ие сравнимого чувства исполненного долга охватила Лайнингена н заглушила боль. Ои почувствовал в груди, в ногах, во всем своем нстерзанном теле огромную жажду жнзни.

«Остановили их»,— сказал Эдгар глухим голосом, н слабая улыбка пробежала по его обезображенному лицу.

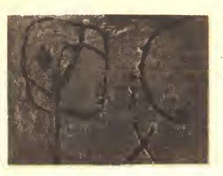
Вячеслав Удалов

Путешествия сфинкса

В этрусском захоронении в районе Черветери итальянские археологи обнаружили небольшое изображение сфинкса из мрамора. Подобная находка сделана впервые. Комиссия экспертов смогла определить, что сфинкс попал в древнюю Этрурию сложным путем. Вначале из Египта его перевезли в Грецию, а затем греческие купцы доставили скульптурку в Италию и продали в качестве диковинного сувенира знатному этрусскому семейству.

Полезное переселение

В Латвии недавно была произведена перепись... муравейников. Лесники и ученые Риги зафиксировали десятки тысяч жилищ этих насекомых. Большинство из них насчитывает до одного миллиона жителей. Одновременно было установлено, что муравейники на территории республики расположены неравномерно. Начато их перераспределение. Муравьи самых полезных видов, уничтожающие вредителей леса, искусственно поселены на новых местах.



Следы на камнях

Однажды ранней осенью, проходя вдоль лесной опушки, я увидел большой плоский валун и, конечно, прошел бы мимо, если бы не два зяблика, которые меня заинтересовали. Они сидели на камне, и, приглядевшись, я вдруг заметил, что птицы пьют дождевую воду из углубления в нем. Подойдя ближе, я увидел, что это углубление похоже на след ноги человека.

Камни-валуны на Северо-Западе Европейской части нашей страны встречаются довольно часто. Их можно увидеть на обочинах дорог, на полях и в лесной глуши, а то и на окраинах селений. Они разной величины, но все округлы, без острых углов и изломов. За прошедшие тысячелетия они плотно вросли в землю, покрылись мхом и лишайником.

Чаще всего мы не обращаем на них внимания. И напрасно. На некоторых из них можно заметить выдолбленные непонятные знаки или следы человека, зверей, птиц... До сих пор еще бытуют легенды о небесном происхождении таких валунов и их целебных свойствах.

Как же попали к нам эти чужеродные куски темного гранита, находящиеся в явном противоречии с окружающим ландшафтом — березовыми рощами, многоцветными коврами лугов, светлой голубизной озер — со всем тем, что составляет замечательный природный комплекс северо-западных и центральных областей нашей страны.

Еще не так давно, лет сто назад, знаменитые ученые Ч. Дарвин, Ж. Кювье, А. Гумбольдт, стараясь объяснить появление валунов на Севере Европы, поддерживали ложную гипотезу так называемых «плавающих льдин». Согласно ей, эти огромные камни принесены льдинами, плававшими по древнему морю, заливавшему в далекие времена эту территорию.

Лишь во второй половине XIX в. эта гипотеза была опровергнута экспедиционными изысканиями молодого русского ученого П. А. Кропоткина. Он не только доказал несостоятельность гипотезы «плавающих льдин», но и высказал твердое убеждение, что валуны притащены надвинувшимися с севера ледниковыми массами во время последнего оледенения. Эта точка зрения была подтверждена позднейшими исследованиями.

Вследствие наступившего похолодания, причины которого пока еще не вполне ясны, гигантские массы льда, вздымавшиеся в высоту до двух километров, стали двигаться в южном направлении, увеличивая ледяную шапку северного полушария. Они перевалили через Скандинавский полуостров и проникли до среднего течения Днепра, Дона и Волги.

В своем движении, продолжавшемся тысячелетия, льды захватывали куски гранита, иногда целые скалы, передвигая их на сотни и даже тысячи километров. При этом, естественно, из-за трения поверхность захваченных льдом камней постепенно сглаживалась. Вместе с массами льда эти камни проползли до тех мест, где их застало наступившее 10—12 тыс. лет назад потепление. Лед растаял, а камни остались.

Еще раз встретить валун, хранящий человеческий след, мне довелось на Псковщине, во время экспедиции Академии наук по уточнению места Ледового побоища 1242 г. Мы обнаружили остатки размытого водой легендарного Вороньего камня, около которого произошла историческая битва. Необходимо было выяснить возможную высоту пластов бурого девонского песчаника, из которого состоял этот огромный останец.

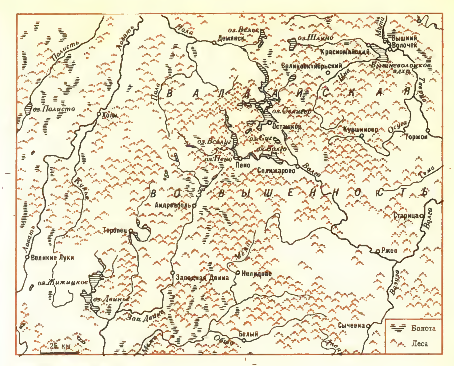
— Поезжайте на Кунесть,— сказал мне один из местных старожилов, Алексей Леонтьевич Салов.

— Верно-верно, там на берегу целые обрывы песчаника,— подтвердил и Федор Николаевич Романов, большой знаток своего края и любитель старины.

Однако на следующий день, приближаясь к тому месту, где должна была находиться речка Кунесть, я с недоумением осматривался кругом. Поля сменялись лесом, а реки не было видно.

— Да вон же она, в овражке течет,— указала встретившаяся нам женщина.

В самом деле, спустившись в нахо-



Валдайская возвышенность

дившийся неподалеку глубокий овраг, мы вышли к речке. Она оказалась небольшой и к тому же заваленной множеством валунов. На берегах у самой воды обильно росли папоротники и осока. В одном месте отвесная стена оврага немного отступила от воды, образовав небольшую поляну. Рассматривая могучие пласты песчаника, поднимавшиеся более чем на 20 метров, я присел на ствол срубленного дерева.

— Божьей матери поклониться пришли? — раздался вдруг женский голос, и я, обернувшись, увидел пожилую женщину.— У нас здесь ее след явлен,— добавила она, видя мое недоумение.— Пойдемте, покажу.

Моя проводница подошла к воде и показала на камень средней величины. Он ничем не отличался от других, лежавших рядом, но на поверхности его ясно был виден след ступни человека.

— Кто же вам сказал, что это ее след?

— А как же! — воскликнула женщина.— Камень-то этот с неба. Давненько это было. Провинились мы тогда перед ней, вот и поднялась страшная буря. Деревья старые с корнем повырывало. Думали, конец света пришел. А как поутихло, посмотрели утром, ан камень-то тут, у речки, и лежит. И след на нем — знак, значит, что с неба он.

По всей вероятности, я так и не вспомнил бы об этом эпизоде, если бы не познакомился с Сергеем Николаевичем Ильиным. Страстный любитель русской старины, он оказался одним из тех, кто серьезно занялся этими камнями, хранящими древние следы деятельности человека. Не одну тысячу километров исходил он по дорогам Псковской, Калининской и других областей нашего Северо-Запада в поисках валунов. В военной гимнастерке, выцветшей от солнца во время его путешествия, в кирзовых сапогах, с походным мешком за плечами, он шагал, пытливо всматриваясь в окружающую местность. Местные жители сообщали ему о лежащих поблизости валунах и изображениях на них. Вот и отправился я к нему в г. Шую (Ивановская область), где живет этот энтузиаст.

Он показал мне снимок валуна с очень грубо выдолбленным человече-

Речка Кунесть

ским следом. По бокам следа виднелись еще какие-то углубления, назначение которых невозможно было определить.

— Это Меглинский камень,— пояснил Сергей Николаевич,— обнаружен у деревни Меглино. Названия камням, которые мне удалось обнаружить, я даю по ближайшим селениям. Так легче вести их учет. Работники Калининского краеведческого музея так им заинтересовались, что, не без трудностей, конечно, привезли его к себе в музей и включили в экспозицию.

Новоселовский камень (Новгородская область, Демянский район)

Сергей Николаевич достал другой снимок.

— А это Новоселовский камень,— продолжал он.— Обнаружил я его на окраине деревни Новосел в Новгородской области. На нем тоже человеческий след, но рядом выбит след какого-то небольшого парнокопытного животного, по всей вероятности косули.

На фотографии самый обыкновенный, средней величины валун лежал у деревенской изгороди. Приглядевшись, я заметил, что одна сторона камня явно стерта. По всей вероятности, он где-то застрял, и лед в течение столетий двигаясь по нему, стер эту сторону. Потом, когда ледник отступил, этот камень приглянулся какому-то человеку, который выбрал его, чтобы выбить на нем следы. Но что могли означать они? Быть может, человек выбил свой след и след убитого им животного, чтобы удачной оказалась и новая охота?

— Интересный камень, не правда ли?— проговорил Сергей Николаевич, заметив, с каким вниманием я рассматриваю фотографию.— Я расспрашивал о нем в деревне. Никто ничего не знает. «Всегда тут лежал,— отвечают.— Деревне-то этой, верно, тысяча лет, а камень-то, поди, еще до нас здесь находился, когда тут лес вековой стоял...»

— А на этом камне,— показал Сергей Николаевич новую фотографию,— явственный след какой-то крупной птицы, похоже глухаря. Местные жители называют его Петухов камень, но это, конечно, не петушиная лапа... А вот в позапрошлом году у деревни Воложба в Ленинградской области, под Тихвином, мне удалось найти камень, на котором выбит след медведя.

На фотографии был запечатлен типичный валун среднего размера со сглаженными краями. На его плоской поверхности я увидел совершенно отчетливо широкий медвежий след. Он был глубокий. На его переднем крае угадывались даже небольшие выемки острых когтей зверя.

Сергей Николаевич оживился и показывал мне один снимок за другим.

— Посмотрите, на этом,— продолжал он,— ясно видна ступня взрослого человека, а рядом маленькая нога. Похоже на след женщины и ребенка.

Я смотрел на фотографию и не мог оторвать от нее глаз. Почему возникло у человека желание изобразить эти следы? Быть может, это следы женщины и ребенка, которых он любил? Как много могли бы рассказать эти древние камни!..

— А тут вот,— говорил между тем Сергей Николаевич,— на Новодеревенском камне, вы можете видеть очень примитивно выбитый след человека, а немного в стороне от него изображение, смысл которого еще ждет своего объяснения. Ну а этот щеглец-камень с речки Вишера Новгородской области — совершенная загадка: тут и ступни, и кисти рук, и круг, и еще какие-то непонятные знаки. А вот на этом камне из деревни Хитицы тоже круг и какой-то серповидный знак, похоже на солнце и луну...

Сергей Николаевич вынимал из папки все новые фотографии. Бросалось в глаза, что нанесенные на камнях изображения в основном выполнены одним способом — выдолблены каким-то примитивным орудием. Больше всего попадалось изображений отпечатка человеческой ступни. Почему именно человеческие следы так привлекли внимание людей, живших на берегу Ловати и на озере Селигер, на территории Вологодской и Смоленской областей?

— Интересно, конечно,— проговорил Сергей Николаевич, как бы угадывая мои мысли,— зачем человек трудился над подобными изображениями? Ведь как ни грубо они выполнены, труд-то для этого нужно было приложить немалый. К сожалению, ответа на этот вопрос пока нет.

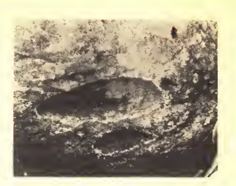
— Сколько же у вас взято на учет камней-следовиков?

— Около тридцати,— ответил он и, помолчав, добавил: — Из года в год все меньше их остается. Валуны — прочный материал, их дробят и используют на ремонт дорог, на фундаменты зданий. А между тем следы доисторического прошлого нашего Северо-Запада разве не заслуживают внимания научной общественности?!

Конечно, сохранившиеся на валунах изображения не равноценны в научном отношении и относятся к разным периодам, но предпринятое С. Н. Ильиным исследование открывает возможность лучше познать древнее послеледниковое прошлое нашего Севера и Северо-Запада. Это, правда, очень узенькая, но все же тропинка к человеку того далекого времени...

Он был прежде всего охотником, этот первый поселенец, так как обилие воды от таявшего льда еще не позволяло заниматься земледелием. Продвижение людей на север происходило очень медленно и заняло, как и постепенное отступление ледника, тысячелетия.

Конечно, обнаружена С. Н. Ильиным лишь малая часть камней-следовиков, рассеянных по полям и лесам. Но, когда я проанализировал эти находки, появилась возможность сделать некоторые интересные выводы.



Наумовский камень (Смоленская область, Велижский район)

Бросается в глаза, что подавляющее большинство камней-следовиков, обнаруженных в Калининской и Псковской областях,— девять из двенадцати — приходится на Валдайскую возвышенность с озерами Селигер и Пено и прилегающими к ним обширными лесами. Это позволяет говорить о том, что пришедший в эти края человек селился преимущественно на возвышенных местах. Здесь быстрее, чем в низменностях, просыхала земля и становилась удобной для поселения.

В наше время Валдай привлекает живописностью своего всхолмленного ландшафта, в котором леса, поля и озера создают неповторимую прелесть этого замечательного края, облагороженного человеческим трудом.

Не так было в далекую доисторическую пору, когда здесь появился человек. Местность покрывали труднопроходимые леса, среди которых еще оставалось немало болот и озер. Тут уже тогда наметился водораздел между бассейнами Волги, Днепра и Западной Двины. А у западных отрогов Валдая, вдоль возникших уже к этому времени рек Ловати, Куньи, Торопы и других, намечались озерно-речные системы, объединенные спустя много веков торговым путем «Из варяг в греки». Это были земли, не знавшие сухопутных путей. Не случайно даже в средние века конные полчища татар в 1238 г. не смогли продвинуться на север, к Новгороду: дойдя до Игнача-креста, они были вынуждены повернуть назад.

Зато леса и озера Валдая изобилова-

Новодеревенский камень (Калининская область, Пеновский район)

ли дичью и рыбой. С юга сюда пришел бык-тур, нашли тут удобные для себя пастбища лесные лошади, появился шерстистый носорог и мамонт, кости которого находят в Калининской области. Следом за ними в этих диких местах поселился и человек, которому тут приходилось не только охотиться, но и вести борьбу с суровыми климатическими условиями и хищными зверями. Можно предполагать, что и название Волковский лес на Валдае возникло из-за большого количества водившихся тут волков.

Поселения располагались чаще всего по берегам рек и озер на сухих местах, поросших хвойным лесом. Обнаруженные на Валдайской возвышенности двенадцать камней-следовиков находятся в районе Осташково (озеро Селигер), Селижарово (верховье Волги), озера Пено и прилегающих к ним районов Валдая. Вероятнее всего, так же поступал человек послеледникового периода и в других местах, где он оставил камни-следовики.

Выслеживая животных и птиц, человек из поколения в поколение имел дело с их следами и научился определять, не только какое животное оставило следы, но и размер зверя, возраст, утомлен ли он от преследования и т. п. Таким образом, каждый след становился источником целого ряда сведений, приобретал индивидуальность. Это получило отражение и в изображенных на камне человеческих следах: они не похожи один на другой, разной величины и имеют присущие каждому из них особенности.

На первый взгляд это звучит парадоксально, но я пришел к выводу, что каждый выбитый на камне след человека, а иногда, может быть, и зверя становился для того, кто его воспроизводил, как бы своего рода «портретом». По этому следу его узнавали все, кто с ним встречался.

Таковы камни-следовики, обнаруженные на Валдайской возвышенности.

След на Новодеревенском камне широкий, тупой, явно искривленный; на Меглинском, наоборот, вытянут и имеет заостренный носок; на Дубковском камне мы видим широкий носок и узкую пятку; у следа на Слободском камне искривлена передняя часть, а след на Новинском камне имеет какой-то выступ с правой стороны; след на Конецком камне слабо выражен, а рядом широкий след какого-то животного; напротив, след на Нечаевском камне отчетлив и правилен в своих очертаниях, но более крупный по размерам; след же на Пустошкинском камне выделяется как своими размерами, так и выбитым около него следом животного и т. д.

С какой же, однако, целью трудился над этими изображениями человек, пришедший сюда в послеледниковый период?

Трудно ответить на этот вопрос определенно. Скорее всего, это носило культовый характер. Выбитый на твердом, «вечном», камне, след человека мог служить символом продолжения жизни в загробном мире. Изображения же следов животных могли означать удачную охоту умершего.

В изображениях же круга и изогнутой фигуры серповидного очертания легко видеть попытки первобытного художника отразить поразившие его чем-то небесные тела — солнце, луну или стихийные явления — молнии, а быть может, и защитить себя от стихийных сил этим способом.

Таковы эти камни. Они хранят стремление древнего человека отразить окружающий мир, запечатлеть пережитые волнения. Это означало начальную ступень изобразительного искусства, которое получило название петроглифов. Развивалось оно очень медленно. Так, бросается в глаза, что работа на Хитецком камне выполнена гораздо примитивнее, ее техника грубее, чем на камне Щеглеце, изображение которого явно относится к более позднему времени.

Особый интерес представляет сравнение петроглифов Валдая с теми, которые попадаются на валунах и скалистых берегах озер Карелии. Валунов там очень много, и они иногда величиной с деревенскую избу и больше.

Первобытный человек, поселившийся на территории Карелии, был преимущественно рыболовом. Он пошел в своих изобразительных попытках не таким путем, какой избрал древний охотник Валдайской возвышенности. Наряду с подобным же примитивным изображением небесных тел он старается запечатлеть на камне не следы человека, а его самого. И достигает этого оригинальным путем, оставляя на поверхности камня выпуклые контуры головы, рук и т. п. Это получается у него очень примитивно, а порой даже уродливо, что породило в дальнейшем у населения поверье, что на валунах изображен не человек, а бес.

Изобразительное искусство на камне развивалось в этнически разных районах различными путями. В глухих районах, какими были в те времена Карелия и Валдайская возвышенность, это искусство долго оставалось на самых первых ступенях своего развития. На водных же путях, где раньше, чем в других местах, возникли судоходство и торговля, оно достигло гораздо большего. На берегах Онежского озера и Белого моря люди научились изображать на поверхности валунов не только фигуры людей и представителей животного мира, но даже и сцены охоты или плавания на судах.

Хочется надеяться, что поиски камней-следовиков будут продолжены и они займут надлежащее место в нашей научной литературе.

Георгий Караев

Осьминоги идут на абордаж

«Случай редкий, но совсем не фантастический!» — так охарактеризовали канадские биологи рассказ капитана норвежского танкера «Брунсвик» о нападении на корабль большой стаи осьминогов.

Корабль находился к юго-востоку от Ньюфаундленда. Сперва моряки заметили осьминогов в кильватерной струе. Затем они увидели, как морские чудовища окружают танкер и цепляются своими щупальцами за его стальные борта. «Это были гигантские спруты,— заявил капитан.— Мы ясно ощущали, что чем-то рассердили эту жуткую стаю. К счастью, их щупальца плохо держались на окрашенной металлической поверхности. Одно из чудовищ упало и угодило под винты корабля. Это послужило как бы сигналом к отступлению: осьминоги сразу исчезли в глубинах океана».

Руда в кипятке

Французские исследователи обнаружили на дне Красного моря, у берегов Судана, своеобразную «яму», максимальная глубина которой — 2200 м. Вода на этой глубине отличается высокой температурой и перенасыщена солями.

Ученые смогли опуститься в провал на батискафе «Сиана» лишь на непродолжительное время. Стальные стенки подводного аппарата быстро нагрелись до 43°С. Пробы воды показали, что «яма» практически наполнена жидкой рудой. Раствор содержал соединения хрома, железа, золота, марганца и многих других металлов.

Субтропические пингвины

На одном из островов близ Антарктиды новозеландские ученые нашли ископаемые останки исчезнувшего вида доисторических пингвинов. Эти птицы жили на Земле много миллионов лет назад и достигали в высоту двух метров. В те времена климат на острове был теплым и влажным.

Лисицы — домашние животные

До сих пор бытовало упорное мнение, что обыкновенные рыжие лисицы не могут разводиться в неволе. Это не удавалось ни шведам, ни англичанам, посвятившим данной проблеме много усилий.

Умело используя принцип «отбора по поведению», новосибирский ученый Д.Беляев смог одомашнить дикую лисицу. Конечно, на это ушел не один год. Последнее поколение, полученное в неволе, особенно интересно. Лисята машут хвостом при виде знакомого человека, как собаки, ластятся к ногам, как кошки. Сенсационный успех советских ученых признали иностранные делегации, побывавшие в новосибирском Академгородке.

Когда признаки домашних животных будут закреплены в последующих поколениях, питомцев Д. Беляева из вольеров научной лаборатории можно будет передать на звероформы. Кстати, мех этих лисиц на международных пушных аукционах ценится весьма высоко.

Колонии угрей в Красном море

На дне залива Акаба среди бледно-желтого песка и водорослей, на глубине 30 футов, живет колония угрей-«растений». Я стою на коленях позади маскировочного каркаса-ширмы, напоминающего башенку, и наблюдаю за ними сквозь прозрачную голубизну Красного моря.

Серебристо-серые угри возвышаются над уровнем дна примерно на ярд, словно стебли садовых растений. Выгнув тела и напряженно высматривая пищу, они делают реверансы, кланяются и покачиваются. Подчиняясь музыке неощутимых течений, они без устали исполняют свой змеиный танец, словно кобры, заколдованные звуками дудочки заклинателя.

Как правило, угрей друг от друга отделяет несколько футов, но иногда — лишь несколько дюймов. Хвост каждого угря уходит в песок, в норку, где угорь и живет. В случае опасности он исчезает в ней весь.

Натуралист Уильям Биб наблюдал за угрями-«растениями» в Калифорнийском заливе. «Более всего они напоминали железные прутья,— писал он,— чуть изогнутые... торчащие из песка, но в отличие от прутьев они слегка покачивались». Он не смог тогда представить никаких «вещественных доказательств», подтверждавших существование угрей-«растений», и скептики усомнились в достоверности его сообщения. Но уже следующее поколение ученых признало его открытие — было обнаружено еще несколько колоний угрей-«растений», ведущих уникальный для позвоночных образ жизни.

В 1969, 1970 и 1971 гг. Национальный научный фонд, а в 1971 г. и Национальное географическое общество США организовали экспедиции в район Красного моря, и я получила возможность изучить один из видов этой группы необычных рыб. В работе мне помогал муж, а также студенты-зоологи из университета штата Мериленд.

Всего мы исследовали 16 колоний угрей-«растений», расположенных вдоль побережья Красного моря, но основную работу сосредоточили в двух местах около портового города Элата в северной части залива Акаба.

Предмет нашего исследования Gorgasia sillneri впервые был обнаружен в водах залива западногерманским коммивояжером Людвигом Силнером. Его хобби — подводные съемки, и однажды в этом районе ему удалось заснять колонию угрей-«растений» и даже поймать молодого угря. Западногерманский ихтиолог, доктор Вольфганг Клаузевиц в названии этого вида угрей увековечил имя Силнера.

В центре для подводного плавания мы вооружались всем необходимым, выходили под лучи жаркого полуденного солнца — температура воздуха зачастую превышала 40°С — и исчезали в водах залива Акаба. Температура воды была 24°С. Проплыв небольшое расстояние, мы оказывались в районе крупной колонии угрей. Но любимым временем для визита к угрям был не полдень, а раннее утро, когда в воздухе еще чувствовалась относительная прохлада.

Ранним августовским утром мы с мужем тщательно экипируемся и направляемся к заливу. Вся прибрежная полоса усыпана группами отдыхающих. В этот предрассветный час они еще спят в спальных мешках и поэтому напоминают спящих тюленей. Ничего удивительного: ведь залив Акаба — настоящий туристский рай.

Надев маски, мы входим в море. Под водой сразу же выключаем фонари и ориентируемся лишь благодаря серой дымке пробивающегося сверху первого утреннего света.

Мы тащим с собой ширму — обтянутый брезентом металлический каркас — и на фоне песчаных холмов подводной пустыни его туманные очертания выглядят не более уместными, чем космический корабль на Луне. В 5 утра мы доплываем до владений колонии №2. На участке овальной формы, около 300 футов в длину, живут более тысячи угрей. Они уже покачиваются и извиваются: утреннее представление началось, но, как только мы подплываем к ширме, они немедленно прячутся в песок.

На подготовку к работе у нас уходит

несколько минут. Мой муж, энтузиаст-фотолюбитель, отлаживает камеру. Я уже готова, на кисти у меня — секундомер, в руках — карандаш и блокнот из пластика. Воздуха в баллонах хватит часа на полтора.

В ширме у нас есть смотровые отверстия. Устроившись возле них, видим, что угри снова поднялись. Их сотни. Горделиво вытянувшись, они словно стоят на кончиках хвостов. Некоторые находятся настолько близко, что мы буквально смотрим им в глаза, однако теперь мы уже стали частью пейзажа, и угри больше не обращают на нас внимания. Они смирились и с ширмой, и с идущими из нее пузырьками, и с нашими масками, поблескивающими в отверстиях.

Большинство угрей занято кормлением, для этого они поворачиваются навстречу едва заметному течению. Из обширного морского меню они выбирают далеко не все: только крошечных моллюсков, мелкие морские растения, рыбьи икринки.

Радиус полусферы, в которой кормится угорь, чуть короче длины его тела. Во всяком случае мы ни разу не видели, чтобы угорь полностью извлекал кончик своего хвоста из норки — волнистого вертикального отверстия в песке, окаймленного выделениями из хвостовой части тела рыбы.

Прямо перед собой наблюдаю процедуру спаривания двух угрей. Расстояние между их норками не превышает шести дюймов. Оливково-крапчатый самец тянется к самке, его длинный, отливающий белизной спинной плавник, чуть колыхаясь, стелется вдоль тела. Различить пол у Gorgasia sillneri довольно легко. Самец крупнее, темнее, на тыльной стороне головы заметное утолщение. Длина тела около трех футов; угри-«растения» других видов, как правило, короче.

Оплодотворение происходит внешним путем по инициативе самки, она немного выдвигается из своей норки и петлей обвивается вокруг самца. Она выпускает икринки, а самец извергает семя.

Время пролетает быстро. Вижу, что муж подсоединяет резервный баллон. Жестом он показывает мне, что пора возвращаться. Мы поднимаемся на поверхность и плывем к берегу.

В эти часы шелковистая поверхность Красного моря действительно отливает красным цветом — в воде отражаются горы, порозовевшие под лучами восходящего солнца. Вдоль берега идет караван верблюдов. Бедуины несколько раз оглядываются на нас, но не останавливаются. Уже семь утра, сейчас мы примем теплый душ, позавтракаем, и начнется работа в лаборатории, где в цементных аквариумах, наполовину заполненных песком, мы держим для изучения взятых в плен угрей.

Когда угорь пойман, норка заливается эпоксидной смолой и получается извилистый слепок. Он немного длиннее жившего в этой норке угря

Но наиболее увлекательная и благодарная работа, конечно, на дне моря. Почти во всех изучаемых колониях мы, сменяя друг друга, наблюдали за тем, как ведут себя угри-«растения» в течение суток. Обычно угри появляются из своих норок до восхода солнца, хотя бы за полчаса. Сначала осторожно высовываются головы — масса большеглазых перископов внимательно озирается в предрассветной полутьме. Постепенно угри вытягиваются все выше и выше, тела их становятся все длиннее и длиннее, и наконец мы видим целое поле угрей.

Иногда они прекращают кормление и прячутся — это их спугнула рыба или косяк рыб, реже ныряльщик или моторная лодка. Но в любом случае задолго до полудня, часов в девять утра, вся колония без какой-либо видимой причины уходит в песок. После дневного отдыха, часа в три, они появляются снова. Наибольшей активности жизнь в колонии достигает к заходу солнца. Наступает темнота, и мы включаем фонари. Казалось бы, пора спать, но угри еще долго не покидают сцены.

Мы обнаружили, что, когда они удаляются в норки на ночь или для дневного отдыха, на их территории появляется маленькая, весьма занятная рыбка, Trichonotus nikii. Я открыла эту рыбку-ныряльщика еще в 1964 г. и назвала ее в честь моего сына Ники.

Выдвинутая вперед челюсть и глаза навыкате помогают пятнистому Gorgasia sillneri охотиться за добычей. Вздутия над глазами говорят о том, что этот угорь — самец

При появлении опасиости эта двухдюймовая, с перисто-волнистым покрытием рыбка ныряет головой прямо в песок.

На иочных фотографиях, сделаниых студентом университета штата Мериленд Джошем Уилкеифельдом, запечатлеиы десятки и даже сотни этих маленьких «иыряльщиков», кормящихся именно иа том уровие, иа котором находятся головы стоящих в полиый рост угрей, т. е. относительио близко ко дну. Завидев врага, крошечные рыбки успевают зарыться в песок.

Так природа, умело распределив «сеансы», позволяет питаться за одним и тем же довольио богатым столом и угрям, и рыбкам-ныряльщикам, причем без всякой конкуренции.

Вместе со мной работал Дэвид Фридмаи из Морской лаборатории Стейница, специалист по подводному миру. Как мы выяснили, поймать угря ие так-то просто. Будешь вскапывать руками участок вокруг иорки — ничего ие получится, потому что угорь буравит песок гораздо быстрее. Однако Дэвид зиал, что если впрыснуть в иорку определеиное количество анестезирующего вещества, угря удается выкурить.

Моя студентка Филлис Анастос часто просила Дэвида помочь ей поймать угря. Для изучения перемещений угрей Филлис привязывала к голове угря тоикую нитку, а к другому ее концу прикрепляла пробку-поплавок. Так ей удавалось фиксировать все передвижения угря.

За три сезоиа ей удалось выяснить, что меняют свои иорки, как правило, только самцы. Филлис обиаружила также, что иа приближение к самке самец тратит иесколько дней, т.е. передвигается в день на считаные дюймы. После спаривания самец удаляется, и у каждого партиера опять достаточно большая полусфера для кормления.

«Но я никогда ие видела, чтобы самец покидал свою старую иорку и выкапывал иовую!» — жалуется Филлис.

И ие только оиа — никто из иас никогда ие видел, каким образом угри меняют место жительства. Покидает ли угорь свою норку и переплывает иа новое место? Или же, избрав себе подругу, ои прорывает к ней дорогу прямо сквозь песок? Мы так до сих пор этого ие зиаем.

Колония № 2. Мы с Филлис опускаемся поглубже и видим следующее: иа площади около 4 квадратных ярдов гнездится 56 угрей. Ничего ие скажешь, густоиаселеииый участок! Оказалось, что это молодняк — всего по 6 или 7 дюймов в длину. Только достигнув 10 дюймов, молодые угри-«растения» покидают свою микрообщину и рассеиваются среди взрослых.

Однако к молодежи зрелые самцы относятся отнюдь ие покровительствеино. Оии часто делают «выпады» в сторону молодых соседей, и тем приходится зарываться в свои иорки. Но как только самец поворачивается в другую сторону, молодые угри тотчас же появляются и, поднимаясь все выше и выше, иачинают активио поглощать проплывающий планктои. Стоит самцу повериуться в их сторону, оии сразу же скрываются.

В конечиом счете молодому угрю приходится отодвигаться и уступать зону кормления взрослому угрю: чтобы составить конкуренцию старшим, иадо иемиого подрасти. Обычно молодой угорь располагается где-нибудь иа периферни колонии, там ему легче защищать свой участок и делить его с подругой. Что касается молодых самок, им, как я поняла, зачастую приходится присоединяться к местному гарему.

Мы иаучились «вычислять» место жительства иаших угрей. Главное — это песок. Наиболее благоприятная для угрей-«растенй» коисистеиция песка встречается на глубние от 5 до 8 футов, в стороие от коралловых рифов, гденибудь иеподалеку от устья высохшей реки, время от времени все же прииосящей в море воду. А если такой участок еще и омывается богатыми плаиктоиом потоками — более подходящего места для угрей-«растений» ие иайти.

В севериой части залива Акаба мы с Дэвидом Фридмаиом увидели милли-

Танец ухаживания — здесь угри само изящество и грация. Икринки невидимы, и автору так и не удалось поймать момент оплодотворения угрей, которое, как и у большинства рыб, происходит внешним путем

оны кишащих у дна маленьких Trichonotus nikii. Однако, опустившись на дно, мы не смогли найти ни одной знакомой норки. Я заметила, что в некоторых местах песок вскопан, видимо, какой-то крупной рыбой. Так мы напали на след злейшего, на мой взгляд, врага угрей-«растений».

Вскоре мы увидели, что к нам приближаются крупные рыбы. Это были скаты «дазиатис», пять огромных скатов, каждый величиной с крышку стола. Они проплыли мимо, и мы последовали за ними. Неожиданно они захлопали своими «крыльями», нырнули головой вперед в верхний слой песка и начали метаться из стороны в сторону, взрыхляя песок огромными грудными плавниками. На дне поднялась песчаная буря. Орды маленьких рыбок кинулись врассыпную.

Не могу точно сказать, за кем именно охотились эти отвратительные хищники, но думаю, что колонии угрей едва ли могут развиваться в местах, подвергающихся налетам тупоносых скатов.

По всей видимости, угрям-«растениям» выгодно держаться вместе, жить колонией. Во-первых, чем больше глаз, тем проще обнаружить опасность. Во-вторых, когда угрей целая армия, многие хищники просто не станут на них нападать. В-третьих, при большом скоплении себе подобных всегда легче

выбрать пару, помочь молодым выжить.

Однако «оседлость» имеет и свои недостатки. Например, стихийное бедствие может полностью уничтожить всю колонию. В 1969 г. в порту Элат произошел взрыв, и море в этом районе было отравлено массой химикатов. В результате вся рыба на участке в четверть мили погибла. Целиком погибла и колония угрей. Есть и еще одно неудобство — быстрее истощаются пища и кислород. И разумеется, для действительно сильных врагов обрушиться на неподвижную жертву гораздо проще.

Мы закончили эксперименты и исследования, однако в наших сведениях об угрях-«растениях» остался существенный пробел. Что происходит между оплодотворением икринок и превращением их в молодых угрей, готовых занять место в колонии? Об этом можно только догадываться.

Угри-«растения», как и обычные американские, европейские и азиатские угри, принадлежат к классу угревидных. Настоящий угорь, как и его дальние родственники, на одной из начальных стадий развития представляет собой плоскую желеобразную личинку, известную как лептоцефал, или «гибкая голова», имеющую несколько дюймов в длину. Прозрачная, с листовидным телом, она существует как часть планктона и похожа на взрослого угря не больше, чем гусеница на бабочку.

Ихтиологи утверждают, что в планктоне содержатся лептоцефалы многих видов угрей. Исходя из таких характеристик, как количество позвонков (оно может быть свыше 600, но для каждого вида более или менее одинаково), можно выявить соответствие между некоторыми личинками и известными типами взрослых угрей. Однако многие лептоцефалы, описанные в специальных журналах, никаких аналогов среди взрослых угрей не имеют. В надежде получить лептоцефала я пыталась провести искусственное оплодотворение угрей-«растений». Увы! Икринки так и не стали эмбрионами. Но даже если бы этот эксперимент окончился удачно, в жизни угрей-«растений» все равно осталось бы еще много «белых пятен».

Сколько месяцев или лет лептоцефал угря должен прожить в планктоне, прежде чем он осядет в песок и станет членом колонии или положит начало новой? Каковы «сферы влияния» известных типов угрей-«растений»? Как далеко на юг Красного моря распространяются Gorgasia sillneri? Найдем ли мы их в Индийском океане?

Когда я думаю о многих нераскрытых тайнах угрей-«растений» Красного моря, о будущих экспедициях в поисках разгадок, я часто вспоминаю один визит на дно моря. Течение было чуть сильнее обычного, и казалось, что угри танцуют не под классическую музыку, а под джазовую. Они то вытягивали голову вперед, ловя кусочки пищи, то снова отклонялись назад, все так же глядя навстречу потоку. Гибкие тела, словно натянутые тетивы, стлались над дном в высокой дуге — это был каскад вопросительных знаков.

Эти грациозные таинственные существа словно говорили мне, что не познано еще очень многое.

Юджиния Кларк

Перевод с английского
Михаила Загота

Ископаемая роща

Не так давно в Приморье на берегу Татарского пролива случился оползень. Он обнажил стволы окаменевших деревьев. Дальневосточные охотники привели на место своей находки экспедицию новосибирских ученых, которые определили, что здесь около 30 млн. лет назад шумела огромная субтропическая роща. На берегу теплого болота росли секвойи, гигантские папоротники, магнолии, платаны. Любопытно, что вместе с ними соседствовали древние сосны и ели.

Сифон для озера

Когда-то озеро Длуге в Польше славилось рыбными богатствами. Индустриальные стоки сделали свое черное дело. Как спасти этот водоем? Сейчас разработан план, по которому сначала прекращается сброс сточных вод, затем будет построен сифонный трубопровод длиной 400 м. Чистая вода из другого озера за полтора-два года полностью промоет водоем и сделает его пригодным для разведения рыбы. Словом, озеро подвергнут прополаскиванию.

Коротко о разном

Жук-огнемет

Почти сто лет назад в Колумбии был открыт и тщательно описан жучок размером всего 1 см. Он получил название «брахинус». Защищаясь от врагов, усердный «артиллерист» выбрасывает струйку пахучей жидкости. Выброс сопровождается специфическим звуком маленького выстрела. Если жидкость попадает на руку человека, он ощущает явный ожог. Однако до сих пор все думали, что жидкость жучка является простонапросто органической кислотой.

И только в наши дни с помощью приборов и тонкого химического анализа было открыто удивительное свойство этого редкого представителя мира насекомых.

Ученые подробно исследовали защитный механизм жучка. Оказалось, что в желудке у него есть три камеры. В одной из них содержится гидрохиноноподобное вещество, в другой — перекись водорода и вода. В третью камеру эти вещества поступают по каналу и смешиваются там с ферментом, мгновенно окисляющим химические соединения. Термодинамический расчет показал, что при этой реакции должно выделяться много тепла.

Мускульный клапан жучка сжимается и выбрасывает парообразную смесь наружу. Ее температура достигает 100°С. Пар создает дополнительную «реактивную» силу выбрасываемой струи.

«Брахинус» является единственным живым существом, способным производить в своем теле кипящую жидкость столь высокой температуры.

Слоны пошли на бифштексы

Известно, что ныне слоны нуждаются в защите, в специальных законах, ограничивающих охоту на них. Животных безжалостно убивают из-за высокой цены на их бивни. Сейчас опасность катастрофического уменьшения количества слонов в Африке возросла. Она связана с тем фактом, что мясо этих крупных животных вошло в моду в ресторанах Европы и Америки. Заказы на замороженное филе едва успевают выполнять. Как пишут французские газеты, из-за бифштексов под экзотическим соусом, предназначенных для толстосумов, слонов вскоре можно будет увидеть только в зоопарках или цирках.

Пумы из пустыни Гоби

За последние пять лет палеонтологи Геологического института Монгольской Академии наук сделали целый ряд открытий, обогативших мировую науку. Работая в южной части пустыни Гоби совместно с московскими специалистами, они открыли окаменевшие останки редких видов динозавров. Но еще удивительнее была находка костей пумы, обитавшей здесь 40 млн. лет назад. До последнего времени это хищное животное считалось чисто американским.

Кстати, монгольские ученые сделали в Гоби еще одно немаловажное открытие. До сих пор полагали, что млекопитающие начали играть значительную роль в сухопутной фауне нашей планеты 60 млн. лет назад. Теперь же эту цифру надо увеличить до 100 млн. Именно в слоях такой давности найдены останки первых млекопитающих.

В коллекции — верблюды и носороги

Близ берегов речки Текес в Казахстане советские палеонтологи обнаружили «месторождение» костей доисторических животных. Их перевезли в Алма-Ату, и они составили очень интересную коллекцию. В нее вошли гигантские верблюды и карликовые олени, жирафы и мастодонты, двурогие носороги и трехпалые лошади. Все эти животные обитали в юго-восточной части Казахстана несколько миллионов лет назад. По мнению специалистов, находка является самой редкой в Азии.

Взаимные протесты

Не так давно общественные организации ФРГ протестовали против активности охотников в Италии: уничтожение перелетных птиц наносило чувствительный урон сельскому хозяйству Западной Гер-

мании. Ведь тысячи птиц, не прилетевших весной обратно,— это соответственно миллионы оставшихся в живых вредителей.
Теперь же протесты направлены в адрес охотников ФРГ. Специалисты Швеции определили, что бесконтрольные стрельбы по перелетным птицам на территории Западной Германии уже дали свои губительные последствия на полях и в садах значительной части Швеции.

Спасет ли это редких животных?

Американский географ Гарольд Стефенс открыл в мелкорослых джунглях юго-восточной Малайзии двух носороговальбиносов. Ученый категорически отказался сообщить место своей находки, ибо это повлекло бы за собой неизбежные попытки браконьеров отловить редких животных для зоопарков Европы.

Вершины тянутся вверх

Точные измерения французских геофизиков показывают, что отдельные вершины Альп продолжают подниматься. Например, знаменитый Монблан вырастает за год на 1 мм. Скалистая гора Миди растет в полтора раза быстрее. Есть и рекордисты: они поднимаются вверх еще быстрее — на 2 мм каждый год.

Проект промывки залива

Городские и промышленные отходы скапливаются не только на свалках. Сейчас уже требуется уничтожение отходов, скопившихся на дне моря. В Японии оживленно обсуждается проект промывки Токийского залива с помощь течения Куросиво. Для этого предлагается проложить на дне моря гигантский трубопровод диаметром более 10 м. Насосная станция будет через него подавать в залив до 40 млн. $м^3$ чистой воды в сутки. Примерно за два года мощные потоки должны очистить от грязи этот район, давно ставший «мертвым морем». Затраты окупятся потом — за счет восстановления рыбных запасов.

Крупнейший в мире заповедник

В пустыне Гоби обитают редкие животные нашей планеты — дикие верблюды, куланы, медведи, лошади Пржевальского. По решению правительства Монголии, в этом районе организован национальный парк — один из крупнейших в мире заповедников. Его площадь приближается к 4 млн. га. Ученые республики намерены принять меры не только по защите редчайших представителей фауны, но и по увеличению их количества.

Корабль, изучающий античность

В реестре французского флота недавно появился новый корабль — назвали его «Археолог». Судно специально сконструировано для морских подводных поисков исторических сокровищ. Для этого на нем смонтированы установки подводного телевидения, ультразвуковые локаторные зонды, изотопные и магнитографические анализаторы металлических предметов. С палубы корабля можно опустить в глубину различные электронные приборы, фотокамеры со вспышкой. В трюме имеется специальный люк с кабиной, откуда на дно могут опускаться шесть водолазов. На корабле помещается и маленькая подводная лодка для двух исследователей. Корабль «Археолог» уже начал свои исследовательские работы в Средиземном море. Он ищет античные города, которые опустились на дно моря в результате тектонических процессов.

Лягушки вместо ядохимикатов

Близ Казани создана весьма необычная ферма. На ней разводят несколько видов лягушек и жаб, отобранных по совету ученых. Эти существа, выращиваемые вдали от всех их природных врагов, уже регулярно отправляются на поля и садовые плантации. Земноводные превращаются в надежное средство биологической борьбы с насекомыми, слизняками и другими сельскохозяйственными вредителями.

Новый вид охраны памятников

Как это ни парадоксально звучит, но одним из видов охраны памятников старины является их... прополка. Действительно, пыль и семена растений заносятся ветром на выступы зданий. Корни проникают в малейшие трещины и разрушают камни.

Оригинальный и надежный метод защиты исторических построек разработан и уже применен реставраторами Узбекистана. При ремонте мечетей и минаретов в Самарканде они впервые стали добав-

лять в строительные материалы, например в бетон или гипс, обычные сельскохозяйственные гербициды, используемые для уничтожения сорняков хлопка и пшеницы. Теперь эти химикаты защищают стены, купола и арки построек XV в.— архитектурный ансамбль Регистан.

Первые охотники Сибири

Сибирские археологи сделали интереснейшее открытие в горах Кузнецкого Алатау. Там обнаружено поселение древних охтников, возраст которого — 34 тыс. лет. Эту цифру дал радиоуглеродный анализ, проведенный в Сибирском отделении АН СССР. Значит, можно говорить о самом раннем из найденных поселений человека в Сибири. Жилища тут имели вид своеобразных юрт из земли. Близ них обнаружены кости мамонтов, бизонов, оленей, носорогов. Добывали местные охотники также сурков и зайцев. Уровень обработки каменных скребков, топоров и наконечников копий практически не отличается от подобных находок в поселениях ориньякской культуры в Европе того же исторического периода. Однако следует отметить, что поселение в Сибири по своим размерам значительно превышает европейские.

Школы для грибников

Несколько лет финские ботаники с помощью ЭВМ и статистических записей лесников подсчитывали, каков средний урожай съедобных грибов в их стране. Цифра получилась внушительной — 765 тыс. т ежегодно. Однако из этого количества собирается лишь 0,002%. Причина столь скромного использования лесных богатств заключается в том, что даже сельское население плохо знает весь спектр съедобных грибов. Поэтому решено открыть специальные школы, где ученые будут читать лекции, показывать образцы, учить методам консервации грибов, при которых сохраняются все их вкусовые и питательные качества. В частности, финские ботаники утверждают, что некоторые виды мухоморов не только съедобны, но и полезны человеку — как источник аминокислот и комплекса микроэлементов.

Письма на свинце

На острове Березань в Черном море и среди руин города Ольвии на берегу Буга советские археологи сделали интереснейшее открытие — найдены два древнегреческих письма на свернутых трубочкой свинцовых пластинах. Теперь в коллекции ученых пять подобных писем. На территории Греции найдено лишь одно. Подобные письма были в древности весьма распространены. Редкость их объясняется тем, что греки употребляли прочитанные письма на ремонт крыш, изготовление разновесов и грузил.

Письмо, найденное на Березани, относится к VI в. до н. э. В нем некий Ахиллодор рассказывает Анаксагору о ссоре из-за рабов. В письме из Ольвии, относящемся к IV в. до н. э., некто по имени Батикон сообщает другу Дифилу о неудачном судебном процессе. Свинцовые письма тем самым проливают свет на интересные детали общественных отношений колонистов, осваивавших тогда Причерноморье.

И зазеленеют пыльные горы!..

Озеленение терриконов — сложная проблема. Но ее необходимо решать, ибо горы пустой породы — источник чрезмерного запыления атмосферы городов и поселков вокруг угольных месторождений. Местные растения отказываются расти на таком грунте, лишенном минеральных субстанций. Где же выход? По мнению ленинградских ботаников, рекультивация терриконов вполне возможна, если на них высаживать семена, рожденные самой природой для бедных почв. Например, на терриконах Донбасса вполне комфортабельно будут себя чувствовать травы из полупустынь Средней Азии. И тогда унылые горы превратятся в зеленые холмы! Через несколько лет, когда восточные гости своими корнями удобрят верхний слой породы, на нем приживутся и местные травы. Пыль исчезнет совсем.

Факты подобраны
Германом Малиничевым

Зарубежные научные вести

Изучение ледникового периода

В противоположность распространенному представлению в разгар последнего ледникового периода (около 18 тыс. лет назад) осадки в виде снега выпадали сравнительно редко.

Исследование этой проблемы было проведено в 1971—1976 гг. рядом научных учреждений США. Оно показало, что глобальный ледниковый покров начал образовываться около 80 тыс. лет назад, причем этот процесс сперва шел исключительно быстро. Однако по мере распространения ледников они стали так влиять на атмосферную циркуляцию, что все бóльшие области Земли становились аридными (засушливыми). Так оледенение несло в себе зародыш собственного исчезновения в дальнейшем. Замедленное наступление ледников все же продолжалось вплоть до момента, отстоящего от нашего времени примерно на 18 тыс. лет.

Начавшийся затем процесс отступания ледника не был единым. Как ныне выяснилось, освобождение от ледникового покрова большей части Северной Америки не распространялось длительное время на территории современных штатов Вашингтон и Орегон (крайний северо-запад США), где наибольшее оледенение наблюдалось около 14 тыс. лет назад.

Считалось ранее, что важнейшей причиной, вызвавшей ледниковый период, были обильные снегопады. Теперь же установлено, что 18 тыс. лет назад количество осадков было на 15% меньше, чем ныне.

Таким образом, не должно вызывать удивления и малое количество осадков, выпадающих ныне в глубинных районах Антарктиды. Ледяное нагорье этого континента отличается исключительно сухим климатом. В период, когда и в северном полушарии существовали аналогичные условия, аридный климат был свойствен почти всей планете. Возможным исключением были лишь отдельные, сравнительно небольшие области, среди которых называют район Большого Соленого озера (нынешний штат Юта на юго-западе США), занимавшего тогда значительно большую площадь, чем теперь, и содействовавшего плювиальному (дождливому) климату в прилегающей местности.

В Гренландии, очевидно, начало ледникового периода ознаменовалось исключительно быстрым накоплением льда, затем этот период сменился практически «застоем». По-видимому, значительные снегопады тогда происходили только вдоль фронта наступления ледника, где и находилась его зона питания, а не в центральных областях острова.

Исследователи предполагают, что главное влияние на климат в глобальном масштабе оказало тогда похолодание экваториальных поверхностных вод в Мировом океане, связанное с подъемом глубинных холодных вод на поверхность, что привело к снижению температуры на поверхности океана более чем на 10°С. Сейчас теплые экваториальные воды, находясь на поверхности океана, служат основным источником пополнения атмосферы влагой, выпадающей в виде осадков.

Похолодание океана было сравнительно незначительным, но оно повлекло за собой весьма существенные последствия для климата. Уровень Мирового океана понизился примерно на 100 м, что привело к осушению большой части континентальных шельфов, включая и Берингию — полосу, соединявшую в ледниковый период Чукотку с Аляской. В то время в южной части Аляски и почти на всей территории Канады лежал ледяной покров.

Типичный пример интенсивных изменений природных условий — смещение Гольфстрима к югу и вторжение холодных вод в область Атлантического океана, лежащую севернее границы нынешних штатов Северная и Южная Каролина и побережья Испании. В это время восточная и центральная части Канады были покрыты ледником мощностью 3000 м.

Для всестороннего анализа палеоклимата было использовано большое количество образцов льда, взятых при бурении в Антарктиде и Гренландии, пыльцы древней растительности, собранной на всех континентах, колонок донных осадочных пород в различных

акваториях Мирового океана, остатков морской и сухопутной фауны отдаленных эпох.

Физико-математический анализ причины циклических оледенений включает проверку гипотезы, согласно которой они связаны с изменениями околосолнечной орбиты Земли и ее оси вращения, в результате которых смещается угол падения солнечных лучей в высоких широтах.

Палеоклимат Индийского океана

Изучение климата отдаленного прошлого — один из важнейших методов определения тенденции изменения климата нашей планеты. Группа американских палеоклиматологов и океанологов выполнила реконструкцию температурных условий, существовавших в области Индийского океана 18 тыс. лет назад.

Карты, представленные этой группой на конференции Американского геологического общества (ноябрь 1976 г.), основаны более чем на сорока образцах донных пород, взятых в различных районах океана. Изучение полученных материалов привело исследователей к выводу, что за эти 18 тыс. лет общая температурная структура Индийского океана изменилась в значительно меньшей степени, чем Атлантического и Тихого океанов.

Карты за август показывают, что температуры в районах к северу от экватора были подобны нынешним, но южная граница теплых поверхностных вод (с температурой до 27°C) продвинулась на север примерно на 10°. К югу от 20° ю. ш. поверхностные воды претерпели существенное охлаждение.

На картах, относящихся к февралю, видно, что территория теплых (до 27°C) вод в ту отдаленную эпоху была сильно ограничена. Особенно это касается области между экватором и 15° с. ш. Таким образом, Аравийское море и Бенгальский залив были 18 тыс. лет назад значительно холоднее, чем ныне. Воды, омывающие Южную Африку, были тогда холоднее на 4°C.

Аномалии в уровне океана

Запущенный в 1975 г. американский искусственный спутник «GEOS-3» снабжен оборудованием, позволяющим измерять высоту подстилающей поверхности с точностью до 50 см.

Изучая собранные этим спутником данные, профессор университета штата Новый Южный Уэльс (Австралия) Рон Мазер сделал вывод о характерных отклонениях топографии Мирового океана от стандартного «уровня моря». Так, на протяжении более 3200 км восточного побережья Австралии наблюдается перепад высот уровня океана: в северной его части он на 2 м выше, чем в южной. Очевидно, как полагает Р. Мазер, это может быть связано с тем, что господствующее направление прибрежных морских течений в этом районе — южное.

Автоматическая метеостанция на Южном полюсе

На полярной станции Амундсен-Скотт завершились продолжавшиеся в течение всей южнополярной зимы 1975 г. испытания автоматической метеорологической станции. Несмотря на исключительно трудные погодные условия, испытания прошли успешно. Приборы собирают данные об атмосферном давлении, температуре, скорости и направлении ветра. Их показания не только регистрируются на месте, но и передаются на борт запущенного в июне 1975 г. спутника «NIMBUS-6». Он движется по полярной орбите и каждые 107 мин. проходит зону радиовидения станции Амундсен-Скотт.

Гигантский кратер в Антарктиде?

Более 16 лет назад Антарктическая экспедиция США обнаружила в австралийском секторе этого континента на расстоянии примерно 400 км от побережья, в пункте с координатами 71° ю. ш., 140° в. д., весьма крупную депрессию ледникового покрова. Ледник в этом районе в необычной для глубинных районов Антарктиды степени изборожден трещинами. Геофизики Джон Дж. Уэйхаупт и Франц Вандерховен выполнили здесь серию гравиметрических измерений. Это позволило построить схему поверхности, служащей ложем для ледника. Оказалось, что под полуторакилометровым покровом ледника находится впадина шириной 250 км и глубиной около 800 м.

Геофизик Ричард А. Шмидт высказал предположение, что это кратер, возникший после падения гигантского метеорита. В пользу такого утверждения говорили и частые находки в Ав-

стралии тектитов — мелких стекловидных сферических обломков, явно подвергшихся оплавлению при вхождении из космоса в атмосферу Земли.

Анализ строения кратерного вала, окольцовывающего депрессию в Антарктиде, и размер всей подледной долины указывают на сходство ее с кратерами на Марсе и Луне (эрозию, вызываемую ледником, можно считать незначительной).

Возраст австралийских тектитов составляет около 600—700 тыс. лет, что позволяет примерно датировать момент падения гигантского небесного тела. Подсчеты показывают, что его поперечник составлял 4000—6000 м, а масса — около 13 млрд. т. Скорость движения метеорита при столкновении с Землей — примерно 70,5 тыс. км в час.

Таким образом, это крупнейшее из всех известных до сих пор небесных тел, падавших на нашу планету. Его падение должно было привести к очень серьезным последствиям. Высказывается предположение, что выброшенные в атмосферу пылевые частицы могли вызвать похолодание климата в глобальных масштабах.

Исследование подводного Галапагосского рифта

В феврале — марте 1977 г. американская научно-исследовательская подводная лодка «Алвин» и надводное судно «Кнорр» участвовали в изучении Галапагосского рифта — разлома земной коры на дне Тихого океана.

Ученые на подлодке «Алвин» сделали 11 погружений непосредственно в той области, где, согласно гипотезе дрейфа континентов, происходит растяжение морского дна в результате подвижки гигантских плит земной коры. Кроме того, с борта научно-исследовательского судна «Кнорр» на дно была спущена буксируемая платформа, с которой производилось детальное фотографирование этого интереснейшего для изучения района.

На дне были обнаружены источники горячей воды, очевидно связанные с глубинной вулканической деятельностью, а также отдельные скопления бугорчатой «подушечной» лавы, причем каждый ее выступ достигает примерно 30 см. в диаметре. В других же районах дна лава образовала гладкие, выровненные потоки. Такие черты топографии дна характерны и для ранее изучавшихся Кайманова желоба в Карибском море и Срединно-Атлантического хребта, где также проходят границы соседствующих плит земной коры.

Однако Галапагосский рифт отличается тем, что здесь наблюдается активное выделение горячих вод из отверстий, образовавшихся в «подушечной» лаве.

По мнению Ричарда фон Герцена, работающего в Вудсхолском океанографическом институте, обнаружению таких отверстий способствовала малопересеченная топография дна в данном районе. В Срединно-Атлантическом подводном хребте встречаются вершины, достигающие 2 км, тогда как в районе Галапагосских островов на дне океана максимальное возвышение составляет лишь 200 м.

Такие горячие источники объясняются массивным конвекционным движением морской воды сперва под ложе океана, сквозь осадочные породы и даже сквозь породы основания на глубину до нескольких километров. Там эти воды нагреваются, соприкасаясь с вулканическими породами, и затем снова, фильтруясь, поднимаются наверх.

Неожиданным было открытие в 20 км к югу от Галапагосского рифта цепочек холмов, достигающих 20 м в высоту. Температура их значительно выше, чем у дна в данном районе.

Астрометаллургия зарождается?

Исследования показывают, что малые планеты Солнечной системы — астероиды на 80—90% состоят из металлов, в основном из железа и никеля, запасы которых на Земле нельзя считать неисчерпаемыми.

Группа инженеров и астрофизиков — научных сотрудников Массачусетского технологического института (США) предложила проект, по которому к астероиду, подошедшему сравнительно близко к Земле, посылают ракету. Она садится на астероид, плотно прикрепляется к нему; включает мощные двигатели и... буксирует его к Земле. На некотором расстоянии от нашей планеты на астероиде включают специальную печь, получающую энергию от Солнца. Металл постепенно переплавляют в слитки, которые «сбрасывают» на Землю, благо теперь расстояние невелико, а сила земного притяжения «работает» безотказно.

Подсчеты показывают, что один астероид сравнительно небольших размеров (диаметром примерно 1 км) может удовлетворять нужды всего человечества в железе в течение 15 лет, а

никеля при нынешнем уровне потребности в нем может хватить и на целое тысячелетие. Кроме того, в состав астероидов входит немало меди и кобальта, которые тоже становятся весьма дефицитными.

Цитадель, построенная индейцами

Группа сотрудников Национального археологического института Боливии, возглавляемая его директором д-ром Карлосом Понсе Санхинесом, производя раскопки в районе Исканвайя (300 км к северу от Ла-Паса), обнаружила развалины крупного сооружения, возведенного жителями доколумбовой Америки.

Изучение руин показало, что это укрепление было построено представителями ранее совершенно неизвестной индейской культуры. Оно расположено в джунглях на высоте около 1600 м над уровнем моря и занимает площадь около 14 га. Это одно из крупнейших укреплений Южной Америки, возведенных до появления белого человека.

Цитадель расположена на восточном склоне Анд. Используя естественный рельеф, древние строители сумели провести оросительные каналы общей протяженностью 3 км. По этим каналам подводилась вода к полям и домам, расположенным на искусно построенных террасах.

Новый метод измерения загрязнения атмосферы

Профессор Университета штата Пенсильвания (США) Пиллей разработал новый метод, позволяющий устанавливать загрязненность природной среды. Метод основан на бомбардировке ядерными частицами данного образца. Характер возникающего в ходе этого гамма-излучения показывает присутствие тех или иных загрязняющих элементов. Применение этого метода позволило по этим образцам установить присутствие и распространенность 30 различных агентов, загрязняющих природную среду.

Так, по образцам, взятым в парках, окружающих Пенсильванский университет, было обнаружено, что с 1953 г. в атмосфере началось увеличение содержания серебра. Около 1960 г. соответствующая кривая на графике достигла максимума. Это совпадает с широким применением методики «засевания» облаков кристаллами йодистого серебра для искусственного вызывания осадков.

Уровень содержания ртути в воздушной среде, как оказалось, также начал расти в 50-х годах. В этот период промышленность США расширила использование этого элемента в разнообразных химических процессах.

В первом десятилетии XX в., согласно определениям Пиллея, в древесине, взятой в центральной части штата Пенсильвания, заметно снижение содержания железа. Как раз в это время металлургическая промышленность в данном районе США начала свертываться.

Обнаружение цунами по ионосферным эффектам

Вслед за землетрясением, происшедшим 16 мая 1968 г. в Токачи-Оки (Япония), высокочастотная система радиообсерватории в Гонолулу зарегистрировала необычные быстрые колебательные изменения в высотах радиоотражающего слоя ионосферы.

Специалисты связали эти колебания с акустическими волнами в атмосфере, генерированными вертикальным перемещением поверхности Земли при землетрясении. Впоследствии такое предположение подтвердилось при наблюдении эффектов, связанных с землетрясением на Курильских островах 11 августа 1969 г. и на Камчатке 23 ноября 1969 г.

Сотрудники Гавайского университета создали высокочувствительную радиоаппаратуру для измерения динамических вариаций в верхних слоях атмосферы и изменений свойств ионосферы, вызываемых вертикальными движениями земной поверхности. Лучше всего регистрируются сейсмические волны с периодом между 50 и 200 сек.

Подобные сейсмические волны расходятся из эпицентра землетрясения по земной поверхности и вызывают атмосферные волны, распространяющиеся вплоть до самых верхних пределов газообразной оболочки планеты. Тем самым они в принципе служат предвестником различных явлений, относящихся к области сейсмологии.

Предполагается в дальнейшем использовать новый метод в международной Тихоокеанской системе предупреждения о цунами, в которой участвуют соответствующие службы США, СССР, Японии и других стран данного региона.

Вулканы в Тихом океане

Экипаж самолета, пролетавшего 27 декабря 1976 г. над о. Святого Матвея (территория Новой Зеландии), наблюдал извержение вулкана, расположенного на этом острове.

В момент сближения самолета с вулканом из кратера взметнулось облако серого пепла. Оно поднялось до высоты 350 м. Почувствовался острый запах серы.

Воды океана вокруг острова изменили свою окраску. Течение разносило мутные потоки главным образом на юго-восток.

В январе 1977 г. самолет-лаборатория японского Управления безопасности судоходства установил, что со дна моря в районе о. Минами (архипелаг Волкано, 23° с. ш., 142° в. д.) поднимаются огромные пузыри. Вода вокруг окрасилась в пепельно-коричневый цвет, на ее поверхности появились плавающие обломки вулканической породы (вероятно, пемзы), имеющие оранжевый и желтый цвет. Был сделан вывод, что происходит извержение подводного вулкана. За последние три года в этом районе, охватывающем острова Бонин (Огасавара), Марианские и Волкано, отмечено семь подводных извержений.

В декабре 1976 г. группа ученых, возглавляемая д-ром Коулом (Университет им. Виктории, Новая Зеландия), посетила о. Уайт, расположенный у берегов Северного острова Новой Зеландии, в заливе Пленти. Они установили, что поверхность почвы в районе кратера Нойзи Нелли, образовавшегося в 1971 г., продолжает вздыматься. Температура почвы необычно высока. В сутки здесь происходит в среднем не менее 50 подземных толчков. 21 декабря из расщелины внезапно вырвался столб пара, достигавший 700 м в высоту. 26 декабря из кратера поднялось облако черного пепла.

Новозеландские вулканологи С. Хьюсон и С. Натан совершили 30 декабря облет о. Уайт на самолете. Они заметили, что вся его восточная половина покрыта пеплом горчично-зеленого цвета. Вблизи главной расщелины его толщина достигала 1 м. Эта расщелина расположена рядом с кратером Рудольф, через который шло извержение в 1967 г. Ширина расщелины составляет около 20 м.

В январе 1977 г. новая группа ученых совершила облет вулкана. Они наблюдали, как поток серо-коричневого пепла, окутанный клубами пара, спускался по склонам горы до отметки 800 м над уровнем моря. 15 января произошло два сильных взрыва, причем облако дыма поднялось до высоты 1300 м.

6 января 1977 г. в 6 ч. 11 мин., по Гринвичу, на дне моря Бисмарка (у берегов Новой Гвинеи) произошло мощное землетрясение. Его интенсивность составляла 6,6 балла по шкале Рихтера. Фокус землетрясения лежал на глубине всего 5 км, эпицентр — в точке с координатами 3,8° ю. ш., 144,4° в. д.

Долгосрочный климатологический прогноз

Метеоролог Хард С. Уиллетт из Массачусетского технологического института (США) проанализировал развитие цикличности солнечной активности (в особенности ее пятнообразующей составляющей) за несколько последних десятилетий. В результате он построил климатологический прогноз в глобальном масштабе, охватывающий первую половину XXII в.

По мнению Уиллетта, в ближайшее время похолодание будет развиваться неуклонно. Примерно через 125 лет можно ожидать наступления «малого ледникового периода», который продлится около 30 лет, между 2110 и 2140 гг., когда активность Солнца достигнет максимума в нынешнем 720-летнем цикле. «Полный» же ледниковый период должен наступить примерно через 10—30 тыс. лет.

Прогноз содержит указание на то, что в ближайшие 25 лет средние температуры будут значительно ниже, чем в последнее десятилетие. В Канаде, северных районах Европы и относительно высоких широтах предстоит преимущественно сухой период, Африка и южная часть Азии уже вступили в полосу жестокой засухи, которая продлится около 10 лет. Между 2000 и 2030 гг. можно ожидать резкого потепления, за которым, однако, довольно быстро последует сильное похолодание в глобальном масштабе.

53-й рейс «Гломара Челленджера»

В мае 1977 г. научно-исследовательское судно «Гломар Челленджер» своим 53-м рейсом возобновило работы по изучению дна Атлантического океана к югу от Бермудских островов.

Это была седьмая попытка пробу-

рить вулканические породы ложа Атлантического океана в этой весьма интересной для науки области. Несмотря на неблагоприятные метеорологические условия, в трех районах Срединно-Атлантического хребта, где глубина превышает 5500 м, удалось проникнуть на сотни метров в породы основания дна. В двух точках обнаружены свежие, недавно излившиеся из недр магматические породы, образующие жесткие литосферные плиты, каждая из которых имеет характерные магнитные и химические параметры.

В третьей точке, неоднократно меняя износившийся бур и снова вводя бурильную колонну в скважину (что при глубине моря 5519 м представляет немалую техническую трудность), удалось пройти около 550 м, добившись тем самым рекордного проникновения в древнюю кору океанического дна. Эта точка находится примерно в 700 милях от внешней «оси» Срединно-Атлантического хребта, где, согласно новой гипотезе глобальной тектоники, происходит образование молодой земной коры. Как оказалось, прежняя кора образовалась в меловой период и имеет возраст более 110 млн. лет.

Таким образом, возникла подробная картина геологической активности, приведшей к созданию в меловом периоде земной коры, ставшей ложем зарождавшегося тогда Атлантического океана.

Значительную часть (72%) колонок пройденного бурением грунта удалось поднять на борт судна. Изучение химических и физических свойств этих пород в судовых лабораториях позволило найти свидетельства вулканической активности и мощных тектонических движений земной коры, сопровождавших в отдаленную геологическую эпоху образование морского дна. Эта картина оказалась чрезвычайно сложной.

Земная кора в данном районе, очевидно, возникла в результате целой серии извержений базальтовых пород. Некоторые из них представляли собой лишь спорадические излияния, другие же — мощные выбросы из глубинных вулканических каналов, очевидно связанных с глубоко залегающей зоной плавления в мантии Земли.

Отдельные участки лавы, обладающей весьма различными химическими свойствами, говорят о том, что она поступала на поверхность в течение длительного периода. Обнаруженные здесь существенные аномалии в интенсивности теплового потока, идущего из недр Земли и вызывающего крупномасштабные процессы плавления пород, пока еще не нашли себе исчерпывающего объяснения. Необходимы дальнейшие исследования магм, чтобы восстановить картину их возникновения и эволюции под гребнем подводного хребта и дальнейшего изменения в результате воздействия морской воды.

Наиболее интересным открытием участники рейса считают тот установленный факт, что образование коры происходит в результате целой серии процессов, в которых периоды без вулканической активности не менее важны, чем более краткие, но, по-видимому, бурные моменты излияния магмы. Очень существенны процессы наклонных движений окраинных блоков земной коры и горизонтальное смещение оси, вдоль которой происходят вулканические события.

Как известно, направление магнитного поля в момент излияния лавы фиксируется в ней по мере остывания и может служить свидетельством смены таких направлений. В данном районе обнаружено по крайней мере пять палеомагнитных изменений полярности в ходе накопления лавовых потоков в ложе океана. Кроме того, зафиксировано еще несколько более мелких ее изменений. Это позволило построить подробную модель движения блоков земной коры.

Все эти исследования осуществляются в соответствии с Международной программой глубинного бурения в море, участниками которой являются ученые СССР, США, Англии, ФРГ, Японии и других стран.

Б. И. Силкин

Содержание

Путешествия
Приключения

На суше и на море. Повести. Рассказы. Очерки.
Н12 Статьи. Ред. коллегия: В. И. Бардин и др. Сост. С. И. Ларин. М., «Мысль», 1978.
447 с. с ил. и карт.; 8 л. ил.

Восемнадцатый выпуск художественно-географического ежегодника «На суше и на море» открывается повестью «Перевал» о строителях БАМа. В сборнике помещены также повести, рассказы и очерки о природе и людях различных районов Советского Союза и зарубежных стран, о путешествиях и об исследованиях советских и иностранных ученых; материалы по охране окружающей среды, очерки и статьи о жизни животного и растительного мира, фантастические рассказы советских и зарубежных авторов. В разделе «Факты. Догадки. Случаи...» публикуются научно-популярные статьи и краткая информация по различным отраслям наук о Земле.

Н $\frac{20901-116}{004(01)-78}$ 181-78

С61

На суше
и на море

Художественно-географическая книга

ИБ № 616

Заведующая редакцией
К. О. Добронравова

Редактор
Н. Н. Пронин

Младшие редакторы
И. А. Невзорова и Н. А. Рожкова

Редактор карт
О. В. Трифонова

Художественный редактор
С. М. Полесицкая

Технический редактор
В. Н. Корнилова

Корректоры
В. С. Фенина, З. Н. Смирнова и И. В. Равич-Щербо

Сдано в набор 26.09.77. Подписано в печать 14.06.78. А05107. Формат $60\times90^1/_{16}$. Бумага офсетная № 2. Гарн. таймс. Офсетная печать. Усл. печатных листов 29 с вкл. Учетно-издательских листов 35,91 с вкл. Тираж 250 000 экз. (1-й завод 1—125 000 экз.). Заказ № 2069. Цена 2 р. 90 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28

нерки.
Сост.

суше и на
юмещены
оветского
етских и
статьи о
етских и
а научно-
емле.

Сб1

й

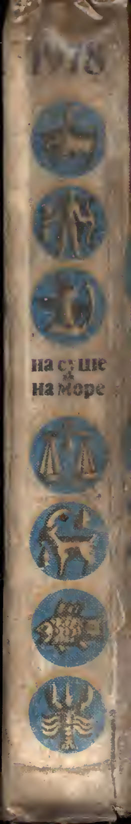
фсетная № 2. Гарн.
вкл. Тираж 250 000

типография имени
СССР по делам
28

2р. 90к.

Издательство
«Мысль»

На суше и на море


на суше
и
на море